А.А.Громыко

ПАМЯТНОЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая книга воспоминаний А. А. Громыко содержит обширный и многоплановый жизненный материал. Автор размышляет о проблемах войны и мира, об «американском направлении» советской внешней политики, о дипломатическом искусстве, о встречах с выдающимися мастерами культуры. Для второго издания написаны новые главы — о Берии, Вышинском, Брежневе, о XX съезде КПСС, расширен материал о значении XXVII съезда партии и взятого им курса на перестройку и демократизацию советского общества.

Суждения и оценки автора во многих случаях носят личный характер.

- Андрей Андреевич Громыко
- Глава IX
- Заглядывая в старину
- Посланец из прошлого
- Шарль де Голль
- Де Голль и Рузвельт
- «Франция выполнит свой долг»
- Помпиду в Заславле и Пицунде
- Три слова
- Президент за штурвалом вертолета
- Лидер французских социалистов
- Факты из биографии Ролана Дюма
- Шедевры Лувра
- Пикассо рассуждает
- Версаль и дом на улице Гренель
- В замке Мальмезон
- Франция помнит Анну Ярославну
- Петр I в Париже
- Провинциальная «Бастилия» и Компьень
- Слово, с которым француз неразлучен
- Бонн Маркса и Бонн Аденауэра
- Ночь на 13 августа 1961 года…
- Брандт вписал страницу в историю
- Московский договор 1970 года
- Уроки лучше не забывать
- Шмидт: мои впечатления
- Глава X
- Если речь заходит об Италии…
- Пальмиро Тольятти

- Луиджи Лонго вспоминал
- Идея, впервые высказанная в Риме
- Галерея государственных деятелей
- «Любви глашатай вековой»
- Каменная громада на воде
- Обитатели Квиринала
- Там, где Ганнибал нанес поражение легионам
- Красная гвоздика — символ Гуттузо
- Две Татьяны
- Беседы в Ватикане
- Мадрид — седая древность и день сегодняшний
- Страна Сервантеса, Гойи, Эль Греко
- Добрый сосед — Финляндия
- Швеция и ее Улоф Пальме
- На земле Гамлета — принца Датского
- Соседство ко многому обязывает
- Мудрая фраза Рубенса
- Признательность народа Нидерландов
- Нейтралитет не должен пошатнуться
- Визитная карточка Австрии
- Страна, где мне не довелось побывать
- Через полюс — совсем близко
- Глава XI
- Плотина против войны
- Герой из легенды
- Традиционная советско-югославская дружба
- По личному указанию Ленина
- Стамбульские впечатления
- В поддержку неотъемлемого права народа Кипра
- Первая русская песня о Персии
- Шах
- Афганистан: положить конец вмешательству извне
- Мысль, осенившая Махатму Ганди
- Джавахарлал Неру
- Страстные речи Менона
- Великая дочь Индии
- Говорит Раджив Ганди
- Отец и сыновья Рерихи
- Ташкент: Шастри и Айюб Хан
- Акт жестокой мести — не больше
- Слова, которые нельзя принимать на веру
- МНР и КНДР, шагнувшие в социалистическую новь
- Устранить историческую аномалию
- На встрече с Мао

- Инкогнито— в Пекин
- Глава XII
- Страна восходящего солнца
- Вот она — Фудзияма
- Извинения премьер-министра
- Суждения японских деятелей
- Киото и чайная церемония
- Японский феномен
- Следя за изгибами мысли
- Знамя независимости над Индонезией
- Сукарно — политик и человек
- Пробил час и для Филиппин
- Призыв СССР покончить с колониализмом
- Новые горизонты Африки
- Кваме Нкрума и Секу Туре
- Лидер эфиопской революции Менгисту Хайле Мариам
- Подвиг Сальвадора Альенде
- Солидарность с Никарагуа
- С долей взаимного магнетизма
- Глава XIII
- Сделка в Кэмп-Дэвиде
- «Чудаки эти фараоны»
- Богатая палитра ведения дел
- Ярче, чем солнечный луч
- Миражи и падение Садата
- Злая ирония
- Пигмей на фоне пирамид
- Проблеск не появился
- Об Арафате
- Тель-Авив не в ладах со здравым смыслом
- Актуальность ленинских слов
- Упоминание навевает ассоциации
- Глава XIV
- А ведь было на что посмотреть!
- У Никсона на берегу океана
- Проблема, ворвавшаяся в эпицентр политики
- Исторический нонсенс
- Джеральд Форд и владивостокская договоренность
- Отпечаток подхода Меттерниха
- С одной позиции на прямо противоположную
- Борьба за договор
- Поцелуй в Вене
- За одним абсурдом — другой
- Еще раз о правах человека

- «Крестный отец» опасной концепции
- Сайрус Вэнс до и после «развода»
- «Умеренный» маски в вене
- Инцидент с самолетом
- Мадрид — начало заседаний
- Худой мир лучше доброй ссоры
- «Необходимо искать соглашение»
- Куда они вели дело?
- Встречи с Шульцем
- Испытание, с которым Кеннану не повезло
- Успехи и неудачи Макговерна
- «Хаммер» значит «молот»
- Беседа с президентом
- «Ваш муж за мир или за войну?»
- Глава XV
- Отрава в сознании американца
- Пустующие дома при бездомных
- Обывательские критерии
- Капитан в океане буржуазной прессы
- Как губернатор прошел мимо теории Маркса
- Беседы с Кейнсом
- Чем заменяют серьезное искусство
- Беспощадное сито капитала
- Подлинная цена равенству и правосудию
- «Знаете ли вы Драйзера?»
- Горькое признание американского дипломата
- Гарри Купер и Мэрилин Монро
- Подлинные патриоты Америки
- Кто он — рядовой американец?
- Глава XVI
- Два мира — две политики
- Объективно их взгляды иногда аморальны
- Особенно прямолинейны военные
- Макнамара корректирует свои оценки
- Маятник в политике
- Что это такое— дипломатия
- Ничего туманного нет
- Набор рычагов
- Образчик дипломатии произвола
- Сила правды
- Георгий Васильевич Чичерин
- Три полпреда
- Литвинов и первая в мире женщина-посол Коллонтай
- О Молотове

- Общая позиция — интересы народов
- Как бывает на международных форумах
- Непреложное правило
- Значение образования и эрудиции
- В стране пребывания
- Как все это запомнить?
- Извечный вопрос
- Кое-что о речах
- Контакты и контактность
- Черновая работа и «белоручки»
- О дипломатических приемах
- Общение с журналистами
- Глава XVII
- Гениальная ленинская идея
- Что думают об этом в Белом доме
- Оговорки, а по существу — отрицание
- Сенатору приходилось растолковывать
- Жизненная сила принципа мирного сосуществования
- Глава XVIII
- Вместе с Гагариным в зале ООН
- Шолохов в США
- Борис Ливанов
- Довженко — режиссер-философ
- «Александровы»
- Беседы во время прогулок
- Картинки из жизни Павла Корина
- Слово Пастернака
- Яркая личность
- Выдающийся артист
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Андрей Андреевич Громыко
ПАМЯТНОЕ
Книга вторая

1984 год

Глава IX
ЕВРОПА — СТАРЫЙ И ВЕЧНО НОВЫЙ ДОМ

Заглядывая в старину. Посланец из прошлого. Шарль де Голль. Де Голль и Рузвельт. «Франция выполнит свой долг». Помпиду в Заславле и Пицунде. Три слова. Президент за штурвалом вертолета. Лидер французских социалистов. Факты из биографии Ролана Дюма. Шедевры Лувра. Пикассо рассуждает. Версаль и дом на улице Гренель. В замке Мальмезон. Франция помнит Анну Ярославну. Петр I в Париже. Провинциальная «Бастилия» и Компьень. Слово, с которым француз неразлучен. Бонн Маркса и Бонн Аденауэра. Ночь на 13 августа 1961 года… Брандт вписал страницу в историю. Московский договор 1970 года. Уроки лучше не забывать. Шмидт: мои впечатления.

Наш континент часто называют «старушкой Европой». Но это как посмотреть на «старушку»! Да, может, она не такая уж и «старушка». По сравнению с очагами древних цивилизаций — Шумером, Египтом, Вавилоном — она не «старушка». А кто знает, что может еще преподнести в будущем подземная книга истории — археология? Европа и старая, и всегда молодая.

Разве не с Европейского континента летели в мир передовые идеи, которые пришли в голову лучшим людям разных эпох? Идеи свободы, равенства и братства, основательно всколыхнувшие Европу, появились на свет здесь. Могучее учение марксизма родилось в Европе. Величайшие социальные изменения, знаменующие собой начало новой эры в развитии человечества, произошли тоже в Европе.

Много катаклизмов пережила старая и вечно молодая Европа. Ее история — это неисчерпаемый кладезь для науки. Любой отрезок времени по насыщенности событиями и фактами — и большими, и менее значительными — является захватывающим. С огромным интересом во время работы над этой книгой я вновь проходил по ступеням лестницы примерно полувековой протяженности.

В послевоенный период, включая годы, когда над Европой сгустились тучи «холодной войны», советское руководство не раз задумывалось над тем, как предотвратить опасность возникновения здесь новой войны, создать надежные условия для мирного сотрудничества государств континента. Что требуется

для того, чтобы Европа с ее богатой культурой и огромным политическим опытом, прошедшая горнило двух мировых войн, смогла обрести надежные гарантии и оградить себя от военных столкновений?

Любой здравомыслящий человек не может не осознавать тот факт, что прочный мир на земле должен основываться на признании и уважении политико-территориальных реальностей, которые сложились на континенте в итоге второй мировой войны. Советский Союз всегда исходил и исходит из этой непреложной истины.

Известно, что ныне ряд европейских государств живет в иных границах, чем до войны. Послевоенные границы, в том числе граница по Одеру — Нейсе, явились результатом борьбы против фашистских агрессоров.

Это — справедливые границы. Их законность и обязательность уважения всеми основываются на Ялтинском и Потсдамском соглашениях, представляющих собой исторические по своему значению международно-правовые акты, а также на ряде других договоров, заключенных между заинтересованными государствами.

Незыблемость послевоенных границ является коренным вопросом обеспечения безопасности в Европе. Позиция в этом вопросе — важнейший показатель того, какова политика тех или иных государств в европейских делах и насколько их заявления в пользу мира отвечают действительным намерениям.

Что касается СССР и его союзников по Варшавскому Договору, то они придерживаются определенной точки зрения. Границы европейских государств — на востоке или на западе, на севере или на юге — неприкосновенны.

Решать задачу обеспечения безопасности и развития мирного сотрудничества в Европе можно только сообща, усилиями социалистических и капиталистических государств, как входящих в группировки, так и не входящих в них. Обстановка для этого созрела, когда в развитии отношений между государствами произошел поворот от конфронтации и «холодной войны» к разрядке международной напряженности.

Идея объединения усилий государств в пользу развития мирного сотрудничества в Европе реализовалась в новых условиях в предложении Советского Союза и других социалистических стран о проведении общеевропейского совещания. Отнюдь не легко прокладывался путь к его созыву. И все же настойчивая борьба за осуществление этой инициативы увенчалась успехом — встречей в Хельсинки на высшем уровне представителей тридцати трех европейских стран, США и Канады

и подписанием 1 августа 1975 года Заключительного акта, закрепляющего коллективную договоренность по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе.

Совещание подвело черту под второй мировой войной, подтвердило нерушимость сложившихся в Европе границ, зафиксировало в своем Заключительном акте основные принципы мирных взаимоотношений между государствами.

Заключительный акт живет, сохраняет силу и в нынешний период, когда заметно осложнилась политическая обстановка в Европе, да и в мире в целом, что является прямым следствием курса политики США и стран НАТО.

Положительный исход завершившихся Белградской и Мадридской встреч представителей государств — участников совещания в Хельсинки представляет собой большое достижение той линии в международных делах, которая направлена на диалог, на урегулирование проблем за столом переговоров.

Мы всегда считали и считаем, что в подходе к проблеме безопасности на Европейском континенте нужна сугубая осмотрительность. Здесь лицом к лицу стоят две самые мощные группировки государств — Варшавского Договора и НАТО. Поэтому нельзя считать лишним ни один шаг, ведущий к снижению напряженности в Европе и к поддержанию мирных отношений между государствами.

Политика СССР и его союзников в европейских делах получила выражение в ряде их предложений. Напомню, в частности, об инициативах относительно нерасширения круга участников Организации Варшавского Договора и НАТО, одновременного роспуска обоих этих союзов и в качестве первого шага — ликвидации их военных организаций.

Особо следует подчеркнуть совместное предложение социалистических стран заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами Варшавского Договора и Североатлантического союза, между всеми участниками общеевропейского совещания. Обязательство не применять никакого оружия — ни ядерного, ни обычного, не применять силу вообще помогло бы снять взаимные опасения и недоверие. Эта инициатива, представленная на рассмотрение стокгольмской Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе, все отчетливее выдвигается на передний план европейской и мировой политики.

Позиция Советского Союза и других социалистических стран, будь то на форуме в Стокгольме или вне его рамок, основывается на признании исключительной важности: сохранить и упрочить

общеевропейский процесс, начатый в Хельсинки подписанием Заключительного акта.

Заглядывая в старину

В общем комплексе европейской и международной политики СССР отношения с Францией всегда занимали и занимают видное место. История связей между нашими странами насыщена разными, порой неоднозначными событиями. И это не в малой степени объясняется тем, что во Франции и в России боролись между собой две линии: с одной стороны, ощущение и понимание сходства, а временами и общности международных интересов двух держав, с другой — взаимные опасения и даже вражда.

Конечно, политика России в конце XVIII века по отношению к Франции якобинцев, Франции Робеспьера — тоже часть истории отношений между двумя державами. Россия тогда не пошла с мечом на Великую французскую революцию. Тем не менее державный абсолютизм Екатерины II не только слал проклятия на головы французских революционеров, не только преследовал свободомыслие в собственной стране, но и активно участвовал в борьбе против «этой французской моды»,[1] которая грозит «превратиться в эпидемию», как язвила царица.

При участии царского посла в Париже И. М. Симолина контрреволюция организовала заговор, чтобы содействовать бегству короля. Посол даже передал семье монарха российские паспорта на имя вдовы полковника русской армии баронессы Корф и сопровождавших ее лиц. С этими паспортами Людовик XVI и его семья пытались бежать за рубеж, но в городке Варение их арестовали.

В ответ на казнь Людовика XVI Екатерина II выслала французов из России, исключая тех, которые «под присягою отреклися от революционных правил, во Франции распространившихся».[2]

Книги, журналы, газеты, присылавшиеся из Парижа, изымались еще на пограничных таможнях и сжигались. В ряде учебных заведений было запрещено даже изучение французского языка.

И все же вести о событиях Великой французской революции, несмотря на то что самодержавие их всячески замалчивало, доходили до масс. Революционные по тому времени идеи вызывали сочувствие как у передовой разночинной интеллигенции России, так и у прогрессивно настроенной части дворянства.

Небывалым масштабом для той эпохи отличалось столкновение между Францией и Россией в 1812 году. Но нашествие «великой армии» Наполеона окончилось бесславно.

Обескровленный в этой смертельной схватке на просторах России, наполеоновский орел уже не смог расправить крылья. Вскоре он рухнул, окончательно поверженный на полях Ватерлоо. Судьба безжалостно, но по заслугам покарала французского императора.

Через четыре десятилетия после авантюры Наполеона произошло военное столкновение, известное как Крымская война, и снова французские солдаты, теперь уже совместно с англичанами и турками, появились на нашей земле, на этот раз под Севастополем. А примерно через шестьдесят лет после нее — опять интервенция Франции, тоже совместно с другими державами, против молодой Советской республики.

Прочно в историю вписано то, что Франция, точнее, ее правящие круги занимали до второй мировой войны враждебную позицию по отношению к Стране Советов. В двадцатые — тридцатые годы Франция задавала тон, можно сказать, дирижировала оркестром государств, проводивших антисоветскую политику.

Вместе с тем обе страны не раз сражались в одном строю против общих врагов, например в годы двух мировых войн.

После великой Победы вопрос о советско-французских отношениях требовал осмысления с учетом не только событий отдаленного прошлого, но и уроков минувшей войны. Жизнь прежде всего заставила посмотреть на то, что влекли за собой конфликты между двумя крупными странами.

Погибла империя Наполеона, оказавшегося неспособным оценить потенциальную силу великой страны на Востоке, патриотизм ее народа. Этот наглядный пример подтверждает, что стратегия военная и стратегия в политике — не одно и то же.

Наполеону, конечно, не могли помочь ни вероломство в политике с использованием лисьей хитрости Талейрана, ни театральная встреча с русским императором на плоту. Река Неман оказалась свидетельницей провала хитроумной, но основанной на иллюзиях затеи создать видимость поисков соглашений, в то время как в действительности достижение их вовсе не входило в расчеты завоевателя в треуголке.

Еще более разительным примером подобного рода стратегического просчета явилась политика правящих кругов Франции тридцатых годов, приведших страну к тому, что она стала одной из первых жертв гитлеровской агрессии. Французский народ испытал глубокое потрясение случившимся.

Потрясен был и советский народ. Он помнил об этом и в канун Великой Отечественной войны, когда становилось все более ясным, что пламя военного пожара вот-вот перекинется и

на СССР, и после победы над фашистским агрессором. Уроки второй мировой войны и всего того, что ей предшествовало, призывали обе страны к тому, чтобы они сотрудничали с целью предотвращения новой мировой трагедии.

Хочешь того или нет, но все эти мысли приходят в голову, когда готовишься к обсуждению с французскими государственными деятелями проблем, представляющих интерес для обеих стран. Конечно, представители Советского государства, которым предстоит такое обсуждение, в том числе и я, всегда исходили из того, что история историей, но главное — искать и находить общий язык по проблемам предотвращения войны и укрепления мира.

СССР неизменно руководствуется этим, строя свои отношения с. Францией, к народу которой советские люди питают глубокое уважение. Именно на такую волну всегда настраивал себя и я. А в государственных деятелях Франции, с которыми предстояли переговоры, видел достойных партнеров, представителей великой державы, страны высокой культуры и богатой истории.

Посланец из прошлого

Памятна для меня одна встреча с французским представителем, которая произошла в 1945 году в Вашингтоне, когда я находился там в качестве советского посла. Мне нанес визит прибывший в США Леон Блюм.

Он был заметной фигурой во Франции тридцатых годов. Апогей его политической деятельности приходился на 1936–1938 гг., когда Блюм с перерывом дважды возглавлял правительство Народного фронта. Политическая жизнь Франции в то время бурлила. Острые противоречия между рабочим классом и буржуазией, а также доносившееся до французов грозовое дыхание надвигавшейся новой войны привели к тому, что в стране сформировали правительство, которое, если не считать период Парижской коммуны, вписало своей деятельностью особую, специфическую страницу в историю Франции. Его назвали правительством Народного фронта. Он возник в январе 1936 года на основе единого рабочего фронта, который французские коммунисты и социалисты создали несколько ранее.

Однако правительство Народного фронта находилось у власти недолго. Оно просуществовало всего лишь около двух лет. Его глава известный деятель социалистической партии Блюм проявил себя как истинный правый социалист. Его непоследовательность, оппортунизм в политике и трусость перед фашистской Германией, несомненно, облегчили Гитлеру задачу нанести Франции поражение в 1940 году. Бывшего главу правительства Народного фронта фашисты интернировали и отправили в Германию.

И вот тот самый Леон Блюм передо мной в советском посольстве в столице США.

— Я много читал о вас, — сказал я, — особенно о вашей деятельности во главе правительства Народного фронта.

Видимо, я высказался чересчур прямолинейно. Напоминание о Народном фронте, очевидно, собеседника не очень вдохновляло. Стало заметно, что ассоциации, связанные с событиями того времени, у него не положительные. Он не сказал ни слова о своих действиях в предвоенный период. Зато сразу же перевел разговор в другой ракурс. Блюм заявил:

— Прежде всего я хотел бы засвидетельствовать через советского посла свое уважение к великой стране Ленина, выстоявшей и одержавшей победу в борьбе против гитлеровской Германии.

Я ответил:

— Благодарю вас как француза и антифашиста за эти добрые слова.

Затем гость спросил:

— А вы представляете себе, какие грандиозные задачи стоят теперь перед Европой? И перед нашими странами?

И сам же стал отвечать на вопросы, рассказывая о величии этих задач. Но о роли США он упоминал только мимоходом и без каких-либо похвал по адресу этой страны.

Зато на разный лад и несколько раз повторил:

— Нам надо налаживать дружеские франко-советские отношения. Это — главное для Европы.

Со своей стороны я сказал:

— Советский Союз всегда стремился поддерживать хорошие отношения с Францией, хотя она порой платила ему черной неблагодарностью. Вы помните эти времена.

Блюм не старался возражать против этого, возможно считая, что к французским социалистам это не относится.

— Вы, — заявил я далее, — конечно же хорошо помните, какую гигантскую борьбу вел Советский Союз на фронте политики и дипломатии за улучшение отношений с Францией, за предотвращение грозящей катастрофы. Мы призывали Европу и весь мир взглянуть правде в глаза, а тогда только слепые не видели, как лихорадочно Германия готовилась к войне. К великому сожалению, к нашему голосу не прислушались. А ведь мы обращались к французам и из Москвы, и с трибуны Лиги наций. Но Париж тогда оставался невосприимчивым к этим призывам.

Блюм не дал ответа на это высказывание. И по всему чувствовалось, что напоминание о предвоенной грозовой поре ему просто не нравилось.

Расстались мы с собеседником на дружественной нотке с выражением надежды, что время нам, возможно, подготовит дорогу к новым встречам.

Когда Блюм ушел, я попытался понять, что было главным в том, что он сказал мне в беседе. И пришел к выводу:

— А ведь главным, очевидно, являлось как раз то, о чем собеседник не говорил, а дал понять лишь косвенно. Он стремился показать, что как политическая фигура еще не списан в архив, что думает о налаживании отношений между СССР и Францией и желает, чтобы мы в Советском Союзе об этом знали.

Прошел год с небольшим, и в конце 1946 года Блюм вновь возглавил французское правительство. У власти он находился всего несколько недель. Если это правительство в чем-то себя и

проявило, то разве лишь в том, что именно оно развязало жестокую войну в Индокитае, желая сохранить этот район в качестве колонии, хотя стрелки часов истории показывали уже иное время в развитии судеб народов Индокитая. Час пробил, и эти народы пошли по пути независимости и свободы.

К одному несмываемому пятну, довоенному, на политическом костюме Блюма прибавилось и другое, послевоенное. И на сей раз тоже относящееся к внешней политике Франции. Как будто какой-то злой рок опутал этого человека своей сетью, из которой он так и не смог выбраться.

Таким и запечатлелся в моей памяти этот французский деятель, никогда не понимавший и не понявший подлинного биения сердца Франции и ее народа.

Не могу не сказать об одном казусе, связанном с Блюмом, хотя он к тому времени уже умер.

Вскоре после того, как я возвратился в Москву из командировки в США и приступил к исполнению обязанностей первого заместителя министра иностранных дел СССР, мне довелось на одном из дипломатических приемов вдруг встретиться с… Блюмом. Он подошел и о чем-то заговорил со мной. Я в изумлении не удержался и спросил:

— Простите, с кем я разговариваю?

А про себя подумал: «Неужели информация о смерти Блюма была неверной и он сейчас стоит передо мной?»

Человек, к которому я обратился, видимо заметив мое удивление, спокойно признался:

— Господин Громыко, вы не первый, кто меня принимает за Леона Блюма. С такой путаницей я уже сталкивался не раз…

— Да, признаюсь, — мне пришлось сознаться, — я в самом деле собирался, заметьте — лишь собирался, принять вас за Блюма. Готов был даже тряхнуть головой: не сон ли это?

— Нет, это не сон, — ответил мой собеседник. — Я не Блюм, хотя очень и очень похож на него. Моя фамилия Бишофф. Как видите, лишь первые буквы совпадают. Я — австрийский посол в Москве.

Конечно, ни к каким инцидентам это сходство не приводило. Посол Австрии в Москве Бишофф исправно выполнял в СССР свои обязанности. Человеком он оказался положительным, понимавшим значение добрых отношений его страны с Советским Союзом. В их развитие он внес и свой вклад.

А я впоследствии, глядя на него, всегда вспоминал Вашингтон 1945 года и сидящего в Красной гостиной советского посольства смущенного Леона Блюма, которому вдруг напомнили о его неудачливом правительстве Народного фронта.

Шарль де Голль

Бывает иногда такое в некоторых странах: политики вдруг прозревают после катастрофы, когда на полях сражений уже обильно пролилась кровь людей. Так произошло и после второй мировой войны во Франции. Те, кто определял ее политику в отношении СССР, пришли к выводу, что с нашей страной, покрывшей себя немеркнущей славой в битве с гитлеровской Германией, следует ладить и, более того, поддерживать добрые отношения.

Именно такую позицию занял выдающийся француз — Шарль де Голль, который, находясь в годы войны в эмиграции, официально возглавил французские силы Сопротивления. Франция де Голля пошла на заключение с Советским Союзом Договора о союзе и взаимной помощи. Правда, своей последующей политикой ее правительство фактически перечеркнуло этот договор. Во французских руководящих кругах верх взяла классовая солидарность с другими странами Запада, особенно когда Франция вступила в Североатлантический блок.

Во время пребывания в СССР в декабре 1944 года — тогда произошло подписание советско-французского договора — де Голль встречался со Сталиным. Впоследствии он вел беседы и с другими советскими руководящими деятелями, в том числе с Л. И. Брежневым, как в Москве во время визита в 1966 году, так и в Париже.

Де Голль для своего времени являлся не только одним из выдающихся деятелей Франции, но и одним из наиболее прозорливых политиков Запада в целом. Этот человек сыграл видную роль в организации и развитии процесса разрядки. Де Голль осознавал объективную потребность в сближении Франции с Советским Союзом с учетом исторически сложившихся традиций в отношениях между двумя странами и создавшейся обстановки в Европе и в мире.

— Для Франции, — говорил де Голль, — Россия является собеседником, взаимопонимание и сотрудничество с которым естественны.

Мне довелось принять участие в установлении разностороннего сотрудничества между СССР и Францией. А ведь они стояли у истоков разрядки.

— Ветерок разрядки, — так мне пришлось характеризовать отношения между СССР и Францией в 1965 году во время визита в Париж в качестве министра иностранных дел.

В последующие годы этот «ветерок» набрал силу и

превратился в благотворный ветер на поле Европы.

Определяющим в развитии комплекса советско-французского сотрудничества в те годы, да и позже служили политические отношения. Сильный импульс давали встречи и контакты на высшем уровне, в ходе которых решались актуальные вопросы двусторонних отношений, рассматривались узловые вопросы европейской и мировой политики.

Добротным фундаментом отношений стали такие двусторонние документы, как Советско-французский протокол 1970 года, «Принципы сотрудничества между Советским Союзом и Францией» 1971 года и другие. Значение этих документов состоит в том, что они и сегодня по-прежнему отвечают интересам советско-французского сотрудничества.

Много раз бывал я с визитами во Франции, участвовал практически во всех состоявшихся за последние два десятилетия советско-французских переговорах на высшем уровне, принимал в Москве министров иностранных дел Франции.

С удовлетворением вспоминаю о встречах и беседах с Шарлем де Голлем, Жоржем Помпиду, Валери Жискар д'Эстэном, Франсуа Миттераном, Жоржем Бидо, Пьером Мендес-Франсом, Морисом Кув де Мюрвилем, Мишелем Дебре, Пьером Моруа, Эдгаром Фором,

Морисом Шуманом, Мишелем Жобером, Жаном Сованьяргом, Луи де Гиренго, Жаном Франсуа-Понсе, Клодом Шейсоном, Роланом Дюма, другими государственными и политическими деятелями Франции.

Не раз беседовал я с Морисом Торезом, Вальдеком Роше и, будучи с Л. И. Брежневым в Париже, с Жоржем Марше, а также с Жаком Дюкло и другими руководителями Французской коммунистической партии. Памятными были встречи в разное время с видными деятелями науки, культуры, искусства, представителями общественных и деловых кругов Франции.

Важной является не только официальная, но и зачастую просто человеческая сторона этих контактов.

Мне довелось несколько раз встречаться с де Голлем. При встречах с ним иной раз приходила на ум странная ассоциация: во Франции, как иногда говорили французы, есть две вышки — Эйфелева башня и… де Голль. На протяжении почти двух десятков лет он как государственный деятель доминировал в политической жизни страны.

Конечно, де Голль не разделял прогрессивных взглядов на социальные проблемы. И во внешнеполитической области он с первых послевоенных лет включился в то течение, которое привело Францию в НАТО. И все же он имел в этом блоке свое

собственное «я». Со свойственной ему манерой в политике он подтверждал такое свое положение не раз. На этой почве еще во время войны появилась известная отчужденность в отношениях де Голля с Рузвельтом, а в дальнейшем и с его преемниками.

Имел возможность я близко наблюдать де Голля во время переговоров и бесед. Не раз мне приходилось посещать Париж в качестве министра. Он всегда принимал меня в Елисейском дворце. Беседы обычно носили откровенный и благожелательный характер.

Де Голль умел обходить в разговоре острые углы. Он обладал завидной способностью не реагировать по существу на щекотливый, с его точки зрения, вопрос. Причем он так строил ход своих рассуждений, что, оставаясь по существу при своем мнении, казалось, был склонен согласиться и с соображениями собеседника. В то же время нередко ощущалось, что настоящего согласия нет. В таких случаях де Голль обычно использовал спасительную формулу «все может быть».

Помню, как однажды на проявленный с моей стороны интерес к вопросу о возможности для Франции и СССР пойти на заключение политического договора, который послужил бы делу мира в Европе, он ответил:

— В советско-французских отношениях все возможно.

Другой собеседник мог бы порассуждать о том, созрели ли условия для договора или не созрели. А де Голль, я бы сказал, по-французски изящно ушел от определенного ответа, не сказав ни да ни нет.

Де Голль был хорошим оратором. Выступая на официальных обедах и завтраках, он говорил гладко и при этом почти никогда не прибегал к письменному тексту. Это производило впечатление. Но близкие к де Голлю люди рассказывали, что он без особого труда заучивал речи, написанные заранее. Памятью он обладал феноменальной. И этот прием ему вполне удавался.

В первые послевоенные годы распространилось мнение, что де Голль — человек малодоступный, что с ним трудно разговаривать, что в качестве собеседника ему нужен партнер только с солидным положением и известный в обществе. Такое мнение бытовало и в США, даже можно сказать, особенно в этой стране. Определенное объяснение тому нетрудно найти. В отношениях между Белым домом и Елисейским дворцом не было необходимой теплоты, что передавалось и прессе. Потому нередко в американских газетах, когда упоминалось имя де Голля, присутствовал налет довольно язвительного юмора.

Такое мнение о французском генерале не отражало действительности. Разборчивость де Голля в контактах, в

определении собеседников отражала не жесткость или сухость его характера, не стремление ограничить себя встречами с определенными людьми, особенно из числа политической элиты, а взвешенность — и не больше.

Неоднократно многие политические деятели Франции и журналисты в беседах с нами подчеркивали контактность как черту его характера и готовность поддерживать связи с широким спектром представителей общественности, журналистами, не говоря уже о деятелях из сферы внутренней и внешней политики.

Верно лишь то, что по складу темперамента, манере держаться перед публикой и представителями прессы ему не свойственны были такие приемы, как похлопывание по плечу, повторение каких-то афоризмов и заезженных изречений, чем иногда грешит тот, у кого нет необходимого знания предмета беседы.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, перед мысленным взором возникает высокий человек, с солидной, всегда неторопливой, несколько торжественной походкой, а те, кто его окружают, уважительно уступают ему дорогу. В жизни все это выглядело естественным и ничуть не наигранным. Люди его знали и принимали таким, каким он был.

На моих глазах он мог, если ход переговоров того требовал, в самых изысканных выражениях высказать свою мысль. Умел свою собственную позицию преподнести самым изящным образом. Все это давалось ему без труда. Другие французы часто удивлялись такой его способности.

Но мог он и прибегать к жестким, даже резким выражениям, если считал это необходимым. Возможно, он учитывал, что его партнеры настроены так, что простят даже дерзость.

Однажды не только я, но и другие участники беседы были крайне удивлены его резкостью по адресу ГДР. Де Голль со своей делегацией сидел по одну сторону стола в Екатерининском зале Кремля. Советская делегация во главе с Брежневым находилась по другую сторону. Де Голль излагал свою позицию и вдруг назвал ГДР «советской марионеткой». Это выражение ворвалось в его речь неожиданно, да и прозвучало диссонансом с общим направлением мыслей французского президента. А после такого заявления де Голль хорошо и дружественно высказался по вопросам советско-французских отношений.

С советской стороны был дан соответствующий ответ в защиту ГДР. Де Голлю заявили, что Советский Союз относится к ГДР как к независимому суверенному государству. Полемику по этому поводу ни он, ни наша сторона не стали затевать.

Конечно, при оценке роли де Голля, особенно в развитии

советско-французских отношений, всегда необходимо иметь в виду, что этот деятель был сложным. В социальном отношении он представлял весьма влиятельные круги французской буржуазии, причем далеко не самые либеральные. Следует об этом помнить и при оценке его места и роли как в определении внешней политики Франции, так и в развитии советско-французских отношений.

Имя де Голля по праву занимает видное место в созвездии великих имен Франции. Однако настоящая его могила находится далеко от французской столицы, на скромном кладбище поселка Коломбе, что в провинции Шампань. До Парижа оттуда, от предгорьев Альп, двести пятьдесят километров.

Да, это то самое Коломбе-ле-Дез-Эглиз, где генерал любил бывать каждый раз, когда у него выдавалось свободное время, если удалялся из Парижа надолго. А ведь случалось, что проводил он здесь годы…

Тут сходятся территории Шампани, Лотарингии, Бургундии. На этих полях и холмах когда-то имело место немало сражений, погибло много французов. Проходили тут когда-то римляне, а прапращуры сегодняшних французов — галлы остановили Аттилу. Видела эта земля и мушкетеров короля, и санкюлотов.

Коломбе-ле-Дез-Эглиз… Если перевести на русский, то получится «Коломбе двух церквей». Одна — еще с XIV века — монастырь святого Батиста. Через сто лет появилась вторая. Эту, вторую перестроили в XVIII веке, она существует и поныне. Генерал по воскресеньям ходил туда на мессу. А монастырь разрушен, от него остались только развалины.

Жил он здесь с семьей в небольшом двухэтажном доме, к которому пристроил шестиугольную башню с невысоким конусом. Чем не подобие старинного французского замка?

Называл он свою резиденцию «Буассери» — что в примерном переводе значит «Дом с деревянной обшивкой стен». В башне находился его кабинет. Там он подолгу сиживал в раздумье, писал мемуары. Бурная жизнь и затем тихое уединение — тема, достойная пера поэта.

В отличие от Черчилля, который для написания мемуаров привлек солидный штат литературных и научных сотрудников и создавал свои «воспоминания» быстро — том за томом, — де Голль тщательно писал и переписывал свою рукопись сам. Документы ему помогал подбирать сотрудник министерства иностранных дел Рене Тибодо.

А переговоры с издательством от имени генерала вел верный помощник, сотрудничавший с ним в течение многих лет, специалист-филолог Жорж Помпиду, который после де Голля в

1969 году стал президентом Франции.

Де Голль стремился сделать свои мемуары не только политическим, но и литературным произведением. Что ж, он в этом преуспел. Его спрашивали:

— Как вам, не писателю, это удается?

— Это пытка, — отвечал он. — Надо вымучить из себя три листа черновиков, чтобы написать одну страницу. Моя дочь Элизабет печатает их на машинке, и я исправляю текст еще трижды… В сущности, я без конца переделываю. Поверьте мне, это страшная работа.

Автор самым тщательным образом работал над рукописью и не прекращал этой работы даже в гранках, когда получал оттиски набора. Он проявлял исключительное внимание к литературной форме и стилю, стремился, чтобы в его труде чувствовалась гармоническая завершенность. Взяв пример с классиков, он предпочитал заголовки из одного слова. Вот названия трех томов его мемуаров: «Призыв», «Единство» и «Спасение». Мемуары де Голля были мне присланы и пополнили мою домашнюю библиотеку.

Он любил свое Коломбе. Потому и завещал похоронить себя здесь, на тихом местном кладбище. Шарль Андре Жозеф Мари де Голль — именно таким было полное имя генерала — навсегда останется в памяти тех, кто его знал.

Де Голль и Рузвельт

Несмотря на мои попытки выяснить, в чем причина тех довольно прохладных отношений, которые сложились у Рузвельта с де Голлем, ничего из этого долго не получалось. Не раз я пытался выяснить существо их отчужденности у некоторых американских государственных деятелей, еще до кончины Рузвельта. Нелегко было получить убедительный ответ на данный вопрос.

Но вот как-то мне представился случай откровенно поговорить с государственным секретарем США Стеттиниусом. Задал я тот же вопрос ему. Он неожиданно довольно прямолинейно стал рассуждать:

— Генерал де Голль — человек амбициозный. Он думает, что судьба Франции будет определяться только им. Согласно донесениям американских послов из некоторых стран Европы, особенно из Англии, где находится де Голль, генерал считает почти наверняка, что ключевой фигурой послевоенной Франции будет он. Конечно, дело французов выбирать своих лидеров. Ни один американец не думает по-другому, в том числе и президент США. Но похоже, что де Голль больше внимания уделяет именно своему будущему положению, чем увеличению вклада французов в ускорение нашей общей победы над Гитлером. Де Голль — фактически генерал без армии, хотя его имя среди соотечественников обладает определенной притягательной силой.

Такая откровенная критика генерала сражающейся Франции — нашей союзницы в войне, да еще из уст высокого официального представителя США, конечно, настораживала.

— Похоже на то, — продолжал Стеттиниус, — что генерал все же переоценивает свое влияние на Францию и тех французов, которые ведут доступными им средствами борьбу против гитлеровских оккупантов. Кроме того, Франция, как и многие страны Европы, вообще не может быстро по-настоящему встать на ноги без помощи США. За годы оккупации ее промышленность оказалась парализованной. Спрашивается, при чьей помощи она может быть возрождена? Не надеяться же в этом на де Голля. Англия тоже не в состоянии оказать какое-либо эффективное содействие в восстановлении экономики Франции. Она сама сильно изранена, и потребуется время, чтобы выправить ее хозяйство и настроить его на мирный лад.

Помолчав, он продолжал:

— Единственная страна, которая может оказать реальное

содействие французам в налаживании мирной жизни, — это США. Никаких планов экономического подчинения Франции у Соединенных Штатов нет. На все это я, как человек, пришедший в политику из большого бизнеса, смотрю реалистически.

Мне часто доводилось беседовать со Стеттиниусом, но в этот раз степень его откровенности превзошла ожидания.

— Конечно, оказывая помощь Франции, — утверждал он, — США будут на эту европейскую страну переключать часть своих ресурсов, причем значительную. Ну и что же? То, что мы станем посылать, пойдет туда не просто как подарок. В конечном счете, если учесть и политическую сторону проблемы, выгода окажется взаимной.

Хотя война еще не закончилась, но в рассуждениях Стеттиниуса по этой проблеме уже проступали ростки будущего «плана Маршалла», который с самого начала своего действия приносил США прямые дивиденды, не только политические, но и экономические.

— Кроме того, ведь США вынуждены будут помогать и некоторым другим государствам Европы после победы над Германией, — говорил Стеттиниус. — В Вашингтоне, конечно, отдают себе отчет в том, что Советский Союз, несущий основное бремя борьбы против фашизма, тоже хотел бы завоевать расположение французов. Но ведь ему предстоит колоссальный объем своих дел. Он должен будет поднимать из руин собственное хозяйство, которому нанесен неслыханный урон. Но один он все это, наверно, не в состоянии сделать. Одним словом, у Вашингтона нет каких-либо возражений против де Голля и против того, чтобы он был во главе государства. Но он не должен слишком выпячивать свое положение, принижая роль США.

Тут я напомнил Стеттиниусу о твердых обещаниях США и Англии открыть второй фронт и задал в связи с этим вопрос:

— Каждый француз знает, что национальная свобода для его страны может быть результатом успехов прежде всего Советского Союза, его армии. Наверно, в оккупированной Франции гадают, с какой стороны придет свобода в Европу и кто ее принесет. Советские люди ценят все, что делают США и другие союзники для оказания помощи Советскому Союзу в войне. Но ведь второго фронта, о необходимости которого мы постоянно говорим и твердые обещания открыть который вы уже давно дали, еще нет. Когда же вы и Англия начнете высадку своих войск в Европе?

Стеттиниус пустился в рассуждения:

— С точки зрения положения, которое существует сегодня, логика советской позиции безупречна. Но открытие второго фронта не за горами. Час, когда наши силы высадятся на

Европейском континенте, приближается. Через какое-то время роль союзных западных держав будет видна еще более четко.

Я спросил государственного секретаря:

— Каково ваше мнение о позиции Англии относительно того, что вы назвали амбициями де Голля?

Он ответил:

— Де Голль в Англии в общем прижился. Но Лондон, конечно, не может не считаться с позицией Вашингтона.

Резюмируя сказанное, Стеттиниус заявил:

— После Сталинграда и после явного перелома в войне в пользу союзников вопрос о Франции, в конце концов, не будет основным.

Таким образом, своими рассуждениями Стеттиниус в ходе беседы подтвердил, что прохладное отношение администрации США, прежде всего самого Рузвельта, к де Голлю было связано с ожидаемой ситуацией, которая может сложиться во Франции и вокруг нее после окончания войны. Известно, что последующие события полностью не устранили холодок в отношениях между Вашингтоном и Парижем, хотя после окончания войны они стали ровнее.

На конференции в Сан-Франциско, где создавалась ООН, Франция уже не дистанцировалась от США. Хотя она неплохо сотрудничала по основным вопросам на конференции и с Советским Союзом. Политический баланс сил на конференции, в конечном счете, складывался даже в более выгодном плане для Советского Союза, чем для США. Ибо надо было утверждать принцип единогласия пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности. Известно, что этот принцип удалось отстоять. Он вошел в историю как «право вето» и получил полное отражение в Уставе ООН. Франция в это внесла положительный вклад.

«Франция выполнит свой долг»

С удовлетворением вспоминаю о встречах и беседах с крупным государственным деятелем Франции Кув де Мюрвилем, который при де Голле в течение десяти лет был министром иностранных дел (1958–1968 гг.), затем короткое время занимал пост премьер-министра (1968–1969 гг.). В 1966 году он сопровождал президента де Голля в его официальной поездке в СССР, а годом раньше приезжал в нашу страну с официальным визитом в качестве министра иностранных дел. Как близкий к де Голлю человек, он, несомненно, разделял и его взгляды на развитие советско-французских отношений.

Заслуживает того, чтобы его выделить, и такой сподвижник де Голля, как Андре Мальро. Этот деятель стал заметной фигурой на политической арене Франции в послевоенное время. Он входил в состав первого правительства Шарля де Голля (1944–1946 гг.) в качестве руководителя пропагандистских служб голлистской партии, а в 1959–1969 годах занимал пост министра культуры.

Не так уж часто у выдающихся деятелей культуры их естественное призвание сочетается с политикой в прямом смысле этого слова. Крупный политический пост в правительстве и призвание, скажем литератора, художника, композитора, артиста, — явление не частое во все времена. И это относится, пожалуй, ко всем странам.

Могут сказать, а как же с Нероном, римским императором середины первого века, который был известен любовью к поэзии и музыке? Да, был известен, что не мешало ему прослыть в истории крайне порочной личностью. Говорили, что он даже играл на музыкальном инструменте при виде обильно льющейся человеческой крови, хотя это, быть может, больше легенда, чем правда. Нерона древние источники называют если не сумасшедшим, то, во всяком случае, ненормальным. Закономерен и его конец: циник, развратник, садист и убийца в облике венценосца, считавший себя поэтом, живописцем, ваятелем и музыкантом, был убит собственными слугами, приближенными, воинами-центурионами. Перед смертью он патетически воскликнул:

— Какой великий артист погибает!

Но исключения все же бывают. Иоганн Вольфганг Гёте — гениальный поэт и в то же время государственный деятель — не единственное тому доказательство.

Видимо, никто не будет оспаривать, что одним из подобных

исключений являлся и Мальро. Имя известного французского писателя, активного борца против фашизма, командира эскадрильи иностранных летчиков-добровольцев, сражавшихся на стороне республиканской Испании, а в годы второй мировой войны — участника движения Сопротивления, стоявшего во главе армейской бригады, останется в памяти людей.

Мальро был глубоко убежден, что, заняв министерское кресло, он сделает для культуры страны больше, чем если будет творить только в области литературы. О его пребывании на посту министра немало написано, а еще больше рассказано.

Хотелось бы воспроизвести вкратце одну беседу с Мальро. Состоялась она во время нашей встречи в дни моего официального визита во Францию.

Первое, что бросилось в глаза, — это скромность собеседника. Да, скромность. Мальро, будучи признанным писателем, одним из образованнейших людей Франции, вовсе не пытался подчеркивать свою роль ни в годы войны, ни в послевоенный период.

Он говорил о других людях, о политике и обстановке в мире, высказывался по вопросам культуры, культурных связей между Советским Союзом и Францией. Стоило мне задать ему какой-либо вопрос, и он весьма охотно на него отвечал, слова, фразы у него лились свободно, но в то же время весьма обдуманно. В нем воплощался образ человека высокой интеллигентности.

Само собой разумеется, что так называемого германского вопроса мы не могли не затронуть. Мальро как будто этого ожидал.

— Советский Союз, Франция и их союзники по минувшей войне, — сказал он, — должны сделать все необходимое для того, чтобы не появились новые гитлеры. Кровавая оргия самого Гитлера закончена. Этого хватит и для Европы и для мира.

А потом обратил мысль в сторону нашей страны.

— Великая цена заплачена за победу, особенно вашим, советским народом, — подчеркнул министр.

Говорил он тихим голосом, несколько скороговоркой, и, как мне тогда показалось, голос этот был не голосом оратора-трибуна, а скорее человека, привыкшего вести откровенную, задушевную беседу у камина.

Я спросил его:

— Верите ли вы в то, что деятели, которые направляют политику Североатлантического блока, не допустят возрождения милитаризма в Западной Германии, где есть еще немало нацистов?

Мальро сказал:

— Франция выполнит свой долг.

Это, согласитесь, яркая фраза, и звучит она несколько афористично. Затем он добавил:

— Генералу де Голлю можно верить. Тогда я заметил:

— Ведь не один де Голль будет определять курс Североатлантического союза?

Мальро с этим согласился:

— Безусловно, не один. Однако он вновь подчеркнул:

— У де Голля прочно сформировалось определенное мнение о немцах, которое никто не сможет поколебать.

Задал я Мальро и такой вопрос:

— Как вы совмещаете выполнение обязанностей министра со своей творческой работой?

Он, улыбнувшись, сказал:

— Я ожидал от вас этого вопроса. Что же, могу свести свой ответ к тому, что для творческой работы почти не остается времени, поскольку его поглощает общественная деятельность. А ей надо уделять внимание, и немалое. Мальро откровенно заявил:

— Я очень горжусь тем, что у меня постоянные контакты с деятелями советской культуры. Например, я высоко ценю общественную деятельность советского публициста Ильи Эренбурга.

Он так его назвал. Мы стояли в просторном зале. В руках держали чашечки кофе — обычный атрибут дипломатических раутов. В Париже, как нас уверяли, пьют «кофе по-французски». Секрета его приготовления нет никакого, просто кладут в одну чашечку двойной «заряд» этого продукта, и напиток получается крепким. Но мне казалось, он мало чем отличался от обычного «эспрессо» — черного кофе, так широко распространенного во всем мире. Есть кофе «капучино» — с горячими сбитыми сливками; придуман его рецепт итальянскими монахами, потому и название такое, в переводе значит — «монашеское», но популярность оно приобрело почему-то в буфетах… Секретариата ООН.

Мальро сказал:

— Я верю в то, что деятели культуры, в какой бы области они ни творили, могут сослужить хорошую службу отечеству, если отдают свой талант, духовные силы на пользу мира.

Говорил он так, будто в мире или по крайней мере в Европе всего одно государство и один народ. А в то же время Европа и мир уже являлись свидетелями все убыстряющейся гонки вооружений, накопления ядерного оружия и вынашивания реваншистских планов.

Похоже было на то, что крупный художник слова, вписавший

в историю Франции достойную ее народа страницу, возможно, не во всем разбирался досконально, но трезвость его суждений по принципиальным вопросам была похвальной. Франция имеет основания гордиться тем, что среди ее заслуженных сынов значится имя талантливого писателя Андре Мальро, хорошо знакомое и советским людям.

Помпиду в Заславле и Пицунде

С кончиной Шарля де Голля линия на развитие добрых отношений между СССР и Францией в общем продолжалась. Политическую эстафету принял Жорж Помпиду, который в 1969 году одержал победу на досрочных президентских выборах, состоявшихся после того, как де Голль принял решение отойти от государственной деятельности.

Конечно, каждый француз, независимо от социального положения, равно как и внешний мир, вольно или невольно сопоставлял эти две фигуры: внушительную и колоритную личность де Голля и более скромную — Помпиду, который, будучи премьер-министром Франции еще при де Голле, попадал в поле зрения французов в той мере, в какой этого хотел Елисейский дворец, где в президентском кресле восседал ветеран, чье имя стало символом движения Сопротивления. Слова де Голля в годы войны действительно ловил каждый патриотически настроенный француз. В то же время Помпиду являлся человеком сравнительно малоизвестным, а за пределами Франции его знали еще меньше.

Но история не всегда шагает проторенной дорогой. Случается, она делает и скачки. При этом может не только оттеснить на обочину сильную личность и заставить ее славу померкнуть, но и вынести на поверхность внутренней жизни страны и даже на международную арену людей, не пользовавшихся ранее большой известностью.

Так было и с Помпиду. Его имя и деятельность далеко не сразу стали достоянием миллионов людей. Характерно, что ему даже тогда, когда он уже был президентом и опирался на довольно прочное большинство в парламенте, приходилось заботиться о том, чтобы и внешне выглядеть в глазах французской публики в наиболее выгодном для себя свете.

Характерен такой эпизод. В январе 1973 года Помпиду прибыл в Советский Союз с неофициальным визитом. Встречали его в Заславле, близ Минска. Погода стояла холодная, дул сильный, пронизывающий ветер. Президент вышел из самолета в легком пальто, без головного убора. Сопровождавшие его лица тоже были одеты «по-парижски».

После коротких приветствий, видя, что Помпиду явно начинает поеживаться, мы с Л. И. Брежневым предложили ему одеться потеплее. У нас была приготовлена для него, учитывая погоду, меховая шапка.

— Возьмите, пожалуйста, голове будет теплее, — сказал я.

Президент категорически отказался и, лукаво подмигнув, кивая на фотографов и кинооператоров, сказал:

— У нас головные уборы не в моде. Что подумают обо мне французские телезрители?

Правда, позднее, уже в резиденции, вдали от назойливых журналистов, он ушанку взял и на короткие прогулки по заснеженному парку одевался вполне «по-русски».

Задача давать оценку взглядов и действий Помпиду в области внутренней политики не входит в мои планы. По понятным причинам более уместным считаю набросать некоторые штрихи к портрету этого государственного деятеля, напомнив о его некоторых делах в области внешней политики.

Помпиду явился наследником политического капитала, который накопила страна при де Голле. Работа вместе с де Голлем, поддержка линии генерала, собственный вклад в управление страной в качестве премьер-министра обеспечили Помпиду заметное место в жизни французского общества. Всей своей предшествующей деятельностью он оказался подготовленным, чтобы стать главой государства.

Советское руководство, как и при де Голле, делало все, чтобы добрые отношения, сложившиеся с Францией после разгрома фашистской Германии, не только сохранялись, но и получили дальнейшее развитие.

Важными вехами на пути такого развития стали контакты государственных и общественных деятелей двух стран. Особое значение имели в семидесятые годы встречи на высшем уровне с участием Брежнева и Помпиду. На этих встречах неизменно доминировали две мысли, органически связанные между собой. Во-первых, СССР и Франция должны сделать все, чтобы не допустить новой войны в Европе и в мире. И, во-вторых, необходимо так строить практические отношения между двумя государствами, чтобы они отвечали интересам разрядки и международной безопасности.

На всех беседах деятелей СССР и Франции неизменно в той или иной форме возникал вопрос:

— А как должно обстоять дело с недопущением агрессии с немецкой земли, то есть с выполнением одного из важнейших решений Потсдамской конференции?

С советской стороны всегда подчеркивалось, что оба германских государства — ГДР и ФРГ — должны быть миролюбивыми.

В принципиальном плане с французской стороны тоже отмечалось, что и ФРГ должна проводить политику, которая отвечает интересам мира. А мы каждый раз в этих случаях

обращали внимание французских собеседников на то, что сами обязательства по блоку НАТО, принятые на себя Федеративной Республикой Германии, вовсе не гарантируют проведение ею такой политики. Однако от них следовали на это разъяснения, фигурально выражаясь, вполне отвечавшие классическим требованиям такого стиля в искусстве, как рококо, с его завитками, ответвлениями, переплетениями, за которыми часто терялась основная нить рассуждений.

Правда, затем делались дополнительные пояснения, которые шли в общем в правильном направлении.

Однако после встреч и бесед на эту тему у нас всегда оставался какой-то осадок, и мы спрашивали себя:

— Неужели французы уже успели запамятовать или, во всяком случае, начали забывать ту истину, что две континентальные державы Европы — Советский Союз и Франция — кровно заинтересованы, причем больше, чем когда-либо раньше, в сохранении мира? Почему наши собеседники какие-то сугубо тактические соображения ставят выше фундаментальных требований недопущения новой войны?

В беседах с деятелями Франции мы говорили:

— Сами немцы в Западной Германии не могут не быть заинтересованы в сохранении мира в Европе.

Советский Союз, советское руководство считали и считают, что оба германских государства должны строго выполнять решения Потсдамской конференции. Эту мысль мы подчеркивали всегда, делаем это и сегодня.

При моих встречах с Помпиду, в том числе и во время визитов в Париж, он справедливо отмечал:

— Необходимо развивать экономические отношения между СССР и Францией.

Разговоры на эту тему интересовали обе стороны. Я от имени нашей страны указывал собеседнику:

— Для успешного развития советско-французских экономических связей могло бы стать полезным, чтобы правительство Франции практически содействовало этому.

Помпиду в общем с пониманием относился к такому пожеланию. Но факты свидетельствовали о том, что правительство Франции в этом вопросе действовало ниже своего потенциала. В последующем, когда в кресло президента сел Жискар д'Эстэн, мы также повторили эти пожелания, да и в настоящее время они сохраняют силу.

Глубокие, но в то же время грустные впечатления остались у меня от состоявшейся в марте 1974 года в Пицунде (Кавказ) последней встречи Помпиду с Брежневым, в которой я принимал

участие. Помпиду в тот момент уже был серьезно болен. В аэропорту Адлера, что возле Сочи, Помпиду и Брежнев, министр иностранных дел Франции Мишель Жобер и я встретились радушно. Помпиду улыбался, фразы и жесты источали высшую степень приветливости, одним словом — настоящий француз. Но всех нас поразил прямо-таки восковой цвет его лица. С ним прибыл персонал, который оказывал ему медицинское содействие. Однако невозможно было скрыть то, что беспощадный недуг уже отсчитывает последние недели, а может быть, и дни президента.

От Адлера до Пицунды мы добрались вертолетом. Чувствовалось, что президент устал. Обычный свободный разговор и минимальная живость лица требовали от него усилий. Временами в нем замечалась какая-то ненатуральная сосредоточенность, и в эти мгновения ощущалось, что хотя он и внимательно смотрит, но взгляд направлен не на внешний мир. Вглядывался он скорее внутрь себя. В ходе переговоров с учетом состояния его здоровья режим соблюдался самый щадящий, все пожелания президента учитывались.

Однако интеллект Помпиду осечек не давал. Мысли выражались им четко и ясно. Все переговоры и беседы проходили, как обычно, в деловой и дружественной атмосфере.

В том же порядке, который соблюдался при встрече Помпиду и прибывших с ним лиц, мы все во главе с Брежневым провожали президента от Пицунды до Адлера. Нелегко было наблюдать, как президент садился в автомашину и выходил из нее. Несмотря на все старания, скрыть боль, которая мучила его в эти моменты, ему не удавалось. А лицо выражало настоящее страдание.

Таким он и запомнился. А через три недели его не стало.

Помпиду по праву занял свое место среди выдающихся государственных деятелей Франции. Вполне понятно и оправданно создание во французской столице Культурного центра Помпиду — в память об этом ушедшем из жизни крупном деятеле французского государства.

Три слова

Не менее, а может быть, даже более живые впечатления остались у меня от встреч с Валери Жискар д'Эстэном в период пребывания его сначала министром французского кабинета, а затем и президентом Франции. При этом ограничиваю себя впечатлениями от его высказываний, относящихся в основном к внешней политике и международной обстановке. Попутно уместно, наверно, сказать и о некоторых чертах Жискар д'Эстэна как человека.

Разумеется, любые воспоминания отражают личные, субъективные мнения их автора. И вовсе не потому, что он сам желает этого. Просто в его мыслях и чувствах запечатлелись определенные черты и качества того или иного человека, с которым неоднократно приходилось общаться, и именно из этой копилки памяти извлекается материал для передачи его другим.

Мои первые впечатления о Жискар д'Эстэне относятся к тому времени, когда он являлся министром в правительстве де Голля, а затем и Помпиду. Мы встречались с ним сначала в 1966 году, а потом после перерыва в три года — в 1969 году.

Хотя известно, что его приверженность линии де Голля временами ослабевала — главным образом это относилось к внутренним делам, — он все же сохранял за собой репутацию ее сторонника, причем даже в тот период, когда силуэт генерала стал тускнеть. Правда, в 1969 году Жискар д'Эстэн выступил против предложенных де Голлем реформ и, по общему признанию, в какой-то мере способствовал его поражению на референдуме. В связи с этим президент со своего поста ушел. Жискар д'Эстэн активно поддержал кандидатуру в президенты того, с кем тесно сотрудничал, — Помпиду.

Политическое лицо Жискар д'Эстэна как центриста — речь идет, разумеется, о буржуазном течении центризма в политике — обладало определенной притягательной силой. Это сослужило пользу Помпиду и как кандидату в президенты, а впоследствии и как главе государства. В тот же цвет центризма окрашивались взгляды Жискар д'Эстэна и в вопросах внешней политики, в том числе в области, которой он непосредственно занимался в бытность министром экономики и финансов, — экономических отношений Франции с другими странами.

Став после смерти Помпиду президентом Франции, Жискар д'Эстэн, как это бывало и раньше с его предшественниками, постарался в определенной мере продемонстрировать лояльность по отношению к своим западным союзникам, и прежде всего

заручиться благожелательным отношением со стороны США и ФРГ. Делалось это при всем том, что Франция уже с 1966 года не была участницей военной организации НАТО. Вместе с тем во время бесед с французским президентом мы без большого труда замечали, что он, проявляя приверженность Североатлантическому союзу, стремится в то же время к тому, чтобы Франция сохранила свое национальное лицо, продолжала следовать начатому в предыдущие годы курсу на разрядку международной напряженности.

Последняя часть этой формулы представляла собой основу многих высказываний Жискар д'Эстэна о советско-французских отношениях. Политические реальности в Европе и мире стали таковыми, что роль уже установившегося до его прихода к власти сотрудничества между СССР и Францией ощущалась достаточно сильно, поскольку это сотрудничество развивалось и должно развиваться в интересах советского и французского народов, в интересах европейского и международного мира. Так оно и проявлялось.

Осознавая значение советско-французского сотрудничества, Жискар д'Эстэн вскоре после того, как стал президентом, заявил, что намерен уделять пристальное внимание отношениям с Советским Союзом, другими социалистическими странами, продолжать политику де Голля и Помпиду, суть которой можно сформулировать так: СССР и Франция не только могут, но и должны сотрудничать в интересах разрядки и мира. Эту политику Франция окрестила тремя словами, сказанными еще генералом де Голлем:

— Разрядка, согласие, сотрудничество.

Что касается другого положения приведенной выше формулы — о сохранении Францией как независимым государством своего лица, — то такое положение вступало, разумеется, в противоречие с линией французской стороны, когда она демонстрировала верность Североатлантическому союзу в вопросах военного характера. На это мы неоднократно обращали внимание и президента и правительства Франции.

Однако обе стороны старались по возможности использовать то, что совпадало в их внешней политике, а именно заинтересованность в налаживании мирного взаимодействия государств. И, как правило, на важных советско-французских встречах мы находили общий язык при согласовании двусторонних документов.

Перед любой встречей с президентом становилось ясно, что обсуждению будут подвергнуты важные проблемы советско-французских отношений и международной обстановки. Масштаб

и глубина обсуждений могли быть разными — в зависимости от обстоятельств. Но обходить эти проблемы Жискар д'Эстэн не любил. И так как советское руководство, кто бы его ни представлял, предпочитает тоже не ходить вокруг да около проблем, а рассматривать их по существу, притом начиная с самых острых, то оказывалось вовсе не трудным выбирать вопросы для обсуждения.

В начале декабря 1974 года состоялся рабочий визит Брежнева во Францию. Советский руководитель впервые встречался с Жискар д'Эстэном как с президентом Франции. Однако как партнера по переговорам на других уровнях мы его знали.

Жискар д'Эстэн не раз принимал участие в советско-французских встречах и переговорах, в том числе и на высшем уровне, когда входил в правительство еще как министр финансов. Долгое время он возглавлял французскую часть смешанной советско-французской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и в немалой степени лично содействовал развитию деловых связей между Францией и СССР.

В общем, Жискар д'Эстэн, хотя при нем и имели место неровности в политике, все же внес определенный вклад, в том числе и на посту президента, в проведение того курса в советско-французских отношениях, начало которому положил еще де Голль.

Одним из наиболее актуальных политических вопросов, которые обсуждались на переговорах с Жискар д'Эстэном, являлось достижение договоренности о скорейшем завершении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. А найти подходы к такой договоренности считалось делом непростым.

Вот почему на переговорах с французским президентом советская сторона сделала все для того, чтобы привлечь Францию в лагерь сторонников успешного завершения общеевропейского совещания. В итоге совместной работы родилось одно из важнейших положений советско-французского коммюнике, которое гласило, что «созданы хорошие предпосылки для завершения совещания в кратчайший срок, для проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне».

Такое выступление СССР и Франции в значительной мере способствовало продвижению вперед к достижению конечной цели, стоявшей перед участниками общеевропейского совещания. Тем самым мы помогли сделать крупный шаг в интересах обеспечения положительного исхода этого совещания. Он явился ярким подтверждением значения советско-французских встреч

для преодоления дипломатических тупиков, нахождения политических развязок.

Президент за штурвалом вертолета

В целом контакты с Жискар д'Эстэном дают основание утверждать, что он обладал достаточным знанием проблем. Другое дело, что по их существу он мог занимать позицию, отличающуюся от взглядов собеседника, а иногда и противоположную им. И так бывало во время его бесед с нами, в частности, при обсуждении проблем, относящихся к ядерному оружию, блоку НАТО и его политике, вопросу об обстановке вокруг Афганистана и ряду других.

Жискар д'Эстэн серьезно готовился к беседам. Высказывая по тем или иным вопросам свои взгляды, он не импровизировал, а, как правило, приводил аргументы, факты. Лица, на мнение и совет которых он опирался, видимо, тоже во многом следовали его примеру. Постоянно чувствовалось, что все те, кто находился в окружении президента, имели схожий стиль в контактах с представителями другого государства.

Как человек достаточно образованный, с устоявшимися манерами поведения, Жискар д'Эстэн, казалось бы, мог в ходе обсуждений позволить себе какие-то вольные приемы светской беседы, экскурсы в область истории. Тем не менее он этим почти не пользовался. Здесь, видимо, сказывалось свойство характера.

Никогда мне не приходилось наблюдать Жискар д'Эстэна в неуравновешенном настроении, проявляющего горячность, поспешность. А ведь что греха таить, иногда современные деятели, неспособные держать под контролем свои нервы, могут довести себя до такого состояния, когда их слова значительно опережают мысль. Правда, они потом поправляются, пытаются утверждать, что хотя и сказали то-то и то-то, но думали совершенно противоположное.

Жискар д'Эстэн не придавал особого значения протокольным нормам. Нам, в частности лично мне, это импонировало: в конце концов, протокольные нормы должны облегчать общение, а не осложнять его.

О Жискар д'Эстэне как о человеке ходит немало забавных рассказов, появившихся в печати с легкой руки дотошных французских и других иностранных журналистов. Поводов для этого он давал предостаточно. Лично меня удивил такой факт.

Во время визита Брежнева во Францию советская делегация размещалась в старинном замке Рамбуйе, недалеко от Парижа. Там же проходили и переговоры. Французская делегация прибыла из Парижа на машинах, и в небольшом вестибюле дворца все ожидали появления глав делегаций.

Вдруг над крышей замка раздался рев мотора, и на лужайку под окнами опустился небольшой вертолет, из которого вышел Жискар д'Эстэн. Кто-то из французов бросил фразу:

— За штурвалом вертолета сидел сам президент. Советские участники встречи восприняли это высказывание как шутку. Однако после переговоров мы вышли на лужайку попрощаться с хозяином, и каково же было наше удивление, когда мы увидели, что президент сел за штурвал, улыбнулся, легко поднял вертолет в небо, сделал круг над замком, помахал нам рукой и улетел в направлении Парижа. Нам рассказывали:

— Несмотря на высокое официальное положение, президент не упускал случая и погонять, сидя за рулем автомашины. Все это приводило в ужас службу безопасности Елисейского дворца, которая не раз обращалась к главе государства с настоятельной просьбой не подвергать свою жизнь неоправданному риску.

Через некоторое время стало известно, что после небольшого дорожного происшествия с машиной президента его благоразумие все-таки взяло верх.

Запомнился еще и такой эпизод. В период визита, о котором идет речь, на мировом рынке повысились цены на нефть, и во Франции началась активная кампания за экономию топлива. Инициатором ее выступил сам президент. Дело дошло до того, что он распорядился даже Елисейский дворец отапливать дровами.

В замке Рамбуйе, где проходили советско-французские переговоры, запылали все камины. Однако то ли потому, что ими давно не пользовались, то ли по неопытности тех, кому это поручалось, камины сильно чадили. Весь замок заполнял едкий дым, что вынуждало постоянно открывать окна и двери в сад, а ведь встреча происходила в декабре.

Кончилось все это тем, что некоторым членам французской делегации, в том числе и министру иностранных дел Сованьяргу, стало просто нехорошо. К вечеру эксперимент с каминами прекратили. Пришлось включить батареи, что обеспечило более подходящие условия для продолжения работы.

Встречался я с Жискар д'Эстэном и еще раз. В сентябре 1986 года по приглашению правительства МНР он приезжал на охоту в леса на севере этой страны и на обратном пути из Улан-Батора в Париж на сутки как гость Президиума Верховного Совета СССР остановился в Москве.

У нас состоялась продолжительная и любопытная беседа. Из нее я понял, что напрасно кое-кто во Франции и за ее пределами пытается списать Жискар д'Эстэна в архив как политическую фигуру. Бывший президент Франции, а ныне сенатор еще не

вложил свою шпагу в ножны и готов пофехтовать ею на аренах политической борьбы в своей стране.

— Этого, — утверждал он, — ждут от меня и мои сторонники во Франции.

Сейчас Жискар д'Эстэн не занимает какого-либо официального поста в правительстве. Однако, видимо, не случайно не только во Франции, но и за ее пределами многие часто вспоминают этого человека, уже вписавшего в историю Франции и в летопись ее внешней политики страницы, которые изъять нельзя.

Лидер французских социалистов

На президентских выборах во Франции в мае 1981 года Жискар д'Эстэн потерпел поражение. Президентом был избран Франсуа Миттеран — лидер социалистической партии. Эти выборы хотя и не стали шоком для страны, но все же ее взбудоражили. Поляризация сил проявилась четко и к невыгоде буржуазии. Одержали верх левые силы — социалисты, коммунисты и левые радикалы. В соответствии с этим в июне 1981 года образовалось правительство, в которое вошли и коммунисты.

Нелегкая задача стояла перед новым правительством. Ставить опыты в политике, экономике, международных делах оно не имело возможности. Наблюдательным людям сразу бросилось в глаза, что никаких серьезных социалистических элементов в экономику и общественную жизнь страны новый президент Франции вводить не собирается.

Вскоре после триумфа левых сил мне пришлось встретиться с французским министром внешних сношений Клодом Шейсоном в Нью-Йорке во время пребывания на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Министр заявил:

— Новая власть поведет страну по пути социалистических преобразований.

Говорил он горячо и эмоционально. Я и другие члены советской делегации, присутствовавшие на беседе, пришли к выводу: говорилось слишком хорошо, чтобы стать реальностью.

— Ну что ж, — сказал я моему французскому коллеге, — время все поставит на свое место.

Оно вскоре и поставило. Никаких попыток осуществить, даже в эксперименте, мероприятия по социалистическому преобразованию общества Франция, конечно, не увидела.

Известное движение в развитии советско-французских отношений появилось с визитом Миттерана в СССР в июне 1984 года. С нашей стороны в ходе переговоров с ним было подчеркнуто, что Советский Союз руководствуется по отношению к Франции не конъюнктурными, а постоянными, широкими интересами, тем, что сближает советский и французский народы, укрепляет между ними взаимопонимание и дружбу. Ему говорили:

— Первостепенное значение в настоящее время имеет то, чтобы советско-французские отношения после тех сбоев, которые отмечались за последние годы, вновь пошли вперед во всех областях, в первую очередь в политической. Безусловно, особую

важность приобретает поддержание большей стабильности в этих отношениях.

Я участвовал в беседах с президентом во время его пребывания в Москве. Помимо того, мне пришлось еще дважды встречаться с ним и беседовать. Один раз в Кремле в ходе того же визита, а другой — в Париже, когда я по приглашению правительства Франции приезжал туда по пути из Мадрида в Москву в сентябре 1983 года. В беседах принимал участие наш крупный дипломат Ю. М. Воронцов.

Впечатление от бесед с Миттераном соответствует тому, которое сложилось у советской стороны после визита президента в Москву, с той лишь разницей, что в беседе в Париже он чувствовал себя более скованным — в ее атмосферу добавил «электричества» известный инцидент с южнокорейским самолетом.

То, что произошло позднее в советско-французских отношениях, лучше всего можно оценить по советско-французским встречам на самом высоком уровне. Такие встречи происходили между К. У. Черненко и Миттераном в 1984 году, между М. С. Горбачевым и Миттераном в 1985 и в последующие годы.

Во время визита Миттерана в Москву в 1986 году состоялись также его встречи с Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым и со мной.

Все эти встречи, и особенно на высшем уровне — М. С. Горбачева с Миттераном, — обогатили советско-французские отношения. Несколько возродился дух сотрудничества. Конкретные итоги визита, состоявшегося в 1986 году, нашли свое выражение в речах, с которыми выступили М. С. Горбачев и Миттеран на торжественном обеде в Кремле, а также в опубликованных в ходе визита и по его окончании документах.

Когда я провожал французского президента в аэропорт, он, касаясь своих встреч с М. С. Горбачевым и всей атмосферы, в которой проходил визит, сказал:

— Хочу дать самую высокую оценку значения этой поездки в Москву как для развития двусторонних отношений, так и для широкой международной политики.

В Советском Союзе итоги визита французского президента в 1986 году оценивались по справедливости высоко. Так же они оценивались и в других странах, внешняя политика которых отвечает интересам мира.

В беседах в Москве вместе с Миттераном с французской стороны принял участие новый министр иностранных дел Жан Бернар Рэмон, назначенный на этот пост незадолго до визита

президента в Москву. До этого назначения Рэмон работал на посту посла Франции в Москве и пользовался уважением в дипломатических кругах.

Факты из биографии Ролана Дюма

В восьмидесятые годы на политическом горизонте появился новый французский деятель — Ролан Дюма. В декабре 1984 года он занял пост министра внешних сношений Франции. Ранее мне встречаться с ним не приходилось. Поэтому интерес представляло знакомство с партнером из страны, имеющей на мировой арене большой вес. Тем более что и как личность Дюма, несомненно, представлял немалый интерес.

На меня произвел впечатление уже такой факт из биографии Дюма, как его участие в движении Сопротивления. В годы молодости ему пришлось познать ужасы войны. Она затронула своим огнем и его семью. С отцом Дюма, активным участником движения Сопротивления, гитлеровские палачи беспощадно расправились в 1944 году.

Было видно, что это оставило глубокий след и в сознании Дюма. Нельзя сказать, что он постоянно предавался воспоминаниям, давал выход своим чувствам. Однако Дюма с основанием гордится своим участием в борьбе против фашизма.

Друзьям по движению Сопротивления и идеалам борьбы с фашизмом он оставался верен и после войны, когда стал известным адвокатом и журналистом. В период «холодной войны» и оживления реакции во Франции в пятидесятые годы Дюма активно, часто с успехом защищал подвергавшихся нападкам ветеранов Сопротивления, противников колониальных войн Франции в Индокитае и в Алжире. Нередко в числе его подзащитных значились и коммунисты. Как раз в то время он познакомился с Миттераном.

Мои первые беседы с Дюма, прибывшим в марте 1985 года с визитом в Москву, показали, что, не будучи профессиональным политиком или дипломатом, он обладает тем не менее немалым опытом в международных делах. Он — достойный представитель Франции, таким и запомнился по состоявшимся встречам.

Помню броскую формулу, которой он охарактеризовал политический диалог с СССР:

— Этот диалог — константа французской внешней политики.

Сказано коротко, но точно.

Шедевры Лувра

Не только коренные интересы безопасности обеих стран, но и их богатое прошлое, их культура, искусство тоже всегда превращались в аргумент на пользу взаимопонимания, обмена в области духовной жизни между советским и французским народами.

Почти всегда, когда мне доводилось бывать во Франции, власти этой страны предусматривали посещение соответствующих исторических и культурных памятников, которые особенно дороги душе француза. Это понятно и естественно. Далеко не многие страны в состоянии предложить то, что может предложить Франция. Ее культура представляет огромный интерес для любого образованного человека.

Французы как будто читают мысли советских представителей, когда тактично рекомендуют им ознакомиться с Лувром, с собором Парижской богоматери, Версалем, Компьеном, Мон-Сен-Мишелем, долиной реки Луары, замком Мальмезон и, конечно, с городами Марсель, Лион, Бордо, Дижон. В разные годы мне и Лидии Дмитриевне удалось ознакомиться со многими достопримечательностями Франции и ее столицы.

В Лувре, этом огромном дворце, размещаются Национальный художественный музей, музей декоративных искусств и министерство финансов, располагающееся в северном его крыле. Удивительно, что при острой нехватке помещений для богатейших коллекций часть Лувра все же занимают сотрудники этого министерства.

Лувр пережил сложную историю. В свое время на том месте, на котором находится современный музей, стояла крепость, один из опорных оборонительных пунктов Парижа. Крепость служила одновременно и арсеналом, и хранилищем королевской казны, и тюрьмой. Такое тоже бывало.

Начиная с 1791 года Лувр — прежде всего музей. Его выставочные помещения продолжают расширяться. К уже открытым для посещения залам регулярно после реставрации добавляются новые.

Лувр — бесценное хранилище произведений искусства. Главными в нем являются картины и скульптура. По своей коллекции этот музей принадлежит к числу самых богатых в мире.

Он — один из величайших храмов искусства. Здесь почетное место занимают знаменитые «Ника Самофракийская» и «Венера Милосская». А чего стоит лишь перечисление таких имен, как

Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан, Веронезе, Рубенс, Рембрандт, чьи творения — шедевры мирового искусства! Они тоже выставлены здесь.

В Лувре нет произведений не выдающихся. При осмотре музея я не мог оторвать глаз от работ не только величайших мастеров Ренессанса, но и от произведений таких выдающихся французских художников, как Никола Пуссен, Антуан Ватто, Жак Луи Давид, Эжен Делакруа, Гюстав Курбе и многие другие.

В общей сложности в каталоге живописи и скульптуры Лувра значится около двадцати тысяч единиц хранения. Долго, на протяжении столетий, Франция собирала эти сокровища. Способы, которыми при этом пользовались, иногда не отличались гуманностью.

Не последнюю роль играли в свое время контрибуции, а то и просто грабеж. Реквизиция — по-наполеоновски.

Картины, мраморные изваяния, драгоценные образцы дворцовой мебели и украшений чувствуют себя в Лувре уютно, французы их ценят и стараются оберегать. Не знаю, как у других, но в моей памяти сохраняются яркие впечатления от художественных богатств этого музея.

Французские короли любили свой Лувр, забавлялись, рассматривая сокровища. Только Людовик XIV перенес свою официальную резиденцию в Версаль. Многое сделал для Лувра, продолжая его строительство, Наполеон, а завершилось его создание во второй половине XIX века.

Да, почти всегда после посещения Лувра при возобновлении бесед с французскими деятелями есть что сказать и о чем вспомнить. В какой-то степени это способствует и созданию благоприятной атмосферы для бесед.

Француз спрашивает иностранца:

— Видели ли вы Нотр-Дам де Пари?

Так звучит по-французски собор Парижской богоматери. Допустим, иностранец ответит:

— Нет, не видел.

Такой ответ вызовет искреннее удивление француза.

Веками, еще задолго до создания Эйфелевой башни, собор являлся символом французской столицы, ее сердцем. Великолепие в архитектуре времен ранней французской готики, созданное более семисот лет назад, глубоко внедрилось в сознание парижан, да и всех французов.

Многие великие мастера кисти и слова обращались и обращаются к этому собору в своем творчестве. Достаточно вспомнить хотя бы Виктора Гюго. Выдающийся писатель, сравнивший Нотр-Дам с «симфонией в камне», написал полтора

столетия назад огромной художественной силы роман «Собор Парижской богоматери». Его и сегодня нельзя читать без волнения. Трудно найти француза, который с детства не знал бы о превратностях судеб Эсмеральды и Квазимодо, созданных могучим воображением писателя.

Собственно, в современной Франции ценится скорее не религиозная оболочка, связанная с понятием «собор», а историческое и художественное содержание, которое вдохнули Франция, ее народ в Нотр-Дам де Пари.

У каждого большого города есть, как правило, что-то свое, специфическое, неповторимое, с чем ассоциируется упоминание о нем или благодаря чему он вошел в историю. Это может быть просто красивое здание, музей, архитектурный памятник или какое-либо знаменитое современное сооружение. В Париже это Эйфелева башня.

С этой башни, которую французы с легкой руки поэта Гийома Аполлинера величают «пастушкой облаков», открывается — и в том удостоверился я сам — прекрасная панорама французской столицы и ее окрестностей. Как достопримечательность она не теряет своей популярности, о чем свидетельствует тот факт, что ее со времени сооружения в 1889 году посетило сто миллионов человек.

Если первого попавшегося француза на улице Парижа или другого города спросить: «А зачем Парижу Эйфелева башня?», то он на вас посмотрит с удивлением и поначалу может даже не найти слов для ответа. Ему покажется несообразным вообще задавать подобный вопрос. Когда же он, преодолев замешательство, скажет что-нибудь в ответ, то это будет примерно такое замечание:

— Разве мыслим Париж без Эйфелевой башни?

Конечно, такой ответ продиктован отчасти эмоциями, но, по существу, правильный.

Не один раз и по разным поводам тема Эйфелевой башни затрагивалась в разговорах во время бесед с французскими деятелями, особенно когда требовалось несколько разрядить обстановку или отвлечься перед очередным раундом политических переговоров.

Пикассо рассуждает

Давно, еще в годы молодости, у меня появилось желание встретиться с большим художником, которого знали, можно сказать, все. Во всяком случае, все, интересовавшиеся живописью.

Имя его — Пабло Пикассо.

Испанец по происхождению, он связал свою жизнь с Францией, где предпочитал творить.

Самый популярный художник своего времени, антифашист, Пикассо решил остаться в Париже, когда его оккупировали немецко-фашистские войска. Этот поступок сам по себе явился актом мужества, пламенного патриотизма и заслуживает самой высокой оценки.

Привлек также широкое внимание его ответ на вопрос нацистского офицера. Когда гитлеровец вошел в студию художника и увидел там большую цветную репродукцию картины «Герника», он спросил:

— Это вы сделали?

Художник спокойно ответил:

— Нет, это вы сделали.

Ответ, подобно меткому выстрелу, попал в цель. В мире изобразительного искусства считают, что в показе разбитого фашистскими бомбами испанского города Герника Пикассо нашел формулу ужаса и презрения к фашизму.

По долгу службы мне приходилось приезжать во Францию не раз, но, как это обычно бывает, в дни официальных поездок советских делегаций их пребывание охватывает все, за исключением встреч с теми интересными людьми, которые не занимают каких-то государственных постов и потому не привлекают внимания составителей программы визита. Да если тот или иной человек еще к тому же принимает участие в общественном движении антимилитаристского характера, то он как бы вовсе не существует для авторов такой программы. А вносить поправки нам не всегда удобно, так как это требует изъятия из нее каких-то официальных мероприятий или сокращения на них времени.

Но бывает, когда в силу стечения обстоятельств происходят встречи и незапланированные, даже случайные или «полуслучайные», если выражаться точнее; так оказывается в те моменты, когда одна из сторон не ожидает встречи, а вторая ищет ее и готовится к ней намеренно. Так, «полуслучайно», я буквально столкнулся с Пикассо.

Протокольная служба Франции организовала дело таким

образом, что моя встреча с гигантом живописи явилась вроде бы случайной. Хотя, разумеется, для всех стало ясно, что такая неожиданность не может быть случайной.

Во время одного из визитов Л. И. Брежнева во Францию предусматривалось посещение Лувра. Советские гости, в том числе и я, прибыли в назначенное время в этот дворец искусства. В самом большом зале музея, на втором этаже здания, нас встретили и вежливо приветствовали по всем правилам французского этикета представители администрации.

Вдруг сквозь толпу окружающих людей активно пробился невысокого роста человек и протянул руку Л. И. Брежневу, а затем мне и другим товарищам. При этом он просто сказал: — Здравствуйте, я — Пикассо.

Глава делегации и знаменитый художник обменялись краткими приветствиями, и Пикассо как бы отступил, чтобы не мешать посетителям осматривать картины. Гости пошли дальше, тем более что в конце этого зала их ожидала прославленная «Мона Лиза» Леонардо да Винчи.

В этот момент Пикассо быстрым шагом подошел ко мне.

— Мсье Громыко, я вас видел раньше.

Я остановился. Не знаю, сказал он это из вежливости иди в самом деле где-то видел. Но я-то знал точно, что мне с ним встречаться не приходилось. Я бы запомнил, тем более что хотел сам с ним познакомиться и пообщаться.

Пикассо высказал пожелание:

— Не могли бы вы на несколько минут задержаться и немного поговорить со мной?

Я сказал:

— Охотно это сделаю. Пикассо повел разговор:

— У меня, знаете ли, очень мало общения с людьми из Советского Союза. Представители советской интеллигенции еще ко мне заглядывают. А вот так, чтобы я составил представление, какое мнение обо мне как о художнике у широкой публики вашей страны, — этого нет.

Беседа происходила, как говорится, «на ходу», прямо в зале Лувра, но это нас нисколько не смущало.

— Я понимаю, — говорил Пикассо, — что тут и расстояние создает трудности, и расходы на поездку, и многое другое. С выставками моих картин в Советском Союзе так, как я хотел бы, не получается. Но тут, возможно, я и сам виноват. Не хочется, чтобы многие мои картины на какое-то время часто исчезали с глаз. Лучше, чтобы они оставались всегда в поле моего зрения. Хотя я сознаю и слабость такого подхода. Но часто думаю, выражаясь языком бизнесменов, как почаще пробиваться на

советский рынок. Рынок, конечно, в переносном смысле слова.

Тем самым художник дал понять, что он считает совершенно недостаточными те выставки в СССР, которые имели место в Москве и Ленинграде в 1956 году. Рассуждения Пикассо касались и отношения наших людей к самой сути творческого направления его живописи. Все-таки он — основоположник кубизма, хотя и создал в свое время много работ в духе неоклассицизма. В ряде работ Пикассо близок к сюрреализму, нередко в его произведениях натура представала произвольно деформированной. Он и сам соглашался, что вопрос о его творчестве непростой и однозначного отношения к нему, видимо, нет.

Рядом с Пикассо стояли трое его знакомых, видимо тоже художники. Ни сам Пикассо, ни эти другие лица не ходили с советской делегацией по музею, что, вероятно, и предусматривалось программой. Я задержался, так как завязалась беседа с Пикассо, и все его знакомые находились здесь же. Рядом была картина французского художника Жака Луи Давида «Коронация Жозефины». Это — огромное полотно, авторское повторение которого находится в Версальском дворце. Я заметил:

— Мне нравятся творения Давида, которые хорошо представлены в Лувре.

Пикассо сказал:

— Давид — один из великих художников Франции. Теперь, конечно, другие времена. Живопись и искусство в целом на месте не стоят.

Правда, меня несколько смутило то, что в Лувре не выставлялось ни одной картины Пикассо. Но об этом разговора с ним заводить не стал.

Несмотря на свой возраст — а родился Пикассо в 1881 году, — он выглядел очень подвижным человеком. Мне казалось, что для него трудно даже постоять на месте. Он спросил:

— Вероятно, вы не раз бывали в Лувре? Я ответил:

— В Лувре я бывал, наверно, раз пять-шесть.

Мне подумалось, что надо бы сказать, что я знаком и с его искусством. Потому сразу и перевел разговор на эту тему:

— Однако я бывал и в Музее современного искусства. Там видел и ваши картины. В частности, мне очень понравился написанный вами портрет своего отца. Этот портрет выполнен в реалистической манере и очень к себе располагает любителя живописи.

— Да, — сказал Пикассо, — я писал портрет с любовью. Манера его исполнения — неоклассическая, как ее называют сейчас. Но с тех пор многое изменилось, в том числе и я сам как

художник.

А в конце разговора мы как-то непроизвольно вернулись к той теме, которой уже касались в ходе нашей беседы.

— Знаю, — сказал Пикассо, — что в Советском Союзе меня в общем-то уважают. Вероятно, скорее мое имя. Но мои картины — не особенно. Думаю, со временем положение может измениться.

Я решил не углубляться в эту тему. Доказывать, что его искусство любят в Советском Союзе, не подходило, звучало бы фальшиво.

К сожалению, действительно его творчество в нашей стране знакомо мало. Хотя сам художник широко известен и тем, что еще в годы войны вступил в компартию, и своим всемирно известным «Голубем мира» — эмблемой движения против войны, и тем, что он — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» как видный общественный деятель и борец против милитаризма.

Мы распрощались с художником, тем более что вся наша группа уже находилась где-то у выхода. После того как я пожал ему руку, он заметил:

— Пикассо может быть только Пикассо, и никем другим.

Да, до последнего вздоха он представлял собой человека с характером, о чем свидетельствует не только его творчество, но и антивоенные взгляды. Он любил жизнь и боролся за нее. Одним словом, Пикассо оставался до конца самим собой — человеком, художником, гражданином.

…Прошло время, и однажды во время официального визита министр иностранных дел Франции Ролан Дюма привез мне из Парижа сувенир.

— Знаю, что вы — любитель живописи, — сказал он, — и передаю вам эту картину Пикассо. Раньше не представился случай это сделать.

Пикассо умер в 1973 году, а наш разговор с Дюма происходил уже добрый десяток лет спустя. Он передал мне «Голубя мира» Пикассо. В углу картины стоит номер тридцать два. Номер художник ставил тогда, когда его просили повторить и снова нарисовать тот же полюбившийся людям шедевр. Он писал его еще и еще, проставляя на очередной картине последующий номер.

Таким образом, у меня дома висит тридцать второй оригинал знаменитого «Голубя мира».

Версаль и дом на улице Гренель

При посещении Франции приезжий всегда осматривает дворцово-парковый ансамбль Версаля, который в свое время служил главной резиденцией французских королей, а впоследствии превратился в Национальный музей. Этот замечательный памятник французского зодчества XVII–XVIII веков настолько тесно связан с историей страны, что уже одно упоминание о нем вызывает эмоции у собеседника-француза, независимо от того, кем он является: политическим деятелем или ученым, рабочим или крестьянином, писателем или священником, студентом или артистом. На его лице нетрудно сразу же уловить удовлетворение тем, что вы посетили Версаль и знаете о месте, занимаемом им в сердце француза. Именно здесь, в Версале, в августе 1789 года Учредительное собрание страны приняло Декларацию прав человека и гражданина.

Великая французская революция вымостила дорогу для класса буржуазии и нанесла смертельный удар по феодальным порядкам, феодальному социальному строю, час которого пробил. Во Франции еще оставались императоры и короли, но у власти оказался уже класс буржуазии. Он и стал ее настоящим монархом.

Во время франко-прусской войны 1870–1871 годов Версаль находился в руках немцев, и в бывшем королевском дворце помещался прусский генштаб. В январе 1871 года в этом дворце был коронован германский император Вильгельм I. В том же году в дни поражения Парижской коммуны контрреволюционное Национальное собрание и правительство Тьера организовало здесь расправу над героями-коммунарами. 28 июня 1919 года в Зеркальном зале дворца страны Антанты и побежденная Германия подписали Версальский мирный договор.

В комплекс Версаля входят дворцы — Большой Трианон и Малый Трианон с прилегающими к ним парками. Их история очень интересна.

В 1717 году в Большом Трианоне побывал Петр I. И, наверно, есть основания утверждать, что строительство в Петергофе знаменитого дворцово-паркового ансамбля с его фонтанами началось под воздействием того впечатления, которое произвело на русского царя великолепие Версаля.

Приведу попутно любопытный факт. Недавно советские реставраторы производили соответствующие работы в одном из принадлежащих посольству СССР в Париже зданий, которое находится на улице Гренель. Они высказали предположение, что

Петр в период своего пребывания во французской столице посетил это здание и, видимо, высоко оценил его архитектуру и отделку.

Такое предположение основывается на том, что художник по интерьеру и помощник архитектора, работавшие на строительстве особняка, оказались позднее в Санкт-Петербурге и участвовали в отделке Зимнего дворца.

Что же до Большого Трианона, то там в настоящее время располагаются гостевые апартаменты для глав иностранных государств, прибывающих во Францию с официальными визитами. Во время одной из советско-французских встреч на высшем уровне и мне, входившему в состав делегации СССР, довелось воспользоваться гостеприимством хозяев и провести в этом дворце трое суток.

В замке Мальмезон

Свой век Жозефина — первая жена Наполеона — доживала в роскошном замке Мальмезон, который ей подарил император. Последний любил раздавать направо и налево подарки, причем в виде дворцов, замков и даже тронов.

В 1814 году, когда головокружительной карьере императора-авантюриста пришел конец, Жозефина была тяжело больна. После вступления в том же году русских войск в Париж Александр I нанес ей визит в Мальмезон. Это был своеобразный «рыцарский» жест, отвечавший характеру и складу ума российского венценосца.

История не сохранила содержания разговора между Жозефиной и императором могучей Российской державы, повергнувшей империю Бонапарта. А возможно, ничего примечательного и не было сказано. Мысли Александра больше привлекала Франция, чем Жозефина.

В Мальмезоне, где жила и скончалась бывшая императрица, ей установили памятник.

Мальмезон — фактически единственный музей Наполеона во Франции, не считая музея на Корсике. Подобное обстоятельство до некоторой степени вызывает удивление, учитывая, что многие французы и теперь боготворят знаменитого корсиканца.

Достаточно провести в Париже два-три дня, чтобы почувствовать, что тень Наполеона из далекого прошлого витает и над современной Францией.

Это не значит, что французы стараются говорить о нем, тем более с советскими гостями. Как раз наоборот. Француз знает, какой пришла великая армия Наполеона в Россию и как он сам фактически уже без армии еле унес ноги домой.

Каждый раз, находясь во Франции и пытаясь заговорить о Наполеоне, я убеждался, что французы скорее избегают упоминать его имя в беседах с нами. И это независимо от того, говоришь ли ты с официальными лицами или ведешь обычный житейский разговор с кем-либо еще. А когда с нашей стороны это имя все же упоминается, то французский собеседник этой темы, конечно, не чурается, но становится всегда немногословным. Так и кажется, что он ждет — скорее бы этот русский перевел беседу на другую тему.

Это и неудивительно. События почти двухвековой давности заставляют его вспомнить не только о великом полководце, перед которым склоняли головы многие коронованные особы Европы, но и о провале великой авантюры в отношении России, о русских

солдатах, маршировавших после поражения Наполеона по улицам Парижа.

Всякие искусственные конструкции некоторых историков, создание версий оправдания бегства Наполеона из Москвы француз не воспринимает. Он знает истину и усвоил ее прочно: Наполеон потерпел сокрушительное поражение в России. Ноги-то он сохранил, но великую армию потерял. Усвоил француз и ту истину, что без Бородино и бегства Наполеона из России не было бы и Ватерлоо. Это сражение Наполеон проиграл прежде всего потому, что его Великий поход на Восток провалился.

Во Франции не много памятников Наполеону. Видимо, взяла верх традиция иметь их небольшое число, но если они и создавались, то уж такие, которые оставляли бы след в сердце француза. Главный мемориал — это Дом инвалидов, в центре Парижа. Здесь в подземном склепе помещены саркофаги: в одном — останки Наполеона, в другом — его сына, который титуловался герцогом Рейхштадтским и вошел в историю под именем «Орленок». Подарила его императору австрийская принцесса Мария-Луиза. Вся Франция, по крайней мере ее взрослое население, знакома с этим достопримечательным местом. Есть монумент еще и на родине Наполеона — на острове Корсика. Его я не видел.

Не могу забыть французской женщины, которая одновременно с нами осматривала два саркофага в Доме инвалидов. Рядом с ней стоял сын-подросток. Моя жена спросила ее:

— Что вы думаете сегодня о Наполеоне и о его походе на Россию?

Та ответила с подкупающей откровенностью и простотой:

— Хоть и стал он великим человеком, но ошибку совершил тоже великую. Зачем он повел французскую армию против России? Так же поступил и Гитлер, пытаясь подчинить себе вашу страну.

Ответ краткий, но умный. От другого француза мне пришлось услышать такие слова:

— Если бы Гитлер сумел оценить печальный опыт Наполеона, то он, возможно, не предпринял бы авантюру против Советского Союза. А закончилось все для него крахом и нацизма, и фашистской Германии.

Да, тот, кто так говорит, тысячу раз прав.

Прав был и французский министр иностранных дел Шуман. Как-то моя супруга Лидия Дмитриевна задала ему прямой вопрос:

— Как Вы относитесь к Наполеону? Он заявил:

— Наполеона я не люблю.

Ответ, что ни говори, звучал, да и сейчас звучит для всех любителей авантюр против нашей страны отрезвляюще.

Часто наши французские хозяева предлагали для осмотра объекты, которые в той или иной степени перекликаются с историей отношений России и Франции. Это вполне оправданно, так как уже сам факт, что между народами двух стран существуют древние связи, в общем-то работает на пользу советско-французских отношений и в наши дни.

Франция помнит Анну Ярославну

Во время одного из моих визитов во Францию в программу пребывания включили поездку в Санлис — небольшой город, находящийся в полусотне километров к северу от Парижа.

Главное, что интересовало и интересует нас, как и многих наших соотечественников, — это то, что с Санлисом связана жизнь Анны, дочери великого киевского князя Ярослава Мудрого. В 1044 году отец выдал ее замуж за Генриха I, и она стала королевой Франции.

Удачно передал колорит той эпохи Киевской Руси драматург Иван Кочерга в драматической поэме «Ярослав Мудрый», за которую он был удостоен Государственной премии СССР. Автор писал ее в годы Великой Отечественной войны, и патриотическая пьеса шла в театрах нашей страны. Анна Ярославна по ходу действия произносит такие слова:

Король французский сватов присылает.
И, если батюшка решит отдать меня,
Посадят Аннушку на доброго коня
И повезут в Париж, где волки завывают,
Как в диких чащах. Улицы грязны,
Дома мрачны, холодны и темны.
Нет там ни лавок, ни портных путящих,
Нет у французского народа
Ни хлеба доброго, ни меда,
Ни осетрины, ни блинов,
Ни наших сладких арбузов.

Да, в те стародавние времена Русь славилась как процветающий край высокой культуры. Недаром скандинавы называли ее Гардариком — «страной городов». Париж XI века по сравнению со стольным градом Киевом был действительно совсем небольшим городом.

Для своего времени Анна считалась весьма образованной женщиной, говорила и писала на нескольких языках, в том числе на греческом, латинском и церковнославянском. Между тем ее супруг — французский король и почти все его придворные оставались неграмотными. Об этом говорят французские источники.

Вскоре после того, как у Анны в 1053 году родился сын Филипп, она в честь этого события построила в Санлисе церковь

святого Винцента, на основе которой впоследствии было создано одноименное аббатство. В настоящее время в нем размещена школа. На портале церкви привлекает к себе внимание и сегодня скульптура изящной женщины в полный рост. Под нею надпись: «Анна русская, королева французская, основательница собора в 1060 году». Это — запечатленный на века образ Анны Ярославны. Мы стояли у этой скульптуры и мысленно говорили:

— Здравствуй, прекрасная землячка.

Лет двадцать назад я посетил в Париже советско-французскую выставку документов, относящихся к истории развития связей между нашими двумя странами. На ней выставлялась фотокопия письма Анны своему отцу.

По источникам, которые дошли до нашего времени, ее жизнь на чужбине оказалась несладкой. После смерти в 1060 году Генриха I и возведения на престол малолетнего сына Филиппа I — он властвовал как король Франции до 1108 года — Анна удалилась в Санлис. Спустя некоторое время она стала женой графа Валуа. Но этот брак папа римский признал незаконным. Через пять лет умер и новый супруг.

В письме, копию которого я видел на выставке, Анна обратилась с просьбой к отцу позволить вернуться на родину, в Киев, так как ей тяжело жить среди «дикарей» французов.

Что же произошло дальше? И вот тут источники проявляют удивительный разнобой. Он тем более поразителен, что от Анны последних лет жизни странным образом как бы открещиваются исследователи — и во Франции, и в нашей стране.

Средневековые французские историки утверждают, что она уехала в Киев и последние семь-восемь лет жизни прожила там. Поэтому и нет ее могилы во Франции. Об этом, в частности, пишет Ф. Мезере в своей трехтомной истории Франции с древнейших времен до 1588 года. Сам труд вышел в середине XVII века.

Один экземпляр этого трехтомного старинного фолианта сохранился в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. В переводе со старофранцузского текст в нем об Анне гласит:

«Генрих I не имел ни детей, ни жены. Он, понимая собственный немолодой возраст — а было ему 39,— разделял озабоченность своего Совета, который требовал от него наследников для королевства. До него дошли слухи о прелестях княжны, достойной завоевать сердце великого монарха. То была Анна, дочь Ярослава, прозванного Мудрым, князя Руси, называемой нашими современниками Московией. Воодушевившись от одного рассказа о ее совершенствах, он

послал в 1044 году епископа де Мо с большим и помпезным посольством, предлагая свою руку.

Его предложение было принято с такими почестями, которые можно адресовать только такому государю. Княжна была передана епископу, который отвез ее во Францию. Бракосочетание отпраздновали со всеобщей радостью, так как все надеялись, что этот брак будет более счастливым, чем брак с первой женой короля — Матильдой.

Однако надежды добрых французов оправдались не сразу: прошло восемь лет, а детей все не было. Франция, прождав так долго счастья, уже начала терять надежду: король был от этого в большом огорчении, а Анна, огорченная еще более, чем он, безутешно скорбела. Перепробовав все существовавшие лекарства, она обратила свои молитвы к небу, уповая на святого Винцента — заступника французов. Анна почувствовала результаты этого и перед концом 1053 года родила мальчика, которого назвали Филиппом.

В признательность Анна построила церковь святого Винцента в Санлисе. У нее было еще двое сыновей — Роберт, который умер до смерти отца, и Гуго, который стал графом де Вермандуа, женившись на наследнице графства. Была также дочь, имя которой не сохранилось, так как она умерла в детстве.

После смерти короля в 1060 году Анна уехала в Санлис, в котором любила жить из-за близости к монастырю святого Винцента. Она прожила там недолго, так как Рауль де Перон, граф де Крепи-и-Валуа, похитил ее и женился на ней. Неизвестно, сделал ли он это с ее согласия. Анне исполнилось тогда всего 34 года.

А так как первая жена графа была еще жива, духовенство отлучило его от церкви за этот брак, который признали незаконным. Однако такие меры не смогли принудить графа расстаться со своей новой супругой, и только его смерть, после пяти лет супружества, разделила их.

Оставшись вдовой во второй раз и, как надо думать, презираемая французами за то, что она, королева, снизошла до такого союза, Анна вернулась в свою страну, где прожила еще семь или восемь лет».[3]

Однако вопрос о том, где закончила свои дни знаменитая дочь Ярослава, нельзя считать решенным. В этом отношении наблюдается весьма любопытная особенность.

Большинство источников, которые датируются первыми шестью столетиями после смерти Анны, утверждают, что она закончила свой жизненный путь в Киеве. Об этом же пишет и такой советский специалист по Киевской Руси, как профессор С.

Высоцкий.[4]

Однако, чем ближе к нашему времени, тем больше историков в последние триста лет считают, что Анна Ярославна умерла во Франции. «Она предпочла остаться во Франции, чем вернуться в свою страну»,[5]— утверждал в 1816 году известный французский историк Дюрдан в своем пространном труде об истории России со времен Рюрика, посвятив Анне Ярославне лишь два небольших абзаца.

Большинство советских историков тоже считают, что Анна закончила свою жизнь во Франции и на Русь не возвращалась. Стоит заметить, что наиболее осторожные из них вообще обходят этот вопрос. Например, такой весьма авторитетный историк, как академик Б. Д. Греков, в своей книге «Киевская Русь» выделил специальный раздел «Киев и Франция» в главе «Киев и Западная Европа при Ярославе». В нем всего шесть с половиной строчек, где говорится о ее двух браках, о сыне Филиппе — короле Франции, о том, что она собственноручно подписывала французские документы, и ни слова о ее дальнейшей судьбе. Может быть, такое отношение в некоторой степени оправдывает замечание самого академика в начале главы о том, что сюжет ее «не разработан как следует» и «помещаются только самые общие сведения, дающие лишь контуры международного положения Киевской Руси».[6]

Напомню, что у нас, в Советском Союзе, создан кинофильм «Ярославна — королева Франции». В нем рассказывается о том, как Анна Ярославна уезжает во Францию, и ничего — опять, полагаю, под влиянием наших историков — о ее возвращении в Киев.

Есть, наконец, в исторической науке и еще одна — пожалуй, полуфантастическая — версия. Ее придерживается исследователь Д. Д. Кулинич, утверждая, что Анна, возвратившись в Киев и встретив там из-за происходивших между сыновьями Ярослава междоусобиц плохой прием, вернулась вновь во Францию.[7]

Пишется так, будто путешествие королевы по Европе XI века было легкой увеселительной прогулкой. Будто и не было в те далекие времена кровавых и частых войн, разбойных нападений грабителей, множества диких зверей в густых чащобах. А ведь такое путешествие длилось обычно несколько месяцев.

Итак, ни во Франции, ни на Руси могила Анны не найдена — загадка окончательно не решена.

Правда, в 1825 году во Франции вышел сборник документов об Анне Ярославне.[8] Их собрал и предпослал им предисловие князь Лобанов-Ростовский, любитель французской старины.

Он со ссылкой на французских авторов тоже пишет о том, что

Анна «вернулась в Россию». А затем заявляет, что в 1682 году некий отец Менестрье обнаружил ее могилу в церкви аббатства Вилье, неподалеку от Парижа. Эта точка зрения просуществовала почти век, а потом ее поставили под сомнение: новые исследователи стали утверждать, что эта гробница — просто памятник, воздвигнутый в честь королевы, что-то вроде того, который существует в Санлисе.

Однако сам Лобанов-Ростовский поддержал гипотезу Менестрье о том, что памятник вдове Генриха I является гробницей Анны Ярославны. Вот что при этом любопытно: с тех пор — а прошло уже более полутораста лет — никто из историков категорически не утверждал, что могила Анны находится во Франции, никто всерьез не воспринимал ни «находку» Менестрье, ни догадки князя Лобанова-Ростовского.

В этих условиях, видимо, и я могу высказать свое суждение по этой проблеме, тем более что любой научный интерес к отношениям между нашей страной и Францией уже сам по себе заслуживает внимания.

Французские источники той поры — речь идет об XI веке — не могли не зафиксировать смерть такой личности, как королева Франции. А Анна для своего времени считалась личностью незаурядной. Она не только являлась королевой — женой французского короля, но была одно время и королевой-регентшей, подписывая все государственные документы за малолетнего сына. Так неужели ее смерть во Франции обошли бы молчанием историки тех лет, не оставив потомкам даже никакого следа о том, где ее могила?

Специалистам во Франции я задавал вопрос:

— Неужели нет никаких свидетельств того, что Анна Ярославна умерла во Франции?

— Нет, — отвечали они, — мы таких свидетельств не знаем.

Таким образом, хотя и существуют две версии последних лет ее жизни, есть основания считать, если со временем не обнаружатся убедительные данные противоположного характера, что более правдоподобен вариант возвращения Анны в Киев. А то, что следов и письменных источников не сохранилось, объясняется весьма просто. Деревянный Киев несколько раз горел, подожженный завоевателями, и немудрено, что до нас, в двадцатый век, не дошли детали событий одиннадцатого… В пользу Киева остается еще один, и весьма немаловажный, фактор — свидетельства средневековых историков, которые по времени жили ближе к Анне, чем историки последних столетий.

Гид, дававший пояснения, отмечал, что королева Анна оставила о себе добрую память.

Впечатлениями, вынесенными от посещения Санлиса, я поделился со своими французскими собеседниками, не преминув подчеркнуть:

— Вот видите, какие давние связи между Россией и Францией. А жизнь и деятельность во Франции дочери великого русского князя — прекрасное подтверждение этого.

Полушутя, полусерьезно с обеих сторон мы высказывали убеждение в том, что наши предки — и русские, и французские — понимали значение связей между двумя народами, а что касается упреков Анны по адресу французов, то это, как говорится, «преданье старины глубокой».

Петр I в Париже

Хозяева-французы спросили:

— Не хотели бы вы ознакомиться с тем, что оставил потомкам после своего визита в Париж Петр I? Я сказал:

— Постараюсь, если смогу найти для этого время.

С интересом я узнал и по рассказам хозяев, и после осмотра ряда достопримечательностей Парижа о некоторых фактах, связанных с пребыванием Петра I во французской столице.

Стремясь к скорейшему окончанию Северной войны, недовольный медлительностью «холодных друзей» — своих союзников Дании и Саксонии, Петр предпринял смелую попытку сблизиться с Францией, которую связывал со Швецией союзный договор.

Используя сложное положение, в котором оказалась в то время Франция, — неудачная война за испанское наследство, неустойчивое положение регента Филиппа Орлеанского внутри страны — Петр, находясь весной 1717 года в Голландии, сделал предложение Парижу о сближении. Получив благоприятный ответ, он в конце апреля того же года отправился во Францию.

Встреченный настороженно, Петр блестяще сумел растопить лед парижских салонов и вызвать к себе и России живой интерес, даже симпатию. Он встречался с королем Людовиком XV, которому в то время исполнилось всего семь лет и за которого впоследствии Петр хотел выдать свою дочь Елизавету.

Во время почти двухмесячного пребывания российского царя в Париже велись интенсивные переговоры о заключении договора о дружбе с Францией и Пруссией. Из-за задержки с получением полномочий прусским посланником этот договор подписали только в августе 1717 года в Амстердаме.

Весьма актуально и сегодня звучит цель договора — «мир и безопасность в Европе». Слова вполне современные.

В Париже Петр жил в снятом в аренду частном особняке, отказавшись от приготовленной ему резиденции в Лувре. И это отражало манеру поведения русского царя, его стиль. Явно сдержанное отношение проявил он к участию в разного рода официальных церемониях, приемах и балах, зато с огромным интересом посещал мастерские ремесленников, мануфактуры, лаборатории ученых.

Царь ознакомился с обсерваторией, комнатой планов (географических карт) и обещал содействовать налаживанию сотрудничества русских и французских картографов. Во время посещений Академии наук в Париже он подолгу беседовал с

видными учеными. За его глубокий интерес к наукам Петра избрали почетным членом этой академии, что стало событием неординарным.

Такие черты Петра, как его неуемная тяга к новому, деловитость, простота в общении, привлекали внимание французов. Тогда они удивлялись и, согласно источникам, говорили друг другу:

— Вот это монарх!

Провинциальная «Бастилия» и Компьень

В один из визитов во Францию хозяева предложили нам совершить поездку в юго-западную часть Нормандии для осмотра аббатства Мон-Сен-Мишель, являющегося памятником французской средневековой архитектуры.

Оно расположено на небольшом скалистом острове, который соединен с материком дамбой длиной в 1800 метров. Это аббатство, построенное орденом бенедиктинцев в XII–XV веках, окружено мощными крепостными стенами и бастионами, взять которые приступом в средние века не смог никто.

Как и многие другие знаменитые замки, крепости, соборы, Мон-Сен-Мишель превратили в своего рода провинциальную «Бастилию». На протяжении первой половины XIX века в его зданиях размещалась тюрьма, которая, между прочим, держала в своих каменных объятиях и Луи Огюста Бланки, известного революционера-бунтаря.

Живописное местоположение и интересное историческое прошлое позволили Мон-Сен-Мишелю стать достопримечательностью на северо-западе страны. Хотя признаюсь, что я наряду с живыми впечатлениями от этого уголка Франции увез и определенную долю грусти, которую навевают и каменные громады стен, и мрачный остров, и особенно рассказанные нам суровые и правдивые истории из прошлого Мон-Сен-Мишеля. Впрочем, эта крепость — не исключение во Франции.

Прочно в историю французского государства вошел город Компьень. Близ него, в Компьенском лесу, 11 ноября 1918 года страны Антанты — Франция, Великобритания, США и другие подписали перемирие с Германией, потерпевшей поражение в первой мировой войне. Под актом о перемирии поставили свои подписи главнокомандующий французскими войсками маршал Ф. Фош и полномочный представитель Германии М. Эрцбергер. Эта церемония состоялась в железнодорожном вагоне.

22 июня 1940 года в Компьене, причем в том же вагоне, подписали и другое перемирие. Только на сей раз Франция и Германия поменялись ролями. На основе нового перемирия и при содействии коллаборационистского режима Виши фашистская Германия в течение четырех лет хозяйничала, а точнее, бесчинствовала на французской земле. Лишь с освобождением Франции в 1944 году Компьенское перемирие автоматически

прекратило свое действие.

За день до подписания этого перемирия французскую делегацию в том же вагоне принял Гитлер. Гитлеровцы оформили и пропагандистски обыграли всю церемонию так, чтобы специально унизить Францию и французов. Затем нацисты вывезли вагон в Германию и в 1945 году намеренно уничтожили его.

По окончании второй мировой войны вагон, связанный с компьенскими переговорами, воссоздали в прежнем виде на старом месте. Мне привелось осмотреть это место, побывать в вагоне. Гид уверял, что все вокруг идентично той обстановке, в которой подписывались оба акта. Особенно вагон — его не могут забыть ни французы, ни немцы.

Кстати, Компьень, который когда-то служил резиденцией (разумеется, одной из многих) французских королей, знаменит и тем, что здесь в 1430 году бургундские бароны взяли в плен народную героиню Франции Жанну д'Арк. Уже одно это придает Компьеню налет своеобразной, хотя и грустной, романтики. Не забывают французы и о том, что в Компьенском замке бывал Наполеон.

Слово, с которым француз неразлучен

Мне удалось побывать в таких городах Франции, как Марсель, Лион, Бордо, Дижон. Это — крупные промышленные и культурные центры, дыхание которых можно почувствовать уже за несколько десятков километров, когда путешествуешь на машине и подъезжаешь к ним.

Каждый из них имеет свое лицо, но это относится прежде всего к старой, исторически сложившейся части города. И в то же время в их внешнем облике имеется много сходства с другими большими городами в экономически развитых странах. Особенно это заметно в тех кварталах и районах, которые были построены за последние два-три десятилетия.

И все же, где бы вы ни очутились во Франции, даже в самых глухих ее уголках, вам непременно доведется многократно, буквально сотни раз услышать слово «Париж». Наверно, можно сказать, что с этим словом француз неразлучен. С ним он просыпается утром, с ним он отходит ко сну вечером.

Да, французы горячо любят свою столицу. Париж — их история, гордость и слава. Конечно, они могут себе позволить и нелестно отозваться о Париже, когда им нужно сказать крепкое словцо по адресу властей. Ведь их тоже олицетворяет столица.

Только после девяти вечера французы меньше говорят о Париже, видимо, просто потому, что в это время даже в больших городах опускаются жалюзи на окнах либо их плотно зашторивают. Это касается и самого Парижа. Бодрствует в нем лишь Латинский квартал. Но французы считают, что этому уголку столицы и звезды предсказывали танцевать, играть, веселиться всю ночь, а там — как бог даст. На то есть простое объяснение. Публика здесь в основном — студенты и люди «свободных профессий».

Сколько раз я ни бывал во Франции — и с официальными визитами, и проездом — никогда не переставал удивляться, как умело французы сбалансировали разные стороны жизни с учетом того, что людям, когда они не работают, нужно уметь и предаваться тихому раздумью, и шумно развлекаться. Конечно, делается это по формуле «каждому — свое», в зависимости от социального положения, образования и личных интересов.

Французы — это французы, всегда и везде. Когда приходится наблюдать тысячи людей, будь то на митингах, стадионах, улицах, или двух, ведущих между собой беседу, то прежде всего

бросается в глаза их подвижность и какая-то своеобразная легкость.

В повседневном общении французы — люди, как правило, корректные и предупредительные. Но если кто-то вольно или невольно переступит границу такта, а тем более заденет самолюбие француза, то получит отпор, хотя, может быть, и витиеватый по словам.

Часто говорят, француз — это эталон вежливости и обходительности. Я бы в общем согласился с таким утверждением.

Каждый раз, попадая в Париж, я старался хотя бы в машине проехать мимо букинистов на набережной Сены. А когда это не удавалось, то у меня оставалось впечатление, что я не увидел чего-то интересного, занимательного. А ведь вроде и ничего особенного там нет. Просто стоят торговцы, рядом лежат видавшие виды книги, тут же выставлены для продажи старые гравюры и офорты.

В книжном развале на набережной Сены люди, увлекающиеся книгой, особенно коллекционеры редких изданий, могут найти немало того, что привлекает их внимание.

Набережная Сены с ее лавчонками и киосками притягивает к себе не только французов, но и иностранцев. На каких языках тут только не говорят. Создается впечатление, что попадаешь в своего рода «языковый интернационал». Хотя, естественно, преобладает французский язык.

Люди здесь не толпятся. Обычно чинно прогуливаются вдоль набережной преимущественно в одиночку или парами. Если отвлечься от умеренного шума транспорта, то можно считать, что стоит тишина. Те, кто разглядывает и выбирает книги или картины, говорят негромко, вполголоса. Так же спокойно ведут себя и продавцы. Отвечают они на вопросы покупателей не только со знанием дела, но и с важностью маститых профессоров. Многие из них и в самом деле образованные люди.

Одним словом, букинисты — это неплохая выдумка. Собственно, никто специально ничего и не выдумывал. Сложилось это явление само собой. Какие-то спонтанные культурные потребности людского моря в большом городе вызвали к жизни этот уникальный торговый ряд букинистов в центре Парижа, на берегу Сены.

Обратил я внимание еще на одну красочную картинку на набережной Сены. Часто здесь можно видеть рыболовов. Запомнился один: на нем брезентовая накидка, сапоги и рыбацкий шлем. Закинув удочку в реку, он сидит и часами ожидает клева. А клев в центре города — это, конечно, событие.

Набережная возвышается над поверхностью реки метров на пять-шесть. Ни одна капля воды не падает на рыбака, если, разумеется, не идет дождь. Но он одет в водозащитный костюм.

Кое-кто не прочь пошутить над рыбаком-фанатиком, выразить недоумение.

— Ну зачем, скажите пожалуйста, вам такая одежда? Зачем вам ловить рыбу там, где ее почти нет?

Рыбак же в свою очередь удивлен тем, что над ним посмеиваются.

Похоже на то, что обе стороны в чем-то правы.

А вообще, почему бы человеку и в самом деле не отдохнуть, взирая на водную гладь Сены? Почему бы на какое-то время не отвлечься от городского шума и суеты, а может быть, от тревожных мыслей?

Конечно, набережная Сены контрастирует с Монмартром и его развлечениями, вовсе не предназначенными для того, чтобы настраивать человека на серьезный лад. Зато там, на Монмартре, созданы условия для буйного проявления некоторых сторон души тех молодых людей, которые либо не знают, как управлять своими эмоциями, либо не хотят ими управлять. Они живут в ночное время по правилу: погуляю, а остальное — трын-трава. В числе завсегдатаев этого района, как говорят знатоки, можно встретить немало людей, которые сорят деньгами, не обращая внимания на их количество. Оно и понятно: подобное времяпровождение требует не только солидных запасов энергии, но и туго набитого кошелька.

Бесшабашное веселье Монмартра и солидная степенность набережной Сены соседствуют в одном городе. Противоречие? Да. Но и оно — часть жизни французской столицы, о чем, кстати говоря, хорошо и убедительно писал талантливый советский журналист Юрий Жуков, который известен и как политический обозреватель «Правды».

Париж, несомненно, город приветливый и красивый. Хотя его голова покрыта сединами, он тем не менее всегда молодой.

Если взять послевоенный период, то с Францией у нас временами складывались в полном смысле слова дружественные отношения. И это несмотря на то, что заключенный в свое время с нею политический договор потерял свое значение в связи с ее приобщением к блоку НАТО, а также в связи с курсом Запада, направленным на ремилитаризацию Западной Германии.

Всплеск добрых отношений пришелся и на то время, когда у кормила власти находился де Голль. Это сказалось и на всей политической атмосфере и на деловых советско-французских связях. Ощущалось потепление и на контактах между людьми.

Чувствовалось это и тогда, когда во главе советского руководства стоял Н. С. Хрущев.

Самым серьезным образом в Москве обдумывался вопрос о том, чтобы в отношениях с Францией найти какую-то броскую форму контактов, может быть даже такую, какой не было у нас ни с одной другой капиталистической страной Запада. Вспоминается такой эпизод.

В беседе со мной как с министром иностранных дел СССР Хрущев говорил:

— Надо обдумать все это в конкретном плане. Почему, например, мы не можем повернуть дело таким образом, чтобы в советских семьях жили молодые французы или француженки? Допустим, во время обучения в институте или другом учебном заведении? То же самое можно сделать и по отношению к нашим молодым людям: пусть поживут и поучатся во Франции. Ничего невыполнимого тут нет. Нужно только, чтобы оба правительства взялись за дело и разъяснили людям полезность такой меры.

На первый взгляд получалось довольно логично. История ведь знала такие периоды, когда в России французы и француженки буквально наводняли столицу и не только ее. Жили они и в семьях, правда, чаще всего в роли учителя, гувернера или гувернантки. Привилегиями «заполучить» такого иноземца пользовались помещики и представители буржуазии, да и «удовольствие» это само по себе оказывалось очень дорогим. Теперь нечто подобное, только в совершенно ином виде, задумывалось как акция, которая должна пойти на пользу широким слоям населения и развитию добрых отношений между странами.

— Конечно, идти ко всему надо постепенно, — говорил Хрущев. — Но невозможного в этом ничего нет.

Он даже спросил меня в упор:

— Вот вы с женой, наверно, согласились бы взять к себе, допустим, француженку? У вашей семьи имеется опыт общения с иностранцами, и вы сами знаете, да и дети ваши знают иностранные языки.

— Мы говорим по-английски, — сказал я.

— Верно, на первом плане у вас из иностранных языков — английский. Но ведь можно им и ограничиться, если та, которая поселится у вас, сама будет знать помимо французского еще и английский язык. К тому же она ведь начнет изучать русский язык.

Он даже рекомендовал мне проявить в этом вопросе инициативу. Назвал и француженку — дочь одного из руководителей министерства внутренних дел Франции. А с самим

французом — отцом девушки, он уже, оказалось, переговорил на эту тему. Откровенно говоря, удивляла та поспешность, с которой имелось в виду решать данный довольно деликатный вопрос. Неясным оставалось, каким его считать — большим или маленьким, государственным, общественным, а быть может, просто личным делом каждого гражданина.

Я ответил:

— Идея эта — сама по себе интересная. Со стороны моей семьи особых возражений не будет.

Кстати, и французского деятеля — он сопровождал Хрущева в поездке по Франции, — и его дочь-студентку мы с женой тоже уже знали по визиту во Францию.

Но, как это часто бывает в делах внешних, дела развернулись таким образом, что общая атмосфера в советско-французских отношениях стала прохладнее, и вопрос этот как-то за другими событиями отошел на задний план, а затем на какое-то время заглох.

В общем, хорошие, даже благородные намерения иногда оказываются невыполнимыми и непрактичными. Это, впрочем, не противоречит тому, что в других условиях они становятся вполне осуществимыми.

Бонн Маркса и Бонн Аденауэра

Да, большим частоколом отделен Бонн Аденауэра от Бонна Карла Маркса в сознании наших людей. В этом городе постигал науки гениальный основоположник научного коммунизма. В нем же столетием позже во главе правительства встал консерватор-бюргер, пришедший на смену палачу-ефрейтору.

Только тот командовал всей Германией, а этот возвысился лишь над западной ее частью — Федеративной Республикой.

С годами неприятие Западной Германией раздела страны на два государства стало себя изживать. Два независимых германских государства признавались реалией.

Не раз я посещал ФРГ. Во время каждого посещения мне, как и каждому советскому человеку, в голову приходят тяжелые мысля о том горе, которое причинила нашей стране и ее народу гитлеровская Германия.

Когда едешь по дорогам ФРГ на машине и смотришь по сторонам, видишь ухоженные поля, аккуратные посевы, а если это время уборки, — хороший урожай. Еще до второй мировой войны Германия имела высокоразвитую промышленность. Традиционными считались большие экспортные возможности страны. Казалось бы, чего ей не хватало?

— Жизненного пространства, — фарисейски объявил Гитлер, и Германия встала на путь агрессии. Ее армии хлынули на восток и на запад, на север и на юг с целью порабощения других стран и народов.

История уже давно дала ответ на вопрос, почему это произошло. Виновен алчный германский империализм. Он отравил сознание немецкого народа идеей захвата и грабежа чужих земель. Преступная камарилья во главе с Гитлером ввергла этот народ и человечество во вторую мировую войну.

Политики США, Англии, Франции, других стран Запада закрывали на это глаза, произносили проникнутые лицемерием речи в надежде, что только Советский Союз станет жертвой агрессии гитлеровской Германии.

На встречах с послевоенными политическими деятелями Западной Германии и в Бонне, и в Москве во время их визитов в СССР я, как и другие советские представители, пытался уяснить себе, чем дышат немцы Западной Германии. Полностью ли они сознают, что безумные амбиции фюрера и его приспешников превратить народы мира в своих рабов представляли собой обреченную на крах авантюру.

Конечно, даже самые реакционные деятели ФРГ не могли и

не могут вновь взять на вооружение идеи, доминировавшие в «третьем рейхе». Это означало бы для них самоубийство. Сегодня людям, несущим ответственность за политику ФРГ, не следует забывать, что нынешнее положение в Европе сложилось в результате освободительной борьбы народов против германского нацизма. Во имя мира, за то, чтобы никогда более не возникла угроза войны с немецкой земли, отдали жизни двадцать миллионов советских людей, миллионы людей стран антигитлеровской коалиции.

Не сразу создались условия для нормализации отношений между Советским Союзом и Западной Германией. Гитлеровская агрессия слишком хорошо запомнилась советским людям.

Поэтому даже подход к установлению дипломатических отношений с этой страной оказался далеко не простым делом. Тем более что у власти в ФРГ находился тот же класс, который вскормил Гитлера и его шайку, погнавших на бойню нацию.

Но время шло. Люди знали решения Потсдама. Вопрос о налаживании отношений между ФРГ и СССР не мог не возникнуть, и он возник. К такому выводу пришел и Аденауэр, возглавивший правительство ФРГ.

Можно сказать, само время заставило этого реакционного, сверхпедантичного в жизни и политике человека посмотреть на Восток не тем взглядом, которым смотрел бесноватый фюрер. Главным стало понимание того, что могучая держава-победительница живет и будет жить и без Западной Германии. Тем более что рядом же, на части территории бывшей Германии, возникло новое по социальной природе государство — Германская Демократическая Республика, само существование которой — событие исторического значения.

Если бы Запад остался верен принципам Потсдама, если бы он в годы «холодной войны» не сжег мосты согласия, взяв курс на раздел Германии, то не исключено, что ее будущее могло бы сложиться иначе. Историю, однако, задним числом не переделаешь. Мы видим в Европе два германских государства, причем Федеративная Республика возникла первой.

Германию расчленили не с Востока, а с Запада. В «Памятном» почти никто не цитируется, но в данном случае стоит изменить правилу. Не кто иной, как посол США в СССР Уолтер Беделл Смит признался, что «лишь револьвер, приставленный к груди, мог бы заставить западные державы отказаться от создания западногерманского правительства».[9]

О советской позиции по этому вопросу говорят факты. 10 марта 1952 г. Советское правительство выступило с проектом основ мирного договора с Германией, в котором предлагалось

восстановить ее как единое суверенное государство и обеспечить ему равноправное положение среди других стран Европы. Причем Германия получала бы право иметь свои национальные вооруженные силы для обороны страны, а также производить для них военные материалы и технику. Однако она должна была отказаться от участия в военных коалициях и союзах, направленных против любой державы, воевавшей против гитлеризма. Мы предлагали вести дело к скорейшему образованию общегерманского правительства, а также провести свободные выборы по всей Германии.

В ответ на наши предложения последовали удивительные с точки зрения здравого смысла реакция западных держав и, что было совсем непонятно, недовольство и даже раздражение Бонна. Здравый смысл окончательно изменил Аденауэру и его окружению. Вокруг советского предложения началась пропагандистская игра. В ее круговороте утопили воссоединение Германии.

Более грубого политического просчета в послевоенной истории не совершало ни одно европейское правительство. Пальма первенства здесь, безусловно, принадлежит Аденауэру. Паника и сумятица в ответ на советское предложение воссоединить Германию — вот какой оказалась реакция Запада. Исторический шанс был упущен. Более того, ФРГ стала частью антисоветского западного военного союза. Это был неумный шаг. Ведь необходимо помнить, что в момент, когда Бонн начал играть военными мускулами, Советский Союз и Германия все еще находились в состоянии войны, которое было ликвидировано только 25 января 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Известно, что Аденауэр так и не признал своего исторического просчета. Тем не менее в сентябре 1955 года он во главе правительственной делегации прибыл в Москву и пошел на установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Именно он впоследствии постоянно выступал со странными заявлениями о том, что якобы Бонн уполномочен представлять «весь германский народ».

В 1957 году он отверг предложение правительства ГДР, в котором выдвигалась идея германской конфедерации. Втянутая в западный военный союз ФРГ стала ему дороже идеи воссоединения.

С тех пор прошло много лет. Политические и социальные дороги двух германских государств разошлись.

Итак, 1955 год.

На Внуковском аэродроме из самолета выходит подтянутый

человек со строгими чертами лица. Вид у него скорее озабоченный, хотя он пытается быть приветливым. Задача впереди непростая… Аденауэр прилетел в Москву с целью установления дипломатических отношений между ФРГ и СССР. Он сделал это после тяжелых раздумий.

Так произошло крупное событие в послевоенной Европе. Нормализация советско-западногерманских отношений способствовала дальнейшему закреплению итогов войны. Позитивные последствия этой нормализации сказались и на общем положении в Европе, и на отношениях СССР с отдельными западноевропейскими государствами.

Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ явилось важным шагом в деле преодоления пропасти отчужденности.

Припоминаю такой факт, относящийся к пребыванию Аденауэра в советской столице. В то время с территории Западной Германии в массовом масштабе запускались воздушные шары, приспособленные для разведывательных целей над советской территорией. На улице Алексея Толстого, во дворе особняка, где велись переговоры с канцлером, была устроена соответствующая выставка, которую показали Аденауэру. При ее осмотре он пожимал плечами.

— Выходит, — говорил он, — что западные державы используют территорию ФРГ для этих целей, причем даже не советуясь со мной.

Переговоры проходили непросто, но дело было сделано. Одержал верх здравый смысл. Дипломатические отношения были установлены.

В последний раз я встретился с Аденауэром в 1959 году при несколько необычных обстоятельствах. Он спускался вниз по парадной лестнице Белого дома, а я и мои коллеги, министры иностранных дел Англии и Франции, прибывшие прямо с совещания в Женеве для участия в церемонии похорон Даллеса, поднимались по ней, чтобы нанести визит президенту Эйзенхауэру. Аденауэр, увидев меня, остановился и сказал:

— Я потерял друга.

Не спорил я с канцлером. Он действительно потерял друга. Ему охотно в этом можно было верить. Весь мир знал, что Аденауэр и Даллес — политические братья.

Аденауэр особенно не желал заглядывать в будущее, но ему не давала покоя идея поглощения ГДР.

Ночь на 13 августа 1961 года...

Важным событием в жизни послевоенной Европы стало 13 августа 1961 года. Это событие было связано с мерами по укреплению государственной границы Германской Демократической Республики, ее суверенитета.

Правительства западных держав не проявили готовности к решению германской проблемы и урегулированию положения вокруг Западного Берлина. Они с порога отвергали советские инициативы. Более того, они усиливали военные приготовления, грубо попирали важнейшие международные соглашения, предусматривающие искоренение германского милитаризма и предотвращение его возрождения в любой форме.

Правительства стран Варшавского Договора обратились к Народной палате и правительству ГДР, ко всем трудящимся Германской Демократической Республики с предложением установить на границах Западного Берлина такой порядок, который надежно преградил бы путь для подрывной деятельности против государств социалистического содружества, а вокруг всей территории Западного Берлина, включая его границу с демократическим Берлином, организовать надежную охрану и эффективный контроль. В соответствии с этим Совет Министров ГДР принял постановление о мероприятиях по защите ГДР, особенно ее столицы — Берлина. В памятную ночь с 12 на 13 августа граница между Западным и Восточным Берлином закрылась на прочный замок.

Удар по реваншистским амбициям оказался настолько сильным, что через два года духовный отец реваншистского курса Аденауэр вышел в отставку. Недолго продержался на посту и следующий канцлер — Людвиг Эрхардт, пытавшийся продолжать обанкротившуюся политику отказа от признания ГДР.

Брандт вписал страницу в историю

Твердая позиция Советского Союза и других социалистических стран в борьбе за признание территориально-политических реальностей на Европейском континенте, конструктивные усилия по обеспечению безопасности в Европе, появление реалистических тенденций в политике ФРГ создали условия для подготовки договора между СССР и ФРГ.

Согласие на договор было обоюдным. Переговоры начались. Представители запаслись терпением. Аргументы отточены. Со стороны ФРГ их вел министр иностранных дел Вальтер Шеель.

В период переговоров у меня с ним состоялось пятнадцать встреч, чтобы довести основную подготовку документа до завершения. До переговоров с Шеелем пришлось еще пятнадцать раз встречаться также в Москве с известным деятелем социал-демократической партии Эгоном Баром, который являлся статс-секретарем в ведомстве федерального канцлера. Равное число встреч — просто совпадение.

Работа с обоими моими партнерами была достаточно эффективной, хотя дрались за свои позиции посланцы ФРГ с упорством. Однако то было время, когда в кресле канцлера ФРГ находился социал-демократ Вилли Брандт. А член его же партии Бар и представитель партии свободных демократов Шеель полностью разделяли взгляды Брандта. Они, эти взгляды, доминировали в позиции наших партнеров. Много было споров, зигзагов, тупиков, нервных вспышек, но основную нить участники не теряли, что и обеспечило договоренность.

Брандт был нам в Москве уже хорошо известен. Мои встречи с Брандтом дают основание сказать, что это один из выдающихся деятелей Федеративной Республики Германии. Во время войны он оказался в эмиграции в Швеции. Он предпочел лучше оставить свою страну, чем склонить голову перед свастикой. Это само по себе делало ему честь.

О Брандте писать и легко и трудно. Легко потому, что за сорокалетний период после войны он свои взгляды продемонстрировал достаточно полно. Продемонстрировал и на посту канцлера. А трудно потому, что человек он многогранный.

Прежде чем оказаться на верхушке пирамиды государственной власти в Бонне, Брандт в течение нескольких лет являлся бургомистром Западного Берлина. На этом деликатном и непростом посту он приобрел немалый опыт, который ему пригодился в последующем. Но не менее важным является и то, что, находясь у границы, отделяющей мир социализма от мира

капитализма, он соприкасался с делами, которые возникали, да и сейчас продолжают возникать у властей Западного Берлина и правительства ГДР.

Естественно, бургомистру приходилось заниматься такого рода делами. Случалось входить в контакты не только с представителями ГДР, но и с советским посольством. Советским дипломатам и лично мне не раз доводилось замечать, что в ходе разговоров по текущим делам Брандт часто находил возможности, чтобы высказать свои взгляды и по вопросам отношений между СССР и ФРГ. Заглядывал он и дальше, высказывая меткие суждения по вопросам отношений между Востоком и Западом в целом.

Уже тогда Брандт ощущал ту основу, на которой только и могут строиться отношения между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии. Тезис о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем он считал именно тем фундаментом, на котором можно возводить здание советско-западногерманских отношений. Считал и соответственно строил практическую политику в этой области.

В течение некоторого времени после победы на выборах социал-демократов в ФРГМосква присматривалась, какая волна в политической жизни этой страны возьмет верх — в сторону смягчения отношений или, наоборот, по направлению к тому зыбкому мосту, который строили Аденауэр и его преемники. Вдобавок стало ясно, что одного установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ недостаточно. Две такие страны обязаны двигаться вперед в развитии своих отношений, а не останавливаться, чего фактически хотели Аденауэр и его преемник Эрхардт.

Немалые препятствия подписанию договора чинили его противники. Эти деятели часто больше тяготели к прошлому, нежели к будущему немецкого народа. В конце концов благодаря широкому взгляду на вещи и желанию привести дела в соответствие с реальностями жизни Брандт умелой рукой довел с западногерманского конца до успешного завершения переговоры, а затем и ратификацию договора. Хотя бессонных ночей ему, говорят, пришлось пережить немало.

Можно определенно сказать, что канцлер Брандт сделал стратегический ход в политике, когда дал согласие на то, чтобы под советско-западногерманские отношения подвести договорную основу.

Московский договор 1970 года

Советский Союз последовательно выступал за договор с ФРГ. И от него во многом зависело, каким быть этому договору. Мне памятно то время. На первой стадии основой для успеха, как ее видел Советский Союз, являлось то, чтобы стороны в качестве главной цели поставили — строить отношения мира. Это необходимо было ясно отразить в договоре.

Требовалось взять четкие обязательства о признании сложившихся после войны границ, в том числе границу по Одеру — Нейсе в соответствии с Потсдамским соглашением трех держав, о признании ГДР как суверенного государства, договориться о развитии между СССР и ФРГ взаимовыгодных экономических отношений и связей в других областях.

По всем главным пунктам, а также по тем, которые неизбежно вытекали из этих магистральных направлений, происходил детальнейший обмен мнениями. Пожалуй, ни до ни после этих переговоров мне и советским товарищам, которые работали вместе со мной, не приходилось так детально прорабатывать все стороны вопросов, как в ходе этих переговоров. Тут я должен особо подчеркнуть помощь со стороны видного советского дипломата В. М. Фалина.

Как и следовало предполагать, наиболее трудным оказался вопрос о границах. Вопрос о признании ГДР как самостоятельного, независимого государства сразу же превратился в проблему границы между двумя германскими государствами. Навязчивая концепция «объединения Германии», а точнее говоря, поглощения ГДР Западной Германией до конца оставалась камнем преткновения. Самых разных концепций в головах представителей ФРГ на этот счет было немало.

Не один раз я спрашивал Бара:

— Неужели вы не отдаете себе отчета в том, что Советский Союз не пойдет ни на какую сделку, которая приоткрывала бы лазейку для ущемления законных интересов ГДР как суверенного государства? Всякий намек на возможность объединения двух германских государств неприемлем, мы его категорически отвергаем, поскольку ГДР и ФРГ развиваются по противоположным социальным путям.

После затяжных и трудных переговоров западногерманская сторона согласилась снять свои претензии. Она ограничилась направлением в Президиум Верховного Совета СССР одностороннего письма с изложением своих взглядов по данному вопросу. С нашей стороны было заявлено:

— Это дело правительства ФРГ, кому и какое письмо посылать. Односторонний документ ни к чему нас не обязывает.

Трудностей по согласованию каждой статьи договора пришлось преодолеть затем все же немало. Требовалось добиться согласия западногерманских представителей на такие формулировки, которые содержали бы четкие обязательства сторон.

Особо следует выделить трудности, возникшие при разработке статьи о нерушимости европейских границ, и значение этой статьи. Отнюдь не простым представлялся вопрос о том, что она должна означать и политически и юридически.

Наши партнеры по переговорам всячески уходили от того, чтобы в этот вопрос вносилась полная ясность, пытались вести дело так, будто окончательное определение границ — дело будущего. Это, конечно, было решительно отклонено советской стороной. В результате они не смогли устоять перед логикой исторической справедливости, и формулировку мы согласовали.

В итоге Московский договор в указанном кардинальном вопросе предельно четок. В его статье 3 говорится: «…Союз Советских Социалистических Республик и Федеративная Республика Германии едины в признании ими того, что мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы.

Они берут на себя обязательство неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах;

они заявляют, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем;

они рассматривают как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего договора, в том числе линию Одер — Нейсе, которая является западной границей Польской Народной Республики, и границу между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой».

Каждое из приведенных положений сформулировано ясно, весомо.

Возвращаясь сегодня к тем дням, ставшим уже историей, могу сказать, что основная работа по подготовке положений договора практически протекала во время наших бесед с Баром. Именно в ходе этих бесед родилась вначале «Договоренность о намерениях», которая определила содержание шагов по закреплению территориально-политических реальностей и оздоровлению обстановки в Европе.

Итак, оставалось только все это облечь в надлежащую договорную форму. Наступила, как уже упомянуто выше, вторая стадия переговоров, уже с министром Шеелем.

Оглядываясь назад, должен сказать, что только решимость обеих сторон довести дело до успешного конца и понимание сторонами ответственности обеспечило успешное завершение работы над договором. Не будь решимости и понимания ответственности, мы бы не завершили дело, а перспектива осталась бы туманной.

Содержание этих переговоров само по себе породило обилие документов и записей, которые являются достоянием обеих сторон. Историки, несомненно, много раз будут к ним обращаться в поисках истины, в поисках выяснения позиций сторон во время переговоров.

Подписание Московского договора состоялось 12 августа 1970 года в Екатерининском зале Кремля. С советской стороны договор подписали А. Н. Косыгин и А. А. Громыко, с западногерманской — Вилли Брандт и Вальтер Шеель.

Хочу при этом снова подчеркнуть большую роль в разработке этого договора, если говорить о западногерманской стороне, лично канцлера Брандта, который вел дело убежденно. Это, конечно, был наиболее крупный политический акт в период его пребывания на посту канцлера.

Подписание, а затем и ратификация договора были встречены и в Европе и в мире с энтузиазмом. Вздохнули с облегчением народы Европы, да и весь мир.

Я пишу эти строки с известным волнением и полным сознанием того, что любой шаг к снижению напряженности в Европе и улучшению положения на континенте — это вклад в то здание мира, которое Советский Союз совместно с другими государствами готов строить и впредь, не жалея усилий.

В целом Московский договор составляет важнейшее звено в системе мирных отношений между европейскими странами. Он послужил энергичным стимулом для продвижения вперед дела безопасности и сотрудничества в Европе, оздоровления политического климата в мире. Душой договора является принцип нерушимости европейских границ, сложившихся в итоге второй мировой войны.

Таков основной исторический смысл Московского договора. Такой же смысл и подписанных вслед за ним договоров ПНР, ГДР и ЧССР с ФРГ, а также Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину.

3 сентября 1971 года в Западном Берлине, в здании бывшего союзного Контрольного совета на Потсдамерштрассе, 196, посол

СССР в ГДР, послы США, Великобритании, Франции в ФРГ поставили свои подписи под документом, который вошел в историю как Четырехстороннее соглашение. Так завершился изнурительный дипломатический марафон, который состоял из тридцати трех заседаний. В ходе его с огромным трудом были согласованы важные положения.

С первых дней стоял вопрос даже о предмете переговоров. Западные державы настаивали на том, чтобы обсуждать вопрос о «Берлине в целом», что не отвечало существовавшему положению вещей. СССР добивался принятия формулировки «Западный Берлин». В конце концов договорились об определении «Западные секторы Берлина».

Много спорить пришлось относительно официального названия Германской Демократической Республики, без которого в тексте соглашения нельзя было обойтись. Как только возникала аббревиатура ГДР, так партнеры по переговорам из западных стран будто в рот воды набирали. Прошло полгода, прежде чем они научились выговаривать эти три буквы.

Подписанное соглашение ознаменовало важный этап в истории города. Оно положило конец более чем двадцатилетнему кризису вокруг Западного Берлина. В нем точно и обоснованно с международно-правовой точки зрения зафиксирован статус Западного

Берлина как самостоятельного политического формирования. Документ отмечает, что западные секторы «по-прежнему не являются составной частью Федеративной Республики Германии и не будут управляться ею и впредь». Таким образом, Четырехстороннее соглашение способствовало нормализации обстановки в этом весьма опасном районе. Только на протяжении послевоенной истории дважды — в 1948 и 1961 годах — напряженность вокруг города, которую нагнетал Запад, достигала критической отметки.

Четырехстороннее соглашение стало важным шагом к обеспечению прочного мира в Европе. Достаточно вспомнить, что после 3 сентября 1971 года правительство ГДР и западноберлинский сенат заключили более двадцати различных соглашений. А за пятнадцать лет после подписания Четырехстороннего соглашения товарооборот между СССР и Западным Берлином вырос более чем в пятнадцать раз и превысил в 1985 году 400 миллионов рублей.

Кое-кому на Западе хотелось бы уничтожить четырехстороннюю договоренность по Западному Берлину и сделать его частью ФРГ. Однако это означало бы снова создать взрывоопасную обстановку вокруг города. Единственный путь

разрядки напряженности и мира в этой части Европы — это строгое соблюдение положений Четырехстороннего соглашения.

Хочу специально отметить, что большой вклад в переговоры и разработку документов, связанных с договоренностями по Западному Берлину, внес опытный и способный советский дипломат П. А. Абрасимов.

Через короткое время после подписания Московского договора состоялась очередная встреча с министром иностранных дел ФРГ; в нее закрался и веселый момент. Вальтер Шеель, улучив свободную минутку, сказал мне:

— А знаете, господин Громыко, у меня в семье прибавление. Родилась дочь. И я назвал ее Андреа. Есть такое немецкое имя. Но в данном случае это сделано в вашу честь. Мы сговорились об этом с женой.

Признаюсь, я несколько смутился. Но тут же решил отделаться шуткой:

— Такое решение, конечно, лежит целиком и полностью на вашей с женой ответственности. Тут стопроцентный ваш суверенитет. А в общем мне приятно было об этом услышать.

Уроки лучше не забывать

Годы, последовавшие за договором, показали, что СССР и ФРГ при желании могут сотрудничать. Мне приходилось не раз встречаться с президентами Вальтером Шеелем и Карлом Карстенсом, канцлерами Вилли Брандтом и Гельмутом Шмидтом, с министром иностранных дел Гансом Дитрихом Геншером. Это были, как правило, емкие встречи, которые во многом позволяли находить взаимопонимание. Но только как правило. Исключений тоже случалось немало.

Конечно, нельзя представлять отношения между СССР и ФРГ в идиллическом свете. Обе страны принадлежат к противоположным социальным системам. У каждой из них свои союзники и друзья. Есть и вопросы, по которым позиции диаметрально противоположны. Но при всем том руководство обеих стран должно сознавать, что можно и нужно находить общий язык.

Ныне в советско-западногерманских отношениях наступил новый, ответственный этап.

Советский Союз не мог и не может проходить мимо того, что в ФРГ все еще существуют силы, которые и по сей день не отрешились от расчетов на пересмотр тех европейских границ, которые сложились после второй мировой войны.

Это мы говорили, когда заключили договор с ФРГ. Это мы говорили позже. Это мы говорим и сегодня. А тем, кто мечтает о реванше, нелишне напомнить: германский рейх сгорел в огне второй мировой войны, возврата к нему нет и не будет.

Глубоко прав был крупный и талантливый советский дипломат В. С. Семенов, который, оценивая все ходы, все сложные зигзаги в политике правительства ФРГ в тот период, комментировал это так:

— Время покажет, насколько те круги, которые определяют в ФРГ политический курс страны, серьезно понимают, что вопрос границ — это вопрос войны и мира. Другими словами, насколько ФРГ освободится от реваншистского духа, еще далеко не выветрившегося из рядов боннских политиков.

Когда бы и где бы ни излагали представители СССР политику советского руководства в отношении стран Запада, они всегда со всей силой подчеркивали и сегодня подчеркивают, что Советский Союз не замышлял и не замышляет ничего худого ни против ФРГ, ни против какой-либо другой страны НАТО. Мы верим, что, как и советский народ, их народы также не хотят ядерной катастрофы. Они хотят только мира.

Шмидт: мои впечатления

Одним из крупных деятелей ФРГ, оставившим свой след в политике страны, а если взглянуть шире, то и повлиявшим на ход международных событий в семидесятые годы, является Гельмут Шмидт, занимавший одно время пост канцлера. Как политик Шмидт сформировался в послевоенное время. Его деятельность на протяжении трех десятилетий связана с социал-демократической партией. С ней же связаны его взлеты и падения. Он как-то рассказывал в моем присутствии:

— В годы войны я был офицером вермахта. В течение некоторого времени мы находились в одной из частей в Завидово, что в юго-восточной части Калининской области. В памяти осталось первоклассное завидовское охотничье угодье.

Шмидт не уточнял, удалось ли ему поохотиться на диких кабанов. Но можно не сомневаться, что он видел грабеж и насилие, весь набор преступлений, которые гитлеровские палачи совершали против советских граждан в городах и селах нашей страны.

Правда, Шмидт, рассказывая о своем пребывании в Завидово, заметил:

— Я принадлежал к числу тех офицеров, которые чувствовали обреченность гитлеровской авантюры против советского народа.

Конечно, исключать этого нельзя. Мы готовы поверить утверждениям Шмидта. Среди офицерского состава фашистских войск встречались такие люди. Но большинство из них пунктуально исполняло приказы своих командиров, не задумываясь над тем, какие несчастья и страдания эти приказы несли людям, народу.

Из моих бесед со Шмидтом, когда он входил в кабинет Брандта как министр обороны, затем, когда он сам стал федеральным канцлером, я вынес определенное мнение: от того духа, которым была пропитана в прошлом его жизнь, жизненная философия как офицера германского вермахта, этот способный, волевой человек так до конца и не освободился.

Казалось бы, для партии социал-демократов и ее руководства в свете прошлого опыта должно стать ясным, что будущее ФРГ, как и других государств, можно обеспечить только в условиях мира и мирных отношений со всеми странами, и в первую очередь с Советским Союзом и ГДР. Именно это нашло отражение в договорах ряда социалистических государств с Федеративной Республикой Германии.

Шмидт выступал за заключение, а затем и реализацию ФРГ

«восточных договоров». Он заявлял о своей приверженности существовавшему военно-стратегическому равновесию между НАТО и Варшавским Договором, признавал это равновесие.

Но во всех беседах, которые у меня состоялись с канцлером, Шмидт неизменно проявлял заботу о том, чтобы оправдать шаги НАТО по все большему наращиванию вооружений. Он как бы не замечал приводившихся ему с нашей стороны данных о вооружениях и соотношении вооруженных сил двух противостоящих военно-политических союзов.

Однажды во время визита в Бонн я продемонстрировал ему географическую карту, показывающую размещение в Европе носителей ядерного оружия обеих группировок государств. Я ожидал комментариев канцлера ФРГ. Вместо них Шмидт поначалу просто попросил:

— Если можно, оставьте мне, пожалуйста, эту карту. Я рассмотрю ее подробнее.

Мы дали ему возможность ознакомиться с картой поподробнее. Но он затем вновь повторил свой тезис:

— Мне не нравятся советские ракеты СС-20.

Логика проста: американское ядерное оружие, нацеленное на Советский Союз, нравится, а советское оружие не нравится.

На совести правительства ФРГ, которое возглавлял Шмидт до осени 1982 года, лежит решение о том, чтобы распахнуть дверь этой страны перед новыми американскими ядерными ракетами. На подобный шаг не рискнул пойти даже Аденауэр в 1957 году, когда американцы предлагали ему разместить на территории ФРГ американские ракеты средней дальности «Тор» и «Юпитер».

Безопасность ФРГ от размещения американских ракет «Першинг-2» не укрепилась. Это понимают и многие политики ФРГ. Социал-демократическая партия, когда она оказалась в оппозиции, заняла более реалистическую позицию, чем Шмидт, и, по существу, отвернулась от своего лидера.

Шмидт в общем прав, когда подает себя как политика-прагматика. Но прагматизм все же бывает разный.

Шмидт старался — не без основания — показать свою способность принимать быстрые решения. Этот образ им тщательно культивировался. Сама манера общения со сторонниками по партии, с членами правительства, отношения с партнерами из западных стран как бы демонстрировали эту его способность. Но ведь этого мало, чтобы идти в ногу со временем, чтобы не очутиться на обочине большой дороги.

Для лучшего понимания Шмидта как политического деятеля нелишне сопоставить его теоретические изыскания и его практическую деятельность на посту канцлера. Различие между

тем, что он предлагал в своих теоретических работах, и тем, что он отстаивал как канцлер ФРГ, большое.

Претензии на роль лидера партии и государства, судя по всему, предопределили выбор тех тем, которые Шмидт сделал предметом своих теоретических изысканий. У него есть работы по военно-стратегическим вопросам, по экономической и финансовой политике.

Наглядный пример — его позиция по вопросу размещения в ФРГ американских ракет средней дальности. В своих книгах по военно-стратегическим делам Шмидт пишет: ответственный политик никогда на территории ФРГ размещать ракеты не будет, поскольку это — магнит для ядерного удара другой стороны. Место таким ракетам на Аляске, на Лабрадоре, в Гренландии и т. п., но только не в густонаселенной Европе.

Но это в книге. А на практике?

Что предпринял Шмидт в ноябре 1977 года? Своим выступлением в Лондонском институте стратегических исследований он практически сделал первый шаг в направлении размещения новых американских ракет в ФРГ.

Позже Шмидт сам признавался в своих заблуждениях. Произошло это уже после того, как ему пришлось уйти в отставку. Просчет? Да, просчет. Но у народа память сильнее, чем у отдельного лица.

Точно так же Шмидт просчитался и во многих других своих прогнозах. Ведь это именно он, поучая Форда и Картера, как лучше руководить американской, а заодно и мировой экономикой, советовал укрепить доллар, видимо не представляя, к каким способам могут прибегнуть США и какие последствия это будет иметь для самой ФРГ и для Западной Европы в целом. В Вашингтоне тогда посмеивались над Шмидтом, иронически называя его «Шмидт-Наполеон». Но с приходом Рейгана к власти учетные ставки повысили, и США на этом получили за счет Западной Европы миллиарды долларов для финансирования военных программ. Коллеги по СДПГ говорили о Шмидте:

— Он в своей основе остался не только социал-демократом, но и прусским офицером с консервативными взглядами.

Справедливости ради надо сказать, что Шмидт кое-что сделал для развития советско-западногерманских экономических отношений. Шмидт знал, как, с его точки зрения, решить тот или иной конкретный вопрос, однако недооценивал те последствия, к которым вели некоторые принимаемые им решения. И в этом его главное отличие от предшественника на посту федерального канцлера — Брандта.

А жизнь мстит тем деятелям ФРГ, которые не хотят видеть

основного: при всем различии государственных, общественных структур и идеологий у обеих стран имеется широкая общность интересов долговременного характера. Она обусловлена такими непреходящими факторами, как географическая близость, специфика экономических потенциалов, хорошо дополняющих друг друга, потребность в культурном общении и, что особенно важно, желание народов Советского Союза и Федеративной Республики Германии жить в мире.

Чем большая дистанция отделяет нас от того дня, когда был заключен исторический Московский договор, тем яснее становятся масштабность и дальновидность принятых тогда совместных решений. Советский Союз и теперь выступает за то, чтобы не только сохранить, но и приумножить то положительное, чего удалось достигнуть.

Встречался я с Гельмутом Шмидтом и впоследствии, уже в мае 1988 года, в Москве. Он давно отошел от официальных государственных дел ФРГ, но всю свою кипучую энергию, — а ее, несмотря на возраст, оказалось немало — сосредоточил на работе крупной международной неправительственной организации — «Совета взаимодействия», в состав которого входят бывшие президенты, премьер-министры и министры иностранных дел разных стран, в том числе и в первую очередь самых больших. Шмидт стал ее председателем, а бывший премьер-министр Японии Такэо Фукуда — почетным председателем. Цель этой организации благородная — искать и находить решения важнейших проблем современности, отдавая приоритет разоружению и сохранению жизни на Земле. Свои рекомендации «Совет взаимодействия» выносит в ООН и на рассмотрение правительств крупнейших стран.

Мы долго беседовали втроем со Шмидтом и Фукудой в Кремле. Разговор шел о мире и его проблемах, сложных и противоречивых. Прощаясь, гости от имени своей организации передали памятный сувенир — небольшой макет Земли в виде шара из пластика. Он отражал картину поверхности планеты на начало 1988 года.

— Посмотрите, — сказал Шмидт, — на земле уже очень много желтого цвета пустынь рядом с голубым — водой и зеленым — лесами.

— Этот макет сделан в Японии по фотографиям, снятым со спутников, — добавил Фукуда, — два года назад мы сделали такой же. Желтого цвета на том было меньше, особенно в Африке.

Этот макет был помещен среди других подарков нашему законодательному органу, рядом с залом заседаний Президиума Верховного Совета СССР.

Глава X
И ОПЯТЬ ДЕЛА ЕВРОПЕЙСКИЕ

Если речь заходит об Италии… Пальмиро Тольятти. Луиджи Лонго вспоминал. Идея, впервые высказанная в Риме. Галерея государственных деятелей. «Любви глашатай вековой». Каменная громада на воде. Обитатели Квиринаяа. Там, где Ганнибал нанес поражение легионам. Красная гвоздика — символ Гуттузо. Две Татьяны. Беседы в Ватикане. Мадрид — седая древность и день сегодняшний. Страна Сервантеса, Гойи, Эль Греко. Добрый сосед — Финляндия. Швеция и ее Улоф Пальме. На земле Гамлета — принца датского. Соседство ко многому обязывает. Мудрая фраза Рубенса. Признательность народа Нидерландов. Нейтралитет не должен пошатнуться. Визитная карточка Австрии. Страна, где мне не довелось побывать. Через полюс — совсем близко.

Самые малые части света — Европа и Австралия.

По территории Европа лишь немногим больше Австралии, зато по населению — в пятьдесят раз. В Европе — очаги древних цивилизаций и крупные центры современной политики. Поддерживать и улучшать отношения со всеми странами этого континента — такой была и остается одна из основных задач нашего государства на международной арене.

Если речь заходит об Италии…

Италия… С этим словом ассоциируются вечный Рим и Венеция, Везувий и Альпы, Колизей и миланская «Ла Скала», Сикстинская капелла Микеланджело и сонеты Петрарки, Леонардо да Винчи и Рафаэль. Пожалуй, можно и остановиться. Хотя желание продолжить перечень городов, достопримечательностей, прославленных творений, имен гениев Возрождения — почти непреодолимое.

Наверно, у каждого, кто ступил на землю этой древней страны, рождаются сходные сопоставления.

Опыт истории, особенно новой, если о чем-то важном и говорит, то в первую очередь — о необходимости добрых отношений между СССР, и Италией, между двумя народами. Их летопись — неисчерпаемый родник поучительных примеров, которые необходимо учитывать обеим странам и в строительстве их современных связей. Сегодня можно сказать, что усилия, приложенные с обеих сторон, позволили в шестидесятые и последующие годы вывести эти отношения на качественно новый уровень.

Мне не раз доводилось бывать в Италии с официальными визитами. Немало государственных деятелей этой страны посетило Советский Союз.

Но прежде чем поделиться своими впечатлениями от встреч и бесед с некоторыми из ведущих итальянских деятелей, хотелось бы вкратце рассказать о тех чувствах, которые я всегда испытывал, когда речь заходила об Италии.

Интерес к этой стране, к ее истории я стал проявлять со школьной скамьи. Помню, еще в школе попалась мне в руки книжица под названием «В поисках матери». С волнением я читал о приключениях мальчика из Генуи, о его скитаниях по свету до тех пор, пока он не встретился с самым близким ему человеком. Даже Италию воспринимал я в ракурсе той сентиментальной книжки.[10]

В студенческие годы, да и позже меня продолжали волновать бурные события времен Римской империи, ее суровое величие, окутанное легендами, яркие страницы жизни полководцев и государственных деятелей далекого прошлого. Разумеется, этот интерес к походам легионов, жестоким и кровавым схваткам консулов и цезарей подогревался и тягой ко всему романтическому, свойственной молодому человеку.

Хотя чтение книг по Италии носило в основном беспорядочный характер — не всегда я доставал нужное

издание, — тем не менее определенный объем знаний накопился. Это помогло в последующем поддерживать интерес к этой стране не только по служебной необходимости, но и для изучения ее настоящего и прошлого.

Как и у всех советских людей, мои представления об Италии в немалой степени омрачались тем, что к власти в этой стране пришел в свое время фашизм. Не хотелось верить, что родиной великих поэтов, художников, скульпторов правят цивилизованные дикари, что чернорубашечники топчут Рим — наследие цезарей и Возрождения, разгуливают по Венеции и Флоренции, что памятники и культурные ценности Италии оказались в руках мракобесов.

Фашизм, совершивший тягчайшие преступления, был разгромлен. Не осталось и следов от его главарей — Гитлера и Муссолини.

А Италия живет. Нужно вспомнить еще и ветеранов, боровшихся против фашизма, активно участвовавших в движении Сопротивления.

Каждый честный человек признает, что ведущая роль в движении Сопротивления в Италии принадлежала коммунистам.

Пальмиро Тольятти

С именем Пальмиро Тольятти тесно связана история Коммунистической партии Италии, в том числе ответственный период в ее деятельности, охватывавший и время существования в Италии фашистской диктатуры. Он являлся признанным лидером партии в течение десятков лет. Не только люди, которые лично его знали и встречались с ним, но даже те, кто находился в стане противников социализма, отдавали и ныне отдают должное этому человеку за его яркий талант руководителя и несгибаемого борца за идеалы людей труда, за торжество учения Маркса — Энгельса — Ленина. Немного у меня состоялось встреч с Пальмиро Тольятти — только две. Последняя произошла тогда, когда он уже болел, незадолго до его кончины.

С грустью я смотрел на этого человека, он походил на медленно угасающую свечу. Его сильный интеллект работал безотказно, но говорил он с трудом. Скончался он в Советском Союзе — стране социализма, за торжество которого он боролся всю жизнь.

А первая встреча имела место намного раньше, во время одного из визитов Тольятти в Москву. Тогда я уже был министром иностранных дел СССР.

В Центральном Комитете партии мне сказали:

— Андрей Андреевич, Пальмиро Тольятти хотел бы с вами поговорить. Вам следовало бы откликнуться на его пожелание.

Остановился Тольятти в гостинице «Советская» на Ленинградском проспекте. Я поехал туда и прошел прямо к нему в номер. Мы тепло поприветствовали друг друга. Тольятти начал разговор и сразу же перешел к делу:

— Я высказал просьбу встретиться с вами, потому что имеется ряд международных вопросов, которые не дают мне покоя.

Обстановка в мире в то время действительно отличалась сложностью. Тогда, в конце пятидесятых годов, «холодная война» продолжалась.

Я заявил:

— С удовольствием готов побеседовать с вами на эту тему, тем более что в силу моего положения мне приходится заниматься международными делами ежедневно.

Тольятти заметил:

— Я очень много размышлял, чего хочет Запад, прежде всего США и Англия. Если прислушаться к заявлениям их лидеров, то кроме выступлений враждебного и даже агрессивного характера в

адрес Советского Союза, а заодно и в адрес братских коммунистических партий других стран иногда делаются высказывания и в пользу налаживания отношений. Мы, итальянские коммунисты, мало верим тем деятелям Запада, кто говорит, что он за нормализацию обстановки и улучшение отношений между Востоком и Западом.

Он говорил, как бы размышляя вслух.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Тольятти, — правы ли мы в своем скептицизме или, может, чего-либо недоучитываем?

В ответ я сказал:

— Этот скептицизм вполне обоснован. В доказательство правильности такой мысли можно указать на два факта.

И далее я стал развивать свою мысль:

— Во-первых, американцы создали и создают в разных районах мира многочисленные военные базы. Против кого эти базы направлены? Конечно, против Советского Союза. Об этом советское руководство не один раз заявляло, и, собственно говоря, это широко известно всем тем, кого империалистической пропаганде не так-то легко сбить с толку, хотя многим на Западе она морочит голову.

Тольятти внимательно слушал, а я продолжал:

— Во-вторых, вы, конечно, знаете, что во время Женевского совещания глав правительств четырех держав в июле 1955 года Советский Союз сделал заявление о том, что если руководители западных держав считают блок НАТО оборонительным, а не агрессивным, то СССР готов вступить в Североатлантический союз. Руководители США, Англии, Франции и сейчас еще не собрались с мыслями, чтобы дать внятный ответ на это предложение. А по существу они с ним не согласились. Я спросил Тольятти:

— Помните ли вы заключительную сцену гоголевской комедии «Ревизор»?

Тольятти сказал:

— Нет, в моей памяти эта сцена не осталась, хотя с произведениями Гоголя я знаком.

Тогда я ему напомнил:

— После всяких переживаний и треволнений перед ревизором, который прибыл, якобы чтобы проверить, как ведет себя начальство небольшого уездного городка России, это начальство вдруг узнало, что за ревизора они приняли ловкого проходимца, а вот настоящий ревизор только что прибыл в их город. Так вот. Лица участников женевской встречи, когда они услышали заявление советской делегации, о котором я только что рассказал, были похожи на изумленные физиономии персонажей

гоголевской пьесы. А я входил в состав советской делегации и очень хорошо все помню. Интереснее всего было наблюдать за Эйзенхауэром и Даллесом. Эйзенхауэр выглядел попросту растерянным, когда услышал оглашенное Булганиным заявление.

Тольятти с улыбкой сказал:

— Мне тоже доставило бы огромное удовольствие понаблюдать эту сцену.

А потом сделал политический вывод:

— Конечно, натовцы не могут согласиться с тем, чтобы состоять в одной группировке с Советским Союзом ввиду совершенно противоположных целей, которые ставят перед собой СССР со своими друзьями и страны НАТО. Да и классовая преграда является непреодолимой.

Далее Тольятти поинтересовался:

— А каково ваше мнение по поводу развития событий в германском вопросе? Американцы, англичане, да и французы активно «ухаживают» за Западной Германией. У них явно имеются планы толкнуть ФРГ на путь ремилитаризации. Мы, итальянские коммунисты, продолжаем разъяснять, что означает такая политика в отношении Западной Германии, но ведь и сама Италия постепенно все больше вовлекается в военные планы НАТО. Так что положение в Западной Европе очень сложное.

Я согласился с мыслями, которые высказал собеседник, и при этом подчеркнул:

— Один из главных вопросов международной политики, особенно европейской, — вопрос о недопущении ремилитаризации Западной Германии, так же как и Японии на Востоке. Западные державы — бывшие наши союзники по войне все больше и больше втягивают Западную Германию в свои военные планы. Видимо, нам, Советскому Союзу, нашим друзьям — братским коммунистическим партиям предстоит длительная борьба в связи с планами НАТО в отношении Западной Германии.

Тольятти разделял такую точку зрения и сказал:

— Да, борьба будет длительной и упорной. Братским партиям нужно сделать все возможное, для того чтобы не допустить превращения Западной Германии в крупную военную державу, особенно учитывая ее значительный промышленный потенциал.

Я обратил внимание Тольятти на примечательное явление в международной политике:

— Сейчас все большее внимание отводится рассмотрению вопросов разоружения. Острота этой проблемы не только не уменьшается, но и увеличивается, поскольку США и их союзники по западному блоку отклоняют все предложения Советского Союза, направленные на сокращение вооружений. Что касается

ядерного оружия, то они отклонили советское предложение, внесенное в ООН, о заключении международной конвенции о запрещении ядерного оружия и об использовании ядерной энергии только в мирных целях.

Мой собеседник очень живо реагировал на эти высказывания. Он сказал:

— Итальянские коммунисты видят одну из своих главных задач в том, чтобы поддерживать политику Советского Союза в вопросах разоружения, в том числе и запрещения ядерного оружия.

Беседа развивалась в основном вокруг международных проблем, но Тольятти сделал и ряд интересных замечаний о внутренней обстановке в Италии, о настроениях итальянской буржуазии.

— Она склоняется все больше к сотрудничеству с Соединенными Штатами Америки, — говорил руководитель Итальянской компартии, имея в виду правящий класс своей страны, — в ущерб собственным национальным интересам Италии.

Я обратил внимание на то, что Тольятти был в хорошей форме, физически выглядел нормально, быстро реагировал на соответствующие вопросы. Он проявлял широкую осведомленность в вопросах международной жизни и богатую эрудицию высококультурного человека. Мысли свои Тольятти излагал логично, чувствовалось, что он не просто импровизировал, а высказывал положения продуманные.

Таким запомнился Пальмиро Тольятти — коммунист, сын Италии, один из крупнейших деятелей международного коммунистического движения, друг Советского Союза. Таким он и вошел в историю.

Луиджи Лонго вспоминал

После скорбных дней прощания с Пальмиро Тольятти в августе 1964 года итальянские коммунисты избрали руководителем своей партии Луиджи Лонго. Это был деятель тоже крупного масштаба. О многом говорит хотя бы то, что еще в начале двадцатых годов его имя уже стало известно широкой общественности. В 1922 году Лонго приехал в Москву как один из участников IV конгресса Коммунистического Интернационала. Он слушал доклад Ленина на заседании конгресса.

Я виделся и беседовал с Лонго несколько раз, однако наиболее памятны встречи с ним в Крыму в середине пятидесятых годов. На даче, куда приехали отдыхать Лонго с супругой, отдыхал и я с Лидией Дмитриевной.

В Крым Лонго прибыл по настоятельной рекомендации врачей, которые прописали ему отдых в условиях теплого, сухого климата, морские купания. Конечно, теплый климат и в Италии, но Лонго справедливо подчеркивал:

— Во-первых, по-настоящему я могу отдохнуть только на советской земле, в стране Ленина, где и воздух кажется сладким. Во-вторых, в Италии почти невозможно найти район с таким сухим и благоприятным для здоровья климатом, как в Крыму.

Сроки нашего отдыха примерно совпадали. Часто виделись, почти ежедневно беседовали. Разговоры вели разные — и краткие и долгие.

Лонго обладал большим личным обаянием, у таких людей оно врожденное. Кроме того, жизнь, посвященная делу рабочего класса, борьбе против эксплуататоров, выковала в нем глубокие убеждения коммуниста.

Он хорошо знал труды Маркса, Энгельса, Ленина, преклонялся перед советским народом, который разбил гигантскую военную машину Гитлера.

Говорил Лонго легко, умело переходил с одного предмета на другой. Мне нравилась его манера поддерживать разговор и его обращение к конкретным фактам прошлого и настоящего. Особенно интересным оказался для меня рассказ об его участии в IV конгрессе Коминтерна. Я, естественно, высказал пожелание, чтобы Лонго поделился своими впечатлениями о нем поподробнее.

— Было это в ноябре 1922 года, — рассказывал Лонго. — 13 ноября на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» выступил Ленин. Название звучало громко, но он и сам в начале

доклада сказал, что тема слишком обширна и велика, чтобы ее вообще мог исчерпать один оратор в одной речи. Поэтому он и говорил только о небольшой части темы — о новой экономической политике. К этому времени Владивосток был взят. Это означало, что Красная Армия сбросила в море последние воинские части японских оккупантов и советская территория полностью освобождена от всех захватчиков.

Речь его лилась живо, и я слушал с огромным любопытством.

— Когда в приветствии Ленина было объявлено, что гражданская война окончена, — продолжал он, — эти слова были встречены громом аплодисментов. Казалось, что своды зала дрожат.

Лонго вспоминал:

— Все участники заседания, как зачарованные, слушали доклад Ленина, в котором он говорил о планах хозяйственного строительства в Советской республике. Он отмечал, рассматривая финансовую систему страны, что можно считать русский рубль знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. Это вызвало смех в зале. Но, говорил он, нули можно зачеркнуть, намекая на то, что Советская власть собирается предпринимать решительные меры в борьбе за стабилизацию рубля и с разрухой в хозяйстве. Это опять вызвало веселый смех и оживление в зале.

Лонго помнил этот доклад в деталях, и можно было понять, что он его пересказывает не мне первому. Естественно, любому ленинцу воспоминания об Ильиче, тем более личные, особенно дороги. Он продолжал:

— Очевидно, отвечая на различного рода выпады недоброжелателей и врагов Советской власти, Ленин прямо сказал, что в стране еще совершаются ошибки. Мы только начали учиться, говорил он, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены — добьемся хороших результатов. Ну, а те, кто критикует Советскую власть, разве не делают ошибок? Но ошибки бывают разные, говорил Ленин. Если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два — пять», а если его противники, то есть капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка».

Я, конечно, знал это образное сравнение Ленина. Оно взято из романа И. С. Тургенева «Рудин». Персонаж этого произведения Пигасов отличался женоненавистничеством и отрицал в женщинах способность к строгому логическому мышлению. Он утверждал: «Мужчина может, например, сказать, что дважды два — не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что

дважды два — стеариновая свечка». Но перебивать увлеченного рассказчика не стал. А он возбужденно говорил о самом Ильиче:

— Ленин выступал страстно, подчеркивая нужные слова и мысли, возвращаясь к ним, чтобы сделать их более понятными для аудитории. При этом Ленин не заботился, как это часто делают некоторые ораторы, о внешнем эффекте своего выступления. Для него главным была мысль, ее развитие и течение. Ему хотелось, чтобы слушатели поняли то, что он защищает, предлагает и отстаивает. Именно это покоряло аудиторию.

Как бы подтверждая свои слова ссылкой на чье-то мнение, Лонго добавил:

— Тогда я всего-навсего сам убедился в правильности того, что много раз слышал от других о Ленине, о его манере вести разговор или выступать перед аудиторией.

Лонго поделился также своими воспоминаниями, связанными с его участием в итальянском движении Сопротивления в годы второй мировой войны. Говоря о событиях того времени, он всячески старался не подчеркивать свою личную роль, хотя она широко известна.

Основная мысль, которую он стремился передать, звучала так:

— Коммунисты были душой Сопротивления. Они знали, что многим придется погибнуть, но сознательно шли на самопожертвование. Конечно, в рядах Сопротивления плечом к плечу с коммунистами боролись против фашизма и члены других партий, в частности социалистической. Это расширяло фронт участников Сопротивления, увеличивало его силу.

Лонго рассказал, как руководители итальянского Сопротивления охотились за матерым фашистским волком — Муссолини и как в конце концов его настигли и казнили.

— Так итальянский народ, — сделал вывод мой собеседник, — перевернул одну из самых черных страниц в истории своей страны.

Говорил Лонго и о другом:

— В итальянском движении Сопротивления сражались и советские люди, имена которых итальянский народ никогда не забудет.

Лонго многократно в беседах давал положительную оценку внешней политике Советского Союза.

— Считаю ее единственно правильной и отвечающей интересам не только СССР, но и всех стран, — подчеркивал Луиджи Лонго, — так как все народы хотят мира и жизни.

Идея, впервые высказанная в Риме

После крушения фашистского режима в Италии и выхода страны из войны Советский Союз в марте 1944 года восстановил с ней дипломатические отношения. А там, где есть такие отношения и когда они развиваются в нормальном русле, естественными становятся и контакты между людьми в самых различных областях, включая встречи между государственными деятелями.

Каждый раз, когда оказываешься в Риме и едешь из аэропорта к центру города, обязательно из каких-то тайников сознания приходит мысль: «Ведь я еду по старой Аппиевой дороге, на которой еще сохранились камни, аккуратно уложенные древнеримскими рабами. А сколько еще встретится на пути и руин, и полусохранившихся памятников старины!» Это ощущение, видимо, сродни тому, которое испытывают иностранцы, ступая на территорию Московского Кремля — священного места в нашей стране.

Когда въезжаешь в столицу Италии, то, независимо от того, первая ли это поездка или десятая, глаз невольно начинает искать овал Колизея, без которого Рим не был бы Римом. При виде этого гигантского памятника древности любому человеку, вероятно, трудно избавиться от мысли, что на арене Колизея погибали тысячи гладиаторов, которые шли на верную смерть по прихоти рабовладельцев. Кровавые игрища на аренах в империи стали как бы апофеозом гнета и бесправия в рабовладельческом обществе.

В Италии мне приходилось встречаться и беседовать с ее президентами, премьер-министрами, министрами иностранных дел. При этом нельзя не отметить специфику политической жизни этой страны.

После окончания второй мировой войны в Италии не выделилась какая-либо одна, пользующаяся всеобщим признанием общественная фигура, которая сравнилась бы по своему значению, например, с де Голлем во Франции, Черчиллем в Англии, Аденауэром в Западной Германии. Здесь сформировался определенный круг буржуазных деятелей, которые, перемещаясь с одного поста на другой, прочно удерживались в высшем эшелоне государственной власти. Поэтому, как мне представляется, не имеет существенного значения, в каком порядке пойдет о них речь.

Трагическая гибель в 1978 году Альдо Моро, лидера христианско-демократической партии, от рук террористов

является весомой причиной, по которой стоит назвать его имя первым.

Меня могут спросить:

— Кого из итальянских государственных и политических деятелей вы знаете лучше всех?

Не задумываясь, я отвечу:

— Альдо Моро.

Нет, это не из-за того, что его уже нет в живых. Не из-за того, что его зверское убийство, потрясшее не только итальянцев, вызывает в моей памяти образ человека, достойного страны, давшей миру великую древнюю цивилизацию, которая в той или иной мере рассеяла семена будущего по всему западному, да и не только западному, миру. Например, знаменитый кодекс Наполеона, созданный на основе постулатов римского права, сам впоследствии обогатил юридическую науку и практику романских стран Западной Европы, а через них и многих других стран.

Хотя Моро являлся представителем мира капитализма, он все же стал убежденным сторонником той точки зрения, что разногласия между государствами должны разрешаться мирным путем, а не силой оружия. Различия в общественном строе государств не должны вести к применению оружия, считал он, как бы ни обострялись разногласия между ними по спорным проблемам. Однажды он говорил мне в беседе:

— Современный мир, накопивший огромное количество ядерного оружия, не должен позволить пустить его в ход. Даже, выражаясь фигурально, и мечи римских легионеров не должны употребляться по их прямому назначению. Не говоря уже о том, что нельзя допустить применения ядерных ракет.

Слушая его, я думал: «А ведь это отдаленный потомок тех людей, которые с мечом в руке прошли по землям, где впоследствии возникли многие современные государства».

Обращает на себя внимание то, что приведенные здесь слова Альдо Моро прозвучали из его уст еще в начале семидесятых годов. Он не изменял этому своему убеждению.

Его я знал как политика незаурядного ума, вдумчивого и серьезного собеседника. Поначалу, когда мы с ним познакомились, он произвел впечатление медлительного и даже несколько флегматичного человека. Но четкость в выражении мыслей, сосредоточенность, систематичность в изложении позиций — а именно это отличало Моро на переговорах и в беседах — все эти качества уже вскоре заставили вносить коррективы в первое впечатление.

Мне много раз приходилось встречаться с Моро на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Виделись мы и в Хельсинки на

заключительном этапе общеевропейского совещания. Отстаивая общие позиции стран НАТО, он тем не менее отдавал себе отчет в том, что Восток и Запад должны жить в мире. А раз так, то они обязаны вести диалог, учитывать законные интересы друг друга.

Прежде чем Советский Союз внес на рассмотрение соответствующих государств предложение о созыве общеевропейского совещания для рассмотрения вопросов безопасности континента, советское руководство решило начать зондаж. К тому времени эта идея еще не доводилась до сведения какой-либо страны НАТО. Первой стала Италия. В апреле 1966 года я совершил визит в Рим и в ходе беседы с тогдашним премьер-министром Моро изложил содержание нашего плана.

Моро задумался, а я с нетерпением ожидал реакции. Он задал несколько вопросов, чтобы уяснить суть плана. Слово взял присутствовавший на беседе министр иностранных дел Аминторе Фанфани. Он проявил понимание смысла и значения советского предложения. Моро тоже высказал положительное к нему отношение.

Оба итальянских собеседника весьма живо отреагировали на мои соображения. Моро сказал:

— Действительно, государства нашего континента, а также США и Канада созрели для того, чтобы встретиться и совместно обсудить проблемы европейской безопасности и попытаться прийти к каким-либо согласованным решениям, которые стали бы приемлемыми как для стран Организации Варшавского Договора, так и для государств Североатлантического союза.

Беседа по этому вопросу заканчивалась определенно на конструктивной нотке. Оба собеседника — премьер и министр нашли идею совещания заслуживающей серьезного внимания.

Опять Моро задал несколько вопросов, и опять мне пришлось давать разъяснения. Затем он заявил:

— Эта идея для итальянского правительства представляется приемлемой.

В ходе наших дальнейших консультаций с широким кругом государств правительство Италии придерживалось того же мнения, что высказывали на беседе в Риме Моро и Фанфани.

И действительно, Италия придерживалась конструктивной позиции в течение всей работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Моро возглавлял итальянскую делегацию, прибывшую в Хельсинки на завершающий этап совещания, и от имени своей страны подписал Заключительный акт.

Никогда Моро не проявлял спешки при рассмотрении какого-то вопроса. Главным он считал конечный результат обсуждения и

всегда держался спокойно, когда высказывал свои взгляды. Ни разу я не наблюдал, чтобы он нервничал. Думаю, что каждый, кто хотел бы нарушить его рассудительный тон изложения позиции Италии, потерпел бы неудачу.

После одной из бесед, когда мы выходили от Моро, я сказал советскому послу в Италии Н. С. Рыжову:

— Да, этот итальянский собеседник обладает такой же нервной системой, как юный Гай Муций Сцевола![11] И ничуть не слабее!

Посол меня понял и улыбнулся.

Моро обладал достаточной подготовкой, чтобы считаться в области внешней политики одним из наиболее компетентных деятелей Италии. Но он неплохо знал и экономику своей страны, ее сильные и слабые стороны.

Много раз я слышал о личной скромности Моро. Это совпадает и с моими собственными наблюдениями. Он, например, никогда не заботился, появится ли в прессе его заявление или его фотография в связи с той или иной встречей. Такая его черта была широко известна, и люди это ценили.

Запомнился Альдо Моро еще и тем, как он с любовью, но, по-моему, объективно говорил об итальянцах. Умение так рассуждать о собственном народе — не частое явление.

Был вечер. Рим — южный город, и, как везде на юге, сумерки в нем летом наступали быстро. А мы разговаривали. Речь шла о политике, об идеологии, а потом — на необычную тему.

— А знаете, в чем итальянцы отличаются от русских? — неожиданно спросил Моро.

Я сказал собеседнику:

— Раньше, когда я знакомился с вашей страной только по литературе и по картинам ее выдающихся художников, мне казалось, что итальянцы на каждом шагу поют, танцуют, смеются и плачут. Да еще катаются в гондолах по каналам ваших городов. Конечно, они и работают, но об этом как-то не думалось, — в труде все народы везде на Земле равны.

Моро не удивился тому, что услышал от меня.

— Так обычно и думают об итальянцах за рубежом, — заметил он. — Раз итальянец с итальянкой идут или сидят вместе, так они должны обязательно запеть или, по крайней мере, поцеловаться, чтобы все другие вокруг это видели.

А какова реальность? — спросил самого себя мой собеседник. — Итальянцы почти ничем не отличаются от других народов. Конечно, они живут на юге и представляют собой сложное смешение племен и народностей, которые населяли Апеннинский полуостров в далеком прошлом. Происхождение

этого сплава, его черты, особенности и сейчас еще не полностью прослежены. И вовсе не надо судить о молодых итальянцах по их поведению во время парадного шествия гондол по каналам Венеции.

На это я заметил:

— Ваш соратник по политической деятельности — господин Фанфани мне не раз говорил, что если я не побываю в его родном городе — Венеции, то могу считать, что не побывал в Италии. При такой постановке вопроса я, конечно, согласился с тем, что в Венеции побывать следует. Тем более, что в противном случае Фанфани не собирался засчитывать мои визиты в вашу страну. И представьте себе, я попал в этот чудесный город. Но случилось так, что на каналах тогда не было гондол. Два дня шел дождь, и мы с сопровождавшими нас итальянцами шутили: «Не приложило ли к такой погоде руку американское ЦРУ?»

Тут Моро вспомнил случай, который произошел в тот день, когда он посещал Венецию:

— Было это именно в момент парада гондол. Упала в воду из одной гондолы девушка. Конечно, все, и в первую очередь гондольеры, переполошились. Она начала тонуть. Но сразу же несколько мужчин бросились в воду, чтобы помочь синьорине выбраться из канала. Тот, кто прыгнул первым, и спас ее.

Думаю, — добавил Моро, — что эта сцена, возможно, была разыграна. Но так пусть считают рационалисты. На самом же деле все обстояло внешне естественно. У итальянцев вымысел от правды иногда отличить трудно. Мы в известном смысле — прирожденные артисты. Конечно, это не относится к серьезной политике. Вот в этом мы чуть отличаемся от русских.

Вероятно, Моро сознательно обращал внимание лишь на одну сторону характера его соотечественников, отдавая себе отчет в том, что слушатель вполне поймет патриотические чувства и оценит изящные примеры при описании психологии жителя Венеции, Рима или любого другого города страны.

Смотрел я на Моро и сделал ему совершенно искренний комплимент:

— Да вы и сами могли бы состязаться со спасателями. Вы — стройный, подтянутый, выглядите как отличный спортсмен, к тому же вы еще и психолог.

…Этот разговор я вспомнил в ту минуту, когда прочел сообщение о том, что тело Моро было обнаружено в багажнике автомашины на одной из улиц в центре Вечного города. Длинный мартиролог жертв заговоров, больших и малых, за более чем две с половиной тысячи лет истории Рима пополнился еще одной…

События, связанные с убийством Альдо Моро, представлялись

для итальянской общественности настолько необычными, настолько они приковывали внимание всей страны, что кинематографисты, основываясь на скрупулезно собранном досье — материалах суда, создали художественный фильм «Дело Моро». Он с необычным, можно даже сказать, сенсационным успехом прошел по экранам Италии.

Галерея государственных деятелей

В галерее государственных деятелей Италии, отличающихся особой способностью к «политическому выживанию», несмотря на все перипетии внутриполитической жизни, пальма первенства, видимо, принадлежит Аминторе Фанфани — одному из лидеров христианско-демократической партии. Он являлся и премьер-министром, и председателем сената, и министром иностранных дел, имел и ряд других министерских портфелей. Его знали как человека всегда активного, моторного. Далеко не всякий деятель, даже больших способностей, может так уверенно шагать под неспокойным политическим небом Италии и ни разу серьезно не оступиться, не скомпрометировать себя во вред карьере.

Фанфани — убежденный сторонник воззрений ведущей буржуазной партии страны. Он хорошо знает, что нужно правящему классу, которому он лично все время исправно служил. Но в отличие от многих других деятелей Фанфани — искусный тактик, быстро ориентирующийся в том, что, когда и где сказать, а главное — сделать. Он тактик-виртуоз. И такое мнение о нем широко распространено не только в Италии, но и за рубежом, поскольку он не раз демонстрировал подобные способности и в области внешней политики.

Из бесед с Фанфани без труда усматривалось то, что готовится к ним он основательно. Собеседником он был серьезным. По вопросам принципиального характера Фанфани не отступал от концепций НАТО, которые отстаивал энергично, приводя доводы и расставляя их по степени важности. Ему чужды трафареты, к которым нередко прибегают представители стран НАТО. Он никогда не допускал стандартных высказываний, наподобие того, что, дескать, Советский Союз с его вооружениями представляет собой «угрозу миру». Фанфани вел переговоры квалифицированно, старался вникнуть в смысл и мотивы позиции Советского Союза, разобраться в существе дела. Он не опускался до того, чем, кстати, грешат многие политики Запада, когда просто цитируют броские заголовки газет.

Принимая советских гостей, Фанфани как хозяин всегда проявлял предупредительность. Так же поступала и его первая супруга, которая умерла в сравнительно молодом возрасте.

Мы не раз имели возможность убедиться в том, что он обладает обширными знаниями в области политической и общественной жизни страны, хорошо разбирается в вопросах итальянской истории и культуры.

Вместе с тем Фанфани в гораздо меньшей степени

интересовался — впрочем, он и сам этого не скрывал — экономикой, положением рабочего класса и крестьянства своей страны. Во всяком случае, занимался этими проблемами не более того, что представлялось ему необходимым для обсуждений в правительстве и в парламенте.

Прямота и откровенность при рассмотрении проблем, стремление найти пути к сближению точек зрения — эти свойства всегда вызывают уважение к партнеру, даже если он представляет другой социальный мир. Ими, однако, обладают далеко не все, с кем приходится встречаться в ходе переговоров. Попадаются и такие, в том числе занимающие высокое положение, которые не могут устоять от соблазна провести коллегу, перехитрить его, а потом где-то, когда-то прихвастнуть: «Вот как однажды мне удалось на переговорах с русскими…» У подобных людей, как правило, на выдумки хватает фантазии, а вот для серьезных вещей — не всегда. Баланс получается не в их пользу.

Могу сказать, что к такому кругу деятелей отнюдь не принадлежал Джулио Андреотти, играющий важную роль в политической жизни Италии. В октябре 1972 года он посетил Советский Союз с официальным визитом в качестве председателя Совета министров. Тогда и состоялось подписание советско-итальянского протокола о консультациях. В этом документе выражалось обоюдное желание двух стран поднять отношения между ними во всех областях, включая политическую, на более высокий уровень. Подписанию предшествовали серьезные беседы и деловое обсуждение большого круга проблем и вопросов развития двусторонних связей.

Мои беседы с Андреотти в Риме, Мадриде, Стокгольме и снова в Москве также проходили вделовой и откровенной обстановке. Обращало на себя внимание, что, какой бы пост ни занимал Андреотти — премьера, министра иностранных дел или высокого представителя парламента, он не только излагал позицию Италии, но и стремился понять своего партнера по переговорам. А это — не последнее качество. Мне всегда доставляли удовольствие беседы с ним. Даже тогда, когда позиции не совпадали, обмен мнениями проходил под знаком стремления найти точки соприкосновения. И нередко это удавалось.

Многое из того, что сказано об Андреотти, я могу отнести и к такому деятелю итальянской христианско-демократической партии, как Арнальдо Форлани. Его мы всегда считали подготовленным собеседником, в чем убеждались на переговорах в Москве во время его официального визита в СССР в качестве министра иностранных дел (в январе 1977 г.) и в Риме в ходе

моего ответного визита (в январе 1979 г.). Но арену для маневра и возможного сближения позиций он выбирал небольшую, с оглядкой на те круги, которые не сочувствовали развитию отношений между Италией и Советским Союзом.

«Любви глашатай вековой»

Прекрасное слово имеется в языке итальянцев — «чинквеченто». Звонкое, мелодичное! Так они именуют XVI век — пик расцвета Возрождения, эпоху гениев мировой культуры и науки: Рафаэля и Тициана, Веронезе и Микеланджело, Леонардо да Винчи и сожженного инквизицией на костре Джордано Бруно, утверждавшего, что Вселенная бесконечна.

Итальянские представители не раз советовали мне посетить Венецию, которая органически связана с «чинквеченто». Фанфани даже вызывался сопровождать меня в поездке. Воспользоваться этим приглашением я смог только во время официального визита в Италию в ноябре 1970 года. Фанфани тогда уже не был министром.

Поездка из Рима в Венецию оставила много впечатлений. Мы останавливались в Милане — крупнейшем промышленном и культурном центре Италии. За считанные часы, отведенные на пребывание в этом городе, бегло осмотрели его достопримечательности, посетили знаменитый миланский монастырь, в трапезной которого находится прославленная фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

Мы с Лидией Дмитриевной, как завороженные, стояли перед этим выдающимся творением великого итальянца, испытывая истинное восхищение. И в то же время ощущали некоторую грусть при виде того, что века не проходят бесследно для фрески, которая как бы взывает: «Спасите меня!» К этому зову людям нельзя не прислушаться. Гибель этого творения гения Леонардо представила бы собой огромную потерю не только для Италии, но и для всего человечества.

Следующую остановку мы сделали на берегу озера Гарда. Это уголок изумительной красоты у подножия Альп. На большом катере мы ехали по зеркальной глади сказочного озера. В этих местах, на берегу озера, живут и трудятся мастера по производству редкой и дорогой мебели для знаменитых замков и дворцов Италии. Тем и славится это затерянное в Альпах озерцо — упоительными ландшафтами и трудягами краснодеревщиками.

Далее путь пролегал через Верону. Кто не знает выдающегося итальянского живописца Возрождения Паоло Веронезе?! Это имя ему дал город, в котором он родился. И хотя Веронезе работал главным образом в Венеции, это ничуть не мешает жителям Вероны гордиться творениями своего великого земляка.

В Вероне мы посетили древний амфитеатр, кстати, хорошо сохранившийся. Его осмотр организовали местные городские

власти. Гид говорил без умолку, рассказывая истории, одна восхитительнее другой: и о самом сооружении, и о патрициях и о плебеях Древнего Рима. И если бы нашелся смельчак, который задался бы целью отделить в этих историях истину от прекрасного художественного вымысла, который привносил в них опытный гид, то такого смельчака наверняка постигла бы неудача.

Знакомство с этим древним городом наводило на воспоминания и о том, что здесь в 1822 году проходил четвертый, и последний, дипломатический конгресс «Священного союза» — объединения европейских монархов во главе с императором России Александром I. В дни этого конгресса известная русская аристократка, княгиня и певица Зинаида Волконская, входившая в свиту российского самодержца в поездках по Европе, в последний раз выступила на открытой сцене в опере «Мельничиха» Джованни Паизиелло.

Хорошо известно, что Зинаида Волконская, которая тяготела к идеям передовой интеллигенции своего времени, в конце концов оказалась не в ладах с царским двором. Она устроила торжественные проводы Марии Волконской — жене известного декабриста (Зинаида и Мария были замужем за братьями Волконскими), последовавшей в Сибирь к ссыльному мужу. Такой поступок представлял собой вызов Николаю I и его режиму. А разве дружба Зинаиды Волконской с А. С. Пушкиным, который посещал ее салон в Москве, не подчеркивает незаурядность этой разносторонне одаренной женщины, оставившей след в истории русской культуры?

И в Италии, куда Зинаида Волконская уехала с сыном в 1829 году, двери ее дома всегда приветливо распахивались перед приезжавшими из России художниками, артистами, писателями, которых встречали здесь добрым словом и поддержкой. В этом доме, например, любил гостить Н. В. Гоголь.

Поэт Д. В. Веневитинов, приняв от княгини в подарок кольцо, найденное при раскопках Геркуланума, воспел его в своем творении и тем самым оставил в памяти людской прекрасный образ Зинаиды Волконской. В его стихотворении «К моему перстню» есть такие проникновенные строки:

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечный

И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла;
Нет! Дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.

Двадцатилетний поэт, пылко влюбленный в Зинаиду Волконскую, находит, как провидец, огромной силы сравнение, чтобы выразить свои чувства верности и преданности:

Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя откроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.

Горячность и страстность владели одаренным молодым человеком, и прекрасные поэтические строки рождались из-под его пера.

Он — один из друзей Пушкина — рано ушел из жизни. Пожалуй, из поэтов, которые заявили о себе в истории российской литературы, этот остался самым молодым. Он просто промелькнул на небосклоне поэзии и публиковался всего два года. Дмитрий Владимирович Веневитинов не дожил и до двадцати двух лет.

В Вероне нас разместили примерно часа на два в старинном отеле. При первом взгляде на здание возникала мысль: «Скорее бы его снесли» — до того оно представлялось ветхим. Но внутри оно оказалось комфортабельным. Из его окон через узенький переулок виднелся знаменитый дворец — палаццо Капулетти. Правда, сам дом, в котором жила семья Джульетты, не сохранился. Но итальянцы нам говорили:

— Построенный на его месте новый трехэтажный красавец ничем не отличается от старого дворца.

Как бы там ни было, в этих местах любой приезжий находится под могучим воздействием гения Шекспира, создавшего трагические и вместе с тем поэтические образы Ромео и Джульетты, которыми на протяжении веков восхищаются люди.

Каменная громада на воде

Распрощавшись с Вероной и тенью Джульетты, мы отправились в Венецию. И через несколько часов перед нами предстал этот бриллиант Италии.

У каждого народа, видимо, существует своя поговорка: «Если ты не побывал там-то, то ты не видел нашей страны». Правда, справедливости ради следует отметить, что итальянцы говорят то же самое и о Флоренции, и о Неаполе, и, конечно, о Риме. Но все же Венеция в известном смысле на особом положении.

Когда приближаешься к Венеции и появляются первые очертания этого города, то создается впечатление, что перед тобой вырастает каменная громада на воде. Сначала даже кажется, что она куда-то плывет. Улицы, переулки, архитектурные ансамбли и памятники становятся различными, лишь когда садишься в гондолу либо катер. Но официальные представители, находящиеся в гостях, в отличие от туристов лишены удовольствия сразу же пересесть в гондолу и ощутить дуновение морского ветерка, подпасть под очарование этого уникального города.

От берега Венецианской лагуны Адриатического моря, куда мы прибыли на машине, путешествие продолжалось на «официальном» катере по Гранд-каналу. Эта главная водная магистраль Венеции поражает красотой значительно сильнее, чем когда о ней читаешь или когда ее видишь на замечательных полотнах Джованни Антонио Каналетто.

Катер подошел к отелю, расположенному совсем недалеко от знаменитого собора Сан-Марко. В этом отеле мы разместились и с посещения собора на площади, которая тоже носит имя Сан-Марко, и начали осмотр Венеции.

Пришли на площадь в момент морского прилива, и она оказалась залитой водой. Поскольку во время таких приливов, которые стали составной частью жизни города, Венеция подвергается наводнениям, то и площадь Сан-Марко дважды в сутки на полтора-два часа как бы погружается под воду. Пешеходы передвигаются по ней по дощатым переходам, которых тут довольно много. А если кому-то не повезет и он оступится, то, очевидно, надо идти подсушиться. Но никто из нашей группы в воду не попал, и мы благополучно добрались до собора.

Чем выше поднимаешь глаза, глядя на собор, тем больше видишь золота. А что касается купола, то он, наверно, может претендовать на одно из первых мест в мире по количеству золота на единицу площади. Наш гид рассказал:

— Венецианские купцы щедро оплачивали внешние украшения собора Сан-Марко, не жалели средств и на роскошную отделку его интерьера.

Да, венецианские купцы не скупились на золото для сооружения храмов и монументов. А стоило ли его жалеть? Доставалось оно им легко — на обмане издревле держалась торговля в мире наживы. Сюда, в Венецию, стекались богатства со всех концов земли. Сюда же привозили и мастеров — это их руками созданы и украшены великолепные дворцы этого города.

Другим памятником архитектуры, который мы посетили в Венеции, был Дворец дожей. Им восхищалось не одно поколение итальянцев. От него всегда бывают в восторге зарубежные гости. И не без основания. Прежде всего изумляла архитектура дворца, которая имеет свой неповторимый облик. А в самом Дворце дожей мы стояли как завороженные перед всемирно известными творениями Тинторетто, Тициана, Веронезе, других выдающихся представителей итальянского Возрождения.

Особое внимание обращает на себя картина Тинторетто «Рай». Гигантская по размерам, она считается самой большой в Европе.

— Художник начал над ней работу, — запомнились слова гида, — когда ему пошел уже седьмой десяток. Верным помощником художника, который из-за возраста не мог подолгу работать высоко на лесах, стал его сын Доменико. Тому в свою очередь помогали другие художники. Однако все основное создал Тинторетто.

— Прекрасное творение великого мастера, — с подчеркиванием слова «прекрасное» сказал я.

По указанию Наполеона из Дворца дожей были вывезены полотна Веронезе. Но картины Тинторетто не тронули, а возможно, просто не успели их похитить.

В начале семидесятых годов полотно Тинторетто реставрировалось, кстати уже не в первый раз. Только одно помещение в Венеции оказалось подходящим по размерам для того, чтобы разместить это полотно на период реставрации, — церковь Сан-Грегорио. После реставрации картиной опять восхищались посетители.

— А что хотели бы вы еще посетить в Венеции? — спросил меня представитель местных властей.

— Нельзя ли побывать на каком-либо заводе или на фабрике? — ответил я вопросом на вопрос.

И мы поехали на уникальный стекольный завод, расположенный на острове Мурано, в северном пригороде Венеции. Здесь производятся художественные изделия из

знаменитого цветного венецианского стекла. На протяжении веков оно использовалось в витражах готических соборов в Европе. Им застеклен, в частности, собор Парижской богоматери.

До острова Мурано мы добрались снова на катере. С большим интересом осмотрели Музей стекла, который расположен в пристройке к заводу и, что примечательно, превосходит его по размерам. Собранные в нем образцы продукции впечатляют богатством цветовой гаммы, высоким качеством, которым славится венецианское стекло. Само производство, однако, нам посмотреть не удалось: итальянцы, видимо, сочли, что показывать его по каким-то причинам неудобно.

Когда хозяева завода узнали, что я — охотник, они подарили на память статуэтку дикого кабана, вид которого выражал такую свирепость, какой в природе и не встретишь. Эта статуэтка и сегодня стоит у меня дома на письменном столе.

В Венеции я поинтересовался у гостеприимных хозяев:

— А как вы видите будущее вашего города в связи с тем, что имеются заявления ученых и даже официальные сообщения о том, что Венеция постепенно оседает и ей в перспективе грозит затопление?

Ответ представителя властей не расходился с общей оценкой обстановки, однако от него и не веяло паническими настроениями.

На протяжении двух дней пребывания в городе мы так и не увидели знаменитого карнавала или какого-либо другого празднества с участием гондольеров, танцующих и поющих молодых венецианцев. Мы даже шутили по этому поводу, спрашивая:

— А будет парад гондол, или они все от нас спрятаны? Объяснение хозяев звучало убедительно:

— Погода несолнечная, почти непрерывно моросит дождь, а под дождем даже итальянец не согласится петь и танцевать.

Мы тепло простились с Венецией. Воспоминания о ней сохранились самые добрые.

Должен признаться, что во время пребывания в Венеции я не мог освободиться от мысли, что от этого города-красавца, уже одно название которого звучит как сладкая мелодия, совсем недалеко до земли Древней Эллады. Она была вторым очагом цивилизации наряду с империей суровых легионов, следы которых и сегодня совсем не стерты с дорог тех стран, где они шагали по велению цезарей.

Да, мир знал города-государства шумеров, Вавилонию и Ассирию. Он знает Египет, который из века в век приоткрывает страницы поразительной и во многом таинственной истории

далекого прошлого.

Но изрезанная морем земля Гомера, равно как и земля мифических Ромула и Рема, — это признанные колыбели той цивилизации, которая во многом украсила Европу, да, пожалуй, и весь мир. Материальная и духовная культура, искусство народов в том виде, как они нам известны, являются и продуктами прошлого.

Не только рабов и военные трофеи поставляли патрициям легионеры. С ними появились и духовные ценности, дотоле еще неведомые римлянам. Одним из богатейших источников, откуда проистекали эти ценности, считалась Древняя Греция. Риму было далеко до достижений греков, особенно в области культуры (философии, литературы, искусства).

А разве Киевская Русь не испытала влияния Византии, культура которой покоилась в первую очередь на том, что представляло собой наследие Древней Эллады?

Не следует удивляться тому, что коренные венецианцы не только не пытаются умалить значение привнесенного историей в Венецию и вообще в восточную часть Италии, но часто признают это, да еще и с гордостью.

Одним словом, история, как хорошая и расчетливая хозяйка, знала, где лучше всего разместить плоды разных культур древности. А разместить их надо так, чтобы они служили человечеству, если у него хватит ума все это уберечь, если ум не уступит место безумию. С этими мыслями мы покидали знаменитый город на воде. Осенью 1986 года я с большим интересом прочитал сообщение о том, что в Венеции возрождена историческая регата гондол. Бронзовый мавр ударил в колокол пятнадцать раз, и от пристани у площади Сан-Марко отправилось в путь свыше четырехсот лодок, управляемых гондольерами. А на набережных, пристанях и мостах, на ступеньках перед соборами и в окнах домов за красочным караваном наблюдали десятки тысяч венецианцев и гостей древнего города.

— Этот праздник города, — заявил мэр Венеции Нерео Ларони, — должен нести счастье и радость людям. Мы выступаем за мир, против угрозы ядерной войны.

Однако в Венеции, к сожалению, становится все меньше жителей. По итальянской статистике, к началу 1987 года впервые за много столетий число ее жителей стало меньше 90 тысяч. Это значит, что через какой-то десяток-другой лет она может стать скорее городом-музеем. Нехватка рабочих мест, жилья, ряд других проблем, присущих и в целом Италии, и этому городу, толкают венецианцев на то, чтобы уходить в глубь страны, — может быть, там повезет. А их родина — Венеция — остается

позади как райский уголок для богатых туристов. Да, недуги Венеции видны сегодня больше, чем вчера. А время как бы поддразнивает гордую красавицу и говорит ей:

— Посмотрим — устоишь ли, или твои прелести завянут, не выдержав испытания веками.

Извечная борьба красавицы со временем!

Обитатели Квиринала

В разное время мне приходилось встречаться в Квиринальском дворце с президентами Итальянской Республики: Джузеппе Сарагатом в 1966 и 1979 годах; Джованни Леоне в 1974 и 1975 годах, а потом мы с ним увиделись еще раз в 1975 году — уже в Москве. С президентом Алессандро Пертини мы встречались в 1979 и 1985 годах в Риме и в 1983 году в Москве. Итак, некоторые впечатления от этих встреч.

Политическое лицо президента Сарагата — видного государственного деятеля Италии, одного из основателей социал-демократической партии, хорошо известно, а потому в данном случае нет необходимости развивать эту тему. Скажу только, что на меня он произвел впечатление как человек твердых убеждений. Другой вопрос — каковы эти убеждения. Сарагат никогда не скрывал своих особых симпатий к США, так же как и своей приверженности НАТО. В то же время он высказывался за расширение контактов с СССР, за поддержание добрых отношений между нашими странами.

Сарагат был человеком волевым. Это ощущалось и по его манере говорить. Слова и фразы он выговаривал, будто топором рубил. Он являлся собеседником такого типа, который в своих суждениях выбирал прямые дороги и не искал обходных путей, хотя иногда эти пути могли быть и полезными. Правда, грань здравого смысла и корректности Сарагат предпочитал не переходить. Мои беседы с ним выдерживались в духе благожелательности, с обеих сторон подчеркивалась заинтересованность в развитии советско-итальянских отношений.

Позиции в пользу расширения сотрудничества между СССР и Италией во всех областях придерживался и президент Леоне. Он однозначно высказывался в этом духе во время обоих моих визитов, которые я ему нанес в Риме.

— Никто, — говорил он, — не должен относиться с недоверием к политике развития отношений между нашими странами, так как она вполне совместима с обязательствами, вытекающими из их принадлежности к соответствующим группировкам государств.

Вместе с тем чувствовалось, что вопросы, связанные с участием Италии в НАТО, Леоне считал для себя не очень приятной темой бесед, но от их обсуждения он не уклонялся, когда они вклинивались в ход нашего разговора.

Официальный визит Леоне в Советский Союз в ноябре 1975 года, состоявшиеся переговоры на высшем уровне и подписанные

в результате их документы — совместная советско-итальянская декларация и соглашение об экономическом сотрудничестве на период 1975–1979 годов — явились важным шагом вперед в развитии отношений между СССР и Италией в интересах народов обеих стран, в интересах европейской и международной безопасности.

Особое значение Леоне придавал расширению советско-итальянских культурных связей. Он проявлял неплохие знания в области русской и советской истории, искусства, литературы.

Припоминаю, как однажды в разговоре с Леоне я высоко отозвался о городе Орвието, в котором побывал накануне:

— Видел я ваш выдающийся город — памятник древней этрусской культуры.

Президент заметно оживился и поинтересовался:

— А вы видели в Орвието храм изумительной красоты? И знаете ли, какому событию он обязан своим основанием?

— Конечно, храм я видел, — сказал я. — Но как его создавали, не знаю.

Тогда президент Леоне рассказал следующую историю:

— Несколько веков назад из Богемии в Орвието перевозили скульптуру богоматери. На одной из остановок люди увидели, как из раны скульптуры струится кровь, и пришли к выводу, что это какое-то предзнаменование свыше. Затем кровь перестала течь, и скульптуру доставили к месту, где соответствующие власти и решили возвести храм.

Президент рассказывал все это с таким увлечением, что я не удержался и спросил:

— А вы сами верите в эту легенду?

— Как человек, — сказал Леоне, — нет, не верю. Но как христианин, да, верю.

Ответ, конечно, получился оригинальный, и по-своему его даже можно назвать мастерским. Но дискутировать на эту тему, разумеется, представлялось трудным по понятным соображениям — все же мы гости. Да к тому же прямо на нашу полукруглую комнату, расположенную в верхней части Квиринальского дворца, где проходила беседа, смотрели купола римских соборов со своими крестами. Ведь Рим — город святой…

В дружественном тоне выдерживалась и беседа с президентом Алессандро Пертини, которая состоялась во время моего официального визита в Италию в январе 1979 года. Пертини со свойственной ему энергичностью подчеркивал общность интересов наших двух стран в борьбе за мир, проводил мысль о том, что этому вовсе не мешает принадлежность Италии и СССР к различным общественно-политическим системам. Он горячо

говорил о необходимости расширения взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества.

Никаких попыток обсуждать спорные вопросы президент не предпринимал. Наоборот, по всему было видно, что он стремился провести беседу в положительном ключе. Высказывания с нашей стороны, разумеется, выдерживались в том же духе, хотя я сделал оговорки относительно политики НАТО и виновников гонки вооружений.

Там, где Ганнибал нанес поражение легионам

Во время пребывания в Италии встречи с государственными деятелями чередовались с поездками по стране.

Не знаю, как для других, но для меня Неаполь подобен человеку со сложным характером. Такой человек раскрывает особенности своей личности не сразу, а постепенно. Так и Неаполь. При каждой встрече с ним открываешь для себя его новые грани, которые ранее не бросались в глаза.

При моем первом посещении Неаполя в конце 1939 года он произвел на меня сильное впечатление: большой город, полный социальных контрастов, которые давали знать о себе на каждом шагу. Запомнил я тогда и находящиеся неподалеку от Неаполя руины Помпеи и Геркуланума.

Более основательно мне удалось посмотреть Неаполь в 1966 году, когда я там оказался во второй раз. Улицы города многолюдны. В нем множество мелких лавчонок, баров, киосков, которые служат их владельцам и местом работы, и источником средств к существованию. Встречались и группы портовых рабочих, которые выглядели так же, как и портовые рабочие в любом другом приморском городе Европы. Разве что отличишь их по быстрой итальянской речи да по тому, что все они брюнеты. Блондинов, как и блондинок, здесь, пожалуй, не сыщешь и днем с огнем.

Музеи Неаполя заслуженно славятся богатством своих коллекций. Однако выставочные площади позволяют показать только часть шедевров великих мастеров, а остальное содержится в запасниках. При посещении крупнейшего в городе музея мы заметили, что у него много схожего по внешнему виду с Музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это и неудивительно. Оказывается, проект московского музея (не инженерный, а архитектурный) создала Зинаида Волконская, когда жила в Италии. Позже, уже в нашем веке, профессору И. В. Цветаеву — отцу поэтессы Марины Цветаевой — удалось воплотить этот замысел в жизнь: он явился инициатором сбора частных пожертвований на строительство здания музея и приобретение для него коллекций.

Вблизи Неаполя — городок Сорренто. Хозяева настойчиво нас туда приглашали. Оказалось, что протокольный отдел МИД Италии организовал там обед.

— Это то самое Сорренто, — спросила Лидия Дмитриевна, —

о котором есть песенка «Вернись в Сорренто»?

Ее мелодия стала в свое время весьма популярной и в Советском Союзе.

— Да, это то самое Сорренто, — сказал итальянец-переводчик.

Как же все мы удивились, когда во время концерта, который состоял в основном из вокальных номеров, один из первых певцов запел:

— Вернись в Сорренто-о-о…

Пел он превосходно, мы воздали должное устроителям концерта.

Один из наиболее интересных городов Италии — Флоренция, по достоинству воспетая во многих литературных памятниках. Мы доехали от Рима до этого прекрасного города за несколько часов. На полтора дня мы окунулись в эпоху средневековья и Возрождения. Думаю, что каждый, кто хоть немного общался с искусством, испытывает особое наслаждение от встречи с неповторимыми произведениями великих итальянских живописцев и скульпторов, хранящимися в музеях Флоренции.

Особо хочу выделить галерею Уффици — прекрасный музей ценнейших картин. Между ней и Эрмитажем был подписан в 1979 году протокол о сотрудничестве.

Во Флоренции я побывал за несколько месяцев до сильного наводнения, которое произошло в ноябре 1966 года, причинило огромный ущерб городу и привело к гибели многих неповторимых произведений искусства. Благодаря кропотливому труду реставраторов, в том числе советских, удалось возродить этот город-музей, притягивающий миллионы людей всех возрастов, желающих приобщиться к знаменитым культурным ценностям Италии.

Академия изящных искусств (музей, а не научно-исследовательское или учебное заведение) встретила нас огромной скульптурой

Давида. Там же нам показали и другие скульптуры Микеланджело, которые хотя и остались незавершенными, но имеют огромную ценность, так как дают возможность понять мысль и увидеть процесс творчества гениального мастера, воспевавшего физическую и духовную красоту человека.

В тот же день мы осмотрели знаменитую капеллу Медичи, созданную великим скульптором в честь покровительствовавших ему правителей Флоренции — Лоренцо Медичи и его брата Джулиано. Нам рассказали полулегендарные истории, связанные с этим флорентийским родом, который играл важную роль в средневековой Италии. Флоренция по праву гордится тем, что

Микеланджело провел значительную часть своей жизни в этом городе, где появились на свет многие его творения.

Архитектурные памятники, дворцы, улицы и площади — все во Флоренции дышит историей, овеяно увлекательной стариной. Флорентийцы очень дорожат всем, что воспевает былое величие их города. Как и в древние времена, они готовы драться на шпагах с любым, кто посмеет ставить под сомнение достоверность даже самых неправдоподобных из этих легенд.

Из Флоренции в Рим мы возвращались другим путем. Ехали тоже несколько часов, но именно этот маршрут был выбран не случайно. Примерно на полдороге мы проехали вдоль берега Тразименского озера. Нам показали то место, где карфагенская армия во главе с Ганнибалом подготовила засаду римским легионам и разгромила их. Характер увиденной нами местности: с одной стороны — озеро, а с другой — довольно длинная горная гряда — точно соответствует тому описанию, которое дается во многих литературных исторических произведениях на эту тему, в частности в романе талантливого советского писателя Г. Гулиа «Ганнибал».

Преодолев Альпы, карфагеняне, подобно горному обвалу, обрушились на римлян, одерживая одну победу за другой. Весть о разгроме римского войска у Тразименского озера вызвала панику в Риме. Это сражение Ганнибал выиграл, но Пунические войны продолжались. Через семьдесят лет римляне не забыли сокрушительного поражения их войск. Мстя Карфагену, они полностью его разрушили.

Оставшуюся часть пути мы с хозяевами беседовали об истории Италии. Даже не заметили, как оказались в вечернем Риме. На следующий день предстояло продолжать официальные встречи.

Красная гвоздика — символ Гуттузо

Не могу не вспомнить выдающегося художника Рената Гуттузо. Его творчество — это более полувека итальянской живописи, вклад в сокровищницу мировой культуры. Его искусство ценят и любят миллионы людей во всем мире. Человек огромного таланта, доброго и щедрого сердца, коммунист и член ЦК Итальянской компартии в течение более чем тридцати пяти лет — таким его знала Италия.

Он жил на земле, где когда-то процветало Возрождение — искусство титанов, к творениям которых человечество до сих пор примеряет свои духовные ценности.

В мир итальянского изобразительного искусства в тридцатые годы ворвалась живопись Гуттузо — динамичная, тесно связанная с жизнью. И сразу же ее автор четко определил свою нравственную и политическую позицию — находиться всегда в гуще событий. Тогда же он начал закладывать школу неореализма, а потом ее создал.

Итальянский неореализм в послевоенные годы обычно связывают с киноискусством, с появлением в мире кинематографа этой страны славной плеяды крупных имен, в первую очередь режиссеров, а затем и актеров. Витторио де Сика, Джузеппе де Сантис, Федерико Феллини и ряд других стали гордостью итальянского кино.

А в живописи был один Ренато Гуттузо. Он сказал новое слово и повел за собой тех художников, которые хотели своим творчеством откликаться на нужды народа.

Его спрашивали:

— В чем суть вашего неореализма? Он спокойно отвечал:

— Действительность в развитии — его основа.

Трудился он исступленно и весело. Каждый день с раннего утра стоял у мольберта. Он, как певец, воспевал радость жизни и пафос борьбы за нее.

— Писать для меня — праздник, — откровенничал он с друзьями.

В этих праздничных буднях он и прожил жизнь. С самозабвенностью и огромной отдачей: три тысячи его полотен и десять тысяч рисунков хранятся в наиболее значительных музейных коллекциях мира и в частных собраниях.

— Без рисунка нет живописи, — утверждал художник. Потому и рисовал тысячи эскизов к своим картинам. Многие из этих рисунков сами по себе — законченные самостоятельные произведения.

Социальная нравственность его искусства звенит в названиях его произведений — «Горняк», «Каменотес», «Рыбаки Калабрии», «Занятие пустующих земель в Сицилии», «Девушка, поющая «Интернационал», «Рабочий, читающий газету».

Еще до войны он написал свою знаменитую картину под названием «Распятие». Тема звучала как евангельская, но ее решал антифашист. Вот и получилось, что в один из эскизов картины, которая создала автору славу борца-патриота, на первый план вынесен главный палач народов — Гитлер. Тогда молодой Гуттузо находился под сильным влиянием Пабло Пикассо, и не случайно «Распятие» итальянского мастера так часто сравнивали с «Герникой» великого испанца, работавшего в Париже.

Путь выразителя дум народа и борца за его интересы привел Гуттузо в 1940 году вряды компартии. В годы войны он активно участвовал в движении Сопротивления. Именно в то мрачное время фашизма в мастерской художника среди этюдов и незаконченных полотен римская организация компартии укрывала свой типографский станок, на котором печатались листовки, поднимавшие народ на борьбу с ненавистным режимом.

Политическое содержание творчества Ренато Гуттузо с особой силой раскрылось в послевоенный период, когда солнечный художник проявил себя как подлинный гуманист и стал известен далеко за пределами Италии.

Он создает реалистические, созвучные времени полотна, откликающиеся на животрепещущие социальные проблемы времени. В галерее его картин — многоликая и многокрасочная панорама жизни послевоенной Италии с ее трагизмом и социальными противоречиями. Его волнует разобщенность людей в буржуазном мире, нищета и бесправие народных масс. С картин смотрят шахтеры, рыбаки, крестьяне-виноградари. Как бы подводя итог жизни, он написал книгу «Профессия художника». В ней сконцентрирован богатый и сложный опыт его труда на ниве искусства в пользу общества.

Если попытаться обобщить его деятельность во все послевоенные годы, то перед нами предстанет яркий образ Ренато Гуттузо как выдающегося общественного деятеля и борца за мир, подлинного интернационалиста и огромного друга Советского Союза.

Он почетный член Академии художеств СССР, обладатель Золотой медали мира Всемирного Совета Мира и лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Я знал Ренато Гуттузо. Несколько лет назад в советском посольстве в Риме у меня с ним состоялась продолжительная беседа. Гуттузо проявлял живой интерес к состоянию дел в мире. И конечно, ему хотелось знать, как развиваются отношения между Италией и Советским Союзом. Как человек и гражданин, он высказывал серьезную тревогу в связи с навязанной империализмом гонкой вооружений, особенно ядерных.

— Как это ответственные государственные деятели в ряде стран могут проводить политику, толкающую весь мир в пучину, где не видно дна? — спрашивал он.

Ни один здравомыслящий человек не может не понимать, — отвечал он сам себе, — что ядерная катастрофа привела бы к гибели человечества со всем тем, что оно создало за всю свою историю в условиях того, что мы сегодня называем цивилизацией.

Например, в Италии, — продолжал художник, — сохраняется немало древних руин и великое множество произведений искусства прошлого. Но та катастрофа, об опасности которой сейчас в полный голос говорят Советский Союз, братские партии других государств и все люди здравого смысла, не оставит на Земле ничего.

В высказываниях Гуттузо звучала глубокая убежденность в том, что деятели культуры независимо от их мировоззрения должны быть на стороне народов, требующих положить конец гонке вооружений и стоящих на позициях упрочения мира. Я сказал:

— Выражаю вам глубокую признательность за те слова, которые от вас услышал. Это — слова правды. Голос деятелей культуры — а в Италии их немало — является сильным подспорьем в борьбе за мир. Имя художника Гуттузо в нашей стране хорошо известно. Его знает не только большой круг людей, к которому принадлежите вы, но и те, кто непосредственно не связан с искусством, так как советские газеты и журналы о вас написали немало. Да и книги хорошие о вашем творчестве вышли в Советском Союзе.

Он ответил:

— Да, мне известно отношение советских людей к моему искусству. Хочу им через вас выразить большую благодарность за всю их теплоту и сердечность.

И далее Гуттузо заявил:

— Как художник, я, конечно, имею свое лицо. Иначе и быть не может. Я и впредь желаю оставаться самим собой. Никогда не принадлежал к модернистским завихрениям в живописи, к тем направлениям, картины которых в музеях стран Запада посетители часто рассматривают, пожимая плечами. А то еще и

начинают размахивать руками, делать какие-то жесты, выражающие неодобрение в адрес полотен такого искусства.

Он преподнес мне на память свой небольшой рисунок с изображением красных гвоздик. Красная гвоздика — символ его живописи. И это широко известно.

Поблагодарив Гуттузо, я и советский посол в Италии Н. М. Луньков, который тоже присутствовал на беседе, пожелали ему творческих успехов.

Те краткие высказывания, которые он давал в адрес советского искусства, особенно живописи, были безоговорочно положительными. Он не упоминал имен художников, но, обобщая свои высказывания, отметил:

— В Советском Союзе искусство как в целом, так и его отдельные виды, в частности живопись, развиваются в правильном направлении. Об этом свидетельствует огромный интерес широких слоев народа к творчеству художников.

Распрощались мы с Гуттузо очень тепло.

В середине января 1987 года из Рима пришла печальная весть о том, что Ренато Гуттузо скончался.

В Риме был траурный митинг. Выступавшие добрым словом вспоминали большого художника, коммуниста, борца за мир.

— Смерть товарища Ренато Гуттузо, — отметил Генеральный секретарь ИКП Алессандро Натта, — лишает Италию выдающегося художника и гражданина.

— Память об активном борце за мир, за счастье всех людей на Земле, против безумной гонки вооружений не умрет в сердцах итальянцев — так выразила чувства многих друзей художника председатель палаты депутатов итальянского парламента Леонильде Йотти.

— Жизнеутверждающее творчество Гуттузо навсегда останется в памяти благодарного человечества, — заявил известный итальянский писатель Альберто Моравиа.

«Наша партия, все советские люди потеряли в его лице большого друга Советского Союза», — написал М. С. Горбачев в телеграмме на имя Генерального секретаря ИКП.

Свои картины Гуттузо завещал Итальянской Республике.

Родом он был из Сицилии. Этот остров постоянно раздирается социальными конфликтами, сотрясается как извержениями Этны, так и злодеяниями мафии. Но он любил землю Сицилии, там его и похоронили. За прахом живописца шли сицилийцы, в том числе и крестьяне — вечные бедняки, униженные и непокоренные, которые часто служили моделями для его картин.

Трудно себе представить, что выдающегося художника

современности, с которым, кажется, совсем недавно тепло и по-дружески общался, уже нет в живых. Мир потерял одного из самых знаменитых мастеров кисти XX века.

Две Татьяны

Добрым словом хочу вспомнить внучку Льва Николаевича Толстого, с которой мне довелось познакомиться в Риме. Она сейчас, пожалуй, одна из немногих, кто видел живого Льва Николаевича. Родилась она в 1905 году на том же кожаном диване, где родились и сам писатель и его дети. Ей было уже почти пять лет, когда дедушка в летней Ясной Поляне с ней разговаривал, рассказывал сказки, гулял. Несколько четких, прекрасно сохранившихся фотографий с изображением нежного дедушки и хорошенькой внучки — тому доказательство. А осенью, как известно, Лев Николаевич ушел из своего родового имения и на станции Астапово умер.

Татьяна — единственный ребенок старшей дочери писателя Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой (а сама Татьяна Львовна — второй ребенок из тринадцати детей Льва Толстого). Отец девочки являлся старым другом семьи Л. Н. Толстого. Он женился на Татьяне Львовне, когда оказался вдовцом с шестью взрослыми детьми, а новой супруге — на пятнадцать лет моложе его — было уже тридцать шесть. Он умер через четыре года после смерти самого Льва Николаевича, когда Татьяне-младшей было всего девять лет.

По свидетельству многих очевидцев и биографов великого писателя, известно, что три дочери Льва Николаевича — Татьяна, Мария и Александра — еще при жизни их отца подолгу находились в Ясной Поляне, помогали ему, как могли, и уж во всяком случае гораздо больше, чем сыновья. Помощь состояла прежде всего в том, что они набело переписывали его рукописи с учетом огромного количества исправлений, вставок, переделок. Писатель забирал эту чистую рукопись с собой, и вскоре она передавалась дочери в очередной раз с новыми переделками, делалась зачастую совсем неузнаваемой по сравнению с первоначальным текстом. Самой аккуратной и самой любимой помощницей отца стала старшая дочь — Татьяна. Не случайно именно ее портрет, и только он, висел в последние десятилетия жизни писателя над кроватью Льва Николаевича в его спальне.

Л. Н. Толстой всегда выделял Татьяну из своих детей. Даже перед тем как окончательно уйти из Ясной Поляны в ту тяжелую осеннюю пору 1910 года, в последней записке он написал своим детям: «…простите за то, что все-таки я причина вашего страдания. Особенно ты, милая голубушка Танечка…»

Татьяна Львовна неплохо рисовала — в Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве ее учил сам Илья Репин. Последний

прижизненный портрет Льва Николаевича — он сидит и работает — написан именно ею, его дочерью.

Известно, что в сентябре 1919 года Председатель ВЦИК М. И. Калинин посетил Ясную Поляну, где он встретился с семьей Л. Н. Толстого, в том числе с Софьей Андреевной — вдовой писателя, с Татьяной Львовной и ее дочкой — юной Татьяной. С 1923 по 1925 год Татьяна Львовна работала директором музея Л. Н. Толстого. Ее дочь жила все время с нею.

В 1925 году Татьяна Львовна с дочерью по разрешению наркома А. В. Луначарского уехали за границу. Они побывали в Праге, Вене, Париже.

И тут стоит обратить внимание на одну немаловажную деталь. Дело в том, что Л. Н. Толстой еще при жизни отказался от авторских прав. Он утверждал, что не хочет получать деньги за свои мысли и чувства. А этот отказ означал, что и его наследники не будут получать никаких гонораров.

Поэтому дочь Льва Николаевича Татьяна за границей стала сама зарабатывать — она читала лекции о своем отце, и эти выступления пользовались большим успехом в разных аудиториях. А ее дочь, уже взрослая девушка, изучила стенографию и поначалу работала техническим секретарем. Но она мечтала о театре и очень обрадовалась, когда ее мечта осуществилась: ее приняли в одну из трупп. На гастролях в Италии она и познакомилась со своим будущим мужем.

Так в 1930 году, когда Татьяна Михайловна вышла замуж, судьба забросила ее на постоянное жительство в Италию. Вскоре туда приехала и Татьяна Львовна. Хотя и жили они на разных квартирах — мать не хотела мешать «молодым», — но часто бывали друг у друга. Вместе пережили тяжелые годы фашизма и второй мировой войны, вместе были и в послевоенные годы до смерти Татьяны Львовны в 1950 году.

Но никогда не забывали своего великого отца и деда. В Риме у Татьяны Львовны была «комната Толстого», где собиралось все связанное с его именем и произведениями: книги на многих языках, присланные со всех концов мира, и прежде всего на русском — из Советского Союза, газетные и журнальные вырезки, фотографии, пластинки, шкатулка с прядью из бороды Льва Николаевича, его портфель для рукописей и многое другое. Здесь же находился и ее архив писем, полученных от знакомых и незнакомых почитателей Толстого в разных странах.

И хотя мать и дочь долгие годы прожили за границей, однако связи с родиной они не порывали. Не порывает Татьяна Михайловна Альбертини (такой стала ее фамилия по мужу) эти связи и ныне.

Она не раз за последнее время бывала в Москве и, конечно, в Ясной Поляне. В 1975 году она приехала в Советский Союз вместе со своим сыном Луиджи, у которого в свою очередь уже трое сыновей. В 1977 году она побывала у нас в стране вместе со своей дочерью Кристиной, у которой тоже растет дочь. В 1979 году она приезжала с дочерью Мартой, матерью двух сыновей и двух дочерей. Наконец, в 1982 году она побывала в Москве и Ясной Поляне, на этот раз уже со своими повзрослевшими внуками — Пьером и Андреем.

Мне же, как я уже написал, довелось встретиться с ней в Италии. Внучка великого русского классика обращала на себя внимание дружелюбием по отношению к советским людям и непосредственностью общения с ними. Уже тот факт, что она не пропустила ни одного случая, чтобы посетить советское посольство и встретиться с нами каждый раз во время визита в Италию, говорит сам за себя.

Особенно теплый разговор состоялся у меня и Лидии Дмитриевны с нею во время приезда в Рим в феврале 1985 года. Татьяна Михайловна очень тепло отзывалась о своих поездках в Советский Союз, благодарила за то внимание, которое оказывается советскими людьми к сохранению памяти о Льве Николаевиче Толстом.

— Вы тем самым сохраняете для человечества память не только о Толстом, — говорила она, — но и о русской культуре в целом.

Она особенно была тронута тем, что делается по реставрации заповедника «Ясная Поляна», по бережному отношению к природе вокруг дома писателя.

— Да, мы сохраняем толстовский дух, — сказал я, — которым пропитано заповедное место, и для народа нашей великой страны, породившей этого гения, и для всех друзей русской литературы, которые едут к нам с открытым сердцем.

Татьяна Михайловна рассказывала о своих посещениях московских музеев Л. Н. Толстого. Их в Москве два, и оба глубоко почитаемы.

Внучка писателя сказала:

— У меня был семейный сувенир — драгоценное кольцо, оставшееся в наследство от деда. Он мне сам его подарил, когда я была совсем маленькой, и сказал: «Вырастешь большой — будешь носить». Я его и носила в течение многих десятилетий. А вот недавно передала это кольцо в дар московскому музею Льва Николаевича как реликвию.

Эта щедрой души женщина подарила московскому музею не только золотое кольцо, но еще и браслет, который ее мать

получила на память от отца. Передала она в музей также бесценный архив матери. В нем имеются письма Ивана Бунина, Федора Шаляпина, Марины Цветаевой, Ромена Роллана, Андре Моруа, Бернарда Шоу и даже такой личности, как Феликс Юсупов, — одного из участников покушения на царского прихвостня Распутина. А еще раньше Татьяна Михайловна подарила Советскому Союзу подлинные дневники своей матери — 24 тетради из 27. Они были опубликованы в Москве в 1979 году; в них Татьяна Львовна рассказывает о своей жизни с 1878 по 1932 год и, конечно, много пишет о самом Льве Николаевиче.

Спорить не берусь, но, вероятно, Татьяна Михайловна Сухотина-Толстая (Альбертини) — единственная из оставшихся в живых на земле людей, с которыми лично близко общался Лев Николаевич Толстой. Она не только помнит его, но, что наиболее ценно, через всю жизнь пронесла его основные идеи, проповедовала их близким ей людям. Она была в Ясной Поляне и когда он умер.

Как-то во время встречи с Татьяной Михайловной — этой умной и обаятельной женщиной — я мысленно перенесся на несколько десятилетий назад.

Работал я тогда в США, а в районе Нью-Йорка в то время еще проживала младшая из дочерей Л. Н. Толстого — Александра. Она немало сделала в угоду тем кругам русской белоэмиграции, которые не без поощрения наиболее враждебных сил американской реакции занимались постоянной клеветой в адрес советского народа. Это происходило в то время, когда лучшие его сыны и дочери сначала преградили путь фашистскому агрессору, а затем поставили его на колени.

Александра Львовна в отведенной ей резиденции организовала нечто вроде убежища и пыталась туда всячески заманивать советских людей, используя в качестве приманки нетленное имя ее отца. Разумеется, успеха она в этом «деле» не достигла.

Два человека — Татьяна и Александра, близкие, даже очень близкие ко Льву Николаевичу, но какая гигантская пропасть их разделяла! Они шли по жизни двумя разными путями.

Одна, а за ней и ее дети, поняла, что советский народ помнит и ценит величие и гуманизм Толстого, а вторая так и не захотела увидеть того, что стало очевидным всему человечеству. Она — эта вторая — все время старалась «оторвать» Льва Толстого и память о нем от нашей страны, от его родины, от его народа, видя в нем только графа и проглядев человека-исполина, человека-гуманиста.

Самого Льва Толстого метко охарактеризовал В. И. Ленин,

который еще после первой русской революции написал:

«Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции».[12]

Разве можно сказать точнее и лучше?

А что касается самой Татьяны Михайловны, то рассказ о ней можно завершить фразой из дневника ее матери — Татьяны Львовны: «Это удивительно, сколько это маленькое существо распространяет вокруг себя любви».[13]

«Маленькое существо» выросло и живет на свете много лет. И продолжает распространять вокруг себя любовь. Только теперь уже не просто любовь, а осмысленную, направленную, конкретную любовь. К людям, к своему народу и его культуре. Ко Льву Толстому.

Беседы в Ватикане

Мало найдется иностранцев, которые, побывав в Риме с официальным визитом или в качестве туристов, не посетили бы собор святого Петра в Ватикане, где сосредоточены ценнейшие сокровища культуры и искусства.

Особое место здесь занимают произведения Микеланджело, с именем которого связано и сооружение собора. Впечатляет спроектированный им центральный купол, стоя под которым в полной мере осознаешь грандиозность этого архитектурного памятника. Не менее эффектным представляется внутренний вид собора, открывающийся сверху, со специально оборудованной террасы под куполом. Гиды провели нас и на крышу собора, по которой, учитывая ее размеры, можно свободно прогуливаться, созерцая панораму Вечного города.

Росписи Сикстинской капеллы — выдающееся творение Микеланджело. Это одна из величайших ценностей, которую оставил мастер XVI века последующим поколениям людей. Нельзя не удивиться тому, как мог этот титан Возрождения выполнить такую работу. В капелле мне и Лидии Дмитриевне приходилось бывать не один раз. Но каждое очередное посещение в определенном смысле становилось и открытием новых сторон этих росписей.

Ввиду недостатка времени нам так и не удалось подольше задержаться в Станцах[14] Ватикана. Но фрески Рафаэля, которыми расписаны Станцы, и сейчас живы в моей памяти во всей своей красоте. Разве можно забыть, например, сложную многофигурную композицию «Афинская школа»? В центре фрески — Аристотель и Платон, а справа и слева — их ученики и последователи. Великий живописец сумел найти такое изображение двух выдающихся умов античности, по которому нетрудно распознать особенности мировоззрения одного и другого: жест Платона устремлен к небу, Аристотель же указывает на землю, красноречиво давая понять, что человек неотделим от земли, от природы. Простота художественного решения в сочетании с силой экспрессии и сочностью красок поистине поражает.

Начиная с 1963 года мне неоднократно доводилось встречаться и беседовать с главой римско-католической церкви и государства Ватикан — папой. Всего этих встреч было восемь. Один раз с Иоанном XXIII (1963 г.), пять раз с Павлом VI (1965, 1966, 1970, 1974, 1975 гг.) и дважды с Иоанном Павлом II (1979 и 1985 г.). Одна из этих встреч состоялась в Нью-Йорке (1965 г.),

остальные — в Ватикане.

Инициатива по их проведению во всех случаях исходила от Ватикана. Как правило, подобная инициатива проявлялась в своеобразной форме: достаточно неопределенной, чтобы назвать ее официальным приглашением, но вполне определенной, чтобы понять, что глава римско-католической церкви хотел бы обменяться мнениями с министром иностранных дел СССР по некоторым проблемам. В общем, это совпадало и с нашей точкой зрения, так как хорошо известно, что Ватикан вовсе не стоит в стороне от мировой политики.

Нью-йоркская встреча, например, происходила следующим образом. Мы обменялись приветствиями, а затем я сказал Павлу VI: — Мысль, высказанная в вашей речи на сессии Генеральной Ассамблеи ООН о необходимости избегать военных столкновений между государствами, созвучна с нашим мнением. Советский Союз исходил и исходит из того, что идеологические разногласия между государствами, религиозные убеждения людей не должны побуждать их стремиться к военным конфликтам. Люди различных идеологий и религий могут и должны быть в одном ряду в борьбе за мир.

Папа Павел VI с полным пониманием отнесся к этим соображениям и высказался следующим образом:

— Святая церковь видит пользу в поиске путей для сотрудничества в этой борьбе.

Вопросы войны и мира оставались главными темами и во время моих бесед с Павлом VI в Ватикане, когда я еще наносил ему визиты, находясь в Италии. Последняя такая встреча состоялась в июне 1975 года. Папа высоко отзывался об активной внешнеполитической деятельности Советского Союза в интересах развития отношений дружбы, взаимопонимания и согласия между людьми. С обеих сторон мы выразили удовлетворение ходом работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и решимость содействовать его успешному завершению.

Перед встречей с Павлом VI в Ватикане священник из папской курии — один из приближенных главы католической церкви предупредительно нам сообщил:

— Мы просили бы учитывать возраст и здоровье святого отца. Каждая встреча для него — это нелегкое испытание.

Предупреждение оказалось весьма кстати. Во время беседы ощущалось, что папа говорит медленно, с затруднением. Так общаются с окружающими только нездоровые люди.

Я учитывал это обстоятельство и несколько раз давал понять, что готов беседу закончить. Но каждый раз папа спокойно, с достоинством высказывал пожелание:

— Нет, кончать, по-моему, пока рано. Давайте продолжим беседу.

Встреча с папой Иоанном Павлом II[15] состоялась в январе 1979 года после осмотра Ватикана. Вместе с Н. С. Рыжовым, который являлся в то время нашим послом в Италии, мы долго шагали по коридорам и комнатам, пока не вошли в парадный зал, где папа обычно принимает иностранных гостей.

Это торжественный и большой зал, под его высокими сводами люди выглядят совсем маленькими. В глубине зала — стол, за которым сидит папа. Чуть в стороне от него — переводчик, а на некотором удалении — один или два кардинала. Как правило, когда приходил я, то присутствовал епископ Казароли, который вел в Ватикане все международные дела.

Иоанн Павел II приветствовал нас и отметил:

— Я хочу подчеркнуть важность контактов на благо упрочения мира на Земле.

Со своей стороны я сказал о главном:

— Нам необходимо сделать все, чтобы устранить угрозу новой войны, особенно ядерной.

Затем я изложил и некоторые крупные внешнеполитические инициативы Советского Союза, направленные на достижение этой цели, в частности предложение о неприменении силы в отношениях между государствами.

— Насколько можно судить, — сказал я, — католическая церковь придавала и придает важное значение укреплению мира, разоружению, ликвидации оружия массового уничтожения. Мы это высоко ценим. Советское руководство считает, что такая позиция имеет большое положительное значение, расширяет возможности людей в борьбе за мирное будущее. Что касается идеологии, религиозных убеждений и вообще мировоззренческих проблем, то они не должны мешать сотрудничеству во имя этой благородной цели.

Когда мы беседовали с папой Иоанном Павлом II, глава внешнеполитического ведомства Ватикана Агостино Казароли имел сан епископа. В кардиналы его возвели позднее. Но он отличался всегда необыкновенным вниманием, казалось, что он ловит каждое слово беседы.

Папа заявил:

— Я разделяю ту точку зрения, что сегодня нет более актуальной задачи в мировой политике, чем задача устранения угрозы войны. Католическая церковь действует на благо мира на Земле.

В ходе беседы папа, коснувшись вопроса о религиозных убеждениях людей, сказал:

— Возможно, не везде еще устранены препятствия, ограничивающие свободу вероисповедания.

Он сделал потом осторожный намек:

— По некоторым источникам, кое-что в этом смысле иногда, возможно, встречается и в СССР.

Такого рода заход не явился для нас неожиданностью, хотя бы уже потому, что и предшественник Иоанна Павла II высказывался примерно в том же духе. В ответ на это я сказал:

— Не всегда и не все слухи заслуживают внимания, тем более доверия. Особенно это относится к области мировоззрения людей и религии. На Западе иной раз распространяются разные небылицы о положении церкви в Советском Союзе, даже предпринимаются попытки выдать уголовных преступников за великомучеников. Во всем этом, разумеется, нет ни грана правды. С первых дней своего существования Советское государство гарантировало и гарантирует свободу вероисповедания.

А затем я вспомнил Великую Отечественную войну.

— В тяжелые годы второй мировой войны русская православная церковь, — сказал я, — оставалась на стороне Советского государства и по-своему тоже вела борьбу с фашизмом. Разве это оказалось бы возможным, если бы церковь в нашей стране находилась в ненормальных условиях? Люди религиозные у нас есть, но это не создает никаких проблем ни для них, ни для нашего строя, ни для жизни советского общества.

Папа, а вместе с ним и Казароли слушали с интересом. А потом Иоанн Павел II заявил:

— В общем мы так и понимаем этот вопрос. Дальше обе стороны его не развивали.

Наша встреча с Иоанном Павлом II происходила до известных событий в Польше. По отношению к ним Ватикан занял позицию, которая, конечно, преступает грань, отделяющую политику от проблем мировоззрения людей, и употребил свой вес не в пользу социалистической Польши.

По манере Иоанна Павла II говорить чувствовалось, что он привык к определенной тональности, своим оборотам речи, которые точнее всего можно назвать полуцерковными. Правда, высказываниям он старался придавать общепринятую светскую форму, и тогда создавалось такое впечатление, что обсуждение вопросов войны и мира идет не в Ватикане, в окружении скульптур и портретов святых отцов, а на каком-либо обычном узком заседании ООН. Я обратил также внимание на то, что папа представлял собой человека крепкого сложения, который, видимо, поддерживает хорошие отношения со спортом.

Было это все еще до покушения на папу.

27 марта 1985 года, находясь с официальным визитом в Риме, я в сопровождении заместителя министра иностранных дел СССР Н. С. Рыжова и посла СССР в Италии Н. М. Лунькова прибыл в соответствии с ранее согласованной программой в Ватикан. Этот визит стал моим седьмым посещением духовной цитадели католической церкви.

Предупредительность в отношении нас проявлялась исключительная. Я заметил, что мы шли по тем же бесконечным коридорам. Только если раньше мы мало осматривались по сторонам, то теперь, наоборот, смотрели внимательно. В коридорах Ватиканского дворца находится много замечательных картин великих мастеров прошлого. По мере приближения к залу, в котором проходила аудиенция у папы Иоанна Павла II, встречавшие нас священнослужители из ватиканской иерархии располагались таким образом, что, чем ближе мы подходили к дверям парадного зала, тем все более пышные по одеждам и, очевидно, старшие по чину попадались на нашем пути. А у входа в покои папы стояли два епископа. Я знал их по предыдущим визитам в Ватикан.

Вступив в зал, мы сразу же увидели перед собой энергично шагавшего навстречу папу Иоанна Павла II и обменялись с ним приветствиями, как давние знакомые. Я сразу проявил инициативу и спросил:

— Как вы предпочитаете вести беседу и не будет ли у вас пожеланий насчет круга проблем, которые целесообразно обсудить?

Видимо, из соображений такта он сказал:

— Готов согласиться с любым порядком, который будет для вас более приемлемым.

Я напомнил:

— Во время предыдущей беседы мы главное внимание уделили проблеме войны и мира.

Папа кивнул, подтвердив это, а потом сказал:

— Считаю данную тему наиболее актуальной и острой. Я воспринимаю близко к сердцу все, что касается устранения опасности войны и упрочения мира.

Затем Иоанн Павел II высказал такое пожелание:

— Пожалуйста, изложите взгляды своей страны на международную обстановку и на то, что нужно предпринять, чтобы предотвратить ядерную катастрофу.

Разумеется, мною это было сделано. Кратко, но откровенно. А потом, в частности, я обратил внимание на следующее обстоятельство:

— Ватикан, как нам кажется, использует далеко не все свои

возможности в борьбе за мир. Мы знаем, что раньше с его стороны делались заявления в пользу мобилизации сил верующих на эту борьбу. Однако в последние годы такие высказывания стали реже и беднее.

Далее я говорил:

— Особенно хочу подчеркнуть опасность распространения гонки вооружений на космическое пространство.

При этом мне пришлось заметить:

— Верующие люди в соответствии с постулатами религии, которую они исповедуют, с неба ожидают только добра. А ведь в настоящее время определенные круги в некоторых странах хотят превратить небо в источник страшных бед для людей, а то и их гибели. Адрес тех, кто желает распространить гонку вооружений на космос, всем известен.

Я внимательно наблюдал как за самим главой католической церкви, так и за присутствовавшими на беседе кардиналом Казароли и архиепископом Сильвестрини. Собеседники не высказали какой-либо обиды или смущения тем, что было им сказано. Напротив, папа заметил:

— Мы относимся к вашим словам с полным пониманием. Далее папа заявил так:

— Ватикан желает собрать полную информацию по этой острой проблеме, и свое слово он еще скажет.

Все, что им говорилось, излагалось в выражениях, свойственных главе католической церкви. Он избегал категоричных высказываний. Четко собеседник высказал такую мысль:

— Хочу выразить вам признательность за «ясное изложение политики Советского Союза и за рассказ о его усилиях.

С нашей стороны в беседе подчеркивалась такая идея:

— Религиозные деятели, какую бы веру они ни исповедовали, не должны злоупотреблять своим положением и заниматься не свойственными им функциями, иначе говоря, не должны вмешиваться в государственные дела стран. Так мы понимаем и деятельность тех священнослужителей, кстати немногочисленных в Советском Союзе, которые представляют католическую веру. Что касается отношения государства к религии в нашей стране, то группы населения, даже те небольшие, которые являются католиками, не испытывают у нас ущемления своих прав на ее исповедование.

Это я сказал в связи с тем, что папа Иоанн Павел II высказал в тактичной форме некоторую озабоченность:

— Католики в СССР все же испытывают какое-то ущемление прав, не так ли?

Папа спокойно выслушал наши разъяснения, и к этой теме мы больше не возвращались.

Как и раньше при посещениях Ватикана и в беседах с главами католической церкви, так и на сей раз я пытался разгадать, чем же действительно руководствуется папа, когда он говорит на тему о войне и мире. Делать твердый вывод о том, что Ватикан последовательно стоит на позиции мира, борется против угрозы войны и осуждает тех, кто ее готовит, пожалуй, нельзя.

На основе того, что известно о роли Ватикана в международных делах, и исходя из опыта моих собственных встреч с тремя папами: Иоанном XXIII, Павлом VI и нынешним Иоанном Павлом II, правильно было бы сказать так. В Ватикане отдают отчет о том, какими катастрофическими последствиями для человечества обернулась бы ядерная война. В беседе со мной Иоанн Павел II сказал прямо:

— Я полностью разделяю ту оценку последствий ядерной войны, которую дал форум с участием советских ученых, состоявшийся недавно по инициативе папской академии наук.

— Эта оценка форума ученых, — сказал я, — объективна. Но в то же время нельзя не видеть, что Ватикан, как нам кажется, не делает всего, что он мог бы сделать для прекращения гонки вооружений, для осуждения политики и философии тех кругов, которые работают на дело подготовки мировой войны.

Далее я отметил:

— Принцип мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя, в общем находит сочувствие со стороны католической церкви и Ватикана. Но из этого пока не делаются четкие выводы. Практическая деятельность Ватикана несколько смещена в сторону культивирования настороженности в отношении государств социалистического строя. В целом налицо противоречие между признанием необходимости борьбы за мир, против войны, во имя интересов всех государств, независимо от их общественного строя, с одной стороны, а с другой — вмешательством в известных формах во внутренние дела государств.

Итак, несколько раз пришлось мне посетить чертоги главы римской католической церкви и провести беседы со святыми отцами. Каждый раз, покидая Ватикан, я задумывался: «К какому же общему знаменателю следует привести беседу, оценивая ее? Что в ней основное и что второстепенное?»

Главный вывод, который получался, — в основном совпадение взглядов по вопросу о войне и мире. Это, собственно, основной положительный капитал у Ватикана, если он будет последовательно его отстаивать. Насчет последовательности,

однако, не все обстоит так просто. И не потому, что главный штаб католиков, находящийся в сердце Вечного города, дрогнул в прямой постановке фундаментального вопроса о войне и мире. Вовсе нет. Дело в другом.

Католическая церковь традиционно раздвигает рамки своей деятельности далеко за границы основного вопроса, который сегодня кровно интересует всех людей, живущих на Земле: «Будет ли сохранен мир и жизнь?» Ватикан ориентирует свою паству через множество каналов и методов влияния на поддержку в повседневной жизни всего, что выгодно классу имущих. Можно сказать, тонко, обходными путями, с черного хода временами поощряется идеологическое единение с классом эксплуататоров.

Вместо того чтобы доносить до каждого католика мысль о необходимости всеми силами не допустить новой мировой войны, ядерной катастрофы и на этой основе объединять людей, независимо от их идеологических и религиозных воззрений, Ватикан нередко направляет верующих фактически на сочувствие и содействие тем силам, которые несут ответственность за обострение положения в мире и за подготовку войны. Но делает это через сочувствие политике правящего класса в вопросах повседневной жизни.

Всякие оговорки, которые руководство католической церкви высказывает насчет того, что, дескать, миллионные массы католиков сочувствуют правящему классу — буржуазии только в вопросах мировоззренческого характера (религии, идеологии), не имеют особого веса.

Ведь это тот же самый класс, который кует оружие для войны.

Если бы Ватикан захотел по-настоящему посмотреть правде в глаза, то всю аргументацию он должен был бы повернуть как раз в обратном направлении, а именно: несмотря на разницу в религиозных и идеологических взглядах, несмотря на различия в общественном строе, люди в высших интересах всего человечества должны сплотиться и вести борьбу против войны, против угрозы ядерной катастрофы и за сохранение жизни на Земле.

Именно такой объективный вывод напрашивается в связи с ролью в мире католической церкви и ее духовного штаба — Ватикана.

Мадрид — седая древность и день сегодняшний

На всю жизнь в моем сознании отложились сообщения, поступавшие из Испании в конце тридцатых годов. Это было время, когда испанский фашизм решил потопить в крови народную власть. Из черной тарелки репродуктора непрерывно доносились новости, сначала ободряющие, а потом все более печальные. Солидарность с Франко диктатуры германской свастики и ее креатуры — режима Муссолини сделала свое кровавое дело. У советских людей возрастали гнев и презрение к франкистским палачам, которые расправлялись с народом Испании. Росли любовь и уважение к ее патриотам. Недаром советские интернационалисты героически сражались на испанской земле в защиту республики. Недаром в конце тридцатых годов немало прославленных бойцов-республиканцев нашли убежище в Советской стране.

Нельзя не выделить тридцатые годы. Я хорошо помню то время. Глубокое чувство интернациональной солидарности проявили советские люди в дни национально-революционной войны — борьбы ее народа против франкизма. Наша страна оказывала этой борьбе посильную поддержку.

В годы минувшей мировой войны Испания каудильо фактически шла за Гитлером. Шел не народ, а франкистская клика. Ее так называемая «голубая дивизия», направленная в Советский Союз, входила в состав фашистских войск.

Неизгладимый след оставили в памяти народов ужасы войны. Советские люди познали их, как никто иной. Знакомы эти ужасы и испанцам. Разве случайно, что символом общечеловеческого протеста против войны, против звериной сущности фашизма стала бессмертная «Герника» Пабло Пикассо? А «Голубь мира» этого же выдающегося художника, сына испанского народа, превратился в иной, светлый символ, который и сейчас служит людям напоминанием о том, что мир — бесценное достояние и за него необходимо всеми силами бороться.

С крушением гитлеровского рейха Испания долго находилась в состоянии некой политической конвульсии до самой кончины диктатора Франко. После того как этого фашистского последыша не стало, для страны открылась возможность вздохнуть более свободно. Реакционный военный переворот в 1981 году, как известно, не удался. Общая атмосфера в стране стала иной по сравнению со временем франкизма.

Помнится мне много баталий в ООН по испанскому вопросу после войны, когда требовалось дать оценку происшедшего в этой стране и оценку преступлений франкистской клики. У Советского Союза совесть чиста. Он отдавал должное ее народу, но требовал сурового политического осуждения тех, кто заковал этот народ в кандалы. Не все страны занимали такую позицию. Были и такие, кто сочувствовал режиму каудильо.

Если говорить об отношениях двух стран после Великой Октябрьской социалистической революции и образования Советского государства, то они по ряду известных причин складывались неровно. Были в них и нелегкие времена, и длительные паузы напряженности.

Период, когда между СССР и Испанией поддерживались дипломатические отношения, составляет в общей сложности чуть более полутора десятков лет: 1917–1918 годы, затем 1933–1939 годы и, наконец, с февраля 1977 года по настоящее время.

Когда мы налаживали отношения с Испанией, приходилось считаться с тем, что в политике ряда других государств имелись и свет и тени. Но руководящей нитью для нашей страны и ее представителей оставалась историческая правда, справедливость. У советских людей никогда не исчезало глубокое уважение к испанскому народу.

Советский Союз и Испания с обоих концов стали наводить мосты для развития отношений. Мы понимали, что для этого потребуется время. Понимала это и другая сторона.

Сегодня можно сказать, что наши отношения развиваются нормально.

Хотя до первой поездки в Испанию представителей этой страны я встречал немало, тем не менее когда сходил с трапа самолета, то ощутил определенное волнение. Ведь я ступил на ту землю, деятели которой вписали немало ярких страниц в историю мировой культуры.

Знал я, что это лишь мечта, но все же пытался увидеть хоть кого-то похожего на озорную красавицу цыганку Кармен. Нет, во время пребывания в этой стране не удалось увидеть на улицах людей, поющих серенады и танцующих, но само сознание, что это те улицы, по которым ходили и на которых жили герои прекрасной испанской литературы, значило многое.

Вспоминалось и то, что через эту страну в свое время провел армию прославленный карфагенский полководец Ганнибал, прежде чем в грозной позе встать у стен Вечного города. Рим тогда замер в тревоге.

В 1979 году состоялся мой официальный визит в Испанию. Запомнилась и оставила благоприятные воспоминания встреча с

королем Хуаном Карлосом I. Он производит впечатление человека, хорошо сознающего свою роль в осуществлении отхода страны от франкистского прошлого. Король подчеркивал необходимость для Испании и Советского Союза по-новому подойти к развитию отношений между ними и полнее использовать возможности.

Всю нашу беседу с королем можно назвать дружественной. Закончилась она тем, что Хуан Карлос I заявил:

— Хочу выразить благодарность советскому руководству за приглашение посетить СССР. Я давно мечтаю побывать в вашей великой стране.

После беседы с королем в Мадриде состоялись встречи с премьер-министром Адольфо Суаресом и министром иностранных дел Испании Марселино Орехой, которые проходили в деловой обстановке. Главное, что подчеркивали наши собеседники, — это необходимость развития отношений между двумя странами. Они говорили о стремлении Испании укреплять с Советским Союзом торговлю, культурные и иные связи.

Имел я возможность беседовать с королем и в сентябре 1983 года во время пребывания в Мадриде на заключительном этапе встречи представителей государств — участников общеевропейского совещания. Испания немало сделала как страна-хозяйка для положительных итогов работы этой встречи.

Испанское руководство оказало советским представителям должное внимание. В частности, премьер-министр Фелипе Гонсалес всячески подчеркивал значение дальнейшего углубления советско-испанских отношений.

Одним из интереснейших политических деятелей Испании являлся министр иностранных дел Фернандо Моран. Будучи сторонником развития советско-испанских отношений, он считал, что им не должны мешать внешние силы.

Это — хорошие слова, и далеко не конъюнктурного значения.

Страна Сервантеса, Гойи, Эль Греко

Не могу не сказать о том впечатлении, которое у меня сложилось во время визитов в эту страну. Прежде всего я не забывал, что нахожусь на родине Сервантеса, Гойи, Эль Греко. Здесь во второй половине тридцатых годов нашего века рабочие и все передовые люди грудью встали на защиту правительства Народного фронта.

Если тщательно не присматриваться к испанцам, скажем, на улицах городов, то, пожалуй, они ничем особым ни по своей внешности, ни по поведению не выделяются. Правда, на лицах людей присутствует какой-то налет сдержанности, сосредоточенности.

Дух захватывает, когда вступаешь в залы музея Прадо — одной из богатейших сокровищниц испанской и мировой живописи.

Побывать в Испании и не увидеть Толедо — ситуация почти немыслимая. И мы тоже поехали туда.

Выехав за пределы Мадрида, я стал невольно взглядом искать мельницу, похожую на ту, с которой сражался благородный Дон Кихот — рыцарь Печального Образа. Но, увы, ни одной мельницы так и не увидел. Куда же их испанцы подевали?

По дороге из Мадрида в Толедо — поля и поля. Попадаются и оливковые рощи, хотя их основная масса сосредоточена в других районах страны.

Паломничество туристов и любителей искусства в Толедо никогда не прекращается. Посетили мы дом-музей Эль Греко, в котором он с семьей жил много лет. Этот маленький и тесный дом является одной из главных достопримечательностей города. Он бережно сохраняется. Чувствуется стремление поддерживать все в том виде, как было тут при жизни гениального художника. Здесь же выставлена и коллекция работ Эль Греко.

Существуют давние традиции взаимного обогащения наших культур. Мы знаем, что в Испании проявляют большой интерес к русской и советской многонациональной культуре. Испанцам хорошо известны имена таких наших выдающихся писателей, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. М. Горький и многие другие. В свою очередь, испанская тема находила отражение в стихах А. С. Пушкина, звучала в произведениях М. И. Глинки и Н. А. Римского-Корсакова. И сейчас к ней нередко обращаются писатели, художники, другие деятели советского искусства. Хорошо, например, известен в Испании крупный советский художник И. С. Глазунов, являющийся членом

Испанской академии художеств.

В марте 1985 года я в третий раз побывал в Испании. И снова состоялась встреча с королем Хуаном Карлосом I. Беседовал я также с главой правительства Гонсалесом и министром иностранных дел Мораном. Переговоры и беседы проходили в конструктивной обстановке и носили дружественный характер. Они позволили провести обстоятельный обмен мнениями о состоянии и перспективах развития советско-испанских отношений, а также по некоторым узловым проблемам современной международной жизни.

Обе стороны выразили удовлетворение расширением советско-испанского сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях.

В мае 1986 года премьер-министр Испании Фелипе Гонсалес нанес государственный визит в Советский Союз. Его принял М. С. Горбачев и провел с ним обстоятельную беседу по вопросам углубления взаимодействия СССР и Испании по международным проблемам. Гонсалес провел переговоры с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. В результате их стороны подписали протокол о дальнейшем развитии экономического и промышленного сотрудничества между СССР и Испанией, а также соглашение между двумя странами о международном автомобильном сообщении.

Принимал Гонсалеса и я, уже как Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Гонсалес пытался выдвинуть тезис о том, что СССР и США несут чуть ли не равную ответственность за события, происходящие в мире. Советская сторона на примерах показала, что это не так.

Если все за послевоенный период встречи и беседы с государственными деятелями Испании привести к общему знаменателю, то можно сказать, что испанская сторона, как и советская, признает существенный прогресс в отношениях. Москва и Мадрид научились разговаривать друг с другом. А это уже большое дело. Дух франкизма если и сказывался в Испании, то больше во внутренней жизни страны.

По острым вопросам политики, особенно относящимся к ядерному оружию, с правительством Испании было легче находить общий язык, чем с правительствами некоторых других западноевропейских государств.

А что касается настроений общественного мнения по отношению к Советскому Союзу, то я не встречал ни в Испании, ни вне ее ни одного испанца, который высказался бы недружественно по адресу нашей страны.

В позиции всех испанских правительств за послефранкистский период по внешней политике страны, разумеется, всегда присутствуют элементы общенатовской солидарности. Но это — солидарность классового характера. В конце концов Испания — страна капиталистическая. Что же касается опасности ядерной войны, то государственные деятели Испании отдают себе отчет в том, что гибель в огне такой войны даже в обнимку со своими зарубежными братьями по классу этим испанским деятелям не подходит и потому неприемлема. А такая позиция — немалое поле для сотрудничества на международной арене.

Добрый сосед — Финляндия

Добрососедство — это слово, с которого обычно начинается разговор между политическими и общественными деятелями Советского Союза и Финляндии, по какую бы сторону границы они ни встречались. Эту мысль сама жизнь внедрила в сознание и советских людей, и финнов за годы существования Финляндии как независимого государства. Еще не ушло из жизни то поколение, при котором Финляндия получила независимость из рук В. И. Ленина.

Прошлое дает обильный материал в пользу того, чтобы обе страны тянулись друг к другу с целью развития дружбы и доверия.

На протяжении долгих лет внушительной фигурой на международном поприще, не говоря уже о политической жизни самой Финляндии, оставался президент этой страны Урхо Калева Кекконен. С ним меня сводили обязанности министра иностранных дел много раз — и для бесед в узком кругу, и в более широком составе. Наши встречи происходили либо в Москве, либо в Хельсинки. Приходилось мне беседовать с Кекконеном и в сугубо неофициальной обстановке во время его пребывания под Москвой в Завидово, куда он приезжал на охоту.

Имя Кекконена в нашей стране хорошо известно. Уже одно то обстоятельство, что он более двадцати пяти лет находился на посту президента, а до этого шесть лет — премьер-министра, говорит само за себя. Но это временная сторона. Гораздо важнее то, что в период его пребывания во главе финляндского государства советско-финляндские отношения прошли большой путь в гору.

Солидные основы для развития отношений обе страны заложили уже в первый послевоенный период. Но эти основы можно было беречь, а можно было и расшатывать. Кекконен продемонстрировал понимание того, что добрые отношения между Финляндией и Советским Союзом отвечают интересам обеих стран. Он не только достойно продолжил начатое дело, но и внес большой личный вклад в развитие многогранных советско-финляндских связей.

В сентябре 1944 года закончилась провалом авантюра с участием Финляндии в гитлеровской агрессии против СССР. Руководство страны, которое возглавил Ю. К. Паасикиви, сделало правильные выводы из уроков прошлого. Это привело к формированию нового подхода в политике Финляндии по отношению к Советскому Союзу. Взяло верх сознание того, что

единственно верным является курс на мир с великим восточным соседом. Актом политического реализма и дальновидности стало согласие руководства Финляндии на предложение Советского правительства о заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В составе финской делегации, выезжавшей в Москву для переговоров по этому вопросу, прибыл и Кекконен, который еще в годы войны выступил за коренную перестройку советско-финляндских отношений, за переход от былой вражды на путь добрососедства. Он активно способствовал успешному проведению переговоров и подписанию договора 1948 года.

Не так давно на Ленинских горах в Москве прохожие по утрам могли наблюдать любопытную картину. В спортивных костюмах трусцой бежали трое: чуть впереди — пожилой человек, а сзади почти след в след за ним — еще двое, крепкие молодые люди. На них никто не обращал внимания. Москва давно уже привыкла к бегающим и по утрам, и по вечерам, а то и ночью своим жителям, и это никого не удивляет.

Побегав час, неразлучная тройка сворачивала в ворота одного из зданий. Милиционер, стоящий у входа, брал под козырек…

Так начинал свой день президент Кекконен во время визитов в Советский Союз.

Впрочем, бегом трусцой он занимался только до снега. Устанавливалась зима, и он становился на лыжи. Наверно, в этом и состоит секрет активной долголетней работоспособности этого президента Финляндии.

Впоследствии, когда мы встречались с Кекконеном уже в Хельсинки, он тепло отзывался о том времени, когда приезжал к нам в качестве посланца своей страны.

— Правильно мы поступили, когда подписали советско-финляндский договор, — он в самых решительных выражениях подчеркивал своевременность этого шага. И Советский Союз, и Финляндия, — заявил он, — убедились, что вражда до добра не доводит. Хватит вражды. Надо жить в дружбе.

Он стал преемником Паасикиви на посту главы государства. Президент Кекконен родился в крестьянской семье. Он прошел большой путь от журналиста и юриста до депутата, председателя парламента, министра, премьер-министра, наконец, президента республики. Человек незаурядного ума и богатого жизненного опыта, он обладал большим чувством юмора, всегда держался просто и оставался доступным в общении. Верный образу жизни и традициям своей страны, он вместе с тем живо интересовался успехами Советского Союза, совершал поездки по нашей стране, побывал на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири и даже на

Сахалине.

Своей деятельностью Кекконен приобрел авторитет и уважение как в самой Финляндии, так и за ее пределами. Именно благодаря ему проводимый страной внешнеполитический курс снискал признание в мире.

Хорошо помню встречу с Кекконеном в 1975 году во время проходившего в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. К тому времени он представлял собой уже умудренного опытом деятеля, достойно принимавшего в качестве хозяина в столице Финляндии глав государств и правительств тридцати двух европейских государств, США и Канады.

Вспоминается и другая встреча с Кекконеном в ноябре 1980 года, когда он совершил свой последний официальный визит в Советский Союз. В торжественной обстановке в Свердловском зале Кремля ему была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Принимая эту высокую награду, Кекконен сказал:

— Финны сохраняют в благодарной памяти то, что возглавляемое Лениным Советское правительство признало независимость Финляндии и создало таким образом предпосылки для взаимной дружбы и сотрудничества между нашими странами.

Он с трибуны призвал тогда советских людей:

— Так давайте же вместе тщательно беречь это наследие.

Советское руководство немало сделало и делает для того, чтобы отношения между двумя странами оставались добрососедскими.

В отношении Урхо Кекконена можно сказать, что он убежденно и стойко придерживался взглядов на необходимость следовать политике добрососедства. И так было до дня его смерти — 31 августа 1986 года.

Швеция и ее Улоф Пальме

Впервые в жизни я видел кусочек Швеции в нью-йоркском порту в 1948 году. Это был шведский пассажирский пароход «Грипсхольм».

В известном смысле он, возможно, спас жизнь мне и моей семье. Дело в том, что мы предполагали возвратиться в Советский Союз на советском пароходе «Победа», который направлялся в Одессу. Однако путешествие на этом пароходе значительно задержало бы наше возвращение на Родину.

Посоветовавшись с женой, мы решили сесть на шведский пароход, чтобы ускорить таким образом отъезд, тем более что моя мать Ольга Евгеньевна тяжело болела и находилась в московской больнице. На «Победе» в Черном море случилась трагедия — пожар, который унес несколько десятков жизней. Погибли и некоторые друзья нашей семьи, возвращавшиеся из служебной командировки в США.

Путешествие на шведском пассажирском корабле в какой-то степени давало представление о Швеции и шведах. Мы обратили внимание, например, на то, что в ресторане, как это принято в Швеции, все закуски выдавались вдоволь и бесплатно. Отдельно оплачивались только горячие блюда. Питание организовывалось по высшему классу. Видимо, понимающие толк в экономике шведы сообразили, что они больше выиграют, если будут практиковать этот так называемый «шведский стол». Он, впрочем, сейчас широко известен в мире и не только на морях, но и на суше. В Вашингтоне, например, также практиковался «шведский стол», и это бойкое место пользовалось большим успехом.

Высадившись в городе Гетеборге и проведя сутки в Стокгольме, мы через Финляндию прибыли в Советский Союз.

Второе, более основательное знакомство со Швецией состоялось в 1964 году. Встречи во время визита проходили в хорошей атмосфере. Шведы и правительство страны ценили добрые отношения, сложившиеся между двумя странами, особенно в области торговых связей. Подобную оценку давали все, с кем приходилось встречаться, начиная от короля Густава VI Адольфа и кончая представителями министерства иностранных дел.

Встреча с премьер-министром Таге Эрландером проходила в его летней резиденции, расположенной в нескольких десятках километров от Стокгольма. Там и состоялась наша обстоятельная беседа. Интересной и полезной была также беседа с министром иностранных дел Торстеном Нильсоном.

Хозяева охотно способствовали тому, чтобы мы могли поближе познакомиться со шведской столицей.

Шведские собеседники подчеркивали свои достижения в решении социальных проблем. Уровень зарплаты, да и уровень жизни в стране в целом поднялся выше среднего по сравнению с другими развитыми капиталистическими государствами, а сами шведы уверяли:

— Мы скоро займем по этому показателю первое место в мире.

Наверно, в этом они приближались к истине. Нейтралитет Швеции и ее неучастие в войнах в течение длительного времени во многом объясняют такое положение.

Визит к королю Густаву VI Адольфу — деду нынешнего короля Карла XVI Густава — и беседа с ним оставили заметный отпечаток в моей памяти. В кабинете королевского дворца меня встретил высокий пожилой мужчина — один из тех редких монархов, кто прочно занимал свое место. Родословная шведского короля уходит в начало XIX века. Основателем теперешней династии стал известный французский маршал Жан Батист Бернадот, он же принц Понте-Корво. В свое время Бернадот командовал корпусом в наполеоновской армии. Двигаясь по запутанным дорогам европейской политики того времени, наполеоновский маршал отошел от императора, и тот уволил его в отставку.

Бывшего маршала прельстила шведская корона. Престарелый шведский король Карл XIII не имел детей, и он усыновил французского маршала, а риксдаг Швеции специальным решением избрал его наследником престола. Карл XIII скончался, и Бернадот стал королем Швеции под именем Карла XIV Юхана.

Нет, нельзя сказать, что Бернадот не разделял агрессивной политики французского императора. Жажда власти и наживы, присущие Наполеону, не порождали гнева у его маршалов. Ведь сам Бонапарт выдвигал их из нижних чинов. И среди этих выдвиженцев было немало людей незаурядных, ловких и по-своему талантливых. Бернадот не являлся исключением.

В Швеции, что находилась вдали от столбовой дороги европейской политики, экс-маршал прижился неплохо и стал для шведов своим. В те времена, когда братья Наполеона один за другим превращались в королей разных европейских государств, а сестры — в королев, выходя замуж за коронованных особ, случай с Бернадотом вовсе не казался из ряда вон выходящим.

Новый шведский король дожил до середины XIX столетия. В Швеции рассказывают, что, когда приступили к омовению усопшего Карла XIV Юхана, двор был шокирован тем, что на руке

их обожаемого монарха оказалась плохо вытравленная татуировка: «Смерть королям!»

По отношению к России Бернадот проводил дружественную политику. В 1812 году в городе Турку состоялась его встреча с русским императором Александром I, во время которой они заключили соглашение о совместных действиях против Наполеона.

Случилось так, что с 1814 года Швеция ни разу не воевала. Ее международное, а в известной степени и внутреннее положение отличалось, да и сейчас отличается относительной стабильностью. Швеция и королевская династия не испытали ударов бурной судьбы Европы, потрясших многие троны и страны континента. Все это объективно создавало почву для традиционного шведского нейтралитета.

В ходе беседы с королем Густавом VI Адольфом я понял, что он довольно образованный человек. Его любимым занятием стала археология. Он говорил, что старается быть в курсе всех новинок и открытий в этой области.

— Я особо интересуюсь литературой по археологии, — сказал король, — в том числе на русском языке. Не могли бы вы прислать мне что-нибудь новое из изданий, где рассказывается об археологических раскопках?

Учитывая пожелание короля, позже я направил ему из Москвы некоторые книги на эту тему.

Глядя на короля Густава VI Адольфа, я невольно мысленно задавал сам себе вопрос: «Неужели этот мирный археолог-любитель и есть потомок бравого маршала, служившего у императора французов?»

В Скандинавских странах не принято, чтобы монархи занимались практическими делами государства. Они стоят как бы выше этого. А что это означает в конкретных условиях страны, лучше всего знают сами скандинавы. Иностранцам в этом трудно разобраться. Ясно только одно: одна из функций монарха — выполнять определенные обязанности при поддержании международных связей.

В 1978 году Москва принимала молодого шведского короля Карла XVI Густава. Его визит в Советский Союз явился определенной вехой в развитии отношений между Швецией и СССР. Визит показал, что Швеция заинтересована в том, чтобы развивать деловые связи с восточным соседом.

То же впечатление я вынес и из другой беседы с этим королем, которая состоялась в январе 1984 года во время моего пребывания в Стокгольме в связи с открытием Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в

Европе. Король высказывался вполне определенно:

— Я выступаю за поддержание деловых отношений между нашими странами и за их улучшение.

Он не уходил от обсуждения политических вопросов. Когда они затрагивались с нашей стороны, охотно на них реагировал. Видимо, думалось мне, династические прерогативы шведского королевского двора становятся — если не в конституционном смысле, то де-факто — более гибкими.

Содержательной получилась и беседа с премьер-министром Швеции Улофом Пальме. Он высказал мысли, аналогичные тем, которые изложил и король. Конечно, ни премьер-министр, ни я не обходили вопросов, время от времени подбрасываемых теми кругами Швеции, которым, по-видимому, становится не по себе, если в отношениях между двумя странами не происходит чего-либо необычного, о чем можно крепко поспорить. Пусть это будет просто склока — они и этим довольны.

От имени своей страны я сделал такое заявление:

— Советский Союз желает поддерживать со Швецией хорошие отношения. Это — общее мнение советского руководства.

Премьер-министр выслушал меня и сказал:

— Я рад услышать то, что вы сказали от имени советского руководства, и в свою очередь от имени Швеции заявляю, что она твердо и определенно стоит за добрососедские отношения с вашей страной.

Из Стокгольма я уехал, услышав обнадеживающие слова от шведских руководителей, и, разумеется, оставалось только посмотреть, как это будет осуществляться на деле. А на деле положение сохранялось непростое. Видимо, потребуется еще время, чтобы здравый смысл и резон взяли верх в Стокгольме в вопросах отношений с Советским Союзом.

Об Улофе Пальме, к сожалению, теперь приходится говорить уже в прошедшем времени. Его убил террорист — наемник тех самых сил, которым поперек горла стояли либеральные взгляды премьера, его настрой на улучшение отношений и добрососедство с Советским Союзом, его роль инициатора создания группы лидеров шести стран — Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании и

Швеции, выступившей за укрепление мира, разоружение, международное сотрудничество.

Помню утро 1 марта 1986 года на XXVII съезде КПСС. Виктор Михайлович Чебриков, председательствовавший на том заседании, сообщил делегатам скорбную весть, которая пришла из Стокгольма.

— Злодейски убит Улоф Пальме.

Стоя, делегаты съезда почтили память премьер-министра и председателя социал-демократической рабочей партии Швеции…

На земле Гамлета — принца Датского

Южная соседка Швеции — Дания. С юношеского возраста, как только я прочитал «Гамлета» Уильяма Шекспира, у меня сложилось определенное представление о стране, в которой жил герой трагедии гениального драматурга. А когда мне в 1964 году довелось в первый раз посетить с официальным визитом Данию, то я уже имел возможность сверить свои представления с действительностью. Конечно, пришлось делать поправку на разницу в эпохах.

Мы с Лидией Дмитриевной посетили знаменитый замок Эльсинор, так замечательно и сочно описанный Шекспиром. Да, великий драматург обладал точным поэтическим видением. Входя в этот замок и проходя по его запутанному лабиринту коридоров и переходов, казематов и темниц, залов и опочивален, мысленно как бы переносишься в век Гамлета. Кажется, стоит только задержаться до темноты — и откуда-то сверху сойдет тень отца Гамлета.

Внутри замка по черным коридорам проходить можно только со специальными светильниками. Заключенных содержали в «каменных мешках».

После посещения каменной громады замка приходится только сделать вывод, что этот суровый монумент будет всегда волновать воображение людей, попавших в датское королевство. Датчане гордятся, и по праву, замком со всемирной славой — Эльсинор.

Крепость одета в позеленевшие медные кружева. Какую-то таинственность придают ей синие стекла окон. В пролив Эресунн ощерились жерла старинных пушек. В средние века все суда, проходившие через пролив, обязаны были платить пошлину датской короне.

Весь замок, особенно его внутренняя часть с мрачными переходами, мог навеять средневековый сюжет. Специалисты утверждают, что Шекспир не видел этого замка, но в средние века здесь побывала труппа комедиантов из Англии, кое-кто из ее участников впоследствии выступал в театре Шекспира и, наверно, рассказал великому драматургу историю принца датского.

В наши дни в этом замке регулярно дается представление знаменитой шекспировской пьесы. Ее показывают один раз в год, а сама традиция зародилась еще в 1916 году. В 1937 году здесь впервые выступала английская труппа, в которой роль Гамлета

исполнял знаменитый Лоренс Оливье, а Офелию играла великая английская актриса Вивьен Ли, впоследствии оба мои добрые знакомые.

Наши беседы с государственными деятелями Дании мало чем отличались от тех, которые состоялись в Стокгольме. Правда, с одной поправкой. Дания — участница НАТО, и, конечно, думать о блоке приходилось всегда, на каком бы уровне ни проходили встречи.

Во время бесед с государственными деятелями этой страны мне не раз приходилось напрямик задавать вопрос:

— Что дает Дании членство в НАТО?

Ответ обычно получал простой, но всегда после некоторых раздумий.

— Дания, — говорили нам ее представители, — страна, принадлежащая к западному миру, и поэтому для нее естественным является участие в союзе западных государств.

Тогда закономерно возникал другой вопрос:

— Ну, а как же с военной деятельностью НАТО, с военными обязательствами, которые приняла на себя и Дания, вступив в блок?

На него отвечали так:

— НАТО — организация оборонительная, и вся ее деятельность тоже оборонительная.

Собеседники, как в Дании, так и в других государствах — членах НАТО, обычно уклонялись от рассмотрения существа этих вопросов, как бы скользили по ним. Манера разговора представителей малых стран в НАТО по вопросам участия этих государств в блоке вылилась уже в трафареты, которыми, как правило, пользуются такие деятели.

И все же, несмотря на присутствие этой проблемы во всякой беседе, политики Дании, как и страна в целом, можно сказать, инстинктивно отдают себе отчет в том, что никакой опасности от СССР для Дании не исходит.

Обстановка во время бесед сразу изменялась в положительную сторону, как только речь заходила о торговых и экономических отношениях между нами. Традиционно такие отношения являются неплохими, и обе стороны их ценят, от этого оба государства только выигрывают.

В Дании мне приходилось бывать с официальными визитами дважды. Существо вопросов обсуждалось главным образом в беседах с министрами иностранных дел и премьер-министрами.

Встречался я и с королем Дании Фредериком IX. На этой встрече присутствовала его дочь — принцесса Маргрете. Король высказался так:

— Дания заинтересована в развитии экономических и торговых связей.

Обратил я внимание на то, что принцесса Маргрете интересовалась политическими вопросами, — нам уже тогда было известно и от датчан, и от советского посольства, что она может быть будущей королевой. Так оно и стало.

Молодая датская королева — теперь уже Маргрете II со своим супругом посетили Советский Союз с официальным визитом в 1975 году. Ее беседа с Л. И. Брежневым и ознакомление с Советской страной произвели на нее хорошее впечатление и способствовали развитию советско-датских отношений.

Соседство ко многому обязывает

Прежде чем очутиться в Норвегии, пришлось пересечь заливы с ледяными торосами. Потребовалось полтора часа, чтобы паром мог пристать к берегу и позволить нам продолжить путь до Осло.

Мое первое впечатление от Норвегии необычно: показалось, что народ этой страны живет намного ближе к природе, чем население других экономически развитых стран Запада. Сверял свое мнение со взглядами других товарищей, побывавших в этой стране. Да, так оно и есть: они думают, как и я.

Города и промышленные очаги настолько сливаются с местностью, где они расположены, что производят скорее впечатление плотно застроенных и заселенных больших сел. Даже столица, и та довольно тесно соприкасается с окружающими ее полями, лесами. И это норвежцам нравится. Такая картина, пожалуй, ласкает и глаз иностранца.

Что касается моря, то с ним норвежцы, можно сказать, общаются постоянно. Огромной протяженности береговая линия дает возможность найти работу в море или в связи с морем большой части населения страны. А ловля рыбы с древнейших времен считается важнейшим источником существования. Без нее просто немыслима жизнь Норвегии. В наше время благосостояние государства зиждется в определенной мере на добыче нефти и газа в прибрежных морских водах.

В годы второй мировой войны в совместной борьбе против общего врага — германского фашизма крепла дружба советских людей и норвежцев. Сломив ожесточенное сопротивление гитлеровских войск, Красная Армия принесла свободу жителям заполярного Финмарка на полгода раньше, чем были освобождены другие районы страны. Свыше двенадцати тысяч советских воинов отдали жизнь в борьбе за освобождение и восстановление независимости Норвегии.

Известный норвежский ученый и общественный деятель Фритьоф Нансен как-то заметил в 1923 году, что недалек тот день, когда Россия станет «спасительницей Европы». Эти слова оказались пророческими и для Норвегии — такой день настал в мае 1945 года, когда Советский Союз навсегда освободил народы Европы от ига фашизма.

Вспоминается телеграмма, направленная королем Хоконом VII 9 ноября 1944 года М. И. Калинину, в которой он приветствовал Вооруженные Силы Советского Союза, «доблестная борьба которых так важна для освобождения Норвегии». В этой общей борьбе, подчеркивал король, «я вижу прочную основу

постоянных сердечных отношений между нашими народами». Десять лет спустя премьер-министр Эйнар Герхардсен сказал:

— Вклад советского народа в победу во второй мировой войне и особенно его участие в освобождении Норвегии норвежский народ не забудет.

Слова благодарности советскому воину-освободителю высечены на многих памятниках и обелисках, сооруженных в Норвегии на братских могилах, которые нам показывали норвежцы. «Норвегия благодарит вас», «Вы пали в борьбе за всех нас», — выбито на граните памятников в Осло, Ставангере и других городах.

В свою очередь сотни норвежцев оказывали помощь Красной Армии и как могли приближали День Победы. Около восьмидесяти норвежских патриотов награждены советскими боевыми орденами и медалями.

Факт освобождения от немецко-фашистских оккупантов севера страны советскими войсками генерировал чувства симпатии и дружбы норвежцев к Советскому Союзу. Везде, где приходилось бывать — в Осло и глубинных районах страны, люди выражали свое теплое отношение к нашей стране. Героизм и помощь советских солдат-освободителей — одна из незабываемых страниц истории сердечных связей между нашими странами-соседями.

Норвежцы — люди рослые, стройные, физически крепкие, пышущие здоровьем. История и литература этой страны создали образ норвежца как отважного мореплавателя. Когда я смотрел на норвежцев, они у меня ассоциировались не только с древними викингами, промышлявшими морским разбоем, штурмом бравшими крепости Шотландии, но и со смелыми мореплавателями, заселившими Исландию, первыми увидевшими зеленую страну — Гренландию, где теперь, спустя много веков, зелени не встретишь совсем, и, наконец, открывшими для себя далекий огромный материк, который по иронии судьбы через несколько столетий снова был открыт Колумбом.

Географическая близость Советского Союза и Норвегии ко многому обязывает. В частности, к тому, чтобы жить в добрососедстве. Исторические связи советского и норвежского народов уходят в глубь веков. Сначала контакты установились, вероятно, на севере, где русские — поморы и новгородцы — вели оживленный товарообмен со скандинавами. И никогда взаимоотношения россиян и норвежцев не омрачались военными конфликтами.

Казалось бы, — да так оно и есть и должно быть — все говорит в пользу добрых отношений между двумя странами. И

сегодня, несмотря на то что Норвегия является участницей НАТО, Советский Союз желает поддерживать с ней деловые, корректные политические отношения, развивать экономические и культурные связи.

Много раз встречались государственные деятели Советского Союза и Норвегии на разных уровнях, в том числе и на самом высоком. Хорошие, содержательные беседы имели место у меня с бывшим премьер-министром Герхардсеном. Он хорошо знал обстановку в Норвегии, понимал, что, даже несмотря на участие страны в НАТО, имеются возможности ладить с Советским Союзом.

Все позитивное, что на протяжении минувших десятилетий легло прочным пластом в фундамент отношений между СССР и Норвегией, явилось результатом усилий двух сторон. Дорожить достигнутым, оберегать его от любых посягательств — такой подход полностью отвечает стремлениям советского и норвежского народов к миру.

Мудрая фраза Рубенса

Наша страна всегда уделяла внимание своим отношениям с Бельгией и Голландией. Различия в общественном строе у Советского Союза и этих стран не являются препятствием для того, чтобы наши связи и контакты с Бельгией и Голландией развивались. Страны эти относительно небольшие с точки зрения численности населения и территории, но роль их в международной политике немалая.

И в первую и во вторую мировые войны солдатский сапог немецкого завоевателя шагал по Бельгии. Во время второй мировой войны фашистская армия оккупировала и Голландию. Для агрессора не было ничего святого. Он втоптал в грязь торжественные заявления руководителей этих стран о том, что Бельгия и Голландия намерены оставаться вне войны и вправе рассчитывать, что на их территорию никто не посягнет.

Такие заявления ни во что не ставились ни в Германии кайзера Вильгельма, ни в Германии Гитлера. Жажда захватов и грабежей, жажда порабощения других народов затмила для агрессора все международные нормы, все соображения морали.

Советский Союз всегда исходил из этого, что и Бельгия, и Голландия — жертвы фашистской агрессии и уже одно это создает основу для развития с ними отношений.

Если взять Бельгию, то какое бы правительство ни приходило к власти, оно высказывалось за добрососедские отношения с СССР. Об этом мне говорили такие известные политические деятели страны, как Поль-Анри Спаак, Пьер Армель, Лео Тиндеманс. Об этом же говорил находившийся с официальным визитом в Москве в июне 1975 года Бодуэн — король Бельгии. Говорили они весомо. Понимали, что любая война, тем более ядерная, сулит для Бельгии, Голландии и других малых стран только гибель.

Уместно вспомнить разговор с королем в Брюсселе, состоявшийся во время моего официального визита в Бельгию в октябре 1976 года. На встречу с королем, считаясь с его пожеланием, я пришел вместе с Лидией Дмитриевной. Нас принимали король и королева.

Беседа была дружественная. Лейтмотивом всех высказываний монарха звучала одна и та же мысль:

— Нам необходимо обеспечить мир. Бельгия — страна малая, но развитая в экономическом отношении. Она может многое продавать Советскому Союзу, может многое и закупать у него. Что касается культуры и культурных связей, то Бельгия ценит

великую культуру советского народа и заинтересована в расширении культурных связей.

Активно эту мысль поддерживала и королева.

Пятном на политике Бельгии лежит решение руководящих кругов страны предоставить Вашингтону право разместить ядерные ракеты на бельгийской территории. По тому, как общественное мнение реагировало на эти планы, можно было понять, что народ страны встревожен таким решением. Многие политические деятели также отдают себе отчет в том, что будущее Бельгии должно строиться на путях укрепления мира, а не на путях гонки вооружений.

В беседах с деятелями Бельгии я подчеркивал:

— Те, кто поклоняется идолу гонки вооружений, забывают, что в политике действует та же закономерность, что и на стадионе, где бегуны стараются обогнать друг друга. Если один вырывается вперед, другой делает все, чтобы не отстать, а то и опередить.

Приходилось при этом разъяснять нашу позицию:

— Советский Союз считает, что планы, находящие свое выражение в безудержной гонке вооружений, необходимо отбросить. Нужно и можно осуществить поворот в сторону сдерживания гонки вооружений и разоружения. Иначе мир, как одно из высших благ человека, так и останется, подобно Синей птице из пьесы известного бельгийского писателя Метерлинка, лишь манящей, но недостижимой мечтой.

Не только в Бельгии, но и во всем мире много поколений людей чтят Рубенса как великого художника, отразившего на своих полотнах буйное богатство жизни. Но Рубенс в истории также известен и как искусный дипломат. Правительница Фландрии поручала ему сложные миссии в Испанию, Англию, другие страны. Быть может, и потому, что судьба открыла ему окошко для деятельности в области внешней политики, произнес он свою знаменитую фразу, которая сегодня тоже звучит сильно и мудро:

— Для себя я хотел бы, чтобы весь мир был в состоянии мира, а мы могли бы жить в веке золотом, а не железном.

Хорошо сказано! Не грех бы отлить большими буквами эту фразу над главной дверью штаб-квартиры НАТО, которая разместилась на родине Рубенса.

Признательность народа Нидерландов

Многое из того, что говорилось выше о Бельгии, можно сказать и о Голландии. Думаю, не ошибусь, если стану утверждать что и для Нидерландов поддержание добрых отношений с СССР имеет большое значение.

Народы двух стран издавна проявляли тягу к общению между собой, к дружбе и сотрудничеству. Как не вспомнить, например, о том, что царь Петр I в конце XVII века специально выезжал на верфи в Заандаме, где, работая плотником, обучался корабельному искусству у прославленных голландских мастеров. Извечная миссия моряков соединять континенты и народы и здесь сыграла свою роль. Петр I, можно сказать, «прорубил окно» в отношениях между Россией и Нидерландами, способствовал их заметному оживлению. Заслуживает быть отмеченным и такой факт — многовековая история отношений между нашими странами не знает войн.

Великий Октябрь оказал мощное влияние на умы и сердца голландцев. В памяти нашего народа тоже живы эпизоды тех времен: трудящиеся Нидерландов, выступив против антисоветской интервенции, срывают отправку транспортов с оружием из Роттердама, они оказывают Советской России помощь продовольствием во время голода в Поволжье.

Вместе с тем, следуя исторической правде, нельзя умолчать о том, что отношения между нашими странами строились неровно, наблюдались в них нелегкие времена и паузы. Определенные круги Нидерландов вплоть до второй мировой войны, проявляя недальновидность, так и не встали на путь признания Советского Союза. Дипломатические отношения между нашими странами были установлены лишь в июле 1942 года, в разгар всемирного пожара, когда на плечи СССР легла основная тяжесть борьбы за избавление человечества от угрозы фашистского порабощения.

Высоко оценивая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии и ее союзников, королева Нидерландов Вильгельмина писала в 1945 году в телеграмме Председателю Президиума Верховного Совета СССР: «В час полного освобождения моего народа я хочу также выразить Вам глубокое восхищение и всю признательность моего народа за важный вклад, который замечательные русские армии своими великолепными победами внесли в дело торжества правого дела и осуществления освобождения Нидерландов».

Однако и в дальнейшем для налаживания советско-нидерландских отношений понадобилось немало усилий и времени. Подлинный перелом произошел лишь в шестидесятые годы, когда в международных отношениях обозначился поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности.

Важное значение для развития всего комплекса советско-нидерландских отношений в те годы, да и в последующий период, имели политические контакты, которые расчищали горизонты взаимовыгодного сотрудничества.

Я с удовлетворением вспоминаю о встречах и беседах с королевой Юлианой, а также с нынешней королевой Беатрикс. Во время моего официального визита в Нидерланды в 1972 году королева Юлиана пригласила меня и мою жену в королевский дворец. Она заверяла нас:

— Голландский народ испытывает дружественные чувства в отношении СССР.

О том же говорил участвовавший в беседе ее муж — принц Бернард.

Они рассказывали о ярком историческом факте — посещении Петром I Голландии. Это посещение бережно хранится в памяти голландского народа. И психологически, и политически все это само по себе способствует созданию благоприятного климата в отношениях между двумя странами.

Кстати, мы посетили домик Петра, который находится в Заандаме — пригороде Амстердама и сохраняется как историческая реликвия. Домик маленький, но аккуратный, и чувствуется, что о нем заботятся. Осмотрев его, мы лишний раз убедились в том, что неприязнь Петра I к большим жилым палатам и желание его жить в маленьких помещениях — это не просто легенда.

С королевой Беатрикс мне довелось встречаться в Москве в 1973 году. Тогда наследная принцесса и ее муж — принц Клаус находились в СССР с визитом. Она говорила:

— Мне понравилось в вашей стране. Я считаю, что советско-нидерландские связи необходимо развивать.

В разные годы мне довелось встречаться с премьер-министром Барендом Бисхейвелом, министрами иностранных дел Вилхелмусом Шмельцером, Максом ван дер Стулом, Хансом ван ден Бруком, другими видными государственными и политическими деятелями Нидерландов. Несмотря на понятные различия в подходе к некоторым международным проблемам, всегда выявлялось единство по такому принципиальному для всех государств вопросу, как необходимость сохранения мира.

Помню, например, с каким пониманием и одобрением

государственные деятели Голландии восприняли во время визита в июле 1972 года наши слова на встрече с ними:

— Европа, по которой прошел смерч двух мировых войн, должна дать пример мирного решения своих насущных проблем, как бы сложны они ни были, и внести свой вклад в дело мира.

Расширение политического диалога благоприятно сказалось на всех сферах советско-нидерландских отношений. Хорошим фундаментом этих отношений стали такие двусторонние документы, как соглашение о воздушном сообщении и торговом судоходстве, о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, о культурном сотрудничестве и другие. Во внешней торговле СССР Нидерланды заняли одно из ведущих мест среди наших западноевропейских партнеров.

Народы наших стран связывают давние традиции общения в области культуры. Советские люди имели возможность познакомиться с подлинниками работ таких крупных нидерландских мастеров живописи, как Рембрандт, Ван Дейк, Ван Гог, Ван Эйк, Мемлинг, Халс и другие, обогативших своими творениями сокровищницу мировой культуры.

Мы с интересом знакомимся с современным искусством Нидерландов.

В свою очередь нам приятно, что в Голландии высоко ценят русскую и советскую многонациональную культуру.

Голландия, как и Бельгия, опутана обязательствами по блоку НАТО.

Политика Нидерландов непростая: с одной стороны, тяга народа к мирной жизни, а с другой — обязательства по блоку, безусловно чуждые сильному и вполне естественному стремлению голландцев к миру.

Советский Союз протягивает и Нидерландам, и Бельгии руку дружбы, желает народам обеих стран только добра. Именно эту мысль деятели Советского Союза всегда подчеркивали в переговорах с представителями Голландии и Бельгии на всех уровнях. Каждый раз, прощаясь со столицами Бельгии и Голландии, мы увозили с собой уверенность в том, что люди этих стран жаждут мира и проклинают войну. А что такое война, они знают и по своему опыту.

Нейтралитет не должен пошатнуться

Обычно, когда авторы воспоминаний пишут о малых странах Западной Европы, то прежде всего объектом их внимания становится Швейцария. Если брать, ракурс истории, то, пожалуй, с этим можно согласиться. Оно и понятно.

Швейцария обладает статусом постоянного нейтралитета на протяжении более чем полутора веков. Ее «вечный нейтралитет» провозгласили и гарантировали в декларации, подписанной в 1815 году на Венском конгрессе. Тогда обсуждались и решались вопросы, связанные с последствиями поражения наполеоновской Франции.

В Советском Союзе, да и не только у нас, трудно найти человека, который бы не слышал и не читал о Швейцарии как о государстве с давними демократическими традициями. Ее географическое положение в центре Европы, история, национальный состав населения во многом объясняют, почему политические институты этой страны имеют специфические особенности.

В известном смысле можно сказать, что Швейцария на протяжении более ста лет являлась убежищем политических эмигрантов из Италии, Франции и других стран. Представители нескольких поколений борцов за свободу России нашли укрытие в этой стране. В их числе был и Александр Иванович Герцен — выдающийся русский революционный демократ.

Природа как будто сознательно создала Швейцарию для того, чтобы показать миру, что в ее величавых горах и привольных долинах, среди снегов и цветов, найдут прибежище те, кто борется против тирании, кто хочет дышать воздухом свободы.

В общей сложности около семи лет прожил в Швейцарии вождь российского пролетариата В. И. Ленин.

Швейцарские деятели — главы государств, министры, — с которыми мне приходилось встречаться, знают эти привлекательные стороны своей истории. Они охотно принимают комплименты по поводу прошлого их страны.

Но вот что следует сказать о внешней политике Швейцарии в послевоенный период. Нередко приходилось слышать вопрос:

— А не пошатнулся ли нейтралитет Швейцарии?

Казалось бы, зачем этой стране все чаще оглядываться на политику стран НАТО? Даже по формальным причинам Швейцария, считающаяся нейтральной страной, должна не связывать себя с какой-либо группировкой государств, держаться в стороне от политических коллизий участников НАТО и

Варшавского Договора.

Доброе имя в прошлом по заслугам пристало Международному Красному Кресту, а это — организация, по существу, швейцарская. Главная ее цель — оказывать в качестве нейтрального посредника гуманную помощь во время вооруженных конфликтов. Однако в последнее время, судя по ее действиям, объективность часто не свойственна этой организации. Когда советские граждане в силу тех или иных обстоятельств попадают в сферу внимания Международного Красного Креста, то признаки нейтралитета у ее руководителей порой отсутствуют. До объективности этой организации добраться иногда бывает так же трудно, как трудно добраться человеку, если он не альпинист, до высоких вершин швейцарских гор.

Нам уже приходилось в дружественном духе обращать внимание швейцарских деятелей на это, в частности, в ходе форумов в Мадриде и Стокгольме. Никаких убедительных доводов в пользу отклонения от нейтралитета не было приведено.

Представители властей, наблюдая в Швейцарии на международных форумах выходки в отношении нашей страны в связи с вопросом о правах человека, почему-то не могли ни разу сказать:

— Куда вы, господа, целите? Советский Союз — суверенное государство, и никто не имеет права вмешиваться в его внутренние дела.

А вот если кто-либо на любом международном форуме стал бы критиковать Швейцарию за ее внутреннее законодательство, то советские представители из уважения к принципу суверенитета всегда возражали бы против этого, однозначно расценив такое выступление как вмешательство во внутренние дела Швейцарии. Да не раз так и поступали.

Швейцария, наверно, хочет и впредь быть местом, где расположен ряд международных организаций, в том числе Европейское отделение ООН, где проводятся многие международные конференции. Стремление понятное. Остается только пожелать ей поддерживать на соответствующем уровне свой международный авторитет как страны нейтральной.

Хорошо, если бы проведение Швейцарией внешнеполитического курса соответствовало точности швейцарских часов, которые завоевали всемирную славу. Пользуюсь случаем, чтобы сказать, что первыми часами иностранного производства, владельцем которых я стал сорок пять лет назад, были швейцарские часы фирмы «Лонжин». Они и сейчас точно отмеряют время. И никак не хотят останавливаться.

Визитная карточка Австрии

Какие страны Центральной Европы в первую очередь можно назвать главными столпами нейтралитета? В этом случае ответ должен быть: Швейцария и Австрия. Каждая из них имеет в этом отношении свое лицо. Но в том и другом случае это лицо — нейтральное. Австрия получила статус нейтралитета после подписания 15 мая 1955 года в Вене Государственного договора о восстановлении независимой демократической Австрии. Его заключили Советский Союз, США, Великобритания и Франция, с одной стороны, и Австрия — с другой.

Как государство Австрия возникла в ноябре 1918 года в результате распада Австро-Венгрии, которая не раз поднимала меч против других европейских стран. В марте 1938 года Австрия стала жертвой германского фашизма. Тот период в истории значится как позорный аншлюс.

Победа над гитлеровской Германией принесла свободу и австрийскому народу. Перед Австрией открылась дорога независимого развития. Заключенный через десять лет Государственный договор прочно закрепил развитие страны по этому пути.

Много раз мне приходилось бывать в Австрии, встречаться с ее государственными деятелями, начиная с канцлера Юлиуса Рааба и министра иностранных дел Леопольда Фигля и кончая теперешними австрийскими деятелями. Нынешнего президента Австрии Курта Вальдхайма я знал еще по ООН, где его избирали на пост генерального секретаря. Все они отдавали и отдают отчет в том, что политика нейтралитета — это тот курс, которым Австрия должна неуклонно следовать.

Во время празднования тридцатилетия Государственного договора в мае 1985 года официальная Австрия продемонстрировала свою приверженность этому курсу. Нам казалось, что даже улицы и стены домов Вены славили политику нейтралитета. Толпы жителей этого большого города горячо выражали симпатии к нашей стране.

Глубоко не правы те деятели за океаном, которым не нравится нейтральная Австрия и которые политику нейтралитета этой страны, как и других нейтральных государств, называют «аморальной». На самом же деле аморальными являются попытки добиться от Австрии отказа от такой политики.

Покидая Вену 17 мая 1985 года, я от имени советского руководства выразил добрые пожелания Австрии и ее народу.

Отношения Советского Союза с Австрией — один из

убедительных примеров равноправного сотрудничества государств с различным общественным строем. Наша страна будет и дальше делать все для того, чтобы это сотрудничество оставалось магистральной линией развития советско-австрийских отношений.

Вена хоть и столица нейтральной страны, тем не менее она — один из центров международной жизни. Именно здесь находится приобретающая в последнее время все больший вес такая организация, как Международное агентство по атомной энергии — МАГАТЭ.

В Вене часто проходят международные конференции и другие акции крупного значения. Таким было, к примеру, подписание 18 июня 1979 года Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений между СССР и США.

Находясь в Австрии, я не мог отделаться от мысли, что это — страна, достигшая вершин музыкальной культуры. Кажется, и Венский лес, в котором я бывал не раз, пропитан музыкой. А кто, оказавшись в австрийской столице, не захотел бы посетить знаменитую Венскую оперу? Или оперетту? Или послушать чарующие мелодии волшебника вальса — Штрауса?

В венских коридорах власти появлялось немало политических деятелей в послевоенный период. Каждый из них имел в политике свои взгляды. Но все же после заключения австрийского Государственного договора все они не сходили с магистральной линии в вопросах советско-австрийских отношений, проложенной этим договором. Хотелось бы думать, что будущее не принесет каких-либо нежелательных сюрпризов. Европа нуждается в нейтральной Австрии. И ее народ в этом тоже нуждается.

Страна, где мне не довелось побывать

Жаль, очень жаль, что я, исколесив, можно сказать, весь мир, не побывал на родине Гомера. Да, как-то так сложились обстоятельства, что не довелось это сделать.

Побывал на Кипре. Хотя и не отчетливо, но с борта самолета при полете на Ближний Восток видел однажды очертания греческого берега. Но не больше.

А ведь Древняя Греция, равно как и Древний Рим, всегда пленяла мое воображение с тех пор, как я приобщился к чтению книг по истории.

Странно, но факт: много раз встречал виды Афин, Парфенона, некоторых других знаменитых памятников греческой древности, видел их на киноэкране и на экране телевизора. Мне они кажутся давным-давно знакомыми. А вот воочию их так и не увидел.

Глубоко в мое сознание запала мысль о том, что ведь не случайно, а со смыслом Карл Маркс избрал для своей докторской диссертации тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Уже в этой работе молодой Маркс как бы упрекал Гегеля в том, что тот недооценивал эти философские системы, в то время как они «составляют ключ к истинной истории греческой философии».[16]

Разве не заслуживает добрых слов упоминание о связях древних греков и славян, а позже греков и русских? Эти связи никто никогда не сумел не только обрубить, но даже существенно ослабить.

Колонии эллинов были разбросаны по всему Внутреннему морю и Понту Эвксинскому.[17] Существовали они и на территории нашей страны. О том свидетельствуют находки археологов в раскопках на юге европейской части Советского Союза, особенно в Крыму. Остался от тех дней глубокой древности на Крымском полуострове город Евпатория, названный по имени царя — освободителя эллинов от ига римлян Митридата VI Евпатора (что значит «благородный»).

В центре Афин есть площадь под названием «Филики Этерия». Так в начале XIX века именовалось тайное общество греческих патриотов, созданное в Одессе, на юге России. Оно стало тем детонатором, который взорвал старые порядки. Долгие годы шла изнурительная освободительная борьба греческого народа. В ходе ее и многие сыны России отдали свои жизни,

погиб великий английский поэт Байрон. Однако Греция в 1830 году все же добилась национальной независимости. Молодому государству в этом помогала политически, морально и материально Россия.

Символично и то, что первым президентом Греческой Республики стал Иоаннис Каподистрия. Случилось это в 1827 году, а до того он многие годы состоял на российской дипломатической службе, был близок к прогрессивным кругам России, общался с А. С. Пушкиным. Враги Греции не могли простить президенту его дружественного расположения к России, и он пал жертвой заговора, инспирированного Англией и Францией.

После Великого Октября Советское правительство расторгло все неравноправные договоры царя с Грецией. Это включало отказ от осуществления «международного экономического контроля» над Грецией, то есть от участия в созданном для этого международном контрольном органе и от «русской доли» в этой грабительской организации, навязанной стране западными державами.

В 1923 году Италия совершила акт агрессии против Греции и бомбардировала остров Корфу. Советский Союз был единственным государством, которое решительно выступило в защиту Греции.

Нет, вовсе не случайно Греция одной из первых стран в мире признала Советскую республику и 8 марта 1924 года установила с ней дипломатические отношения.

Когда первый греческий посланник вручал в Кремле свои верительные грамоты, Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин сказал:

— Я не сомневаюсь, что возобновление нормальных отношений между нашими странами поведет к интенсивному экономическому их сотрудничеству.

Последующее развитие отношений между двумя государствами подтвердило правдивость этих слов.

Аразве не следует сказать о роли сегодняшней Греции в борьбе за предотвращение ядерной войны, за мир? Известны сильные и убедительные заявления М. С. Горбачева, в которых положительно характеризуется «делийская шестерка» государств, политика самой Греции и премьер-министра Андреаса Папандреу, правительство которого проявляет стремление отстаивать независимый курс в вопросах ядерного разоружения и европейской разрядки — курс, отвечающий национальным интересам страны.

Позиции СССР и Греции близки или совпадают по ряду

международных проблем. Это касается и создания безъядерных зон, превращения Средиземного моря в море дружбы и сотрудничества, и мирного урегулирования ближневосточной проблемы, а также вопроса о Кипре. Схожесть подходов создает условия для укрепления взаимного доверия между Москвой и Афинами.

Мне не раз доводилось встречаться с государственными деятелями Греции, обсуждать международные проблемы и вопросы двусторонних отношений. Было это либо в Нью-Йорке, либо в Москве в дни официальных визитов греческих гостей.

Небольшая страна с великой и по-своему прекрасной историей может и сегодня послужить, да и служит на пользу человечеству, на пользу его прогрессу.

Нет, не померкли те огни, которые были зажжены на столбовой дороге развития древнего мира с его цивилизацией, плодами которой пользовались и ныне пользуются все страны, весь мир.

Через полюс — совсем близко

Понятие соседства между государствами в нынешний век подверглось существенному изменению. Научно-техническая революция, колоссальный взлет человечества в развитии авиации, морского и наземного транспорта, средств связи превратили некоторые государства почти в соседей. Хотя если подходить со старыми мерками, то их вовсе нельзя назвать соседними.

Все вышесказанное можно отнести к таким странам, как СССР и Канада, которые, образно говоря, смотрят друг на друга через

Северный полюс. Не один раз государственные деятели обеих стран констатировали, что их государства в силу своего географического положения имеют совпадающие интересы в арктическом районе.

Наиболее отчетливо с канадской стороны эта мысль выражалась премьер-министром Пьером Трюдо, который был лидером либеральной партии. Вообще объективность требует признать, что ни одно правительство Канады не высказывалось с такой ясностью о необходимости найти общий язык с СССР в двусторонних отношениях и торговых связях, как то, которое возглавлял Трюдо. Это не значит, что советско-канадские отношения всегда шли при нем гладко. Случались сложности и срывы, но у правительства Канады, как правило, пробивала себе дорогу установка на выправление этих отношений. А так как Советский Союз стоит за поддержание добрых связей со всеми государствами, независимо от их общественного строя, то возникающие разногласия сглаживались, а то и полностью устранялись и отношения выравнивались.

Наши страны сближает также и такой факт: в Канаде, как нигде за рубежом в капиталистическом мире, большие колонии русских и украинцев, которые сохранили свой язык и культуру, а также имеют прочные и дружеские связи со страной, откуда вышли их деды и прадеды.

Канадцев русского происхождения насчитывается около тридцати тысяч. Они практически почти все — потомки духоборов — представителей секты так называемых «духовных христиан».

Она возникла в России во второй половине XVIII века и отвергала православные обряды и таинства, священников и монашество. За неподчинение властям и отказ от военной службы духоборы преследовались царским правительством. В конце XIX века при содействии Л. Н. Толстого они переселились в Канаду. Здесь они живут общинами. Многие их хозяйства основаны на

принципе коллективной собственности. Центр сосредоточения русских в Канаде — район города Трейл на юго-востоке провинции Британская Колумбия, а также город Ванкувер.

Канадцев украинского происхождения более пятисот тысяч. Это потомки тех бедняков, которые в прошлом веке и в начале нынешнего покинули родные белые хаты, спасаясь от нужды, и группами или в одиночку устремились за океан. Сейчас они живут разбросанно по всей стране, но больше всего их в провинции Манитоба, чьи степи похожи на украинские где-то под Каховкой или Херсоном. А в главном городе Манитобы — Виннипеге перед зданием законодательной ассамблеи рядом с монументами основателю провинции — Луи Риэлю и английскому поэту Роберту Бернсу возвышаются памятники великим украинцам — Тарасу Шевченко и Ивану Франко.

В феврале 1984 года в Москве состоялась беседа между К.У.Черненко и П. Трюдо. Обе стороны высказались за поддержание добрых отношений и углубление деловых связей. Обращало на себя внимание, что канадский премьер-министр с большей энергией, чем раньше, высказывался по вопросам мировой политики:

— Необходимо достижение договоренности между крупными ядерными державами, на которые падает основная ответственность за состояние дел в мире.

Конечно, у Трюдо чувствовался известный налет идеализма и переоценки возможностей и здравого смысла в политике западных стран. Да, видимо, он это и сам сознавал.

С Трюдо я лично встречался несколько раз. Принимал его Л. И. Брежнев во время первого визита Трюдо в Советский Союз в 1971 году.

Отдельные беседы с канадским премьер-министром у меня состоялись в разное время в Оттаве. Что бросалось в глаза с первых дней нашего знакомства? Это человек больших способностей и большого такта. Он в ходе бесед не любил ходить вокруг да около проблемы, не касаясь сути. Высказывал он свое мнение сразу и умел это делать как-то ненавязчиво.

Об этом деятеле нелишне сказать чуть подробнее. Он обратил на себя внимание, еще не будучи премьером, показав способности быстро схватывать существо проблемы, анализировать ее.

Он проявлял завидную настойчивость в отстаивании своих взглядов, всегда имел солидную «амуницию» аргументов и пускал их в ход против политического оппонента. Причем все это делал, стремясь не уязвить его лично и тем более не оскорбить. На эту сторону его характера все обращали внимание. Люди, хорошо его знавшие, подчеркивали, что личных врагов он не имел. Со своей

женой он разошелся, но тоже галантно.

Трюдо, не задумываясь, был всегда готов, если считал это нужным, сказать неодобрительное словцо по адресу южного соседа Канады. А в соседском южном доме — таково распространенное мнение — к нему относились с настороженностью, и Трюдо это понимал.

Всегда я находил его достаточно информированным для того, чтобы поддерживать беседу по вопросам международного характера. Если временами он допускал изъяны в оценках фактического материала, то здесь в какой-то мере сказывалась общенатовская солидарность, хотя он умел ее выражать тонко, ненавязчиво.

Кроме того, сказывалось и то, что в смысле получения информации о положении в мире вообще или в отдельных районах он, конечно, не находился в первом ряду среди тех, кто располагает возможностью получать надежные сведения. Когда же Трюдо получал информацию из Вашингтона, то она — это было заметно — являлась необъективной, а то и просто фальшивой. К чести Трюдо надо сказать, что в таких случаях он внимательно выслушивал разъяснения советской стороны по тем или иным вопросам.

Во время одной из встреч в Канаде я сослался на беседы с послом А. Н. Яковлевым и сказал премьер-министру:

— В Москве весьма ценят ваши основательные и доверительные беседы с нашим послом.

В ответ Трюдо заявил:

— Характер бесед зависит во многом и от моего собеседника с советской стороны.

— А мы в Москве считаем, — сказал я, — что в Оттаве, как и в столицах других стран, с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения, у нас послом должен быть умный, образованный человек, тем более при правительстве, которое возглавляете вы, господин Трюдо.

Премьер-министр заметил:

— Я это очень ценю.

Общепризнанным является то, что Трюдо в качестве премьер-министра всегда считался мастером ведения внутренних дел. Иногда всем казалось, что вот-вот он утонет в политическом море и, наверно, не сможет больше всплыть на поверхность. Но Трюдо всплывал и проявлял удивительную живучесть с явной пользой для страны, учитывая, что основные политические противники с неодобрением относились к его линии на приобретение Канадой более самостоятельного лица в блоке НАТО.

Одним словом, если бы меня попросили дать краткую

политическую характеристику этого крупного деятеля, то я бы сказал так:

— Разумеется, Трюдо — буржуазный деятель, и его идеологические воззрения никогда не были тайной. Тем не менее в международных делах он на голову выше тех государственных мужей стран НАТО, которые из-за своей идеологической враждебности к социализму не могут или не хотят признать реального положения в мире. А именно не хотят признать того, что существуют государства, принадлежащие к двум общественным системам — социализму и капитализму, и что они должны разрешать имеющиеся между ними разногласия только мирным путем. Разумной альтернативы этому нет.

В результате победы на парламентских выборах, состоявшихся в сентябре 1984 года, к власти в Канаде пришла оппозиционная прогрессивно-консервативная партия. Было сформировано правительство во главе с лидером этой партии Брайаном Малруни.

Вскоре, находясь в Нью-Йорке, в связи с работой XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, я принял нового министра иностранных дел Канады Джо Кларка. Между нами состоялся полезный обмен мнениями. Я отметил:

— Конечно, Канада является членом НАТО — противостоящей нам военно-политической группировки. Это — реальность, и с ней надо считаться. Наша страна именно так и поступает. Однако Советский Союз рассматривает Канаду как дружественное государство, с которым, несмотря на имеющиеся политические и идеологические разногласия, есть возможности для развития отношений в самых различных областях. По нашему мнению, имеется солидное поле для широкого сотрудничества между обоими государствами и в области международной политики.

Канадский министр слушал, а я продолжал:

— В прошлом отношения между нашими странами развивались неплохо, существовала степень взаимопонимания и во внешних делах. Хотелось бы, чтобы все это не оказалось утраченным. Следует взвесить, какие шаги надо предпринять дополнительно для того, чтобы наши отношения продвигались вперед и дальше. Разумеется, речь не идет о том, чтобы это делалось в ущерб союзническим интересам какой-либо из сторон, а лишь в интересах советско-канадских отношений.

Кларк в свою очередь сказал:

— Новое правительство Канады выражает заинтересованность в развитии стабильных, дружественных отношений с Советским Союзом.

Мы рассмотрели также актуальные международные проблемы.

Мною было подчеркнуто:

— Советский Союз готов вести серьезные переговоры в интересах достижения конкретных договоренностей по ограничению и прекращению гонки вооружений, прежде всего ядерных. Сколько раз СССР заявлял об этом и выдвигал самые радикальные предложения. Но не может же наша страна одна пойти на осуществление этих предложений, разоружаться в одиночку! Если любой здравомыслящий человек поставит себя на наше место, то он согласится, что это невозможно. У Советского Союза есть емкая, точная формула, которая определяет основу договоренностей, — равенство и одинаковая безопасность. Наш курс остается прежним: это — упрочение мира.

Канадский министр попытался представить положение в мире следующим образом:

— Вся ответственность за решение вопросов войны и мира все-таки ложится на СССР и США, а таким странам, как Канада, уготована роль в основном наблюдателя.

От этих слов веяло, конечно, знакомым духом.

Наша новая встреча с Кларком состоялась в апреле 1985 года в Москве, во время его официального визита в нашу страну.

На переговорах с нашей стороны внимание было сосредоточено на разъяснении усилий Советского Союза, направленных на обеспечение решительного поворота к лучшему в развитии событий на международной арене.

Мой канадский коллега, излагая точку зрения своего правительства, говорил:

— Канада очень заинтересована в поисках путей ослабления напряженности в мире и устранения угрозы ядерной войны. Она полностью осознает опасности. Она согласна и с тем, что в разоружении кровно заинтересованы все государства мира.

При обмене мнениями по вопросам двусторонних отношений мы были едины в том, что необходимо придать их развитию устойчивый характер. Была подтверждена готовность расширять и наполнять конкретным содержанием взаимовыгодное сотрудничество между СССР и Канадой в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных областях на благо народов обеих стран.

Это уже был конструктивный разговор, во многом напоминавший атмосферу бесед, состоявшихся в то время, когда у власти находилось правительство Трюдо.

Глава XI
ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ

Плотина против войны. Традиционная советско-югославская дружба. Герой из легенды. По личному указанию Ленина. Стамбульские впечатления. В поддержку неотъемлемого права народа Кипра. Первая русская песня о Персии. Шах. Афганистан: положить конец вмешательству извне. Мысль, осенившая Махатму Ганди. Джавахарлал Неру. Страстные речи Менона. Великая дочь Индии. Говорит Раджив Ганди. Отец и сыновья Рерихи. Ташкент: Шастри и Айюб Хан. Акт жестокой мести — не больше. Слова, которые нельзя принимать на веру. МНР и КНДР, шагнувшие в социалистическую новь. Устранить историческую аномалию. На встрече с Мао. Инкогнито — в Пекин.

После окончания второй мировой войны возникла мировая социалистическая система, в которой ныне представлены страны трех континентов — Европы, Азии и Америки. И это в корне преобразило облик нашей планеты.

Плотина против войны

Каждый день приносит убедительные подтверждения мудрости ленинского предвидения, что социализм станет могучей интернациональной силой, способной оказывать решающее влияние на всю мировую политику. Именно так обстоит дело сегодня.

Государства, которых объединяет Варшавский Договор, постоянно держат в фокусе своего внимания задачу общечеловеческой значимости — избавить народы от угрозы новой мировой войны, не дать превратить планету в пустыню. Они делали и делают все от них зависящее для достижения этой благородной цели.

Если бы нашелся в истории беспристрастный арбитр, который мог бы вынести суждение по поводу того, кто поставил самую мощную преграду на пути возникновения новой войны, то он по справедливости объявил бы, что такую плотину создало содружество социалистических государств.

Их союзниками по борьбе за упрочение устоев всеобщего мира являются все миролюбивые силы планеты, подавляющее большинство государств. Противниками выступают страны НАТО. Этот исторический поединок сил мира и сил милитаризма продолжается.

В своих декларациях и заявлениях, в конкретных предложениях социалистические государства не раз обращались к США и другим странам Североатлантического блока с призывом объединить их усилия с устремленностью стран Организации Варшавского Договора (ОВД) на то, чтобы меч войны никогда вновь не вынимать из ножен.

Широк спектр выдвинутых ОВД инициатив, которые охватывают практически все аспекты проблемы обеспечения международной безопасности. Всему миру известны предложения, с которыми от имени Советского государства выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев по этим проблемам.

С особой остротой страны Варшавского Договора ставят вопрос о необходимости предотвращения милитаризации космического пространства во взаимосвязи с радикальным сокращением ядерных вооружений, вплоть до их полной ликвидации. Эту позицию Советский Союз последовательно отстаивает на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям.

Нет ни одного заседания Политического консультативного

комитета, Комитета министров иностранных дел, Комитета министров обороны Варшавского Договора, на котором бы не рассматривались шаги, способствующие устранению угрозы войны, налаживанию и развитию мирных отношений между всеми странами.

С огромным удовлетворением вспоминаю заседания Политического консультативного комитета. Заседания ПКК — а мне приходилось принимать участие во всех этих заседаниях — решают узловые вопросы политики и безопасности стран ОВД так, чтобы обеспечить мирный труд и мирную жизнь их народов. С пламенной страстью и твердой решимостью участники обсуждают вопросы, стоящие в повестке дня. Они как посланцы своих народов думают прежде всего о том, что еще нужно сделать, чтобы не дать возможности чудовищу войны поджечь факел нового пожара.

Всегда я с отрадой наблюдал, с каким уважением относятся наши союзники к роли Советского Союза на международной арене, к предложениям, которые вносились на рассмотрение заседаний ПКК нашей страной. Со своей стороны делегации СССР всегда с таким же уважением относились к руководителям и делегациям братских стран — участниц Варшавского Договора, к их миролюбивым инициативам. Это взаимное уважение не понять представителям другого мира.

Страны социалистического содружества показывают пример новых, небывалых в истории отношений между государствами. Их фундамент составляют принципы социалистического интернационализма. Эти отношения зиждутся на полном равноправии, уважении суверенитета каждого государства, взаимной помощи и товарищеской поддержке.

В конце апреля 1985 года в столице народной Польши состоялась встреча высших партийных и государственных деятелей стран — участниц Варшавского Договора. На ней был подписан протокол о продлении на двадцать лет с последующей пролонгацией еще на десять лет срока действия этого Договора. За Советский Союз под этим документом поставил подпись Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Единодушное решение о продлении Варшавского Договора вновь со всей убедительностью продемонстрировало волю и решимость союзных государств крепить единство, сообща отстаивать позиции социализма на мировой арене, добиваться обеспечения надежного мира в Европе и во всем мире.

Этот коллективный акт они предприняли в результате всестороннего учета интересов братских стран, тщательного анализа современной международной обстановки, выявивших

жизненную необходимость сохранения и упрочения военно-политического оборонительного союза социалистических государств.

Решение братских стран о продлении срока действия договора представляет собой естественную и адекватную реакцию на опасный курс, которым следуют в международных делах США и идущие в их фарватере другие государства — члены Североатлантического блока.

Сообразно степени военной угрозы, исходящей от блока НАТО, участники Варшавского Договора намерены и впредь принимать необходимые меры для поддержания на должном уровне своей коллективной обороноспособности. Они не стремятся к военному превосходству над кем бы то ни было, но они не допустят военного превосходства над собой.

Несравненно богаче, активнее, разностороннее стали наши двусторонние отношения с государствами — участниками Варшавского Договора. Это относится ко всем видам связей между ними. Большой вклад в укрепление единства и сотрудничества вносят руководители братских социалистических стран.

На более высокую ступень поднялось и многостороннее сотрудничество братских государств. Это находит свое выражение в том, что в Организации Варшавского Договора стали активнее работать ее органы. Имеются в виду прежде всего регулярные совещания Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского Договора. Руководители этих государств детально обсуждают вопросы сохранения мира и предотвращения ядерной войны и принимают решения, которые вызывают широкий отклик общественности в самых разных уголках Земли.

«История, — подчеркивает М. С. Горбачев, — не знала другого такого союза, как наш, где отношения основаны на полном равенстве и товарищеской взаимопомощи суверенных государств. Союза, который в подлинном смысле слова является союзом народов. Союза, который никому не угрожает, а всецело посвящен защите мира».

Герой из легенды

Не могу не сказать доброе слово о человеке, которого я знал на протяжении многих послевоенных лет. Он родился в Западной Белоруссии, которая была оккупирована панской Польшей при Пилсудском. С восьми лет пас скот по найму, затем рос и мужал в борьбе за дело своего народа. В 1939 году западные области воссоединились с матерью-родиной — Советской Белоруссией.

Меня несколько раз выдвигали кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР в избирательных округах Белоруссии, и всегда, приехав в Минск, я встречался с этим человеком — Сергеем Осиповичем Притыцким. Он скончался в 1971 году, находясь в то время на посту Председателя Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. Ему исполнилось тогда только 57 лет.

Он был героем из легенды. В семнадцать лет вступил в комсомол, через год стал коммунистом. Сразу же его арестовали, и пять месяцев он провел в Гродненской тюрьме с жестоким режимом. Его подвергали изощренным пыткам. Он вынес все, никого не выдал, прямых доказательств его вины не нашли, и его выпустили.

Выйдя на волю, перешел на нелегальное положение, стал профессиональным революционером. Развернул активную подпольную деятельность, по указанию партии организовал и довел до победы забастовку лесных рабочих в районе Белостока.

У каждого героя случается свой звездный час. Готовится к такому часу всей своей предыдущей деятельностью, а совершает подвиг иногда в считанные секунды.

Для Притыцкого его звездный час пробил 27 января 1936 года.

В одну из наших встреч Сергей Осипович рассказывал об этом эпизоде своей биографии. Говорил будто не о себе, а о ком-то постороннем, при подвиге которого присутствовал. Поэтому подробности и детали у него получались вроде бы как у очевидца, а не участника события.

…В те годы правительство пилсудчиков установило в Польше жестокий террор. В борьбе с революционным движением применялась засылка провокаторов в ряды комсомола и партии. Один из них пробрался в Слонимскую партийную и комсомольскую организации. За короткий срок полиции с его помощью удалось арестовать многих преданных делу борцов, и организации оказались разгромленными. Партия вынесла предателю смертный приговор, а привести его в исполнение

поручили Притыцкому.

Дефензива прятала провокатора. Его можно было увидеть только в здании суда во время процессов над коммунистами, где он выступал основным свидетелем обвинения.

Притыцкий к этому дню готовился тщательно. Заранее побывал в здании окружного суда, изучил расположения мест в зале заседаний, ходы и выходы из него. Подготовил оружие. Учитывая, что может произойти осечка, взял на всякий случай два револьвера.

Он понимал, на что идет. Шансов уцелеть быть не могло. Здание суда усиленно охранялось. Секретарь подпольного ЦК комсомола Западной Белоруссии Н. Н. Дворников предложил:

— Возьми пятерых надежных комсомольцев. Они устроят панику в зале суда, а ты скроешься от погони.

— Нет. Они станут только лишними жертвами.

— Тогда вот тебе ключ от кабинета прокурора, который находится рядом с залом, где будет слушание дела. Оттуда имеется черный ход во двор.

— Нет, и его я не возьму. Где там я буду искать кабинет прокурора? Да и сам ключ — лишнее вещественное доказательство.

Утром в день суда Притыцкий сидел в зале. В седьмом ряду, второе место от прохода. И не с краю, чтобы не вызвать подозрений, и так, чтобы легко выйти из ряда.

Казалось, все шло по плану. И все же получалось не совсем так, как он задумал. На скамье подсудимых находилось семнадцать студентов Виленского университета. Многие из них знали Сергея как одного из подпольных партийных работников. И вдруг вот он здесь, перед ними, в зале суда, среди зрителей. Кто же он? Неужели тоже провокатор?

Среди подсудимых возникло движение, они толкали друг друга локтями, перешептывались. Конечно, это не могло остаться незамеченным. Заволновались охранники, стали бегать глазами по рядам зрителей шпики, находившиеся в зале. Огромным усилим воли Сергей, сделав каменное лицо, заставил себя не дрогнуть и сидеть на месте, как будто ничего не происходило.

А провокатора все еще не вводили в зал для дачи показаний. Так прошло все утреннее заседание и перерыв. Только в три часа дня начали заслушивать предателя. Он говорил:

— Эти подсудимые — агенты большевизма.

От его «показаний» зависела судьба людей. Притыцкий знал, что этот человек уже послал на виселицу и в тюрьму многих честных людей. Он встал и вышел в проход. Вынул из карманов оба револьвера и смело направился к провокатору. Сидящие

шарахнулись от него, судья и прокурор спрятались под стол. Вспомнил, что в первых рядах зала сидят шпики из дефензивы, ускорил шаг. А затем — сработали оба револьвера. Предатель упал.

В зале царила паника, у двери — давка, но когда молодой человек с оружием в обеих руках направился к выходу, все мгновенно перед ним расступились. Он вышел в коридор.

Начал быстро спускаться по лестнице, и только тут полицейские опомнились. Они открыли стрельбу. Невредимым Притыцкий пробежал всего один лестничный марш, на площадке перед вторым пули его настигли. Он был тяжело ранен. Дефензива хотела его видеть живым. Его вылечили, чтобы снова пытать. Но он молчал. Его приговорили к смертной казни через повешение.

Но тут для дефензивы и панского правосудия началось самое неожиданное. Во всем мире поднялась волна протеста против применения к Притыцкому смертной казни. Митинги и демонстрации проходили по всей Польше. В тюрьмах страны политические заключенные объявили голодовку. Возвысили свой голос солидарности трудящиеся Советского Союза и Чехословакии, Франции и Англии, Италии и Соединенных Штатов, многих других стран.

А в это время Притыцкий в течение года сидел в камере смертников, каждый день ожидая, когда его поведут на виселицу.

Но фемида буржуазно-помещичьей Польши отступила: смертную казнь ему заменили на пожизненное заключение.

В этот раз Притыцкий провел в тюрьмах Польши три года. Спасла его Красная Армия в 1939 году. Он вышел из тюрьмы и начал новую жизнь в Советской Белоруссии…

Сергей Осипович не любил распространяться о пережитом. То, что он поведал мне, — нечастое событие в его жизни. То ли у него настроение было особое, то ли обстановка располагала, — не знаю.

Когда ему напоминали о его героическом прошлом, он как бы нехотя ограничивался лаконичными замечаниями. Свидетельствовало ли это о нежелании выглядеть нескромным или просто он не хотел воскрешать в памяти тяжелые моменты прошлого, — сказать трудно.

Война — и Притыцкий с первых дней один из организаторов отпора врагу, а затем — в числе создателей партизанских отрядов и подпольных групп на территории Белоруссии и Польши, в глубоком тылу у захватчиков. После победы он на руководящей партийной работе в разных областях республики и в самом Минске.

У него четыре ордена Ленина, другие ордена и медали, награды народной Польши и братской Чехословакии. Ему поручали возглавлять делегации, выезжавшие за рубеж: он с успехом выполнял почетные миссии во время поездок в Польшу, ГДР, Мали, Сирию и другие страны.

Знали я и моя жена его хорошо и всегда с радостью встречались с ним и его женой — Татьяной Ивановной, пользующейся авторитетом на преподавательской работе в высших учебных заведениях Минска.

Живет память о Притыцком в народе. Носят его имя предприятия и школы, колхозы и совхозы, улицы и переулки. В Белоруссии и Польше. Открыты музеи и мемориальные залы, где размещены экспозиции о нем.

Но для меня он — не в бронзе памятников, а живой. Человек, в котором сконцентрировались лучшие качества народа — мудрость, стойкость к невзгодам, готовность отдать жизнь за правое дело, пламенный патриотизм.

Традиционная советско-югославская дружба

Помню, какие добрые чувства испытывали наши люди во времена первой мировой войны по отношению к сербам. Все знали, что Росссия вступилась за Сербию, когда на нее напали Германия и Австро-Венгрия. Наш народ сочувствовал Сербии. Эта доброжелательность не была утрачена и в период между первой и второй мировыми войнами. Она жива и сегодня, несмотря на сложности, через которые прошли СССР и Югославия в послевоенный период. Наши связи с Югославией приобрели разносторонний характер.

Надежной основой для этого служит и традиционная дружба наших народов, скрепленная совместно пролитой кровью в битве против общего врага — фашизма. Эта дружба выдержала испытания временем. Важно, что обе стороны нашли в себе силы проявить добрую волю, взаимное стремление к сотрудничеству в самых различных областях.

Мне довелось участвовать в процессе нормализации советско-югославских отношений с первых шагов. Был я в составе советской делегации, прибывшей в 1955 году в столицу Югославии, где в итоге состоявшихся переговоров появилась на свет белградская Декларация, в которой зафиксированы принципиальные основы отношений между нашими странами, закрепленные затем в совместном Заявлении, подписанном в Москве в 1956 году.

Я имел возможность не раз встречаться и беседовать с президентом Югославии Иосипом Броз Тито и в Москве, и в Белграде. Беседы с ним проходили в хорошей атмосфере. Об этом у меня сохраняются живые воспоминания.

Грустно вспоминать, но принимал я участие и в похоронах Иосипа Броз Тито. После траурной церемонии состоялась встреча с руководством Югославии. Советская делегация, которую возглавлял Л. И. Брежнев, сделала заявление:

— Советское руководство выражает свою заинтересованность в том, чтобы в отношениях между СССР и СФРЮ всегда царила атмосфера взаимопонимания и доверия. В лице Советского Союза народы Югославии имеют надежного друга, о чем свидетельствуют многие годы советско-югославского сотрудничества.

В этом же духе был дан ответ со стороны югославского руководства.

Разумеется, поворот в сторону улучшения советско-югославских отношений произошел потому, что обе стороны — и Советский Союз, и Югославия — пришли к твердому убеждению, что продолжение возникших ранее разногласий между ними наносит им большой ущерб, может доставлять удовольствие только их недругам. Последующие события подтвердили, что белградская декларация, подписанная Н. С. Хрущевым и Иосипом Броз Тито, стала крупным событием как для обеих стран, так и для Европы в целом. Те, кто был не прочь продолжать игру на сложностях в отношениях между двумя социалистическими государствами, лишились такой возможности.

Советские люди помнят Иосипа Броз Тито как мужественного и стойкого борца-антифашиста, руководителя героической партизанской борьбы с гитлеровскими оккупантами.

По личному указанию Ленина

Прочный фундамент под отношения Советского государства с его южными соседями был заложен в результате их перестройки по личному указанию В. И. Ленина и при его непосредственном участии. Речь шла об отношениях с Турцией, Ираном и Афганистаном на подлинно равноправных началах, на принципах уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела. Не случайно эти отношения выдержали испытание временем, хотя в них бывали и сложные периоды, возникавшие не по вине Советского Союза, а, как правило, в результате империалистических происков.

Если задать нашим людям такой вопрос:

— Что вы знаете о Турции и ее истории?

Можно с уверенностью сказать, что девяносто девять человек из ста опрошенных ответят:

— Это — соседнее государство, с которым Россия по крайней мере на протяжении двухсот лет много раз находилась в состоянии войны.

Если взять христианскую религию и мусульманскую, то обе они, как о том свидетельствует история, не раз служили богу войны. Святые отцы-христиане осеняли крестным знамением паству, уходившую на войну против таких же христиан. Святые отцы другой христианской стороны делали то же самое.

Положив руку на Коран, мусульманские муллы взывали к помощи Аллаха в войне против таких же мусульман. Разве не доказывает это в наши дни бессмысленная война мусульман Ирана против мусульман Ирака, которая длится уже несколько лет? В этой жестокой бойне уничтожался цвет и той и другой нации.

Но когда воюющие стороны исповедовали разные религии, жестокости прибавлялось. Сколько кровавых картин запечатлели литература и живопись о войнах прошлого между Россией и Турцией.

Разумеется, современная Турция не несет ответственности за агрессивные войны, которые в прошлом вела эта страна против России, балканских и других государств. Потребовались столетия, чтобы неумолимые процессы развития подвели черту подо всеми попытками османских завоевателей захватить Черное море, и сама история заявила им: «Ни шагу дальше!» Пролилось еще немало крови, пока стабилизировалось положение на русско-турецкой границе, а также на Балканах после того, как народы этого района, опираясь на плечо России, завоевали

независимость.

Великий Октябрь — вот рубеж, который обозначен золотыми буквами в истории наших отношений. На этом рубеже в Турецком государстве появились личности широких взглядов. Среди них выделился Кемаль Ататюрк.

Письма, которыми обменивались Ленин и Ататюрк, читаются с захватывающим интересом и сегодня. Эта переписка долго будет служить источником, откуда будут черпать мудрые мысли те, кто выступает за развитие добрых отношений между двумя странами.

Гений Ленина распознал в Ататюрке крупную личность, стоявшую выше узких интересов буржуазно-помещичьей верхушки Турции. Этот деятель хотел, чтобы турецкий народ видел свое будущее не во мраке средневековья и вражды с соседними странами, а в движении вперед, пусть медленном, но неуклонном.

Недолгой была жизнь Ататюрка. Но след его активной и благородной деятельности остался и в жизни страны, и в памяти народа.

Из круга его последователей, занимавших видное положение в стране, об одном человеке хочется сказать особо — Исмете Иненю. Соратник и боевой друг Ататюрка, он пользовался в стране большим уважением. В 1938–1950 годах Иненю являлся президентом Турции, а с 1961 по 1965 год возглавлял ее правительство.

Конечно, он не подталкивал страну на путь социальных реформ. Иненю служил интересам буржуазии и помещиков. Но традиции народно-республиканской партии, иначе говоря, партии Ататюрка все же звали страну вперед.

Политических побед, однако, эта партия в последующем не одержала, и случилось это не в последнюю очередь из-за внешних факторов. Следует добавить, что отход Иненю от активной деятельности сделал путь к достижению целей, за которые боролся Ататюрк, еще более трудным, а в связи со вступлением Турции в блок НАТО— особенно трудным.

С официальным визитом в Турцию мне довелось приехать в 1965 году. Сразу же я отдал должное памяти Ататюрка, посетив его усыпальницу и возложив венок у его могилы. Турки свято чтут память Ататюрка. Не встречал я человека в этой стране, который бы не говорил о нем с благоговением.

К этому времени Иненю уже не занимал каких-либо государственных постов. Тем не менее в ходе визита ко мне от него поступила просьба о встрече. Я ответил согласием. Он пришел со своим помощником, занимавшим официальное

положение в партии.

Одно сознание того, что передо мной находился сподвижник Ататюрка, рождало к нему уважение. Разумеется, не все, что делало правительство Иненю, отвечало политической философии Ататюрка в вопросах советско-турецких отношений. Но это как-то отступало на задний план. Тем более, что, будучи в оппозиции, Иненю свободнее высказывал свои суждения на эту тему и вел себя с большей непринужденностью, чем если бы занимал пост главы правительства.

Меня поразили ясность его ума, четкость анализа обстановки и категорические высказывания в пользу дальнейшего развития отношений между нашими странами. Иненю в ходе беседы не терял из виду главного, что его волновало. Он заявил:

— Далеко не все, что делается в Турции, находит мое одобрение. Не все отвечает заветам моего ушедшего из жизни учителя. Но я придерживаюсь мнения, что Турция должна и может строить свои отношения с великим северным соседом на той основе, которую хорошо видели Ленин и Ататюрк.

Мало я встречал деятелей за рубежом, которые могли бы с таким умением, тактом и четкостью излагать свои мысли об отношениях Турции с Советским Союзом. Иненю мог употребить шутку, делал это к месту. По манере держаться он походил больше на европейца. Таким остался он в моей памяти: живой и подвижный, хотя ему тогда шел уже девятый десяток.

Скажу откровенно, я получил какое-то особое удовлетворение от встречи с этим седовласым ветераном в политике. Глядя на него, я не мог отделаться от мысли: его друг Ататюрк и Ленин состояли в дружественной переписке, следы и значение которой — ценное достояние потомков.

Стамбульские впечатления

В Стамбуле много примечательных мест, но наиболее интересно, на мой взгляд, одно — небольшой указатель на перекрестке улиц, на котором две стрелки с надписями: «Европа — Азия». Это значит, что город расположен сразу на двух континентах. Из Европы в Азию можно попасть за несколько минут. Надо только переехать через подвесной мост над проливом Босфор.

Этот город был столицей трех империй: сначала — Римской, затем Византийской и, наконец, Османской. Легенды утверждают, что его основали в 660 году до нашей эры греки-переселенцы и дали ему название Византион (Византий) в честь своего вождя Бизаса.

Город быстро рос и процветал, потому что находился в выгодном географическом положении — на перекрестке торговых путей, — и стал даже соперником великому Риму. В 330 году нашей эры император Константин принял решение перенести столицу империи из Рима, который приходил в упадок, в процветающий Византии. Через шестьдесят пять лет после этого события здесь и провозгласили столицу Восточной Римской империи. Ее нарекли по имени того, кто предложил это сделать. Город стал называться именем римского императора, но на греческий манер — Константинополь, что значит «город Константина». У нас на Руси знали о том, что за морем существует этот красивый центр, где жили базилевсы — правители империи, и потому называли его Царьградом.

Прошло еще около тысячи лет, и в 1453 году после трехмесячной осады в этот город ворвались турецкие сипахи и янычары султана Мехмеда II. Мехмед после этой победы остался в истории как Мехмед Завоеватель.

Вторая половина XV века — время интриг Европы против Турции, стремления освободить Константинополь, который турки переименовали в Стамбул. Он стал столицей Османской империи и оставался ею на протяжении почти пяти веков.

Ныне это шестимиллионный город. Особенность его в том, что он быстро растет, равно как и число жителей Турции. По показателю темпа прироста населения Турция занимает первое место в Европе. Средний возраст жителей страны — тридцать пять лет.

Внешне Стамбул выглядит как мусульманский город. Об исламе напоминают многочисленные мечети: в этом городе их сотни. По нескольку раз в день проходят многочисленные

переклички муэдзинов. Они призывают правоверных на молитву. А чтобы их голоса были слышны, пользуются современной техникой. Там, высоко на балкончиках мечетей, установлены громкоговорители. Многие слуги Аллаха кричат, цитируя Коран, в мегафон.

На высоком берегу Босфора выделяется красивое здание бывшего посольства Российской империи. Его соорудили в 1837 году по проекту архитекторов братьев Фасати. Ныне в нем находится генеральное консульство СССР.

Советская страна была первой в мире, которая признала Турецкую республику. 16 марта 1921 года был подписан советско-турецкий Договор о дружбе и братстве.

По прибытии в Стамбул я сразу же проехал в советское генеральное консульство. Достопримечательностью его является главный зал. Он именуется Кутузовским. Интерьер здесь роскошный, строгой классической архитектуры, точнее, в стиле ампир. Создавалось такое впечатление, что в этом зале как-то даже и дышится по-особому.

Да, великий российский полководец, герой Бородина, «спаситель России», как назвал его впоследствии народ, Михаил Илларионович Кутузов одно время служил своей стране как посол Петербурга при дворе турецкого султана в Константинополе. Страница эта в его жизни известна только специалистам. А зря! Мне кажется, его дипломатическая деятельность заслуживает глубокого уважения и пристального внимания потомков.

Миссия в Турции считалась одной из сложнейших на дипломатическом поприще в России. Но и здесь он, человек удивительной образованности и великих талантов, проявил себя с самой лучшей стороны. Поражал он турецких придворных вежливостью речи и изысканными манерами. Удивлял пашей и везиров своим тактом настолько, что те отказывались верить в его военные способности, не могли представить себе, как этот галантный дипломат мог быть тем самым страшным Кутузовым, который вместе с Суворовым штурмовал Измаил и жестоко громил янычар в других битвах. Недолго пробыл Кутузов на посту посла — всего около двух лет, — но за это время он отстоял право русских плавать по Черному морю, добился того, чтобы из портов этого моря изгонялись суда враждебных России государств, а русские флаги свободно проходили через Черноморские проливы.

Когда стоял я посередине Кутузовского зала, то хотелось вслух сказать:

— Хвала вам и низкий поклон памяти вашей, дипломат земли Российской — Михаил Илларионович Кутузов!

По приглашению хозяев мы посетили знаменитый дворец султанов. Роскошью он отличается баснословной. Золото в нем везде — вверху, внизу, по бокам. Казалось, властелины Турции желали побить рекорды расточительства драгоценного металла. Все это вызывало скорее грусть, чем радость, потому что целесообразность этих украшений весьма спорна.

Тут же, где-то в закутке дворца, вдруг объявилась квартира Ататюрка. Состоит она из двух комнат, сравнительно небольших. Обстановка, особенно после парадных залов, оказалась архиобыденной: стол, несколько простых стульев, две картины, написанные художниками нашей страны и переданные Ататюрку в качестве подарков. Нам пояснили, что этот выдающийся лидер жил в квартире один. Он не любил роскоши и предпочитал аскетический образ жизни. Что заставило его избрать простенький угол для жилья в переполненном роскошью дворце султанов — никто нам этого объяснить не мог. Да и по всему было видно, что никто из лиц, дававших нам пояснения, не знал ответа на этот вопрос.

Уже к концу осмотра дворца мы прошли через залы с картинами нашего выдающегося соотечественника Айвазовского. Почти все они — большие полотна. Некоторые изрядно потемнели, и впечатление создавалось такое, что они нуждаются в реставрации. Как известно, Айвазовский выезжал в Стамбул по контрактам, чтобы писать эти картины. Ценность они представляют огромную. Турки ими гордятся, тем более что батальные морские сцены, изображенные на картинах, явно пришлись по вкусу заказчикам. Здесь свыше двадцати полотен Айвазовского, а всего во дворцах Стамбула их насчитывается до сорока.

Султан и его двор осыпали милостями русского художника: его наградили бриллиантовыми знаками ордена «Османия» и украшенной бриллиантами драгоценной табакеркой. Правда, впоследствии, когда турки возобновили войну с Россией, по рассказам родственников, Айвазовский публично выбросил эти награды в Черное море.

Со смешанным чувством мы покидали дворец султанов: увидели и роскошь оттоманских властелинов, и скромность в быту подлинного национального лидера.

С этим дворцом конкурируют как достопримечательности этого большого города лишь Голубая мечеть и храм святой Софии.

О храме, видимо, стоит сказать особо. История как будто решила поиздеваться над этим выдающимся памятником средневековой христианской культуры. Создан он был как

монументальный памятник Византийской империи. В архитектурном отношении это — один из красивейших соборов Европы. Именно Европы, так как сам Стамбул находится на европейской земле. Стенные росписи — православные по содержанию. Но город пал под натиском мусульманского нашествия. Он стал частью Оттоманской империи и остался в ее составе. Более того, почти на пять веков Османы сделали Стамбул столицей Страны полумесяца.

Как часто бывает в аналогичных случаях, прежние святыни в завоеванном городе уступили место новым — из Корана. Все в храме вершила железная рука. Одна эпоха нагромождалась на другую. Мало того, что христианский храм святой Софии перестал существовать как православная обитель. Стенные росписи специально покрывались каким-то темным составом. Удалить его с фресок — такую задачу уже в наше время поставили власти.

Мы видели некоторые христианские стенные росписи, частично освобожденные от красок, под которыми их похоронили.

Местный гид рассказывал, что процесс восстановления растягивается на годы и десятилетия. Работа ныне носит, по существу, символический характер. Две эпохи, две культуры ведут безмолвную борьбу. И совсем неясно, кто побеждает и тем более — кто в конечном счете победит.

Есть в Турции такие люди, которые, конечно, больше сочувствуют тому, чтобы храм святой Софии стал памятником-могилой всего христианского — мифов, библейских легенд, отраженных во фресках. Между тем христианская часть населения и влияние Европы заставляют власти в какой-то степени считаться с пожеланиями воскресить шедевры христианской символики.

Судя во всему, это сражение двух религий, столкнувшихся в бескровной схватке в стенах храма святой Софии, закончится не скоро, если вообще ему суждено закончиться.

Словом, в храме святой Софии мы видели, с одной стороны, великое творение архитектуры, воплощенную в камне и на камне драму, суровый, торжественный памятник былого. С другой стороны — «страшную месть» одного религиозного мировоззрения другому.

В ходе визита в Турцию мне пришлось встречаться и беседовать с тогдашним президентом Джемалем Гюрселем, премьер-министром Суатом Ургюплю, министром иностранных дел Хасаном Ишыком. В беседах затрагивался практически весь спектр советско-турецких отношений. Турецкие руководители заверяли советских представителей в намерении развивать

отношения с Советским Союзом на базе принципов мирного сосуществования и добрососедства.

В поддержку неотъемлемого права народа Кипра

Когда с турецкой стороной обсуждаются международные проблемы, неизменно затрагивается и кипрская. Мы откровенно заявляем руководителям Турции, что Советский Союз поддерживает неотъемлемое право народа Кипра самому устраивать свою судьбу на основе соблюдения законных прав и интересов киприотов обеих национальных общин — греческой и турецкой.

Обстановка вокруг Кипра в результате вмешательства в его внутренние дела определенных кругов НАТО не раз накалялась, возникали кризисы и вокруг Кипра, и в отношениях между соседними с ним государствами. И каждый раз подтверждалась справедливость и дальновидность нашей позиции в кипрском вопросе, ибо эта позиция исходит из интересов народа Кипра и интересов обеспечения мира в регионе.

Кипр… Сколько раз, направляясь с визитами, скажем, в Египет или Сирию и на обратном пути, когда самолет пересекал восточную часть Средиземного моря, мне приходилось любоваться этим островом. Воздушная трасса не проходит над ним. Он остается справа, если летишь с севера на юг, и по левую сторону — при полете с юга на север. Но в хорошую погоду весь остров виден как на ладони.

Приходит в голову: на острове находятся английские военные базы, а значит, базы НАТО, хотя Кипр является независимым государством. И еще одна мысль: эта небольшая часть суши, изящная по форме, во все времена года покрытая зеленью, некогда была очагом древней цивилизации. Кипр — место, где найдены хрупкие и в то же время бесценные ее руины.

На протяжении нескольких десятков лет проблема Кипра является одной из острых в международных делах. Ею занимается ООН, втянуты в ее рассмотрение и отдельные государства. Тем не менее она остается нерешенной. Почему? Да потому, что империалистические страны не хотят уважать независимость этого маленького государства. Сохранение английских военных баз на Кипре, лишение его в той или иной форме независимости — вот та цель, к которой стремятся недруги небольшого народа, населяющего остров. Греческая и турецкая общины давно нашли бы общий язык между собой, если бы ведущие страны НАТО уважали независимость Кипра. То, что происходит на Кипре и вокруг него, нельзя назвать иначе, как беззаконие и произвол в

отношении малой страны.

Вызывает не просто уважение, но восхищение терпеливое и взвешенное поведение государственного руководства Кипра, отстаивающего законное право своей страны как единого, независимого государства, иначе говоря, право этой страны на существование.

Советский Союз с большим пониманием относится к проблемам, которые стоят перед руководством Кипра. Возглавлял это руководство отважный борец против английского господства Макариос, верой и правдой служивший своему народу и являвшийся президентом Республики Кипр с 1959 по 1977 год. Можно без преувеличения сказать, что имя Макариоса стало символом борьбы за единый Кипр, верности идеалам политики неприсоединения. Каждый раз, когда слушаешь изложение представителем Кипра позиции руководства страны, то кажется, только статуи могут быть безразличны к теперешнему ее положению. Но каменное равнодушие Вашингтона, Лондона и других столиц НАТО остается незыблемым.

Так было и в то время, когда правительство Кипра возглавлял архиепископ Макариос. Ни Устав ООН, ни международное право — ничто не могло поколебать упрямую позицию стран Запада.

Хотелось бы привести характерный в этом отношении пример. Одна из моих поездок в Каир в мае 1974 года по взаимной договоренности была синхронизирована с поездкой Киссинджера на Ближний Восток — в то время он находился на посту государственного секретаря США в администрации Никсона. Как было условлено, мы встретились в столице Кипра — Никосии. Обсуждался на этой беседе ряд вопросов, в том числе и кипрский.

Выслушав объяснение Киссинджера о позиции США в этом вопросе, я лишний раз убедился в том, что запас двуличия в политике Вашингтона по кипрскому вопросу поистине неистощимый.

Спросил собеседника напрямик:

— Поддерживает ли правительство США независимость и территориальную целостность Кипра?

Государственный секретарь США дал на этот вопрос уклончивый ответ. По существу этот ответ означал, что Вашингтон и пальцем не пошевельнет, чтобы не допустить раздела страны на две части — греческую и турецкую, то есть раздела Кипра на два государства.

Киссинджер во время встречи говорил немало слов в пользу продолжения поисков путей урегулирования кипрского вопроса. Но все его высказывания представляли собой в сотый раз

повторение того, что говорилось представителями правительства США и до этого.

Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что набором слов, никогда и ничем не подтвержденных, советскую сторону убедить нельзя. Поэтому, произнося очередную тираду, внешне беспристрастную по отношению к Кипру, он с нетерпением ожидал, как бы поскорее оставить в стороне скользкие аспекты проблемы и ограничить дискуссию рамками повторения двух-трех постулатов вроде: «продолжать обсуждение проблемы», «не раздражать Турцию, которая может принять свое решение вопроса» и т. д.

Не раз Киссинджер делал нелестные, саркастические высказывания в адрес Макариоса. От прямых нападок он воздерживался, но внешне завуалированные, временами, что называется, посыпанные сахаром выпады ясно показывали, что лично он и администрация США рассматривают Макариоса как явление аномальное. Даже духовный сан президента Кипра являлся объектом плохо скрытой иронии. По всему ощущалось, что Вашингтону импонировало бы такое положение, при котором архиепископ занимался бы только церковными делами.

Государственный секретарь США, как и в целом Вашингтон, конечно, знал и знает, что история дала характерные примеры того, как глава церкви возглавлял и гражданскую власть, притом на протяжении длительного времени. Только после того, как волны французской буржуазной революции достигли глубинных районов Италии, наметилась эрозия папского правления в стране. Историю Ватикана и Италии должны бы в Вашингтоне изучать.

Если бы кто-то подслушал наш разговор с Киссинджером в Никосии в той части, которая касалась Кипра и его правительства, то он мог бы поразиться. Представитель социалистического государства, в котором господствует атеистическая идеология, поддерживал главу правительства Кипра — архиепископа Макариоса, а представитель капиталистического государства, где религию ставят на пьедестал, сделал того же архиепископа объектом сарказма.

Вашингтон и на сей раз продемонстрировал, что высшие принципы невмешательства извне во внутренние дела государств — это не то, что по душе политике США. Высокий духовный сан, сам крест святой, оказывается, ничего не стоят в сравнении с экономическими, военно-стратегическими интересами США и блока НАТО.

У Киссинджера и у меня состоялись отдельные беседы с Макариосом. Моя беседа носила весьма дружественный характер. От имени Советского Союза вновь была продемонстрирована

последовательность нашего подхода к решению вопросов, касающихся Кипра.

Беседа же Киссинджера с Макариосом лишний раз показала, что эмиссар Вашингтона и глава правительства Кипра говорили на разных языках. Иначе и быть не могло, поскольку США и их партнеры по НАТО заинтересованы не в справедливом решении кипрской проблемы, а в сохранении ее кризисного состояния.

С тех пор как состоялись такие встречи на Кипре, прошло много лет, однако эта проблема по-прежнему остается неурегулированной.

Более того, сегодня она даже еще дальше от своего решения, чем тогда.

Летом 1974 года произошли события, которые резко изменили в худшем направлении обстановку на Кипре. В связи с антиправительственным путчем на Кипре, организованным правившей в то время в Греции военной хунтой, Турция под предлогом защиты турок-киприотов ввела на остров свои войска. Кипр оказался фактически разделенным на две полностью изолированные друг от друга части.

Все это происходило и происходит вопреки резолюциям Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН по кипрскому вопросу и известным договоренностям лидеров двух общин острова в 1977 и 1979 годах о будущем государственном устройстве Кипра. Тем самым, безусловно, подрываются основы справедливого решения проблемы.

Ситуацию усугубляют попытки навязывать киприотам такое урегулирование, которое соответствовало бы интересам империалистических кругов, не отказавшихся от планов ликвидации государственной целостности и даже самого существования этой республики, от превращения острова в военно-стратегический плацдарм НАТО.

Советский Союз и сегодня твердо выступает против любых попыток решить кипрский вопрос за спиной и вопреки воле народа Кипра. Мы — за разумный учет интересов и прав обеих общин на острове при безусловном уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности Республики Кипр, ее статуса неприсоединившегося государства, за то, чтобы освободить остров от иностранного военного присутствия. Справедливому решению кипрской проблемы способствовала бы реализация советского предложения о проведении представительной международной конференции по Кипру в рамках ООН.

Первая русская песня о Персии

На первый взгляд это может показаться странным. Правда, только на первый взгляд. Об Иране, а точнее, о Персии — раньше именно так официально называли эту страну — я услышал, когда я уже ходил в школу. Узнал и о том, что страна эта — наша соседка.

Взрослые нет-нет да и затянут какую-либо напевную старую русскую песню. Мальчишки любили скорее слушать такие песни, чем распевать.

Однажды в вечернее время вдруг разнеслось по округе пение. Мужские голоса выводили отчетливо и задушевно:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны…

Мы все слушали как зачарованные.

В пении ощущалось и буйство, и жестокость, и беспредельная отвага тех, к кому относились слова песни. Глубоко волновала судьба молодой персидской княжны. Признаться, жаль было, что матушка-Волга, согласно песне, поглотила ее, приняв жертву из рук Степана.

Упомянув об этой услышанной песне, я задумался:

— А стоит ли мне говорить в этой связи о грустной истории какой-то персидской княжны?

Можно было бы и не говорить. Но ведь романтическая легенда не случайно пережила многие десятилетия и широко распространилась!

Сначала она получила отражение в сухих и отрывочных свидетельствах современников-иностранцев, а потом и в поэзии. Доказательством этого и является сочиненное самарским поэтом Д. Н. Садовниковым стихотворение, которому уже более ста лет. [18] Переложенное на музыку неизвестным композитором, оно стало широко популярной в народе песней.

Даже великий певец Шаляпин принял на веру наговор, исходивший от залетных иностранцев, находившихся на службе у царя. И повторил его в книге о своем творческом пути «Маска и душа», вышедшей в начале тридцатых годов в Париже.

Волнующая и трагическая легенда о красавице княжне выдумана! Она пущена в оборот двумя иностранцами — голландцами Стрейсом и Фабрициусом, в отношении которых Степан Разин — руководитель казацкой вольницы — был

милостив и не казнил, несмотря на их тяжелые преступления против казаков. Насмерть перепуганные в плену, ненавидевшие Степана Разина и Россию, они, вернувшись в Голландию, через много лет написали свои «мемуары», в которых нагромоздили немало небылиц об атамане, в том числе и о случае с «утоплением княжны», рассказанном ими сбивчиво — у одного все произошло на Волге, у другого — на Яике (ныне река Урал). Они даже сговориться как следует не сумели.

Оказывается, не захватывал Степан в плен никакой персидской княжны. А значит, и не мог бросать ее в «набежавшую волну». Один из иностранцев объявил, что княжна была сестрой хана Шабына. Да, такого хана, по многим историческим источникам, Разин в плен брал. Однако после того, как он хана отпустил из плена, тот в пространной челобитной на имя шаха Персии даже не упомянул о том, что его родная сестра была в плену. Ни один из современных Разину источников — ни из лагеря атамана, ни из стана московского монарха — тоже ни словом не свидетельствует о какой-то зарубежной княжне. А этих источников сохранилось немало.[19]

Ничего такого не приписывали Степану Разину и палачи, казнившие его на Лобном месте на Красной площади. Бессовестной неправды об «утоплении княжны» не посмела написать даже та рука, которая сочиняла перечень «преступлений» и подписывала жестокий приговор атаману.

Не так уж многие знают, что выдающийся руководитель казацкой вольницы был образованным для своего времени человеком, знавшим несколько иностранных языков. Именно с этим оружием не раз московский царь направлял своего посла и драгомана Степана Разина для переговоров с восточными соседями.

Вот уже несколько поколений наших людей с теплотой и добрыми чувствами относятся к прославленному имени руководителя крестьянского восстания, хотя со времени подвигов Степана прошло уже более трех столетий.

На плахе пролилась кровь героя, отдавшего жизнь за дело народа. Потому-то не кто иной, как вождь пролетарской революции В. И. Ленин сказал свое доброе слово в адрес Степана Разина на открытии ему временного памятника в Москве в 1919 году. Ильич говорил:

— Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу… И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма.[20]

Заслуживает внимания и такой факт.

…В одном из разговоров с Михаилом Шолоховым, когда речь зашла о Григории Мелехове — персонаже «Тихого Дона», я спросил:

— Где вы нашли такую колоритную фигуру, как ваш Григорий Мелехов?

Он энергично ответил:

— Я взял его у матушки-истории. Это — Степан Разин, которого тоже породило донское казачество. Только века не семнадцатого, а двадцатого.

Считаю, что этот ответ наполнен смыслом. Если из всей трагической и вместе с тем романтической истории сделать бесспорный вытекающий из фактов вывод, то он напрашивается только таким: — Не придуманная княжна, а сам Степан Разин через века посылает нам память о себе.

Но почти каждый раз, когда приходилось встречаться с лицами, занимающими разное положение в Иранском государстве, мне приходил в голову эпизод с песней, которую я услышал в раннем отрочестве. То была песня о персидской княжне и славном атамане. Легенду о персидской княжне я вспомнил и тогда, когда в январе 1945 года очутился в Тегеране.

Вызвали меня тогда в Москву для подготовки к Ялтинской конференции, а затем и для участия в ней. Перелетев на американском самолете Атлантический океан и Северную Африку и добравшись до Тегерана, мы, трое советских пассажиров, переночевали в стенах посольства Советского Союза. В Иране к нам присоединился Федор Тарасович Гусев — советский посол в Лондоне, по тому же поводу, что и я, направлявшийся в Москву. Наш посол в Тегеране Михаил Алексеевич Максимов сделал все, чтобы все четверо советских пассажиров хорошо отдохнули перед вылетом на следующее утро в дальнейший путь.

На территории советского посольства в Тегеране мы чувствовали себя как дома. Осмотрели парк при посольстве, побывали в помещениях, связанных с Тегеранской конференцией руководителей трех держав, которая проходила всего за год с небольшим до нашего приезда.

Дом посольства выглядел аккуратным и почти новым. Перед Тегеранской конференцией его подновили и привели в порядок. Мы, конечно, мысленно перенеслись в те далекие времена, когда в Персии, в стенах русского посольства, жил выдающийся русский поэт Грибоедов. Как министр-резидент российской империи он представлял ее достойно. И погиб как мужественный патриот в результате погрома, который устроила разъяренная толпа фанатиков.

Посол Максимов рассказывал нам об этом, когда мы стояли

посередине главного зала посольства. Потом он замолк. Не хотелось ничего говорить и нам с Гусевым. Вот и получилось само собой, что три советских посла непроизвольно минутой молчания почтили память великого поэта и дипломата России XIX века Александра Сергеевича Грибоедова. Хорошую память о себе оставил он потомкам.

Осмотреть столицу тогдашнего Ирана мы не имели времени, так как ранним утром предстояло вылететь в Баку, чтобы вовремя успеть в Москву. Однако еще накануне по дороге из аэропорта в посольство мы проехали по улицам города. Увидели их из окна машины. Время было зимнее. Выпал снег, и для Тегерана было очень холодно. Запомнилось только то, что некоторые пешеходы по-странному спешат, почему-то неестественно подпрыгивая и нагибаясь. А когда присмотрелись, то увидели, что они по снегу идут босиком.

Этот факт говорил сам за себя.

Разговор о современном Иране и его политике я хочу начать с событий, которые имели место за тысячи километров от его территории и намного раньше, чем мне впервые довелось встретиться с его правителем — шахом.

Дело было в Нью-Йорке. Только что созданная ООН приступила к работе, а я являлся официальным представителем СССР при этой организации.

В то время в Северном Иране находились советские войска, введенные в эту часть соседней страны еще в годы войны по соображениям безопасности. Ведь гитлеровцы имели свои виды в отношении Ирана.

Конечно, СССР не мог решать вопрос о своих войсках без учета ряда обстоятельств — английских баз в Ираке и Индии, множества американских военных баз, расположенных по периметру границ Советского Союза, не говоря уже о военно-морских силах Великобритании в Персидском заливе. По окончании войны СССР заявил, что он на некоторое время задерживает свой воинский контингент в Иране.

Поднялась сразу мутная антисоветская волна, а вопрос оказался на рассмотрении Совета Безопасности ООН. Этого захотели Вашингтон и Лондон.

В то время здания ООН в нынешнем виде еще не существовало и ее органы размещались в различных временных помещениях Нью-Йорка. В частности, Совет Безопасности проводил заседания в одном из зданий района Бронкс.

Я получил указание из Москвы: если будут этот вопрос ставить на обсуждение, то следует сказать, что наши войска задерживаются ввиду непредвиденных обстоятельств.

Выслушав наше объяснение, инициаторы обсуждения прямо на заседании задали вопрос:

— Скажите, пожалуйста, что это за непредвиденные обстоятельства, на которые вы ссылаетесь как на причину задержки с выводом войск?

Мною был дан ответ:

— Непредвиденные обстоятельства потому и являются непредвиденными, что их невозможно предвидеть.

С мест публики раздались бурные аплодисменты — я и не ожидал, что это будет так. Значит, и рядовые американцы, которые пришли посмотреть на то, как проходит заседание Совета Безопасности, да и сами делегаты из разных стран с пониманием относились к позиции Советского Союза. Ведь все это происходило в тот период, когда во всем мире поднялась огромная волна благодарности Советскому Союзу за ту роль, которую он сыграл в победе над фашизмом.

Западные страны пустили в ход тогда еще работавшую машину голосования и все-таки начали обсуждение этого вопроса по существу. Я встал и покинул зал заседаний. Это был первый случай в истории ООН, когда представитель крупной страны в знак протеста против обсуждения неприемлемого вопроса ушел из зала заседаний.

Шах

Несколько раз Москву посещал невысокого роста, смуглый человек. Познакомившись с ним поближе, можно было понять, что он образован. На протяжении уже нескольких десятилетий он определял не только внутреннюю, но и внешнюю политику соседнего государства. Это был шах Ирана — Мохаммед Реза Пехлеви.

Как известно, он взошел на престол в сентябре 1941 года после того, как от этого престола отрекся его отец Реза-шах Пехлеви. Отец служил в свое время подполковником в русском казачьем полку в Персии. Меджлис избрал его на иранский престол после внутреннего переворота 1925 года, в результате которого в стране установилась буржуазно-помещичья диктатура.

Что можно сказать о Мохаммеде Реза Пехлеви, если отвлечься от бесславного конца его правления? Он и его окружение понимали, что северным соседом Ирана является государство, с которым независимо от симпатий или антипатий иранского руководства необходимо поддерживать корректные отношения. Рубеж корректности в этих отношениях временами, конечно, иранской стороной преступался.

Одним из средств, способствующих обеспечению поддержания советско-иранских отношений на определенном уровне, являлись визиты шаха в Москву. Об этих визитах можно сказать так: добрососедство в условиях настороженности и солидной дозы подозрительности.

…Внуковский аэропорт. На только что приземлившемся самолете прибыл шах Ирана.

Его встречают Л. И. Брежнев, другие официальные лица, в том числе и я в качестве министра иностранных дел.

Переговоры с шахом были нелегкими. К тому времени уже выяснилось, что Иран стал приобретать у других стран, преимущественно у США, оружие, притом главным образом тяжелое — танки и авиацию, во внушительных количествах.

Было решено переговорить с шахом на эту тему откровенно во время официальных переговоров в Кремле. Наша позиция была изложена Л. И. Брежневым. Основную обеспокоенность он заложил в вопросе:

— Зачем Ирану столько оружия? Ведь ему не с кем воевать. Соседнее государство — Советский Союз хочет поддерживать с Ираном добрососедские отношения. Действующий советско-иранский договор тоже обязывает две страны жить в мире и добрососедстве.

Все мы, советские участники переговоров, внимательно слушали тщательно сформулированный ответ шаха. Смысл ответа состоял в следующем:

— У иранского руководства и лично шаха в отношении северного соседа добрые намерения. Иран не имеет ничего против Советского Союза.

Сильно настораживало советское руководство то, что шах и его дворцовая камарилья все время искали повод, чтобы расшатать давние основы советско-иранских отношений. Они не очень уважительно относились и к договору 1921 года, инициатором которого был В. И. Ленин и который заложил основу прочных добрососедских отношений между двумя государствами. Кстати, именно с учетом статьи шестой этого договора в Иран были введены советские войска во время второй мировой войны. Ввиду возможности попыток третьих стран осуществлять захватническую политику в Иране или использовать Иран в качестве плацдарма для нападения на нашу страну обе стороны согласились, что если иранское правительство после предупреждения со стороны Советского правительства само окажется не в силах отвратить эту опасность, то «…Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры».

Помнится, как во время визита шаха в Москву в 1974 году он перед посадкой в самолет обратился ко мне с вопросом:

— Когда же вы, господин Громыко, сможете прибыть к нам с официальным визитом?

И потом добавил с оттенком упрека:

— Мы же неоднократно вас приглашали. Я сказал:

— К сожалению, сейчас ответить вам я не могу. Надо будет подумать о времени.

Ответ, пожалуй, подходил к обстоятельствам, особенно в свете последовавших за этим событий.

Не нам, не Советскому Союзу, сожалеть, что носитель шахской короны с завидной быстротой умчался за рубеж и кончил свой век в качестве изгнанника. Мы искренне приветствовали иранскую революцию и никогда не скрывали, что желаем поддерживать с Ираном дружественные, и только дружественные, отношения.

Афганистан: положить конец вмешательству извне

Вскоре после того, как над революционным Питером взвилось знамя Октября, две соседние страны — Республика Советов и Афганистан протянули друг другу руки и установили дипломатические отношения.

Политическая и материальная поддержка Советской Россией Афганистана в его борьбе за упрочение национальной независимости явилась одним из важнейших факторов победы афганского народа над английскими колонизаторами. Почти век продолжалась борьба с ними. Поэтому не случайно отношения Советского Союза с Афганистаном с тех пор носили и носят традиционно добрососедский характер.

Когда я стал думать о том, что сказать в своих воспоминаниях об Афганистане, то оказался в затруднительном положении. Не из-за нехватки фактического материала, относящегося к моим встречам с афганскими государственными деятелями за сорокалетний период. Тем более не из-за недостатка проблем, которые возникли в последние годы в связи с положением в Афганистане и вокруг него.

Возникли затруднения иного порядка. Из обилия материала, отложившегося в сознании, необходимо было выбрать то немногое, что может представить интерес для читателей, что не относится к хорошо известным для всех крупным изменениям в жизни этого государства.

…Итак, я в Кабуле. Время — дореволюционное для этой страны. Королевский дворец. В роскошном кабинете за столом монарх Захир Шах. Высокий человек, довольно интересный, культурный, знающий, как лучше всего, по его мнению, начинать беседы с зарубежными деятелями. По всему видно, что он к беседам готовится. После взаимных приветствий с обеих сторон подчеркивается основная мысль: Советский Союз и Афганистан — смежные государства, они не имеют права не быть в дружбе. Это хорошо сознавали и предшественники Захир Шаха.

Король высоко отзывается о внешней политике Советского Союза, которая направлена на поддержание мира. Хочется подчеркнуть тот факт, что король не стремится затрагивать вопросы внутреннего положения в своей стране. Это и неудивительно, так как ни он, ни его правительство не занимаются практическими вопросами экономики, в том числе промышленности и сельского хозяйства. Они, по существу, не

занимаются и социальными вопросами, представляющими интерес для миллионов людей. Кроме того, сложившийся племенной уклад общества, отсутствие в стране необходимых средств и ресурсов лишают короля и правительство возможности активно вмешиваться в экономическую жизнь государства…

Такое же впечатление оставили беседы и с другими высокопоставленными деятелями Афганистана.

Мало чем отличались по своему содержанию встречи с афганскими деятелями и в Москве. Таких встреч было немало. Советский Союз уже тогда оказывал Афганистану экономическую помощь.

Через все беседы на всех уровнях проходила основная мысль: Советский Союз и Афганистан должны строить свои отношения на строгом соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела друг друга.

Инициатива в подчеркивании этого тезиса всегда исходила от Советского Союза. С афганской стороны в ответ выражалась признательность советскому руководству за такую четкую позицию, полностью отвечающую и Уставу ООН, и желанию Афганистана оставаться независимым.

Когда я работал над своими воспоминаниями, одним из наиболее острых вопросов, который невозможно обойти, был афганский. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять значение Афганистана для безопасности Советского Союза. Важность этого ощущалась и в прошлом, тем более она справедлива в настоящее время. Думаю, читателя заинтересуют некоторые факты, относящиеся к истории этого вопроса, отложившиеся в моей памяти.

Советское государство со времен Ленина выступает за то, чтобы Афганистан был независимым и суверенным, чтобы никто извне не вмешивался в его внутренние дела. Конечно, наша страна, как и раньше, хочет, чтобы южный сосед имел с нею дружественные отношения. Со своей стороны она стоит за то, чтобы поддерживать с ним только такие отношения.

Взаимность — вот то кардинальное условие, которое определили для советско-афганских отношений В. И. Ленин и руководители Афганистана того давнего времени. И сегодня нельзя без волнения читать соответствующие телеграммы Ильича тем, кто стоял во главе соседней страны у наших южных границ.

С тех пор Афганистан много пережил. И все же особое место в его истории занимают события последних лет, после революции 27 апреля 1978 года и образования Республики Афганистан.

Советский Союз исходил и исходит из того, что только афганский народ имеет право решать свою судьбу. Однако

события повернулись так, что афганское общество раскололось. Потоками полилась кровь людей. Та часть общества, которая не приняла революции и вызванных ею преобразований, встала на путь вооруженной борьбы против новой законной власти, опираясь на внешние силы.

5 декабря 1978 года был подписан советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Он предусматривает, что СССР и Афганистан будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран, в интересах укрепления обороноспособности сторон продолжать развивать сотрудничество в военной области.

В соответствии с этим договором правительство Республики Афганистан обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать вооруженную поддержку афганской народной армии, отстаивавшей завоевания Апрельской революции.

Эта просьба взвешивалась в Советском Союзе долго и тщательно. В конце концов Политбюро ЦК КПСС единогласно приняло решение об оказании такой помощи. При этом руководство Советского Союза действовало в соответствии с Уставом ООН, которым предусматривается право любого государства обратиться к любому другому государству с просьбой о помощи. Число обращений, направленных из Афганистана в адрес СССР, тогда превышало десяток.[21]

Дополнительную остроту обстановке придало убийство генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана Тараки, от правительства которого исходили просьбы о помощи. Этот кровавый акт произвел гнетущее впечатление на все советское руководство.

В конце концов в такой обстановке и было принято решение о введении ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

После того как это решение было принято на Политбюро, я зашел в кабинет Брежнева и сказал:

— Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?

Брежнев помедлил с ответом. Потом взял телефонную трубку:

— Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть нужда посоветоваться.

Появился Суслов. Брежнев информировал его о нашем разговоре. От себя он добавил:

— В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно — либо игнорировать обращение Афганистана с

просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором.

Суслов сказал:

— У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы уж так решили. А на ЦК обсудим позднее.

Состоявшийся затем в июне 1980 года Пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро.

Еще во время рабочих совещаний перед принятием окончательного решения о вводе наших войск начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршал Н. В. Огарков высказывал мнение о том, что отдельные части афганской армии могут оказать сопротивление. Однако этого не было. Наблюдалось противоположное: подразделения и части афганской армии встречали советских солдат радушно.

Первоначально предполагалось, что наши войска будут только помогать местным жителям защищаться от вторгшихся извне банд, оказывать населению содействие продовольствием и предметами первой необходимости — горючим, тканями, мылом и т. д.

Мы не хотели ни увеличивать численность своего контингента, ни втягиваться в серьезные военные действия. Да и разместились наши войска в основном гарнизонами в городах. Только по истечении полугода наш контингент начал принимать участие в отражении нападений вооруженных бандформирований, проникавших в Афганистан. Пик боевых действий пришелся на 1984–1985 годы. Возник вопрос о том, как добиться успехов в отпоре нападениям извне.

На наших рабочих совещаниях советским военным, прибывавшим из Афганистана, задавался вопрос:

— Какой путь к успеху наиболее краткий?

Они отвечали:

— Надо по согласованию с правительством Афганистана добиться перекрытия границ этой страны на всем их протяжении с Пакистаном и Ираном, чтобы не допустить интервенции извне.

— Возможно ли такое перекрытие границ? — такой вопрос неоднократно задавал я как министр иностранных дел СССР.

Задавал его и председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов. Задавали его и другие товарищи, в том числе и наш посол в Афганистане Ф. А. Табеев.

Руководство Министерства обороны СССР давало ответ:

— Перекрыть границы трудно, но нужно приложить усилия, чтобы это сделать.

Однако поставленная задача не была решена.

Тот же вопрос рассматривался позже вновь и в той же плоскости. К сожалению, с таким же результатом.

Тем временем в результате наращивания вмешательства извне кровопролитие продолжалось.

Уже в начале 80-х годов выяснилась вся сложность социальной обстановки в этой стране. Ее руководство во главе с Бабраком Кармалем упрощало положение, допускало тяжелые просчеты и извращения в политике, — все это пагубно сказывалось на всем состоянии дел и на авторитете власти. Проводились земельная и водная реформы, однако крестьяне отказывались от земли и воды. На словах признавались традиции, пережитки родоплеменного уклада жизни, господство мусульманской религии, а на деле все это отвергалось. Вместо того, чтобы использовать основную религию страны — ислам в борьбе с оппозицией, от него отвернулись, а враги умело этим воспользовались и взяли его на вооружение.

Более того, во главе ряда банд появились муллы. Кармаль бросал в массы лозунги социалистических преобразований, но никаких предпосылок для их воплощения в жизнь не существовало. Все это вело к значительному дезертирству из афганской армии и во многом ослабляло силы революции.

Тем временем в результате наращивания внешнего содействия контрреволюционным силам кровопролитие продолжалось. Увеличивались масштабы вооруженных столкновений.

Позднее, когда правительство Афганистана объявило курс на национальное примирение, из этой страны в Москву вначале шли оптимистические сообщения об обстановке. Наши военные руководители в Афганистане явно под влиянием афганских представителей информировали Москву об успехах этого курса на примирение и об улучшении дел. Имело место слишком доверчивое отношение к получаемым от афганских кругов сведениям. В результате центр во многом вводился в заблуждение. И так продолжалось довольно длительное время.

В этот же период росли наши потери в Афганистане. Но Политбюро ЦК КПСС получало неточную информацию и об этом. Такое положение было ненормальным.

В советском руководстве все это серьезно взвешивалось и оценивалось. По предложению М. С. Горбачева было принято принципиальное решение о том, что советский воинский контингент должен быть выведен из Афганистана. Учитывалось, конечно, и то, что в этой стране на тот период уже была создана своя армия, способная постоять за интересы Афганистана и его безопасность.

Важнейшим этапом в развитии событий в Афганистане явились Женевские соглашения (апрель 1988 г.). В соответствии с ними Советский Союз вывел свой воинский контингент с территории Афганистана.

Советские воины снискали глубокое уважение нашего народа, искреннюю признательность и благодарность афганцев. Родина-мать сердечно встретила своих сыновей.

Усилия СССР направлены на то, чтобы все стороны выполняли свои обязательства по соглашениям.

Наши воины в Афганистане, выполняя свой интернациональный долг, вели борьбу не только за то, чтобы отстоять независимость и суверенность соседнего, дружественного государства, но и за безопасность своей родины. Всякие заявления, в какой бы упаковке они ни преподносились, о том, будто погибшие в Афганистане наши воины-интернационалисты отдали свои жизни за чужую страну, должны быть решительно отклонены. Эти жизни были отданы прежде всего за безопасность Советского государства. А то, что это случилось на афганской земле, не меняет положения.

Разве у кого-либо из советских людей повернется язык утверждать, что воины Советской Армии, погибшие, скажем, на земле Польши или Чехословакии во время второй мировой войны, либо у Халхин-Гола до войны, отдали свои жизни не за безопасность нашей родины, а только за Польшу, Чехословакию или МНР? Думаю, таких людей не сыщешь.

Все советские люди склоняют головы в память о сынах нашей Отчизны как о героях, павших в боях на афганской земле. Они отдали свои жизни за то, чтобы на нашей границе с Афганистаном царил мир, чтобы соседняя с нами страна не стала плацдармом, враждебным для Советского Союза. Все советские люди чтут память о павших героях и разделяют скорбь их родных и близких.

Советский Союз, как известно, поддерживает законное правительство Афганистана и делает все, чтобы отношения между СССР и Республикой Афганистан развивались в духе добрососедства и дружбы, как это завещал нам Ленин.

Советский Союз поддерживает политику афганского руководства, направленную именно на национальное примирение, на развитие Афганистана в качестве независимого, неприсоединившегося государства, на прекращение вмешательства извне. Такая политика находит широкое понимание в мире.

Мысль, осенившая Махатму Ганди

Кажется, самой истории захотелось, чтобы такие две страны, как Советский Союз и Индия, находились недалеко друг от друга. У обеих — миролюбивая политика, этот фактор сам по себе оказывает огромное влияние на всю международную обстановку.

Между Советским Союзом и Республикой Индией сложились многогранные отношения. Это — прямой результат совместных усилий двух стран. Стремление их к добрососедскому общению и сотрудничеству стало сложившейся традицией, корни которой уходят в давние времена.

Уже в летописных источниках Руси встречаются упоминания об Индии. Издавна возникла у русских людей и тяга к познанию этой страны, налаживанию связей с ее народом. Во второй половине XV века «хождение за три моря» — в Индию совершил купец из Твери Афанасий Никитин, поведавший о своем путешествии в ценных с литературной и исторической точек зрения путевых записках.

Выдающийся русский просветитель и ученый XVIII века М. В. Ломоносов призывал правительство установить торговые отношения с Индией. Стоит сказать и о том, что еще в 1788 году издали на русском языке «Бхагавадгиту» — памятник древнеиндийской философской мысли.

В свою очередь живой интерес к общественной и культурной жизни в России неизменно проявлялся и у индийцев. Так, национально-патриотические силы Индии, особенно их лидеры — Балгангадхар Тилак и Махатма Ганди, с пристальным вниманием следили за развитием передовой мысли в России.

Глубоким взаимным уважением проникнута переписка между М. Ганди и Л. Н. Толстым. В этой связи вспоминаю случай, относящийся к моему первому визиту в Индию в 1955 году. Меня разместили в отеле, и я попросил гостеприимных хозяев:

— Не могли бы вы принести несколько местных книг, которые можно было бы прочитать или по крайней мере полистать в свободное от официальных мероприятий время.

Книги принесли. Среди них оказалась автобиография М. Ганди.

Насколько позволяло время, я пробежался по ее страницам и наткнулся на весьма любопытную деталь.

Автор описывал, как однажды он ехал в поезде и читал произведение Л. Н. Толстого. Вдруг его осенила мысль: а почему бы не последовать призыву русского писателя, с которым тот обратился к людям, — не противиться злу насилием? Тем самым

Толстой дал М. Ганди импульс к формированию им своей индийской философии непротивления. Об этом М. Ганди откровенно пишет в своей автобиографии.

Великий Октябрь, открывший новую эру в истории человечества, явился и мощным стимулом для подъема национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран, в том числе Индии, демократические круги которой восприняли нашу революцию с воодушевлением.

Основатель Советского государства — В. И. Ленин с гениальной прозорливостью предсказал, что наступит такое время, когда народы Востока обретут независимость, «поднимутся как самостоятельные участники, как творцы новой жизни» и примут участие «в решении судеб всего мира». Он подчеркивал необходимость протянуть руку дружбы и братства индийскому и другим народам Востока.

Страна Советов неизменно проявляла солидарность с борьбой народа Индии за свою свободу, против колониального ярма. СССР приветствовал рождение в 1947 году независимой Индии. В том же году между нашими странами установились дипломатические отношения.

На общее направление внешней политики Индии еще в период ее становления как суверенного государства наложили глубокий отпечаток взгляды таких столпов борьбы за независимость, как Махатма Ганди и Джавахарлал Неру.

С Махатмой Ганди мне встретиться не пришлось. По поручению Москвы я выступил с выражением соболезнования в Совете Безопасности ООН, когда в 1948 году убийца совершил свое злодеяние и весь мир содрогнулся от этого преступления.

Джавахарлал Неру

Мне довелось неоднократно встречаться с Джавахарлалом Неру и в Дели, и в Москве, и в Нью-Йорке — под крышей ООН. Мое твердое убеждение — он являлся выдающейся личностью. Человек большого и сильного ума, крупного масштаба политик, историк, философ. Прежде всего обращала на себя внимание его эрудиция. Особенно наглядно это проявлялось, когда ему приходилось защищать свою философию и политику. Он обнаруживал также неиссякаемый запас неприязни к колониализму. В значительной степени на этом и основывалась его оценка международной обстановки.

Наблюдал я Неру в различных ситуациях: во время выступлений на митингах, в часы проведения политических бесед. На одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН у меня с Неру состоялась доверительная беседа.

На митингах перед аудиторией представал трибун, но он покорял людей не силой и тембром голоса, не жестами, а логикой и глубиной мысли. Мне довелось присутствовать на митинге, где собрались сотни тысяч жителей индийской столицы. Они ловили каждое слово Неру, а эти слова оратор хорошо продумал, слил в образные и меткие фразы. В его речи звучали жесткое осуждение империализма и призыв к дружбе с Советским Союзом и его народом. Неру решительно подчеркивал, что будущее Индии лежит на путях мира и мирного сотрудничества с другими государствами. Сотни тысяч людей бурно реагировали на места в речи премьер-министра: с негодованием, когда он осуждал империализм, с восторгом, когда он говорил о дружбе с Советским Союзом.

Беседы с Неру всегда проходили в обстановке непринужденности. Он не злоупотреблял броскими словами и выражениями, не давал простора эмоциям. Его манеру вести диалог я бы назвал кратко — спокойная рассудительность. Он нанизывал аргументы один за другим, чтобы доказать правильность своей мысли или идеи. И становилось понятным, что этот человек не признает скороспелых идеек, что все излагаемое им продумано, стало как бы концентрированным опытом его прошлого.

Неру почти никогда не делал заранее заготовленных письменных заявлений. Я, например, не помню ни одного такого случая. Он импровизировал, свободно подбирал выражения и слова, в которые облекал свою мысль. Но это — импровизация с определенными выводами, над которыми политический деятель

такого масштаба обычно думает заранее, а иногда и думает всю жизнь.

Судьба приучила Неру обдумывать проблемы наедине с самим собой. Такая привычка выработалась, когда в период английского колониального господства его заточили на долгие годы в камеру-одиночку. Более десяти лет провел он в заключении — за массивными воротами тюрьмы. Может, с тем жестоким одиночным заключением и связывалась его необычная привычка: иногда он во время беседы неожиданно умолкал и некоторое время сидел неподвижно с полузакрытыми глазами, как бы углубляясь в себя.

Суровое заключение, тяготы и лишения, которые пережил Неру в прошлом, закалили его волю. Колонизаторы так и не могли сломить его. Из своей жизни в период колониального господства Англии в Индии Неру унаследовал спокойствие и аскетический образ жизни. Он с поднятой головой возглавил руководство Индией сразу же, как только она получила независимость. Народ Индии в еще большей степени стал проявлять уважение и теплоту к своему лидеру после трагической гибели его идейного учителя — Махатмы Ганди. И это, о чем сам Неру прямо говорил, поддерживало его.

Бросилась мне также в глаза во время разговора с ним такая деталь. Неру не только не чурался конкретных вопросов, которыми иногда крупные деятели не очень любят заниматься, а, наоборот, проявлял к ним интерес, стремился в них вникнуть. Так, например, он подробно интересовался структурой ООН и тем, как в этой организации принимаются решения, учитывая существование многочисленных органов ООН и различия в их полномочиях. Он не скрывал заинтересованности внести для себя ясность на этот счет. Но вместе с тем и не высказывал каких-либо сомнений в том, что структура ООН и механизм ее деятельности в целом продуманы хорошо. Роль Советского Союза в этом механизме он знал и ценил.

Неру отдавал себе отчет в том, что в связи с появлением ядерного оружия перед миром возникает задача его категорического запрещения. Мысль лидера Индии работала в том направлении, что человечество должно найти решение этой проблемы колоссального масштаба на пути, который предложил Советский Союз сразу же после окончания второй мировой войны, — запретить это оружие навсегда и обеспечить использование атомной энергии только в мирных целях.

Запали в память высказывания Неру в беседе, состоявшейся в ноябре 1955 года в Дели с советской делегацией во главе с Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым, — я тоже входил в состав

делегации.

Хрущев тогда говорил о результатах имевшего место летом того же года в Женеве совещания руководителей СССР, США, Англии и Франции. Он сказал:

— «Холодная война» уже ушла в прошлое.

Неру внимательно его выслушал и в свою очередь заявил:

— Хочу предостеречь против излишнего оптимизма.

На его лице играла сдержанная улыбка. А затем он добавил:

— «Холодная война» еще даст о себе знать.

Так оценивал положение этот индийский государственный деятель, хорошо зная повадки тех, кто стоял в то время на капитанском мостике политического корабля крупных держав Запада.

Голос Неру в защиту свободы и независимости народов весомо и авторитетно прозвучал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1960 года, когда обсуждалось советское предложение о ликвидации колониализма. В конечном итоге на Ассамблее приняли Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Это было историческое решение, предложенное нашей страной.

Неру вошел в историю как один из основоположников политики неприсоединения. Основными принципами этой политики стали приверженность делу мира, борьба за равноправие государств как в политических, так и в экономических отношениях, нетерпимость к любым проявлениям неоколониализма, расизма и апартеида.

Страстные речи Менона

На одном из перекрестков международной жизни мне встретился Кришна Менон — соратник М. Ганди и Дж. Неру, видный и по-своему яркий политический деятель Индии.

После того как Индия обрела независимость, Менон, пользовавшийся большим доверием Дж. Неру, занимал ряд ответственных государственных постов. В 1947–1952 годах он был верховным комиссаром Индии в Лондоне, с 1956 года — министром без портфеля, а затем с 1957 по 1962 год — министром обороны.

Менон неоднократно возглавлял индийскую делегацию на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Он представлял Индию эффективно, хорошо защищал ее интересы.

Впервые я основательно познакомился с этим деятелем при рассмотрении в ООН так называемого кашмирского вопроса. Его речи в Совете Безопасности, приводимые им доводы в пользу политики Индии как великого миролюбивого государства, словно стрелы, разили оппонентов.

Встречались мы в то время с Мененом десятки раз, так как вопрос о Кашмире обсуждался в течение многих месяцев. Я и другие советские товарищи сразу же обратили внимание на глубокую убежденность этого деятеля в справедливости того дела, которое он отстаивал.

Для нас стало очевидным и то, что Менон — человек, дружественно относящийся к Советскому Союзу. Он прекрасно осознавал, что образование независимой Индии в значительной степени оказалось следствием великой Победы, которую наша страна одержала над гитлеровской Германией. Ведь мыслящие люди хорошо понимали, что в случае успеха фашистской Германии в войне кандалы, в которые колонизаторы заковали многие народы, стали бы еще более тяжелыми, что фашизм уготовил рабство всему человечеству.

С жаром говорил Менон:

— Вы не можете себе представить, какую ненависть питал и питает народ Индии к колонизаторам — англичанам!

Когда он высказывался на этот счет, глаза его горели и любой собеседник понимал, что чувства своего народа он разделяет полностью.

В беседах со мной Менон не скрывал и того, что он остается противником империалистической политики в международных делах. Он справедливо считал:

— Колониализм и империализм — это близнецы. И совсем не

случайно крупные империалистические страны одновременно являются и колонизаторами. Понятно, не все колонизаторы — крупные государства, но все крупные капиталистические страны обязательно являются или являлись колонизаторами.

Менон решительно отвергал ту точку зрения, будто США не следует рассматривать как колониальную державу. Он с основанием ссылался:

— Посмотрите на Пуэрто-Рико, на Филиппины, которые еще не сбросили с себя окончательно колониалистское ярмо США.

А потом он добавлял:

— Не менее жестоки и методы эксплуатации американским капиталом экономически отсталых стран.

О взглядах Менона на эти проблемы, как и в целом на вопросы международной политики, хорошо знали правительства и дипломаты стран Запада. И они ему мстили, как могли и где могли. Усердствовала в этом и западная пресса. Всякие вымыслы, временами завуалированные, а порой открытые, по адресу Менона почти не сходили со страниц американских газет и журналов. Не намного отставала от них и английская печать.

Нелегко приходилось Менону справляться в этой атмосфере со своими обязанностями. Но он держался стоически. Его выступления в ООН, в том числе и в Совете Безопасности, длились долго и весьма его изнуряли. После одного из таких выступлений Менон упал в изнеможении, и его вынесли из зала заседаний на носилках.

При обсуждении вопросов международной политики, включая европейские, Менон выражал волю своего правительства и энергично выступал против перевооружения Западной Германии. Этот взгляд представлял трезвую и смелую позицию, которая делала честь независимой Индии.

Все, за что выступал этот деятель на международных форумах, являлось существенным вкладом в ту политику Индии, которую она уверенно проводит и в настоящее время как одно из наиболее влиятельных государств в движении неприсоединения. Такая политика пользуется широким уважением в мире, хотя и противников у нее достаточно. Напомню, что Джон Фостер Даллес назвал в свое время эту политику так:

— Политика неприсоединения — аморальная.

За океаном и ныне часто пользуются этим термином. А если говорить по справедливости, то аморально поступали те, кто приклеивал такой ярлык к благородной политике неприсоединения и странам, которые ее придерживаются, аморально ведут себя, и те, кто сегодня продолжает использовать этот ярлык по отношению к движению, в которое входит добрая

сотня стран мира.

О Меноне ходило немало различных историй и анекдотов. Мне, например, рассказывали, что он, как бы сознательно себя закаляя, спит без матраца, без одеяла и подушки. Однажды за чашкой чая я спросил его:

— Правда ли то, что говорят о вас борзописцы?

— А что говорят? — спросил он.

— Например, то, что вы спите без матраца, одеяла и подушки. Рассмеявшись, он сказал:

— Конечно, правда. У нас в Индии миллионы людей спят именно так.

Сохраняя веселое расположение духа, он стал мне объяснять:

— Особенно большие затруднения я испытываю во время командировок, когда приходится ночевать в американских отелях. Приезжаю и говорю: «Снимите с кровати все». Меня никогда и никто не понимает. Вот и вынужден сам наводить в номере хаос, вызывая тем самым немалое удивление персонала гостиниц.

Лично у меня остались приятные воспоминания о встречах и беседах с Меноном. Он был хорошим полемистом, понимал шутку.

В последние годы Менон не занимал официальных постов, но активно проявил себя, будучи президентом Всеиндийского совета мира. Можно с уверенностью сказать, что независимая Индия в его лице имела самобытного и способного политического деятеля.

Великая дочь Индии

Индира Ганди… У нас в Советском Союзе она олицетворяла собой Индию, умудренную опытом тысячелетий и устремленную в будущее, страну великой древней цивилизации и вечно молодую, постоянную в исканиях идеалов добра, внешне умиротворенную, патриархальную, а на деле динамичную и непримиримую к злу, насилию, угнетению. Индию, которая сбросила британский колониальный гнет и строила новую жизнь, возвышая свой голос на международной арене против военной угрозы. Ту Индию, к которой советские люди традиционно питали чувства дружбы и уважения.

Вероятно, именно здесь и кроется причина того, что Индира Ганди пользовалась в Советском Союзе такой широкой известностью и глубокой симпатией. Это доброе отношение шло и идет из глубин народа. Сколько раз в самых разных местах нашей страны родители давали новорожденным девочкам ранее незнакомое и непривычное для нас имя — Индира!

Мне довелось лично знать Индиру Ганди, встречаться с ней в Москве, Дели и Нью-Йорке. Каждая такая встреча оставляла глубокое впечатление. В этой хрупкой женщине, с легкой походкой, открытой и мягкой улыбкой, большими живыми глазами и седой прядью в волосах чувствовались огромная сила воли, ясный ум, твердость характера.

Ее отличали обаяние, умение расположить к себе собеседника, способность с самого начала задать разговору нужный тон. Она никогда не пыталась произвести внешний эффект. Но каждая встреча с ней оставалась в памяти, в общении с ней всегда сохранялось сознание того, что имеешь дело с человеком тонкого, аналитического интеллекта, большой внутренней культуры.

Мне не один раз приходилось с ней беседовать. Спокойно, уравновешенно говорила она о проблемах, независимо от того, шла ли речь о внутренней политике, советско-индийских отношениях, международной обстановке, всегда умело анализировала их. Ей было свойственно также мастерски обнажать метким словом, даже иногда афоризмом наиболее интересный ракурс обсуждавшегося вопроса. Каждый раз она находила главное и, отталкиваясь от сути явления, предлагала логически верные решения.

Неоднократно приходилось становиться свидетелем выступлений Индиры Ганди в самых разных аудиториях. В Индии высоко ценили ее мастерство оратора: слова доходили до

глубины сердец слушателей.

Читаю и сопоставляю высказывания Индиры Ганди в начале ее деятельности и в последующие годы. Разница видится, пожалуй, только в расширении диапазона охватываемых проблем. За много лет пребывания на посту премьер-министра она приобрела солидный запас знаний, опыт — подспорье в сложной государственной деятельности любого политика. Но всегда, как в начале ее пути — пути крупного государственного деятеля, так и до самого последнего дня жизни, она оставалась человеком с твердо установившимися взглядами на жизнь, на будущее Индии.

Вспоминать Индиру Ганди сегодня — это значит попытаться заглянуть в прошлое, охватить мыслью многовековую историю ее страны.

Она любила свою родину, не мыслила себя без нее, была патриоткой дела ее преобразования. Страдания народа с юности болью отзывались в ее душе.

Ее воспитывал мудрый Рабиндранат Тагор. С его помощью она вобрала в себя богатейшую историю и самобытность своей отчизны.

Первый премьер-министр независимой Индии, великий гуманист Джавахарлал Неру в значительной мере воздействовал на формирование мировоззрения своей дочери. Он не стал марксистом-ленинцем, но, как отмечал сам Неру, изучение Маркса и Ленина оказало огромное влияние на его сознание, помогло ему увидеть современность в новом свете. Осуществление своих высоких идеалов человеколюбия Неру связывал с борьбой за социальную и политическую свободу личности, народа, с развитием национально-освободительного движения. Это восприятие мира Неру стремился передать своей дочери.

На своего отца она во многом походила. Как и он, она примеряла свои думы к идеям Великой Октябрьской социалистической революции в России. Она родилась 19 ноября 1917 года, буквально через несколько дней после революционного переворота в нашей стране, и любила называть себя ровесницей Великого Октября.

Как и он, хладнокровный и мужественный Неру, она не любила проявлять эмоций. Мысли излагала ясно и обычно немногословно. Сколько раз мне приходилось отмечать про себя, что она скорее не договорит, чем хватит через край. Однако все, о чем высказывала свое мнение, звучало в ее устах весомо. Полагаю, что сдержанность шла у нее от врожденной и присущей индийской женщине скромности. Она как бы олицетворяла собой все те лучшие качества, которые свойственны женщинам ее

страны.

Неру заложил основы миролюбивой политики суверенной Индии. Индира Ганди оказалась достойной преемницей своего отца и политического наставника. В этой преемственности есть нечто большее, чем простая семейная традиция. Удивительная семья Джавахарлала Неру, Индиры и Раджива Ганди — семья выдающихся борцов за независимость страны и лидеров свободной Индии, наверно, потому и приобрела всемирную известность, что в ней отразились лучшие качества одного из самых древних на земле народов — индийского. Эти качества — миролюбие и мудрость.

Без риска впасть в преувеличение можно с уверенностью сказать, что вслед за Джавахарлалом Неру его дочь займет достойное место в истории независимой Индии. Индира Ганди стремилась сделать все, чтобы ее страна была сильной, прочно стояла на собственных ногах, сохраняя и приумножая богатое наследие одной из древнейших цивилизаций и в то же время избавившись от нищеты, отсталости, груза отживших структур и традиций.

Ведь не секрет, что за те полтора с небольшим десятилетия, в течение которых она возглавляла правительство Индии, страна в основном добилась самообеспеченности продовольствием, начала бурно развивать промышленное производство. Благодаря курсу на самостоятельное развитие Индия под руководством Индиры Ганди стала одной из немногих развивающихся стран, где доля участия иностранного капитала в финансировании национального строительства ничтожно мала. Так, заглядывая в прошлое, с особой силой ощущаешь то новое, что пришло в теперешнюю Индию.

Вспоминать Индиру Ганди сегодня — это видеть настоящее ее огромной страны, в значительной мере преображенной благодаря усилиям нации под руководством этой женщины.

Успехи Индии известны. И здесь хочется обратить особое внимание на ту роль, которую Индира Ганди сыграла в развитии советско-индийских связей. Она была последовательным сторонником дружбы и сотрудничества между двумя странами. Еще в годы второй мировой войны, когда фашистская Германия вероломно напала на СССР, Индира Ганди решительно выступила в поддержку борьбы советского народа и стала одним из активных участников общества «Друзья Советского Союза». Неоднократно бывала в Москве и других наших городах, совершив свою первую поездку сюда еще в 1953 году. Ее имя тесно связано с подъемом отношений между двумя государствами на качественно новый уровень в результате подписания Договора

о мире и сотрудничестве между Советским Союзом и Индией.

Мне довелось быть непосредственным участником этого события. Вспоминая сегодня те жаркие августовские дни 1971 года (мне было поручено подписать договор от имени Советского Союза), не могу не отметить широкую и искреннюю поддержку, которую получил этот документ не только у народов нашего государства и Индии, но и за пределами наших стран. Слабые и немногочисленные голоса противников советско-индийской дружбы звучали уже тогда неубедительно.

Прошли многие годы. Сейчас, как никогда, зримы ценные практические результаты, к которым привел договор. Видно и его позитивное воздействие на ход мировых событий. Этот договор был нацелен на будущее, определил принципиальные направления советско-индийского сотрудничества.

Для Индиры Ганди сотрудничество с Советским Союзом выходило за рамки явлений чисто конъюнктурного плана. Она неоднократно подчеркивала, что Советский Союз всегда находился на стороне Индии в трудные для нее времена.

Путь, пройденный нашими странами совместно за годы после заключения договора, отмечен масштабными достижениями во всех областях сотрудничества. Это двустороннее сотрудничество характеризуется сегодня десятками новых объектов в ключевых отраслях экономики, внушительным и быстрорастущим товарооборотом, высокой эффективностью совместных научно-технических проектов, активными связями в области культуры, науки, здравоохранения, образования, туризма, спорта. В том, что весь комплекс советско-индийских отношений функционирует без сбоев, велика роль практики регулярных контактов между руководителями двух стран, которые с индийской стороны осуществляла Индира Ганди. Советско-индийский диалог на высшем уровне происходил постоянно и с неизменной эффективностью.

Стремление индийского народа к развитию дружбы с СССР стало одним из ярких примеров объединения сил мирового социализма и национально-освободительного движения. М. С. Горбачев отмечал: «В памяти народов навсегда останутся имена великих индийских руководителей Джавахарлала Неру и Индиры Ганди, останутся в неразрывной связи как с историей Индии, так и с историей национально-освободительной борьбы на всех континентах».

Вспоминать Индиру Ганди сегодня — это значит заглядывать и в будущее человечества.

Ее мечтой был мир. Мир на все времена. Хочется особо подчеркнуть ее огромный позитивный вклад в антивоенную

борьбу. Если рассматривать даже только эту сторону ее деятельности, то можно смело утверждать, что она была крупным государственным деятелем нашей эпохи. Ее неутомимая работа на высоком посту премьер-министра Индии — только одна грань подвижнической жизни. Но необходимо выделить именно эту грань, поскольку последовательная миролюбивая политика Индии играла и продолжает играть весьма важную роль в глобальном противостоянии сил войны и мира.

Активная деятельность Индиры Ганди на благо мира, национального освобождения и социального прогресса общеизвестна. Людская память сохранит ее выступления против империализма и гегемонизма, доктрин ядерного безумия и гонки вооружений, гневные обличения эксплуатации и неравноправия, колониализма и расизма.

Глубоко конструктивной была ее работа в сфере дипломатии и внешней политики. Ее заслугой стали инициативы по вопросам борьбы за предотвращение ядерной войны и разоружение, урегулирование конфликтов и снижение напряженности в отношениях между странами, новый международный экономический порядок на принципах справедливости и равноправия. Можно вспомнить, какой широкий резонанс приобрело выступление в мае 1984 года руководителей шести стран с призывом к ядерным державам, одним из авторов которого являлась Индира Ганди.

— Без мира сегодня не будет жизни завтра, — говорила Индира Ганди с трибуны XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Она четко отличала противников независимой Индии от ее друзей, видела, откуда исходит угроза миру и в союзе с кем можно этой угрозе противостоять. Вот почему ее политическим кредо всегда оставались антиимпериализм и неприятие любой формы национального, расового, экономического угнетения.

Велик был и персональный престиж Индиры Ганди. Выдающиеся личные качества выдвинули ее в число ведущих политических фигур современного мира. Не случайно неприсоединившиеся страны поставили Индию, где премьер-министром была Индира Ганди, во главу своего движения.

Жизнь Индиры Ганди отличалась насыщенностью. Особое место в событиях этой жизни занимает ее деятельность на посту председателя движения неприсоединения. Лейтмотивом многогранной работы в нем прошло укрепление его сплоченности и повышение активности как весомого фактора в пользу мира и разрядки, неукоснительной приверженности тем антиимпериалистическим, антивоенным принципам, которые закладывались в этом движении изначально.

Высокую оценку деятельности Индиры Ганди можно видеть и в присуждении ей посмертно международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Золотую медаль и диплом лауреата этой премии передали ее сыну и преемнику на посту премьер-министра Радживу Ганди в мае 1985 года в Москве. В этом проявилось глубокое уважение к памяти замечательной дочери индийского народа со стороны международной и советской общественности.

Она хорошо знала, что недруги индийского народа вынашивают планы покушения. В последние годы в ее высказываниях часто сквозила тревога и за положение в стране, и за свою собственную жизнь. Раскрывался не один заговор с целью ее физической ликвидации. Но Индиру Ганди не смогли запугать. До последнего вздоха она считала своим гражданским долгом осуществлять курс, избранный раз и навсегда.

В одном из своих удивительно глубоких и проникновенных писем к дочери, написанных в тюрьме, Неру выразил надежду, что она вырастет смелым солдатом Индии. Она и погибла как солдат — на боевом посту, от пуль врагов…

Индира Ганди была почетным доктором Московского государственного университета. Неподалеку от его здания находится одна из самых молодых площадей советской столицы. Здесь памятник этой прославленной женщине с высеченными на граните словами «Индире Ганди», а возле него полукруг березок. Рядом на фронтоне гостиницы «Университетская» табличка с надписью: «Площадь Индиры Ганди. Названа в 1985 году в честь выдающегося государственного и политического деятеля Индии, большого друга Советского Союза Индиры Ганди (1917–1984)».

Пройдут годы, вырастут деревья, станут более оживленными, как-то изменятся магистрали города. Но сама эта площадь будет здесь всегда. Она уже хорошо вписалась в облик города, стала его неотъемлемой частью, подобно тому как органически вошла в национальное сознание двух великих народов советско-индийская дружба. Наши люди чтят и будут чтить имя великой дочери Индии, высеченное на граните среди берез в Москве.

Говорит Раджив Ганди

Преемником Индиры Ганди на постах премьер-министра Индии и председателя партии Индийский национальный конгресс (И)[22] стал ее сын Раджив Ганди. Уже в первых заявлениях он подтвердил:

— Республика Индия сохранит приверженность тому независимому и миролюбивому внешнеполитическому курсу, которым вели страну Джавахарлал Неру и Индира Ганди.

В тех же заявлениях он также подчеркивал:

— Индия дорожит дружественными отношениями, сложившимися у нее с Советским Союзом. Они пользуются широкой поддержкой политических сил страны и всего народа. Исходя из этого, большое внимание будет уделяться дальнейшему упрочению отношений с СССР.

Это ему принадлежит фраза:

— Пусть узы дружбы и сотрудничества между нашими странами с каждым годом крепнут и плодотворно развиваются.

Советские люди с сочувствием относятся к усилиям индийского народа по укреплению безопасности и единства страны, решению проблем ее социально-экономического развития. «Вы можете быть уверены, — отмечается в поздравительной телеграмме Совета Министров СССР в связи с назначением Р. Ганди премьер-министром Индии, — в готовности Советского Союза оказывать Индии содействие в дальнейшем укреплении ее экономики, в повышении ее международного веса».

В июле 1983 года у меня состоялась встреча с Р. Ганди в Москве, в Кремле. Тогда он в качестве генерального секретаря партии Индийский национальный конгресс (И) и депутата парламента Индии находился в Советском Союзе по приглашению Парламентской группы СССР.

Наша беседа прошла в обстановке сердечности. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, он произвел на меня впечатление эрудированного и с широким кругозором политического деятеля.

Во время беседы мы высказали во многом сходные мнения в том, что касается оценки современной международной обстановки и причин, породивших ее серьезное обострение. Мы с удовлетворением констатировали также близость советской и индийской точек зрения относительно того, что в этих условиях приоритетное значение приобретают такие вопросы, как прекращение гонки вооружений, предотвращение ядерной

катастрофы, упрочение устоев всеобщего мира.

От имени советского руководства я подчеркнул:

— Государства социалистического содружества выдвинули широкий комплекс миролюбивых конструктивных предложений и готовы объединить свои усилия со всеми, кто стремится к укреплению международной безопасности. Это в полной мере относится и к Индии, которая немало делает в интересах мира. Мы высоко ценим ее поддержку советских внешнеполитических инициатив.

Р. Ганди высказался так:

— Я выражаю признательность за добрые слова в адрес внешней политики Индии.

Были затронуты и некоторые вопросы двусторонних советско-индийских отношений. Отмечалось, в частности, что опыт, накопленный в них, свидетельствует о необходимости и впредь укреплять сотрудничество между СССР и Индией.

Событием большой международной значимости и крупным рубежом в советско-индийских связях явился официальный дружественный визит в СССР в мае 1985 года премьер-министра Индии Р. Ганди и состоявшиеся переговоры на высшем уровне. В ходе этих переговоров, прошедших в атмосфере дружбы, взаимного уважения и доверия, было выражено обоюдное удовлетворение успешным развитием, стабильностью и масштабностью отношений между СССР и Индией, совпадением взглядов по крупным проблемам мировой политики.

Нашло свое подтверждение стремление обеих стран идти по пути дальнейшего укрепления дружественного сотрудничества в политической, экономической и иных областях. Намечены были и конкретные меры по осуществлению этой задачи. В частности, весомым вкладом в развитие сотрудничества явилось подписание во время визита Р. Ганди Соглашения об основных направлениях экономического, торгового и научно-технического сотрудничества между СССР и Индией на период до 2000 года и Соглашения о советско-индийском сотрудничестве в сооружении в Индии ряда новых крупных объектов.

— Проходят годы и десятилетия, сменяются поколения людей в наших странах, — отмечал М. С. Горбачев, — но по восходящей линии развиваются отношения дружбы и сотрудничества между СССР и Индией. Это происходит потому, что они строятся на основе равноправия и взаимного уважения, на совпадении или близости позиций обеих стран по коренным проблемам современности.

Взаимодействие и сотрудничество двух великих держав стало весомым фактором в мировой политике. Огромное значение для

советско-индийских отношений, для выхода на новые формы взаимоотношений двух стран имел визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Индию и его переговоры с Радживом Ганди в ноябре 1986 года. Диалог двух государственных деятелей, проходивший в духе откровенности и взаимопонимания, охватил самые глубинные процессы мирового развития и двусторонних связей Советского Союза и Индии.

Масштабная работа обоих лидеров привела к тому, что СССР и Индия нарастили потенциал дружбы и сотрудничества в двусторонних связях. Визит показал, что руководство двух стран чувствует свою огромную ответственность за состояние отношений между двумя странами и за дело всеобщего мира. Больше того, принятая в итоге визита Делийская декларация ввела в широкий международный оборот новый политический термин — «свободный от ядерного оружия и ненасильственный мир», термин, который полностью соответствует требованиям современной международной жизни. Сама «Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира» стала документом большого исторического звучания.

Мирное сосуществование, говорится в одном из ее десяти пунктов, должно стать универсальной нормой отношений между странами и народами.

Заключенное Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве стало самым крупным в истории отношений двух стран. Высокими темпами развивается торговля, совершенствуются формы и структура товарообмена.

Все документы визита дали новый мощный импульс развитию двусторонних отношений, сослужили добрую службу делу борьбы за мир, свободный от ядерного оружия, от насилия и ненависти, страха и подозрительности — как в Азии, так и на всей Земле.

Встречи и беседы М. С. Горбачева с Р. Ганди в Дели, а в 1987 году и в Москве, стали яркой и живой демонстрацией нового политического мышления. Они показывают, что контакты руководителей Советского Союза и Индии являют собой действенный механизм укрепления отношений дружбы, доверия между двумя странами.

Отец и сыновья Рерихи

Растут научные связи между двумя странами, в том числе и в такой области, как космические исследования. Совместные усилия специалистов СССР и Индии привели к запуску двух искусственных спутников Земли. Мы вместе с индийскими друзьями искренне радовались тому, что впервые в космос совершил полет гражданин Индии в составе совместного советско-индийского экипажа.

Широкое развитие получили контакты по линии парламентов, общественных организаций. Это же относится и к культурным обменам. Взять хотя бы область литературы: у нас в стране известны имена Калидасы, Мирзы, Талиба, Рабиндраната Тагора; а в Индии пользуются большой популярностью произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. М. Горького, В. В. Маяковского, М. А. Шолохова, других русских и советских писателей.

Особо следует отметить такое значительное, весомое явление в сфере культурного общения наших народов, как деятельность русского живописца, археолога, писателя, инициатора движения в защиту памятников культуры Николая Константиновича Рериха (1874–1947 гг.) и его сыновей Юрия и Святослава.

Оказавшись волею судьбы за пределами родины, Николай Рерих в течение долгих лет жил в Индии, что наложило заметный отпечаток на его творчество. Работы Н. Рериха этого периода — прежде всего многочисленные живописные полотна — проникнуты чувством восхищения природой Индии, духом глубокого уважения к ее народу. Творчество Рериха-отца, как и его общественную деятельность, высоко ценили Рабиндранат Тагор, Джавахарлал Неру, Индира Ганди.

Вместе с тем Николай Рерих оставался патриотом своей страны, делал все, что было в его силах, чтобы помочь ей в трудный час. Когда фашистские полчища вторглись на советскую землю, он собирал и передавал деньги в фонд Красной Армии, активно пропагандировал героическую борьбу советского народа, твердо верил в его конечную победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Н. Рерих принял решение вернуться на родину, как возвратился перед войной Куприн, как это сделал после войны Коненков, как мечтали вернуться Шаляпин и Рахманинов. Но заветное желание Н. Рериха не сбылось. В декабре 1947 года, буквально накануне своего отъезда в СССР, он скончался.

Большую коллекцию работ Н. Рериха по его завещанию передал Русскому музею в Ленинграде и картинной галерее в Новосибирске вернувшийся в Советский Союз старший сын художника — видный востоковед Юрий Николаевич Рерих (1902–1960 гг.).

С младшим сыном Н. Рериха — Святославом Николаевичем я не раз встречался в Дели, а также в Москве, где он время от времени бывает, в частности в связи с организуемыми у нас выставками картин отца и его собственных. На некоторых из этих встреч присутствовала и его обаятельная супруга Дэвика — в прошлом известная индийская актриса.

С. Рерих является талантливым художником. Он пишет портреты, пейзажи, символические композиции, стилистически близкие поздним произведениям своего отца. По его убеждению, художник должен писать подлинную красоту, к которой инстинктивно тянется человек, даже в искусстве неискушенный. Сам С. Рерих именно так и поступает. Его творчество высоко ценится в Советском Союзе. Он — почетный член Академии художеств СССР.

Когда встречаешься с этим художником, то невольно обращаешь внимание на его большое сходство с отцом, чей облик хорошо известен по фотографиям. Тот же умный, проницательный взгляд, та же осанка — естественная, исполненная достоинства.

Однажды во время посещения Индии мне довелось побывать на выставке картин С. Рериха. Художник встретил меня у входа и водил от картины к картине, рассказывая о каждой.

В зале находилось несколько десятков его картин. Яркие, броские, колоритные картины, на которых изображены в основном горы Индии. Белоснежные горные дали, кряжи, покрытые и зеленью, и снегами, и ледниками. Обилие света, контрастность тонов, буйство красок природы — все это живо передавало самобытную неповторимую природу Индии, особенно северной ее части. Мне они по гамме цвета напоминали картины французского художника Гогена. Вместе с тем в этих картинах сказывалось сильное влияние выдающегося певца природы Николая Рериха — отца художника.

— Конечно, у вас один культ — это культ гор. Не правда ли? — спросил я его.

Он это подтвердил.

В октябре 1984 года в СССР и Индии отмечался двойной юбилей — 110-летие со дня рождения Н. К. Рериха и 80-летие со дня рождения С. Н. Рериха. С большим успехом прошла в Москве в Музее искусств народов Востока совместная выставка картин

отца и сына. Указом Президиума Верховного Совета СССР Святослава Николаевича Рериха за большой вклад в развитие и укрепление дружбы между советским и индийским народами наградили орденом Дружбы народов. Замечательные художники, общественные деятели — Н. К. Рерих и С. Н. Рерих сделали много для сближения культур двух великих народов. Их творчество и сегодня выполняет свою благородную миссию.

В Индии я, как и многие советские люди, восхищался такими памятниками богатейшего исторического прошлого этой страны, как Тадж-Махал, Кутуб-Минар и др. Однако глубокий интерес вызывает у нас не только прошлое, но и настоящее индийского народа, его достижения в различных областях жизни. Много интересного рассказывал мне об этой стране и помогал ее узнавать крупный советский дипломат, посол СССР в Индии в те годы В. Ф. Мальцев.

Нам импонируют в индийцах присущие им трудолюбие, яркая самобытная талантливость, традиционное гостеприимство. Знаем мы и ценим то, что индийцы на нашу искреннюю симпатию к ним отвечают полной взаимностью.

Ташкент: Шастри и Айюб Хан

После завоевания Индией национальной независимости и после ее раздела на два государства — Индию и Пакистан обе страны получили сложное во многих отношениях наследство. Если взять только территориальный конфликт по вопросу о Кашмире, то следует признать, что его острота хотя временами и ослабевает, но потенциально существует всегда.

Неудивительно поэтому, что многочисленные контакты Советского Союза с Индией и Пакистаном по государственной линии неизменно испытывали влияние индийско-пакистанских противоречий. Ведь вовсе не случайно Советский Союз двадцать с лишним лет назад выступил инициатором в деле достижения примирения между этими двумя странами, предложив свои добрые услуги.

Когда осенью 1965 года в результате военных действий на границе между Индией и Пакистаном резко обострилась обстановка, Советское правительство заявило о своем стремлении способствовать скорейшей ликвидации индо-пакистанского конфликта. Наша страна приложила энергичные усилия, чтобы содействовать восстановлению мира в Южной Азии и предотвратить всякое иностранное вмешательство в конфликт в целях его усугубления и разжигания пожара войны.

Советское предложение встретило положительный отклик. Хорошо помню, за столом переговоров, состоявшихся в Ташкенте с 4 по 10 января 1966 года, встретились индийская делегация во главе с премьер-министром Лалом Бахадуром Шастри и пакистанская — во главе с президентом Айюб Ханом. Переговоры между ними проходили в присутствии советской делегации во главе с А. Н. Косыгиным. От всех трех государств присутствовали и министры иностранных дел. Несмотря на существенные расхождения в позициях двух сторон, броня настороженности, недоверия, национальной неприязни все же оказалась пробитой.

К сожалению, финальную часть встречи омрачило трагическое событие: смерть премьер-министра Индии Л. Б. Шастри.

Случилось это поздним вечером, уже после заключительного приема, на котором глава индийского правительства выступал с кратким словом. Мне сообщили о случившемся что-то около часа ночи, и я приехал в резиденцию Шастри. Премьер-министр Индии лежал на постели, возле которой сидел удрученный Косыгин, прибывший сюда минуты на две раньше меня. Здесь же помимо индийских официальных лиц находился советский врач, который

в момент моего прибытия делал больному искусственное дыхание.

Косыгин и я с напряжением наблюдали за действиями советского специалиста. Шастри никаких признаков жизни уже не подавал.

Стало ясно, что это — конец. Врач и другие медицинские работники продолжали еще предпринимать все возможное, чтобы зажечь искру жизни в теле человека, но им это не удалось.

Скончался сын индийского народа, отдавший все свои силы преодолению трудностей, с которыми встретилась его страна.

Результатом Ташкентской встречи явилось подписание Декларации, которой закрепили договоренность между Индией и Пакистаном прилагать все усилия для создания добрососедских отношений.

Однако и по сей день отношения между Индией и Пакистаном остаются сложными. Далеко не последней причиной этого является та коварная сеть, в которую Пакистан попал почти с самого начала своего существования как независимого государства. Империалистические государства Запада, прежде всего США, пустили в ход немало рычагов — политических, экономических и военных — в виде поставок оружия, чтобы держать эту страну в орбите своей политики. И по сей день из этой сети Пакистан не вырвался. Скорее наоборот, он еще больше в ней запутался.

Тем не менее Советский Союз всегда стремился не только поддерживать дружественные отношения с Индией, внешняя политика которой завоевала большое уважение в мире, но также и развивать нормальные отношения с Пакистаном. Более того, он содействовал Пакистану в деле преодоления им экономической отсталости.

Своеобразным зеркалом, отражающим политический курс во внешних делах Индии и Пакистана, являются наши контакты с этими обоими государствами. Они отличаются разнообразием, а что касается Индии, то, можно сказать, и интенсивностью.

Акт жестокой мести — не больше

СССР стремился иметь с Пакистаном активные отношения, в том числе на достаточно высоком официальном уровне, не считая обычных дипломатических каналов. В Советском Союзе не один раз бывал министр иностранных дел, затем президент, а с 1973 по 1977 год — премьер-министр Зульфикар Али Бхутто. Каждый его приезд, переговоры с ним всегда означали известное оживление советско-пакистанских отношений.

Бхутто — политический деятель, с которым я встречался много раз и в Москве, и за рубежом, главным образом на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Это личность интересная, человек незаурядных способностей, получивший образование в Англии и США, причем в Англии он окончил привилегированный Оксфордский университет.

На протяжении своей политической карьеры Бхутто прилагал немалые усилия к тому, чтобы развивать внешние связи Пакистана и не позволить западным государствам лишить Пакистан возможности поддерживать нормальные отношения с другими странами, в том числе социалистическими.

Правда, проводя эту линию в широком плане международной политики, Бхутто проявлял мало гибкости в конкретных индийско-пакистанских отношениях. И все же на крутых поворотах событий он избегал серьезных столкновений с Индией, а нормальные отношения между Пакистаном и Советским Союзом всегда давали возможность вносить долю умеренности и успокоенности в индийско-пакистанские отношения. СССР не раз содействовал этому.

Уже тот факт, что Бхутто в вопросах внутренней политики Пакистана мыслил категориями гражданского правления, а не категорией власти, основанной на винтовке и пулемете, выгодно отличало его режим от тех порядков, которые существовали до и после него. Даже когда произошел военный путч, поставивший во главе государства теперешнего президента Зия-уль-Хака, Бхутто остался приверженцем гражданской формы правления. Будучи за тюремной решеткой, он не отказался от своих принципов и предпочел смерть капитуляции.

Бхутто являлся политиком, мировоззрение которого не имело ничего общего с социализмом. Это был по современным стандартам деятель, взгляды и философия которого отвечали интересам господствующих классов — буржуазии и помещиков. Но он оглядывался на десятки миллионов рядовых граждан, чем и завоевал определенную популярность в стране. Главное, однако,

что мы вправе подчеркнуть, — Бхутто выступал против ведения внешнеполитических дел в угоду определенным внешним силам.

Нет, веревка палача, которая оборвала жизнь Бхутто, — не последнее слово «правосудия». Самый мудрый и справедливый судья — история.

Не скрою, что отказ генерала Зия-уль-Хака помиловать Бхутто, а с просьбой об этом к пакистанскому президенту обращался и Л. И. Брежнев, произвел тягостное впечатление на советское руководство. Казнь его превратилась в акт бессмысленной мести.

Советский Союз, верный принципу невмешательства одних государств во внутренние дела других, считает, что происшедшие в Пакистане перемены — это его внутреннее дело. Но поскольку речь идет о межгосударственных отношениях между СССР и Пакистаном, то мы вправе предъявить серьезный счет нынешнему пакистанскому руководству за то, что оно отбросило на многие годы назад отношения между двумя странами.

С территории Пакистана вот уже в течение нескольких лет осуществляется вооруженное вмешательство в дела соседнего Афганистана, проводящего политику неприсоединения. Зачем понадобилось пакистанскому правительству следовать курсу, враждебному Афганистану? Почему оно тем самым выступает и против Советского Союза, чей ограниченный воинский контингент пришел на помощь дружественному нам афганскому народу в его борьбе против необъявленной войны, а затем был выведен из Афганистана? Эти вопросы неоднократно ставились советским руководством во время встреч с государственными деятелями Пакистана.

Слова, которые нельзя принимать на веру

15 ноября 1982 года. Екатерининский зал Большого Кремлевского дворца. За столом переговоров с одной стороны — Ю. В. Андропов и я как министр иностранных дел СССР, а с другой — генерал Зия-уль-Хак, возглавивший военную администрацию Пакистана после военного переворота в 1977 году и ставший годом позже президентом страны. Вместе с ним пакистанский министр иностранных дел Якуб Хан.

В ходе встречи Зия-уль-Хаку четко излагается советская оценка двусторонних отношений и всех тех действий, которые на протяжении нескольких лет осуществляются с территории Пакистана вооруженными группами в отношении Афганистана. При этом внимание генерала обращается на следующее:

— Абсолютно бесполезны попытки представлять дело так, будто Пакистан не имеет отношения к тому, что происходит вокруг Афганистана.

Собеседнику говорится прямо:

— Пакистан — соучастник войны против Афганистана. Однако Советский Союз не даст в обиду Афганистан, с которым нас связывают давние и тесные узы, скрепленные после Апрельской революции Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. СССР оказывает и будет оказывать помощь дружественному афганскому народу. Пакистан полностью виноват в том, что он проводит политику, враждебную Афганистану, подрывая тем самым и советско-пакистанские отношения.

То, что мы услышали в ответ от Зия-уль-Хака, нельзя было принять на веру. Его подчеркнутая вежливость, мягкость манер и выражений, ровные интонации вкрадчивого, тихого голоса могли бы в других условиях даже вызвать к нему расположение. Между тем все, что говорилось Зия-уль-Хаком, находилось в резком контрасте с фактической политикой Пакистана в отношении Афганистана, да и Советского Союза.

Зия-уль-Хак уверял:

— Пакистан искренне стремится к развитию дружественных отношений с Афганистаном и Советским Союзом, к мирному политическому урегулированию «афганской проблемы».

Но ведь слова оставались только словами, а практические дела пакистанского правительства имели совсем другую, прямо-таки противоположную направленность.

Во время беседы у нас невольно возникал вопрос: знает ли глава военного правительства Пакистана, что такое горе людей — мужчин, женщин, детей, стариков, гибнущих в Афганистане от рук бандитов и убийц, систематически вторгающихся с территории его страны с оружием, доставляемым туда из США?

Мне невольно вспоминались те предшественники Зия-уль-Хака, которые проводили более разумный курс политики в отношении соседних государств и в отношении Советского Союза, тоже близкого соседа. В связи с этими воспоминаниями напрашивался по ходу беседы вывод, что к добрым, дружественным отношениям между СССР и Пакистаном ведет еще длинный путь. Он может стать короче, если пакистанское руководство осознает, что его теперешняя политика вражды в отношении соседних государств — это, как свидетельствуют уроки недавнего прошлого, пагубный для Пакистана курс. И если это не будет понято пакистанским руководством, то события могут нести его по скользкой дороге к банкротству.

Помимо этой беседы в Кремле у меня лично в разное время состоялось несколько встреч с министром иностранных дел Пакистана Якуб Ханом — в Нью-Йорке 9 июня и 1 октября 1982 года и в Москве 10 июня 1983 года. Об этих встречах можно сказать то же самое, что и о переговорах с Зия-уль-Хаком: слова миролюбивые, но совсем иная реальная политика, не содействующая урегулированию ситуации вокруг Афганистана на условиях уважения его суверенитета и восстановления мира в районе.

Как бы ни развивались события вокруг Афганистана в последующем, а они могут развиваться только в направлении упрочения независимости Афганистана, организация вооруженного вмешательства в его дела войдет черной страницей в историю внешней политики Пакистана. Никакие ссылки на влияние сил за пределами Пакистана в объяснение ведущейся против Афганистана необъявленной войны не могут иметь веса. Прежде всего потому, что руководство Пакистана не дает подобным попыткам отпора, как это полагается делать подлинно суверенному государству.

На основе наших неоднократных контактов с пакистанским руководством у нас сложилось твердое мнение, что главным препятствием к урегулированию положения вокруг Афганистана является нереалистическая позиция правящих кругов Пакистана и тех, кто стоит за его спиной. Приходится только удивляться позиции тех, кто в ущерб национальным интересам пакистанского народа позволяет использовать себя в качестве инструмента враждебной политики против соседнего государства.

При этом упускается, пожалуй, уникальная возможность решить тот вопрос, который Исламабад больше всего должен бы интересовать — вопрос о том, чтобы иметь с Афганистаном стабильную, мирную границу. Нам неоднократно приходилось, разъясняя пакистанским руководителям неразумность такой их позиции, указывать на то, что рано или поздно они должны будут признать существующие реальности.

Советский Союз, верный своей политике мира и дружбы между народами, делает и будет делать все, что от него зависит, для развития отношений с Пакистаном. Но для этого требуется взаимность.

МНР и КНДР, шагнувшие в социалистическую новь

Неизменно дружественными, братскими остаются со времени рождения боевого союза Советского государства и свободной Монголии наши отношения с Монгольской Народной Республикой. Глубочайшее доверие, дружба и сотрудничество между советским и монгольским народами своими истоками восходят к исторической встрече Владимира Ильича Ленина с Сухэ-Батором.

Народная Монголия, шагнувшая в социалистическую новь из феодализма, за годы существования народной власти добилась впечатляющих успехов. Она показала пример народам Африки, Азии и Латинской Америки, каких успехов может добиться свободный народ. Этим успехам рады советские люди.

29 октября 1949 года, еще в мою бытность заместителем министра иностранных дел, советское руководство поручило мне побеседовать с премьер-министром МНР Хорлогийном Чойбалсаном. С гордостью говорил он о достижениях в развитии народного хозяйства Монголии и при этом подчеркивал:

— Монгольскому народу удалось добиться этого благодаря братской помощи советского народа.

Чойбалсан высоко отзывался о работавших в Монголии советских специалистах. Незадолго до нашей встречи окончилось строительство железной дороги из Советского Союза в Улан-Батор. Он охарактеризовал происшедшее следующим образом:

— Это — выдающееся событие в истории Монголии. Наша республика получила железную дорогу, связывающую столицу Монголии с Советским Союзом. Создан замечательный памятник нашей дружбы.

С тех пор у меня состоялось немало официальных переговоров и встреч с руководителями Монгольской народно-революционной партии и Монгольской Народной Республики. Всегда они проходили в самой теплой и сердечной обстановке.

Бывал я и один в Монгольской Народной Республике, бывал и в составе делегации. Мы провели сердечные беседы с руководством МНР и МНРП. В совместном документе было выражено полное совпадение взглядов как по вопросам двусторонних отношений между двумя странами, так и по вопросам международной политики.

Запомнился Улан-Батор — современный город, с широкими проспектами, новыми домами и жилыми кварталами. Город,

почти ничем не отличающийся от европейских городов, разве только кроме одного — в отдельных местах рядом с многоэтажными современными зданиями вдруг попадались небольшие юрты с острыми шпилями наверху.

Нам говорили, что иногда жители сохраняют их как некую реликвию прошлого, не имеющую в наше время какого-либо реального значения в монгольской столице.

Сильное впечатление производят два обстоятельства: во-первых, современные фабрики и заводы, хотя они и небольшие, но зато представляют собой окно в будущее страны, которая шаг за шагом идет вперед как социалистическое государство; во-вторых, поражает рост населения Монголии — за последние два с половиной десятка лет оно почти удвоилось.

Радует и то, что между советским государством и партийным руководством и руководством МНР и МНРП, и это признают обе стороны, существуют тесные братские отношения. Общие интересы, общность судеб обеих стран, как стран социалистических, навечно скрепляют наши узы дружбы и добрососедства.

Драматическая история у дружественной КНДР. Разгром милитаристской Японии во второй мировой войне сделал возможным развитие КНДР как независимого государства. Но пожар новой войны опять опалил эту страну.

Корея была разорвана на две части. Южная часть, и ныне оккупированная американскими войсками, превращена в военный плацдарм США. Северная часть страны, где образовалось социалистическое государство, как бы демонстрирует и миру, и южной части страны, что рано или поздно, но и для нее должен пробить час национальной свободы и независимости.

Отношения между СССР и КНДР имеют солидную основу для их развития в будущем. Наиболее ярким событием в этих отношениях стал визит в Советский Союз Генерального секретаря ЦК Трудовой партии Кореи, президента КНДР Ким Ир Сена в 1986 году, его беседы с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым.

Устранить историческую аномалию

Едва ли кто из серьезных людей не согласится с тем, что исторической аномалией является то состояние советско-китайских отношений, в котором они находились на протяжении трех последних десятилетий. Много раз советское руководство заявляло, что СССР готов к политическому диалогу с Китаем по вопросам двусторонних отношений, а также по узловым проблемам, связанным с укреплением мира и международной безопасности. Положительное развитие советско-китайских отношений, которые должны строиться с учетом и при взаимном уважении интересов каждой из сторон и, понятно, без ущерба для третьих стран, пошло бы на благо обоим народам и послужило бы улучшению политической атмосферы в мире.

Мао Цзэдун — широко известная в мире политическая фигура.

Я не ставлю своей задачей анализировать его мировоззренческие концепции, его взгляды на общественное развитие. Марксистско-ленинская наука в основном уже оценила их и поставила на свое место, как и практическую деятельность Мао Цзэдуна, оказавшую сильное влияние на внутреннюю обстановку в Китае. Четкие оценки со стороны КПСС и братских партий подавляющего большинства государств даны также и внешнеполитическим взглядам Мао Цзэдуна.

В исторической литературе очень мало сказано о том, что представлял собой Мао Цзэдун как деятель, оказавший влияние и на развитие международной обстановки. Ведь в течение десятков лет внешнюю политику Китая магнитизировали его идеи, его философские воззрения. В связи с этим думается, что отдельные высказывания Мао Цзэдуна в моем присутствии либо непосредственно в беседе со мной могут представлять определенный интерес.

Впервые я встречался с Мао Цзэдуном в декабре 1949 года во время его визита в Советский Союз (декабрь 1949 г. — февраль 1950 г.). Китай торжествовал победу. Под руководством Коммунистической партии народ вырвал власть из рук буржуазии и помещиков. Армии Чан Кайши оказались разгромлены. Страна ликовала, так как открылась возможность строить независимое государство, идущее по пути социалистических преобразований в экономике и общественной жизни.

Когда Сталин и другие советские руководители приветствовали лидера китайской компартии, то тем самым они отдавали дань уважения великому китайскому народу, которому

советские люди сочувствовали на всех этапах его борьбы против колониализма и внутренней реакции. Красное знамя взвилось в октябре 1917 года над Россией, и это событие оказало мощное воздействие на страны Востока, в том числе и на Китай. Национально-освободительное движение в нем приобретало все большую силу. А после разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии сила этого движения приумножилась, и в конечном счете китайская революция победила.

Мао Цзэдуна встретили в Москве в высшей степени дружественно. Кроме выражения взаимных симпатий и хозяева и гости готовились к тому, чтобы скрепить дружбу между двумя странами политическим договором.

Очень тепло прошел устроенный 14 февраля 1950 года в ресторане гостиницы «Метрополь» обед в связи с пребыванием Мао Цзэдуна в СССР, на котором присутствовало советское руководство во главе со Сталиным. Атмосфера на приеме царила торжественная.

Вместе с тем мне и не только мне, как участнику этих бесед и встреч, бросилось в глаза, что между двумя лидерами — Сталиным и Мао Цзэдуном разговоры завязывались, так сказать, с заминкой. Обменивались они несколькими фразами, разумеется, через переводчика, а затем наступала пауза, которая, однако, длилась далеко не минуту. Это отмечалось и за обедом, где два лидера сидели рядом.

Сидя напротив, с другой стороны стола, я пытался помочь им завязать разговор. Но особого успеха не имел, поскольку через переводчика все это выглядело как-то тяжеловесно. Главное, на мой взгляд, заключалось в том, что и Сталину и Мао Цзэдуну явно не хватало чего-то персонального, что помогало бы им в установлении необходимых контактов.

Видимо, только тонкий психолог, если бы он наблюдал эту сцену, мог бы дать какое-то близкое к истине определение состояния одного и другого руководителя. Но и в этом случае следует сделать оговорку. Когда объектом наблюдения являлись Сталин и Мао Цзэдун, то всякие обычные психологические трафареты все равно не смогли бы помочь разобраться в деталях и, видимо, ничего бы не дали.

После этой встречи у меня осталось чувство, что Сталин и Мао Цзэдун еще друг к другу «не притерлись». Однако этого мнения я никому из наших товарищей не высказывал, полагая, что, возможно, и ошибаюсь. Время, наверное, кое-что прояснит.

Лидия Дмитриевна на выходе из зала мне шепнула:

— Сталин и Мао Цзэдун почему-то мало разговаривали между собой.

А ведь она была их соседкой по столу и видела все великолепно.

Я ответил:

— У меня тоже такое впечатление.

На следующий день я услышал от других товарищей, что, по их мнению, за обедом у «большой двойки» не хватало сердечности. Через несколько дней атмосфера в общем не изменилась.

Тем не менее в Кремле 14 февраля 1950 года подготовленный договор торжественно подписали. Отношения между двумя державами превратились в отношения союзников, их общие интересы получили свое отражение в договоре.

Подписание договора ознаменовало собой крупный шаг на пути обеспечения безопасности не только Советского Союза и Китайской Народной Республики, но и безопасности на Дальнем Востоке, в Азии, да и в мире в целом. Этот Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи не был направлен против кого бы то ни было.

Позже, когда Китай занял иную позицию в отношении СССР, он, как известно, отказался продлить договор по истечении первого тридцатилетия.

На встрече с Мао

Небезынтересно отметить следующий факт, относящийся к истории советско-китайских отношений. Вскоре после победы революции в Китае и образования КНР китайская сторона предложила завершить переговоры между СССР и КНР о создании в северо-западной части страны — в провинции Синьцзянь — двух смешанных акционерных обществ: одно из них «Совкитнефть», а другое «Совкитметалл». Предстояло оформить достигнутое взаимопонимание.

Соответственно стороны договорились о том, что переговоры проведут специально назначенные делегации. Советскую делегацию поручили возглавить мне. Китайскую возглавлял синьцзянский деятель Сайфуддин. После нескольких встреч делегаций в Москве выяснилось, что китайская сторона фактически изменила свою позицию.

Когда я доложил о положении на Политбюро, Сталин сразу понял, что китайская сторона не желает сотрудничества. На заседании он крепко, с сильным резонансом высказался по этому поводу.

С учетом позиции китайцев советская сторона тоже внесла коррективы в свою позицию. Появилась брешь. Этот эпизод при создании советско-китайских смешанных обществ отнюдь не украшал в целом отношения между СССР и КНР. У советского руководства он оставил осадок.

Во второй раз Мао Цзэдун прибыл в Москву в ноябре 1957 года. Во время этого визита мне сообщили, что китайский лидер хотел бы встретиться со мной и поговорить по вопросам международной политики. Встреча эта состоялась в Кремле. Переводил беседу прекрасно знающий китайский язык О. Б. Рахманин, который уже тогда являлся специалистом по Китаю и одним из наших крупных международников.

С точки зрения сегодняшнего дня, несомненно, самую важную часть беседы представляли оценки, данные Мао Цзэдуном советско-китайским отношениям. По ходу беседы китайский руководитель по собственной инициативе от имени китайского народа заявлял:

— Я выражаю благодарность Советскому Союзу за экономическую помощь, за поддержку Китая на международной арене, в том числе и в вопросе о допуске КНР в ООН.

Он заверял:

— Китай никогда не пойдет на ухудшение отношений с Советским Союзом и будет совместно с вами выступать в борьбе

за мир.

Главные вопросы, которые интересовали Мао, состояли в следующем:

— Можно ли квалифицировать политику США, конкретно — администрации Эйзенхауэра, как агрессивную?

— Так ли уж США сильны в экономическом отношении, что с ними трудно бороться?

И по первому, и по второму вопросу разговор получился довольно пространным.

Я в ответах проводил такие мысли:

— Создание военного блока НАТО, а также многочисленных военных баз, разбросанных по всему миру, говорит отнюдь не о миролюбии США. О том же свидетельствует и отклонение администрацией Вашингтона всех советских предложений о разоружении и запрещении ядерного оружия.

Что касается экономических возможностей США и их экономического потенциала, — продолжал я, — то следует учесть, что США за годы войны во многом обновили промышленное оборудование, вывезли из Западной Германии многие лаборатории, созданные во времена «третьего рейха» при концернах и промышленных предприятиях. Это, конечно, еще больше увеличило их производственные и экономические возможности. Но такое положение вовсе не означает, что США находятся вне досягаемости и с ними нельзя успешно конкурировать. Социализму надо только раскрыть свои возможности. И он их раскроет, время такое придет.

Мао Цзэдун в целом высказывал те же мысли. Но говорил по-своему. Крылатое выражение «империализм США — бумажный тигр» ему нравилось, и он его со вкусом повторял. По ходу беседы я сказал:

— Американцы не прочь прихвастнуть, говоря о своих экономических возможностях, но от этой своей слабости они несколько отступают, когда их дом навещает старый, но жестокий гость — экономический кризис или его подобие.

Мао эту тему энергично подхватил, говорил о неизбежности экономических кризисов. Одним словом, по всему чувствовалось, что он знал раздел «Капитала» К. Маркса, относящийся к экономическим кризисам, и хотел, чтобы я знал о том, что он его знает.

Говоря конкретно о возможностях Китая в области развития промышленности, особенно металлургической, он выразился так:

— В ближайшие годы Китай уже сможет выплавлять ежегодно тридцать — тридцать пять миллионов тонн стали.

Когда беседа закончилась, я, как обычно, задал сам себе

вопрос:

— Что же превалировало в высказываниях Мао и что он хотел тем самым показать нам?

И я пришел к выводу, что в основном он хотел как бы взвесить вслух возможности Китая как великой державы, в частности в экономическом отношении. Желал он также знать, в пределах ли возможного не позволить империализму США диктовать свою волю другим, и прежде всего Китаю.

Вот и вел он со мной свою беседу так, чтобы мы, советские люди, знали о его взглядах на этот счет.

Инкогнито— в Пекин

Наиболее основательный материал для оценки взглядов Мао Цзэдуна по вопросам войны и мира, международной обстановки, политики американского империализма мне лично дала беседа с ним в августе 1958 года в Пекине. Советское руководство приняло решение, чтобы я, как министр, поехал в столицу Китая и побеседовал с Мао Цзэдуном по ряду вопросов, особенно в связи с напряженной обстановкой, которая сложилась тогда в отношениях между США и КНР из-за расположенных у побережья Китая островов. Китайское руководство охотно согласилось на этот визит. Ездил я тогда в Пекин инкогнито, то есть без объявления об этом через средства массовой информации.

В августе — сентябре 1958 года произошло серьезное обострение политической ситуации на Дальнем Востоке. Со стороны Соединенных Штатов Америки звучали откровенные угрозы в адрес КНР. В заявлении Даллеса от 4 сентября прямо указывалось, что в силу изменившейся обстановки на Дальнем Востоке и для обеспечения «безопасности» Соединенных Штатов президент США «полон решимости» предпринять «своевременные и эффективные» меры для сохранения позиций Чан Чайши, а следовательно и США, на Тайване и прибрежных островах.

Широко рекламировались воинственные настроения в США. В различных заявлениях подчеркивалась готовность американских военных прибегнуть к атомному шантажу — вплоть до бомбардировки объектов на территории КНР с использованием атомного оружия, решимость и впредь осуществлять конвоирование судов в пределах территориальных вод КНР.

Все это рассчитывалось и на военный шантаж, запугивание КНР, а также на подготовку населения США к возможным последствиям враждебной политики США в отношении КНР.

В послании главы Советского правительства президенту США от 7 сентября содержалось ясное предупреждение о непоправимых последствиях действий Вашингтона. Эти действия квалифицировались как вмешательство во внутренние дела Китая и как неоправданные с точки зрения международного права. Одновременно Советский Союз выражал готовность содействовать мирному урегулированию тайваньской проблемы и восстановлению законных прав КНР в ООН.

В моей пекинской беседе с Мао Цзэдуном главное место заняло рассмотрение вопросов, связанных с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке, особенно с положением, сложившимся вокруг островов, а также с политикой США в этом

районе, возможностью американской агрессии против Китая и координацией действий между СССР и КНР в политическом плане.

Общая тональность заявлений Мао Цзэдуна была такова, что уступок американцам делать не следует и надо действовать по принципу «острие против острия».

— Верно, — говорил он, — что США могут пойти на авантюру — на развязывание войны против КНР. Китай должен считаться и считается с такой возможностью. Но капитулировать он не намерен!

Развивая эти мысли и подчеркивая необходимость взаимодействия СССР и Китая как союзников, Мао Цзэдун высказался далее следующим образом:

— Если США нападут на Китай и применят даже ядерное оружие, китайские армии должны отступать из периферийных районов в глубь страны. Они должны заманивать противника поглубже с таким расчетом, чтобы вооруженные силы США оказались в тисках у Китая.

Мао Цзэдун далее давал как бы советы руководству СССР, что надо делать:

— В случае возникновения войны Советский Союз не должен давать на ее начальной стадии военный отпор американцам основными своими средствами и таким образом не мешать им проникать все глубже внутрь территории китайского гиганта. Лишь затем, когда американские армии оказались бы в центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами.

До данной беседы я знал о многих заявлениях Мао Цзэдуна по вопросам войны и мира, об американском империализме. Но впервые непосредственно услышал высказывания, которые крайне удивили меня не только своей «оригинальностью», но и «легкостью», с которой он излагал чуть ли не схему агрессии США против Китая с применением ядерного оружия, и то, как с этой агрессией бороться. Я в соответствующей форме дал понять:

— Изложенный сценарий войны не может встретить нашего положительного отношения. Я могу это сказать определенно.

На этом обсуждение военно-стратегических вопросов закончилось.

Нечто похожее высказывал Мао Цзэдун — и поразил всех, кто его слушал, в том числе меня, — на международном форуме братских партий 1957 года в Москве. Одним словом, он оставался и там самим собой. Это показывает, какая большая дистанция уже тогда отделяла Мао Цзэдуна от взглядов и политики социалистических государств — участников Варшавского

Договора и подавляющего большинства братских партий.

В октябре 1959 года Пекин посетила советская партийно-правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым, в состав которой входили секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, секретарь ВЦСПС Т. Н. Николаева, я, как министр иностранных дел, и другие товарищи. Беседы с Мао Цзэдуном и другими членами руководства Китая еще раз подтвердили тот факт, что между двумя странами имеются разногласия.

Советский Союз, советское руководство, как об этом неоднократно заявлялось, не желали ухудшения советско-китайских отношений. Делалось все возможное, чтобы уберечь достигнутое в их развитии. Но было видно, что руководство другой страны взяло стратегическую линию на расстройство этих отношений.

Нелишне добавить к сказанному несколько слов о Мао Цзэдуне как человеке. Если отвлечься от его теоретических установок, от его мировоззренческих концепций и особых взглядов в политике, то перед вами предстанет человек в общем любезный и даже обходительный. Мао понимал шутку, и сам к ней прибегал. Старую китайскую философию он считал своим родным домом, основательно ее штудировал и говорил об этом. Со знанием ссылался на авторитеты.

Мао Цзэдун уважал собеседника, который мог с ним потягаться в обсуждении проблем. Но когда дело доходило до острых вопросов политики, то у него на лице появлялась маска. Мао тут же становился другим человеком. На моих глазах в Пекине он просидел весь обед рядом со своим главным гостем — Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов. Мои усилия и в какой-то степени усилия китайского министра Чень И положения не выправили.

Хочу особо отметить большую и кропотливую работу, которую проводил в КНР в те годы советский посол С. В. Червоненко. И тогда, и впоследствии на посту посла в ЧССР, а затем во Франции он проявил себя с самой положительной стороны как один из опытнейших и способных дипломатов нашей страны.

Довелось мне встречаться и наблюдать, что называется, с близкого расстояния таких деятелей КПК и КНР, как Лю Шаоци и Чжоу Эньлай. Оба они на протяжении длительного времени играли очень видную роль в политической жизни Китая, считались опорой Мао.

Бессменно, с момента создания КНР в 1949 году и по 1976 год, пост премьера китайского правительства занимал Чжоу Эньлай. Вместе с Мао Цзэдуном он приезжал в Москву,

участвовал в январе — феврале 1950 года в советско-китайских переговорах и от имени правительства КНР подписал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНР.

Затем я неоднократно встречался с Чжоу Эньлаем. В частности, это было в 1954 году во время работы Женевского совещания по Индокитаю. Позже мы встречались в ходе советско-китайских переговоров, состоявшихся в 1959 году, когда в Пекин прибыла советская делегация в связи с 10-летним юбилеем образования КНР, и в 1964 году в Москве, где Чжоу Эньлай находился на праздновании 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Не могу не сказать о том сильном впечатлении, которое произвел на меня в те годы Дэн Сяопин. Мне не приходилось встречаться с ним один на один, но несколько раз я присутствовал на форумах, где он в китайской делегации играл руководящую роль.

Особенно запомнилось его выступление на международной встрече братских партий в Бухаресте в 1961 году. Советскую делегацию на этой встрече возглавлял Н. С. Хрущев. Я в состав нашей делегации не входил, но выезжал в Бухарест для согласования с Хрущевым ряда неотложных внешнеполитических вопросов.

Хрущев высказал пожелание, чтобы я задержался и поприсутствовал на совещании. Я это, конечно, сделал.

Помню выступление Дэн Сяопина. В нем содержались места, которые Хрущев явно не одобрял. Но я обратил внимание на то, с какой основательностью Дэн Сяопин приводил аргументы в защиту принципиальной позиции китайского руководства в вопросах международной политики. Не во всем можно было тогда согласиться с главой китайской делегации, но Хрущев не нашел убедительных доказательств в защиту иной позиции. Он в какой-то степени давал простор эмоциям. Дэн Сяопин, напротив, не горячась и с достоинством строил аргументацию и отстаивал ее, вкладывая в здание своей речи доводы, как добротные кирпичные блоки.

Я ушел с этой встречи с убеждением, что Дэн Сяопин — это «крепкий орешек». Вся его последующая деятельность как бы подтверждает впечатление, которое тогда составилось у меня в результате наблюдений за Дэн Сяопином на международных встречах.

Та позиция, которую занимает Советский Союз, КПСС в отношении Китая, — это линия на нормализацию советско-китайских отношений. Нами всегда подчеркивалось, что улучшение этих отношений явилось бы крупным событием,

отвечающим интересам СССР и Китая, социализма в целом, интересам мира во всем мире.

Вопросы советско-китайских отношений, а также некоторые международные проблемы обсуждались в принципиальном плане во время двух моих бесед с членом Государственного совета, министром иностранных дел КНР У Сюецянем, состоявшихся в сентябре 1984 года в Нью-Йорке, где я находился в качестве главы советской делегации на XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В этих беседах от имени Советской страны я высказал такое мнение:

— Мы считаем, что перспективу отношений между СССР и Китаем необходимо постоянно держать в поле зрения. Вместе с тем надо думать о том, что целесообразно предпринять для улучшения этих отношений, чтобы добиться положительного перелома в их развитии. Вряд ли можно обсуждать вопрос о каких-либо шагах по выравниванию советско-китайских отношений вне связи с современным положением на международной арене. Ведь мы — СССР и Китай — крупные страны, влиятельные государства, которые не могут стоять и не стоят в стороне от происходящих в мире событий.

— Ныне есть все основания констатировать, — продолжал я, — что обстановка на мировой арене сложная. Силы империализма стремятся к достижению военного превосходства, с позиции которого они хотели бы диктовать свою волю другим странам и народам. Они объявляют «крестовый поход» против социализма, пытаются потеснить его, а то и больше. При этом не в последнюю очередь делается упор на то, чтобы противопоставить социалистические страны друг другу.

А вывод с моей стороны формулировался следующим образом:

— Перед лицом этого курса в мировой политике приобретает еще более важное значение укрепление единства социалистических государств, их совместных действий в целях упрочения международных позиций социализма. Высшие интересы социализма совпадают с высшими интересами мира. Оздоровления политического климата в мире, упрочения устоев безопасности можно было бы добиться легче и надежнее, если бы существовала большая степень не только взаимопонимания, но и сотрудничества между СССР и Китаем. Мы — за это.

Мой собеседник трактовал существующую в мире напряженность по-другому:

— Она является результатом стремления и СССР и США к достижению военного превосходства друг над другом.

Утверждая, что нормализация китайско-советских отношений, восстановление дружбы и добрососедства между двумя странами — это одна из основных политических установок нынешнего руководства КПК и КНР, У Сюецянь фактически повторил отстаиваемую в течение ряда лет китайской стороной точку зрения, согласно которой достижение позитивных перемен в этих отношениях находится в прямой зависимости от выполнения Советским Союзом выдвинутых Китаем известных условий, затрагивающих, в частности, и интересы третьих стран — Вьетнама, Кампучии, Афганистана, МНР.

По этим и другим обсуждавшимся вопросам пришлось давать собеседнику соответствующие разъяснения. Я также подчеркнул:

— Мы считаем важным, чтобы контакты советских и китайских представителей продолжались.

У Сюецянь положительно реагировал на это.

Немало сделал для того, чтобы в течение нескольких лет эти контакты не ослабевали, искусный и тонкий советский дипломат академик Л. Ф. Ильичев, который регулярно летал в Пекин и принимал китайских представителей в Москве. Несомненно, стоит сказать самые добрые слова в адрес крупного советского синолога и способного дипломата М. С. Капицы, который великолепно знает язык, историю, культуру Китая и внес свой вклад в развитие отношений с нашим великим восточным соседом.

В последнее время произошло некоторое улучшение в советско-китайских отношениях. Выступая во Владивостоке 28 июля 1986 года, М. С. Горбачев отмечал, что наметился положительный сдвиг в экономических связях. Обе стороны решают вопросы совместного использования богатейших ресурсов бассейна Амура, строительства железной дороги Синьцзян — Уйгурский автономный район — Казахстан, китайской стороне предложено сотрудничество по космосу. Эти и другие проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. В деловой и благоприятной атмосфере продолжаются переговоры по пограничным вопросам.

Убежден: все, что бы ни происходило в отношениях между Советским Союзом и КНР, имеет историческое значение. Масштабность стран, их ресурсы, их богатая культура, традиции добрых отношений в недалеком прошлом — все это весомо заставляет думать о пользе добрососедства и дружбы.

Глава XII
ЕЩЕ О СОСЕДЯХ И ДРУЗЬЯХ

Страна восходящего солнца. Вот она — Фудзияма. Извинения премьер-министра. Суждения японских деятелей. Киото и чайная церемония. Японский феномен. Следя за изгибами мысли. Знамя независимости над Индонезией. Сукарно — политик и человек. Пробил час и для Филиппин. Призыв СССР покончить с колониализмом. Новые горизонты Африки. Кваме Нкрума и Секу Туре. Лидер эфиопской революции Менгисту Хайле Мариам. Подвиг Сальвадора Альенде. Солидарность с Никарагуа. С долей взаимного магнетизма.

Научно-технический прогресс невероятно быстро сократил расстояния. Еще в начале века человек, уезжавший из России от нужды на заработки в Австралию или Канаду, казалось, отправлялся на другую планету и добирался туда многие недели, даже месяцы. Теперь на современном воздушном лайнере то же расстояние покрывается менее чем за сутки. А космонавты на своих кораблях и станциях огибают Землю по орбите вообще за считанные часы и минуты.

Уменьшился, как бы съежился шар земной для человека. Вот и получилось, что все люди на нем в известной степени соседи.

Страна восходящего солнца

В Сан-Франциско собралась конференция (4–8 сентября 1951 г.), на которой Вашингтон представил угодный ему проект мирного договора с Японией.

Советскую делегацию на этой конференции поручили возглавлять мне.

Подход СССР к этому вопросу состоял в том, чтобы заключить с Японией действительно демократический мирный договор, отвечающий интересам мира, и он продемонстрировал этот подход.

Делегация изложила принципы, на которых должен основываться этот договор и осуществление которых содействовало бы установлению прочного мира на Дальнем Востоке. Но США позиции, занятой администрацией Трумэна, не изменили. Поэтому Советский Союз отказался от подписания представленного США проекта мирного договора с Японией, и наша страна убедительно аргументировала свой отказ.

— Этот договор, — говорил я от имени СССР, — противоречит согласованным решениям союзных держав, не гарантирует безопасности стран, пострадавших от японской агрессии, игнорирует их законные требования, создает условия для возрождения японского милитаризма, что чревато тяжелыми последствиями для народов.

Сразу же после официальной церемонии подписания Сан-Францисского мирного договора США и Япония заключили между собой «Договор безопасности», который закреплял на многие годы американское военное присутствие в Японии и превращал эту страну в военно-стратегический плацдарм США на Дальнем Востоке.

Активную роль в подготовке сепаратного мирного договора с Японией играли тогдашний государственный секретарь США Д. Ачесон и Дж. Ф. Даллес, который являлся в то время советником государственного департамента. Они оба приложили немало усилий к тому, чтобы протащить на конференции вопреки возражениям Советского Союза этот договор, который вместо того, чтобы стать по-настоящему мирным, в действительности являлся документом, отвечавшим узким военно-стратегическим целям США.

Однако даже этот сыгранный дуэт оказался не в силах противостоять требованию СССР об отказе Японии от всех прав и претензий на южную часть Сахалина и Курильские острова. Авторитет советско-американской договоренности по данному

вопросу, достигнутой во времена президента Рузвельта, не позволил это сделать. Тем не менее, вопреки взятым на себя США и Великобританией по Ялтинскому соглашению обязательствам и исторической справедливости, в Сан-Францисском договоре не указали, что эти острова возвращаются Советскому Союзу как его исконные земли. В договоре зафиксировано, что они лишь отходят от Японии.

Приведенный факт красноречиво характеризует тогдашнего президента Трумэна и его окружение, которые и в этом совершенно ясном вопросе поставили задачу предпринять в отношении СССР враждебный акт большого масштаба, а заодно устроить шабаш ведьм на могиле Рузвельта. Они, конечно, знали, что подобный выпад против СССР ни на йоту не поколеблет ни советскую позицию, ни наши законные права. Но им нужно было наступить на ногу своему бывшему союзнику не только по войне с гитлеровской Германией, но и с милитаристской Японией.

То, что отношения Советского Союза с Японией в период 1945 года развивались неровно, — открытая для всех книга. Периоды относительного потепления в них сменялись длительными фазами застоя, а нередко похолодания и даже обострения. Происходило это отнюдь не по нашей вине. Мы всегда выступали и выступаем за добрососедство и взаимовыгодное сотрудничество с Японией.

Неровность советско-японских отношений — прямой результат зигзагообразности японской политики, нежелания Токио считаться с реальностями, сложившимися после второй мировой войны.

В эти годы в политике Японии в изобилии присутствовали элементы и резона и фальши. А тенденция была такова, что временами резона оставалось все меньше, а фальши становилось все больше.

Оставшийся открытым вопрос нормализации отношений с нашей страной не мог не волновать японскую общественность. В Японии ширилось движение за улучшение отношений с СССР. Оно стало довольно активным в 1954–1956 годах. В то время у власти находилось правительство Итиро Хатоямы, которое, руководствуясь национальными интересами Японии, поставило своей целью восстановить нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом.

В результате почти двухлетних переговоров 19 октября 1956 года в Москве стороны подписали Совместную декларацию СССР и Японии о прекращении состояния войны между двумя государствами и о восстановлении дипломатических и консульских отношений. В совместную декларацию вошли

практически все вопросы, которые обычно составляют основу мирного договора. Однако договор, как таковой, не заключен и до сих пор ввиду нереалистического подхода японской стороны, которая не желает считаться с ситуацией, сложившейся в итоге второй мировой войны.

Но факт подписания советско-японской декларации, на которое пошло правительство Хатоямы, безусловно, свидетельствовал о дальновидности этого государственного деятеля. При нем страна тем самым сделала попытку в какой-то мере проводить самостоятельную внешнюю политику.

Новое положение нашло отражение и в ряде конкретных шагов Японии в отношении СССР. Японское руководство, хотя и не снимало надуманного территориального вопроса, тем не менее не ставило в прямую зависимость от его решения весь комплекс отношений между Японией и СССР. В тот период развитие наших связей нередко прерывалось вспышками антисоветизма в Японии. Решение многих вопросов двустороннего сотрудничества затягивалось по вине японской стороны, воздвигавшей различные искусственные барьеры по пути этого сотрудничества.

Со временем все рельефнее начала проявляться тенденция к снижению уровня самостоятельности в японской внешней политике и усилению подчинения Японии глобальным интересам США. В Токио стали выискивать всякого рода предлоги, чтобы притормозить, а то и повернуть вспять отношения с Советским Союзом.

В период сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1976 года у меня состоялась беседа с тогдашним министром иностранных дел Японии Дзэнтаро Косакой.

Наше мнение излагалось откровенно, и при этом подчеркивалось:

— Отношения между СССР и Японией должны строиться на основе порядочности и добрососедства. Такова позиция нашей страны. И она строго будет ею руководствоваться.

Вот она — Фудзияма

Мне трижды — в 1966, 1972 и 1976 годах доводилось бывать в Стране восходящего солнца. Каждый раз навстречу советскому авиалайнеру бежала японская красавица — гора Фудзияма. Постепенно под нами вырастал город, у которого, кажется, нет границ. Пассажиры при посадке самолета не отрываются от иллюминаторов и смотрят вниз с огромным вниманием и неподдельным интересом.

Если говорить об общем виде Токио, то высотных домов-небоскребов в нем не так уж много. В основном он состоит из малоэтажных домов. Что касается улиц, переулков, то с самолета их рассмотреть почти невозможно — такие они узкие, хотя их и множество. Ночью только по огням можно догадаться, что в таком-то направлении, видимо, проходит большая улица… Днем за пестротой рекламы эту улицу трудно различить. Если к этому добавить, что улицы и переулки часто не имеют названий и даже нумерации, то можно себе представить, в каком положении оказывается человек, особенно иностранец, который не знает города, но которому нужно найти какой-то конкретный дом в Токио.

Японские официальные лица встречают гостей по всем правилам вежливости и конечно же с учетом международного протокола. По пути в резиденцию мы с любопытством всматривались и в лица людей, и в бесконечные изломанные, запутанные улицы и переулки, стараясь хоть немного почувствовать, что такое столица Японии.

Когда едешь из аэропорта в отель, то проезжаешь — и не один раз — по эстакадам с двойными и даже тройными, одна над другой, развязками. Глядя на эти сложные транспортные сооружения, чувствуешь, что находишься в центре индустриальной страны.

Отель «Отани», в котором нас разместили, — ультрасовременное здание, с вращающимся этажом, куда хозяева любят приглашать гостей на завтрак, обед или просто для обозрения панорамы города.

Визиты в Японию позволили мне познакомиться с этой страной. Правда, целью моих визитов являлись встречи и беседы с государственными деятелями, поэтому и познавать приходилось Японию в основном через политическую призму. Но были и поездки по стране.

Вообще говоря, у меня было много встреч с представителями Японии в ходе их визитов в Москву, а моих — в Токио. Трижды

встречался я с императором Японии. Мне доводилось беседовать и вести переговоры с премьер-министрами Японии. Это — Итиро Хатояма, Какуэй Танака, Эйсаку Сато, Такэо Фукуда, Такэо Мики, Ясухиро Накасонэ. Моими собеседниками являлись также министры иностранных дел Энусабуро Сиина, Киити Аити, Масаеси Охира, Тосио Кимура, Киити Миядзава, Дзэнтаро Косака, Сунао Сонода, Масаеси Ито, Есио Сакураути, Синтаро Абэ и другие видные японские деятели.

Обращаясь к встречам и беседам с ними, еще раз убеждаюсь в том, что, несмотря на существовавшие между нами различия и расхождения во мнениях по ряду вопросов, они завершались, как правило, полезными результатами. Отмечу, что когда у японских участников присутствовали понимание важности этих контактов для советско-японских отношений и соответствующее желание, то по некоторым вопросам удавалось находить общий язык и даже достигать договоренностей.

Извинения премьер-министра

К числу крупных государственных деятелей Японии следует отнести Эйсаку Сато. Он был премьер-министром в течение восьми лет — с ноября 1964 года по июль 1972 года.

В послевоенной Японии премьер-министры менялись довольно часто. Как правило, смена руководства японским правительством происходила через каждые два-три года. Что касается Сато, то он являлся своего рода чемпионом по продолжительности пребывания на посту премьер-министра, за который он стойко и, надо сказать, с умением держался. Уже этот факт говорит о его влиянии в политических кругах страны.

Встречался я с Сато во время визитов в Японию. В беседах с ним чувствовалось, что он стоял ближе к пониманию необходимости для Японии поддерживать добрососедские отношения с СССР, чем ряд других политических деятелей, как предшествовавших ему, так и следовавших за ним на посту премьер-министра. Именно в это время мы подписали ряд советско-японских соглашений, которые в известной мере укрепляли договорную основу наших связей. Можно назвать, в частности, советско-японскую консульскую конвенцию, соглашение о прямом воздушном сообщении и некоторые другие.

Конечно, и Сато поднимал вопрос о так называемых «северных территориях». Но он понимал, что непомерный «аппетит» — это одно дело, а возможность его утолить — совсем другое.

Встречи с Сато проходили в общем корректно. Он никогда не пытался обострять беседу, пускаясь в рассуждения относительно обоснованности японских претензий к Советскому Союзу. Сато больше подчеркивал необходимость налаживания отношений по тем линиям, по которым можно это сделать.

Иногда мне приходила в голову даже такая мысль: «Может быть, у Токио возобладает реалистический подход к развитию советско-японских отношений?» Но, к сожалению, в Японии все еще имеет место нехватка в деятелях, которые склонялись бы к реализму во внешних делах.

Думается, стоит рассказать об одном эпизоде, относящемся к визиту в Японию в 1972 году. Возвратившись в Токио из поездки в некоторые другие японские города, я пришел на запланированную беседу к Сато. Меня сопровождал посол СССР в Японии О. А. Трояновский.

Войдя в кабинет премьер-министра, мы сразу заметили, что Сато чем-то обеспокоен. Что случилось, мы не знали. Когда же

заняли места для беседы, премьер старался всячески подчеркнуть предупредительность и внимание по отношению к нам. А затем он сказал:

— Прежде чем мы приступим к обсуждению интересующих обе стороны вопросов, я хотел бы принести вам, господин министр, свои извинения в связи с тем, что на пути следования вашей машины с токийского вокзала перед ней взорвалась бомба. К счастью, вы и ваши спутники не пострадали, но я чувствую себя неловко и поэтому приношу извинения за случившееся.

Я ответил:

— Да, мы с супругой уловили какой-то необычный треск, когда наша машина проезжала на одном из участков дороги мимо находившейся в каком-то возбуждении небольшой группы людей. Среди них были и полицейские. Они что-то предпринимали в отношении человека в гражданской одежде.

Лидия Дмитриевна и я тогда в машине смолчали, а сопровождавший нас заместитель министра иностранных дел Японии и водитель машины сделали вид, что они не обратили внимания на происходящее.

Премьер-министр продолжал извиняться. А я в свою очередь успокаивал его:

— Господин Сато, вы напрасно волнуетесь, ведь все обошлось благополучно.

Премьер с удовлетворением воспринял мои слова. Наша встреча вошла в нормальную колею.

Когда я уже прибыл в Москву, то Л. И. Брежнев сказал мне:

— Иностранные информационные агентства успели передать тревожные сообщения о происшествии, будто бы случившемся с машиной советского министра. Потом все прояснилось.

Суждения японских деятелей

Встречи и переговоры в Токио, состоявшиеся во время моего визита в 1972 году, оказались полезными. Их итоги свидетельствовали о желании обеих сторон содействовать развитию советско-японских отношений.

В беседе с премьер-министром Сато я подчеркивал: — Интересам наших народов отвечало бы такое положение, при котором Советский Союз и Япония имели бы не просто дружественные отношения — хотя и эта формула весьма богатая по содержанию, — а добрососедские в полном смысле этого слова. Вот почему мы активно выступаем за углубление торгово-экономических, научно-технических и культурных связей с Японией, за непрерывность политических контактов и регулярность встреч между советскими и японскими государственными деятелями. И нет никаких оснований опасаться того, что улучшение отношений СССР с Японией будет происходить за счет ущемления законных интересов третьих стран.

Этот политический деятель Японии умел слушать. Его манера участвовать в беседе внушала уважение. В то же время Сато высказывался и так:

— Япония порвала с милитаризмом. Хочу сослаться при этом на конституцию и принятые на ее основе законы. Положение теперь не похоже на прежнее.

В такие моменты я не мог освободиться от мысли: «Так ли в самом деле думает японский премьер, как он говорит?»

История закрепила в сознании нашего народа настороженность к заявлениям о благих намерениях, с которыми выступают политики этой страны. Известно вероломное нападение Японии в 1904 году на Порт-Артур, которое привело к началу русско-японской войны. Известны события у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, когда японские милитаристы втайне подготовились и неожиданно решили испытать прочность советских границ. Известен и внезапный удар японской авиации по американской военно-морской базе в Перл-Харборе.

Не может не настораживать и тот факт, что в последние десятилетия на японской территории созданы и остаются американские военные базы. А это значит, что Япония не совсем свободна делать выбор, в каком направлении строить свою политику, — в направлении мира или в том, которое ей будет навязано извне.

Диссонансом с позитивным духом заявлений общего порядка,

которые делались с японской стороны, в том числе в ходе моих визитов в Японию, звучали высказывания и премьеров, и министров иностранных дел этой страны по некоторым конкретным вопросам отношений с Советским Союзом. Как правило, главное место здесь все более отводилось так называемым «территориальным претензиям» к СССР.

Не все в Японии выбросили из головы территориальные амбиции, представляющие собой анахронизм в японской политике по отношению к СССР. Потому одной из основных целей контактов и переговоров с руководящими деятелями Японии и сегодня остается внушить мысль: чем скорее избавятся от этих амбиций те круги, которые определяют политику Токио, тем лучше будет и для Японии, и для мира в целом.

По убеждению Советского Союза, трезвость должна быть константой, а не преходящим явлением японской внешней политики. Будущее Японии, ее независимое существование лежат не на путях экспансии и реванша, а мирного сотрудничества со всеми странами и не в последнюю очередь с соседними. В историческом плане перед Японией стоит задача не допустить, чтобы петля, наброшенная на ее шею военными соглашениями с США, удушила эту страну как самостоятельное государство.

От имени советского руководства и по его поручению я, как министр иностранных дел СССР, излагал эти мысли японским деятелям на всех уровнях во время визитов в Токио. Это же в той или иной форме доводилось советскими руководителями до сведения премьеров и министров иностранных дел Японии, когда они посещали с визитами Советский Союз.

Среди видных государственных и политических деятелей Японии следует выделить Такэо Фукуду, занимавшего ключевые посты в правящей либерально-демократической партии и в правительстве, в том числе премьер-министра, заместителя премьер-министра, министра иностранных дел, министра финансов и др. Он играл важную роль в руководстве внутренней и внешней политикой Японии в шестидесятые — семидесятые годы.

Фукуда является одним из состоятельных людей Японии, имеет широкие связи с деловыми кругами страны. По своим взглядам он — консерватор, сторонник тесного сотрудничества между Японией и США. В пору своего активного участия в политической жизни страны Фукуда пользовался в руководящих кругах Японии репутацией уравновешенного и даже гибкого деятеля, хорошо разбирающегося в экономике и внешнеэкономических проблемах.

В ходе своих визитов в Токио в 1972 и 1976 годах я имел ряд

бесед с Фукудой. Должен отметить здравость суждений собеседника по ряду вопросов. Так, например, он подчеркивал:

— Япония и СССР имеют много общих экономических интересов. Японии необходимо широкое, основанное на взаимопонимании и доверии развитие советско-японских связей.

Хорошее суждение высказал этот официальный представитель Японии. Остается только действовать. Однако практическая политика Японии во многом расходится с мыслями, которые высказал Фукуда.

На протяжении всего послевоенного периода во время бесед с руководящими деятелями Японии представители соответствующих советских ведомств неизменно подчеркивали значение расширения сотрудничества двух стран в экономике, — особенно рыболовстве, — торговле и других областях. Внимание японской стороны обращалось на то, что такое сотрудничество во многом способствовало бы «потеплению» советско-японских отношений в целом.

Этот подход совпадал с настроениями в деловых кругах Японии. Там никогда не угасал интерес к развитию отношений с СССР. Происходило и так, что перепады в политических отношениях с нашей страной, в основном навязываемые Японии извне, сковывали развитие советско-японских экономических и торговых связей. Да и сейчас эти связи отнюдь не свободны от таких влияний.

Одну особенность внешней политики Японии стоит отметить и сегодня. В то время как эта страна в области экономики, особенно промышленности и техники, быстро развивается, в области внешних дел она проявляет заметную инертность. Ее все больше тянет в трясину прежних экспансионистских концепций. А то «новшество», которое она вносит в свою международную политику и которое находит выражение в приобщении к стратегии НАТО, представляет собой какой-то уродливый излом для Японии как независимой страны. И уже совсем иронией отдает от попыток определенных кругов страны заставить японцев забыть о той страшной трагедии, название которой Хиросима — Нагасаки. Советское руководство никогда не пыталось злоупотреблять ссылками на эту трагедию в стремлении показать, что в борьбе за свое мирное будущее Японии не по пути с милитаристским курсом в политике.

С советской стороны при обмене мнениями мы всегда указывали:

— Важно заключить мирный договор между СССР и Японией. Необходимо, однако, чтобы Япония не выдвигала заведомо неприемлемых условий для подписания этого договора.

Принимая во внимание, что Япония пока не готова пойти на заключение мирного договора, Советский Союз предложил:

— Не отказываясь от дальнейших переговоров по этому договору, обсудить вопрос о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве, который придал бы советско-японским отношениям стабильный характер.

Японская сторона не проявила положительного отношения к этой альтернативе. Путь к ней тем не менее не закрыт. Заключение такого договора не ущемляло бы законные интересы третьих государств — ни близких, ни далеких.

Полностью остается в силе и наше предложение достичь соглашения, по которому СССР гарантировал бы неприменение ядерного оружия против Японии, а японская сторона обязалась бы строго и последовательно соблюдать свой безъядерный статус.

Современные отношения между СССР и Японией наглядно свидетельствуют о том, что именно курс на добрососедское сотрудничество приносит пользу народам обеих стран. И напротив, отход от такого курса ведет к сокращению взаимовыгодных связей, усиливает отчужденность и недоверие друг к другу.

Киото и чайная церемония

Каждый из руководящих деятелей Японии, с которыми мне приходилось встречаться, имел свои особенности, да и вес в политической жизни страны они имели разный. Но почти все принадлежали или принадлежат к той когорте людей, которая стоит у кормила политики и определяет ее стратегию.

Что касается встреч и бесед с императором, то мои собственные впечатления не отличаются от мнений зарубежных представителей, которые встречались с главой японского государства. Встреча каждый раз организовывалась в соответствии с японским протоколом. Никакими помпезными церемониями или приемами эти встречи не обставлялись. Можно даже сказать, что в императорском дворце мы встретили наиболее демократические порядки. Въехали через ворота на сравнительно большую территорию в середине Токио. Первое впечатление — абсолютная тишина. Такое чувство, что ты попал в глухую тайгу. Движение транспорта в прилегающем к резиденции императора районе спланировано таким образом, что совершенно не ощущаешь его близости. Повсюду газоны, ухоженные по английскому образцу. Сам дворец невысокий — не выше двух этажей, по крайней мере в большей своей части. Весь он деревянный — видимо, так повелевает японская традиция. Никакими лифтами нам не пришлось пользоваться, и похоже, что выше первого этажа мы не поднимались.

Визиты мы наносили вместе с Лидией Дмитриевной в сопровождении переводчика Л. А. Чижова. Принимал нас император также с супругой и своим переводчиком. Аудиенции продолжались примерно час. Разговор не выходил за рамки обсуждения тем, связанных с географией, культурой, человеческими контактами, и общих высказываний о желании обеих стран жить в мире и добрососедстве.

По манере вести беседу и по тому, как держали себя император и императрица, чувствовалось, что они имеют немалый опыт общений с зарубежными деятелями. Только с ними не стоило касаться конкретных проблем и пускаться в обсуждение «высших материй». И по содержанию, и по тону беседы были дружественными. Они велись в просторной гостиной, да и все комнаты, которые нам довелось увидеть во дворце, представлялись довольно большими с деревянными, без ковров, полами. Паркет отсутствовал.

Мы не заметили, чтобы японцы группами или в одиночку останавливались у ворот дворца и вообще рассматривали его как

некую диковинку. Видно было, что времена, когда японцы обожествляли императора, миновали.

Вовсе не удивляло, что ни один японский деятель, с которым приходилось беседовать, не делал ссылок на императора, на его взгляды, на его мнение по тому или иному вопросу. Вероятно, символ государства и вся светская жизнь монарха и его семьи отделены от политики солидным барьером в соответствии с традициями.

Попав в Японию, нельзя отказаться посмотреть некоторые другие, помимо Токио, города страны, нельзя не посетить ее предприятия. Для таких поездок оставалось обычно мало времени, и все они поэтому были похожи в известном смысле на круговерть. Мы считали не только часы, но и минуты. Однако все же удалось побывать в Осаке, Иокогаме, Киото, Нагое и Тойоте.

В Осаке посетили судостроительное предприятие, а в Иокогаме — завод телевизионного и радиооборудования. Когда осматривали завод, то я обратил внимание на то, что почти все работающие очень молоды и большинство из них — женщины. Они с любопытством поглядывали на проходящих гостей. Но старались делать это украдкой, чтобы не заметил мастер.

С большим интересом ознакомились с древней столицей Японии — Киото. Японцы говорят об этом городе с уважением. Для них он нечто вроде того, чем для нас является Киев — столица Древней Руси.

В Киото для нас в духе старинных традиций устроили церемонию угощения чаем, которая отличается особой изысканностью. Ведь для японца чай и цветы — предметы неизменного почитания, почти культа. Чайная церемония произвела впечатление. Если хозяева хотели продемонстрировать что-либо необычное, то они не ошиблись в своем выборе, и это им полностью удалось.

В городском парке Киото, где почти не было людей, нам показали также старый императорский дворец. Он хорошо сохранился. Подошли к нему, и здесь один из местных сопровождающих нас по секрету предупредил:

— Скоро вы услышите и увидите нечто необычное.

Это «нечто необычное» состояло в том, что, когда проходишь через огромную террасу дворца, ее пол в силу каких-то конструктивных хитростей «поет». Он издает звуки, представляющие собой

нечто среднее между басовыми аккордами рояля и скрипом несмазанных колес телеги.

— Удивительно хитроумно создавали этот дворец древние японские строители, — сказал я. — Добротно работали и, как у

нас говорят, с песней.

В том же парке мы осмотрели и воспроизведенные в миниатюре некоторые реки Японии, мосты через них и прочие сооружения. Все сделано с соблюдением соответствующих пропорций и выполнено мастерски. Если абстрагироваться от того, что ты находишься в парке и перед тобой просто миниатюры, то невольно создается впечатление, будто наблюдаешь реальные объекты. Это иллюстрация того, что может сделать человек, обладающий чувством красоты и воображением.

Японский феномен

Мало найдется людей, кого не интересовала бы Япония. В современном мире она в известном смысле феномен. После второй мировой войны эта страна совершила в экономике и технике настоящий прыжок. Разные тому имеются толкования и объяснения. Причем люди иногда так увлекаются, что в их рассуждениях на этот счет остается мало чего объективного.

Говорят, например, что успехи Японии объясняются тем, что японцы — люди особого склада характера, что они подходят ко всему скрупулезно, склонны к тонкой, кропотливой работе. Отсюда, мол, у них тяга к электронике и другим отраслям производства, требующим особой точности.

Однако если взглянуть на этот феномен, обращаясь к историческим фактам и к жизни, то вырисовывается такая картина. В период, последовавший за поражением в войне, в которую Японию вовлекла милитаристская клика, эта страна свела к минимуму военные расходы. Почти все, что она производила, было мирной продукцией. И вовсе не праздным вытекает из этого факта вопрос:

— Намного ли отставали бы от Японии другие государства, которые в послевоенный период по разным причинам огромную долю своих материальных ресурсов направляли на военное производство, если бы они этого не делали и развивали бы тоже только мирные отрасли экономики?

Вполне возможно, я беру на себя смелость утверждать, что ничуть не отставали бы. А если и отставали бы, то ненамного.

Казалось бы, из этого можно сделать очевидный вывод прежде всего для самой Японии. Он состоит в том, что страна, если она желает успешно развиваться и впредь, не должна становиться на дорогу милитаризации — ни в одиночку, ни в компании с другими государствами.

Увы! Этот вывод так далек от политического мышления тех, кто сегодня направляет японскую политику, в том числе внешнюю, как далека Земля от Солнца. Не любят современные политические деятели Японии делать подобный вывод, а тем более популяризировать его в народе. Судя по всему, это не отвечает их умонастроениям.

Теперешнее японское руководство взяло курс на наращивание военного потенциала страны, подключает ее к глобальной стратегии конфронтации, которая в течение многих лет навязывалась извне. Не хотелось бы употреблять более категоричных выражений, но такое подключение делается

демонстративно, и это весьма настораживает.

События, однако, показывают, что глубинные интересы японского народа основательно отличаются от мнения милитаристски настроенных кругов страны.

Следя за изгибами мысли

С премьер-министром Ясухиро Накасонэ мне, вспоминаю, довелось встретиться в январе 1976 года во время официального визита в Японию. Тогда он не занимал государственных постов, но являлся вторым человеком в либерально-демократической партии — ее генеральным секретарем.

Встреча состоялась по инициативе Накасонэ. Среди политических деятелей Японии, с которыми мне довелось беседовать в ходе визита, он выделялся, пожалуй, тем, что наиболее активно заверял в своей приверженности установлению «настоящей дружбы» между народами Советского Союза и Японии. Свои высказывания Накасонэ формулировал таким образом, чтобы произвести на собеседника положительное впечатление.

Следя за изгибами мысли Накасонэ, я задал сам себе вопросы:

— Не слишком ли хорошо звучат его слова, чтобы быть правдой? Разве можно не учитывать, кто находится передо мной? Разве этот политический деятель не из той страны, которая неоднократно совершала нападения на нашу Родину?

В годы второй мировой войны Япония выступила сообщником фашистской Германии. И Накасонэ принадлежал к числу тех своих сограждан, кто был в военное время уже вполне зрелым.

В 1941 году его призвали на военную службу из министерства внутренних дел Японии, где он работал после окончания юридического факультета Токийского университета. Войну Накасонэ закончил в звании капитана третьего ранга. Так что мой собеседник относился к поколению, воспитанному в традиционном духе японской военщины.

В правящей либерально-демократической партии Накасонэ заслужил репутацию деятеля консервативного толка. И эту визитную карточку он прочно держал в руках. Активно выступал за укрепление военного потенциала Японии. «Больше, еще больше оружия» — вот девиз, который всегда отвечал его душе. Накасонэ принадлежат слова:

— Необходимо превратить Японию в непотопляемый авианосец. Японские журналисты за его умение без особых угрызений совести менять союзников в политической борьбе за руководящие посты в партии и правительстве окрестили Накасонэ «политическим флюгером». Так, в 1972 году во время острого столкновения между двумя виднейшими деятелями либерально-демократической партии Фукудой и Танакой, каждый из которых

хотел завоевать пост премьер-министра Японии, в последний момент Накасонэ перешел на сторону Танаки, чем и обеспечил ему заветное кресло. Конечно, жизнь иногда заставляет политиков кое-что переосмыслить, заново взглянуть на историю своей страны, учитывать уроки прошлого. А если человек честен, заботится о благе своего народа, то он, признав заблуждения, должен способствовать развитию страны по пути мира. Хотелось бы верить, что разум и реализм должны наконец пробудиться у японских политических деятелей после трагедии, постигшей Японию во второй мировой войне. Ко времени моего визита в Японию в 1976 году международная обстановка складывалась в целом благополучно, и существовали объективные возможности для улучшения советско-японских отношений. Исходя из этого, я по поручению советского руководства заявил Накасонэ:

— Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы прийти к выводу о необходимости для Советского Союза и Японии жить в мире и добрососедстве. Что касается СССР, то мы стремимся именно к таким отношениям. Это не дань моде и конъюнктуре, а принципиальная линия.

Накасонэ в довольно определенной форме ответил:

— Мы — за развитие советско-японских отношений, обогащение их содержания. Особо хочу подчеркнуть значение этих отношений для поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Затем он добавил:

— Я разделяю точку зрения тех японских деятелей, которые считают, что попытки играть на разногласиях между СССР и Китаем бесперспективны и в конечном итоге могут повредить интересам самой Японии.

В заключение Накасонэ заявил:

— Если стану премьер-министром, то серьезно возьмусь за улучшение советско-японских отношений.

Могло показаться, что Накасонэ — политический деятель, который думает реалистически, понимает коренные интересы Японии и важность поддержания добрососедских отношений с Советским Союзом.

Случилось так, что премьер-министром он действительно стал — в 1982 году. Но в его речах удивительно совмещались, с одной стороны, высказывания в пользу развития сотрудничества, а с другой — заявления, содержащие необоснованные претензии к нашей стране.

14 марта 1985 года М. С. Горбачев принял Накасонэ в Кремле и имел с ним краткий обмен мнениями по ключевым вопросам советско-японских отношений и о положении дел в мире. В той

беседе участвовал и я.

М. С. Горбачев заявил:

— Советский Союз готов развивать с Японией взаимовыгодные связи и придать отношениям между обеими странами добрососедский характер.

В ответ Накасонэ по существу подтверждал свою позицию, хотя и избегал прямолинейности, которой он неизменно дает простор, когда выступает в Японии.

Какие характерные особенности внешнего облика Накасонэ, манеры его поведения на встречах и переговорах больше всего обращали на себя внимание?

Заняв определенную позу в начале разговора, Накасонэ, как правило, так и не менял ее в течение беседы. По лицу Накасонэ ничего нельзя прочесть. Самообладание и контроль над эмоциями — поразительные. Таким Накасонэ запомнился мне после моей первой с ним встречи, таким, он выглядел и на беседе в Кремле в марте 1985 года.

Об этой манере держаться, присущей Накасонэ, я говорю не потому, что не одобряю ее. Она, может быть, даже заслуживает Внимания. В конце концов, каждый человек, имея перед собой Собеседника, волен держаться так, как он считает нужным, лишь бы это не выходило за рамки корректности и принятых норм. Но упомянуть об этом я решил просто потому, что само по себе подобное поведение можно увидеть не так уж часто.

М. С. Горбачев сказал:

— В советско-японских отношениях намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел.

Во Владивостоке была показана позиция Советского Союза по всем основным направлениям политики нашей страны в азиатско-тихоокеанском регионе. Это — широкая платформа для сотрудничества в интересах мира, и ни одно государство не должно иметь по отношению к ней ничего против, поскольку она отвечает не узким интересам какой-то одной страны, а всеобъемлющим интересам мира и безопасности.

В обстоятельной беседе с министром иностранных дел Японии Абэ, которая состоялась в сентябре 1984 года в Нью-Йорке во время работы XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи, я в откровенном тоне обратил его внимание на следующий факт:

— Теперешний курс внешней политики Токио ведет к тому, что Япония начинает терять свое лицо в международных делах. А это, по нашему убеждению, никак не прибавляет ей авторитета. Некоторые круги в Японии, по-видимому, соскучились по танкам, военным кораблям, горам оружия. Они тоскуют по былому, хотя

оно не раз приносило японскому народу только беды.

Собеседнику специально подчеркивалось:

— Подобное положение не может не отбрасывать тень на советско-японские отношения, особенно в области политической. И мы считаем себя вправе прямо говорить обо всем этом японским представителям, тем более что Япония — соседняя с нами страна.

Я подтвердил Абэ принципиальную позицию Союза Советских Социалистических Республик:

— Если в Токио сделают выбор в пользу мира и добрососедства, то наша страна будет надежным партнером Японии как в области развития двусторонних связей, так и в международных делах, в борьбе за разрядку и мир. Японское руководство выступает с заявлениями о стремлении выправить отношения с СССР. Но можно ли сказать, что в подходе Токио к советско-японским отношениям вырисовываются какие-то изменения к лучшему? Потребовалась бы, вероятно, очень сильная оптика, чтобы обнаружить признаки этого.

В феврале 1985 года в истории дипломатических отношений между нашими странами пройден шестидесятилетний рубеж. Опыт советско-японских отношений говорит о том, что они должны строиться только на прочном фундаменте мира и добрососедства.

Новый импульс развитию советско-японских отношений дают предложения, изложенные в выступлении М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 года. Речь идет о расширении хозяйственной кооперации в прибрежных районах, о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных друг к другу районах СССР и Японии, о долговременном сотрудничестве в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, о состыковке программ мирного изучения и использования космоса. Таким образом, «экономическая дипломатия», столь характерная для японцев, может послужить советско-японскому сотрудничеству.

У советско-японских отношений потенциально большое будущее. Мое мнение основывается на том, что наше государство проявляет постоянный интерес к развитию отношений со Страной восходящего солнца.

С сожалением следует отметить и другое. За последние десятилетия отношения Токио с Москвой не получили полнокровного развития. Заключались лишь отдельные экономические сделки. Да и политические отношения не развивались так, как могли бы. Причина? Она хорошо известна — сдержанность японской стороны.

В умах политических деятелей Японии все еще дают себя знать настроения периода «холодной войны». А жаль, очень жаль! Ведь вся эта атмосфера прошлого не соответствует коренным интересам как одного, так и другого народа. Она сильно тормозит становление советско-японских отношений на основе реальностей конца XX века.

Сегодня налицо ситуация, когда возможны мощные прорывы в наших двусторонних отношениях, когда мы просто обязаны посмотреть друг другу в глаза и, как говорят в народе, засучив рукава, начать созидать такую платформу для сотрудничества, которая позволила бы СССР и Японии — близким соседям, живущим рядом, построить отношения, достойные двух крупных государств.

Мы могли бы создать на Дальнем для нас Востоке и на близком для японцев Северо-Западе обширный развитой экономический район. Наука, техника и ресурсы обеих стран позволяют уже в ближайшие годы образовать в северо-западном регионе Тихого океана экономическую базу советско-японских отношений нового типа.

Очевидно, люди XX столетия иногда не могут до конца осознать открывающиеся фантастические возможности. В определенной степени пелена, застилающая глаза, соткана из старых политических стереотипов, неумения, а порой и нежелания от них избавиться.

Припоминаю, что когда я побывал в Японии, то мне довелось услышать такую поговорку: «Время летит как стрела». И это действительно так.

Разум окрыляет человека и помогает мысленно обгонять время. И если представления о будущем вдохновляют, то люди уже в настоящем способны на многое. По-моему, это полностью относится и к советско-японским связям.

Знамя независимости над Индонезией

В значительной степени как результат великой Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом перед Советским Союзом впервые в истории открылись широкие возможности установления связей с обширной частью мира — Юго-Восточной Азией и Океанией. У царской России с большинством стран этого региона связи находились в зачаточном состоянии. Да и сами эти страны не обладали независимостью, несли на себе ярмо колониализма.

Одна из них — Индонезия. Неохотно и медленно нидерландская корона ослабляла свои колониальные путы. Но в августе 1945 года знамя национальной независимости взвилось над этой далекой от нас страной, хотя борьба за утверждение ее независимости продолжалась еще много лет.

Удивительная вещь — еще не было в независимой Индонезии ни одного советского представителя, еще ни один ее представитель не успел посетить СССР, а тяга индонезийского народа к дружбе с Советским Союзом появилась и набирала силу. Объясняется это просто. Индонезийцы, можно сказать, инстинктивно чувствовали, что социалистическое государство, занимающее большую часть Европы и значительную часть Азии, самим своим существованием способствует крушению всей системы колониального гнета.

Два могучих фактора — роль СССР в разгроме фашистских агрессоров и сама природа Советского социалистического государства — вдохновляли народ Индонезии, как и народы других колоний, на борьбу против колонизаторов, за завоевание независимости. В переломные моменты существования государств, особенно когда они становятся на путь самостоятельного развития, всегда выделяются яркие личности, деятельность которых оставляет свой след в истории. След этот, конечно, бывает разный. Есть немало примеров, когда деятельность тех или иных лиц являлась тяжелым грузом, мешающим движению страны по пути независимости и прогресса. Однако имеются и примеры, когда из среды народа выделяются личности, которые связывают свою судьбу с благородными целями борьбы за независимость и социальный прогресс.

К такого рода деятелям принадлежал Сукарно, которого индонезийский народ не без основания окрестил «отцом республики». В условиях колониального режима он проявил

понимание интересов народа. Сукарно, конечно, не связывал свои идеи с социалистическим мировоззрением и отнюдь не преследовал целей способствовать социалистическому преобразованию общества. Держа в своих руках знамя национальной независимости, он одновременно защищал интересы национальной буржуазии. Экономическая отсталость страны во многом объясняла те конкретные шаги в области экономики и социальной жизни, которые осуществлялись новым государством после получения им независимости.

Мои встречи с Сукарно, когда он стал главой государства, оставили живые и насыщенные воспоминания. Мне пришлось побывать в Индонезии уже в качестве министра иностранных дел СССР. Я был там в составе делегации, которую возглавлял Н. С. Хрущев. В течение примерно недели я наблюдал за деятельностью президента, который, можно сказать, не отходил от советских представителей. Его неутомимость поражала. Он успевал и заниматься гостями, и приводить в движение все основные звенья управления государством.

Сукарно, кстати говоря, проявил себя как мастер выдвигать просьбы и пожелания, особенно в области экономической. Каждая просьба, как правило, сопровождалась пространным обоснованием: политическим, экономическим, историческим, психологическим. Иногда казалось, что из глаз президента вот-вот потекут слезы.

Трудно и даже невозможно делать в этой связи какие-то упреки по адресу Сукарно. Ведь Индонезия только становилась на ноги. Почти всего не хватало. Промышленность только зарождалась, сельское хозяйство находилось в примитивном состоянии, торговля, как и почти вся: система финансов, принадлежала иностранцам.

Советский Союз за ряд лет предоставил Индонезии большую помощь для подъема ее промышленности, сельского хозяйства, культуры. Однако мы видели, что опыта в области государственного управления, хозяйственного и культурного строительства, да и в ведении внешних дел правительству Индонезии еще не хватает. И это создавало немалые помехи.

Видимо, этим отчасти объясняется то, что сам Сукарно и его правительственный аппарат очень увлекались публичными, парадными мероприятиями. Имеется свой герб и свой национальный гимн — так уж надо их использовать сполна! Поэтому, где бы и по какому бы поводу ни проходили собрания или митинги, даже малозначительные, обязательно проигрывался гимн, причем порой дважды. Было заметно, что населению такие порядки нравились. Да оно и привыкло к этому.

Во время официальных бесед и переговоров Сукарно — глава государства и ведущий политический деятель — проявил себя как человек, который знает, к чему он стремится и к чему стремится страна. Сам он не имел опыта в решении вопросов экономики и производства и потому привлекал специалистов, которые разбирались в этих делах, хотя, естественно, таких специалистов у Индонезии, только что освободившейся от колониального гнета, было не так уж и много. Страна испытывала огромный дефицит в квалифицированных национальных кадрах. И Сукарно сетовал:

— Нелегко заменять иностранных специалистов своими, потому что раньше колонизаторы просто не готовили специалистов из числа индонезийцев. Это относится, в частности, к добыче и переработке каучука.

Жалуясь на природу, президент говорил:

— Островной характер государства, части которого разбросаны на многие десятки, а то и сотни километров, сам по себе создает большие трудности в управлении.

Это, конечно, было правдой.

Мне довелось посетить кроме острова Явы с его городами Джакарта, Джокьякарта, Богор, Сурабая также остров Бали. На этом острове один из представителей местных властей встретил меня шуткой:

— Святые отцы, писавшие о рае в христианской Библии, наверно, имели в виду все же остров Бали, который вовсе не является христианским.

Индонезийцы, даже те, кто никогда не бывал на этом острове, очень его любят и гордятся им. Он особый и по микроклимату и по развитию культуры.

Здесь обращаешь внимание на то, что жители многих деревень увлекаются живописью. По обе стороны дороги они выставляют десятки, а может, и сотни небольших картин-пейзажей, которые недорого продаются приезжим в качестве сувениров. Небольшой, но все же доход!

И дышать на этом острове как-то легче по сравнению с очень влажным и жарким воздухом Джакарты и других городов, которые мы посетили.

Индонезийские города во многом похожи один на другой, но имеют и свои особые достопримечательности. В Сурабае — большой зоопарк, слава и гордость которого варан — гигантский ящер, сохранившийся в природе с древнейших времен, создание, далеко не изящное на вид.

Нам продемонстрировали его ловкость. Огромный кусок мяса весом килограмма в три, протянутый этому великану, мгновенно исчез в чреве хищника. Причем мы подивились, как это он не

отхватил и руку служителя.

Прежняя столица страны — город Богор, что километрах в семидесяти от Джакарты, рассматривается как своего рода курорт. Там расположена и одна из резиденций президента. Еще утром нам сказали:

— Сегодня в такое-то время в Богоре будет дождь. Мы удивились, когда это услышали, в небе никакого намека на дождь не ощущалось. Однако, действительно, в указанное время хлынул дождь и продолжался минут тридцать.

По возвращении из Богора в Джакарту нас опять застал тропический ливень. И если наши машины не оказались на плаву, то только потому, что мы больше стояли, чем двигались.

Во время поездок по Индонезии нам пришлось увидеть некоторые вулканы, один из которых подавал признаки жизни. Во всяком случае, когда стоишь на краю кратера, то наблюдаешь, как где-то далеко внизу фонтаны кипящей воды выбрасываются на высоту многих метров.

Сукарно — политик и человек

К моим впечатлениям о Сукарно хотелось бы добавить, что он запомнился как человек больших способностей, образованный, общительный. Представлялось трудным определить его склонность к какой-либо области науки. Он весь ушел в политику, а вопросы идеологии, мировоззрения людей как-то не вызывали у него значительного интереса. Сукарно любил оперировать ясными категориями — колониализм и независимость, богатые и бедные, социализм и капитализм, война и мир. Делал он это мастерски и с убеждением.

Никогда, ни во время встреч в Индонезии, ни в беседах, состоявшихся в Москве, Сукарно не уточнял, по какому пути он намерен вести Индонезию — по пути прогресса и социальных преобразований либо по пути упрочения капиталистических основ. Он предпочитал делать осторожные намеки с учетом того, кто является его партнером, рассчитывая, что эти намеки партнеру будут понятны.

Сукарно эффектно выступал с трибуны, проявлял себя как опытный оратор. Он чувствовал, что и как надо сказать аудитории, особенно индонезийской. Это качество отмечается всеми, кто его знал.

Итак, кто же он, Сукарно, кем он являлся по своим политическим и идейным убеждениям? Пожалуй, правильно будет сказать так: в условиях какой-либо другой страны он стал бы скорее всего социал-демократом или сошел бы за буржуазного либерала.

Говоря о чисто человеческом облике Сукарно, можно, пожалуй, упомянуть о том, что он страстно любил устраивать для гостей различные зрелища. Особенно танцы. Как только появлялось свободное от бесед время, он обязательно организует танцы, да еще не один раз, а два-три вечера посвятит этому в честь высокого гостя.

Не меньшим виртуозом в танцах, чем сам Сукарно, проявляла себя и его жена Хартини, индонезийка по национальности. Говорят, что когда он женился вторично — на японке, то и новую жену обучил танцам.

Политическое крушение Сукарно потерпел в 1967 году. События того периода представляли собой трагическую страницу в истории Индонезии. В ходе их очень много невинных голов полетело с плеч.

Международные события быстротечны. В истории дипломатических отношений между СССР и Индонезией пройден

уже тридцатилетний рубеж. За это время в советско-индонезийских отношениях, хотя они не всегда были ровными, сложились традиции, накоплен богатый опыт сотрудничества, идущий на пользу обоим народам. Развивать эти традиции, наполнять наши отношения новым содержанием — важное направление, по которому следует идти. И если присмотреться повнимательней, то можно увидеть, что объективно для этого имеются неплохие перспективы.

В ходе переговоров, которые состоялись между мной и министром иностранных дел Индонезии Мохтаром Касумаатмаджой, находившимся с официальным визитом в СССР в апреле 1984 года, обе стороны с удовлетворением отметили, что по ряду коренных международных проблем, в том числе касающихся вопросов мира и войны, разоружения, позиции обеих стран близки. Но в Индонезии имеют определенное влияние круги, которые больше озабочены тем, как бы страна не встала на путь демократического развития, чем укреплением ее независимости.

Пробил час и для Филиппин

Пробил час освобождения не только для Индонезии, но и для Филиппин. После окончания второй мировой войны и Филиппины пошли по пути самостоятельного развития. Много написано и сказано в США в пользу уважения независимости Филиппин. Часто дело изображается так, будто предоставление этой независимости явилось чуть ли не проявлением благородства со стороны США, которые на самом деле считают Филиппины, с тех пор как колониальный гнет Испании сменился гнетом Америки, не более чем далеким американским «огородом».

Монополии США в течение многих десятилетий жестоко эксплуатировали филиппинский народ. Но американским колонизаторам не удалось сохранить такое же положение в условиях, когда по всем швам расползалась британская колониальная империя, когда такая же судьба постигла другую колониальную метрополию — Францию и когда фактически был предрешен вопрос о получении независимости бывшими бельгийскими и голландскими колониями. США не могли не учитывать и того обстоятельства, что Филиппины в годы второй мировой войны перенесли и японскую оккупацию. В 1946 году страна была провозглашена независимой.

Медленно, но неуклонно Филиппины продвигались в направлении не только формальной, но и фактической независимости. Однако этот процесс и сейчас еще нельзя считать завершенным, поскольку в стране остаются американские военные базы со всеми вытекающими из того последствиями. Только наивные люди могут полагать, что такие базы на Филиппинах не ущемляют их суверенитета.

Советский Союз был и остается сторонником достижения Филиппинами подлинной независимости. Он приветствовал и приветствует каждый шаг со стороны Филиппин, который укрепляет их положение как суверенного государства.

Филиппины, подобно подавляющему большинству государств, возникших на руинах колониальной системы, установили с Советским Союзом дипломатические отношения (1976 г.). СССР пошел на этот шаг с удовлетворением. Советско-филиппинские отношения вошли в нормальное русло, постепенно обогащаются, особенно в области торговых и культурных связей.

Еще за несколько лет до установления дипломатических отношений Советский Союз посетила с визитом супруга президента Имельда Маркос, которая являлась политической и

общественной деятельницей страны. По ее просьбе у нас состоялась беседа. С нашей стороны было подчеркнуто:

— СССР выступает за нормализацию отношений с Филиппинами. Как только их государственное руководство созреет для этого, мы будем готовы обменяться посольствами.

Беседа была дружественной.

Через непродолжительный срок между Советским Союзом и Республикой Филиппины произошел обмен послами. Не всем в мире понравился этот факт. Но, видимо, не так-то легко оказалось и помешать этому.

В июне 1976 года состоялся официальный визит филиппинского президента Маркоса в СССР. Встречи и беседы в ходе этого визита тоже носили дружественный характер. С обеих сторон подчеркивалась решимость углублять двусторонние отношения.

Во время встречи с М. С. Горбачевым в 1985 году Имельде Маркос вновь разъяснили нашу внешнюю политику. Было подчеркнуто желание СССР иметь добрые отношения с Филиппинами.

Маркос и его правительство выражали интересы компрадорской буржуазии и крупных земельных собственников. При его правлении на политике страны все еще лежала печать зависимости от Соединенных Штатов Америки, которая в силу исторических обстоятельств пустила глубокие корни в политической и особенно экономической жизни Филиппин. Та независимость, о которой бывший филиппинский президент часто говорил, несла на себе груз тяжелых экономических оков, которые США набросили на страну.

Нет оснований считать, что цели американской администрации в отношении этой страны претерпели изменения.

В 1986 году на Филиппинах произошли изменения в высшем эшелоне власти. Советский Союз готов, как и прежде, развивать с этим государством добрые отношения и при новом руководстве страны. Это относится как к двусторонним связям, так и к общим вопросам международной политики.

Советские люди выражают надежду, что пришедшее к власти новое правительство во главе с президентом республики Корасон Акино будет сохранять и приумножать все то положительное в отношениях между Советским Союзом и Филиппинами, чего добились обе страны в прошлом.

Призыв СССР покончить с колониализмом

Великий Октябрь оказал огромное влияние на колониальные страны и народы. Появилась вера людей в победу над колониализмом. И эта вера крепла.

С тех пор подавляющее большинство народов сбросило с себя колониальное ярмо. Конечно, прежде чем рухнули оковы колониализма, потребовались колоссальные усилия.

Подлинно историческое значение для дела ликвидации колониализма как системы имело принятие XV сессией Генеральной Ассамблеи ООН (1960 г.) Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Этот вопрос поставил перед ООН Советский Союз, который и внес на ее обсуждение проект указанной декларации. Тем самым авторитетная всемирная организация признала тот непреложный факт, что час колониализма пробил.

Это была уникальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Более того, о ней можно сказать, что она стала по своему значению исторической. Впервые международный форум принял решение о ликвидации колониализма. Десятки стран послали на него глав государств или правительств, остальные — министров иностранных дел. Более представительного форума в ООН я не знал. Его и не было в истории организации.

Как участник этой сессии Генеральной Ассамблеи, я с начала и до конца наблюдал за обстановкой, в которой рождалось решение. В штаб-квартире на Ист-Ривер царила наэлектризованная атмосфера.

На трибуну один за другим поднимались представители колониальных государств и бросали по адресу колонизаторов слова гнева и осуждения. Этот форум походил на международный суд, выносящий приговор преступнику, на совести которого бесчисленные жертвы разбоя и эксплуатации более половины человечества.

Подавляющее большинство государств тогда вынесло политический приговор колониализму. Та сессия Генеральной Ассамблеи ООН стала волнующим событием. Думалось, сейчас разрываются цепи, в которые десятки государств и народов были закованы на протяжении столетий.

Когда Генеральная Ассамблея приняла основную резолюцию, то казалось, что своды зала обрушатся от бури аплодисментов. Политические деятели пожимали руки, поздравляя друг друга.

Не могу сказать, что настроение у всех было одинаковым. Представители колониальных держав особого восторга не выражали, но общее проявление чувств и эмоций, господствовавшее в зале, как бурное течение, их тоже подхватило и понесло.

Конечно, главные поздравления направлялись по адресу делегации Советского Союза. Н. С. Хрущев и все мы ликовали и в шутку спрашивали товарищей по делегации, выдержат ли наши руки такое количество пожатий.

Разумеется, средства массовой информации всего мира заполнялись в те дни материалами, относящимися к принятому решению.

Никто до сих пор не проявил инициативу, чтобы рядом со зданием ООН соорудить монумент в ознаменование того события. А не мешало бы подумать и на этот счет.

Хотя очаги колониализма кое-где еще и сохраняются, но на них уже отчетливо видна печать исторической обреченности.

СССР был и остается последовательным поборником того, чтобы Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам полностью и без изъятий претворялась в жизнь, чтобы настал момент, когда человечество сможет торжественно отметить окончательную победу над колониализмом.

Сегодня мы с удовлетворением отмечаем растущую активность в международных делах неприсоединившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Они нуждаются в мире для решения нелегких задач своего национального и социального развития. Антивоенная и антиимпериалистическая направленность движения неприсоединения не раз демонстрировалась на форумах этих государств.

Советский Союз неизменно поддерживает стремление развивающихся стран к утверждению своей экономической самостоятельности, их неотъемлемое право распоряжаться своими природными богатствами и законное требование о перестройке международных экономических отношений на основе равноправия. Народы этих стран реально ощущают масштабы и характер советского содействия в преодолении ими экономической отсталости.

Новые горизонты Африки

Африка! Звонкое и в моем восприятии знойное слово. Когда оно произносится, наверное, в сознании каждого возникают экзотические красочные картины тропических лесов, саванны, пустынь, шумных базаров, перенаселенных городов и бесчисленных деревень, где в убогих хижинах живут сотни миллионов крестьян. Но действительность — это не только и, я бы даже сказал, не столько экзотика, сколько тяжелая реальность все обостряющегося экономического кризиса, разгула на юге континента расизма, калейдоскопа военных переворотов, повторяющегося голода, ежегодно уносящего жизни миллионов африканцев, прежде всего детей.

Мне довелось воочию наблюдать жизнь Северной Африки при посещении Египта, Алжира, Туниса, Марокко. Причем не только во времена второй мировой войны, но и тогда, когда нарастала борьба африканцев за свое национальное освобождение от колонизаторов. В глаза всегда бросалась бедность, убогость жилищ, какая-то заторможенность жизни. Здесь никогда и никто никуда не спешит. Летом, в середине дня, когда стоящее в этих краях в зените солнце готово «поджарить» саму природу и людей, порой казалось, что движение жизни на два-три часа почти останавливалось. Все замирало в ожидании хотя бы слабого намека на живительный ветерок и, может быть, прохладу. В такие минуты невольно задумываешься о судьбе африканского континента. Действительно, какой этой судьбе быть? Что уготовано его людям?

После разгрома фашистской Германии и краха расистской идеологии скоро пройдет полвека. Это, таким образом, внушительная полоса времени. Она дала чрезвычайно много для отношений стран социализма с капиталистическим миром. Не осталась в стороне от процесса больших перемен и Африка. Если смотреть на судьбу этого континента на расстоянии, с высоты кануна XXI века, напрашивается ряд выводов, которые, как мне представляется, дают ответ на вопрос о том, что же произошло с Африкой. И главное — что с ней будет.

Она существовала и до колониальных захватов. В Африке был свой мир, отличный от европейского, с самобытной цивилизацией. В истории человечества этот мир древних обществ сыграл свою заметную роль. Вряд ли стоит на каких-то весах определять его значение для судеб человеческой цивилизации. Ясно одно, что наряду с Египтом, Грецией, Римом, Китаем, Индией, Византией, Киевской и Московской Русью, арабскими

халифатами и западноевропейскими государствами африканское традиционное общество внесло свою заметную лепту в развитие человечества и является достойным уважения. В конце концов достаточно взглянуть на карту мира, чтобы понять, что человеческая жизнь прежде всего возникала там, где было достаточно тепла и воды для скотоводства, а затем и земледелия. Именно таким местом на земле была Африка. Здесь, по данным науки, зародилось человечество. Здесь оно делало первые шаги.

Африканские государства, к сожалению, не успели укрепиться, оказались разобщенными перед натиском европейцев, которые пришли на эти земли, держа в одной руке Библию, а в другой оружие.

Колонизация Африки европейцами облегчалась, в частности, и тем, что у народов южнее Сахары не было своей письменности, не было развитого чувства единства. Социальная структура общества была ослаблена дроблением ее племен, ограниченными и примитивными познаниями в технике. В результате войска «цивилизаторов» легко, как нож в масло, проникли в глубь континента. Временами им со стороны местного населения оказывалось сопротивление. Но одновременно куда более часто местные царьки сдавались на милость белых победителей. А ее, этой милости, у завоевателей явно не хватало.

Особенно тяжелый урон Африке нанесла работорговля. Это была историческая и жестокая аномалия, проявившаяся в бесчеловечном изъятии с континента десятков миллионов людей. Этот позор колониализма никогда не удастся ни оправдать, ни обелить.

Нашествие «цивилизаторов» резко затормозило экономическое развитие континента. Громадное число людей в годы колониализма потеряли веру в свои силы. Пришли в упадок ремесла. Сельское хозяйство пребывало в состоянии застоя. Современная промышленность, кроме горнодобывающей, колонизаторами просто не развивалась. Африканцам прививали чувство преклонения перед культурой метрополий. Для развития же их собственной культуры, по существу, не делалось ничего. Африка стала колониальной латифундией европейцев.

За риторикой о «гуманных целях» скрывались корыстные экономические интересы. «Бизнес», освященный именем Христа, обернулся для африканцев долгими и мрачными годами жестокой эксплуатации. К старым традиционным гирям отсталости на живом теле Африки добавились колониальные оковы. Захват ее земель и почти полный раздел материка к концу XIX века европейскими колонизаторами означали не что иное, как насильственное присвоение не только ее территории, но и

труда дешевой рабочей силы. В одиночку Африка оказалась не в состоянии предотвратить эту трагедию.

Все эти исторические факты невольно вспомнились в 1945 году, когда именно в Берлине был положен конец преступному гитлеровскому рейху. Решения о разделе Африки, принятые на Берлинской конференции 1884–1885 гг., были, по существу, сведены на нет падением Берлина в 1945 году под мощными ударами Советской Армии. Сокрушительное поражение фашизма было и поражением расизма. Стало ясно, что колониализму, как и рабству в прошлом, приходит неминуемый конец.

Имперские амбиции, однако, еще долго застилали глаза даже таким крупным политикам, как Уинстон Черчилль. Как «железный канцлер» Бисмарк в прошлом считал целью колонизаторов «цивилизовать Африку», так и Черчилль не верил, что наступит время, когда над Британской империей зайдет солнце.

Хорошо помню, когда в свое время у меня с Черчиллем состоялся разговор, соприкасавшийся с проблемами Азии и Африки, его лицо, внешне спокойное, вдруг сделалось непроницаемым, а взгляд в общем неодобрительным, едва оказалась затронутой эта тема. Впечатление было такое, будто я пытался проникнуть в его личные апартаменты, причем без разрешения.

И все же жизнь брала свое. То, чего так боялся Черчилль, случилось в пятидесятые и шестидесятые годы. Процесс деколонизации привел к тому, что подавляющее большинство развивающихся стран обрело политическую независимость. Правда, нередко можно видеть, что обретенная при этом свобода принятия решений заметно ограничивается экономической зависимостью от определенных центров экономической и военно-политической мощи. На шее многих развивающихся стран затянута долговая петля, цены на их экспортные товары занижены и, наоборот, на импортные промышленные товары непомерно вздуты.

В наши дни в Африке набирает силу процесс национального возрождения. Африканские политики возмужали, набрались необходимого опыта для ведения государственных дел, лучше, чем прежде, осознают как свои достижения, так и недостатки. Африке вполне по силам, словно птице Феникс, возродиться из пепла. Сильной и свободной ее хотел бы видеть мир социализма.

Путь к этому может быть проложен только в том случае, если все государства осознают себя частью единого мира. Такой видит себя и сама Африка. Ее лидеры решительно избавляются от проявлявшегося у них известного комплекса неполноценности.

Могут ли африканцы достичь всего этого сами, опираясь лишь на свои собственные силы? На это очень трудно рассчитывать. Слишком далеко зашел процесс отсталости, слишком мало экономических возможностей. Суровый факт: рост населения намного опережает рост производства продуктов питания. Те, кто владеет колониями, находятся в долгу перед Африкой. Пора начать его отдавать. Африка этого жаждет.

В свое время ограбленная, она помогла развитию капитализма в Европе. Теперь эта Европа должна помочь ей в деле прогресса, осуществив своего рода историческую компенсацию. Альтернативой этому будет хаос в мировой экономике, в первую очередь в Африке, которая с трудом держит голову над волнами экономического краха. Превратить огромный континент в парию мировой политики было бы неумно и опасно для всех.

Именно из этого исходит Советский Союз, обращая внимание тех, кто хочет прислушаться к голосу разума, на необходимость перевести международную жизнь в русло сотрудничества, что в полной мере относится и к «черному континенту». Наиболее надежным источником оздоровления ситуации в Африке является претворение в жизнь стратегии «разоружение для развития». Этот путь является самым верным для преодоления отсталости континента. Одновременно разоружение и реконверсия военной промышленности на гражданские рельсы облегчили бы и промышленно развитым государствам решение многих экономических и социальных проблем.

Масштабы уже охватившего Африку кризиса столь велики, что моральная обязанность остальной части человечества — протянуть ей руку. «Черный континент» ждет своего светлого часа.

Вот те мысли, которые хотелось бы высказать об Африке, без которой мир, как мы его воспринимаем, был бы скучным, а понятия грусти и радости были бы намного беднее. Нет, природа не ошиблась, подарив человечеству этот континент-жемчужину. Наш общий долг — хранить ее и помогать ей, хотя бы уже потому, что она — наша прародина!

Хорошо известно, что дореволюционная Россия связей с Африкой, за исключением Абиссинии (Эфиопии), почти не имела. Африку разорвали на части Англия, Франция, Португалия, Бельгия, а до первой мировой войны — и Германия. Они распоряжались тогда судьбами африканских народов.

На континенте, где к моменту окончания второй мировой войны независимыми странами, да и то скорее условно, называли лишь Эфиопию, Египет, Либерию и Южно-Африканский Союз,

сейчас насчитывается более пятидесяти независимых государств — членов Организации Объединенных Наций.

По мере их возникновения Советский Союз последовательно придерживается своей линии на установление со всеми этими странами нормальных отношений, на развитие равноправного, взаимовыгодного сотрудничества.

Иную политику осуществляли бывшие колонизаторы, которые «уходили, чтобы остаться». С этой целью они использовали и используют финансово-экономическую и иную зависимость освободившихся стран от бывших метрополий. Под стать им действуют и США, которые вынашивают в отношении Африки свои неоколониалистские планы.

Памятны полные трагизма события, которые развернулись в бывшем бельгийском Конго — ныне Заире. 30 июня 1960 года Конго провозгласило независимость. Колонизаторы быстро убедились, что конголезское правительство во главе с Патрисом Лумумбой намерено добиваться действительной самостоятельности. Поэтому они решили отторгнуть от независимого Конго самую богатую провинцию Катангу, известную своими разработками месторождений меди, алмазов, урана и золота.

Дальнейшие события развивались драматически. В Конго спешно организовали военный мятеж, а затем под излюбленным предлогом колонизаторов — для защиты жизни и собственности своих граждан — в страну направили крупные подразделения бельгийских войск, в задачу которых входило обеспечить создание в Катанге марионеточного государства.

Соединенные Штаты также никоим образом не устраивало независимое правительство Лумумбы. Вашингтон решил действовать с большим размахом, чем Брюссель. Сохранение в руках бывших колонизаторов лишь богатств Катанги США считали недостаточным. Вашингтон решил поставить под свой контроль всю эту крупнейшую африканскую страну. Своим орудием США избрали, с одной стороны, прямой терроризм и подрывную деятельность, а с другой — манипулирование вооруженными силами ООН, которые направились в Конго, — благо в аппарате этой организации у США тогда было немало прямых ставленников, а у молодых независимых государств еще сохранялись иллюзии относительно миссии этих сил.

Для нас американская политика в Конго представлялась предельно ясной, хотя, конечно, отдельные конкретные факты, связанные, в частности, с обстоятельствами убийства Лумумбы, прояснились несколько позднее. Сейчас из официальных американских материалов всему миру известно буквально по

дням и даже по часам, как Вашингтон задумывал и проводил в жизнь план устранения Лумумбы, как эту преступную акцию санкционировал президент Эйзенхауэр, каким поименно агентам и сотрудникам ЦРУ поручили ее выполнять, какими средствами намечалось уничтожить главу законного конголезского правительства и т. д.

Заговор, устроенный США против выдающегося сына Африки, наглядно показывает, чего стоят заокеанские претензии на «моральное руководство миром». Никакие утверждения, вроде заявлений, что на руководителей США в тот момент будто бы «нашло затмение», никогда не смогут оправдать это злодеяние.

Кваме Нкрума и Секу Туре

Хотя бы вкратце мне хотелось поделиться своими впечатлениями от встреч и бесед с некоторыми из государственных деятелей африканских стран.

Гана — древнее африканское государство с богатой самобытной культурой, историей, традициями, которые живы и сегодня. Достойное место руководителя в Гане занимал Кваме Нкрума. Как лидер, он продемонстрировал выдающиеся способности по сплочению народа в борьбе за ликвидацию остатков колониального режима. Его визит в Москву в 1961 году ознаменовал собой важную веху на пути развития отношений между Двумя государствами. Состоявшиеся в Кремле переговоры на самом высоком уровне показали, что во главе Ганы стоял политик сильных и зрелых убеждений.

По способу выражения мысли ипо манере держаться в ходе встреч и бесед он не уступал государственным деятелям стран Европы. Все, кто принимал участие в беседах с ним с советской стороны, высоко оценили принципиальную позицию Нкрумы, то достоинство, с которым он себя вел.

Однако Нкрума сравнительно недолго пробыл на посту главы государства (1960–1966 гг.). На смену ему пришли другие люди, и не Советскому Союзу чинить «суд праведный», кого в смутных событиях считать правым. В конце концов это — события внутренние, но все же советско-ганские отношения после указанных изменений в Гане прошли через полосу охлаждения.

Как и в прошлом, наша страна стоит за дружественные отношения с Ганой.

Советский Союз приветствовал независимость другого африканского государства — Гвинеи. В лице ее руководителя Секу Туре мы видели стойкого борца за свободу Африки. С Гвинеей у СССР сложились добрые отношения, чему в немалой степени способствовали визиты Секу Туре как президента этой страны в Советский Союз в 1958, 1960 и 1965 годах, равно как и визит в 1961 году Л. И. Брежнева в Гвинею в качестве Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Переговоры, состоявшиеся с Секу Туре, оставили у всех наших людей, кто с ним встречался, хорошие воспоминания.

Наиболее памятной для меня стала беседа с Секу Туре в Нью-Йорке 11 октября 1962 года. Руководитель Гвинеи подробно рассказал о тех задачах, которые стоят перед страной, и о путях их решения.

Он заявил:

— Гвинейское правительство и Демократическая партия Гвинеи считают, что нашей стране необходимо развивать с Советским Союзом всесторонние связи. Гвинейский народ благодарен СССР за бескорыстную помощь и поддержку, которые позволяют его стране укрепить независимость и добиться успехов во внутреннем строительстве. Гвинея проводит политику, определяемую постоянно действующими факторами. Она учитывает не только внутренние особенности положения в Гвинее, но и ситуацию, создавшуюся в целом на Африканском континенте. Секу Туре сказал:

— В Советском Союзе и в других дружественных Гвинее странах могут быть не совсем поняты некоторые стороны нынешнего положения на Африканском континенте и действия африканских государств. Но главное — это то, что политика Гвинеи и идущих с ней в одном ряду африканских государств своим острием направлена против империализма и колониализма.

Гвинейский руководитель признал:

— Широкие демократические преобразования в Гвинее, позволившие народу на деле осуществлять свои неотъемлемые суверенные права, нравятся далеко не всем. В первую очередь они не нравятся тем общественным слоям, которые ранее занимали привилегированное положение. Да и как пособники империализма могли одобрить национализацию промышленных предприятий, всех иностранных банков, страховых компаний, установление монополии на внешнюю и внутреннюю оптовую торговлю? Эти слои населения, будучи лишенными своих привилегий, при поддержке и подстрекательстве иностранных империалистических держав пытались сорвать проводимые гвинейским правительством демократические мероприятия.

Мне нравились прямота и искренность, с которыми Секу Туре говорил о проблемах и задачах, стоящих перед Гвинеей, о перспективах развития страны. Это был основательный анализ с учетом факторов и внутреннего и международного положения.

Гвинейский руководитель высказал и такую интересную мысль:

— Гвинея не заявляла о том, что строит социализм. Но она имела смелость честно и открыто заявить, что сотрудничество с социалистическими странами, и с Советским Союзом в особенности, является важнейшим фактором в борьбе за окончательную ликвидацию колониальной системы, за национальный и социальный прогресс народов на Африканском континенте.

Секу Туре внимательно выслушал мои разъяснения об

основных направлениях советской внешней политики:

— У Советского Союза и Гвинеи имеется хорошая основа не только для продолжения, но и для дальнейшего развития отношений. Наши страны вполне могут добиться новых успехов на пути к осуществлению стоящих перед ними больших задач.

Одна из встреч с Секу Туре состоялась у меня в Берлине в 1979 году. Советская партийно-правительственная делегация находилась там в связи с тридцатилетием ГДР. Нагосударственном приеме я имел теплый разговор с Секу Туре. Он подтвердил те мысли, которые высказывал раньше в пользу развития советско-гвинейских отношений, и подчеркнул:

— Советский Союз, по моему убеждению, был и остается другом народов Африки, которым предстоит еще пройти большой путь к полной независимости — не только политической, но и экономической.

Несомненно, Секу Туре по праву принадлежал к когорте ветеранов борьбы народов Африки против колониализма.

Благоприятные перспективы развития советско-гвинейских отношений существуют и сейчас, после того как ушел из жизни основатель независимой Гвинеи и к руководству страной пришли новые люди.

Лидер эфиопской революции Менгисту Хайле Мариам

Глубокий след в советско-эфиопских отношениях оставляет каждый визит в Советский Союз лидера эфиопской революции, а ныне президента Народной Демократической Республики Эфиопии Менгисту Хайле Мариама. Он, безусловно, выделяется из числа других государственных деятелей Африки, стоящих на антиколониальных позициях.

Взгляды Менгисту претерпели эволюцию. Начав с борьбы за подлинную независимость Эфиопии, он возглавил революцию против монархического режима. Он показал, что видит не только ближайшие задачи развития страны, но и отдаленную перспективу социальных преобразований.

Опыт ряда других государств подсказал Менгисту необходимость того, чтобы независимость страны покоилась не на шаткой основе политических маневров, временного сглаживания противоречий с империалистическими державами, а на прочности внутренней обстановки в стране и на хорошем выборе друзей вовне. Под его руководством силы, возглавившие революцию, смело пошли на осуществление социальных преобразований в интересах народа, на ликвидацию сословных и иных привилегий тех слоев и групп, которые жили за счет эксплуатации трудящихся.

Основательно, без горячности и спешки Менгисту подошел к решению кардинального вопроса эфиопской революции — создания авангардной партии трудящихся Эфиопии, главной движущей силы прогрессивного развития страны. Создание Рабочей партии Эфиопии знаменует собой важное событие в развитии революционного процесса, является подтверждением животворной силы марксистско-ленинских идей.

Первое впечатление от встречи с Менгисту таково, что это человек здравых суждений и реализма. Он коротко, но четко излагает свои планы, подчеркивает трудности, стоящие на пути их реализации. Менгисту покоряет собеседника взвешенностью суждений и убежденностью в том, что действовать необходимо без поспешности, но наверняка.

Такое же впечатление от встреч и бесед с ним складывалось и у других советских представителей, которые встречались с Менгисту.

Находясь с визитом в Москве в октябре 1982 года, Менгисту Хайле Мариам подчеркнул:

— Традиционные отношения дружбы между эфиопским и советским народами приобрели новый характер и размах после того, как в Эфиопии произошла революция. С этого момента наши отношения перестали ограничиваться лишь рамками дружбы, а стали отношениями союзников в борьбе за единые цели. Если выделить главное в общей задаче народов Эфиопии и Советского Союза, то им будет укрепление международного мира и построение свободного от эксплуатации социалистического общества, в котором процветает равенство.

Имеются все основания сказать, что в настоящее время отношения между Советским Союзом и Эфиопией, как никогда ранее, являются дружественными. Эфиопия вышла на качественно новый рубеж — путь социалистической ориентации страны.

Подвиг Сальвадора Альенде

Кто бросает хотя бы беглый взгляд на карту Латинской Америки, тот понимает, что эта часть света — огромный мир. В нем сейчас тридцать три страны. У каждой — своя история, традиция, культура, герои — прошлого и настоящего, связанные самым тесным образом с родной землей, с жизнью народа, его радостями и горестями. Все они в разное время проливали кровь, чтобы их государства добились независимости и имели возможность развиваться в ее условиях.

Борьба народов Латинской Америки против колонизаторов растянулась на сотни лет. Для некоторых стран эта борьба по существу не завершилась и сегодня. Иноземный гнет — экономический и политический — сковывает развитие государств этого региона.

Ни дальность расстояний, ни различие путей развития не стали преградой, которая смогла бы помешать взаимному стремлению к дружественным связям стран Латинской Америки и Советского Союза. Народы этого района Земли хорошо знают, что советские люди спасли мир от коричневой чумы, угроза которой нависала над всей планетой.

Наш народ с первых дней революции, когда в Питере, далеком от Мехико и Буэнос-Айреса, зажглась заря нового мира, видел в латиноамериканцах своих друзей. Еще во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы страны Латинской Америки одна за другой начали устанавливать дипломатические отношения с СССР. И сегодня эти государства являются нашими естественными союзниками в борьбе за мир, против ядерной катастрофы.

Можно не сомневаться, что придет день, когда те отдельные страны, которые пока еще стонут под солдатским сапогом прислужников иностранных монополий, пожмут дружественную руку Страны Советов и станут в один ряд с борцами за мир, за подлинную независимость всех народов.

Весь мир сурово осудил реакционный марионеточный режим Пиночета в Чили. Эта страна вот уже более десятка лет испытывает гнет хунты палачей, которую Вашингтон поставил у власти.

Несмотря на репрессии против демократических сил, беспощадное подавление свобод и прав человека в самом широком смысле слова, чилийский народ постепенно расправляет плечи. Все больше появляется признаков его уверенности в своих силах. Прежде всего этим можно объяснить массовые митинги и

демонстрации, которые проходят в городах Чили — больших и малых. Полицейские расправы все явственнее оказываются беспомощными подавить протест масс.

В памяти советских людей живет имя Сальвадора Альенде, который возглавлял руководство Чили сравнительно короткое время, но вписал яркую страницу в борьбу народа за освобождение страны от иностранного засилья, от гнета американских монополий. У нашего народа сохраняется добрая память об Альенде как бесстрашном борце против империализма, стороннике дружбы с Советским Союзом, крупном деятеле, выступавшем за мир между народами.

В декабре 1972 года Альенде побывал в СССР с официальным визитом. Переговоры, состоявшиеся с ним в Москве, остались в памяти как в высшей степени дружественные. Он проявил глубокое понимание международной обстановки, повадок американского империализма, который на протяжении длительного исторического периода рассматривал не только Чили, но и всю Латинскую Америку всего лишь как свою околицу.

Альенде не являлся коммунистом. Но его социально-экономическая программа стала для страны программой прогрессивных реформ и освобождения страны от кабалы американского монополистического капитала.

Глубокой тревогой за судьбу Чили была проникнута речь, произнесенная Сальвадором Альенде с трибуны ООН за десять месяцев до фашистского переворота. Он говорил:

— Мы являемся жертвами нового наступления империализма, хитроумного, коварного и опасного, цель которого — воспрепятствовать нашему суверенному государству осуществлять свои права… Нам противодействуют силы, которые действуют в тени, без опознавательных знаков, но располагают мощным оружием и занимают влиятельные позиции в самых различных областях… Мы не только страдаем от финансовой блокады, но и являемся жертвами неприкрытой агрессии.

Сердечными и откровенными можно назвать беседы, которые состоялись в Кремле с Альенде и сопровождавшими его деятелями. Обсуждение вопросов как международного характера, так и двусторонних отношений проходило в атмосфере полного взаимопонимания.

Президент Чили высказал пожелания о предоставлении некоторой экономической помощи стране, которая стремилась встать на ноги. Такую посильную помощь Советский Союз оказал. Не потому, что у Советского государства имелись лишние ресурсы, а потому, что наша страна искренне стремилась к тому, чтобы в какой-то мере помочь чилийскому народу преодолеть

трудности в борьбе с военным, экономическим и политическим давлением империализма.

Скромный, благородный человек, президент Чили Альенде не скрывал радости, что находится в Москве среди друзей. Доброе отношение и дружелюбие народа нашей страны не могли не передаваться чилийским гостям и в стенах Кремля на приеме в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, и вне этих стен. Многие тысячи москвичей, где бы Альенде ни появлялся, восторженно его приветствовали.

Заметной фигурой являлась и супруга президента Ортенсия Бусси де Альенде. Она и ныне остается видной общественной деятельницей, призывы которой в пользу мира, в пользу освобождения чилийского народа от оков режима Пиночета имеют немалый вес.

Каждый из советских участников переговоров имел возможность Побеседовать с ним и министрами его кабинета. Такой случай мне представился во время приема в Кремле в честь чилийских гостей.

Естественно, наша беседа вращалась вокруг оценки политики США в отношении Чили и Латинской Америки вообще.

Альенде говорил:

— Я решительно осуждаю вражду и неприязнь, которые Вашингтон питает к Чили с первого дня установления демократического режима в нашей стране.

Тогда еще и сам Альенде не все знал о том, на какие коварства и жестокость готовились пойти его враги внутри и вне страны ради свержения народного режима.

Эти высказывания, взятые в контексте с заявлениями Альенде в ходе переговоров, давали ясное представление о том, что он был деятелем, способным умереть за правое дело. Такое мнение сложилось у всего советского руководства в результате бесед с президентом Чили, посетившим Москву.

Альенде и в личном плане оказался человеком исключительного мужества. Видимо, преданность идее, тому делу, которому он служил, отодвигала у него на задний план соображения личной безопасности.

Когда банды Пиночета окружили президентский дворец, он мог, если бы того пожелал, выбросить белый флаг и, сдавшись, сохранить себе жизнь. Альенде, однако, на это не пошел. На его глазах погибали товарищи, но президент-борец не только не сдался, — он сам принял участие в сражении. Так и пал, сжимая в руках автомат. Разве есть в истории XX века еще такой пример, когда президент демократического государства борется с оружием в руках за свою же идею и погибает? Таких примеров

нет.

Можно уверенно сказать, что рано или поздно то дело, за которое боролся и отдал свою жизнь Альенде, победит и народ Чиливновь вздохнет свободно.

Солидарность с Никарагуа

Вот уже на протяжении нескольких лет вокруг Никарагуа плетутся интриги и заговоры. Более того, из некоторых соседних государств, где правят марионеточные режимы, открыто засылаются на ее территорию тысячи контрреволюционеров, наемников. Непрерывным потоком в эти страны поступает американское оружие для использования его против Никарагуа диверсантами, обученными американскими инструкторами. Можно сказать, демонстративно, с нескрываемой бравадой осуществляется политика государственного терроризма против этой страны.

Фактически весь мир с возмущением относится к происка империалистической реакции против свободной Никарагуа. Для руководства этой мужественной страны и ее народа не составляет труда видеть, кто является подлинным другом Никарагуа, а кто ее врагом.

Дипломатические отношения между СССР и Никарагуа, официально установленные в годы второй мировой войны, носили формальный характер, и на иное их развитие сомосовцы не имели намерений идти. Да и объективно это было невозможно.

После народной революции 1979 года отношения между двумя странами были нормализованы и получили благоприятное развитие. Советский народ протянул руку помощи Никарагуа и его прогрессивному режиму. Он решительно осуждает агрессивную политику нынешней вашингтонской администрации в отношении страны Сандино. Верный принципу невмешательства во внутренние дела, Советский Союз никогда не использовал и не имеет намерения использовать свою помощь государствам в Латинской Америке или в любой другой части мира в нарушение указанного принципа.

Империалистические обманщики немало поработали над тем, чтобы выдать белое за черное, бросить тень на благородство целей, которые поставил перед собой народ Никарагуа. Ложный тезис, будто Никарагуа то ли уже является, то ли может стать очагом социализма и базой Советского Союза в Центральной Америке, успеха не имел и не имеет. К нему прислушиваются только те, кто заранее поставил перед собой задачу любыми средствами добиться удушения народного режима Никарагуа.

Одним из важных демократических завоеваний никарагуанского народа явились всеобщие выборы в Никарагуа, успешно проведенные в ноябре 1984 года, несмотря на упорное противодействие недругов сандинистской революции. Это были

первые в истории страны свободные выборы. Их итоги убедительно подтвердили активную поддержку широкими массами народа курса Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) и правительства Никарагуа на возрождение страны, укрепление национального единства, политической и экономической самостоятельности, достижение справедливого политического урегулирования в Центральной Америке.

На выборах значительным большинством голосов президентом Республики Никарагуа народ избрал Даниэля Ортегу. Его революционный путь начался в 1962 году, когда он вступил в ряды СФНО. Ортега принял активнейшее участие в вооруженной борьбе народа против диктатуры кровавого ставленника США Сомосы. После ареста в 1967 году в течение семи лет он находился в сомосовских застенках.

Вырвавшись оттуда, Ортега вновь присоединился к борцам за свободу народа. Вскоре после победы революции он возглавил высший орган законодательной и исполнительной власти новой Никарагуа — Руководящий совет правительства Национального возрождения.

В 1982 году Ортега посетил с визитом Москву. На состоявшихся тогда переговорах он убедительно изложил нужды страны, рассказал о сложностях, которые являются следствием агрессивных действий против Никарагуа со стороны США и их марионеток в Латинской Америке.

Ортега кратко и точно охарактеризовал внешнюю и внутреннюю политику сандинистского правительства.

На встречах в Кремле те товарищи, которые от имени Советского Союза проводили с ним беседы — в их числе находился и я, — прониклись к нему глубоким уважением. Его отличали и сила убежденности в правильности избранного пути, и трезвость суждений, и отсутствие излишней драматизации при изложении трудностей, и уверенность в том, что народ Никарагуа един в борьбе за сохранение своей независимости. Словом, Ортега произвел впечатление самобытной и сильной личности.

Несколько встреч у меня было с министром иностранных дел Никарагуа Мигелем д'Эското. Это в высшей степени образованный политический деятель, преданный своему народу. Тот факт, что он имеет сан католического священника, является неплохой демонстрацией социальной картины никарагуанского общества, где проявляется должное уважение к людям разного мировоззрения. Очень я порадовался за своего старого знакомого видного государственного деятеля, министра иностранных дел Никарагуа, которому 1 мая 1987 года была присуждена

международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» за 1985–1986 годы.

В нашей стране высоко ценят те контакты, которые установились между руководством Никарагуа и руководством Советского Союза. Они позволили еще глубже познакомиться с мыслями и планами народа Никарагуа, жаждущего только мирной жизни и только независимого развития.

СССР является другом Никарагуа, и эта дружба основана на взаимности. Такие же отношения строит Никарагуа и с другими государствами, которые все более активно проявляют себя в антиимпериалистической борьбе за свободу и независимость.

Советский Союз выступал и выступает за то, чтобы в дела стран Центральной Америки и Карибского моря не вмешивался никто. Положение, сложившееся в этом районе, где создан опасный очаг напряженности, должно быть урегулировано мирными средствами, на основе безусловного прекращения вмешательства США во внутренние дела расположенных там стран. Возможность для такого урегулирования открывают конструктивная позиция Никарагуа и Кубы, инициативы государств «Контадорской группы» и «группы поддержки Контадоры».

В оправдание своих действий США прибегают к беспардонному обману, вытаскивая на поверхность вымысел о «происках» Москвы и Гаваны. Но никакой обман не скроет подлинных причин мощного освободительного движения в странах этого района — империалистического гнета и нищеты народных масс.

С долей взаимного магнетизма

Бесспорно, большой долей какого-то взаимного магнетизма всегда характеризовались советско-мексиканские отношения. Правда, в разное время уровень этих отношений несколько менялся, однако они всегда развивались под знаком дружбы.

Когда в 1924 году между СССР и Мексикой установились дипломатические отношения и в Мехико прибыла в 1926 году в качестве советского посла Александра Михайловна Коллонтай, Советский Союз, верный своей политике мира и дружбы между народами, продемонстрировал свое доброе отношение к этой стране. За время пребывания Коллонтай в Мексике отношения между двумя странами развивались по восходящей линии, которая как бы экстраполировалась и на будущее.

Одним из заметных рубежей в развитии отношений между двумя странами явилась смелая акция, предпринятая в марте 1938 года президентом Ласаро Карденасом, который добился национализации нефтяных богатств и нефтяной промышленности страны. Мексика положила конец засилью американских нефтяных монополий. Народ Мексики и ее руководство правильно поняли, что Советский Союз и его народ в этом важном и остром вопросе сочувствуют Мексике, хотя вся эта акция, разумеется, оставалась ее внутренним делом.

Случилось, однако, так, что еще в 1930 году под давлением местной реакции и американского империализма отношения между нашими странами оказались разорванными. Они вновь были восстановлены в 1942 году, и нашим послом в Мексику в 1943 году назначили К. А. Уманского. Он, к сожалению, погиб в начале 1945 года в авиационной катастрофе в Мексике. Во время второй мировой войны Мексика находилась на стороне антигитлеровской коалиции.

Когда я работал в Вашингтоне, то знал, что у советских дипломатов, не только у послов, но и на всех других уровнях, с давних пор установились дружественные отношения с мексиканскими дипломатами, находившимися в США. Объясняется это тем, что мексиканцы всегда были преданы идеям национально-освободительной борьбы — и наша страна разделяла идеалы такой борьбы.

Часто и я встречался с мексиканскими представителями в Вашингтоне. Это относится также к мексиканскому послу в Москве — Кинтанилье, до назначения в СССР он работал в Вашингтоне советником-посланником в посольстве Мексики.

Должен сказать, что мексиканские дипломаты, которых я

знал, — это люди, как правило, с солидным политическим кругозором. А главное, они всегда были «начеку» в отношении политики Соединенных Штатов. Долгий период эксплуатации Соединенными Штатами природных богатств Мексики, их методов «большой дубинки» оставил в сознании этих людей глубокий след.

Помню, однажды посол Мексики затронул вопрос о Троцком, который тогда находился в Мексике на положении эмигранта.

— Этот эмигрант, — заметил посол, — не представляет интереса для мексиканцев. Бывает так, проезжает по дороге, проходящей недалеко от дома, в котором живет Троцкий, мексиканец с кем-нибудь и как бы между прочим дает справку: «А вот там живет эмигрант из России». Иногда называется его имя. Немало людей относится к нему, как к музейному экспонату.

Наши экономические, торговые связи с Мексикой в прошлом нельзя назвать активными, хотя в настоящее время обе стороны занимают обоснованную позицию в пользу развития таких отношений и использования в этих целях всех возможностей. Но тот факт, что Мексика в течение многих десятков лет последовательно проводит политику укрепления своей независимости и дает посильный отпор поползновениям империализма пристегнуть ее внешнюю политику, а по возможности и экономику к планам Вашингтона, уже сам по себе создает благоприятную атмосферу для дружественных советско-мексиканских отношений. Наиболее отчетливо это проявляется в области внешней политики обеих стран.

В мае 1968 года состоялся визит в Советский Союз министра иностранных дел Мексики Антонио Каррильо Флореса, который впоследствии, в начале восьмидесятых годов, стал послом Мексики в Москве. Тот визит памятен тем, что он явился первым официальным приездом в СССР представителя буржуазного государства Латинской Америки на таком уровне. Каррильо подчеркивал:

— Со времени возобновления между двумя странами дипломатических отношений они ни разу ничем не были омрачены. Наши интересы в плане двусторонних связей ни в какой области не противоречат друг другу, а поэтому нет никаких причин, которые затрудняли бы их дальнейшее развитие.

Важное значение для укрепления доверия и дружбы между СССР и Мексикой, несомненно, сыграли визиты в Советский Союз президентов Луиса Эчеверрии в июне 1973 года и Хосе Лопеса Портильо в мае 1978 года, их встречи и беседы с советскими руководителями. Эти визиты вновь продемонстрировали взаимную заинтересованность в расширении сотрудничества,

общность позиций в борьбе за мир, разоружение, разрядку. Наши переговоры с мексиканскими руководителями носили безоговорочно дружественный характер.

Перед нами за столом переговоров сидели люди, отдававшие себе полностью отчет в том, что для страны, которая желает сохранить свою независимость, не по пути с американским монополистическим капиталом. Этот партнер признает только одну модель отношений со странами Латинской Америки — господина и слуги. Мы понимали эти мысли мексиканского руководства.

С советской стороны подчеркивалось, что страны социализма заинтересованы строить свои отношения с Мексикой, как и с другими странами Латинской Америки, на основе уважения принципов невмешательства во внутренние дела государств, равноправия и взаимной выгоды.

Каждый из этих визитов вызвал большой резонанс во всей Латинской Америке. Их, конечно, не приветствовали в официальном Вашингтоне, но это лишний раз доказывало то, что такие встречи нужны, и они имеют огромную политическую значимость.

В развитие визита президента Лопеса Портильо в Москву в мае 1981 года состоялся официальный приезд в СССР видного политического деятеля Мексики министра иностранных дел Хорхе Кастаньеды. Беседы с ним прошли в дружественной атмосфере. Важное место в переговорах заняли вопросы экономических отношений между двумя странами.

Систематические контакты у меня происходили с главами мексиканских делегаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Живые впечатления остались от встреч с такими крупными мексиканскими дипломатами, как Луис Кинтанилья, который в годы войны был послом Мексики в Москве, а также Падильо Нерво, умными и яркими деятелями.

И сегодня вполне можно сказать, что для развития советско-мексиканских отношений существует благодатная почва. Внешнеполитический курс двух стран по многим вопросам совпадает, а по ряду вопросов позиции близки. Главное, что само по себе представляет большой простор для сотрудничества, — это взаимная заинтересованность в борьбе за мир и устранение угрозы войны.

О том, что Мексика проявляет активную заинтересованность в борьбе за мир, свидетельствует тот факт, что в августе 1986 года на ее территории встретились руководители шести неприсоединившихся стран — Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании и Швеции. Из Мексики раздался их мощный

призыв к ликвидации ядерного оружия, к миру.

Глава XIII
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Сделка в Кэмп-Дэвиде. «Чудаки эти фараоны». Богатая палитра ведения дел. Ярче, чем солнечный луч. Миражи и падение Садата. Злая ирония. Пигмей на фоне пирамид. Нет, проблеск не появился. Об Арафате. Тель-Авив не в ладах со здравым смыслом. Актуальность ленинских слов. Упоминание навевает ассоциации.

Учитывая значение и концентрацию событий на Ближнем Востоке, мне представляется естественным проблемы этого региона выделить в отдельную главу книги.

Напряженность, которую создали здесь силы империализма, не раз перерастала в агрессивные войны Израиля против арабских государств.

Сделка в Кэмп-Дэвиде

Хорошо известны акции Советского Союза, направленные на ближневосточное урегулирование. Множество предложений внесла наша страна для достижения этой цели. Советским руководителям довелось провести сотни встреч с зарубежными деятелями на различных уровнях для обсуждения ближневосточной проблемы и разъяснения позиции СССР по ней.

При самом активном участии СССР осуществляется борьба за то, чтобы отстоять законные требования и права арабов.

Нападение Израиля в 1967 году на Египет, Сирию и Иорданию с новой силой поставило вопрос об отношении к политике агрессии: позволить ли захватчикам превратить оккупированные территории в предмет политического торга и тем самым выдать им премию за совершенное преступление или же потребовать безотлагательного ухода их войск? Обуздание агрессора или потворстве ему — таков выбор, перед которым логикой событий были поставлены государства. Советский Союз исходит из необходимости сделать все, чтобы способствовать ликвидации последствий израильской агрессии.

Советская поддержка, оказанная арабским странам, помешала агрессору добиться многих своих целей. И все же обстановка на Ближнем Востоке и ныне продолжает оставаться тревожной из-за непрекращающихся происков Израиля, его пособников и покровителей.

Серьезным успехом советской дипломатии, усилий других миролюбивых стран явился созыв Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку (1973 г.). В заявлении на этой конференции мне было поручено изложить позицию СССР в ближневосточных делах.

— Наша позиция, — говорил я, — содержит требование о выводе войск Израиля со всех оккупированных арабских территорий и о признании законных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства. Она предусматривает необходимость эффективного гарантирования права всех стран Ближнего Востока, в том числе Израиля, на независимое существование в условиях мира.

Следуя этой принципиальной линии, СССР, как и многие другие страны мира, осудил и сегодня осуждает агрессивные действия Израиля.

Отход Египта от общеарабского фронта явился чувствительным ударом по интересам всего арабского мира. Случилось то, что казалось наименее вероятным. Египет пошел на

сделку с агрессором, а Вашингтон и Тель-Авив потирали руки от удовольствия.

Но это произошло уже после ухода из жизни Гамаля Абдель Насера, преемником которого стал Анвар Садат. Мои воспоминания о встречах с государственными и политическими деятелями разных стран пострадали бы, если бы я не сказал о Насере и встречах с ним, тем более что именно при нем осуществился поворот в сторону развития советско-египетских отношений.

Хорошим символом того периода в отношениях наших стран является свет, который дает Египту Асуанская плотина, построенная при активном содействии Советского Союза.

Люди воочию убеждались, что дружба с нашей страной приносит реальные блага народу, способствует подъему экономики страны и улучшению жизни народа. Египтяне все больше стали прислушиваться к шуму турбин Асуана.

Поступательный ход развития советско-египетских отношений стал во многом следствием глубокого знания Насером интересов страны и понимания им миролюбивого курса советской политики. Он отчетливо осознавал, что Египту от империализма не дождаться помощи ни в развитии экономики страны, ни в укреплении ее оборонного потенциала, ни в освобождении захваченных Израилем арабских земель. Осознавал и говорил об этом много раз при встречах с нами.

Много раз я слышал заявления Насера о том, что капитуляции арабов перед Израилем не должно быть. Он всегда повторял:

_ Все арабские территории, находящиеся под израильской оккупацией, необходимо освободить.

Он умел со знанием дела и характера арабов в доходчивых словах вселять в них уверенность в том, что справедливость одержит верх. Посещения Насером нашей страны, поездки советских деятелей в Египет укрепляли, в свою очередь, и его веру в то, что так оно и будет.

«Чудаки эти фараоны»

Каждая беседа с Насером имела свою специфику. Она определялась и характером конкретных вопросов, по которым происходил обмен мнениями. Но всегда присутствовали какие-то общие черты, заслуживающие быть отмеченными. Ведь Насер был человеком устойчивых принципов.

От первой встречи с Насером и до последней я видел его неизменно дружественно настроенным в отношении СССР. Он высоко ценил советскую помощь в сооружении Асуанской плотины, считал содействие СССР благородным. Насер верил в нашу страну.

Он говорил:

— Советский Союз не раз в трудные, а порой критические для Египта времена становился рядом с ним.

Дружественные отношения поддерживал Египет при Насере с другими социалистическими государствами. Насер стал одним из основателей движения неприсоединения и немало способствовал активизации и расширению его деятельности.

Что касается империалистических стран, не говоря уже об Израиле, то лидер Египта занимал бескомпромиссную позицию. Мысль об уступках в пользу агрессора, в пользу империалистов отметал как чуждую. В беседах он не раз подчеркивал:

— Политическим деятелям крупных стран Запада верить нельзя, они обязательно обманут арабов.

Естественно, направленность политики Насера пришпась не по вкусу империалистическим силам.

Если бы кто-то начал утверждать, что Насер сразу же взял линию на изменение социальной структуры общества в Египте посредством расширения прав и власти трудового народа, то такое заявление прозвучало бы как упрощение. Да это и понятно. Революцию 1952 года, которая привела к свержению монархии, совершила армия под руководством группы офицеров.

Какого-либо теоретического обоснования будущего пути развития страны руководство революции не имело. Насер это подчеркивал сам. Главной задачей являлось обеспечение независимости и самостоятельности Египта.

Разумеется, возник вопрос об улучшении положения людей труда, особенно феллахов, составляющих семьдесят процентов населения страны. Объявленная в 1952 году аграрная реформа, предполагалось, в известной мере решит эту проблему. Кстати, Египет стал первой страной на Ближнем Востоке и в Африке, где провозгласили такую реформу. Никто, и сам Насер, не ожидал,

что она коренным образом разрушит устои феодализма. Тем не менее ее позитивное воздействие на положение малоземельных феллахов выявилось как неоспоримое.

Насер постепенно, но неуклонно подходил к пониманию того, что успешное развитие страны невозможно без решения социально-экономических проблем. Он стал проявлять все больший интерес к общественно-политическим наукам, в том числе к марксизму-ленинизму, о чем говорил сам. Он изучал опыт построения социализма в нашей стране. В этой связи можно считать закономерным стремление Насера к развитию экономики на основе каких-то плановых программ, признание им существования классовой борьбы в египетском обществе и необходимости создания партии в качестве политической опоры режима.

Насер думал о будущем Египта и своего народа. Он прилагал все усилия к тому, чтобы это будущее стало лучше, светлее.

В беседах с нами Насер всегда окружал гостей вниманием. Не скрою, нравилась мне и манера ведения бесед, которую предпочитал Насер. Он не любил длинных заявлений. Обычно, усевшись в кресло, Насер называл вопрос, по которому хотел обменяться мнениями, а затем излагал по нему свою позицию. При этом Насер не обращал внимания на то, говорить ли ему первым или вторым. Обсуждать порядок ведения беседы он считал делом малополезным, если не лишним.

Высказываясь, как правило, кратко, Насер выражал мысли ясно. В историю заглядывать у него особой склонности не ощущалось. Конечно, как и все египтяне, Насер гордился стариной и ее памятниками, которыми изобилует Египет. Но этим он скорее отдавал дань своему патриотическому долгу в разговоре с иностранцами.

А вообще-то он подшучивал, когда кто-либо высказывал восхищение пирамидами. Как-то в беседе со мной сказал:

— Зачем чудаки-фараоны возводили пирамиды? Ведь они бесполезны для людей труда как прежде, так и теперь. Цели их создания были далеки от народа.

Не было случая, чтобы в ходе беседы Насер повысил голос, даже если говорил об Израиле и империализме. Казалось, эмоции у него вовсе отсутствовали. Конечно, это следует отнести исключительно за счет умения контролировать себя.

Не раз я видел и слышал, как Насер выступает на митингах. Он обычно произносил речи по заранее заготовленному тексту. Голос негромкий, даже тихий, звучал убедительно. По всему было видно, что специфической ораторской стороне дела он большого значения не придавал. Несмотря на все это, его слова и фразы

ложились метко и воспринимались аудиторией с энтузиазмом.

Когда Насер выступал перед рабочими, служащими или феллахами, то, как правило, говорил на египетском диалекте арабского языка, более доступном и понятном присутствующим. Проблемы трудового народа он знал хорошо и их решение увязывал с общенациональными задачами.

По моим наблюдениям и наблюдениям других советских товарищей Насер и его семья жили в скромных условиях. Особняк в Каире, который они занимали и в котором я был не один раз, ничем не выделялся среди остальных. Признаков роскоши в нем совершенно не было. Королевских чертогов Насер не признавал, и это, судя по всему, людям нравилось.

Никогда не козырял Насер положением и властью президента, хотя пользовался непререкаемым авторитетом.

Напряженность борьбы сказалась, однако, даже на богатырском организме Насера. Здоровье его стало подводить. Несколько улучшилось оно после лечения у нас на Кавказе. Он окреп, посвежел. Но Насер не оставался бы Насером, если бы по возвращении в Каир не окунулся снова в водоворот событий, нарушая при этом рекомендации врачей, в том числе советских.

Отвечая на соответствующий вопрос во время одной из моих поездок в Каир, Насер сказал:

— После возвращения с Кавказа я на семьдесят пять процентов здоров, а на двадцать пять процентов — нездоров.

А потом добавил:

— Я и сам в этом виноват. Двадцать пять процентов — это только моя вина.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как заявить:

— Настоятельно советуем вам выполнять предписания советских медиков.

Насер ответил:

— Я постараюсь им следовать.

Тем не менее выражение его лица говорило о том, что такой ответ — это больше знак корректности. Да и весь вид его свидетельствовал о том, что его угнетает недуг. Через несколько месяцев, в сентябре 1970 года, этого выдающегося человека не стало.

При всем риске впасть в крайность, подчеркивая роль субъективного фактора в конкретных условиях Ближнего Востока, беру на себя смелость сказать:

— Проживи этот человек еще несколько лет, обстановка в районе могла бы сложиться и по-другому.

Но и то, что он успел сделать, если проанализировать цепь событий, послужило мощным катализатором для утверждения

самосознания арабов и их законных прав. А это уже само по себе имеет важное историческое значение.

Богатая палитра ведения дел

Не могу обойти вниманием и Махмуда Фавзи, сподвижника Насера, внушительную фигуру египетской дипломатической службы. Этот человек выделялся на фоне дипломатов своей страны, а в некоторых отношениях, пожалуй, и в среде дипломатических работников арабских стран в целом.

Как дипломат Фавзи сложился еще задолго до египетской революции, опрокинувшей в 1952 году королевский трон. Успешно прошагав по служебным ступеням, Фавзи до назначения министром иностранных дел являлся с 1947 по 1952 год постоянным представителем Египта при ООН. После революции он прочно утвердился на позициях нового руководства и в области ведения внешних дел стал правой рукой президента Насера.

Знал я Фавзи на протяжении по крайней мере двадцати пяти лет. Мои первые встречи и беседы с ним состоялись в ООН. Хорошо подготовленный, опытный человек, он умело защищал интересы страны, интересы арабов.

Уже в начале пятидесятых годов все больше обнаруживало себя агрессивное направление во внешней политике Израиля. Под крышей ООН участились столкновения арабских государств с Израилем. В этих политических схватках сильно доставалось и США, которые, по сути дела, направляли внешнеполитический курс израильского государства.

Советский Союз уже на той стадии занял позицию активной поддержки арабских государств и осуждения агрессивных тенденций в политике Тель-Авива. Он высказался за то, чтобы Израиль и арабские государства строили отношения между собой только на мирной основе. Это конечно же противопоставило советскую позицию позиции США, которые поощряли экспансионистские устремления Израиля в отношении арабов.

Сложность положения усугублялась и тем, что сам арабский мир уже тогда не мог считаться сплоченным в отстаивании своих интересов, особенно когда ему приходилось сталкиваться с Соединенными Штатами. В этих условиях многое, поскольку речь идет об арабах, зависело от политики Египта.

Правда, в деле отстаивания прав арабов и его часто заносило в сторону экстремизма, отрицания вообще права Израиля на существование. Однако Фавзи понимал лучше, чем многие другие, что рано или поздно придется смириться с фактом существования независимого еврейского государства. В его выступлениях, заявлениях всегда присутствовала мысль, что

ближневосточные дела следует вести так, чтобы в максимальной степени защищать законные интересы арабов.

Назначение Фавзи министром иностранных дел Египта благоприятно отразилось на развитии советско-египетских отношений. По своему поведению, манере обсуждать проблемы и вести переговоры Фавзи относился к людям европейского склада. Он проявлял способность часами анализировать одну и ту же проблему под разными углами, умел в ходе анализа посмотреть на обсуждавшуюся проблему и глазами собеседника.

В дни визитов в Каир для встреч с Насером я с удовольствием отмечал, что Фавзи присутствовал на наших беседах даже после того, как уже не исполнял функции министра иностранных дел по состоянию здоровья. Он продолжал оставаться близким советником Насера. У его преемников палитра ведения практических дел с СССР была беднее.

Ярче, чем солнечный луч

Пожалуй, я сделал бы упущение, если бы не упомянул о поездках в древний египетский город Луксор, от которого рукой подать до Асуана. Здесь находились бывшие одно время столицей древнего Египта «стовратные» Фивы, слава о красоте и богатстве которых достигла Европы еще в античные времена.

Это «отец истории» — древнегреческий ученый Геродот в V веке до нашей эры посетил Фивы и назвал их «стовратными». Более двух тысячелетий Фивы являлись центром великой цивилизации.

А ныне Луксор как бы приветствует советских гостей и говорит им:

— Мы знаем, что вы направляетесь в Асуан, являющийся достойным памятником дружбы египетского и советского народов. Но обязательно посмотрите и памятники седой древности, которые щадит само время.

Дважды мне приходилось посещать Луксор с его грандиозными храмовыми комплексами, устоявшими и перед разрушительным воздействием тысячелетий, и под напором чужеземного вандализма, причинившего огромный ущерб многим египетским святыням.

Следы бессмысленной жажды разрушения нетрудно увидеть и сегодня на каменном теле сфинкса у пирамиды Хефрена. Немало таких следов и у древних храмов в Луксоре. Однако даже полуразрушенные они производят неизгладимое впечатление.

Особенно красив так называемый Южный храм — главная достопримечательность. Его стройные колонны отражаются в спокойных водах Нила. Построенный тысячелетия назад, он стал памятником трудолюбию и творческому гению древних египтян.

Подходишь к уцелевшим колоннам храма и поражаешься монументальности сооружения, вознесшегося на десятки метров. «Рост» каждой из трех статуй фараона Рамзеса II, украшающих главный вход, превышает двадцать метров.

Сохранился и стройный, покрытый иероглифическими надписями обелиск из розового асуанского гранита. Он весит, как мне сказали, более двух с половиной тысяч тонн. Его собрат, некогда стоявший рядом, находится теперь на парижской площади Согласия и служит своеобразным напоминанием о бесславно закончившемся египетском походе Наполеона.

Несомненны художественные достоинства Южного храма. Вызывают восхищение великолепные многофигурные композиции на стенах, запечатлевшие одно из памятных событий в истории

Древнего Египта — битву между египтянами и хеттами в XIV веке до нашей эры. Войска Египта вел в бой Рамзес II.

Другой — Карнакский храмовый комплекс находится в северной части Луксора. Здесь тоже лес колонн, расположенных и в хаотическом беспорядке, и группами, в которых просматривается довольно строгая гармония.

Стройными рядами высятся более сотни колонн знаменитого большого колонного зала храма. Двенадцать центральных колонн имеют 21 метр в высоту и 10 метров в обхвате каждая. Это даже по современным меркам — весьма внушительное сооружение.

Уже на протяжении столетий люди пытаются разгадать некоторые тайны строительного искусства, связанные с сооружением египетских пирамид и храмов. Однако многое и по сей день остается неясным.

Огромна площадь, на которой возвышаются остатки древних громад Луксора. Чтобы только обойти и бегло осмотреть исполинские статуи и барельефы, величественные колоннады и аллеи бараноголовых сфинксов, понадобился бы не один день. На вопросы, возникающие у тех, кто посещает Луксор, под силу ответить только специалистам.

А кто же из побывавших в Луксоре устоит от соблазна нанести визит в знаменитую Долину царей? Для этого надо только переехать на противоположный, западный берег Нила, где в скалистых отрогах Ливийских гор расположен «город мертвых».

Здесь в разное время были найдены останки и реликвии властелинов Древнего Египта. Эти находки имеют, конечно, неодинаковую ценность для науки и для нашего современника. Но все они приподнимают часть той завесы, которая скрывает от нас мир империи фараонов с ее богатством и нищетой, всесилием знати и бесправием рабов, с победами и поражениями в войнах, с окутанной дымкой времени жизнью простых людей, помпезными церемониями с участием фараонов и жрецов.

Опытный гид доставил нас ко входу в гробницу Тутанхамона (правил в XIV веке до нашей эры). Он был зятем прославленного фараона Эхнатона, который выступил как религиозный реформатор. Не менее знаменитой стала и жена Эхнатона — прекрасная Нефертити, красоту которой и сегодня воспевают в литературе, скульптуре и живописи.

Тутанхамон отменил религиозные реформы тестя, но умер, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет. По прихоти случая усыпальница фараона-юноши — единственная из дошедших до нас в неразграбленном, почти первозданном виде. Содержимое остальных гробниц Долины царей стало добычей воров и грабителей. Вполне понятно, что наружный и внутренний облик

этой усыпальницы стараются теперь, насколько возможно, сохранить.

С интересом спускались мы по ступеням, высеченным в скале. Миновали узкий коридор и оказались в сравнительно просторном подземном помещении. Площадь его составляла около 20–25 квадратных метров. Справа находилось помещение чуть поменьше.

Там — внушительный саркофаг фараона из светлого песчаника. Его углы бережно прикрывают распростертыми крыльями четыре прекрасные скульптуры богинь подземного царства.

Нам говорили, что в гробнице нашли несколько тысяч предметов, предназначение которых состояло в том, чтобы служить фараону в загробной жизни. Ныне все они, как и сама мумия древнего владыки, находятся в Египетском музее Каира, там мы ее и видели. Миллионы людей во многих странах, где экспонировались сокровища гробницы, могли любоваться великолепной золотой маской Тутанхамона, справедливо считающейся одним из шедевров искусства. Выставлялись эти богатства и в музеях нашей страны.

Находясь в подземелье, куда никакие звуки извне не доносятся, все мы испытывали странное ощущение. Мысленно как бы перенеслись в тот мир, в котором юный властелин повелевал подданными и рабами.

Неожиданно Лидия Дмитриевна задала такой вопрос:

— А что будет, если вся эта нависшая над нами скала просто осядет и придавит гробницу? Ведь никаких креплений здесь не видно.

У меня, однако, для ответа не нашлось ничего другого, как сказать:

— А зачем ей обрушиваться именно в тот момент, когда находимся здесь мы?

Развеять такое несколько мрачное настроение помог яркий пучок света, ворвавшийся с той стороны подземного лабиринта, откуда мы пришли. Нам объяснили, что это один из секретов древних. Правда, секрет на поверку раскрывался очень просто. Глубоко под землей стены расписывались художниками древности как бы при естественном солнечном освещении потому, что на всех поворотах — извилинах лабиринта — хода в усыпальницу фараона ставились рабы с начищенными до блеска отполированными металлическими пластинами, которые отражали солнечные «зайчики», как зеркала. Луч, пойманный первой пластиной на поверхности, передавался по всей этой системе глубоко вниз под землю, а там, как будто при

естественном свете, шли все работы.

Мне это напомнило другой шедевр древней египетской архитектуры — храм Абу-Симбел, расположенный неподалеку от Асуана. Жрецы сориентировали его таким образом, что в день рождения фараона первый солнечный луч, появлявшийся над линией горизонта, падал на корону, венчавшую голову фараона, статуя которого находилась в глубине храма. Посылая первое пламя дня на землю, солнце как бы освещало избранника.

В последнем пристанище Тутанхамона мы провели около часа. Все посетители, и это заметили гостеприимные хозяева, с гораздо большей поспешностью покидали усыпальницу, чем входили в нее. Вдохнув свежий воздух, мы бросили взгляд на в общем невысокую скалу, в которой устроены усыпальницы с останками былых владык Египта.

Свидетельства древней цивилизации в Египте дошли до наших дней благодаря сухому и знойному климату.

Когда мы были в Верхнем Египте, около Асуана, я спросил одного из представителей местных властей:

— Когда у вас в последний раз был дождь? Он, чуть призадумавшись, ответил:

— У нас здесь стык Ливийской, Аравийской и Нубийской пустынь. Очень жаркое место. И дождь в последний раз тут шел только двадцать три года назад.

Да, есть чем гордиться египтянину, какое бы положение он ни занимал в обществе, — прошлым своей страны, которое наука разбирает по крупицам и изучает его. Но сто крат был прав Насер, когда призывал народ:

— Отдавая дань прошлому, Египет обязан строить на собственное благо свое будущее.

Пусть Насеру не все было ясно, на какой основе должно создаваться будущее, но тем не менее он всячески подчеркивал:

— Все должно быть подчинено нуждам народа.

Вот почему, несмотря на попытки людей типа Садата умалить значение деятельности Насера, политика, проводившаяся им, чувство ответственности перед страной и умение выбирать для нее искренних друзей будут освещать египетскому народу путь в будущее, и притом ярче, чем тот солнечный луч, который в определенный час дня врывается в таинственную глубину древнего храма, или тот, который проникает в темное подземелье гробницы.

Миражи и падение Садата

История Египта богата событиями и насыщена неожиданными поворотами, взлетами и падениями в судьбе этой страны. История и распорядилась, чтобы на смену Насеру пришел Анвар Садат. Первый из них показал образец борьбы за безопасность и законные интересы Египта, за права арабов. Второй же продемонстрировал поистине изумительную способность к пренебрежению прежде всего жизненными интересами самого Египта, коренными нуждами арабов.

Удивительнее всего то, что Садат в то время, когда лидером египетского народа оставался Насер, считался преданным ему человеком. Но те, кто действительно хорошо знал Садата, всегда относились к нему с настороженностью.

Люди, осведомленные об обстановке в египетском руководстве того времени, рассказывали, что Насер не вполне доверял Садату как политическому деятелю. По крайней мере известно, что Насер не делился своими особо важными планами с ним даже тогда, когда тот занимал пост первого вице-президента.

Об идейных взглядах и уровне политического мышления Садата можно судить по его политическим увлечениям. Он в свое время занимался террористической деятельностью, сотрудничал с реакционной организацией «Братья-мусульмане», симпатизировал Гитлеру и его звериной философии, восхищался социал-демократическими деятелями крайне правого толка, проявлял себя как ярый противник коммунистической идеологии. А погиб он, по иронии судьбы, от рук религиозных фанатиков из той же самой организации «Братья-мусульмане», с которой одно время находился в тесной связи.

До советского руководства доходили сведения о Садате, характеризовавшие его далеко не с положительной стороны. Надо полагать, что это становилось известно и Насеру. Уже тогда от нашего внимания не ускользало то, что во время советско-египетских встреч на самом высоком уровне Садат почти не высказывался, больше отмалчивался.

Вспоминаю поездку в Александрию. Это имело место в мае 1964 года при посещении Египта советской делегацией во главе с Хрущевым. В основной машине кортежа, отправившегося из Каира, находились Хрущев и Насер. В следующей — я и Садат. Так как путешествие заняло с небольшими остановками что-то около трех часов, то для разговоров времени предоставлялось немало.

Мой собеседник оказался очень словоохотливым человеком.

Чувствовалось, что главной его задачей было повторять в разных вариациях одну и ту же мысль:

— Египет и СССР — настоящие друзья. Садат говорил:

— Египет и его руководство всей душой преданы дружбе с Советским Союзом и восхищаются его успехами в строительстве социализма.

Казалось, вот-вот он провозгласит лозунг:

— Да здравствует социализм в Египте!

Лозунга такого Садат не произнес, но он не переставал говорить:

— Египетское руководство ведет дело к тому, чтобы хозяином страны, как и в СССР, был народ, а не какая-то узкая группировка в обществе.

В свою очередь я заявил ему:

— Народ каждой страны, конечно, сам избирает тот общественный строй, при котором он желает жить. Но мы, советские люди, естественно, сочувствуем успеху социализма и уверены в том, что будущее мира лежит на путях социалистического преобразования общества.

Садат отвечал на это:

— Такая перспектива нас совсем не пугает. Мы и сами в Египте делаем кое-что из того, что можно расценить как зародыш социальных преобразований, которые обычно проводятся в странах, встающих на путь социалистического развития.

На мой вопрос Садат уточнил:

— Я имею в виду появление в египетской деревне хозяйств, которых земля и средства производства находятся, по существу, собственности государства, а не в частной собственности.

Кстати сказать, в этой поездке наша делегация посетила в северной части Египта одно такое хозяйство, которому передали советскую технику. Но из того, что мы увидели и узнали, трудно было понять, какое социальное лицо у этого и подобных ему хозяйств. Да, видимо, происходившее оставалось не более чем на стадии какого-то эксперимента.

Мы так увлеклись разговором с Садатом на тему о советско-египетской дружбе, что чуть не проглядели мираж, который возник перед нами, когда автомашины находились уже сравнительно недалеко от Александрии. Перед глазами вдруг предстал берег Средиземного моря, и я сказал вице-президенту:

— Смотрите, вот уже и берег Средиземного моря. Садат спокойно ответил:

— До моря нам предстоит проехать еще более десятка километров.

— Так вот же впереди виден его берег, — настойчиво

повторил я.

Собеседник пояснил:

— Это не берег, а самый настоящий мираж, который в этих широтах наблюдается нередко.

Это был первый и единственный случай в моей жизни, когда видел подобное явление.

Вспоминая сейчас об этом, хочется сравнить его с тем миражем, который затуманивал политическое видение Садата позже, в ту пору, когда он стал президентом Египта. Садат в конечном счете пал жертвой своей неспособности видеть пропасть между реальной действительностью, подлинными нуждами египетского народа, с одной стороны, и политическим миражем — с другой.

В Александрии после непродолжительного отдыха у нас состоялась беседа с египетской делегацией, которая прошла в атмосфере, отвечавшей духу добрых отношений, существовавших в то время между Советским Союзом и Египтом.

В перерыве между двумя раундами беседы мы по предложению Насера покатались на катерах по морю. Дорогу к морю, находившемуся примерно в 150–200 метрах от особняка, где проходила беседа, нам пришлось проходить с трудом, так как прибой вынес на берег массу мазута. На обратном пути мы тоже еле дошли до дома, ибо мазут облепил обувь, брюки, носки и освободиться от него иначе, как сбросив ботинки и переодевшись, оказалось просто невозможным. Мы даже шутили:

— А не устроил ли кто-то специальную мазутную диверсию против советской делегации?

Насер рассказал:

— Мы пока не в состоянии справиться с этим бедствием. Дело в том, что нефтепродукты, которые выносятся на берег, сбрасываются с судов далеко в открытом море. И поэтому нельзя даже назвать конкретных виновников этого загрязнения. В результате — побережье испорчено на протяжении десятков километров.

Тогда я еще раз воочию увидел конкретную иллюстрацию на тему загрязнения окружающей среды и еще лучше понял, насколько важна задача борьбы за ее чистоту.

После осмотра города и его достопримечательностей официальная часть поездки закончилась. Как говорят, «под занавес» мы спросили у хозяев:

— А где же то место в районе Александрии, на котором находилось одно из семи чудес света — знаменитый Фаросский маяк?

Мы знали, что его построили почти за три века до нашей эры,

еще в те времена, когда не родилась царица Клеопатра. Он приветливо светил мореплавателям на протяжении многих столетий.

Хозяева не могли показать точно, где когда-то стоял этот маяк, хотя примерное место его расположения они знали. История этого маяка, так же как и имена Клеопатры, Цезаря и Антония, дышавших некогда воздухом Александрии, окутана множеством преданий и легенд.

От пребывания в Александрии у всех нас остались живые впечатления. Мы как бы физически соприкоснулись с глубокой древностью.

Однако еще большее удовлетворение мы получили, разумеется, от бесед с Насером и его заявления:

— Мы — за дальнейшее углубление советско-египетских отношений! Это является постоянной политикой Египта.

Возвратилась наша делегация в Москву с солидным политическим багажом относительно перспектив этих отношений и с достаточной уверенностью в том, что Насер слов на ветер не бросает. И он действительно слово свое сдержал — наши отношения при нем не давали трещин. Они крепли.

Злая ирония

Прошло несколько лет. Во время очередного отпуска, когда я находился на отдыхе под Москвой, пришло сообщение о том, что Насер скончался.

Президентом Египта стал Садат. Как бы по инерции в течение ряда лет советско-египетские отношения в общем не отбрасывались назад, хотя и не получали развития. Затем, однако, стали все чаще появляться признаки того, что политическое руководство Египта все меньше следует линии Насера. Да и ссылаться на него Садат почти перестал, по крайней мере так было во время встреч и бесед, которые имели с ним советские представители, даже на самом высоком уровне в Кремле.

Бросалось в глаза, что Садат, обращаясь за экономической и военной помощью, систематически увеличивает заявки, особенно в отношении вооружений. С советской стороны с фактами и цифрами в руках неоднократно доказывалось, что и объем вооружений, поставленных нами Египту, и качество этих вооружений обеспечивают не только равенство с Израилем, но даже превосходство над ним, во всяком случае по ряду их видов.

Но Садат обращал на это мало внимания. Любой участник переговоров замечал, что он ищет предлог для выражения недовольства. Попытки с советской стороны перевести обсуждение этих вопросов в разумное русло успехов не давали.

Шаг за шагом все более отчетливо выявлялась линия Садата на то, чтобы внести изменения в египетско-советские отношения в направлении их свертывания. А когда до нас начала доходить информация о том, что Вашингтон прибегает к разного рода приманкам и посулам в отношениях с Садатом, то стало ясно, что назревает какой-то сговор Египта и США. Апогеем этого сговора стал визит Садата в Иерусалим и последующая антиарабская кэмп-дэвидская сделка.

Садат знал, что делает. Эти действия — не просчет и не ошибка. Они совершались по убеждению, являлись выражением его взглядов по существу.

Разве не выглядит злой иронией то, что Садату и премьер-министру Израиля Бегину присудили Нобелевскую премию как «борцам за мир»? Бегину, чьи руки всегда были обагрены арабской кровью и который после того, как стал «нобелевским лауреатом за мир», продолжал политику агрессии и кровавых расправ с мирным арабским населением, как это имело место в Ливане; Садату, который предал интересы арабского народа

Палестины и всех арабов, а египетскую территорию предоставил Соединенным Штатам Америки, стремящимся навязать свой военно-политический диктат народам Ближнего Востока, и не только им.

О Садате как о политической личности можно судить и по его отношению к наследию, к памяти Насера. В своих последних публичных выступлениях, особенно в книге «В поисках себя», он стал открыто принижать руководящую роль Насера в организации июльской революции 1952 года и, естественно, выпячивать себя.

Во время неоднократных поездок в Египет, встреч с Насером, Садатом и другими политическими деятелями приходилось встречаться с некоторыми видными египетскими военными. Не берусь характеризовать их с точки зрения профессиональной. Но во времена Насера, когда проводилась четко выраженная линия на укрепление безопасности страны, нетрудно было заметить в глазах офицеров и генералов огонек, если можно так выразиться, отражавший гордость за справедливость того дела, которое отстаивал Египет.

В последующем этот огонек потускнел, но не думаю, что уменьшился потенциал для того, чтобы такой огонек разгорелся с новой силой в будущем-. Военные неудачи, которые постигли Египет, не должны поколебать решимость страны, ее вооруженных сил в отстаивании своего правого дела.

Масштабы политического банкротства Садата и его курса огромны.

Про Садата еще говорили, что он «тьма египетская». Выражение это зародилось в глубокой древности. Из истории известно, что около 3500 лет назад в Египте на некоторое время наступила кромешная тьма. Только недавно ученые Смитсоновского института в Вашингтоне выяснили, что в то время на острове Тир в Эгейском море произошло извержение вулкана Санторин. Это извержение было крупнейшим за всю известную историю человечества. При взрыве в воздухе образовались огромные тучи пепла, перенесенные ветрами в Египет. Политика Садата, таким образом, ассоциировалась в народе со стихийным бедствием, в результате которого за 1400 лет до нашей эры тучи пепла покрыли огромную территорию древней страны. «Тьма египетская» и Садат — понятия, невраждебные одно другому.

Пигмей на фоне пирамид

Иногда ко мне обращаются и наши советские товарищи, и иностранные деятели со следующим вопросом:

— Вот вы много раз встречались с Садатом. Политика его более или менее известна, хотя разные страны и разные политические круги ее оценивают по-своему. А что представлял собой Садат как человек?

Отвечаю на этот вопрос так. В общении, особенно когда Садат имел дело с представителем крупного государства, он внешне являл собой воплощение предупредительности. Приказывает слугам:

— Принесите несколько видов фруктового сока.

— Что вы предпочитаете — кофе или чай? — вопрошает гостя или гостей. Переспрашивает чуть ли не каждого.

Это — Садат дома. Сама учтивость и обходительность. Поводит по помещениям, покажет комнаты, продемонстрирует памятные фотографии, чтобы собеседник знал, что встречался он со многими видными людьми.

Беседуя, Садат обычно не расставался с улыбкой. Складывалось впечатление, что на лице у него явный излишек материала, из которого делается эта улыбка. Говорил он, как правило, мягким, вкрадчивым голосом, который, казалось, предназначен только для добрых слов. Но в зависимости от ситуации этим голосом Садат мог излагать мысли, от которых веяло холодом и даже пронизывало морозом.

В разное время и при разных обстоятельствах мне доводилось наблюдать этого деятеля — и за столом переговоров, и на митингах. Оратором он считался посредственным. Его импровизированных, без заготовленного текста, выступлений на митингах мне не приходилось слышать. Но в беседах за столом переговоров, разложив перед собой справки, он мог говорить часами. Когда же Садат начинал нервничать и выражать беспокойство по тому или иному поводу, то речь его становилась сбивчивой. Так случалось, например, на переговорах во время двух последних визитов Садата в Москву.

Сейчас в политическом лексиконе стало модным слово «риторика». Мы вкладываем в него определенный негативный смысл.

Однако даже это слово не применимо к Садату, оно не полностью отражало его качество как приспособленца к событиям. Он обладал какой-то удивительной способностью заниматься фальсификацией фактов. Примечательно, что ни

политики, ни журналисты, ни историки, как правило, не любили ссылаться на Садата и цитировать его, дабы не оказаться в неловком положении.

Всю жизнь Садат страдал манией величия, а в годы его президентства она приняла, можно сказать, патологические формы, определявшие его поведение и как политика и как человека. Он не побоялся даже оказаться в смешном положении, когда попытался сопоставить значение своей личности с величием знаменитых египетских пирамид. Многие в Египте не сразу сумели понять, почему Садат построил одну из своих многочисленных резиденций вблизи пирамид, в районе Гизы. Очевидно, это делалось не в поисках чистого, свежего воздуха, поскольку Садат там никогда не отдыхал. Он навещал свою резиденцию в Гизе преимущественно с иностранными гостями.

Разгадать эту тайну помог нам сам Садат. Он дал указание личному фотографу снять себя стоящим у дома на фоне пирамид. Этот снимок широко распространялся. Да и во время пребывания в этом здании со своими иностранными гостями Садат садился и перемещался таким образом, чтобы в поле зрения собеседника всегда находились президент и величественные пирамиды.

В Египте широко известно изречение Геродота: «Люди боятся времени, а время боится пирамид». Слова не лишены смысла. Их повторяют всегда, когда у пирамид для гостей устраивают представление, основанное на игре света, музыки, и слов, записанных на пленку и доносящихся из динамика. Актер Садат пытался по-своему войти в историю и сопоставить свою особу с величавостью пирамид.

Когда в марте 1974 года я прибыл в Каир, Садат пригласил и меня в эту резиденцию для переговоров по Ближнему Востоку. Я тоже смотрел на все эти приемы позера и думал: «Странно, пигмей на фоне пирамид».

Мы провели с ним несколько часов. Уже тогда было видно, что этот деятель дрейфовал в сторону врагов арабского мира.

Садат часто говорил:

— Посмотрите, какие многотысячные демонстрации проходят в мою поддержку.

О том, как организовывались эти демонстрации и что участие в них оплачивалось властями, знали многие.

Примечательно, когда Садата хоронили, то улицы Каира были безлюдны. За гробом следовали лишь лица из ближайшего окружения Садата, три бывших президента США, тогдашний премьер-министр Израиля Бегин, несколько иностранных делегаций. На похоронах не присутствовал ни один видный арабский государственный или политический деятель.

Разве это не приговор Садату со стороны арабов?

Как не вспомнить тут всенародный траур в Египте в связи с кончиной президента Насера в сентябре 1970 года. Миллионы египтян прибыли в Каир. Они отдали долг признательности своему президенту и с глубокой скорбью проводили его в последний путь. Каир рыдал. Сотни полицейских пытались сдерживать людей, которые устремились к орудийному лафету, на котором везли гроб в усыпальницу. Тысячи людей разорвали на мелкие кусочки-сувениры белый саван, которым покрыли гроб с телом покойного.

В последний путь Насера провожали многие делегации и видные государственные деятели из десятков стран, в том числе и правительственная делегация нашей страны во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Проблеск не появился

Очаг напряженности и военной опасности на Ближнем Востоке существует вот уже более четырех десятилетий. Время от времени этот очаг дает грозные вспышки. Одна за другой накатываются волны израильской агрессии на соседние арабские государства. Империалистическое вмешательство во внутренние дела народов этого района продолжается.

Политика Вашингтона, объявившего Ближний Восток «сферой жизненных интересов» США, и поощряемые им экспансионистские устремления Тель-Авива являются главной причиной того, что здесь и поныне сохраняется взрывоопасная обстановка, а урегулирование все еще остается за горизонтом.

В политике США четко выражена линия на поддержание острой конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. Для достижения этой цели они не останавливаются и перед прямым применением силы, о чем свидетельствуют интервенционистские действия американской военщины в Ливане.

Главный упор тем не менее по-прежнему делается на использование Израиля, его захватнических амбиций. Мог бы сам Израиль с его ограниченными людскими и материальными ресурсами идти столь длительное время по пути агрессии и войны? Разумеется нет. Его политику питали и питают США, ставшие сообщником израильского экспансионизма на Ближнем Востоке.

Арабам упорно навязываются разного рода сепаратные сделки с Израилем. Известно, какими политическими издержками обернулось для Египта подписание мирного договора с Израилем. А разве не бесцеремонны притязания Израиля в отношении Ливана и Сирии?

Египет и Сирия — две наиболее влиятельные арабские страны, но в течение многих лет в ближневосточных делах они шли не по одной и той же дороге.

Сирия с начала израильской агрессии заняла принципиальные позиции. Она решительно осудила сделку в Кэмп-Дэвиде. После 1967 года, в самые сложные моменты положения на Ближнем Востоке, сирийское руководство во главе с президентом Хафезом Асадом придерживалось принципиальных позиций: Израиль должен освободить оккупированные арабские территории, в том числе и Голанские высоты, которые были захвачены силой; он должен уважать национальные права арабского палестинского народа, его законное стремление иметь свою государственность.

Уже в течение десятков лет древнее сирийское государство возглавляет крупный и дальновидный деятель — президент Хафез Асад, снискавший глубокое уважение не только в арабском мире, но и далеко за его пределами. Он хорошо понимал и понимает значение советско-арабской дружбы.

Принципиальные позиции Сирии находили выражение в наших деловых встречах с президентом Асадом. С ним я встречался и во время его визитов в Советский Союз, и моих — в Дамаск. Он неизменно демонстрировал глубокое знание проблем, серьезность к их подходу, трезвость в оценках политики Израиля.

Не могу не сказать, хотя бы кратко, о впечатлении, которое сложилось у меня об Асаде как человеке.

Сидит на диване собеседник — глава государства, предупредительный к гостям, подтянутый. Часто еле заметно улыбается. Но никакой нарочитости в этом нет! Весь внутренне собранный и, можно сказать, пружинистый. Он представляет собой как бы сгусток незаурядной воли. Внимательно следит за ходом мыслей партнера по беседе. Но можно быть уверенным, что ничего не пропустит важного, относящегося к политике и положению на Ближнем Востоке.

Он не любит просто повторять проклятия по адресу агрессора и его союзников. Но то, что говорит, по смыслу в его устах является точным и емким. Всегда видишь, что Асад хорошо продумал предмет разговора и что стратегическим направлением его мышления является дружба с Советским Союзом, который был и остается надежной опорой и Сирии, и в целом арабского мира в борьбе за его законные права.

Что касается палестинского вопроса, то «решение» его, по мнению Израиля, сводится лишь к согласию на предоставление палестинцам на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа куцей «административной автономии». Тем самым отрицается право четырехмиллионного арабского народа Палестины на образование собственного независимого государства.

Организация освобождения Палестины (ООП) не признается ни США, ни Израилем. Более того, Вашингтон взял перед Тель-Авивом обязательство не вести с ней никаких переговоров, не поддерживать контактов, хотя ООП получила широкое международное признание, представлена в ООН и ее учреждениях.

Все это говорит о том, что проблеск решения проблем Ближнего Востока в соответствии с законными интересами народов этого района пока не появился.

Об Арафате

Председателем Исполкома ООП является известный в арабском мире политический деятель Ясир Арафат. Руководство этой организацией — дело сложное ввиду множества разных в ней течений и проявляющихся, порой в резкой форме, разногласий вокруг ее политической линии.

Арафат не только колоритная фигура как политик, но и как человек. Его легко узнать еще издалека, на нем всегда национальная палестинская одежда, скромная, но привлекающая внимание своей типичностью. Мне приходилось неоднократно встречаться с Арафатом, и я просто не могу себе представить его в ином виде.

Палестинский лидер обладает незаурядным характером и убежден в правоте дела, за которое борется. Это — сильная черта. Заставить его изменить точку зрения — дело нелегкое. Арафат улыбнется, даже несколько раз и, словно смущаясь, будет приводить доводы в пользу взглядов, на которые он полагается. Но от своего не отступит. Голоса он обычно не повышает. Тем не менее, когда Арафат говорит о своем народе, в его глазах появляется блеск под напором эмоций. Он начинает убеждать собеседника с фразы:

— Мы, палестинцы, — это народ, лишенный национального очага. Нам негде преклонить голову.

Стремление США и Израиля воспрепятствовать реализации права палестинского народа на образование собственного государства находится в резком противоречии с решением ООН 1947 года, в котором предусматривается создание на базе Палестины арабского и еврейского государств. Этого решения никто не отменял. Советский Союз выступает за то, чтобы оно выполнялось. Пока же создано только государство Израиль.

Будущее покажет, сможет ли Арафат устоять против влияния тех сил, которые уже достаточно продемонстрировали свою неприязнь к подлинным национальным чаяниям палестинцев, которые упорно сопротивляются законному требованию палестинского народа о создании собственного независимого государства. Арафат выдвинулся в качестве руководителя не на уступках в пользу недругов палестинского народа, а как борец за правое дело палестинцев.

Тель-Авив не в ладах со здравым смыслом

Помню тот период, когда еврейское население Палестины добивалось создания своего независимого государства. Тогда израильские политические деятели в каждом разговоре с представителями СССР считали прежде всего необходимым выразить признательность нашей стране, Красной Армии, советскому руководству за то, что они сделали для спасения евреев от гитлеровских газовых камер. Позже многие деятели Израиля в беседе со мной благодарили нашу страну за поддержку в создании еврейского государства. Равным образом благодарили нас и арабские деятели за поддержку в создании арабского государства на территории бывшей Палестины.

Однако в течение всего периода после образования Израиля правители этой страны проводили политику захвата чужих земель. Экспансионистские замашки Тель-Авива как в зеркале отражаются в деятельности его политиков. Мне приходилось много раз встречаться с руководителями Израиля. Перед ними каждый раз я ставил вопрос:

— Неужели Израиль намерен бесконечно находиться в состоянии войны с арабскими странами?

Обращалось их внимание на ту непреложную истину, что израильское государство не может строить свое благополучие, нагнетая на Ближнем Востоке атмосферу вражды и ненависти. Подчеркивалось одновременно, что курс «с позиции силы» является близоруким.

Любой здравомыслящий человек не может не видеть, что арабские государства год от года укрепляют свой потенциал, что все более весомо звучит их голос на международной арене. Каких же новых поворотов можно ждать в развитии ситуации на Ближнем Востоке, если Израиль не отрешится от своей близорукой политики?

В сентябре 1984 года в Нью-Йорке, где мне пришлось находиться в качестве главы советской делегации на XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, я принял министра иностранных дел Израиля Ицхака Шамира по его просьбе. Тогда ему было сказано:

— Советский Союз, выступив с самого начала в пользу создания Израиля, исходил из своей принципиальной позиции, которая состоит в том, что еврейский народ имеет право на образование собственного государства, равно как и арабский

народ Палестины — своего. Это его право подкрепляется и тем, что он пережил в годы второй мировой войны из-за зверств фашистов. И даже теперь, когда Израиль относится к нашей стране недружественно, мы не согласны с теми, кто высказывается за его ликвидацию как независимого государства.

Шамир слушал меня внимательно и, казалось, с пониманием. А я ему подчеркнул основную мысль:

— Оставаясь на этой позиции, мы вместе с тем сурово осуждаем курс политики Тель-Авива, вставшего на путь захвата чужих земель, на которые он никаких прав не имеет. Решите для себя, выиграла ли ваша страна, проводя такую политику, или проиграла. Мы убеждены, что Израиль, конечно, проиграл. Ведь невозможно поверить в то, что арабский мир, международное общественное мнение когда-либо смирятся с экспансионистской политикой Израиля. Это исключено. Может быть, не завтра и не послезавтра, но рано или поздно справедливость восторжествует и арабские земли Израиль будет вынужден возвратить арабам.

Израиль должен жить в пределах своих в международном порядке признанных границ. Полагаться на бомбу, на винтовку — путь ненадежный. Он может длиться год, два, три, даже двадцать лет, но не всегда. Иначе это стало бы одним из библейских чудес.

Актуальность ленинских слов

Ассирия и Вавилония — государства, которые изучены современной наукой достаточно в той мере, чтобы понять в общих чертах, какими они были в древности. Выдающийся вклад в их познание внесла археология.

Древние ассирийцы и вавилоняне молились своим богам, культы их оберегали свои жрецы. Все это имело место за много столетий до нашей эры.

На месте тех великих государств древности ныне территории многих современных стран, и религия в них тоже иная, возникшая в нашу эру, — ислам.

Каждый раз, когда мне приходилось посещать Сирию и видеть обстановку в старых мечетях в Дамаске, я поражался, в каком экстазе правоверные мусульмане поклоняются аллаху. Примерно то же наблюдал в Турции, в частности в Стамбуле, а потом и в Египте.

Приходилось мне посещать и другие места отправления культа мусульманами. Не раз случалось присматриваться к паломникам. Всегда удивлялся: откуда у них такая отрешенность, вплоть до самопожертвования, при совершении обрядов своей религии? Едва ли какой-либо иной религиозный культ может сравниться с исламом по силе такого магнетизма.

Наверно, причины этого явления следует искать в истории народов, исповедующих ислам. Она распорядилась так, чтобы в мусульманских странах особенно прочно стояла стена, отделяющая мистику, непознанные загадки бытия, мифы о потустороннем мире от науки, научного истолкования явлений природы и возникновения самой религии.

Конечно, то же самое можно сказать о каждой религии, в том числе о христианстве. Но едва ли кто-либо будет оспаривать, что ислам в этом отношении порождает наибольшее число фанатиков.

Пожалуй, ни один другой район земного шара не представляет собой такой сложный конгломерат стран, глубоко различающихся по степени политического и экономического развития, по направленности их курса во внешней политике, как Ближний Восток. К тому же у него ограниченные, как бы «спрессованные» размеры территории. Монархические режимы соседствуют здесь с государствами, избравшими путь независимого развития, социалистической ориентации, путь борьбы против империализма.

Объективно существующие между арабскими странами

различия и имеющиеся между ними разногласия искусственно подогреваются недругами арабов в своих узких интересах. Враги народов этого региона постоянно предпринимают усилия — и, к сожалению, небезрезультатно — для расшатывания арабской солидарности, пытаются насаждать в среде арабов дух коллаборационизма с агрессорами, подрывать их веру в свое правое дело, в возможность успешно противостоять империалистическим замыслам.

У Советского Союза нет предубеждений в отношении той или иной арабской страны. Он стоит за нормальные, более того, добрые отношения со всеми этими государствами, независимо от их политического строя и идеологических воззрений. Такой курс СССР положительно, с пониманием воспринимается в арабских странах и их руководителями.

Вот пример. Беседуя со мной в декабре 1982 года, министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал, находившийся в Москве в составе делегации представителей арабских государств, сказал:

— Хочу дать высокую оценку ближневосточной политике СССР и выразить признательность за постоянную поддержку, которую ваша страна оказывает борьбе арабов за свои законные права и интересы.

Кстати, тогда же министр правильно подметил:

— Мой приезд в Москву совпал с пятидесятилетней годовщиной визита в Советский Союз моего отца, покойного короля Фей-сала, занимавшего во время своего приезда в вашу страну пост министра иностранных дел Саудовской Аравии.

Факт этот действительно примечательный с той точки зрения, что личные контакты руководящих деятелей двух государств, играющих значительную роль в международных делах, должны, конечно, происходить чаще, чем раз в полвека. Ведь обе стороны от контактов только выигрывают.

На Ближнем Востоке Советский Союз не ищет для себя каких-либо привилегий или корыстных выгод, как, впрочем, он не делает этого в мире нигде. Однако роль СССР в этом районе, находящемся в непосредственной близости от его границ, — отнюдь не роль стороннего наблюдателя. Еще Ленин говорил, что «наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса».[23] Эти ленинские слова тем более актуальны сегодня.

Руководствуясь этим реальным и непосредственным интересом, СССР не раз выдвигал идущие в развитие его прежних инициатив предложения о принципах ближневосточного урегулирования и путях его достижения. Они хорошо известны и

пользуются широкой поддержкой всех.

Советский Союз считает, что надежный путь к решению указанной проблемы лежит через созыв международной конференции по Ближнему Востоку. Итогом работы этой конференции должно стать подписание договора или договоров, охватывающих следующие органически связанные между собой компоненты ближневосточного урегулирования:

вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий;

осуществление законных национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства;

установление состояния мира, обеспечение безопасности и независимого развития всех государств — участников конфликта.

Одновременно должны быть выработаны и приняты международные гарантии соблюдения условий урегулирования.

Советский Союз призывал и призывает все стороны в конфликте действовать, исходя из трезвого учета законных прав и интересов друг друга.

Упоминание навевает ассоциации

Есть такая страна, которая в мире и в международных отношениях хорошо известна, хотя посещение ее — дело непростое. Ее дипломаты весьма активны на различных многосторонних форумах.

Казалось бы, что же тут такого? Страна как страна. Почти все страны — члены Организации Объединенных Наций. И эта — тоже. У нее — свой народ. Им кто-то руководит, на ее территории действуют свои законы. Время от времени ее представители посещают Советский Союз, хотя и не часто. В штаб-квартире в Нью-Йорке или на заседаниях других международных организаций советские дипломаты более или менее регулярно встречаются с ее официальными лицами.

В стране этой я никогда не был. Но встреча с ее представителями и даже упоминание о ней навевает особые ассоциации.

Это — Саудовская Аравия.

Даже беглое перечисление некоторых из них, мне кажется, представляет интерес.

Ассоциация первая. Саудовская Аравия — родина ислама. Он возник на территории этого государства еще в VII веке. С тех пор священные для мусульман всего мира города — Мекка и Медина стали центрами постоянного паломничества миллионов правоверных последователей пророка и почитателей корана. Летят, плывут, едут и идут пешком они из разных концов земли в святые места.

Ассоциация вторая. Саудовская Аравия занимает первое место в капиталистическом мире по добыче нефти. О баснословных богатствах саудовских шейхов ходят легенды, и они имеют под собой почву. На доходы от продажи нефти выросли сказочные дворцы властителей страны и современные порты в Персидском заливе и Красном море, отличные аэропорты, автострады и оборудованные по последнему слову науки и техники нефтеперегонные заводы.

Ассоциация третья. Саудовская Аравия одной из первых в мире — еще в 1926 году — признала Советский Союз, а СССР сделал то же одновременно на основе взаимности. Правда, тогда в нынешнем виде она не существовала, а на ее территории располагалось королевство, которое называлось Хиджаз, Неджд и присоединенные области. Оно-то и вступило в дипломатические отношения с СССР, а потом в 1932 году на его месте появилось новое государство — Саудовская Аравия, которая как

правопреемница продолжала поддерживать дипломатические связи с Советским Союзом.

Ассоциация четвертая. В столице Саудовской Аравии — Эр-Рияде до 1938 года находилось постпредство СССР. Возглавлял его известный арабист и полиглот Керим Абдрауфович Хакимов. В печальной памяти 1937 году полпреда отозвали в Москву, и он был репрессирован, а через год советская миссия в Эр-Рияде прекратила свое существование.

Ассоциация пятая. У страны свое особое лицо в экономическом и культурном развитии. Она привержена своим духовным ценностям. Здесь остатки рабства соседствуют с ультрамодерновыми постройками. Однако никто не должен мешать этому государству развиваться так, как оно хочет, и тем более вмешиваться в его внутренние дела.

Ассоциация шестая. С 1964 по 1975 год королем Саудовской Аравии являлся Фейсал, с 1975 по 1982 год — Халед, а с июня 1982 года до наших дней — Фахд ибн Абдель Азиз. До вступления на престол он, будучи принцем, занимал пост первого заместителя премьер-министра, а перед тем — министра внутренних дел. Нынешний министр иностранных дел, принц Сауд Аль Фейсал занимает эту должность с 1975 года и является сыном короля Фейсала. Этот министр иностранных дел Саудовской Аравии — один из наиболее уважаемых дипломатов в арабском мире.

Пишу об этом, чтобы показать, что посты в высших эшелонах власти прочно заняты родственниками короля, а их немало.

Не один раз я встречался с государственными деятелями Саудовской Аравии. Они хорошо ориентируются в современной обстановке. При обсуждении международных вопросов неизменно подчеркивают приверженность своего государства делу мира.

Хорошо знают официальные круги этой страны политическую дорогу в Москву. Они убеждены, что от социалистического государства могут получить только содействие в деле дальнейшего укрепления своей независимости. Не раз представители этого арабского государства голосовали за советские предложения в ООН.

В Москве да и в Нью-Йорке мне приходилось несколько раз встречаться с министром иностранных дел Саудовской Аравии Аль Фейсалом с целью обмена мнениями по актуальным вопросам положения на Ближнем Востоке. Высоченного роста, в неизменном арабском одеянии — длинный до пят темный бурнус, на голове — белая накидка — чутра и кольцо, прижимающее это покрытие на макушке, — укаль, — он уже своим видом вызывал расположение. А когда заходила беседа, производил впечатление

человека, хорошо ориентирующегося как в обстановке, касающейся Ближнего Востока, так и в международном положении в целом.

Можно привести и другие ассоциации, но они будут, по-моему, уже менее значимы.

Итак, сегодня разговор о Саудовской Аравии — это не суждения о каком-то сказочном мире, от которого веет седой стариной, а конкретное представление о стране, в которой живут люди, обуреваемые теми же думами и страстями, тревогами и надеждами, которые присущи и другим народам.

Когда смотришь фильмы о жизни арабов, то наиболее характерные бытовые сценки, взятые из глубины веков, можно увидеть чаще всего в лентах о Саудовской Аравии.

Конечно, художники кино одевают героев этих фильмов в типичную арабскую одежду — белую длинную до пят накидку, которую местные жители называют диздаша. В этих картинах есть и погони, и лихие всадники, несущиеся вдогонку за кем-то, и те, кто спасается от злодеев из пустыни. Режиссеры-постановщики часто дают волю воображению и утрируют то, что происходит в действительности. Тем не менее в таких кинопроизведениях все же находит отражение немало реальностей, которые показывают противоречивый образ этой исторической цитадели арабского мира, с одной стороны, — крайняя замедленность, а с другой — своеобразный динамизм.

Глава XIV
НА АМЕРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

А ведь было на что посмотреть! У Никсона на берегу океана. Проблема, ворвавшаяся в эпицентр политики. Исторический нонсенс. Джеральд Форд и владивостокская договоренность. Отпечаток подхода Меттерниха. С одной позиции на прямо противоположную. Борьба за договор. Поцелуй в Вене. За одним абсурдом — другой. Еще раз о правах человека. «Крестный отец» опасной концепции. Сайрус Вэнс до и после «развода». «Умеренный» Маски в Вене. Инцидент с самолетом. Мадрид — начало заседаний. Худой мир лучше доброй ссоры. «Необходимо искать соглашение». Куда они вели дело? Встречи с Шульцем. Испытание, с которым Кеннану не повезло. Успехи и неудачи Макговерна. «Хаммер» — значит «молот». Беседа с президентом. «Ваш муж за мир или за войну?»

Вся история советско-американских отношений убедительно показывает, что, когда СССР и США идут курсом взаимопонимания и сотрудничества, выигрывают их народы, интересы международной безопасности. Особенно наглядно проявлялся такой подход во время второй мировой войны, когда обе державы стали союзниками в величайшей битве против фашизма.

А ведь было на что посмотреть!

Немало полезного в советско-американских отношениях Делалось и в первой половине семидесятых годов, в период ослабления напряженности, что само по себе в большой мере способствовало развитию всего процесса разрядки. Позитивные сдвиги в отношениях между СССР и США обусловливались прежде всего активной миролюбивой внешней политикой Советского государства, неуклонным ростом его влияния и авторитета в международных делах, выходом на позиции военно-стратегического равенства с Соединенными Штатами Америки.

На этом фоне и в американской внешней политике начали становиться все более заметными элементы реализма. Хотя в США продолжали действовать влиятельные силы, враждебно относящиеся к сотрудничеству с Советским Союзом, в кругах, которые держали в своих руках бразды руководства в Вашингтоне, утверждалось понимание того, что постоянная напряженность в советско-американских отношениях, таящая в себе опасность серьезных осложнений, а тем более угрозу вооруженного конфликта, не отвечает и их собственным интересам. Все шире распространялось мнение, что для взаимоотношений с СССР невозможна никакая иная надежная основа, кроме мирного сосуществования, взаимного учета интересов безопасности обеих держав.

Тогдашнее государственное руководство США — республиканская администрация во главе с Р. Никсоном, — пожалуй, ближе всего подошло к осознанию необходимости мирных отношений с СССР.

Ричард Никсон был, возможно, самой противоречивой фигурой на посту президента США. На вершину государственной власти ему пришлось взбираться с большим трудом. Однако Никсону не откажешь в упорстве и умении преодолевать препятствия на пути к президентскому креслу. Даже после того, как он потерпел поражение на президентских выборах 1960 года в борьбе с кандидатом демократической партии Дж. Кеннеди, Никсон не отступил от пути к своей цели.

Всесильные капитаны промышленных и финансовых монополий США распознали наконец в Никсоне своего человека и без колебаний сделали выбор в его пользу. В результате выборов 1968 года он оказался на высшем посту в стране. На выборах 1972 года республиканская партия вновь одержала победу, и ему удалось сохранить президентское кресло.

Не подводил, ни в чем не подводил Никсон деятелей

большого бизнеса. На протяжении первого четырехлетия пребывания на посту президента его одобрительно похлопывал по плечу тот самый военно-промышленный комплекс, о пагубном влиянии которого на все стороны жизни и внешней политики США предупреждал Эйзенхауэр незадолго перед тем, как за ним закрылась дверь Белого дома. В общем, без особых потрясений прошла и половина второго срока президентства Никсона.

Затем, однако, Никсону суждено было пережить трагедию, заставившую его в августе 1974 года, еще до истечения конституционного срока, сказать Белому дому «прощай», когда он оказался перед угрозой привлечения к ответственности в связи с причастностью к так называемому «уотергейтскому делу».

Этот политический скандал разразился из-за того, что вскрылись противозаконные действия — попытка установить подслушивающее устройство в штаб-квартире демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне, подкупы, угрозы, лжесвидетельство, в которых оказались уличенными представители руководства республиканской партии и должностные лица Белого дома в период избирательной кампании.

«Уотергейт» будет долгое время давать работу историкам. Но если взять этот феномен в его чистом виде, то станет очевидной простая вещь — явление общего социального упадка. Ни в какие нормы человеческой морали и политической порядочности не укладываются приемы, практикуемые в высшем эшелоне тех кругов США, которые стремятся во что бы то ни стало устоять у власти. При этом конституцией часто пренебрегают. Проявляя неуемную жажду к тому, чтобы удержать за собой руль государственного корабля, считают, что цель оправдывает средства, даже если они сродни преступлению.

Хуже ли других Никсон? Ничуть. Другим просто везло. Возможно, они использовали более тонкие приемы. Не все одинаково поднаторели в «науке» привлекать избирателей.

В этой связи позволительно поставить вопросы:

— Есть ли более преступная цель, чем подготовка ядерной войны, которая неизбежно явилась бы величайшей трагедией для человечества?

— Есть ли действия более преступные, чем безудержная гонка ядерных вооружений?

Каждый объективно мыслящий человек может дать только один ответ:

— Нет!

А ведь какие каскады обманных заявлений с самых высоких государственных трибун, какие потоки недобросовестной

пропаганды распространяются в некоторых странах для того, чтобы не допустить запрещения ядерных испытаний, полного запрета ядерного оружия и ликвидации всех его видов. По сравнению с такой моралью, с такой политикой «Уотергейт» — это лишь эпизод, к тому же внутреннего значения.

Но при этом обращает на себя внимание одно обстоятельство. Все, что связано с этим эпизодом, перипетии узкопартийной и в целом внутриполитической борьбы как при Никсоне, так и в последующие годы в США как бы затмили положительные аспекты деятельности его администрации в области отношений с Советским Союзом.

У Никсона на берегу океана

Конечно, это не близко. Если взять Евразию, то от Атлантического океана до Тихого — тринадцать часовых поясов, из них по территории Советского Союза — одиннадцать. Америка в этом отношении поменьше — там от Нью-Йорка на побережье Атлантики до Сан-Франциско на берегу Тихого океана всего четыре часа разницы. Однако и это расстояние — очень большое.

Мне в ходе визита Н. С. Хрущева в сентябре 1959 года довелось сопровождать его в поездке по США и пролететь с востока на запад, а потом обратно, сделать своеобразный круг в самолете с остановками в различных городах. Во время этого кругового маршрута мы летели по южным частям страны, а возвращались почти по северным.

Поездка была, конечно, утомительной. Один из наших товарищей прикорнул сидя, когда мы ехали в поезде из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско. Над головой ярко сияло солнце — мы ехали в вагоне со стеклянной крышей. В это время поезд вырвался на участок дороги, которая шла по самому берегу океана. Кто-то воскликнул:

— Посмотрите, как красиво! Океан!

Поезд шел над высоким обрывом, где-то внизу виднелся песчаный пляж, люди на нем, белые буруны морской пены над волнами.

Вздремнувший товарищ проснулся, поднял голову и спросил, по-моему, спросонья не разобравшись:

— Это какой океан, Атлантический?

— Нет, — сказали ему. — Тихий.

— А-а-а… — разочарованно протянул он и… опять заснул. Как будто предупреждал: вот, мол, будет Атлантический, тогда и разбудите.

На побережье Тихого океана я попал и во время визита Л. И. Брежнева в США в 1973 году. Тогда нам довелось остановиться и даже переночевать в гостях у президента Никсона, в его личном доме. Этот дом на крутом берегу океана он считал своей летней резиденцией.

— Я купил его не так давно, — с гордостью говорил Никсон, показывая гостям большое деревянное строение и окружавшие его газоны и деревья, — и мне он очень нравится.

После переговоров в официальном Вашингтоне и в не менее официальном Кэмп-Дэвиде под Вашингтоном, здесь, на западном побережье, неподалеку от Лос-Анджелеса обстановка другая, я бы сказал даже напоминавшая домашнюю. Казалось, можно забыть о

протокольной скованности. К этому располагал и сам дом средней руки и по размерам и по убранству интерьера.

Однако под вечер Никсон устроил на открытом воздухе гала-прием. «Гала» — значит большой, особо торжественный. На него был приглашен цвет «высшего общества» штата. Вполне естественно, что на приеме оказалось много представителей деловых кругов.

Немало было и деятелей культуры, преобладали среди них артисты, и неудивительно, — рядом располагался Голливуд.

Да и разве можно побывать на каком-либо приеме в Америке, где бы не было артистов кино? Их участие в приемах считается для любого хозяина престижным.

Конечно, присутствовали среди приглашенных у Никсона местные чиновники, что повыше рангом. А венчал весь американский «гостевой корпус» губернатор Калифорнии Рональд Рейган.

Солидная очередь к почетным советским гостям тянулась довольно долго. Каждому подходившему высокий советский представитель пожимал руку. Рядом стоял я как министр иностранных дел СССР, а слева от меня — советский школ в США А. Ф. Добрынин.

Рейган обменялся с нами рукопожатием и задержался, сказав обычные по такому случаю слова приветствия. Рейган сказал коротко, всячески подчеркивая свое расположение к нам:

— Представители двух наших стран должны общаться.

Те, кто стоял за ним, терпеливо ожидали своей очереди.

— Кто-то из американцев между прочим бросил тогда такую фразу:

— А ведь у Рейгана свои мысли насчет Вашингтона. Он не прочь бы превратить его в свою резиденцию.

Особого значения мы этим словам не придали, потому что в то время неизвестно было о его дальнейших планах, тем более о предстоящем выдвижении кандидатуры на пост президента от той же республиканской партии, которую представлял Никсон.

Так мы впервые пообщались с Рональдом Рейганом.

В остальном прием проходил в обычном русле. Никсон подчеркивал свое гостеприимство. Обильно расточались улыбки как со стороны главного хозяина, так и со стороны главного гостя. Они неплохо в этом соревновались.

В тот же день состоялась первая беседа Никсона и Брежнева. Они договорились, что на следующее утро встретятся для ее продолжения в определенное время и согласовали его. Разумеется, я и наш посол тоже участвовали в первой беседе и должны были присоединиться для участия во второй.

На следующее утро посол А. Ф. Добрынин сообщил мне, что Никсон уже ходит вокруг дома и явно поджидает своего партнера для продолжения беседы. Но в комнатах, отведенных Л. И. Брежневу, пока никакого движения не было.

В результате Никсону пришлось порядком погулять вокруг собственного дома. Уже давно похаживали возле дома государственный секретарь Роджерс и помощник президента Киссинджер. К ним присоединились и мы с Добрыниным.

Брежнев вышел из дома с опозданием. Беседа по понятным причинам началась с некоторой протокольной неловкости, тем более что хозяин не догадался высказать мысль о том, что он проявил готовность начать беседу слишком рано, а гость не высказал сожаления, что он не сдержал слово и договоренность о начале беседы оказалась несоблюденной.

Они поздоровались, а Никсон для разрядки еще и пошутил:

— А я использовал это время для того, чтобы еще раз походить по саду и осмотреть свой собственный дом со стороны.

Вдали с крутого склона виднелся Тихий океан.

Обмениваясь мнениями между собой, мы, советские гости, пришли к выводу, что президент при покупке дома обращал внимание больше на чудесный вид в сторону Тихого океана, чем на сам дом, который особой роскошью не отличался.

Проблема, ворвавшаяся в эпицентр политики

Проблема ядерного оружия, можно сказать, ворвалась в эпицентр политики обеих держав — СССР и США. Советский Союз не требовалось убеждать в том, что эта проблема — особая и перед ней все остальные должны отступить.

Руководящие круги США оказались не готовы тогда, как, впрочем, и на протяжении многих последующих лет, пойти на решение этой жгучей проблемы по мотивам, о которых уже говорилось. Но все течение международных событий, с их сложностями и коллизиями, с новой силой убеждало, что ответственные деятели обязаны найти пути ее решения.

На горизонте внешней политики двух держав появилась основа для договоренности, хотя не сразу еще вырисовывались ее конкретные контуры. Это и понятно. Потребовались встречи, переговоры, тщательное изучение взаимных доводов «за» и «против» тех или иных направлений в работе по достижению соглашения. Но лед уже стал давать трещины. Руководство обеих стран, согласившись в принципе, что надо искать решение проблемы, направило энергию на такие поиски.

Много тогда пришлось поработать обеим столицам. Происходили визиты за визитами, встречи за встречами. Мне припоминаются слова Никсона, обращенные к Брежневу в конце мая 1972 года по прибытии с визитом в Москву.

— По американским данным, — сказал он, — США и Советский Союз накопили уже столько оружия, что могут неоднократно уничтожить друг друга.

Брежнев ответил на это:

— И по нашим расчетам получается то же самое.

Именно такого рода взаимопонимание, высказанное тогда вслух, лежало в основе нелегкой работы по подготовке Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Эту работу в ходе визита Никсона в Москву провели, а соглашение подписали.

Правда, оно касалось не всех компонентов стратегических наступательных вооружений, а охватывало только межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования и баллистические ракеты на подводных лодках. За бортом переговоров оставили стратегическую авиацию, которая, как предполагалось, станет предметом последующих переговоров.

Тем не менее Соглашение ОСВ-1 имело и имеет огромное значение для ограничения гонки ядерных вооружений.

Весть о достижении этого соглашения с быстротой молнии разнеслась из Москвы по всему миру. И в самых разных его уголках люди вздохнули свободнее.

Никто не может утверждать, что администрация Никсона, пойдя на указанную договоренность, бросила вызов военно-промышленному комплексу. Она лишь действовала вопреки устремлениям его наиболее экстремистских кругов и отдала предпочтение тем группировкам «большого бизнеса» США, которые придерживаются более умеренных взглядов. Безусловно, важную роль сыграло общественное мнение страны. Большинство американского народа, как и все другие народы, желает жить в мире.

То, что Соглашение ОСВ-1 действует и в настоящее время, еще больше подчеркивает его значимость. Именно из-за того, что его подписали, удалось затем разработать и подписать Договор ОСВ-2. Правда, в дальнейшем американская сторона не ратифицировала этот договор, но по взаимной договоренности СССР и США он фактически действовал в течение нескольких лет.

Несомненно, важным достижением явилось также заключение в мае 1972 года в период пребывания Никсона в СССР советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Стороны обязались не создавать системы ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования, не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы ПРО, ограниченные данным договором. Договор по ПРО выполняет свое предназначение и теперь, продолжая сдерживать гонку вооружений на одном из наиболее опасных ее направлений.

Принципиальное значение имело подписание тогда же, в мае 1972 года, документа — «Основы взаимоотношений между СССР и США», в котором обе стороны заявили, что они будут исходить из общей убежденности в том, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования». Это слова, которые заслуживают, чтобы их отлили в бронзе. Они напоминают о том, что вместо великодержавных имперских амбиций у людей, определяющих направление внешней политики Вашингтона, обязан присутствовать разум.

В «Основах взаимоотношений» констатировалось также, что различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства,

невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

Нелишне напомнить, что в соответствующих документах, обмен которыми состоялся при установлении в ноябре 1933 года дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, подчеркивалось: одним из главных условий нормализации этих отношений является невмешательство во внутренние дела друг друга. Такое положение зафиксировали тогда по инициативе американской стороны. И оно справедливо сегодня, как и в те годы. Принцип невмешательства во внутренние дела государств — неотъемлемая составная часть советской внешней политики со времен Ленина.

Крупным событием как в плане двусторонних советско-американских отношений, так и международном явилось достижение в июне 1973 года договоренности о предотвращении ядерной войны. Суть ее в том, что стороны согласились действовать таким образом, чтобы предотвратить создание ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, исключить возможность возникновения ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими государствами.

Вряд ли можно переоценить значение и этой договоренности, в соответствии с которой две наиболее могущественные державы обязались регулировать свои отношения таким образом, чтобы уменьшить, а затем вовсе устранить риск ядерного конфликта. И если этот риск за последние годы не уменьшался, а, наоборот, возрастал, то ответственность за такое положение целиком ложится на американскую сторону, взявшую курс на взвинчивание гонки ядерных вооружений, на достижение военного превосходства США и НАТО над СССР и Организацией Варшавского Договора.

В ходе визита Л. И. Брежнева в США в июне 1973 года, а также двух визитов Никсона в СССР (второй состоялся в июне — июле 1974 г.) стороны подписали серию других соглашений о сотрудничестве в различных областях — от торгово-экономической и культурной до исследования и мирного использования космоса, охраны окружающей среды и разработки искусственного сердца.

В тот период СССР и США заключили соглашений больше, чем за все время, минувшее с тех пор, как обе страны установили между собой дипломатические отношения. Эти соглашения создали обширную структуру двусторонних связей. Две страны построили также механизм политических переговоров и консультаций.

Исторический нонсенс

Продвижение в советско-американских отношениях, и прежде всего по кардинальным вопросам международной безопасности, позволило с надеждой взглянуть в будущее. Приоткрылись горизонты для сотрудничества государств с различным общественным строем. Появилась известная надежда, что гонка вооружений пойдет на спад.

Однако состояние отношений между СССР и США осложнялось агрессивными действиями Вашингтона в некоторых районах мира, в первую очередь в Индокитае. Вместе с тем успехи освободительного движения индокитайских народов представляли собой убедительный аргумент в пользу того, чтобы американские руководящие круги проявили наконец здравый смысл и избавились от заблуждений прошлого, в частности от иллюзий, будто «США все могут». Реалистически мыслящие деятели и в Соединенных Штатах начали осознавать, что это — исторический нонсенс и его давно пора отбросить.

Любой историк, в том числе и американский, при подведении баланса плюсов и минусов в политике администрации Никсона не может не учитывать того, что этот президент, по крайней мере к концу своего пребывания у власти, все же стал склоняться к пониманию бесперспективности агрессии США против вьетнамского народа и нашел в себе достаточно здравого смысла, чтобы предпринять определенные шаги к прекращению этой авантюры.

Не нам при оценке прошлого помогать Никсону набирать очки в свою пользу. Но такова объективная сторона дела. В январе 1973 года США подписали Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, в котором предусматривался вывод американских войск из Южного Вьетнама. И вскоре эти потерпевшие поражение войска получили приказ эвакуироваться. Завершение их вывода произошло уже при следующем президенте — Джеральде Форде.

Разумеется, решающее значение для победы над агрессором имела героическая борьба народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии за свою свободу и независимость. Эта борьба опиралась на братскую моральную и материальную поддержку Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Говоря об администрации Никсона, следует, однако, сказать и о том, что она и круги, служившие ей опорой, немало сделали для удушения в ряде стран законных режимов.

Ярким примером этого служит Чили, где в отношении

народной власти Альенде применялись заговоры, террор, подкуп. Скрытно и явно пускалось в ход все, чтобы добиться падения этого правительства. Так осуществлялось грубое вмешательство Вашингтона во внутренние дела Чили.

В активный союз с администрацией Никсона в действиях против режима Альенде вступила крупная монополия «Анаконда», уже давно сдавившая цепями экономику Чили, и прежде всего ее главную отрасль, связанную с добычей медной руды и производством меди. Свое змеиное имя эта американская монополия, как никогда, оправдала участием в той сети преступных акций, к которым прибегал Вашингтон, чтобы привести к власти в Чили кровавую фашистскую клику. И ответственность за все это ложится на Никсона и его администрацию.

Две стороны политического портрета? Да, две, противоречащие одна другой. Но таким предстал Никсон перед всем миром, такой явилась политика его администрации.

Что сказать о Никсоне как собеседнике? Нити главных вопросов обсуждения он, безусловно, держал в руках. Но в конкретику не всегда вникал. Это по его указанию делали другие. Особая роль принадлежала помощнику президента по вопросам национальной безопасности, а позже государственному секретарю США Г. Киссинджеру, который выполнял ее со знанием дела, хотя и сам опирался на солидный аппарат советников и специалистов.

Никсон вел беседы с представителями СССР в общем ровно. Так же он вел беседы и со мной. Нервы держал под контролем. Какой-либо рисовкой с видами на прессу, телевидение, по моему мнению, он не отличался. Я бы даже сказал, что он мог выглядеть скромно. Пусть скромность эта представлялась отчасти деланной. Однако для тех, кто знаком со ступенями его биографии и кто с ним встречался, являлось очевидным, что в характере этого человека имеется упорство и к договоренности с ним прийти не так-то легко.

Встречи с Никсоном, как правило, оставляли впечатление, что он склонен искать взаимопонимание с Советским Союзом. И нужно отметить, что встречи с президентом обычно приводили к какому-то продвижению вперед в решении обсуждавшихся вопросов.

Не припомню случая, чтобы Никсон в ходе рассмотрения тех или иных проблем пускался в экскурсы на тему о социальном строе государств, их идеологии. В беседах со мной он никогда этого ракурса не касался. Никсон всегда высказывался как прагматик. Собственно, он и не скрывал, что не желает развивать теоретические аспекты проблем, что его устраивает дискуссия,

приближенная к практическим потребностям.

Неблагоприятный оборот, который приняло для Никсона «уотергейтское дело», вынудил его подать в августе 1974 года в отставку. Президентский пост перешел к Джеральду Форду — до этого вице-президенту.

Джеральд Форд и владивостокская договоренность

Бывает так, что человек занимает крупный государственный пост, но говорят и пишут о нем как бы скороговоркой. К таким деятелям я бы отнес и Форда.

Конечно, президентом он пробыл недолго, всего немногим более двух лет. На выборах 1976 года Форд не выдержал борьбы в поединке с кандидатом от демократов Картером. Но ведь в конце концов всегда один из двух кандидатов в президенты выходит победителем, другой — терпит поражение. Ничейных результатов на президентских выборах не бывает.

Хотя Форд и Картер как политические деятели не имели, по общему признанию, каких-либо значительных преимуществ друг перед другом, сложилось так, что факторы, работавшие на Картера, оказались сильнее. Не последнюю роль среди них сыграло то обстоятельство, что фигура Картера являлась на политической арене США, как говорится, «свежей», а его партия — демократическая — оказалась более ловкой. Да и «Уотергейт», который подпортил репутацию республиканской партии, отнюдь не помогал Форду, выступавшему от нее кандидатом.

Для иностранца в известном смысле легче объективно охарактеризовать некоторые черты Форда политика и его деятельности, чем для американца. Справедливость требует подчеркнуть определенные события, связанные с президентством Форда, которые оставили след в международной политике того времени. Его администрация продолжала в общих чертах следовать внешнеполитическому курсу, сформировавшемуся при Никсоне, в духе того, что определялось как переход «от эры конфронтации к эре переговоров».

Вспоминаю, как в ноябре 1974 года Форд с государственным секретарем Киссинджером прибыли во Владивосток для встречи с Брежневым. Самолет президента приземлился на аэродроме недалеко от Владивостока. Форд бодро спустился по трапу. Перед нами, встречавшими его, предстал человек довольно высокого роста, по-спортивному подтянутый. В общении он был предупредительным. Наряду с тем его характеризовали, я бы сказал, простоватость и некоторая вольность в выражениях и поведении. Он меньше всего походил на интеллектуала.

Дорога с аэродрома во Владивосток произвела на американских гостей заметное впечатление. На протяжений почти всего пути они ехали вдоль бескрайних полей,

перемежавшихся лесами. Их осенний золотистый колорит придавал еще большее очарование красоте окружающей природы.

Цель этой советско-американской встречи состояла в том, чтобы продолжить рассмотрение вопросов, относящихся к разработке нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. В течение всех трех дней встречи проходили интенсивные беседы. Чувствовалось, что не только советская, но и американская сторона желает найти развязки нерешенных вопросов, с тем чтобы устранить препятствия на пути к соглашению.

Выделю один из обсуждавшихся вопросов, который позднее стал достоянием гласности и вместе с тем по воле Вашингтона — уже после ухода Форда — стал камнем преткновения на советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений.

Форд и Киссинджер настойчиво добивались, чтобы СССР отказался от значительной части так называемых тяжелых межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. Это, конечно, нанесло бы большой ущерб интересам нашего государства и не отвечало бы принципам равенства и одинаковой безопасности сторон. Само собой разумеется, согласиться на это советская сторона не могла и убедительно объяснила — почему.

К предмету переговоров, — утверждал Брежнев, — следует подходить реалистически. Ни одна из сторон не должна предпринимать попыток получить стратегическое преимущество за счет другой. Советскому Союзу тоже не нравится, что США имеют ядерные средства передового базирования в Европе и других районах вблизи нашей страны. Но ведь американские руководители сейчас отказываются даже рассматривать вопрос об этих средствах. В таких условиях поставленный американской стороной вопрос о советских межконтинентальных баллистических ракетах наземного базирования обсуждению не подлежит.

В конечном итоге Форд снял данный вопрос с повестки дня переговоров. Тем самым отпало главное затруднение, мешавшее достижению договоренности, и открылась перспектива для согласования Договора ОСВ-2.

Без сомнения, указанный шаг Форд предпринял после его тщательного анализа американскими специалистами и экспертами, с одобрения военного руководства США. Это уже потом карьеристы в военных мундирах стали изображать дело так, будто только Пентагон, действующий в соответствии с установками администрации Рейгана, оседлал истину, а Пентагон

времен Форда с нею якобы не ладил.

Можно сказать, что администрация Форда внесла свою лепту в поддержание в отношениях между СССР и США климата умеренности и взаимного учета интересов.

К периоду деятельности администрации Форда относится и другое событие позитивного характера — присоединение США к хельсинкскому Заключительному акту. В числе высших руководителей тридцати пяти государств — участников общеевропейского совещания, в том числе Советского Союза, президент Форд поставил от имени США свою подпись под этим важным международным документом.

Состоявшаяся в Хельсинки встреча глав делегаций СССР и США — Брежнева и Форда — прошла в деловой обстановке. Она показала, что в американской политике еще оставалась живой тенденция к диалогу, переговорам и к поиску мирного решения спорных проблем.

При администрации Форда наконец завершилась война во

Вьетнаме. Еще под свежим впечатлением провала агрессии США Форд сделал вынужденные признания:

— Вьетнам был травмой для нашей страны в течение пятнадцати или даже более лет. Война во Вьетнаме закончена. Она была печальным и трагическим событием во многих отношениях… Я думаю, что уроки прошлого во Вьетнаме будут учтены президентами, конгрессом, американским народом.

Что же, высказывания трезвые. Остается лишь пожелать, чтобы о них не забывали в Вашингтоне и сегодня.

Все это, вместе взятое, позволяет утверждать, что в политике республиканских администраций при Никсоне и Форде имелись позитивные, реалистические тенденции. Как ни парадоксально, все это в течение ряда лет контрастировало с курсом последующей республиканской администрации.

Но негативные проявления в американской внешней политике имели место и в годы президентства Форда. В частности, в декабре 1974 года конгресс США проголосовал за то, чтобы режим наибольшего благоприятствования в торговле и ее кредитовании, обычный в отношениях США с другими государствами, поставить в применении к Советскому Союзу в зависимость от решения вопросов, не имеющих ничего общего с торговлей, межгосударственными экономическими связями. СССР заявил, что он решительно отвергает попытки вести с ним торгово-экономические дела на дискриминационной основе.

Симптоматично и то, что в марте 1976 года президент Форд, подстраиваясь под настроения крайне правых сил в стране, распорядился, чтобы члены его администрации вообще

прекратили использовать слово «разрядка» и вместо него перешли к употреблению формулы «мир посредством силы».

Если бы за этим политическим сальто-мортале не стояли серьезные вещи, то можно было бы сказать, что хозяин Белого дома копирует какие-то спортивные упражнения. Но, увы! Его администрация и в самом деле пыталась умалить значение этого кульбита от курса на разрядку к курсу силовой политики. Однако его суть сразу же стала ясна и для общественного мнения внутри страны, и для внешнего мира.

Как видим, политический портрет Форда не менее противоречив, чем портрет Никсона. Однако такими они и запомнились мне, эти оба президента.

Отпечаток подхода Меттерниха

В разработке и проведении внешнеполитической линии администрации Никсона и Форда особое место принадлежит Генри Киссинджеру, бывшему государственным секретарем США при обоих президентах. О нем я уже упоминал.

Мой, пусть краткий, рассказ об этой незаурядной личности, во-первых, оправдан по крайней мере потому, что встреч с Киссинджером состоялось у меня, наверно, больше, чем с любым другим государственным секретарем США из тех, кто находился на этом посту после второй мировой войны. А в войну сам Киссинджер служил в военной разведке США где-то в Европе.

Второй мотив, который звучит, может быть, еще более убедительно для оправдания такого рассказа, — это то, что встречи с Киссинджером проходили в те годы, когда в советско-американских отношениях наметились позитивные сдвиги.

Вообще, политическая фигура Киссинджера заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько подробнее. Передо мной прошла череда политических деятелей Соединенных Штатов Америки. Каждый из них имел свое оригинальное лицо, свой образ мышления, обычно уже устоявшуюся теоретическую амуницию, которую пускал в ход в нужных случаях, и, само собой разумеется, все они являлись людьми с разным опытом.

Киссинджер, прежде чем занять пост государственного секретаря США, не шагал по длинной лестнице служебной карьеры. Тем не менее посты сначала помощника президента Никсона, а затем государственного секретаря США, по общему признанию, ему оказались вполне по плечу.

Немало потребовалось встреч на разных уровнях, чтобы подготовить уже упоминавшееся Временное соглашение ОСВ-1. Немало чашек чая на этих встречах мы выпили с Киссинджером. Советско-американские беседы, проходившие в Москве, Вашингтоне, Вене, Нью-Йорке, Женеве, носили деловой характер, с большой долей конкретики при рассмотрении соответствующих вопросов. Что касается встреч на высшем уровне, то они подводили итог, закрепляли договоренности, достигнутые на иных уровнях, и давали импульсы на будущее.

Всегда, когда два министра садились за стол переговоров, каждый из них исходил из того, что, во-первых, другая сторона желает соглашения, иначе ей незачем садиться за этот стол, а во-вторых, что собеседник, представляющий другую сторону, подготовился должным образом для рассмотрения соответствующих проблем.

Это означало, что ловкачество и хитреца не подходят и не сработают. Они могут лишь нанести урон престижу прибегающего к ним партнера.

Поэтому, не скрою, с немалой долей удивления я читал те страницы воспоминаний Киссинджера, где он пытается делать намеки на то, что в некоторых случаях — а говорится это в связи с беседами и на самом высоком уровне — ему якобы удавалось «перехитрить русских». Однако свои утверждения Киссинджер фактами не подкрепляет. Это и понятно: их попросту не существует.

Тут я должен взять Киссинджера под защиту. От кого? Да от самого же Киссинджера. Предмет переговоров особенно и не позволял хитрить. Методы, применяемые при торговле в частной лавке, сюда не подходили. Все детали, даже самые тонкие нюансы проблемы, тщательно учитывались, взвешивались, подвергались анализу по всем правилам науки, изучались компетентными экспертами и советниками.

Госсекретарь все это знал и на переговорах вел себя достаточно умно — не прибегал к тем средствам, на которые он делает намеки в своих мемуарах. Если Киссинджер и пытался предпринимать нечто подобное, если тайком и вытаскивал что-то из кармана, то ему приходилось тут же класть это «что-то» обратно в карман, опуская «очи долу». Теперь же в мемуарах он, видимо, не устоял перед соблазном поведать, как ему удавалось иногда «обойти партнеров» при подготовке соглашений ОСВ-1 и ОСВ-2. На в чем? Об этом у него нельзя прочесть ни слова.

Нет сомнений, что Киссинджер — человек способный, я бы сказал, очень способный, который к тому же приобрел немалый опыт во внешних делах. Он мог предлагать в пределах ему дозволенного разные комбинации решения того или иного вопроса.

Вести переговоры с ним мне представлялось весьма интересным. Он не оперировал какими-то силлогизмами, не повторял банальные фразы, к чему иногда прибегают не очень опытные дипломаты. В его арсенале аргументов в пользу того или иного предложения всегда находились такие, по поводу которых недостаточно было сказать, что они неубедительны. Требовалось показать, почему они неубедительны.

Киссинджер иногда прибегал к широким обобщениям при анализе той или иной проблемы. Особенно, когда предметом обсуждения являлись причины напряженности в мире, причины недоверия в отношениях между государствами, прежде всего между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Ему всегда очень хотелось подвести теоретическое

обоснование под политику Вашингтона по тому или иному вопросу.

В наших с ним переговорах по вопросам сокращения вооружений и разоружения он все больше делал упор на то, что все проблемы, которые разделяют Восток и Запад, в том числе СССР и США, взаимосвязаны между собой. Он часто говорил:

— Эти проблемы нельзя решать отдельно, поодиночке. Все они взаимосвязаны. Следовательно, решать их можно только комплексно.

Нравилось Киссинджеру поговорить об общих принципах, которыми, по его мнению, должны руководствоваться две державы во внешних делах. Однако в его рассуждениях на эту тему проступало немало сомнительного, а то и путаного, часто страдали и логика и история. Например, он неоднократно ссылался на Клеменса Меттерниха как на своего кумира в политической истории Европы XIX века. Киссинджер считал, что этот деятель, бывший министром иностранных дел Австрийской империи, а впоследствии и ее канцлером, придерживался правильной точки зрения относительно того, что проблемы, по которым существовали разногласия между европейскими государствами, не следовало рассматривать изолированно одну от другой и что их решение должно как бы совмещаться в едином процессе, пусть и длительном, поскольку при таком порядке легче приходить к договоренностям.

Вместе с тем Киссинджер явно не мог сказать ничего убедительного, когда его внимание обращалось на то, что деятельность Меттерниха и его последователей в немалой степени способствовала краху Австрийской империи. Да и до краха она почти непрерывно находилась в войнах, не говоря уже о шатком внутриполитическом положении. А то, что крах произошел, представлялось закономерным, так как Австро-Венгрия появилась как исторически искусственное образование, в основе которого лежали национальный гнет и имперские амбиции. Эта ее структура уже в наполеоновское время стала давать трещины перед тем, как окончательно развалиться в итоге первой мировой войны.

Чтобы охладить пыл государственного секретаря США в отношении Меттерниха, я говорил:

— Этот государственный деятель с его курсом и его теоретическими разработками действительно внес вклад в политику австрийской монархии, но только в направлении приближения ее краха. Недолго просуществовала империя. Она распалась.

Удивительнее всего то, что теоретические посылки

Киссинджера расходились с его практическими делами. Например, успехи в деятельности государственного секретаря США в администрации Никсона — а они совместные с советской стороной — имелись не в последнюю очередь потому, что Вашингтон не обусловливал договоренность по одной проблеме решением других.

Неоднократно я обращал внимание Киссинджера на следующее обстоятельство:

— Отстаиваемая вами концепция связывания всех проблем воедино — метод нежизненный и теоретически необоснованный.

Какого-либо убедительного ответа на такую оценку Киссинджер никогда дать не мог.

На протяжении почти всего периода пребывания на посту государственного секретаря США Киссинджер выступал за то, чтобы оказывать на Советский Союз нажим повсюду, где только возможно, — в Азии или Африке, на Ближнем Востоке или в другом районе мира, и вынуждать его идти на уступки. Только после этого, считал он, можно было вести дело к договоренностям с СССР.

Такой метод ведения внешней политики являл собой не что иное, как перенос на международные дела торгашества и политиканства, широко практикуемых в сфере американской внутренней политики, где это называется «крутить-вертеть» (sheeling and dealing). Само собой разумеется, что Вашингтону с помощью этого метода, рекламировавшегося как «вершина» дипломатического искусства, ничего путного добиться на переговорах с нами не удалось. Дело шло на лад лишь тогда, когда верх в политике США брали реализм и учет взаимных интересов сторон.

В разработанную Киссинджером схему не укладывалось то, что предпринималось СССР и США в области ограничения ядерного оружия, включая достигнутые между ними важные договоренности. Здесь государственный секретарь старался оставаться реалистом и не предлагал отложить такого рода соглашения до решения других спорных проблем. Так что в этом вопросе Киссинджер сталкивался с самим Киссинджером.

Возможно, любители разносить по графам внешнеполитические действия, то есть причислять некоторые из них к категории продиктованных соображениями прагматизма, так бы и поступили. Но Киссинджер — фигура более сложная.

С одной позиции на прямо противоположную

Продемонстрированная Киссинджером способность переключаться в некоторых проблемах с одной позиции на прямо противоположную, конечно, заслуживает осуждения. Ведь он признавал, что СССР и США, ведя переговоры по вопросам стратегических вооружений, руководствовались необходимостью соблюдения принципа равенства. Он любил в беседах неоднократно подчеркивать:

— Принцип равенства имеет основополагающее значение.

Однако сейчас, когда он не занимает никаких постов в администрации, Киссинджер, внесший немалый вклад в выработку соответствующих соглашений, фактически предает анафеме этот принцип. Кроме того, он пытается, вопреки фактам, доказывать, что имеющиеся соглашения двух держав теперь не вполне отвечают требованиям, вытекающим из указанного принципа. Доказательства? Никаких. Просто конъюнктура.

Встречи с ним убедили меня в том, что Киссинджеру свойственно увлекаться тактикой в ущерб стратегии. Известна также его виртуозность в отношениях с прессой.

Принципами Киссинджер часто пренебрегал, а пренебрежение ими — такая штука, которая за себя мстит. Свидетельство тому — всякого рода нелестные эпитеты в его адрес в связи с тем, что Киссинджер как глава государственного департамента не только оказался причастным к проводившейся Вашингтоном в течение всего послевоенного периода подрывной и заговорщической деятельности против других государств, режим которых не отвечает вкусам США, но и являлся одной из ключевых фигур, руководивших этой деятельностью и определявших ее конкретные цели и объекты.

Едва ли Киссинджеру удастся когда-либо смыть с себя пятно прямой причастности к осуществлению позорной акции по уничтожению Альенде и народного режима в Чили. То обстоятельство, что эти преступные действия, превратившие Чили в страну-тюрьму, с политическим гнетом, насилием и произволом, осуществило правительство США в целом, ничуть не уменьшает тяжести вины Киссинджера.

Есть у бывшего государственного секретаря одно качество, о котором сам он умалчивает, в том числе и в своих мемуарах. Это удивительная способность приспосабливаться к правящим верхам, мало заботясь о принципах, которые он сам отстаивал.

Ничуть не будет далеким от истины утверждение, что в определенные периоды его политической карьеры высшим принципом для него считалась беспринципность. Чем не Меттерних! И он не одинок.

Правда, одному принципу Киссинджер не изменяет. Его душе ближе тот президент, который занимает наиболее недружественную позицию в отношении Советского Союза и социализма. О нет, Киссинджер не отвергал предложений служить официально, как это происходило при Никсоне, главе Белого дома, признававшему необходимость искать общий язык с СССР. Но только до тех определенных пределов, пока это позволяет ему уверенно «держаться на плаву».

Но вот метаморфоза. Киссинджер, погрузившийся, казалось, в мир мемуаров после ухода с поста государственного секретаря, пытаясь всплыть на поверхность политической жизни США, снова предложил свои услуги Рейгану и его администрации. Той администрации, которая в течение длительного периода, едва заслышав слово «социализм», была готова кричать: «Чур, чур меня!» и предавать анафеме все полезное, что сделано ранее в советско-американских отношениях. Киссинджер в общем пошел на это не моргнув глазом, в надежде, а вдруг новый президент пожелает его взять в свой кабинет. Не вышло. Не тот стандарт.

Луций Сенека — воспитатель Нерона и римский философ начала нашей эры изрек мудрую формулу:

— Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным.

Признаться, иногда казалось, что Киссинджер с уверенностью всплывет на поверхность бурного моря международной политики и проявит еще себя в нужном направлении — в достижении соглашений о разоружении, прежде всего ядерном, и о недопущении распространения гонки вооружений на космос, а также по другим вопросам двустороннего порядка. Но этого пока не случилось. А жаль.

Борьба за договор

Как не раз бывало в истории советско-американских отношений, противники их нормального развития вновь извлекли на свет миф о «советской угрозе», широко пустили в политический оборот тезис, будто напряженность, враждебность и противоборство являются чуть ли не естественным состоянием для отношений между США и СССР.

Воздействие этих сил начало сказываться на всем внешнеполитическом курсе США, придавая ему все более противоречивый, не последовательный характер, с приходом к власти в Вашингтоне в 1977 году администрации Картера. Сам президент на протяжении срока своего пребывания в Белом доме шаг за шагом сползал к линии конфронтации с Советским Союзом.

Наша страна в этих условиях добивалась сохранения, а по возможности и развития всего положительного, что в предшествующие годы с немалым трудом накапливалось совместными усилиями сторон в советско-американских отношениях. Особое значение придавалось продолжению переговоров между СССР и США о заключении нового соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений — Договора ОСВ-2.

Уже первые контакты с администрацией Картера по этому вопросу выявили, что она намерена отойти от советско-американских договоренностей, в частности, достигнутых в ходе встречи на высшем уровне во Владивостоке, и добиться подписания такого договора, который давал бы США преимущества, причем значительные, над СССР в стратегических ядерных вооружениях. Именно такой подход Вашингтона изложил государственный секретарь США Сайрус Вэнс, прибывший в Москву в марте 1977 года.

Вэнс встречался с Брежневым. Между ними состоялся в принципиальном плане обмен мнениями по проблеме ядерных вооружений. Имел место ряд моих встреч с американским гостем, на которых эта проблема обсуждалась достаточно детально. Ему с цифрами и фактами в руках я разъяснял:

— Главное требование администрации США — о необходимости ликвидации половины советских «тяжелых» ракет (наземных МБР) — является не только неприемлемым, но иабсурдным. Мы решительно выступаем против того, чтобы расшатывался фундамент владивостокской договоренности, на выработку которой СССР и США потратили столько усилий. Этот

фундамент нужно уберечь от разрушения и на его основе довести до конца дело заключения между СССР и США второго соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Советскую принципиальную позицию я подтвердил затем и публично — на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов 31 марта 1977 года в Москве, где мне от имени советского руководства довелось сделать заявление и дать соответствующие разъяснения.

Отнюдь не будет преувеличением сказать, что международное общественное мнение в целом в вопросе ограничения стратегических вооружений находилось не на стороне позиции США и относилось с пониманием к позиции СССР.

Тема Договора ОСВ-2 стала центральной во время моей первой встречи с президентом Картером, состоявшейся в Вашингтоне в сентябре 1977 года. В Белый дом я прибыл вместе с первым заместителем министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и послом СССР в США А. Ф. Добрыниным. Пройдя через несколько комнат, где сидели помощники Картера, мы вошли в зал, в котором под председательством президента проводятся заседания правительства США и, так сказать, «делается» американская политика. Там уже находились Сайрус Вэнс, вездесущий помощник президента по внешнеполитическим вопросам Збигнев Бжезинский и посол США в Москве Малкольм Тун. Вместе мы ожидали появления Картера. Он вошел незаметно через какую-то дверь, а их в залах Белого дома хоть отбавляй.

Президент с неизменной полуулыбкой, которая, по словам шутников, не оставляла его и во сне, подошел к нам и тепло поздоровался.

Он явно хотел дать нам понять, что настроился на конструктивный лад.

Сели за овальный стол. С одной стороны находились советские участники переговоров, с другой — американские. Прежние президенты США, во всяком случае я могу судить об этом, потому что знал их, начиная с Рузвельта, предпочитали беседовать при такого рода встречах в своем рабочем кабинете. Там каждый присутствующий восседал в мягком кресле и испытывал большие неудобства из-за ограниченных возможностей общаться даже со своим соседом. В отличие от этого Картер, видимо, предпочитал, чтобы работающие при нем помощники и советники находились под рукой и немедленно передавали ему по цепочке любую справку, если только возникала такая необходимость. Это имело свой смысл,

поскольку багаж Картера в знании конкретных вопросов внешней политики не всегда отличался богатством, да и в Белом доме он появился недавно.

Беседу пришлось начать мне.

— Разрешите выразить удовлетворение, — сказал я, — по поводу возможности обсудить с вами лично, господин президент, некоторые узловые проблемы, в первую очередь оставшиеся еще нерешенными вопросы, связанные с Договором ОСВ-2.

Картеру была изложена советская позиция, ведущая к их развязке. Мы призвали президента содействовать достижению по ним согласия.

Со своей стороны Картер отметил:

— Мы готовы приложить усилия для ускорения ведущейся уже на протяжении ряда лет работы по подготовке Договора ОСВ-2.

Но как только в дальнейшей беседе с президентом речь пошла о конкретных вещах, то стало очевидно, что взаимопонимание найти не так-то просто.

Возникали немалые трудности, когда требовалось оперировать данными, касающимися параметров ракетно-ядерного оружия, его типов. Заминки у американцев случались даже из-за названия районов размещения такого оружия, хотя как эти названия, так и сами районы давно уже не были секретом для обеих сторон.

Картер, например, пытался выговаривать названия некоторых городов и районов Советского Союза, но у него получались просто какие-то непонятные звуки. Неоднократно, например, и с усилиями он произносил слово:

— Те-раш-нья.

Мы долго не могли понять, что это такое. Как потом оказалось, оно означало «Деражня» — название одного из населенных пунктов на Украине.

Будучи вообще человеком дотошным, Картер пытался щегольнуть в беседах своей осведомленностью о существе проблем. Но с первых же минут нашего знакомства с ним — это подтвердили и последующие встречи — чувствовалось, что американскому президенту все-таки трудно схватить суть некоторых вопросов советско-американских отношений, в том числе и одного из самых трудных — разработки Договора ОСВ-2. Вообще всю конкретику в разговоре он переносил с некоторым дискомфортом. Это вовсе не упрек ему.

Так, в частности, американские специалисты внушили президенту, что главное внимание со стороны США на переговорах следует уделить имеющимся у СССР «тяжелым»

ракетам и что именно их число советская сторона должна непременно сократить. Эта мысль крепко засела в голове у Картера, поскольку специалисты, что называется, разъяснили ему ее на пальцах. Кстати, таким же методом он пытался продемонстрировать ее и мне.

В какой-то момент нашей беседы Картер достал сувенирный набор ракет из пластмассы, в котором один ряд изображал советские ракеты, а другой — американские, и поставил его на стол. Показав на две наши ракеты, по своему «росту» явно превышавшие самые большие американские, и постучав по ним пальцем, он сказал:

— Вот этих-то мы больше всего боимся.

Одним словом, показав какие-то игрушки, он попытался избежать аргументации по существу и тем, судя по всему, остался доволен.

У Картера, как и у других американских президентов — его предшественников, на первом плане всегда стояла задача ограничить советский ядерный потенциал, сохранив при этом главные ударные силы США в неприкосновенности. Лишь с трудом, под влиянием неопровержимых доводов и конструктивной линии СССР, получавшей широкую поддержку в мире, он сдвигался со своей позиции, нацеленной на получение для США односторонних преимуществ. Мы все же продвигались в сторону достижения новых советско-американских договоренностей.

Проблема ограничения и сокращения ядерных вооружений затрагивает каждого человека, поскольку речь идет о судьбах мира, о сохранении жизни на Земле, и никто не может быть сторонним наблюдателем того, как растут горы этого оружия.

Но если для многих ядерный взрыв и его последствия известны лишь по кинофильмам или книгам, а для политиков — по докладам военных или ученых, то лично для Картера эта опасность должна была представляться более конкретной, осязаемой. Дело в том, что Картер — единственный из президентов, который имел прямое отношение к ядерной энергии и ядерным устройствам до того, как занял президентский пост. Молодой офицер-подводник, Картер стажировался на предприятиях электротехнической монополии «Дженерал электрик», которые занимались производством плутониевых реакторов для второй по счету в США атомной лодки «Си вулф». Его вместе с группой офицеров бросили на ликвидацию аварии одного из атомных реакторов. Картер находился в опасной зоне более минуты и получил годовую норму облучения. Поступок этот далеко не рядовой.

У Картера, который вблизи почувствовал дыхание ядерной смерти, казалось, должно бы быть в связи с этим особое отношение ко всему, что непосредственно касалось ядерной энергии. Но, как показало время, решительных выводов в отношении политики США по вопросам ядерного оружия он так и не сделал.

На протяжении беседы в Белом доме президент и его окружение то и дело принимались обмениваться между собой мнениями. Мы в это время старались из соображений такта не прислушиваться к их разговору. Беседа продолжалась три с лишним часа. В ее итоге все же удалось пройти некоторое расстояние к договоренности. Однако разногласия мы тогда преодолели далеко еще не все, и, чтобы устранить их, требовалось возвращаться к обсуждению вопросов, которые, казалось, уже остались позади.

Буквально через несколько дней я вновь встретился с Картером в Белом доме. После этой встречи оставались нерешенными отдельные вопросы, не имевшие уже принципиального характера, и подготовка Договора ОСВ-2 могла бы быть вскоре доведена до конца, если бы американская сторона опять не прибегла к тактике затяжек с выработкой окончательного текста договора в надежде все же вынудить Советский Союз пойти на односторонние уступки.

В целом понадобилось более полутора лет кропотливой работы, встречи с Картером в 1978 году, а также несколько встреч с Вэнсом, прежде чем наконец оказался сверстанным проект Договора ОСВ-2.

Поцелуй в Вене

Политический Эверест того времени, таким образом, покорился.

Высшие руководители СССР и США — Л. И. Брежнев и Дж. Картер — прибыли вместе с министрами иностранных дел и министрами обороны в Вену, чтобы торжественно подписать Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

На заседании перед подписанием Картер поднял вопрос о вступлении договора в силу. Он заявил:

— Стороны, конечно, должны договор ратифицировать, как это и предусмотрено.

Советская делегация высказалась так:

— Подготовленный договор настолько важен с точки зрения сохранения мира и безопасности народов, что не должно быть никаких задержек со вступлением его в полную силу, то есть ратификацией законодательными органами СССР и США. Он должен действовать в полном объеме.

Как показало последующее развитие событий, напоминание о необходимости скорейшей ратификации договора оказалось более чем уместным.

…18 июня 1979 года. Дворец Хофбург. Обстановка торжественная. Залы блестят. Они не раз становились свидетелями важных встреч, результаты которых накладывали определенный отпечаток на европейскую историю.

Приближается момент подписания договора. Юристы уже не раз проверили точки и запятые в документе. Упаси боже, чтобы какой-либо неположенный прыжок одной или другой из них исказил смысл важного документа. Ведь его ожидает весь мир.

Церемония происходит в Редутном зале дворца. Оба руководителя делегаций берут ручки, присаживаются поудобнее и ставят свои подписи.

Не успели они еще привстать, как я задаю министру обороны СССР Дмитрию Федоровичу Устинову — мы стоим чуть сбоку — вопрос:

— Как думаешь, расцелуются или нет?

— Нет, — слышу в ответ, — незачем целоваться.

— Не уверен, — ответил я. — Хотя согласен, необязательно прибегать к этому жесту.

Но нас обоих в общем приятно удивила инициатива, которую проявил Картер. Договор скрепился поцелуем — в зале раздались аплодисменты.

Всегда события такого масштаба невольно вызывают исторические ассоциации. На церемонии подписания Договора ОСВ-2 на ум приходила, например, следующая параллель: здесь же, в Вене, в 1814–1815 годах состоялся конгресс европейских монархов, который завершил подведение итогов войны коалиции европейских держав против Наполеона. При всей важности того события в истории оно по своему значению никак не могло идти в сравнение с достигнутой между СССР и США договоренностью об ограничении стратегических ядерных вооружений, которая открывала возможность для снижения опасности, угрожающей самому существованию всего человечества.

А потом обе делегации присутствовали на спектакле в Венской опере. Там давали превосходную оперу Вольфганга Моцарта «Похищение из сераля». Ложа была украшена советским, американским и австрийским флагами.

Подписанный договор шел значительно дальше предшествовавшего ему временного соглашения (ОСВ-1), охватывая весь комплекс стратегических наступательных вооружений и перебрасывая мост к дальнейшему ограничению и сокращению ядерного оружия, что, как предполагали, в ближайшей перспективе будет предметом следующего этапа переговоров. Договор явился убедительной демонстрацией того, что при готовности учитывать законные интересы друг друга можно в конечном счете добиться договоренности по самым трудным вопросам. Вместе с тем этот договор заключал в себе и большой потенциал благоприятного воздействия на другие шаги по обузданию гонки вооружений и разоружению.

Во время пребывания в Вене между главами делегаций имел место обмен мнениями и по другим проблемам международной обстановки. В общем плане они подтвердили готовность продолжить переговоры по вопросам, которые оставались еще открытыми. В пользу этого в беседе со мной высказывался Сайрус Вэнс, не скрывавший своего большого удовлетворениях подписанием Договора ОСВ-2. Примерно то же говорил Д. Ф. Устинову министр обороны США Гарольд Браун и председатель объединенного комитета начальников штабов США Дэвис Джоун. Однако заявления американской стороны, сделанные в значительной мере под влиянием эмоций, не давали еще оснований строить надежные прогнозы относительно будущих переговоров по ядерному оружию.

Последовавшие затем действия администрации Картера в области советско-американских отношений, да и в международных делах в целом, способствовали укреплению в США позиций противников подписанного договора.

Администрация фактически пошла на поводу у тех, кто стремился во что бы то ни стало помешать его вступлению в силу.

В этих условиях вялые призывы Картера к сенату ратифицировать Договор ОСВ-2 выглядели конъюнктурным политическим приемом, направленным на поддержание скорее видимости того, что президент верен ранее взятым на себя обязательствам. В январе 1980 года Картер объявил о своем решении вообще отложить на неопределенное время рассмотрение этого вопроса.

Стало ясно, что администрация Картера вела дело к тому, чтобы сорвать ратификацию договора. Как известно, это довершила администрация Рейгана. Такие действия — без преувеличения — стали позором Америки. К этому выводу пришли объективно мыслящие люди, в том числе и в США.

За одним абсурдом — другой

В политике администрации Картера начали все более отчетливо проступать милитаристские устремления, которые в конечном счете преследовали цель сломать сложившийся примерный паритет военной мощи Востока и Запада. Словно бы и не было торжественного признания необходимости сохранить этот паритет, сделанного и американским президентом на встрече в Вене.

Стремясь изменить в пользу США и НАТО стратегическое равновесие сил в мире, Вашингтон пошел на резкое увеличение военных ассигнований, принятие многомиллиардных программ производства вооружений, подталкивал в том же направлении своих союзников по Североатлантическому блоку, который принял решение о дополнительной программе наращивания вооружений, а также о размещении на территории западноевропейских государств новых американских ядерных ракет. Одновременно Вашингтон без всяких на то оснований приостановил или вовсе прервал начатые ранее переговоры по ряду важных вопросов ограничения гонки вооружений.

Администрация Картера направила свои усилия и на то, чтобы подорвать процесс разрядки в Европе. Это предопределило обструкционистскую позицию США на белградской встрече (октябрь 1977 г. — март 1978 г.), а также на мадридской встрече представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1980–1983 гг.).

Американская сторона предприняла шаги по свертыванию торгово-экономических и культурных связей с СССР. В нарушение ранее взятых ею на себя обязательств начался пересмотр уже заключенных контрактов. Вашингтон наложил запрет на экспорт в Советский Союз некоторых видов товаров, объявленных «стратегическими», ввел эмбарго на продажу зерна.

За одним абсурдом следовал другой, за ним — третий и т. д. Вашингтон заявил о намерении строить советско-американские отношения на основе так называемой «увязки», то есть установления взаимозависимости между развитием этих отношений и выполнением Советским Союзом условий, неправомерно выдвигаемых США в вопросах, которые входят во внутреннюю компетенцию нашего государства или касаются отношений СССР с третьими странами. В рамках такого подхода в США развернули бесчестную пропагандистскую кампанию вокруг вопроса о «правах человека», которые якобы нарушаются в СССР и других социалистических странах.

Насквозь проникнутые фальшью разглагольствования на этот счет, наряду с измышлениями о «советской угрозе», «экспансионизме» СССР, стали излюбленным коньком администрации Картера, которая чем дальше, тем более активно проявляла себя в организации идеологических диверсий против Советского Союза. Все это имело целью ввести в заблуждение общественное мнение, закамуфлировать истинное лицо политической стратегии Вашингтона, его курс на расстройство советско-американских отношений, наращивание гонки вооружений, нагнетание напряженности в мире.

В провокационной кампании в связи с вопросом о «правах человека» непосредственное участие принял и лично Картер. В его выступлениях с назойливостью коммерческой рекламы звучала эта тема. Картер считал чуть ли не своим долгом поговорить о ней почти на каждой встрече с советскими представителями.

Это ощущал и я в беседах с Картером.

Белый дом. Только что шел разговор о необходимости второго соглашения об ограничении стратегических ядерных наступательных вооружений, которое означало бы создание серьезной преграды на пути развязывания войны, и обе стороны подчеркивали меру лежащей на них в этой связи ответственности, как вдруг Картер заявляет:

— Я хотел бы поставить вопрос из иной области — из области защиты прав человека.

А суть вопроса состояла в том, чтобы в Советском Союзе выпустили на свободу какого-то диссидента, осужденного за совершенные им преступления. Картер, наверно, полагал, что делает ловкий ход, перескакивая на указанную тему сразу же после обсуждения проблемы ракетно-ядерного оружия. Между тем такой ход президента, независимо от того, сознавал он это или нет, представлял собой по меньшей мере фривольное превышение своих полномочий, так как вопрос о преступнике-диссиденте относился и относится к компетенции Советского государства, а США тут ни при чем. Я сказал тогда:

— Мне остается лишь выразить недоумение, что этот вопрос ставится по инициативе президента в ходе нашей беседы. Что касается самого диссидента, то, извините, я ранее даже не слышал его фамилии.

Картер несколько смутился. Он-то думал, что ставит вопрос о какой-то солидной фигуре. А затем выяснилось, что это отщепенец, справедливо осужденный за нарушение советских законов.

На американской стороне стола начались перешептывания, и

затем Картер вернулся к поставленному вопросу, пытаясь доказать, что освобождение преступника все же отвечало бы интересам «соблюдения прав человека».

На нас этот эпизод в Белом доме произвел грустное впечатление. Несерьезность муссировавшейся Картером темы стала совершенно очевидной.

Поднимая на щит уголовника, рядясь в тогу «защитника прав человека», американская сторона, конечно, лицемерила. В повестке дня переговоров стояли жизненно важные проблемы — войны и мира, количественного и качественного ограничения ядерного оружия, да и обсуждение их еще не завершилось, если речь вести применительно к данной беседе. И как раз в это время президент нарочито выложил на стол переговоров ничтожный вопрос, сама постановка которого незаконна.

Об этом я так и сказал президенту напрямик, в категорической форме:

— Не пора ли отказаться от подобных приемов как непродуктивных?

На этом тогда дискуссия о правах осужденного преступника и закончилась.

Еще раз о правах человека

Тем не менее в политике администрации Картера демагогия вокруг прав человека становилась все гуще. Вашингтон стал все больше выставлять себя неким верховным судьей в этом вопросе. Кто уполномочил его выступать в такой роли? Ни Устав ООН, ни Заключительный акт общеевропейского совещания, ни какой-либо другой международный документ не давали ему — и не могли дать — подобных полномочий. Кроме того, хорошо известно, как обстоит дело в самих США с обеспечением прав трудящихся, национальных и расовых меньшинств, с правом на труд, со свободой слова и т. д.

Возьмем только международный аспект проблемы. Не кто иной, а именно США до сих пор либо отказываются ратифицировать, либо даже подписать пакт об экономических, социальных и культурных правах и пакт о гражданских и политических правах, а также международные конвенции о предупреждении геноцида, о ликвидации всех форм расовой дискриминации, о пресечении преступлений апартеида.

И в узких беседах с деятелями США, и на международных форумах советские представители постоянно подчеркивали, доводилось это делать и мне:

— Советский Союз был и остается поборником этих прав. Ради прав человека, ради трудящихся, во имя свободы свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Мы гордимся, что именно наша страна первой в мире утвердила на своей земле подлинное равенство людей, действительные, а не мнимые права человека. В годы второй мировой войны советский народ заплатил большой кровью за то, чтобы отстоять свои права и свободы, чтобы избавить человечество от угрозы фашистского порабощения, от мрака бесправия и угнетения.

Мы говорим всему миру:

— На современном этапе наша страна решает большие и сложные задачи в процессе совершенствования социализма, расширяя и углубляя социалистическую демократию, гарантируя своим гражданам всю полноту политических, социально-экономических и личных прав и свобод. У советских людей не могут не вызывать чувства законного возмущения наветы на их образ жизни. Они отвергают поучения, как им вести свои дела, какие порядки устанавливать в собственном доме. И те, кто замахивается на наши социальные, гражданские и нравственные ценности, пытаются вмешиваться в наши внутренние дела, будут получать, как и прежде, должный отпор. Вместе с тем мы

проявляли и проявляем готовность к международному сотрудничеству в области защиты прав человека на подлинно гуманной и честной основе.

Так мы говорили и Вашингтону.

Наша страна в одностороннем порядке взяла на себя обязательства не применять первой ядерное оружие. Если бы и другие ядерные державы, которые этого еще не сделали, откликнулись на наш соответствующий призыв и поступили таким же образом, то тем самым открылась бы перспектива коренного поворота к лучшему во всей военно-политической обстановке в мире. Это и есть борьба за право людей на жизнь, за право, которое имеет верховенство перед всеми другими правами. Никакие, даже самые изощренные, доводы против принятия этого обязательства нельзя признать убедительными.

А кем внесено в ООН предложение об осуждении ядерной войны, как самого чудовищного из преступлений, которые могут быть совершены против человечества? Внесено Советским Союзом. Мы твердо исходим из того, что нет и не может быть оправдания любым действиям, подталкивающим мир к пропасти, любым доктринам, основывающимся на «правомерности» применения первыми ядерного оружия.

Державы Запада неизменно голосуют против этого советского предложения. Спрашивается, где же здесь проявление заботы о правах человека, проявление гуманизма в их политике?

Советский Союз выступил с предложением о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Сейчас подземные испытания еще не запрещены. Откуда идут возражения против решения этого вопроса? С той же стороны. Спрашивается, какая из этих двух позиций является гуманной и какая — антигуманной?

Комментарии излишни.

Известна советская инициатива относительно запрещения создания новых видов и систем оружия массового уничтожения. Опыт свидетельствует, что когда тот или иной вид оружия оказывается в арсеналах государств, то добиться его изъятия из них становится намного труднее. Кто шарахается в сторону от этого предложения?

Все те же страны Запада.

Ныне человечество, фигурально выражаясь, сидит на горах оружия, к тому же растущих ежемесячно, еженедельно, ежедневно. Но кто, упорно прибегая к разного рода казуистике, возражает против того, чтобы по-настоящему обсудить на форуме с участием всех государств мира жгучую проблему общечеловеческого значения — о всеобщем и полном

разоружении, за которое неизменно выступало и выступает Советское государство, а вместе с ним все содружество социалистических стран?

Это делают те круги, которые формируют внешнюю политику союзников по блоку НАТО. Нет в ней ни должного уважения прав человека, ни гуманизма.

СССР и другие государства Варшавского Договора предлагают заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира, участники которого приняли бы на себя обязательство не применять друг против друга никакого оружия — ни ядерного, ни обычного. Кто против этого возражает?

Их адрес тот же.

Этот перечень можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы объективно мыслящие люди сделали выводы насчет того, чья внешняя политика пронизана истинным гуманизмом и чья не согласуется с ним. Они и делают эти выводы.

Гуманистическая, миролюбивая направленность внешней политики социализма связана с кровными жизненными правами и интересами народов всех стран, всех континентов.

Гораздо более узкий подход к правам человека на переговорах был, как правило, свойствен представителям ряда западных держав. Права человека как таковые их интересовали лишь постольку поскольку… Нередко здесь наши партнеры отделывались общими фразами. Все свои силы в этом вопросе они обращали на то, чтобы свести проблему прав человека к праву на эмиграцию из СССР. Право на эмиграцию того или иного конкретного гражданина, главным образом еврейской национальности, объявлялось пробным камнем «искренности Советов». Однако и на этом попытки давления на нас не ограничивались, так как право на эмиграцию ставилось в качестве условия для решения других важнейших вопросов.

Многие существенные проблемы налаживания нормальных советско-американских отношений не обсуждались, так как продвижение по ним сознательно тормозилось, причём бесконечно выдвигались все новые условия, связанные с правом на эмиграцию. Печальным примером такого странного подхода стала, например, поправка Джексона-Вэника, принятая конгрессом США. Она по-существу заморозила советско-американскую торговлю.

Наша принципиальная позиция состояла в том, чтобы рассматривать конкретные случаи эмиграции из СССР на основе советского законодательства и стремления помочь

воссоединению семей. Об этом мы и заявляли на переговорах. Кстати говоря, гуманный подход советской стороны к такого рода вопросам проявился в том, что в отдельные годы эмиграция евреев из СССР достигала десятков тысяч. Другая сторона с увеличением числа эмигрантов из СССР не только не выражала удовлетворения, но, напротив, цепляясь за отдельные «тяжелые случаи», стремилась нагнетать обстановку.

Что касается дипломатов, то им, конечно, всегда легче работается, если не возникает заторов по любому действительно важному вопросу, связанному с правами человека, в том числе и в такой нередко деликатной области, как эмиграция. Только решать эти проблемы нужно на путях усовершенствования законодательства и невмешательства во внутренние дела других стран. Советский Союз так и делает.

«Крестный отец» опасной концепции

Одним из самых наглядных проявлений откровенного империалистического курса Вашингтона, находящегося в резком противоречии с интересами народов, служит произвольное объявление тех или иных районов мира «сферами жизненных интересов» США. В частности, администрация Картера приняла решение об учреждении «сил быстрого развертывания» для оперативного военного вмешательства во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки. Так в конце XX века откровенно попираются общепризнанные нормы международного права.

«Крестным отцом» этой опасной для дела мира и свободы народов концепции стал Картер. И в годы его президентства она получила конкретное выражение в тех акциях, которые предпринимались США в международных делах.

К концу срока пребывания Картера на посту президента внешняя политика Вашингтона оказалась под прямым и сильным воздействием милитаристских настроений наиболее реакционной части правящих кругов США, которые фактически овладели инициативой в определении направления этой политики. Поначалу неустойчивая, а затем все больше поддававшаяся давлению этих кругов, политическая линия Картера обернулась против него самого, да и против демократической партии, кандидатом которой он выступал на выборах 1980 года, добиваясь своего переизбрания на второй срок.

Картер потерпел на этих выборах поражение от республиканского кандидата в президенты Рональда Рейгана, на которого сделали ставку другие силы, взявшие верх в политической жизни США. Картер пожал то, что посеял.

В чисто человеческом плане у меня от встреч с Картером осталось впечатление, что он обладал определенной степенью благожелательности. Но она обнаруживалась только тогда, когда острые вопросы войны и мира не были предметом обсуждения. В такой атмосфере он мог предложить десять тостов один за другим. И делал это хорошо, толково. Но главные проблемы сами напрашивались в повестку дня. Отмахнуться от них было нельзя.

В общении ему, видимо, помогал опыт проповедника, которому по долгу службы приходилось выступать перед аудиториями и потому всегда важно было уметь находить с ними контакт.

По ходу беседы Картер иногда делал «отступления» — как бы для разрядки, — давал собеседнику и себе возможность отвлечься

на время от обсуждения серьезных проблем. Так, перед одной из наших бесед в Белом доме президент пригласил в зал, где проходили переговоры, пожилую женщину.

— Знакомьтесь, пожалуйста, — вдруг обратился ко мне президент. — Это моя мать. Она часто бывает в Белом доме.

Мать президента оказалась общительной и приятной женщиной. Она тепло поприветствовала нас и сказала:

— Американцам, в том числе и мне, хотелось бы иметь добрые отношения с русскими.

Мы дружно поддержали эту ее мысль, а я добавил:

— Было бы хорошо, если бы ваши взгляды разделяли те представители американской стороны, которые ведут с нами переговоры.

Картер и его мать добродушно рассмеялись.

Сайрус Вэнс до и после «развода»

На протяжении большей части срока президентства Картера государственным секретарем США являлся Сайрус Вэнс. На поприще американской внешней политики он представлял собой интересную и солидную фигуру.

Назначение Вэнса государственным секретарем в немалой степени обусловливалось сложившимися между ним и Картером личными взаимоотношениями: в период избирательной кампании, предшествовавшей президентским выборам 1976 года, он занял в «команде» Картера-кандидата одну из главных должностей — советника по внешнеполитическим вопросам.

Еще раньше они оба принимали участие в работе действующей на полуофициальной основе так называемой «трехсторонней комиссии», созданной в 1973 году по инициативе Дэвида Рокфеллера. В нее вошли видные представители бизнеса, политические деятели и ученые-политологи США, Западной Европы и Японии для изучения политических и экономических проблем взаимодействия ведущих капиталистических держав.

Свою роль, несомненно, сыграло и то, что за Вэнсом к тому времени уже утвердилась репутация опытного и способного юриста, видного политического и общественного деятеля. Неудивительно поэтому, что Картер доверил ему один из наиболее важных постов в своей администрации.

До того как стать государственным секретарем, Вэнс приобрел известность и в нашей стране: он участвовал в общественных форумах, проводившихся по линии советской и американской ассоциаций содействия ООН. В начале семидесятых годов он входил в состав американской общественной организации «Национальный комитет за политическое урегулирование во Вьетнаме» и выступал с критикой военного вмешательства США в дела этой и других стран Индокитая.

Вэнс и сейчас, не занимая официального поста, является одним из авторитетных представителей общественного движения в США за ограничение вооружений и смягчение политического климата в мире. Он участвует в работе Международной комиссии по разоружению и вопросам безопасности, которую до 1986 года возглавлял видный деятель Социнтерна, премьер-министр Швеции Улоф Пальме.

Хорошо известно, что в возникновении такого рода общественных форумов и движений на Западе находит свое выражение тревога людей за положение дел в мире. И хотя

подобные проявления настроений, свойственных широким слоям населения западных стран, не всегда могли оказывать прямое влияние на формирование внешней политики этих государств, они тем не менее давали положительные импульсы развитию антивоенной направленности в общественном мнении. И уже одно это оправдывает существование таких форумов, в деятельности которых заметная роль принадлежит представителям интеллигенции, в частности научной — медикам, юристам, физикам и химикам, специалистам других направлений.

Гора дел и забот обрушилась на Вэнса с приходом его в государственный департамент США. Тяжелым грузом легла на его плечи, как он сам признавал, проблема ядерных вооружений, их ограничения и сокращения.

В бурном водовороте событий, в который Вэнс попал, его основательно бросало из стороны в сторону. При всем том он по натуре определенно не являлся пессимистом и обычно стремился находить слово, подпитывающее оптимистический взгляд на перспективу. За этим стояла и стоит тревога за будущее.

В наших контактах Вэнс, как правило, проявлял интерес к поискам взаимоприемлемых для США и СССР договоренностей. Много раз я присматривался к нему — и не только к тому, что излагал Вэнс от имени правительства США, но и к тому, как он это делал.

Взгляды Вэнса на ряд моментов были оригинальны. Он, конечно, отстаивал официальную позицию. Однако делал это, все же проявляя элементы гибкости. Так происходило, например, при обсуждении отдельных аспектов вопроса о ядерных ракетах. Вэнс изложил точку зрения администрации и предпочел не втягиваться в излишне углубленную дискуссию по проблеме, тактично уйдя в сторону. Он просто тоньше понимал ситуацию, чем другие.

В конце концов он не пожелал оставаться дальше на посту государственного секретаря США из-за несогласия с линией Картера по ряду вопросов внешней политики. Непосредственно поводом для ухода Вэнса в отставку послужило его открытое неодобрение акции по освобождению силой американских заложников в Иране, которую в конце апреля 1980 года США предприняли с санкции президента. Эта акция закончилась провалом. Отставку президент принял и, как это обычно делается, облек в корректную форму.

В жизни некоторых политических деятелей случается, что то или иное событие, внешне, казалось бы, для них неблагоприятное, оборачивается тем не менее им на пользу.

Нечто подобное произошло и с Вэнсом. В политических и общественных кругах и в США, и за рубежом факт его отставки не без оснований расценили как показатель твердых убеждений бывшего государственного секретаря, как человека принципиального.

Покинув государственный департамент, Вэнс вернулся к частной практике в солидную даже по американским стандартам юридическую фирму «Симпсон, Тэчер энд Бартлетт», совладельцем которой он является. Однако за ним неотступно ходит призрак политического деятеля, и тот факт, что он в свое время получил «развод» у американской администрации, заметно не умаляет его авторитета в стране.

Мне доводилось встречать Вэнса (впрочем, как и Картера) уже после его отставки, когда внешняя политика администрации Рейгана полностью проявилась со всеми ее атрибутами шовинизма и имперских амбиций. Беседа с ним всегда для меня представляла интерес.

Конечно, Вэнс — представитель другого социального мира. Он таковым и остается. Но это не мешает ему выступать за преодоление разногласий между США и СССР мирным путем.

В беседах Вэнс не раз высказывал совершенно правильную мысль:

— Народ США отвергает войну, а опасность ее возникновения его ужасает. Я верю в объективную возможность достижения взаимоприемлемых договоренностей между двумя державами и подчеркиваю это.

Во время наших встреч Вэнс, независимо от того, выступал ли он в официальном или личном качестве, всегда держался корректно — даже в тех случаях, когда американская и советская позиции абсолютно расходились. Он не сторонник резких слов, которые прочно взяты на вооружение администрацией Рейгана, особенно в публичной риторике.

Вэнс обладает чертами, во многом схожими и с теми, которые — я вспомнил министра иностранных дел Великобритании военных лет — были присущи Антони Идену. А если чего-то Вэнсу и недостает, так разве что иденовской изобретательности в вопросах тактики. По своей натуре Вэнс — человек оптимистического склада, живой, энергичный, способный. Иногда он оказывается среди тех, на кого с легкостью навешивают ярлыки «прокоммунист», «симпатизирующий коммунистам» и т. п., но это нонсенс.

В политической жизни США и раньше встречались, да и теперь встречаются люди, и их немало, которые смотрят на мир не через узкое окошко наживы и стяжательства, а стараются

бросить на него более широкий взгляд, что особенно важно, когда это касается внешних дел. Я бы уверенно причислил к таким людям и Вэнса.

«Умеренный» маски в вене

Было бы упущением с моей стороны, если бы я не остановился еще на одном из государственных секретарей США — Эдмонде Маски, который закончил свою карьеру одновременно с бывшим президентом Картером. На посту государственного секретаря Маски пробыл недолго. И встречался я с ним только один раз. Это произошло в период пребывания министров обеих держав — СССР и США — в Вене в мае 1980 года в связи с 25-й годовщиной подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии.

На встрече с Маски, запланированной заранее, состоялся основательный обмен мнениями по главным вопросам международного характера и двусторонних советско-американских отношений. Государственный секретарь, как и следовало ожидать, продемонстрировал по указанным вопросам основные позиции, которые занимала администрация Картера. Неприязнь администрации в подходе к Советскому Союзу проступала очевидно. Это явственно ощущалось при обсуждении и проблемы региональных конфликтов, и вопросов двусторонних отношений.

Советская сторона такой линии американской администрации противопоставила политику мира, разоружения и сдерживания гонки вооружений, особенно ядерных, политику в пользу разрядки международной напряженности, улучшения советско-американских отношений.

Когда обсуждалась проблема ядерного оружия, я от имени советского руководства подчеркнул следующую мысль:

— Вашингтон допустил вероломство, отказавшись ратифицировать Договор ОСВ-2. Совсем недавно на торжественной церемонии в австрийской столице Брежнев и Картер поставили под ним свои подписи. И что же показали последующие события? Они кроме всего прочего показали, что Вашингтон дешево ценит свои обязательства и свою подпись под документами, которые касаются важнейших проблем предотвращения угрозы ядерной войны.

Все, что сказал Маски в ответ на наши заявления как по данному вопросу, так и по другим, подтвердило, что администрация Картера дрейфует в сторону усиления напряженности в мире, обострения советско-американских отношений и углубления расхождения между СССР и США по проблеме ядерного оружия.

Конечно, позиции, которые отстаивал в Вене Маски, а в

Вашингтоне — сам Картер, означали шаг в том направлении, которое защищал вскоре после этого перед избирателями Картер, соревнуясь с Рейганом. Но он как бы этим самым облегчил положение Рейгана. Ведь кредо политической линии республиканского кандидата в президенты Рейгана состояло в том, чтобы по всем линиям внешней политики занять более правые позиции, чем Картер. И чем дальше сдвигался Картер вправо, тем дальше вправо двигался и Рейган, стремясь к тому, чтобы дистанция между ним и Картером оставалась побольше. Этого как раз требовали от Рейгана наиболее экстремистские силы, державшие в своих руках основные нити политики.

На заявлении и общем поведении Маски как политической фигуры все же лежала печать какой-то спокойной рассудительности, но только по сравнению с будущей администрацией Рейгана. Я склонен считать, что в известной степени это объяснялось и характером Маски. На вашингтонской политической сцене он всегда признавался как деятель, которому не чуждо упомянутое чувство при оценке вопросов международной обстановки. Но признаки умеренности в поведении и даже некоторых высказываниях государственного секретаря все же тонули в общей политике Вашингтона, особенно в вопросах советско-американских отношений и ядерного оружия.

Хотел бы я иметь Маски в качестве своего партнера при обсуждении соответствующих международных проблем и вопросов советско-американских отношений?

Если бы меня сегодня об этом спросили, то я бы, не задумываясь, сказал:

— Да, но только — Маски без груза негативной политики, которую он отстаивал в Вене.

Инцидент с самолетом

В 1980 году с приходом к власти администрации Рейгана по вине Вашингтона начала складываться все более напряженная обстановка в советско-американских отношениях. Наступил период серьезного похолодания в международном политическом климате.

Эта администрация немало поработала, чтобы расстроить то, что сделали в отношениях между СССР и США ее предшественники. Она поработала, нанося удары то по одному, то по другому соглашению. Выхолащивала содержание этих соглашений или, как это стало с Договором ОСВ-2, их объявляла мертвыми. Белый дом часто устраивал по ним траурные церемонии, стремясь к самой малой величине — к нулю.

Что было, то было. И этого из истории вычеркнуть нельзя. Только после советско-американских встреч в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне на самом высоком уровне и подписания договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности наметился поворот к улучшению отношений двух стран.

Что касается Советского Союза, то он своими действиями неоднократно доказывал, что с ним можно вести дело и быть уверенным в том, что свои обязательства он выполнит.

Сегодня, пожалуй, как никогда прежде, актуален основополагающий принцип международного права, гласящий: pact a sunt servanda.[24] Хотя принцип этот старый, ценность его с течением времени вовсе не ослабевает, а, напротив, возрастает. Он закреплен фактически во всех важнейших международных документах — от Устава ООН до Заключительного акта общеевропейского совещания.

За семь десятилетий истории своих отношений с зарубежными странами Советский Союз зарекомендовал себя как партнер добросовестный и последовательный в выполнении принятых на себя международных обязательств. Даже Уинстон Черчилль, которого уж никак не заподозришь в симпатиях к Советскому Союзу как к социалистическому государству, заявил однажды:

— Я не знаю ни одного правительства, которое более точно выполняло бы свои обязательства… чем Советское правительство. Добросовестное выполнение обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, является конституционным принципом внешней политики Советского Союза. Он закреплен в статье 29 нашей Конституции.

В международной жизни иногда бывают события, которые с

точки зрения масштаба не кажутся на первый взгляд важными, но которые тем не менее можно сравнить со взрывом, фигурально выражаясь, политической бомбы. Таким событием стал известный инцидент на Дальнем Востоке, происшедший в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года, когда был сбит южнокорейский самолет, грубо нарушивший государственную границу Советского Союза.

Весть об этом событии мгновенно разнеслась по всему миру. Незамедлительно последовала и реакция из разных стран, отличающаяся по своему характеру.

Наиболее нервно, хотя и сумбурно, отреагировал Вашингтон. Этот инцидент сознательно эксплуатировался определенными американскими кругами для обострения обстановки. Они подняли волну инсинуаций в отношении СССР.

Представители разных американских ведомств как бы соревновались в распространении фальшивых версий, часто противоречащих одна другой. Уже один тот факт, что роль главного клеветника на Советский Союз взялась исполнять сама администрация США, весьма показателен.

Сразу стало видно мало-мальски думающим людям, что Вашингтон защищает фактически свой самолет, что на самолет всего-навсего лишь приклеили южнокорейскую этикетку, что действительными творцами этой провокации против СССР, хозяевами полета, перед которым ставились военно-разведывательные цели, явились американские ведомства. Когда же провокация провалилась, то ее организаторы использовали инцидент в интересах разжигания военного психоза.

Случилось это всего за несколько дней до начала заключительного этапа мадридской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который проходил на уровне министров иностранных дел. Вашингтон, конечно, сообразил, что сорвать этот форум будет с его стороны перебором. Видимо, он предчувствовал, что рано или поздно истина выльется наружу и ответственность США за происшедшее с самолетом станет очевидной для всех. Что же произошло в испанской столице?

Мадрид — начало заседаний

Мадрид. 8 сентября 1983 года. Один за другим министры иностранных дел государств — участников форума входили в удобный, хорошо приспособленный для работы зал. Вместе со мной вошел заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев — один из крупных наших дипломатов. Это он в течение нескольких лет возглавлял советскую делегацию на мадридской встрече.

Обстановка несла на себе печать неопределенности. Каждый участник задавал и себе, и своим коллегам вопрос:

— Что же будет?

Электрический заряд в атмосфере ощущался основательный. Как всегда в подобных случаях, нашлись пессимисты, которые допускали:

— Форум может быть сорван.

Потенциальным виновником срыва они, конечно, считали Вашингтон. Но находились и оптимисты, которые высказывали такое мнение:

— Вашингтон все-таки на эту крайнюю меру не пойдет, принимая во внимание ее последствия для самих же США.

Нас, представителей Советского Союза и меня лично, засыпали вопросами:

— Что же будет? Чего ожидать от встречи в Мадриде? Разумеется, мы не брали на себя роль прорицателей, но давали ясно понять:

— Взорвать форум могут только те, кто вообще его не желает, хотя и скрывает свое нежелание.

Начались выступления министров с изложением политики государств, которые они представляли, по вопросам, стоявшим перед встречей. Представители стран НАТО в большинстве своем высказывались в пользу пущенных в оборот Вашингтоном версий инцидента с самолетом. Большинство, но не все. Некоторые говорили о том, что инцидент печальный, трагический, но давали ясно понять, что они не берут на веру объяснение Пентагона и американских спецслужб.

Государственный секретарь США Джордж Шульц выступил с речью, в общем враждебной по отношению к Советскому Союзу.

Пришлось давать отпор представителю американской администрации.

— Нарушение самолетом советских границ, — указал я, — является сознательной провокацией военно-разведывательного характера. От имени советского руководства я заявляю, что

Советский

Союз имеет священное право охранять свои границы и никому не позволит их безнаказанно нарушать. Это — его суверенное право. И другие государства имеют такое же право охраны и защиты своих границ.

После выступлений представителей США и СССР напряжение достигло, пожалуй, высшей точки. Все ожидали, что же произойдет, — выживет форум или захлебнется.

Худой мир лучше доброй ссоры

Между тем по инициативе государственного секретаря США, проявленной еще до прибытия в Мадрид, состоялась договоренность о моей двусторонней встрече с ним. Предполагалось, что на ней состоится обстоятельный обмен мнениями по вопросам советско-американских отношений и таким кардинальным проблемам международной обстановки, как ход переговоров по ограничению стратегических и европейских ядерных вооружений.

Итак, на следующий день после выступлений мы встретились. Не требовалось большой проницательности, чтобы заметить, что государственный секретарь США выглядел уныло. А обоим предстоял, что называется, откровенный разговор, только с разных позиций.

Шульц сразу начал развивать тему о правах человека, относящуюся к сугубо внутренним делам Советского Союза. Я в тактичной форме сказал:

— Обсуждать эту тему нет смысла, так как речь идет о наших чисто внутренних делах.

Шульц же опять повторил почти дословно сказанное. Только, видимо, для убедительности добавил:

— Это президент поручил мне высказать то, о чем я и начал говорить.

Снова в сдержанной форме я сказал собеседнику:

— Наши внутренние дела мы обсуждать ни с кем не намерены, а что касается поручения, которое дано вам как государственному секретарю, то оно не обязывает меня как представителя другого государства следовать указанию американского президента. Ведь не будете же вы обсуждать эти вопросы сами с собой? И не лучше ли нам перейти из маленькой комнаты в другую, где, надеюсь, мы сможем обсудить важные вопросы советско-американских отношений и международной политики в присутствии наших советников? Ведь именно об этом мы с вами условились заранее.

Шульцу ничего не оставалось, как согласиться перейти в другое помещение и приступить к беседе в более широком составе. На этой части беседы присутствовали с советской стороны заместитель министра иностранных дел СССР В. Г. Комплектов и переводчик В. М. Суходрев, с американской стороны — специальный помощник президента по советским делам Джек Мэтлок, заместитель государственного секретаря Ричард Бэрт и посол США в Москве Артур Хартман.

Как и ожидалось, Шульц, не успев сесть за стол, заговорил об инциденте с самолетом. Он, не реагируя на мое предложение относительно порядка беседы, стал излагать взгляды своего правительства по этому вопросу и опять сослался на указание президента.

Попытка навязать порядок беседы означала, что американская сторона просто не желала обсуждать другие действительно важные проблемы. Пришлось его остановить.

— Ваша попытка, — сказал я, — действовать согласно заранее разработанной в Вашингтоне схеме не может иметь успеха. Нам следует обсудить фундаментальные вопросы советско-американских отношений, положения в Европе в связи с проблемой ядерного оружия и положения в мире, которое становится все более напряженным.

После перепалки удалось все-таки добиться, чтобы беседа дальше продолжалась по тому плану, который диктовался взаимными интересами. Правда, прежде чем перейти к этому плану, потребовалось перешагнуть через много всяких реплик и деликатных моментов, включая и такой, когда мне пришлось прямо заявить:

— Если государственный секретарь США будет уходить от обсуждения важных вопросов и пытаться все дело свести к зачтению заявления Вашингтона об инциденте, то в таком случае у нас с вами нет предмета для разговора и нашу беседу можно считать законченной.

Из своей практики встреч с американскими официальными лицами я не могу припомнить ситуацию, когда государственный секретарь США так настойчиво пытался бы навязать свой порядок работы и отвернуться от разговора по важнейшим проблемам современности.

Поведение Шульца тем более трудно объяснимо после его заявления:

— Администрация Рейгана привержена к конструктивному диалогу с Советским Союзом.

Впрочем, такое заявление, не отражало реального положения вещей, так как США тогда вовсе не стремились к поискам решения проблем.

Обратив внимание государственного секретаря на эту сторону дела, я заявил:

— Я готов обсуждать вопросы, представляющие взаимный интерес, если, конечно, и вы к этому готовы. Главная задача сводится к тому, чтобы выравнять советско-американские отношения, внести разрядку в ту напряженную обстановку, которая создалась в результате действий США в отношениях

между двумя странами, да и в мире в целом.

Затем я изложил нашу позицию по кардинальным вопросам ядерных вооружений. Отметил при этом:

— Утверждения, будто вопрос о самолете является проблемой номер один, надуманны. В действительности проблема номер один, которой живет весь мир, — предотвращение ядерной войны. И едва ли найдется хоть один американец, если, конечно, он в своем уме, который не считает, что именно это — наиболее острая общечеловеческая задача.

От имени советского руководства я заявил:

— Мир сейчас все ближе сползает к очень опасной черте. Очевидно и то, что СССР и США несут большую ответственность за недопущение ядерной катастрофы. По нашему мнению, США должны по-новому оценить эту лежащую на них ответственность, а президенту и его администрации стоило бы смотреть на внешнеполитические дела не так, как прежде. Разве не факт, что отклоняется все предложения, ведущие к сдерживанию гонки вооружений, к ее ограничению, не говоря уже о сокращении ядерных вооружений? Сколько бы Советский Союз ни выдвигал конструктивных предложений с этой целью, США их с ходу отклоняют. Перечень таких примеров большой.

Советское руководство, — продолжал я, — исходит из того, что СССР и США обязаны активно способствовать устранению угрозы ядерной катастрофы. Кстати, на этот счет есть совместный официальный документ, принятый в свое время обоими государствами. Его положения обязывают наши страны действовать в этом направлении.

Шульц сидел молча.

— Советский Союз, — говорил я, — настойчиво стремится именно к этому. Может быть, это звучит парадоксом, но даже наша данная встреча показала, что и в сложных условиях диалог возможен. Плохой диалог лучше войны.

Намеренно я немного переиначил известную поговорку «Худой мир лучше доброй ссоры». А далее сказал:

— У нас теплится надежда, что американская администрация не отказалась от мысли о необходимости поиска решения спорных проблем путем переговоров. Нельзя допустить, чтобы свинцовые тучи, нависшие сегодня над миром, разразились катастрофой. В США знают ничуть не хуже, чем мы, что означала бы такая катастрофа для всех — для США, для нас, для всего мира.

Шульц внимательно слушал мои высказывания. Видимо, он уже махнул рукой на свой первый вариант — свести беседу к обсуждению одной темы — инцидента с южнокорёйским

самолетом.

«Необходимо искать соглашение»

Напомнил я государственному секретарю об одном примере из советско-американских отношений:

— Когда в 1972 году президент Никсон приехал в Москву, то в результате переговоров оба государства пришли к выводу о том, что надо искать взаимоприемлемые решения международных проблем, и искали их. Да, давайте вспомним — при Никсоне искали. Горы оружия и вся международная обстановка обязывают нас бережно относиться ко всему, что помогает наводить мосты к миру. Поэтому мы призываем президента США и вас, как государственного секретаря, к тому, чтобы с чувством ответственности искать соглашения, использовать любые возможности, которые позволили бы сблизить наши позиции в вопросах прекращения гонки ядерных вооружений и разоружения.

Далее я поставил вопрос:

— Если США осуществят свое намерение разместить новое ракетно-ядерное оружие в Западной Европе, то что же будет потом? Ведь Советский Союз не будет спать, — мы постараемся восстановить равновесие и сделаем это. Мир станет еще более хрупким, так как равновесие это будет на более высоком уровне. Вот к чему США фактически ведут дело.

Шульц продолжал внимательно слушать и не подал ни одной реплики.

— На нас с вами, — сказал я далее, — лежит обязанность изложить друг другу позиции своих стран, информировать свое руководство о тех предложениях, которые каждая сторона выдвигает на обсуждение.

В этой связи я еще раз привлек внимание к предложению, высказанному в то время Ю. В. Андроповым, относительно ядерного оружия в Европе. Учитывая американскую позицию, счел также нелишним напомнить Шульцу советскую точку зрения.

Что же последовало в ответ от государственного секретаря США? Шульц заявил:

— Нет человека более приверженного идеям мира, чем президент Рейган.

Состоялся обмен доводами, которые представляли собой обоснование позиций сторон. Каждый из собеседников внимательно следил не только за содержанием и аргументацией партнера, но даже за интонацией, с которой произносились слова и фразы, стараясь уловить, насколько твердо соответствующая сторона придерживается объявленной позиции и нет ли в ней

какого-либо слабого места.

Встреча происходила в старинном особняке. Некогда его, вероятно, строил для себя какой-то испанский гранд, а ныне в нем размещается резиденция посла США в Мадриде.

Совершив логический вираж, Шульц вновь вернулся к инциденту с южнокорейским самолетом.

Словом, было ясно, что Шульц в ходе беседы стремился не замечать советских инициатив по вопросам ограничения гонки вооружений и хотел лишь завязать дискуссию о самолете.

Я изложил советскую точку зрения:

— Мы обвиняем американскую сторону в совершении крупной акции против Советского Союза. Имела место заранее спланированная акция. Американские заявления не могут опровергнуть этого нашего убеждения. Как мог упомянутый самолет отклониться от общепринятого, утвержденного коридора на 500 километров, причем не в сторону международных вод, а в сторону советской границы, проникнуть в глубь воздушного пространства СССР и лететь там в течение более двух часов?

Обратил я внимание Шульца и на то, что США в своем заявлении обходят молчанием тот факт, что полет самолета проходил над важнейшими военно-стратегическими районами Советского Союза на Дальнем Востоке.

— Почему этот самолет, — спросил я, — находясь в воздушном пространстве СССР, не подчинился сигналам предупреждения и требованиям о посадке, полностью соответствующим международному праву и нашим законам? Он отказался подчиниться нормам международного права и советским законам, которые хорошо известны всем, кого это касается, точно так же, как нам известны соответствующие американские законы.

Не было у собеседника ответа на все заданные ему вопросы.

— Вот почему, — сказал я в заключение, — мы обвинили администрацию США в организации против СССР преступной акции. Случай с самолетом — это не единичный враждебный выпад против Советского Союза. Одновременно мы решительно возражаем против тех слов, которые ныне стали обычными для лексикона американской администрации, против брани по адресу Советского Союза, нашего общественного строя.

На этом практически наша беседа с Шульцем завершилась. Пожалуй, это была наиболее острая беседа из всех тех, что за многие годы мне доводилось вести с четырнадцатью государственными секретарями США. Вот их полные имена и фамилии — Кордэлл Хэлл, Эдуард Рейли Стеттиниус, Джеймс Фрэнсис Бирнс, Джордж Кэтлетт Маршалл, Дин Гудерхем Ачесон,

Джон Фостер Даллес, Кристиан Арчибальд Гертер, Дин Раск, Уильям Пирс Роджерс, Генри Альфред Киссинджер, Сайрус Робертс Вэнс, Эдмунд Сикстус Маски, Александр Мейгс Хейг, Джордж Прэтт Шульц.

Куда они вели дело?

Имел я с Шульцем несколько встреч и бесед и до Мадрида и после. Они, конечно, были иного содержания и иной тональности.

Когда он в первый раз пришел для встречи со мной в советское представительство в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, у нас состоялась довольно пространная беседа. Обе стороны к ней основательно подготовились.

Однако требуется тут же сделать оговорку. Как представитель советского руководства, я готовился к тому, чтобы по возможности придать беседе конструктивный характер. Разумеется, это возможно только в том случае, если другая сторона не будет уходить от рассмотрения существа разногласий, возникших между СССР и США по ключевым вопросам двусторонних отношений и международной обстановки. Шульц оказался готовым лишь констатировать разногласия между нашими странами, но не искать пути их преодоления. Это стало ясным сразу же.

В начале беседы я поставил вопрос:

— Куда намерена вести дело администрация США в советско-американских отношениях? Готова ли она вместе с нами искать политическое решение существующих разногласий, или она будет продолжать накалять обстановку и раскручивать маховик гонки вооружений?

Советский Союз, — подчеркнул я затем, — решительно держит курс на мир, на мирное развитие наших отношений с США. Вашингтон, к сожалению, взаимности не проявляет.

С моей стороны приводились соответствующие примеры, относящиеся к политике США, прежде всего из области переговоров по вопросам разоружения. При этом особо отмечалось значение проблемы ядерного оружия, которая требует неотложного решения.

Внимательно выслушивая мои высказывания, Шульц делал себе пометки. Вначале я было подумал, что собеседник по крайней мере некоторые места из моих высказываний встречает с пониманием и что это не только дань его опыту ведения дел с иностранцами в области частного бизнеса, который вырабатывает привычку архивнимательно и как бы даже с пониманием относиться к тому, что говорит собеседник. Но потом, по ходу беседы, мне стало ясно, что от внешней манеры держаться во время беседы до существа позиции Шульца — дистанция солидного размера.

Шульц начал мне отвечать с утверждения:

— Действия Советского Союза на международной арене, а также то, что он делает для обеспечения своей безопасности, представляют угрозу для Соединенных Штатов Америки.

Угрозу — и все! А доказательств — никаких.

И по ходу дальнейшей беседы Шульц их привести так и не смог. Но поскольку ничего не говорить все-таки нельзя, то Шульц в последующем высказал две мысли. Первая относилась к международным проблемам регионального характера. А вторая — к проблеме ядерного оружия.

По проблемам регионального характера государственный секретарь ограничился ссылкой на какое-то мифическое подталкивание нами некоторых стран к вражде в отношении США.

Что касается проблемы ядерного оружия, то Шульц повторил высказывание президента:

— Советский Союз угрожает и США, и Западной Европе своим ядерным потенциалом.

Но опять он не сказал ни слова по поводу того, на каком основании Вашингтон делает такой вывод.

Именно так часто ведут дела представители США. Впрочем, такая особенность изложения их взглядов давно уже замечена и многими зарубежными наблюдателями, которые весьма далеки от симпатий к Советскому Союзу.

Иногда в ходе беседы Шульц, казалось, начинал выворачивать свою папку, которая лежала у него на коленях или, если беседа происходила за столом, на столе, в поисках какой-то справки. Ну, думаю, сейчас дело дойдет до использования фактов и цифр. Но не тут-то было. Все шло по той же проторенной колее.

Собеседник чувствовал себя неуютно, когда с нашей стороны в подкрепление соответствующих заявлений приводился фактический и цифровой материал. Например, мы подчеркивали, используя цифры, что советские ракеты средней дальности, которые так не нравятся Вашингтону и его союзникам по НАТО, не дают Советскому Союзу никакого перевеса над Североатлантическим блоком. Они лишь обеспечивают равенство в ядерных вооружениях обеих сторон по этому виду оружия.

Однако мой собеседник проявил индифферентность к цифрам. Он даже не стал их опровергать. То ли не имел у себя цифровых данных, то ли имел, но не желал приводить, поскольку они расходятся с утверждениями Вашингтона.

После этой беседы создалось определенное мнение о позиции Вашингтона. Суть основывалась на иллюзорной надежде с помощью давления на Советский Союз добиться для США

односторонних преимуществ и закрепить их.

Встречи с Шульцем

Последующие мои беседы с Шульцем, в частности та, что состоялась в Стокгольме 18 января 1984 года, мало что добавили нового.

В Стокгольме вновь различие между позицией СССР и позицией США ощутилось весьма отчетливо. Советский Союз пришел на стокгольмский форум с твердым желанием содействовать его успеху. Он внес два ключевых предложения.

Первое — об отказе всех стран — участниц стокгольмского совещания, которые являются ядерными державами, от применения ядерного оружия первыми. Иными словами, Советский Союз предложил другим последовать его примеру.

Второе — о заключении договора относительно запрещения применения силы вообще в отношениях между государствами.

Одновременно Советский Союз заявил, что он готов к разработке более значительных по характеру и более широких по охвату дополнительных мер укрепления доверия в военной области, которые также способствовали бы созданию атмосферы большего доверия в отношениях между участниками форума.

Было совершенно ясно, что государственный секретарь США Шульц прибыл в Стокгольм с тем же багажом, с которым шел на беседы и в Нью-Йорке и в Мадриде.

В американской печати, да и в международных политических кругах иногда делаются попытки дать характеристику Щульцу как государственному секретарю, сравнивая его с предшественниками. Одни говорят, что он выгодно отличается от Хейга, что у него более деловой стиль при рассмотрении вопросов внешней политики. Иногда имели место высказывания о том, что Шульц — чуть ли не самый гибкий государственный секретарь США за последние годы.

Трудно, конечно, говорить о гибкости или об отсутствии таковой, если речь идет о крупных державах, о разногласиях между ними по коренным вопросам войны и мира. Всякие сравнения такого рода таят в себе опасность стать весьма относительными, условными, приблизительными и неточными.

Само собой понятно, что Шульц — представитель ведущей капиталистической державы, выразитель идей старого социального мира. Это личность, так сказать, запрограммированная социальным кодом. Как политик, выразитель интересов правящего класса США он верно служит державе, задавшейся целью добиться доминирующего положения в мире.

Понимает ли он, что другая социально-экономическая система — социализм — является результатом объективного, исторического развития? Понимает ли он, что всякие установки на то, чтобы потеснить социализм, а то и совсем его устранить, — бесперспективны? На эти вопросы я не берусь ответить.

Хотелось бы верить в то, что этот незаурядный американский деятель, с которым можно и даже интересно обсуждать вопросы международной политики, понимает, что игра словами о ликвидации социализма представляет собой бессмыслицу. Если он так думает, то уже одно это ставит его на голову выше некоторых других деятелей, словесная копилка которых переполнена всякого рода легковесными фразами, может, внешне и хлесткими, но несерьезными. Если он так думает, то это облегчает ему и переход к важному выводу, а именно: международные отношения необходимо строить на основе мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Не хочу сопоставлять Шульца с другими его предшественниками. Считаю это не вполне уместным.

Шульц как политический деятель — оппонент, которому его солидный опыт в ведении международного бизнеса должен помогать и, наверно, помогает. Не мне судить, к какой категории политических деятелей в американской администрации принадлежал Шульц — к категории ведущих или к категории ведомых. Это рискованно. Всегда я отношусь с осторожностью к броским характеристикам того или иного деятеля, особенно связанного с ведением внешних дел. Да и прибегают к таким характеристикам, как правило, лишь люди, гоняющиеся скорее за сенсацией.

А реальность состоит в том, что Советский Союз готов и впредь вести дела с теми деятелями, которые отвечают за внешнюю политику соответствующих государств. Личные симпатии или антипатии в отношении того или иного из них не должны этому мешать.

Испытание, с которым Кеннану не повезло

Характер политики Соединенных Штатов Америки, напряженность, возникшая по вине Вашингтона в советско-американских отношениях, давно вызывали растущую тревогу у многих реалистически мыслящих политических деятелей США, крупных ученых, представителей американской общественности и определенных кругов бизнеса. Среди известных деятелей, указывавших на опасные последствия гонки вооружений и призывавших Вашингтон перейти от конфронтации с Советским Союзом к разрядке напряженности, можно было бы назвать таких, как Сайрус Вэнс, Эдвард Кеннеди, Поль Уорнке и многие другие. Обращает в этой связи на себя внимание и видный в прошлом дипломат, а ныне крупный историк Джордж Кеннан.

В научных и общественных кругах США Кеннан пользуется солидным авторитетом. На протяжении вот уже трех десятков лет его имя часто всплывает на поверхность в американской печати, появляется на страницах американских газет и журналов, в книгах.

Свою известность он приобрел на дипломатическом поприще, на которое вступил еще в 1925 году. Кеннан являлся одним из авторов «доктрины Трумэна», «плана Маршалла», входил в число теоретиков политики «с позиции силы» в отношении СССР.

Познакомился я с Кеннаном в Москве, когда он являлся советником-посланником в посольстве США. Наша первая беседа и состоялась в американском посольстве, где Кеннан представлял США в качестве временного поверенного в делах.

Мы беседовали с ним относительно общего курса американской политики, положения в Европе, на Дальнем Востоке. Он всячески подчеркивал:

— У внешней политики США в решении проблем послевоенного урегулирования миролюбивые цели как в европейском, так и в более широком масштабе.

Немало слов он также сказал в пользу развития советско-американских отношений.

Беседуя с Кеннаном, я обратил внимание на то, что он был человеком, способным давать интересные оценки международным событиям того времени. Подумалось, что тогдашний пост нашего собеседника — это всего лишь ступень в его дипломатической карьере.

Наверно, у Кеннана действительно все пошло бы лучше по

службе, если бы он приобрел больший опыт работы в посольстве, прежде чем стать послом. Но Вашингтон решил по-иному, и в марте 1952 года Кеннана назначили послом США в СССР.

Как показало время, это назначение стало для Кеннана испытанием, с которым он не вполне справился. И не справился вовсе не потому, что у него имелись пробелы в подготовке, а из-за недостатка в знании того, где в действиях посла любого государства проходит граница между дозволенным и недозволенным, особенно когда он делает заявления, касающиеся страны пребывания. А, как известно, границы эти бывают подвижными в зависимости от обстоятельств, от характера отношений между странами, от состояния международной обстановки.

Случилось так, что на пути из Москвы в Лондон посол Кеннан, находясь 19 сентября 1952 года в аэропорту Темпельгоф в Западном Берлине, высказался недружественно в адрес Советского Союза, что мгновенно стало достоянием мировой печати.

Советское правительство, принимая во внимание все обстоятельства этой акции, сделало не только представление правительству США, но и объявило Кеннана «персона нон грата», потребовало его отзыва с поста посла в СССР. Небольшой срок пребывания Кеннана в Москве вряд ли серьезно обогатил его знаниями о нашей стране, а что касается известности, которую он приобрел на Западе в связи с этим инцидентом, то она в данном случае не послужила ему на пользу. На протяжении довольно длительного времени в дипломатических кругах при упоминании имени Кеннана обычно говорилось:

— А, это тот самый посол, который был объявлен Советским Союзом «персона нон грата»!

От этой «славы» он и по сей день еще полностью не избавился.

Но вот ведь как бывает в жизни: Кеннан нашел в себе силы — и в этом отношении ему надо отдать должное, — чтобы подняться выше личной обиды и уязвленного самолюбия, хотя и не сразу. По ряду вопросов советско-американских отношений в целом он занимает несравненно более объективную позицию в отношении Советского Союза, чем администрация Рейгана, да и некоторые его предшественники.

В своих выступлениях в печати, на разного рода общественных форумах Кеннан не раз подвергал критике администрацию США за подрыв советско-американских отношений, взвинчивание антисоветской истерии, гонку вооружений и обострение международной напряженности. В его

заявлениях часто содержался призыв к администрации одуматься, пока не поздно, и встать на путь умеренности в советско-американских отношениях, на путь договоренности. Подобные взгляды Кеннана по вопросам внешней политики, особенно советско-американских отношений, разумеется, вовсе не являются показателем какой-то его близости к нам в области идеологии. Отнюдь нет. Он стопроцентный представитель класса буржуазии, выразитель ее интересов. Но Кеннан понял простую истину, что разногласия между социализмом и капитализмом, исторический спор между этими двумя социально-экономическими формациями должны решаться в рамках мирного соревнования, что возникающие споры по тем или иным проблемам между СССР и США должны и могут быть урегулированы за столом переговоров, а не путем военного столкновения. Активизация антивоенных сил в США говорит о том, что подобные взгляды разделяют сегодня все более широкие круги американской общественности и бизнеса.

Успехи и неудачи Макговерна

Многочисленные встречи и беседы с представителями политических, общественных, деловых кругов США убедили меня в том, что среди них немало реалистически мыслящих людей, осознающих, что политика конфронтации несет в себе угрозу катастрофических последствий для многих народов, в том числе и для американского. Расскажу кратко в этой связи о своих встречах с известным американским деятелем Джорджем Макговерном.

С тех пор как более тридцати лет назад Макговерн, бывший преподаватель истории в Уэслианском университете (штат Южная Дакота), включился в политическую деятельность и в 1956 году оказался избранным в палату представителей, его политическая карьера, успехи и неудачи тесно связаны с демократической партией, а точнее, с ее либеральным крылом.

Макговерн мыслит категориями, близкими душе своего класса, измеряет социальные ценности жизни Соединенных Штатов Америки мерками, принятыми в том обществе, в котором он вырос и сформировался как политический деятель. Собственно, и в сенат в 1962 году его избрали не только из-за того, что ему оказал активную поддержку Джон Кеннеди, но и потому, что его убеждения в целом отвечали в то время интересам влиятельных деловых кругов.

В то же время сказать только это означало бы дать Макговерну излишне одностороннюю оценку. На американской политической арене фигура Макговерна стоит несколько особняком. Его деятельность и взгляды вызывали у американцев эмоциональную реакцию: одни страстно его поддерживали, другие столь же страстно отвергали. Его имя всегда окружала атмосфера противоречивых мнений, но только не равнодушия.

После того как в начале июня 1968 года убили Роберта Кеннеди — претендента на пост президента, его сторонники обратились к Макговерну, тесно связанному с кланом Кеннеди и активно поддерживавшему в то время президентскую кампанию самого Роберта Кеннеди, с просьбой «возглавить их движение». После некоторых колебаний, связанных с его предстоящим переизбранием в сенат, и когда стало известно, что младший Кеннеди — Эдвард отказался баллотироваться в президенты, Макговерн дал свое согласие.

10 августа 1968 года, буквально накануне предвыборного съезда демократов в Чикаго, Макговерн официально объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента США.

Большинство участников съезда, однако, остановили свой выбор на Губерте Хэмфри, которого избрали кандидатом в президенты от демократов. Макговерну ничего не оставалось, как заявить о своей поддержке Хэмфри.

Неудача не обескуражила Макговерна. На следующих президентских выборах он сделал новую попытку стать президентом. В 1972 году в обстановке широкого размаха антивоенного движения в связи с «грязной войной» США во Вьетнаме Макговерн выступил с резкой критикой внешнеполитического курса Никсона. Демократы, особенно молодежь, поддержали его, и он сумел добиться выдвижения официальным кандидатом от своей партии на пост президента США. Но средний американец в своем большинстве поддержал Никсона, отдав ему голоса на выборах. Макговерн и на этот раз проиграл.

Взгляды Макговерна как по вопросам внутренней, так и международной политики США оказались более передовыми, чем те, которые сформировались в стране под массированным воздействием средств массовой информации. К тому же несравненно более мощными средствами, и организационными, и финансовыми, располагали именно те круги, которые поддерживали республиканскую партию и ее избирательную платформу. Можно сказать, сила силу одолела.

В ходе избирательной кампании по выборам президента в 1984 году Макговерн вновь вступил в предвыборную борьбу, но, видимо, почувствовав, что его шансы невелики, сам сошел с дистанции на раннем этапе первичных выборов демократической партии. Тем не менее его опыт и авторитет пригодились этой партии. Он играл заметную роль в разработке стратегии и тактики в предвыборной кампании демократов, укреплении их партийных рядов в борьбе против «рейганизма». В области внешней политики Макговерн последовательно выступал за улучшение советско-американских отношений, за проведение между СССР и США активных переговоров по всему комплексу проблем ограничения и сокращения вооружений.

Мне довелось беседовать с Макговерном два раза, причем оба раза в Советском Союзе, соответственно в 1977 и 1984 годах.

Мы встретились в Министерстве иностранных дел. Передо мной предстал улыбчивый — какой же американец идет на выборы без улыбки, — по-спортивному подтянутый человек. Это был интересный собеседник.

Та беседа запомнилась. В ходе ее партнер цепко и дипломатично отстаивал свои взгляды, умело подбирал аргументы, ясно и лаконично формулировал мысли. Обладал он

и довольно редким даром внимательно слушать, стараться понять взгляды собеседника даже по тем вопросам, по которым практически невозможно добиться сближения ввиду противоположных позиций сторон.

Макговерну претила идея создания искусственных барьеров, мешающих сотрудничеству между СССР и США в вопросах сохранения мира и устранения угрозы войны. В этом проявлялся его политический реализм.

Безусловно, Макговерн принадлежит к тем американцам, которые, взвешивая «за» и «против» той или иной модели советско-американских отношений, готовы вести дела с СССР на основе принципа мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя. Тогда он сказал:

— Я исхожу из того, что, несмотря на различие общественного строя СССР и США, различие идеологий, обе страны должны решать все спорные вопросы мирным путем, за столом переговоров.

Во второй раз мы встретились в Мисхоре, недалеко от Ялты. Стоял июль. Хотя беседа проходила утром, тем не менее солнце пекло. Макговерн с охотой принял мое предложение снять пиджаки.

Беседа продолжалась почти три часа. Была она интересной. Собеседник высказывал взгляды, отличные от тех, которыми руководствуется во внешних делах рейгановская администрация. У нас были довольно близкие или схожие позиции по вопросам развития советско-американских отношений и по ряду международных проблем.

Обратил я внимание на то, что Макговерн не только тонко и детально разбирался в существе проблем, которые обсуждались, но и на то, что он человек с гибким мышлением, обладающий способностью трезво и с разных сторон посмотреть на то или иное явление и лишь потом прийти к определенному суждению.

Макговерн с убеждением говорил:

— Ограничение вооружений неразрывно связано с улучшением политических отношений с Советским Союзом, и поэтому начало советско-американских переговоров с целью достижения ограничения прежде всего ядерных вооружений и общего взаимопонимания между двумя странами должно стать первостепенной задачей внешней политики США.

Убежден в том, что этот деятель на голову выше многих политиков США в понимании причин и опасностей нынешней ситуации в мире.

«Хаммер» значит «молот»

Немало представителей влиятельных кругов американского бизнеса выступает за развитие делового сотрудничества между США и СССР. Тягу к экономическому сотрудничеству с нашей страной не смогли подорвать ни неблагоприятная обстановка в США, когда противники разрядки сумели перехватить внутри страны инициативу в определении внешнеполитического курса, ни усилившаяся международная напряженность.

Одна за другой попытки Вашингтона разжечь экономическую «холодную войну» против СССР и других социалистических стран терпели провал. С внутриполитической точки зрения для США такой курс также особых дивидендов не приносил. Он лишь усугублял расстройство в экономике, в том числе недогрузку ряда ее отраслей и безработицу. Эмбарго на вывоз зерна, как противоречащее интересам фермеров, правящие круги США сами же отменили. Не к лучшему результату привело и эмбарго на продажу СССР оборудования для нефтяной и газовой промышленности.

Тем не менее администрация Рейгана все еще не отказывалась от попыток следовать линии на дискриминацию в отношении СССР в области торгово-экономических связей. Это вызывало и вызывает беспокойство со стороны значительной части американских деловых кругов, заинтересованных в сотрудничестве с Советским Союзом и в создании политического климата, который способствовал бы такому сотрудничеству.

Один из крупных капитанов американского бизнеса — Арманд Хаммер, президент и председатель совета директоров компании «Оксидентал петролеум корпорейшн». О Хаммере можно без оговорки сказать: человек-мотор. Он постоянно в движении, постоянно строит какие-то планы. Оперирует в беседах категориями миллионов, десятков миллионов, а то и сотен миллионов долларов. Кстати, Хаммер в переводе на русский язык означает «молот». И значение данного слова в какой-то мере символично для этого человека, учитывая его пробивную способность. Добавлю также, что он — реалист в политике, и это его сильная сторона. Реалист, хотя и с солидной дозой идеализма.

— Бизнесмену не следует смотреть на происходящее через розовые очки, — говорит Хаммер. — Но не следует смотреть и через темные.

Род Хаммера — из России. Еще до Октябрьской революции его родители с ним эмигрировали в Америку. Таким образом, сам

Хаммер и его семья не принадлежат к категории политических эмигрантов из СССР.

Давно он пустил прочные корни в американском бизнесе и действует довольно уверенно. При всем том его деятельность пронизана большой долей азарта и какого-то купеческого ухарства, особенно характерных для богачей русского дореволюционного Поволжья. Для них мелочная игра — просто пустяк, а вот если речь идет об огромных цифрах, то это — стоящая штука. Хаммеру, видимо, все равно чем заниматься — минеральными удобрениями или произведениями искусства. Лишь бы это сулило выгоду, представлялось масштабным и к тому же щекотало нервы. Его вполне можно понять. Без этих качеств в его мире затрут.

При встречах со мной Хаммер говорил прямо:

— Для меня собственно бизнес — это своего рода спорт. С тем лишь отличием, что по какому-то велению судьбы бизнес дает мне возможность пополнять свои капиталы.

И ему можно поверить. Немного меньше, немного больше — но ведь это все-таки прибыль.

— Ясно только одно — неудач у меня меньше, чем удач, — утверждал он.

Сказываются опыт, прирожденная смекалка, даже своего рода талант, да и просто везение. С фортуной он явно в хороших отношениях.

Как известно, в свое время В. И. Ленин пригласил Хаммера. В трудные для Советской России годы американец получил концессию. Для нас эта концессия была необходимой в условиях, сложившихся после победы Советской власти в России и в связи с планами ликвидации неграмотности. Миллионы детей, взяв в руки карандаш с клеймом «Хаммер», выводили на бумаге первые в жизни буквы. Делал это и я, когда учился в школе. А для Хаммера все являлось бизнесом, который приносил немалый доход.

После того как «карандашный» бизнес Хаммера в нашей стране себя исчерпал и советская промышленность в короткий срок ликвидировала «карандашный голод», Хаммер не снизил своего интереса к поддержанию деловых отношений с Советским Союзом.

Он не играл видной роли непосредственно в правительстве во времена Рузвельта, но его убеждения укладывались в рамки той политической линии, которой придерживался президент.

Как раньше, так и теперь — в середине восьмидесятых годов — Хаммер относится дружественно к Советскому Союзу. Несмотря на периоды обострения в советско-американских

отношениях, он последовательно выступал и выступает за развитие деловых связей между СССР и США.

В ходе беседы в Москве Хаммер передал в дар Советскому Союзу оказавшиеся у него подлинники писем Маркса и Ленина. Хаммера поблагодарили за этот бесценный дар, ибо для советских людей дорого все, что проливает дополнительный свет на деятельность этих гениев человечества.

Наиболее интересная беседа из тех, что происходили у него в СССР за последние годы, состоялась с М. С. Горбачевым. Беседа была очень содержательной и полезной.

Никогда от Хаммера я не слышал, кто же может быть преемником его бизнеса и его капиталов. Он не касается этого вопроса в контактах с советскими официальными представителями.

Является ли Хаммер с его капиталом своим человеком в среде американского большого бизнеса? На этот вопрос можно ответить так: если судить по показателям его состояния, то, безусловно, да. Его время от времени принимают президенты США, выслушивая его суждения в пользу развития деловых связей между двумя державами.

Однако не один раз не только я, но и другие советские представители замечали, что крупные американские монополии к Хаммеру относятся с известной настороженностью. Его доброжелательное отношение к Советскому Союзу этим американским кругам не очень нравится. Хаммер полностью отдает себе в этом отчет, но предпочитает оставаться самим собой.

Он, безусловно, из тех американцев, кто способствует развенчиванию многочисленных мифов и небылиц о Советском Союзе, его политике. У советских людей достаточно оснований для того, чтобы сказать доброе слово об этом представителе американского делового мира. Они и говорят такое доброе слово.

Беседа с президентом

Не по нашему выбору советско-американские отношения долгое время характеризовались напряженностью, которая сказывалась на всей международной обстановке. Советский Союз такого состояния отношений не хотел и его возникновению не способствовал.

28 сентября 1984 года после четырехлетнего перерыва в советско-американских контактах на высоком политическом уровне впервые за время пребывания у власти администрации Рейгана состоялась моя встреча с ним в Белом доме. До этого американский президент делал вид, будто для него ни советско-американские отношения, ни связи с советским руководством большого значения не имеют.

Такая концепция фальшива. И ее, как это и следовало ожидать, сама администрация отставила в сторону, когда Рейгану предстояло пройти через президентские выборы 1984 года. По мере их приближения президент и его сподвижники спохватились, решив, что отсутствие между двумя державами политических контактов, к которым имел бы непосредственное отношение американский президент, может неблагоприятно сказаться на итогах выборов.

Советскому руководству не надо было перестраиваться. По вопросу о контактах оно всегда придерживалось принципиальной позиции, сознавало их значение. А для Белого дома и администрации в целом это стало известным тактическим поворотом.

Во второй половине сентября 1984 года я вылетел в Нью-Йорк во главе советской делегации на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Незадолго до этого с американской стороны последовало приглашение встретиться для беседы с президентом Рейганом.

И вот мы в Овальном зале Белого дома. Вместе со мной первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и советский посол в США А. Ф. Добрынин. Появился президент…

Последовала двухчасовая политическая беседа. Мы продолжили ее затем за завтраком, на котором с американской стороны кроме самого президента присутствовали вице-президент Джордж Буш, государственный секретарь Джордж Шульц, министр обороны Каспар Уайнбергер, министр финансов Дональд Риган, советники президента Джеймс Бейкер, Эдвин Миз, Роберт Макфарлейн, Майкл Дивер и другие ответственные сотрудники

Белого дома и государственного департамента.

Беседа изобиловала оценками политики каждой из сторон. И, конечно, произошло неизбежное ввиду принципиальных различий в позициях — столкновение двух курсов: курса на мир, разрядку и разоружение и курса на поддержание напряженности, продолжение гонки вооружений.

Высказывания президента можно выразить так:

— Чуть ли не все помыслы Советского Союза заняты тем, чтобы добиться уничтожения капиталистического строя в США и других странах Запада. А потому Соединенные Штаты должны вооружаться, чтобы в один прекрасный день не оказаться поставленными перед выбором — либо сдаться, либо умереть.

Подобные рассуждения, разумеется, я самым решительным образом отклонил:

— Они не имеют ничего общего с фактами, с реальной жизнью.

— Суть нашей политической философии, — сказал я Рейгану, — заключается в том, что в силу объективного хода исторического развития одна общественная формация неизбежно сменяется другой. В данном конкретном случае мы исходим из того, что капиталистическая формация будет заменена социалистической. Мы верим в это, как люди верят в то, что завтра утром взойдет солнце. Но это должно произойти в силу объективного исторического развития, а не в результате того, что кто-то поставил такую цель в политике. Волюнтаризм нам чужд. Поэтому никто не имеет права приписывать нам планы, якобы направленные на подрыв силой социально-экономического строя в США или в любой другой стране. Таких планов в помыслах наших нет и никогда не имелось.

В высказываниях президента проводилась мысль:

— Усилия СССР в военной области представляют собой опасность для Запада, для США.

Объективные факты, однако, решительно опровергают подобные рассуждения.

— Кто после второй мировой войны, когда умолкли пушки, стал создавать по всему миру военные базы? — спросил я.

И тут же ответил:

— Соединенные Штаты Америки. Наши попытки добиться ликвидации военных баз на иностранных территориях, пойти по пути разоружения не увенчались успехом, так как США воздвигали на этом пути непроходимую стену и блокировали любые предложения о сокращении вооружений.

Пришлось мне также подчеркнуть следующее:

— У США и их западных союзников определяющей в

политике стала линия на дальнейшее накапливание вооружений. Дорогу в гонке вооружений, по которой пошли западные державы, надо бы уставить дорожными столбами с надписью: «Давай, давай больше оружия!» Это точно отражало бы линию США и НАТО на производство все большего количества ядерных вооружений.

Предстояло изложить нашу позицию по всем основным вопросам, и я продолжал:

— За всем этим стоит, по-видимому, план длительного взвинчивания гонки вооружений. Расчет, возможно, делается на то, что СССР истощит свои материальные ресурсы и в конечном счете вынужден будет сдаться. США же заберутся на командную вышку в мире.

— Этого, господин президент, — заявил я, — никогда не будет. Конечно, продолжение гонки вооружений заставит использовать наши значительные ресурсы — материальные и интеллектуальные. Но мы выдержим. Мы выдержали войну — жестокую, небывалую. Наш народ тогда проявил и стальную волю, и свое умение распоряжаться ресурсами страны. Мы победили, несмотря на колоссальные жертвы. Поэтому планы добиться военного доминирования, чтобы диктовать свою волю Советскому Союзу, нереальны. Надо отбросить такие планы.

Наконец, я как бы подвел итог сказанному:

— Сейчас государства располагают огромными запасами оружия. Образно говоря, мы с вами сидим на горе ядерного оружия, сидим и в то же время подбрасываем под себя все новые и новые вооружения. Гора ядерного оружия все время растет. Спрашивается, что же дальше? До каких пределов она должна расти?

Выслушав все это, Рейган продолжал защищать курс своей администрации в области вооружений. Президент даже сделал заранее заготовленный «ход»: в момент, когда речь зашла о соотношении военных сил, он потянулся к ящику тумбочки, стоявшей у его кресла, выдвинул его и достал нарисованные на отдельных листках бумаги какие-то диаграммы, призванные доказать, будто развитие вооружений идет в СССР более быстрыми темпами, чем в США. Но Рейган почти не пользовался ими в беседе. Правда, по окончании встречи американцы передали их нам «для сведения».

Обмен мнениями, изложение позиций во внешней политике проходили по форме в общем корректно, но каждая из сторон осталась при своих взглядах. Сближения этих позиций ввиду негативного подхода американской стороны к развитию отношений между СССР и США, к прекращению гонки вооружений и разоружению не произошло.

Казалось бы, слышишь прекрасные слова о стремлении к диалогу, к переговорам и думаешь: «А вдруг… вот-вот наступит потепление в советско-американских отношениях». Но в том-то и дело, что слова оставались словами, а за ними не ощущалось желания изменить подход США к решению кардинальных проблем.

Хочу остановиться на одном из центральных вопросов, обсуждавшихся и с Рейганом, и с Шульцем, — проблеме признания принципа равенства и одинаковой безопасности. И тот и другой утверждали, что этот принцип для США приемлем.

Наша реакция на это:

— Если американская администрация признает этот принцип, то и практическую политику следовало бы строить из необходимости его соблюдения.

Заявления американской стороны были пересыпаны выспренними словами в пользу контактов, встреч, диалога. Но в них не хватало содержания, не хватало даже намека на корректировку политического курса в положительном направлении.

И все же, судя по всему, американский президент в какой-то мере понял, что попытки давления на Советский Союз — это негодная амуниция.

Так я и заявил хозяину Белого дома и его министрам:

— Подобная негодная амуниция не способна принести славу американской внешней политике, скорее наоборот.

В дальнейшем в беседе с Шульцем мне пришлось напомнить государственному секретарю:

— В позиции США налицо противоречия между заявлениями о верности союзническим соглашениям, заключенным в свое время державами антигитлеровской коалиции, и тем, как американская сторона оценивает нынешнее положение.

Шульц всячески старался создать впечатление, что изменений в позиции США не произошло. Он утверждал:

— США верны союзническим обязательствам, в том числе и по вопросу о границах в Европе.

На это я сказал:

— Нас удовлетворяет сделанное заявление о верности США принятым на себя обязательствам, в том числе по вопросу европейских границ. Но где же практическая политика в этом духе? Советский Союз привержен соблюдению союзнических соглашений и будет следовать им впредь. Мы ожидаем, что и американская сторона делами подкрепит свои слова.

«Ваш муж за мир или за войну?»

Рейган, как и его окружение, проявлял в ходе встречи предупредительность. Нотки холодности не звучали, хотя, по существу, ощущалась внутренняя натянутость, раздвоенность чувств, особенно у президента. Ведь, с одной стороны, за его спиной почти четыре года недружественных по отношению к Советскому Союзу высказываний, а с другой — состоялась вот эта беседа по важным и острым вопросам.

Рукопожатие президента было твердое.

Казалось, Рейган с любопытством разглядывал собеседников в течение тех минут, пока шло фотографирование. Все это время он как-то слегка суетился на своем кресле — возможно, проявлялась прежняя привычка всегда быть в движении.

Удивляло количество старинных напольных английских часов в Белом доме. Видимо, это — хобби президента. В зале по соседству с гостиной, куда нас пригласили на завтрак, играл струнный секстет, исполнявший какую-то классическую музыку.

За несколько минут до начала завтрака президент и я вошли в зал, где собрались приглашенные. Здесь находилась и супруга президента — Нэнси Рейган, которая пришла поприветствовать гостей. В самом завтраке участия она не принимала — он проходил без дам.

Президент представил меня супруге, которая произвела впечатление энергичной и уверенной в себе женщины. Между нами произошел короткий разговор. О его содержании Нэнси вскоре сообщила вездесущим американским журналистам. В печати его опубликовали в следующем виде:

«Громыко пришел с моим мужем. После знакомства он предложил за меня тост. У него в бокале был клюквенный сок, а у меня — содовая вода. Мы — большие, конечно, любители выпить! Затем он повернулся ко мне и спросил:

— Ваш муж за мир или за войну? Я ответила:

— За мир.

Его это несколько удивило, и тогда он сказал:

— Вы уверены в этом? Я ответила:

— Да.

— Почему же тогда он не принимает наших предложений? — сказал Громыко.

— Каких предложений? — переспросила я в свою очередь.

В это время к нам подошли люди и нас прервали. Потом, уже перед самым началом завтрака, он, повернувшись ко мне, сказал:

— Вы по ночам на ушко напоминайте президенту о мире. Я

ответила:

— О, конечно. Но я буду также шепотом говорить об этом и вам.

Громыко в ответ улыбнулся».

Что же, рассказанное Нэнси Рейган достаточно близко к тому, что говорилось.

Первую роль из числа своих помощников Рейган на сей раз отвел Шульцу, который подавал реплики и в Овальном кабинете, и особенно за завтраком. Уайнбергера во время беседы в Овальном кабинете не было. На завтраке его посадили ближе к краю стола. Он пытался и оттуда вмешиваться в разговор гостей, но сразу замолкал, стоило только заговорить Рейгану. Солидно держал себя Буш, он старался «не выходить» со своими соображениями.

И тогда за завтраком, и всегда в беседах с любыми американскими представителями я повторял и повторяю:

— Мы неизменно придерживаемся той точки зрения, что в обоюдных интересах СССР и США иметь между собой нормальные отношения, и выступаем за их улучшение.

Советский Союз подходит к отношениям с США с учетом реальных возможностей сотрудничества с ними, а также с пониманием всей значимости этих отношений для той и другой стороны, их места в современной жизни. Курс на мирное сосуществование, на развитие взаимовыгодных отношений с США — это принципиальная линия нашей политики.

На протяжении истории советско-американских отношений мы имели дело с разными администрациями в Вашингтоне. В тех случаях, когда со стороны американского руководства проявлялся реализм, ответственный подход к отношениям с Советским Союзом, дела шли нормально.

Наша страна не вынашивает агрессивных планов против кого бы то ни было. Ее помыслы и устремления воплощаются в конкретных предложениях, направленных на то, чтобы добиться решающего поворота к лучшему в международных делах.

Такой поворот, на мой взгляд, начинается с подписанием советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, имеющего всемирно-историческое значение. Дата 8 декабря 1987 года будет достойно светить со скрижалей истории.

Глава XV
ТЕНИ И СВЕТ В СТРАНЕ ЛИНКОЛЬНА

Отрава в сознании американца. Пустующие дома при бездомных. Обывательские критерии. Капитан в океане буржуазной прессы. Как губернатор прошел мимо теории Маркса. Беседы с Кейнсом. Чем заменяют серьезное искусство. Беспощадное сито капитала. Подлинная цена равенству и правосудию. «Знаете ли вы Драйзера?» Горькое признание американского дипломата. Гарри Купер и Мэрилин Монро. Подлинные патриоты Америки. Кто он — рядовой американец?

На протяжении многих лет я имел возможность с близкого расстояния наблюдать за так называемой американской демократией. Наблюдал с интересом. Но так проявлялся не просто попутный интерес. Требовалось давать отпор постоянным попыткам Вашингтона и его представителей спекулятивно использовать для целей своей внешней политики образ демократической Америки, который всегда преподносится в фальшивом обрамлении.

Что же это такое — демократия по-американски?

Отрава в сознании американца

Конечно, мне приходилось встречаться в основном с людьми, принадлежавшими к верхушечным слоям пирамиды американского общества: политиками, бизнесменами, крупными деятелями культуры. Реже предоставлялись возможности поговорить с рабочими, фермерами, представителями средних и близких к основанию этой пирамиды слоев — простыми служащими, инженерами, мелкими торговцами, студентами.

В такого рода беседах внимание человека, попадающего в США, притягивает прежде всего то, что, с кем бы он ни встречался — за исключением коммунистов либо тяготеющих к ним по своим взглядам людей, — все, как правило, любят поговорить об американской демократии. Однако почти никто из собеседников не имеет ясного, а тем более глубокого представления о том, что такое настоящая демократия, подлинное народовластие. Все они оперируют в разговоре категориями, которые уже со школьной скамьи вбивались в их сознание, а раньше — и в сознание их отцов, дедов, прадедов.

Еще современники Джорджа Вашингтона, когда в США процветали рабовладельческие порядки, рассуждали о свободе и считали, что живут в демократической стране. При Аврааме Линкольне американцы также говорили о власти народа и утверждали, что Соединенные Штаты — образец демократии для того времени, хотя там только что формально ликвидировали рабство и раны от железных кандалов, в которые заковывались рабы-негры, еще не успели зажить.

Во времена Теодора Рузвельта буржуазная пресса всячески прославляла американскую демократию, которую этот хозяин Белого дома пытался навязывать огнем и мечом другим странам и народам, особенно в Латинской Америке, и в условиях которой внутри самих США трудящиеся массы все больше испытывали на себе тяжкий пресс монополий.

При президенте Герберте Гувере ревнители американских порядков также, не зная устали, превозносили до небес призрачные ценности, пронизанные духом наживы. Даже когда к кормилу государственной власти США приблизился фашиствующий мракобес Маккарти, когда американец, пытавшийся поднять голос в защиту прав простого человека, подвергался моральным пыткам, пропагандистский шум вокруг американской демократии не прекращался ни на минуту.

А каково положение сегодня? Пожалуй, еще громче, чем прежде, звучит хор, возносящий хвалу той же демократии.

Советские люди в Соединенных Штатах Америки часто наблюдают чуждые нашей действительности сцены. Стоят очереди за тем, чтобы получить работу, либо пособие по безработице, либо хотя бы тарелку супа, — и таких очередей в США в любое время года не счесть. Когда спросишь американца, что же его привело в эту очередь, тот отвечает:

— У меня нет работы, семья без средств. Сколько ни пытался найти работу — все безрезультатно.

Но если спросить его, кто же виноват в этом, то можно услышать и такое:

— Что поделаешь. У нас ведь демократическая страна: один нашел работу, другой не нашел, а еще кто-то ее потерял.

Ясно, что этому человеку еще с детских лет внедрили в сознание мысль, что безработица со всеми ее пагубными последствиями — тоже одно из проявлений демократии. Его жизнь, его бытие против этого протестуют, но он повторяет сказанную фразу, особенно если поймет, что отвечает иностранцу. Да, сознание таких людей основательно отравлено.

Южные штаты США. До сих пор в этих бывших рабовладельческих штатах все еще зверствует преступная расистская организация Ку-клукс-клан. На ее счету сотни загубленных жизней негров — юношей и девушек, детей и пожилых людей, безработных и рабочих, интеллигентов и фермеров. Почему они гибнут от рук преступников? Потому, что цвет их кожи — не белый.

Власти, как и в прежние времена, снисходительны к Ку-клукс-клану. Всякая серьезная попытка ликвидировать подобные преступные организации проваливалась, потому что им попустительствуют власти, которым они нужны, хотя громко об этом не принято говорить. Вот наглядное проявление «демократии» на территории, которая занимает примерно половину всей площади США.

А взять северную часть страны, в том числе такие крупные экономические и промышленные центры, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Филадельфия, Детройт, Цинциннати, Сан-Франциско, да и столицу — Вашингтон. Формально все жители этих штатов пользуются одинаковыми правами. Но это лишь формально. Дискриминация в отношении национальных меньшинств, и не только негров, здесь тоже есть.

Во многие зрелищные и иные заведения — кино, театры, рестораны — вход для негров де-факто запрещен. Их туда просто не впускают. Лично мне приходилось наблюдать, когда перед людьми с небелой кожей у входа расставляли руки, преграждая им путь. Делали это молча, с каменным выражением лица. Тем,

кто не впускает, перечить бесполезно. Прорываться через заслон? Но тогда как из-под земли на подмогу стоящим у двери появляется детина-полицейский.

В Нью-Йорке для расселения негров имеется даже отдельный район — Гарлем. Если встречаешь негров в других районах города, то это в основном наемная прислуга. Конечно, и негритянское население подвергается той же пропагандистской обработке, что и остальные жители страны. Только здесь воздействие этой пропаганды на сознание людей, безусловно, меньше. Не случайно поэтому представители национальных меньшинств, выражая протест против расистских порядков, в значительной своей части воздерживаются от голосования на выборах американских президентов.

Однако и среди этих слоев населения совсем нередко встречаются негры, пуэрториканцы, мексиканцы, которые рассуждают по установившемуся трафарету:

— США — демократическая страна.

Даже видные негритянские проповедники, выступая с резким обличением расовой дискриминации в США, полагают, что она не противоречит тому же шаблону.

Пустующие дома при бездомных

Если говорить о деятельности американских профсоюзов, то совершенно очевидно, что она вращается исключительно вокруг материальных интересов рабочих и служащих. От решения вопросов, вытекающих из природы общественного строя США, их внутренней и внешней политики, профсоюзы фактически отстранены, если не считать их участия в президентских выборах.

Да и оно открывает лишь одну возможность — голосовать за представителя правящего класса. Вообще в США подлинные представители рабочих, трудового народа не избираются не только президентами, но и членами конгресса.

Руководство профсоюзов постоянно воспитывает членов организации в духе преклонения перед рекламируемой американской демократией. Если спросишь члена профсоюза, считает ли он США в самом деле демократической страной, то, за малым исключением, следует ответ:

— Да, конечно.

Утверждать так ему не мешает даже тот разительный факт, что ежегодно восемь-девять миллионов американцев лишены права на труд и остаются без средств к существованию. Его убеждение не колеблет и принятое законодательство, по которому рабочие, как и трудящиеся вообще, лишились ряда социальных завоеваний. Средства, полученные от этого, направлены в и без того разбухший военный бюджет. Ведь американская демократия — это демократия военно-промышленного комплекса, Пентагона с его гонкой вооружений, короче — большого бизнеса.

А каковы взгляды представителей верхушечных слоев американского общества, бизнеса, представителей культуры, высокопоставленных служащих? В подавляющем большинстве они, конечно, выступают поборниками американской демократии. Но и среди них мне приходилось встречать людей, которые, утверждая, что самая совершенная форма демократии — это демократия, существующая в США, не в состоянии были толком привести ни единого довода в защиту своего мнения.

Вспоминаю давнюю беседу с государственным секретарем США Эдвардом Стеттиниусом. В американских газетах тогда в очередной раз появились всякие клеветнические сообщения относительно внешней политики СССР и деятельности советского посольства в США. Когда я обратил на это внимание государственного секретаря, он сам возмутился и сказал:

— Эти сообщения обманные.

— Почему же нельзя призвать тех, кто публикует такие сообщения, к порядку? — спросил я. — Ведь за обман и оскорбления во многих странах виновников привлекают к ответственности.

Стеттиниус ответил:

— Я согласен с вами, господин Громыко, но тем не менее ничего поделать нельзя, поскольку США — страна демократическая.

Посмотрел я на него и убедился, что говорит он это искренне, веря в то, что говорит. И бытие, и воспитание, и образование отравили его ум и душу. Стеттиниус, по-своему порядочный человек, деятель, с которым можно было иметь дело, тем не менее оставался таким, каким его сформировали в детстве и юности.

Однажды вместе с другими советскими товарищами мы проехали по тем кварталам Нью-Йорка, в которых проживают люди из беднейших слоев населения. Многие здания в этих кварталах оказались заброшенными и пустовали.

Почему? Выяснилось, что сотни домов были закрыты для жильцов, не сдавались в аренду и приходили в негодность. В ночное время, а часто и не только в ночное, в них иногда ютились те, у кого нет жилья. Но и в этих домах бездомным жить не разрешалось. За проживание в них все же нужно было платить, а откуда могут быть деньги у бездомного или безработного?

Мы поинтересовались у представителя городских властей:

— Почему так происходит?

Он удивился нашему вопросу больше, чем мы удивились самому факту существования пустующих домов при большом количестве бездомных в городе. Ответ этого представителя звучал просто:

— У нас в США демократические порядки: хочет человек сдать свой дом в аренду — сдает, не хочет — не сдает.

Его нисколько не тревожили те, кто не имеет крыши над головой. Он видывал и не такое.

В последний период в США, как и во многих других странах капиталистического мира, стало наблюдаться такое явление. Строятся новые красивые жилые дома, но большинство квартир в них пустует. Это — при огромной армии бездомных. Квартиры пустуют потому, что плата за них непомерно высока даже для квалифицированного рабочего или служащего.

Вот и получается, что непредубежденному человеку приходится лишь удивляться: квартир в США полно, а миллионам людей жить негде.

Обывательские критерии

Если спросить американского солдата в США или за рубежом:

— Что заставило вас пойти в армию, что она защищает и для чего вторгается в ту или иную чужую страну?

Он скорее всего ответит:

— Я защищаю жизненные интересы США и американскую демократию.

Сам он, конечно, не имеет представления о том, что такое жизненные интересы США и что это за демократия, да и вопроса такого перед собой не ставит. Он отвечает так, как его научили с детства.

Если это офицер, то он, вероятно, сошлется еще на то, что все члены конгресса США выбираются, причем демократическим путем и что пресса США, мол, также демократическая.

Ему, офицеру, никто никогда не говорил, а потому и не приходит в голову, что и в конгресс США, и в выборные органы штатов, и в губернаторы, и в судьи избираются люди, которые имеют поддержку богачей, корпораций и компаний, готовых каждый раз пожертвовать средства, чтобы обеспечить своему кандидату необходимое «паблисити» и «протолкнуть» его на выборную должность.

Ведь это истина, что подавляющее большинство депутатских мандатов в американском конгрессе всегда принадлежит представителям имущих классов. К примеру, сколько стоит место сенатора? По-разному, но деньги требуются немалые. А в среднем 2 106 154 доллара! Для каждого из шестидесяти пяти кандидатов на тридцать три места сенаторов США в ходе выборов 1984 года, когда обновлялась одна треть верхней палаты конгресса. Обнародовавшая эти данные общественная организация «Коммон коз» сообщила, что общая сумма расходов претендентов на кресла сенаторов составила 136,9 миллиона долларов, что представляет собой увеличение на 31 процент по сравнению с выборами 1982 года.

В 1985 году в составе конгресса из общего числа сенаторов и членов палаты представителей — всего из 535 человек — свыше 80 процентов, или 433 являются юристами и предпринимателями. Среди членов конгресса нет ни одного рабочего, а тех, кто причисляет себя к фермерству, — тридцать один человек, это главным образом крупные землевладельцы-предприниматели. Негры в сенате отсутствуют вообще, а в палате представителей их всего лишь двадцать. «Доза» женщин в конгрессе прямо-таки гомеопатическая: две являются сенаторами и двадцать две —

членами палаты представителей.

Когда станешь объяснять уже упоминавшемуся офицеру, почему так происходит, то слушает он внимательно. Так слушал меня однажды в годы войны американский полковник, поддерживавший связь между Вашингтоном и Чан Кайши. Но переварить все услышанное для него оказалось совершенно непосильной задачей. В его сознании за многие годы отложился пластами определенный стереотип американской демократии, потеснить который непросто.

Как «работает» американская демократия?

В ходе президентской избирательной кампании либо при выборах в конгресс бывает, что в оборот пускаются такие критерии оценки кандидатов, которые в других странах сочли бы за недостойные или восприняли бы как насмешку.

Ведь это факт, что довольно часто в качестве такого критерия выступает требование, чтобы кандидат хорошо выглядел на экране телевизора, а еще лучше, чтобы он мог хорошо и красиво произносить речь. Так прямо и говорят:

— Такой-то кандидат очень хорошо смотрится… Или:

— …очень хорошо слушается.

При этом его политическая платформа отходит на второй план, а то и дальше. На передний план выдвигается способность хорошо выглядеть, улыбаться, делать красивые жесты, уметь носить в нужное время полагающейся расцветки галстук. В данном случае расчеты связывают прежде всего с тем, чтобы привлечь к нужному кандидату симпатии женской половины общества, более восприимчивой к этим атрибутам.

Происходит так потому, что правящему классу и средствам информации, которые в конечном счете он финансирует, выгодно, чтобы в центре внимания находились по возможности обывательские, а не серьезные политические критерии оценки кандидатов.

При таком положении больше шансов, что избранниками будут те, кто проявляет заботу не о том, чтобы лучше жили люди труда, и даже не о том, как обеспечить мир для страны, устранить угрозу войны, а о том, как оградить интересы сильных мира сего, интересы крупного капитала.

Внешний лоск, подкрашивание действительности по душе тем, кто готов верой и правдой служить капиталу, а не защищать интересы безработных, рабочих, служащих, фермеров и всех тех людей, которые добиваются прекращения гонки вооружений, устранения угрозы новой войны. Правящему классу выгодно, чтобы на высокие посты баллотировались кандидаты, у которых смазливые лица, наигранные ораторские жесты, деланные улыбки

и галстуки всех цветов радуги. Считается, и не без оснований, что при прочих равных условиях предпочтение будет отдано тем, у кого будут «преимущества» именно такого рода.

Капитан в океане буржуазной прессы

Никто из более или менее знающих американскую прессу не может отрицать, что это настоящий океан с его многими и многими течениями. В этом океане каждого известного человека подстерегает опасность самая неожиданная.

Можно констатировать, что имеется только один непреложный закон, по которому существует и развивается американский газетно-журнальный океан. Это — служение классу, держащему в своих руках основные богатства страны. Власть крупных монополий, корпораций, компаний, банков — вот та сила, которая манипулирует всем.

При всем том, что она уверенно и умело управляет этим океаном, в его пучине могут иногда утонуть или быть израненными на рифах даже отдельные представители сильных мира сего. Жертвами могут стать и представители самих журналистских кругов.

Не всякий, даже опытный капитан, пустившись в плавание по газетно-журнальной стихии, разумеется, в ее расширительном понимании — с включением телевидения и радио, может быть застрахован от неприятных сюрпризов и даже от катастроф. Но понятно, что, чем капитан опытнее, тем меньше опасностей его подстерегает. А меньше всего подвергается риску тот, кто никогда и ни в чем не расходится с непреложным законом служения буржуазии.

На протяжении многих десятилетий ловким и умным капитаном зарекомендовал себя политический обозреватель Уолтер Липпман.

Он стал крупной величиной в журналистском мире еще до второй мировой войны. Основную тему его выступлений в печати составляли проблемы внешней политики и международного положения США. Статьи Липпмана публиковались в ряде ведущих газет, которые издавались в миллионах экземпляров. Многие политические и общественные деятели, дипломаты как США, так и других стран считали за честь встретиться с этим человеком.

Когда я находился на посту посла в Вашингтоне, мне довелось несколько раз встречаться с Липпманом. Вполне понятно, что этот крупный журналист-политик хотел быть в курсе дел, касающихся советско-американских отношений и наших оценок линии США в этих отношениях. Он не стесняясь ставил вопросы и внимательно выслушивал дававшиеся на них ответы,

которые содержали оценки политики США, порой изрядно и заслуженно пересыпанные солью.

Липпман интересовался отношением к Рузвельту и его политике. По той настойчивости, с какой он задавал вопросы на эту тему, я сделал вывод, что у Липпмана имеются свои взгляды на тогдашнего хозяина Белого дома. Мне пришлось энергично подчеркивать:

— В вопросах советско-американских отношений Рузвельт, конечно, проявил дальновидность, которую не продемонстрировал до него ни один президент — ни Вильсон, ни Кулидж, ни Гувер. Ведь при Рузвельте между двумя нашими странами установились дипломатические отношения, причем всего лишь через год после его избрания на пост президента. Этот человек, безусловно, проявил волю и решимость, действуя вразрез с теми группами в американской политической жизни, которые никак не могли перестроиться на более реалистическую линию в вопросах отношений с Советским Союзом. А что касается состояния этих отношений во время войны, то они приобрели уже новое качество, поскольку обе державы являются союзницами в войне против гитлеровской Германии.

Липпман не делал никаких попыток поставить под сомнение политику администрации Рузвельта в отношении Советского Союза, да и вообще внешнюю политику США того времени. Особенно его интересовал такой вопрос:

— Какой вы видите перспективу советско-американских отношений после разгрома фашистской Германии? А в победе над ней союзников я не сомневаюсь.

Разговор получался. Я не только отвечал собеседнику, но и в свою очередь сам спрашивал его. Понимая, что неловко только задавать вопросы и что он тоже может высказывать собственные суждения относительно будущего советско-американских отношений, Липпман заявил:

— Добытый за годы войны политический капитал в этих отношениях нельзя терять. Советский Союз и США должны находить общий язык в налаживании послевоенной жизни и в строительстве будущих связей между собой.

Подчеркивал Липпман и значение торговли, говорил:

— А ведь, возможно, США будут предоставлять Советскому Союзу кредиты для восстановления разрушенного гитлеровцами хозяйства СССР, особенно промышленности. Говоря о кредитах, конечно, я не могу идти дальше предположений с учетом, того, что у самой администрации США позиция по данному вопросу еще не сформулирована.

Липпман явно осторожничал в своих высказываниях

относительно возможности предоставления нам американских кредитов. Поэтому я поинтересовался:

— А нет ли у вас каких-либо конкретных сведений на этот счет?

Он сказал:

— По данным, которыми я располагаю, Рузвельт еще не принял окончательного решения. Президенту подбрасываются разные предложения, разные варианты, которые не похожи один на другой ни по объему самих кредитов, ни по условиям их предоставления.

Сказанное Липпманом совпадало с информацией, доведенной в полуофициальном порядке до нашего сведения из некоторых кругов, близких к администрации. Впрочем, и сама администрация особенно не скрывала своей позиции в вопросах о кредитах.

Еще больший интерес Липпман проявлял к тому, как будут развиваться после войны отношения между государствами и в более широком плане, имея в виду не только Советский Союз и США, но также Англию, Францию, Канаду, а возможно, Германию и Италию. Говоря о последних двух странах, он заметил:

— Всякие идеи, которые бродят в Вашингтоне относительно возможности переселения немцев в какие-то отдаленные районы, вроде Африки, являются нереальными. Немцы скорее всего останутся в Германии, и отношения с этой страной, так же как с Италией, будут строиться на основе каких-то принципов, которые еще надлежит определить.

Эти рассуждения Липпмана, на мой взгляд, представляли собой осторожный намек на то, что будет означать создание Североатлантического союза. Однако в то время ни Липпман, ни представители администрации США не упоминали еще о такой возможности.

Да и у Рузвельта подобных обдуманных планов тогда не было. Они появились, когда в президентском кресле очутился Трумэн. Липпман, мой собеседник, стал потом одним из рьяных поборников создания Североатлантического союза, даже своего рода теоретиком, обосновывающим такую необходимость.

Что отличало Липпмана от многих других представителей американской прессы? Бесспорно, эрудиция во внешнеполитических делах. Он хорошо знал, что происходит в вашингтонских коридорах власти. По ним он ходил уверенной поступью. Для него открывались двери членов кабинета.

Хотя каких-либо официальных постов Липпман не занимал, тем не менее он принадлежал к категории деятелей, которым при определенных условиях мог быть доверен и министерский

портфель. Липпман привлекался, особенно в конце войны и в первый послевоенный период, к работе разного рода групп и комиссий, готовивших материалы и проекты, как тогда говорили, к мирной конференции и занимавшихся разработкой той позиции, которую продемонстрировал Трумэн в Потсдаме, а затем его администрация на Парижской мирной конференции, на совещаниях министров иностранных дел держав-победительниц и на многих других форумах.

Липпман — автор ряда книг по вопросам международных отношений, в частности, таких, как «Внешняя политика: щит республики» (1943 г.), «Цель США в войне» (1944 г.) и «Холодная война» (1947 г.). Еще задолго до второй мировой войны приобщился он и к деятельности высших учебных заведений. В 1933–1939 годах был в числе попечителей Гарвардского университета. Этот университет и сейчас считается привилегированным высшим учебным заведением США. В этом смысле его статус напоминает положение Оксфордского университета в Англии.

Те люди из американцев и за рубежом, которые считают, что главная заслуга Липпмана — это его вклад в теоретическое обоснование необходимости создания Североатлантического блока, правы, только если слово «вклад» заменить словом «вина». Это — крупное грехопадение крупного американского журналиста, писателя и политика.

Однако, безусловно, светлым пятном в деятельности Липпмана является его позиция в связи с политикой Вашингтона в отношении Вьетнама. Он выступал как противник американской авантюры против вьетнамского народа. Липпман предупреждал еще до инцидента в Тонкинском заливе, что война США против Вьетнама — дело бесперспективное. Его позиция по вьетнамскому вопросу и в целом по проблемам Индокитая показывает, насколько более трезво, чем официальный Вашингтон, он понимал обстановку в этом районе мира и насколько более реалистично оценивались им возможные последствия вооруженной интервенции США в Демократической Республике Вьетнам.

Настоящими политическими карликами выглядят в сравнении с Липпманом те деятели США, которые взяли курс на развязывание агрессии против вьетнамского народа. Прежде всего таким карликом выглядит бывший тогда президентом Линдон Джонсон, который из-за провала авантюры во Вьетнаме потерпел политический крах и даже не осмелился выдвинуть свою кандидатуру для соперничества с Никсоном в борьбе за президентское кресло.

Умер Липпман 85 лет от роду в 1974 году. Ушел из жизни бесспорный старейшина американской прессы.

Правящий класс США воздвиг колоссальный барьер для того, чтобы не допустить расшатывания в сознании американцев созданного им же стереотипа американской демократии. Все средства массовой информации — пресса, телевидение, радио, всякого рода конференции, семинары и тому подобное — мобилизованы монополистическим капиталом, который не жалеет денег, чтобы этот барьер поддерживать и не только поддерживать, но и возводить его еще выше, делать еще прочнее. И средства массовой информации верно служат правящему классу, в первую очередь тем его кругам, которые занимают наиболее воинственные позиции во внешних делах.

К примеру, Гренада — крошечная страна в Карибском море, которую и не на всякой-то карте можно быстро отыскать, подверглась разбойничьей агрессии со стороны США. Однако с помощью средств массовой информации администрация США и те силы, на которые она опирается, постарались так преподнести этот разбой в отношении беззащитной страны американскому обществу, что оно, по крайней мере в своей значительной части, не только в конце концов смирилось с этой авантюрой, но даже сочувственно к ней отнеслось.

Для чего же это было сделано? Да для того, чтобы Пентагон заполучил лишнюю военную базу, построенную на земле растоптанной свободы.

И все же ни у кого не должно быть сомнений в том, что могучая сила, правды, объективной информации о положении в мире, о милитаристском курсе Вашингтона, о неизменно миролюбивой политике Советского Союза и других стран социализма будет все больше и больше пробивать себе дорогу.

Как губернатор прошел мимо теории Маркса

Отрава, под влиянием которой у американца складывается извращенное представление о стране, где он родился, начинает проникать в его сознание с детского возраста. Ведь отец и мать ему внушают мысль о прелестях жизни в США, о добром президенте, о справедливом сенаторе от штата, в котором живет семья, и о сверхсправедливом полицейском шерифе. Когда ребенок учится в начальной школе, там уже без передышки ему твердят, что такой справедливой власти, как в США, нигде в мире и не сыскать. Если он поступит в среднюю школу, а тем более в колледж или университет, то ему будут проповедовать необходимость свято уважать существующий в стране порядок, законы, полицейскую власть и саму дубинку полицейского, вести борьбу против коммунистов. К коммунистам же относят всех, кто критикует политику США, сочувствует Советскому Союзу, одобряет его миролюбивую внешнюю политику и даже тех, кто просто читает советскую литературу.

Хорошо известно, какой травле подвергаются профессора и преподаватели, которые осмеливаются знакомить студентов с трудами классиков марксизма-ленинизма. Их, как правило, третируют, а то и просто создают им такие условия, что продолжать работу в учебном заведении становится невозможно.

Защита? Но какую защиту может найти человек от попечительского совета? Ведь в его состав входят люди надежные, не за страх, а за совесть работающие на толстосумов, которые оказывают финансовую помощь учебному заведению. Если паче чаяния в нем попробуют читать лекции о трудах Маркса, Энгельса, Ленина, финансовые санкции будут обеспечены. Их не назовут даже санкциями. Найдут более эластичное название. Все будет сделано исподтишка. Но по такому учебному заведению ударят больно.

Есть и более испытанное средство, так сказать «демократическое», чтобы зажать рот неугодному профессору, а то и отстранить его от чтения лекций и вообще от работы. Для этого стоит раз-другой опубликовать пасквиль в газетах на человека, который попал в категорию инакомыслящих. Времена пресловутого Маккарти это доказали весьма убедительно.

Немало мне встречалось людей, хорошо знакомых с тем, как поставлено преподавание общественных наук в американских высших учебных заведениях. Некоторые из них заняли позже

крупные посты в правительстве, учреждениях, связанных с внешними делами.

Сошлюсь для примера на мой разговор с Гарольдом Стассеном. В свое время он был губернатором штата Миннесота. Республиканец Стассен однажды едва не попал в кандидаты на пост президента от своей партии. Этот человек хорошо знал на практике принятую в США модель получения высшего образования. Он откровенно говорил:

— Социальные науки изучаются по трафаретам, начисто исключающим приобщение студентов к экономической теории Маркса, к философии марксизма.

Я спросил Стассена:

— Неужели вы сами, человек, хорошо известный, крупный политический деятель, тоже прошли мимо этой экономической теории, диалектического и исторического материализма?

Наш разговор был свободный, неофициальный. Стассен любил потеоретизировать, и мне нравилось с ним беседовать. Он с откровенностью, которая мне импонировала, сказал:

— Я пробовал ознакомиться с экономическим учением Маркса, так как меня не удовлетворяли простые ссылки профессоров на его труды — в своих комментариях они больше критиковали Маркса, чем излагали положения его теории. Вот и решил сам взяться за изучение «Капитала». Но не скрою, дальше второй главы дело не пошло. Когда дочитывал ее, то так разболелась голова, что больше читать не смог. На этом и остановился.

Ничего, однако, не сказал Стассен о марксистской философии. Из этого можно было заключить, что ее он не изучал вовсе. По соображениям такта эту тему я постарался свернуть.

Могу уверенно утверждать, что большинство министров в правительствах США, Англии, других крупных капиталистических государств, с кем мне приходилось встречаться и основательно беседовать, не знают сути учения Маркса.

Беседы с Кейнсом

Меня не один раз озадачивало, что те, о ком я говорю, почти не знакомы ни с философией Гегеля, Канта, Шопенгауэра, ни с экономической теорией предшественников Маркса — Смита, Рикардо, Дж. Милля. В какой-то степени те люди могли говорить об экономических трудах Кейнса. Причем англичане больше знакомы — и это понятно — с теорией своего соотечественника. Вполне уместно сказать об этом, коль скоро речь идет об американской демократии и культуре, хотя Кейнс — истый англичанин.

Многие кейнсианские положения о допустимости и пределах вмешательства правительства в экономическую жизнь страны осуществляются в США. Это происходит не потому, что такие постулаты получили теоретическое обоснование у Кейнса. Скорее наоборот. Этот экономист стал их обосновывать теоретически, поскольку прагматические соображения капитала уже давно заставили монополии и правительства капиталистических государств прибегать к таким вмешательствам на практике.

Кейнс — самый крупный теоретик современной политэкономии капитализма. Безусловно, как человек талантливый, обладавший к тому же исключительной трудоспособностью, он оставил глубокий след в буржуазной экономической науке. Другое дело, сказанное им слово находится в стороне от тех великих открытий в экономической науке, которые сделал Маркс.

Уже в годы второй мировой войны перед Кейнсом преклонялись не только многие ученые-экономисты стран Запада, но и люди, далекие от науки, миллионеры и мультимиллионеры Америки. Крупнейшие американские корпорации и компании, так же как английские, французские, итальянские, монополии других империалистических государств, взяли практически на вооружение его основные теоретические посылки.

Не свободны от влияния Кейнса и концепции Ф. Рузвельта по решению тех задач, которые он ставил после своего избрания в качестве хозяина Белого дома с целью преодоления экономического кризиса в США. Даже те буржуазные экономисты в развитых капиталистических странах, которые не принимали каких-то одних положений теории Кейнса, заимствовали некоторые другие его идеи.

Сейчас, в том числе среди ученых-экономистов разных стран, сложилось вполне определенное понимание, чьим интересам служил Кейнс и служит поныне кейнсианство. Главное, на что

делал упор этот маститый ученый, — возможность преодоления болезней капиталистической экономики путем ее государственно-монополистического регулирования.

Признаться, когда я впервые встретил Кейнса в 1943 году в Атлантик-Сити на сессии Совета ЮНРРА, то подумал, что ему вроде бы и нечем заниматься на этой сессии, где обсуждались соответствующие вопросы, связанные с создаваемой межправительственной организацией. Но дело в том, что та конференция явилась одной из первых в военное время, на которой рассматривались вопросы экономики стран, пострадавших от гитлеровской оккупации.

Политические задачи, естественно, тесно срослись с задачами хозяйственного восстановления этих стран. И конечно же оказание всякого рода помощи государствам, которые в ней нуждались, требовало политических решений правительств.

На конференции были и представители политической власти государств, и видные экономисты, и деятели, которые ни к одной из первых двух категорий не принадлежали, но советы которых могли стать полезными с точки зрения их осведомленности о положении в странах с экономикой, разрушенной войной.

К числу экономистов, участвовавших в работе конференции, относился и Кейнс, который пользовался доверием английского правительства. Хотя авторитет ученого часто вовлекал его в круг тех, кто задавал тон в работе конференции, сам он стремился к тому, чтобы не появляться на переднем плане. Однако его внушительная фигура обычно выделялась среди советников и экспертов.

Мне приходилось беседовать с Кейнсом. Во время первой из бесед он проявил особый интерес не к политике по вопросу о восстановлении экономики пострадавших от войны государств, а к фактическому положению в странах, которые были в то время оккупированы войсками вермахта.

Информация, которой он располагал на этот счет, не являлась достаточной для того, чтобы получить представление о том, какой вид помощи и какой стране потребуется. Кейнс, как и большинство участников, оперировал общими данными, которые публиковались в печати.

В остальном беседа свелась скорее к общему политическому разговору о зверствах фашистов, о беспощадности гитлеровского командования, проявлявшейся в отношении населения оккупированных территорий. Кейнс довольно решительно высказывался:

— Я полностью поддерживаю установку союзных держав на разгром врага и исключаю возможность какого-либо компромисса

с нацистской Германией.

Последующая встреча дала возможность составить более полное представление о взглядах Кейнса по некоторым проблемам. Он, например, говорил:

— Западные союзные державы, прежде всего Англия и США, имеют общие интересы не только в период войны против фашизма, которая должна принести победу, но будут иметь не меньший по своему значению интерес к сотрудничеству и в послевоенное время.

В этой связи Кейнс указывал на два фактора.

— Во-первых, — утверждал он, — Англия и США являются странами англосаксонскими, и этого из истории изъять нельзя.

А во-вторых, обе страны в экономическом отношении как бы дополняют друг друга.

Судя по всему, для Кейнса представлялось ясным, что Британская колониальная империя будет ощипана после окончания второй мировой войны. Поэтому Англия не сможет развиваться вполне самостоятельно, прежде всего в экономическом отношении, и будет постоянно нуждаться в помощи своего мощного союзника — США.

Я спросил Кейнса:

— Не угрожает ли Англии такое положение, при котором ее независимость в отношениях с США сильно пошатнется? Некоторые американские деятели иногда такую мысль высказывают, хотя и не делают на этот счет официальных заявлений, поскольку правительство США, по понятным соображениям, не одобрило бы подобные заявления. Вместе с тем английская пресса, заглядывая в будущее, нет-нет да и опубликует предположения в этом духе.

Не отвечая прямо на поставленный перед ним вопрос, Кейнс старался подчеркивать другое:

— Обратите внимание на то, — говорил он, — какой большой потенциал у Великобритании, который она, я уверен, сумеет сохранить и после войны.

В отношении будущего Британской колониальной империи он выражал свое мнение осторожно и избегал делать какие-либо прогнозы.

Другой вопрос, который я поставил перед ученым, состоял в следующем:

— Ваше имя хорошо известно и в нашей стране, особенно в кругах ученых-обществоведов. Как бы вы сформулировали кредо своей экономической концепции применительно к тому сложному и ответственному периоду, в который после окончания второй мировой войны вступит мир, в том числе державы

антигитлеровской коалиции?

Кейнс, неторопливо взвешивая каждое слово, заявил:

— Капиталистические страны будут развиваться по тому пути, по которому они идут уже сотни лет, — по пути капитализма. В социализм я не верю. Это не значит, что мир будет делиться на черное и белое. Будут иметь место элементы конвергенции, но они не должны нарушать сложившуюся экономическую и социальную структуру государств, вступивших в войну против гитлеровской Германии.

Мысль, которую собеседник особенно подчеркивал, заключалась в следующем:

— От правительств, от тех, кто будет осуществлять власть в странах свободной конкуренции, потребуется в дальнейшем гораздо большая гибкость в части решения экономических проблем. Вполне логично поэтому ожидать большего вмешательства государства в экономическую жизнь, чем это было до сих пор, особенно перед войной. Однако влияние правительств на экономическую жизнь государств должно не только не противоречить интересам предпринимателей, а, напротив, соответствовать им. Ведь важно способствовать преодолению затруднений в экономике государств.

Кейнс не употреблял слово «кризис», но, несомненно, под «затруднениями» он понимал прежде всего экономические кризисы и потрясения.

— А как вы смотрите на выводы о неизбежности экономических кризисов в капиталистическом обществе, которые давно уже сделал Маркс?

Кейнс высказал любопытную для того времени мысль:

— В отличие от других экономистов, впрочем немногих, которые выражают несогласие с выводом Маркса, я признаю, что Маркс имел основания для того, чтобы такой вывод сделать. Но сейчас в своем развитии капиталистическое общество поднялось на новую ступень и, кроме того, класс собственников приобрел богатый опыт, как бороться с затруднениями и даже потрясениями в экономической жизни.

— Как же тогда понимать кризис 1929–1933 годов? — спросил я.

— Меня он не убеждает, — туманно ответил Кейнс, — однако, пожалуй, подобное потрясение экономики заставляет признать, что мои теоретические выводы нуждаются в более полном подтверждении практикой. Я исхожу из того, что такие потрясения будут иметь место.

— В научной политической экономии Маркса, — сказал я, — главным является то, что она вскрыла природу

капиталистической эксплуатации. Маркс открыл закон прибавочной стоимости, показал внутренний механизм развития капитализма и его историческую обреченность. А что главное в вашем учении, которое уже сейчас именуют кейнсианством?

Кейнс подумал и с убежденностью ответил:

— По этому поводу можно распространяться долго. Но если коротко, то главное в моей теории государственного регулирования экономики состоит в том, чтобы добиться поддержания эффективного спроса и полной занятости.

Нет, не добились страны капитала после войны того, на что уповал Кейнс, — ни эффективного спроса, ни полной занятости. Однако ряд его идей получил практическое воплощение. В западных странах появилось множество его последователей. Созданы школы неокейнсианства. В них некоторые положения Кейнса в какой-то степени «пересмотрены» и «развиты». Одни преемники ушли от него «влево», другие — «вправо».

А результат? Помогло ли кейнсианство или неокейнсианство спасти капитализм от его бед?

Ни в коем разе. В капиталистическом мире, и это показал опыт всех послевоенных лет, вместо эффективного спроса — почти постоянная инфляция и тщетные попытки предотвратить экономические кризисы, которые проявляются в падении производства, недогрузке его мощностей, нарушениях в денежно-кредитной и валютно-финансовой сферах. Что же касается «полной занятости», то об этом лучше всего могут рассказать миллионы безработных в странах капитала.

Несколько слов о том, какое впечатление произвел на меня Кейнс просто как человек. Если смотреть на Кейнса, когда он идет по коридорам дворца, в котором проводились заседания конференции, то казалось, что идет человек, никого не видящий, углубленный в свои мысли. Импозантный вид отличал его от других. Темный костюм, сшитый из первоклассного английского сукна, выглядел отлично. У него никогда не заметишь той нарочитой неряшливости, которой иногда любят щеголять английские аристократы. Да, как это ни странно — нарочитой неряшливости…

Цену себе Кейнс, конечно, знал. Беседовать о делах он предпочитал по-крупному. Просто, как говорят, по-светски судачить он не любил, о чем рассказывали и его соотечественники.

Вид Кейнса во время моих встреч с ним не внушал никаких опасений насчет его здоровья, так как выглядел он хорошо. Однако умер он сравнительно рано, в возрасте 63 лет. Это случилось вскоре после войны: в 1946 году.

Интересный человек, тонкий собеседник, ученый сильного таланта, служивший, разумеется, своему классу и той демократии, в условиях которой росли и жили его предки, — таков абрис портрета Кейнса.

Чем заменяют серьезное искусство

Каждый человек, знакомый с явлениями культурной жизни США, не может не спросить:

— Что же больше всего нравится рядовому американцу?

— Должны же люди уделять внимание тому, что во всем мире называется культурой, духовной жизнью?

— Ведь должны же они отдыхать после рабочего дня, проводить как-то свое свободное время?

— Не может же все их внимание, время поглощать кино с его убийствами и садизмом, с грубостью и порнографией, с непомерно амбициозным, кликушеским восхвалением американского образа жизни?

Никто никогда не подсчитывал точно, сколько в США имеется низкопробных очагов, в которых предлагается обывателю и живой товар, и неодушевленный, — лишь бы он только выложил «деньги на бочку». Такие очаги могут прикрываться самыми невинными вывесками — «Ресторан», «Шоу с танцами», «Бассейн», наконец, просто «Место для встреч».

А сколько суррогатов, заменяющих кинотеатры?

Едет, например, в машине американец с семьей и вдруг читает надпись: «Кино, не выходя из автомобиля». И, действительно, видит огромный экран, вблизи которого нет людей, но зато стоят только одни автомашины на расстоянии, по крайней мере, до сотни метров в ширину и на столько же вглубь. Это — своего рода место для загородной «духовной жизни».

Раньше типичным для американцев считался выезд за город на пикник. В какой-то степени это практикуется и сейчас. Но многие американцы все больше привыкают проводить свое свободное время у телевизора и в кино. Они считают, что пикник не выдерживает экзамена на остроту ощущений, так как показа убийств, других видов насилия в таких условиях нет, а азартные игры в рамках семьи либо даже с близкими друзьями особого интереса уже не вызывают.

Все чаще люди ищут острые ощущения в «злачных» местах, о существовании которых знают многие представители прессы, не говоря уже о тех, кто по долгу службы должен следить за порядком. Но их не трогают до тех пор, пока там не произойдут драка, поножовщина, ограбление, убийство. Каждый наживается, как умеет, — он «делает деньги». Дух наживы выступает в качестве одной из норм образа жизни.

Думаю, что такая крупная держава, как США, могла бы дать миру значительно больше в области подлинной культуры. Тем

более, что в том сложном многонациональном сплаве, который представляет собой американский народ, есть большая доля выходцев из Европы, Азии, других районов мира, где существуют давние традиции в области театра, музыки, живописи, народного творчества.

В какой-то степени влияние этих стран оставило свой отпечаток на американском театре, искусстве, музыке. Но только в какой-то степени. Голый американский интерес, привычка измерять все ценности долларом, прибылью оказались настолько сильным прессом для всей жизни общества, что духовная культура по ряду направлений не только не получила развития за последнее время, но даже попятилась назад.

В Соединенных Штатах Америки скопилось немало культурных ценностей, в разное время вывезенных из Европы и других районов мира. Однако это перемещение явилось следствием скорее коммерческих сделок, а то и приобретения исторических и культурных ценностей сомнительными путями, если не сказать больше. Американцам самим это хорошо известно.

В крупных музеях — их очень немного в США — чаще доминируют шедевры европейского искусства. Это можно сказать в значительной степени о Национальной художественной галерее в Вашингтоне и о Метрополитен-музее в Нью-Йорке.

Когда наши советские люди бывают в США и посещают те или иные музеи, в том числе два упомянутых, то они непременно должны заметить, что посетителей там всегда мало. Я подтверждаю это и на собственном опыте. При осмотре вашингтонского, а затем и нью-йоркского музеев я видел больше посетителей-одиночек. Причем значительная часть из них — не американцы.

Было бы, конечно, неправомерно на основании этого делать вывод, что американцам искусство органически безразлично. Вовсе нет. В этом отношении они являются просто продуктом воздействия суммы обстоятельств, характеризующих общество. Это — одна из сторон образа жизни людей.

Сколько бы мне ни приходилось смотреть американское телевидение, слушать радио, ни разу я не видел и не слышал какую-либо передачу, популяризирующую классическое искусство, о развитии которого со времен Фидия и Праксителя во многих других странах мира рассказывают сегодняшние радио и телевидение.

Те, кто имеет возможность оказывать влияние на духовную жизнь общества, используют их далеко не на пользу развития у американцев вкуса к серьезному искусству, к уважению

общечеловеческих ценностей, накопившихся на протяжении многих веков. Зато не только еженедельно, а, можно сказать, ежедневно передачи телевидения, да и радио забиты всяким откровенным хламом, культивирующим у людей низменные инстинкты, пренебрежение к духовным ценностям подлинной культуры. Культ насилия и убийства царит на экранах телевизоров и в радиопередачах.

К сожалению, этот культ все в большей степени пробивает себе дорогу и в другие страны, особенно в Западной Европе. Но в США он просто царствует. Разве окровавленный нож, которым только что кто-то убит, может соседствовать с показом по тому же телевидению шедевров искусства? Вот и изгоняют подлинное искусство с телеэкранов, из радиостудий. Такова же в основном судьба и театра. В нем все меньше места тому, что возвышает и облагораживает душу человека.

Неужели в США нет людей, в том числе из тех, кто находится у власти, понимающих, что сложившееся положение ненормально? Конечно, есть, но они не в состоянии бороться с той грубой силой, имя которой — капитал, прибыль.

Беспощадное сито капитала

Вот уже на протяжении более полусотни лет в США в той или иной степени существуют модернистские течения в искусстве — живописи, скульптуре, театре. Заходишь в иной музей, вроде музея Гуггенхейма на Пятой авеню в Нью-Йорке, и на тебя смотрят ряды уродливых существ — это, оказывается, рисунки художников, о которых пишет печать, похваливая их. Правда, чувствуется, что тот, кто похваливает, не имеет ни малейшего представления об искусстве. Вышел я из этого музея, и мне очень захотелось вдохнуть свежий воздух.

Однажды в американском журнале «Лайф» в 1946 году один такой художник решил изложить свое творческое кредо. Он поведал читателям, что когда начинает писать свою очередную модернистскую картину, то сознание, разум у него не работают. Он прямо так и заявил: «Работает подсознание». И что в конце концов получится — художник сам не знает. Редакция поместила это «философское» высказывание в совершенно серьезном плане, не делая оговорок.

Да, буржуазные идеологи США не очень любят думающее искусство. Они не желают знакомить зрителя с искусством, порождающим у людей возвышенные чувства, мысли о дружбе и мире между народами, о безграничных возможностях разума человека. Им нужен в искусстве — на картинах, в скульптурах, на сцене театров, в кино — человек-робот, который умел бы стрелять, рубить, бить, высаживаться с военных кораблей на территории других стран, поражать противника с космических аппаратов — словом, осуществлять насилие, исправно сбрасывать бомбы на чужие города в порядке «популяризации» американского образа жизни, «защиты прав человека и демократии».

Конечно, американский народ, как и всякий другой, богат людьми одаренными, в том числе в области искусства, литературы. Природа вовсе не плетет интриг против него. Ведь вышли же из его среды Эрнест Хемингуэй, Теодор Драйзер, Джек Лондон, Генри Лонгфелло и ряд других великих мастеров прозы и поэзии. Ведь украсили же американский, да и не только американский, киноэкран шедевры Чарли Чаплина, фильмы с участием Мэри Пикфорд, Бетти Дэвис и многих других.

В области музыкальной культуры тоже есть имена, получившие признание далеко за пределами США, например Джордж Гершвин. Великий чешский композитор Антонин Дворжак и Джордж Гершвин лично не знали друг друга, тем не

менее первый — духовный отец второго. Три года в прошлом веке провел Дворжак по контракту в Нью-Йорке на посту ректора Национальной консерватории. Здесь он написал свою великолепную симфонию «Из Нового Света», здесь же он изрек:

— Я нашел надежную основу в негритянских мелодиях для новой национальной музыкальной школы Америки.

И далее он заявил, что тот из американских композиторов, кто в основу своих произведений положит негритянские мелодии, станет основателем американской национальной музыки.

Им стал Гершвин. Он взял блюз и спиричуэл — фольклорную негритянскую музыку, напевы рабов с плантаций Юга и положил эти мотивы в основу своих мелодий. Тем и прославился сам, и заставил весь мир заговорить о существовании самобытной музыкальной культуры США. Я приехал в Вашингтон через два года после смерти Гершвина, но хорошо помню призывные аршинные буквы рекламы его оперы «Порги и Бесс». Она стала американской классикой, ее с успехом ставят и в Советском Союзе. Я сам испытывал удовольствие, когда слушал эту оперу в Москве.

Но, как часто бывает, исключение лишь подтверждает правило. А правило суровое. Капитал, прибыль — это беспощадное сито, через которое должно проходить и проходит все, что имеет отношение к культуре, искусству, духовной жизни страны. Здесь не глохнет, не гибнет только то, что сулит доход монополистическому капиталу.

Эта сила не выдает ярлыки насчет того, кто из деятелей культуры достоин похвалы, а кто ее не достоин. Существуют тысячи способов, чтобы кого-то поднять на пьедестал, а кого-то сделать вечным неудачником. Один из них — пресса и вообще средства массовой информации. В своем большинстве они выполняют и в этой области в конечном счете заказ правящего класса.

Бывают случаи, когда появляются таланты, которые в других условиях сделали бы честь США и обогатили культурную жизнь не только страны, в которой они родились. Но спрут социальных условий и в конечном счете жизнь, подчиненная экономическим законам капитализма, уродуют эти таланты и в прямом и в переносном смысле слова.

Разве не характерным примером стала недолгая жизнь известного американского певца Элвиса Пресли? Два десятка лет он слыл кумиром молодежи. Его жанр представлял собой нечто легкое, временами приближавшееся к черте, за которой находилось уже непристойное. Приближавшееся, но не перешедшее эту черту. Те, кто получал выгоды от его

выступлений, делали все, чтобы выжать максимум из этого одаренного певца. Америка поражалась столь длительному сопротивлению, которое Пресли оказывал дельцам, эксплуатировавшим его талант.

Те, кто постоянно толкал его на путь пошлости, достигли успеха в одном: человек, который приносил прибыль, подорвал здоровье. Он тяжело болел. Все об этом знали. Но вместо заботы о нем, его лечения певца заваливали контрактами, за которыми стоял бесконечный калейдоскоп выступлений, дававший огромные барыши дельцам.

Уже задолго до смерти Пресли все знали, что он держится на лекарствах-стимуляторах. Но социальный спрут не обращал внимания ни на что. Куй железо, пока горячо! И ковали. В тисках этих оков талант рухнул. В сорок четыре года певец скончался.

Разумеется, и в США есть люди, которые хорошо понимают и осуждают положение, сложившееся в сфере культуры. Но они пока бессильны противостоять всесилию доллара и духовной опустошенности.

Глядя на все, что происходит в области культуры в американском обществе, я часто вспоминал знаменитую картину Ла Кутюра «Декаданс Рима», которую увидел в Лувре. На ней изображена группа мужчин и женщин, пресыщенных оргией, которые полусидя, полулежа смотрят на тебя тупым остекленевшим взглядом. В нем одна лишь опустошенность. Не символ ли это упадка западной буржуазной культуры, которая служит силам мракобесия и развращает человека?

Сказанное не означает, что в США в области культуры, искусства, литературы нет борьбы между реализмом и декадентством, между здоровым началом и растленностью. Борьба имеет место, но борющиеся силы пока неравны.

Немалое число представителей американской культуры, да и здравомыслящих политиков в беседах со мной не раз подчеркивали:

— Эта борьба будет продолжаться.

Они временами высказывали даже надежду:

— Когда-нибудь власти США примут такие законы, которые избавят американское общество и его культуру от тяжких недугов.

Конечно, по-настоящему обоснованный ответ на острые вопросы дают только те деятели, которые стоят на почве марксистско-ленинской теории. А таких, не считая представителей братской Коммунистической партии США, мы встречали нечасто. Большинство тех, кто критикует теперешнее положение в США с позиций разума, сами, к сожалению, являются

продуктом принятого в стране воспитания и образования. Отсюда непоследовательность в их выводах и прогнозах.

Подлинная цена равенству и правосудию

Разве можно обнаружить признаки настоящей заботы о культуре народа, если посмотреть на состав учащихся высших учебных заведений США? Кто эти учащиеся?

Это в основном дети обеспеченных людей, живущих на средства, полученные от эксплуатации наемного труда. Особенно характерно такое положение в тех заведениях, выпускники которых имеют более надежную перспективу получить работу по специальности. Обучение в таких институтах и университетах обходится дорого.

Есть учебные заведения, в которые поступают дети квалифицированных рабочих, служащих с солидным положением, тех, кто принадлежит к мелкой буржуазии. Но плата за обучение является даже для этих слоев населения тяжелым бременем. Знаменитый Колумбийский университет в Нью-Йорке принадлежит именно к такой категории высших учебных заведений. Однако немало его студентов работают в ресторанах, занимаются мойкой посуды.

Может быть, церковь замечает пороки американской демократии? Нет, и она, по существу, ничего не замечает, а точнее, не хочет замечать. Служители церкви в своем большинстве предпочитают проходить мимо актуальных проблем социальной жизни общества — безработицы, наркомании, проституции, деградации личности.

В США повелось прислушиваться к речам проповедников. Бывает, некоторые из них осуждают расовую дискриминацию. Это — явление положительное. Но они вызывают ненависть реакции. Как в этой связи не вспомнить об убийстве в 1968 году баптистского пастора, одного из руководителей борьбы за права негров в США, Мартина Лютера Кинга? Это несмываемый позор Америки.

Надо быть действительно слепым и глухим, чтобы за восторженными разглагольствованиями о «демократизме общества равных возможностей» в США не разглядеть его откровенной социальной несправедливости. Одним из ее проявлений является деятельность американской Фемиды.

Что же, убаюканная разговорами о демократии, американская Фемида спит глубоким сном? Ничуть не бывало. Ее карающий меч не знает покоя. «Неподкупная богиня правосудия» в Соединенных Штатах уже давно на жалованье у власть имущих.

Массивная фигура «копа» — американского полицейского с неизменной дубинкой на боку — неотъемлемый штрих городского или сельского пейзажа США. И тем не менее волна преступности — насилия, грабежей, наркомании, бандитизма, — захлестнувшая Америку, не ослабевает.

Не только американские граждане, но даже иностранные дипломаты не чувствуют себя спокойно на улицах американских городов ни днем ни ночью. В Нью-Йорке, где расположена штаб-квартира ООН, дипломаты из социалистических и развивающихся стран, представительства этих государств уже в течение многих лет представляют собой мишень в разного рода преступных акциях. Не так давно по этим дипломатам даже стреляли через окна.

Американская полицейская машина, вся армия тайных агентов и осведомителей направлены прежде всего против тех, кто поднимает голос в защиту своих политических и гражданских прав, кто выходит на улицы с требованиями прекратить политику гонки вооружений, покончить с безработицей, дать бездомным крышу над головой. Вот тут «демократия по-американски» срабатывает отлично. Стрельбой, ударами дубинок и слезоточивым газом встречает демонстрантов полиция. Достаточно вспомнить расстрел демонстрации студентов Кентского университета, протестовавших против развязанной США вьетнамской войны, кровавые побоища в негритянских гетто Майами, кровавую баню, устроенную неграм в Филадельфии в 1985 году. А уж с каким рвением американская полиция и суд действуют, когда в руки им попадается коммунист. Наиболее ярким из таких примеров был судебный фарс над Анджелой Дэвис.

«Знаете ли вы Драйзера?»

Любому советскому интеллигентному человеку этот вопрос покажется странным. А вот что случилось со мной в Вашингтоне. Случай, о котором хочу рассказать, был первым, а за ним последовали и другие, которые заставили меня сделать однозначный вывод: как ни печально для всей нации, но средний американец очень мало читает и иногда плохо знает своих писателей.

До приезда в США еще в Советском Союзе я четыре года изучал английский язык, уже мог читать газеты и книги, однако разговорной практики, естественно, не хватало. Поэтому по прибытии в Вашингтон в 1939 году я сразу, чтобы приобрести навыки в разговорном английском, начал заниматься с преподавательницей. Ею стала некая миссис Томпсон. Она получила в США высшее лингвистическое образование. Словом, передо мной дважды в неделю появлялась местный бакалавр-филолог, специалист в области английского языка (с американским произношением) и американской литературы. Мы, как бывает в таких случаях, избирали тему и по поводу нее час-полтора изъяснялись, обменивались впечатлениями.

Однажды она дала мне задание на дом:

— К следующему разу вам придется подготовиться к беседе на тему моей специальности — мою любимую тему: «Американская литература».

Я задание выполнил и на занятии повел рассказ об известных американских писателях. Привел биографические данные и сделал краткий обзор творчества Генри Лонгфелло, Эдгара По, Марка Твена, а потом сказал:

— А теперь я расскажу о Драйзере.

— О ком? — переспросила преподавательница.

— О Теодоре Драйзере.

— А кто это такой? — удивилась она.

Я подумал, что неправильно выговариваю по-английски эту фамилию, написал на бумажке транскрипцию имени и фамилии писателя. Протянул листок миссис Томпсон. Она посмотрела на оба написанных слова с полным непониманием и честно мне призналась:

— Вы знаете, я не слышала о таком американском писателе.

Тут настала моя очередь удивляться. Специалист в области американской литературы, женщина, получившая в этой сфере знаний высшее образование, обитавшая не где-нибудь в захолустье, а в столице страны, не знала одного из крупнейших

американских писателей, жившего в одно время с нею, автора «Сестры Керри», «Финансиста», «Гения», многих других романов. Она не ведала о писателе, который тогда находился в зените славы.

Рассказывал ей я — а она с удивлением слушала меня, — что этот писатель живет в Калифорнии, что книги его переведены на многие языки мира, в том числе и на русский, что я еще в Москве старался осилить и понять его «Американскую трагедию» на английском языке.

Конечно, мне очень хотелось увидеться с Драйзером и поговорить с ним самим, рассказать о той популярности, которую он и его книги завоевали в нашей стране. Но было много работы, а потом началась война. Поездка в Калифорнию как-то не получалась, за более срочными делами приходилось ее все время откладывать. Наступил 1945 год, и вдруг пришло печальное известие — Теодор Драйзер скончался. Узнал я и еще одну важную новость: этот крупный прогрессивный писатель на склоне лет, незадолго до кончины, в том же 1945 году на своем примере показал прогрессивным людям своей страны, особенно ищущей молодежи, кто является борцом за интересы трудового народа. Теодор Драйзер, сумевший раскрыть в своем творчестве и романтическую, и сентиментальную, и хищническую, и блуждающую стороны души американца, вступил в члены Коммунистической партии США.

Да, в массе неважно читают американцы книги даже собственных писателей, не говоря уже о классиках мировой литературы.

При этом в США для детей дошкольного и школьного возраста издается обильная литература. На встречах с представителями американской интеллигенции мне не раз приходилось слышать:

— В нашей системе начального образования этой литературе уделяется особое внимание.

Наиболее сведущие, те, кто бывал в Советском Союзе и имел возможность сравнивать положение детской литературы в обеих странах, добавляли:

— Вы, русские, в известном смысле обошли нас, американцев. Писатели, работающие для юного поколения, пользуются у вас заслуженным признанием. А некоторые американские литераторы даже пытаются им подражать.

При этом называли талантливого советского писателя Сергея Михалкова.

— Но и у вас пишущих для детей немного, — говорил мне один из литераторов. — У нас же, американцев, с делом детской

литературы сложно, потому что в ней доминируют комиксы, где смысл один — стреляй, догоняй, держи, удирай, спасайся. Вы хорошо делаете, что не культивируете их у себя широко и не подражаете нам.

Горькое признание американского дипломата

Вспоминаю разговор в Нью-Йорке с крупным американским дипломатом, который занимал по вопросам международной политики резонные позиции и стоял за добрые отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Беседа происходила через несколько лет после окончания войны.

Говорили мы долго, наконец почему-то он захотел дать характеристику условий жизни в Советском Союзе и США. При этом мой собеседник стал оперировать понятием американский образ жизни. И применять его он начал не для полемики, а просто потому, что не мыслил себе, какими иными словами можно выразить понятие достойной жизни. Он не пытался негативно характеризовать жизнь советских людей, но его высказывания строились так, что совершенно ясно напрашивался вывод в пользу США.

Тогда я поинтересовался у собеседника:

— А вы читали в газетах недавно опубликованное сообщение об убийстве сыном матери и других членов семьи?

Он сказал:

— Да, я знаком с этим фактом.

— А известно ли вам, что в Центральном парке Нью-Йорка, и об этом тоже сообщают газеты, почти ежедневно гибнут люди, потому что их там попросту режут ножом? А ведь это происходит в стране, образ жизни которой вы расхваливаете.

Собеседник ответил:

— Я знаю и глубоко возмущен тем, что полицейские власти Нью-Йорка пока не положили конец этому безобразию.

— А вот другой факт, — сказал я. — Его я наблюдал сам. Неподалеку от здания ООН на одном из углов какой-то стрит и набережной Ист-ривер на моих глазах упал человек. Около него хлопотала женщина и стоял испуганный ребенок. Она суетилась, пыталась приподнять мужчину, хотя бы посадить, но ей это плохо удавалось. Прохожие, не останавливаясь, спешили мимо. Что меня поразило больше всего, так это полное безразличие стоявшего неподалеку полицейского. Он все видел, но не пытался сделать даже шаг в их сторону. «Почему вы не пытаетесь помочь ему? Он ведь только что упал. Может, ему плохо?» — спросил наш советский товарищ полицейского. «Сами разберутся», — спокойно сказал тот.

Серьезные специалисты, которые пытаются добраться до

истоков терпимости к преступности в США, признают, что их питают телевидение, кино, литература. Ведь в США, как известно, общепризнанными стали требования к компаниям, чтобы те производили телефильмы и кинофильмы, в которых обязательно содержалось бы несколько убийств. И не просто убийств, а страшных, изощренных.

На протяжении нескольких столетий создавалось капиталистическое общество США. Социализм же за семь десятилетий коренным образом изменил облик страны.

Если бы история могла подобно тому, как это делают люди в общении между собой, продемонстрировать свое отношение к заслугам СССР, она, наверно, поклонилась бы советскому народу в знак признательности за все великое, сделанное им во имя человечества.

Гарри Купер и Мэрилин Монро

Голливуд. Большой зал студии «XX век Фокс» с экзотическим для Лос-Анджелеса французским названием «Кафе де Пари». Здесь накрыты столы и собрался весь цвет американского кино. Режиссеры и актеры встречаются с советской делегацией. Смотрю со сцены, где мы сидим за «столом президиума», а передо мной лица хорошо знакомые. Мне неоднократно приходилось видеть их в американских фильмах.

О всех не расскажешь, но двоих из них выделить следовало бы.

…Гарри Купер — знаменитый актер, которого я впервые лично встретил здесь, в Голливуде. Высокий, стройный, с волевым лицом, известный по множеству фильмов, сейчас он выглядит усталым. Ему — под шестьдесят. Может, думаю, подошло бы ему выражение — «устал от популярности».

Так казалось мне в те минуты, когда смотрел на него.

Действительно, его имя обладало магическим притяжением. Фильмы с его участием всегда имели в Америке огромный успех — «кассовый успех», а это для продюсеров и кинокомпаний считалось главным.

Он много снимался в приключенческих, ковбойских фильмах и мелодрамах. Международное признание пришло к нему в начале тридцатых годов после фильма на сюжет романа Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!». Голливуд создавал фильмы, где он играл и блестящих офицеров, и простодушных горожан, и смелых ковбоев. Прекрасным образом солдата запомнился он в картине «По ком звонит колокол», снятой также по роману Хемингуэя. Этот, по существу антивоенный, фильм прозвучал с особой силой в суровый 1943 год. В течение шестнадцати послевоенных лет фамилия «Купер» входила в список наиболее популярных «звезд» американского кинематографа.

Видел я этого знаменитого актера среди известных кинодеятелей Голливуда и был рад знакомству с ним. Но его внешний вид свидетельствовал о том, что у него отсутствовали та бодрость и подтянутость, которое постоянно ощущались, когда он смотрел или говорил с экрана.

Нет, подсознательное чувство тех минут меня не подвело. Великий актер, как оказалось, был тяжело болен и вскоре умер.

Мэрилин Монро… Ее имя гремело далеко за пределами Америки, а в самом Новом Свете она была любимицей зрителей, «звездой первой величины». Говорили, что она всегда и везде опаздывает. Но на ту встречу с советской делегацией в Голливуде

пришла задолго до начала, чтобы занять место поближе. Сидела она от нас через стол, всего в каких-нибудь пяти метрах.

Официальная часть окончена. Можно уходить. Я иду мимо небольших столиков. Неожиданно она обращается:

— Мистер Громыко, как вы поживаете?

Сказано так, будто мы старые знакомые, хотя я встречаюсь с ней лично впервые в жизни. Остановился, скорее из учтивости отвечаю:

— Здравствуйте. У меня все в порядке. А как ваши успехи? Много раз видел вас в фильмах.

Она протянула мне руку. Что-то говорила в ответ на мой вопрос. Но цепочка гостей понесла меня из одного зала в другой.

В ту пору артистка была в зените славы, улыбающаяся, счастливая. Уже отшумели фильмы, которые принесли ей всемирную известность.

Мэрилин Монро почти во всех фильмах играла роли главных героинь с точки зрения интеллектуальной «так себе», но исполненных какой-то особой и неотразимой привлекательности. Она стала идолом американского зрителя, да и зрителя многих других стран.

Однако произошло неожиданное. Через три года после той встречи в Москву пришло известие: Мэрилин Монро покончила с собой.

Как это могло случиться? Этот вопрос задавали многие. Всегда веселая, жизнерадостная, Мэрилин — и вдруг… самоубийство. Ведь ей было всего тридцать шесть…

Прошли десятилетия. И в начале восьмидесятых годов в разных органах печати западных стран стали появляться статьи-исследования, в которых приводятся доказательства, что знаменитая американская киноактриса вовсе не была самоубийцей, а стала жертвой какого-то заговора. Она, знакомая с крупнейшими государственными деятелями США, вела с ними беседы, в том числе и на политические темы. Незадолго до своей смерти встречалась с Джоном и Робертом Кеннеди.

Она много знала, эта женщина, хотя в кино обычно выглядела простоватой, — таковы были роли. А ведь то время — весна 1962 года — отличалось важнейшими военно-политическими событиями: США впервые взорвали ядерное устройство мощностью в мегатонну, началась серия запусков новых ракет «Поларис». Многие считали Мэрилин Монро «красной». Ведь она выступала и за права человека в США!

В последние годы ее жизни все больше проникали в печать сообщения о добром отношении Мэрилин Монро к Советскому Союзу и советской культуре. Некоторые официальные лица США

прямо заявляли в ее адрес, что эта выдающаяся артистка чуть ли не становится коммунисткой. Это, конечно, не имело ничего общего с правдой, но хорошее отношение Мэрилин Монро к нашей стране не ускользнуло от внимания соответствующих американских кругов, которые никогда не спускали глаз с Голливуда.

Как выяснилось только в восьмидесятые годы, на кинозвезду, которая считалась в шестидесятые годы воплощением женственности, было создано специальное секретное досье. Американские власти признали, что располагают «обширным» делом на знаменитую киноактрису. И завели досье в 1955 году, когда Мэрилин Монро еще не достигла даже тридцатилетнего возраста. Поводом послужило ее знакомство с людьми левых взглядов, в частности со своим будущим мужем драматургом Артуром Миллером и его друзьями.

Указывалось, что в этом досье имеются материалы по вопросам внешней политики, а также по военным проблемам. Так утверждала лондонская газета «Санди таймс» в 1986 году.

Эта же газета писала, что в глазах американских спецслужб Мэрилин Монро превратилась «в угрозу для безопасности США». И ее просто убрали…

Так это или не так — возможно, прояснит будущее.

Подлинные патриоты Америки

В гнетущих условиях господства монополий, попрания прав человека, полицейской слежки смелую и принципиальную борьбу ведут коммунисты США. Я всегда восхищался и продолжаю восхищаться этими подлинными патриотами Америки.

Особенно, конечно, надо выделить руководителей Коммунистической партии США — это люди, которые трезво оценивают положение как внутри страны, так и на международной арене, как внутреннюю, так и внешнюю политику своей страны.

Хорошо помню я встречу с Юджином Деннисом, председателем Национального комитета Компартии США. Волевой, мужественный человек, он вступил в Компартию США еще в 1927 году. До войны — в 1938 году его избрали в состав Национального комитета компартии, а с 1946 по 1959 год он был его генеральным секретарем.

Реакция продержала Денниса в тюрьме в течение многих лет и выпустила его на свободу только тогда, когда он тяжело заболел. Американская Фемида была к нему безжалостна потому, что он всегда являл собой пример стойкого борца за дело трудового народа. Будучи уже больным, он оставался глубоко убежденным в правоте дела, которое отстаивал всю жизнь.

Тогда, во второй половине 1960 года, Нью-Йорк, как обычно в такую пору, дышал осенней гарью. Наша беседа проходила в помещении советской делегации в ООН, куда мы прибыли на очередную сессию Генеральной Ассамблеи.

Деннис характеризовал точными мазками обстановку в стране и за рубежом, внешнюю политику США. А те годы были непростые. Шла «холодная война», началась агрессия США против Вьетнама, которая вылилась в войну «горячую» — настоящую.

Смотрел я на председателя Национального комитета Компартии США и думал: «Он достоин того, чтобы на века запечатлеть его образ в бронзе как героя американского народа, борца за его свободу».

Мы расстались с надеждой увидеться снова в будущем году, однако не пришлось. Недуг сломил его, и Юджин Деннис скончался.

Достойным преемником Юджина Денниса стал Гэс Холл. У обоих много общего. Так же, как и Деннис, Холл вступил в компартию в 1927 году. Это значит, что в 1987 году Холл перешел славный рубеж — шестидесятилетие членства в своей родной партии. Так же, как и Деннис, Холл подвергался репрессиям и

провел долгие годы в тюрьмах.

С 1944 года он — член, с 1949 года — секретарь Национального комитета партии американских коммунистов, а с 1959 года — Генеральный секретарь Коммунистической партии США. Он пользуется заслуженным авторитетом у американских коммунистов как человек большого интеллекта, патриот своей страны и в то же время подлинный интернационалист.

Мне не раз доводилось встречаться и беседовать с Гэсом Холлом. Было это и в Америке, когда я приезжал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и в Москве, куда он прибывал в качестве гостя на съезды нашей партии. Беседы эти носили дружеский характер.

Кредо Гэса Холла — борьба за мир. Хорошо известно его заявление, сделанное в августе 1986 года. Он отметил, что смелый и решительный акт СССР — продление в четвертый раз моратория на все ядерные взрывы — был встречен с большим пониманием и надеждой широкими слоями американского народа.

Руководитель американских коммунистов заявил:

— Новое мышление в международных делах, которое так убедительно проявляет на деле советское руководство, будет все более пробивать дорогу в жизнь, несмотря на сопротивление определенных кругов США, ибо за ним — будущее. Это новое мышление несет человечеству избавление от угрозы ядерного уничтожения.

Кто он — рядовой американец?

Когда в общем-то случайно заходит разговор об Америке, товарищи, с которыми приходилось и приходится работать, у меня спрашивают:

— Что представляют собой американцы?

Появляется этот вопрос не потому, что задающие его просто какие-то наивные люди. Вовсе нет.

Я и сам много раз ставил себе подобный вопрос:

— А знаю ли я как следует американцев?

Провел я в США, выполняя поручения партии и правительства, если суммировать все время пребывания, более восьми лет. Все это без так называемых разовых поездок сроком до одной-двух недель.

Дать положительный ответ на этот вопрос и сказать, что я хорошо знаю, каков он — рядовой американец, — значит сфальшивить. Однако можно назвать некоторые общие, свойственные многим или даже большинству жителей этой страны черты характера, нравы и взгляды на жизнь. Только об этом может идти речь.

Даже известные писатели США отмечают многообразие американцев, их многоликость и различия в обычаях. Правда, талант художника позволил им выделить и некоторые широко распространенные черты характера и свойства души своих героев. Но иностранцам, может быть, кое-что видится более отчетливо, чем даже талантливым американским писателям.

Например, я восхищаюсь меткостью характеристик американцев в книгах И. Ильфа и Е. Петрова, М. Стуруа, Н. Карева, Б. Стрельникова, С. Кондрашова, В. Зорина и других советских писателей и журналистов, а также в произведениях писателя-журналиста Г. Боровика. Хотя прошло уже время после издания этих книг, однако многие явления, которые авторы увидели во время своих путешествий по США и описали, остаются неотъемлемой частью бытия Америки и сегодня.

У нас имеются научно-исследовательские центры, которые глубоко изучают США. В их ряду прежде всего хотелось бы выделить два института Академии наук СССР. Один из них — Институт мировой экономики и международных отношений, возглавляемый академиком Е. М. Примаковым.[25] Второй — Институт США и Канады; директором его уже много лет является академик Г. А. Арбатов. Имена их хорошо знают и в СССР, и за рубежом. Широко известны книги и выступления в печати и по телевидению обоих этих крупных и заслуженных ученых. Какие

меткие и глубокие характеристики американцев и Америки в целом дают они в своих работах!

Много зависит от того, кто наблюдает жизнь Америки и американцев. Одно дело, когда о ней пишет журналист и желает в броской форме передать людям свои впечатления и оценки.

Другое дело, когда присматривающийся к стране преломляет свои впечатления о ней через призму политики и стремится из массы проходящих перед ним событий и фактов выделить наиболее характерные черты тех или иных групп людей, которые можно было бы обобщить и даже назвать национальными. У человека такой категории масштабы наблюдений уже. Зато он имеет возможность уделить кое-чему больше внимания и при прочих равных условиях вынести основательные оценки тех явлений, которые стали неотъемлемой частью жизни народа большой и сложной страны.

На что в этой связи я хотел бы прежде всего обратить внимание читателя, в руки которого попадет эта книга?

Уровень информированности общественности в США ниже, чем в Европе. Это мое твердое убеждение. Объясняется это многими причинами. Но не в последнюю очередь тем, что правящий класс, который держит в своих руках контроль над средствами массовой информации, выдает населению сведения необъективные, особенно в области внешней политики.

Разумеется, в капиталистических странах Западной Европы, да и в некоторых других, это явление также имеет место. Но США прочно удерживают рекорд в части распространения искаженной информации, особенно о Советском Союзе и жизни советских людей.

И еще об одной типичной черте американцев. В США в ходу афоризм:

— Вы выглядите на миллион долларов.

Так говорят человеку, которому хотят доставить удовольствие, сказать, что он выглядит очень хорошо. В других странах, даже капиталистических, над тем, кто употребил бы этот афоризм, просто посмеялись бы. Уж, во всяком случае, переспросили бы:

— Что вы хотите этим сказать?

Но в США все ясно. Количество долларов — это как бы визитная карточка человека. Доллар — это эталон, критерий, при помощи которого обозначается место гражданина в обществе.

А сколько встречалось мне американцев, которые в беседах о своих знакомых, родственниках и даже родных ссылались на их успех в жизни. И успех этот состоял только в том, что он или она сколотили солидный капитал, который уже «делает деньги».

Успешный бизнес — это в Америке всегда звучит как похвала.

Обычно никто не задается вопросом:

— А как же этот капитал образовался, откуда он возник? Советский человек не понимает, как можно «делать деньги ради денег». Также чуждо американцу понимание того, что капитал — деньги или предприятия, торговые заведения или банки — дает доходы собственникам только потому, что другие люди эксплуатируются, а в стране в то же время процветает безработица, расовый гнет и дискриминация, имеются миллионы бездомных и неграмотных.

Все это рядовой американец видит. Но существуют многочисленные средства, чтобы затуманить его взгляд, исказить нормальный человеческий подход к таким явлениям. А государственный, в том числе полицейский, аппарат всегда наготове расправиться с теми, кому придет в голову эффективно защищать права человека.

Есть, разумеется, и в США люди, которые открыто и мужественно ведут борьбу за равноправие всех граждан, независимо от расы и национальности. Они не поклоняются всесильному доллару и намерены продолжать борьбу.

Когда-то борцы за свободу пытались найти убежище в США от произвола и гнета монархизма в странах Европы. Это происходило во времена, когда в США еще не успело потускнеть имя Линкольна.

Нет, не борцы за свободу ищут сегодня убежище в Новом Свете. Ищут его те, кто хочет быть поближе к господину доллару, те, кто рассчитывает на его помощь в борьбе против свободы.

Ну а как же оценить отношение жителей городов и городков США в массе к советским людям в человеческом плане? Должен сказать, что американцы ничем не отличаются от народов других стран, в частности и Европы. Они корректны, вежливы, хотят больше знать о Советском Союзе. Это и неудивительно. Их знания часто примитивны. Но вина в этом лежит на тех, кто не дает народу правдивой информации о жизни советских людей. В первую очередь эту вину несут на себе официальные круги, умышленно вводящие народ в заблуждение, скрывающие от него правду о том, что происходит в нашей стране, о миролюбивой политике СССР.

Безусловно, немалое значение имеет и то, что США — страна, которую не опалило пламя войны. Поэтому восприятие многими американцами борьбы за мир не имеет той остроты, с какой эта борьба и ее акции воспринимаются в тех странах, по которым прошелся раскаленный каток мировой бойни.

Должен сказать, что за время пребывания в США не только я

лично или члены моей семьи, но и никто из сотрудников посольства никогда не был оскорблен, никогда по отношению к нам не проявлялась неучтивость. Напротив, мы всегда наблюдали предупредительность, если американцы знали, что имеют дело с советским человеком.

Случались инциденты, даже с печальным исходом. Но то были жертвы наркоманов и грабителей, у которых оружие всегда наготове. Притом наркоман или грабитель не спрашивает паспорт.

Здесь, конечно, мы оставляем в стороне те демонстрации, которые временами организуются определенными кругами в США под враждебными Советскому Союзу лозунгами. Во-первых, это небольшие группки людей, а во-вторых, они создаются усилиями тех, кто с одержимостью защищает милитаристские программы Пентагона. А ведь часто бывает так, что после демонстрации такой группки к советским людям приходят отдельные ее участники и сообщают, что они получают определенную почасовую плату за свою «работу» и просят не придавать этим недостойным спектаклям серьезного значения.

Бывали случаи, когда грубые, недопустимые действия совершались в отношении наших артистов, приезжавших в США по договоренности сторон, и каждый раз, как выяснялось, инспирировали такие действия местные власти и их подручные.

Всегда рядовые американцы с большим интересом принимали и принимают советских людей. Это относится не только к официальным деятелям, но и к другим гражданам: представителям общественных организаций, артистам, ученым, туристам. Во время войны, например, наших людей встречали с энтузиазмом и в городах, и в сельских районах, и на международных совещаниях. Любое слово, сказанное от имени советского народа, борющегося с оружием в руках против общего врага, неизменно сопровождалось аплодисментами аудитории.

Приведу один пример. Людмила Павличенко — женщина-снайпер, старший сержант Чапаевской дивизии, уничтожившая в оборонительных боях под Одессой и Севастополем свыше трехсот фашистских убийц, в том числе тридцать пять асов-снайперов вермахта. Слава о ней, в дни войны прогремела по всем фронтам, знали ее подвиг и в тылу. Недаром ей присвоили звание Героя Советского Союза. На фронт она ушла с исторического факультета Киевского университета, где была в начале войны студенткой выпускного курса. Она приехала в США в 1942 году в составе небольшой студенческой делегации. Однако все американские газеты, казалось, никого больше не замечали, писали только о ней, и она сразу завоевала, без преувеличения,

миллионы сердец. Американцы за несколько дней превратились в поклонников ее отваги, патриотизма и, не в последнюю очередь, женского очарования. Тысячи людей, молодых и пожилых, считали за счастье пожать ей руку, привлечь ее взгляд или вызвать в ответ на свои выражения чувств ее мягкую улыбку — улыбку русской женщины.

Перед ее выступлением в американской аудитории выходил кто-либо из наших представителей и объявлял:

— Сейчас будет говорить Людмила Павличенко. В течение двух с половиной месяцев она обороняла Одессу. В составе снайперского взвода она прикрывала отход воинов последнего полка, оставлявшего город. Затем она ушла в Севастополь и там участвовала в обороне города в течение восьми месяцев. Была неоднократно ранена и контужена. Теперь она здесь, перед вами.

Вскоре об этом знала вся Америка.

Людмилой Павличенко восторгалась американская молодежь, ее, как представительницу молодого поколения, наперебой приглашали к себе колледжи и университеты. Еще бы! Это была практически первая за годы войны делегация советской молодежи, советских студентов на земле США.

Элеонора Рузвельт устроила в честь Людмилы Павличенко специальный прием, с советской девушкой беседовал сам президент Рузвельт.

После пребывания в США Людмила Павличенко побывала еще в Канаде и Великобритании и повсюду произвела настоящий фурор.

Мы в посольстве радовались, наблюдая все это, и никогда не сомневались, что американский народ питает к советским людям добрые чувства. Правда, кое-кто в США хотел бы создать между двумя народами завесу, сотканную из обмана и сознательного искажения советской действительности. В те дни это сделать не удавалось, и всем нам доставляло огромное удовлетворение наблюдать восторженный прием советских людей на американской земле.

Конечно, приезд Павличенко в США состоялся в особое время. Шла борьба не на жизнь, а на смерть против врага сильного и беспощадного. Но разве доброжелательство и дружба, которые проявлялись в те дни американскими и советскими людьми, не выражали их подлинные чувства и мысли по отношению друг к другу?

Сознаю, что мой ответ на собственный вопрос — краткий, даже скупой. Но, возможно, кое-кто найдет его заслуживающим внимания.

Во время войны большое впечатление на общественное

мнение США произвел визит двух таких деятелей советской культуры, как народный артист СССР Соломон Михоэлс и поэт Ицик Фефер. То, что они пользовались авторитетом в нашей стране, хорошо известно. Этот визит дал возможность американцам познакомиться с творчеством двух крупных представителей культуры нашей страны. Везде, где они побывали, — это относится прежде всего к таким городам, как Нью-Йорк и Вашингтон, — их неизменно встречали в высшей степени дружественно.

Кстати, сразу же по прибытии в Вашингтон Михоэлс и Фефер обратились в посольство с просьбой помочь им в деле налаживания контактов с широкой американской аудиторией. Посольство сделало все, что могло, по части оказания такого содействия.

Михоэлс и Фефер за короткий период пребывания в США приобрели сотни новых друзей. Они вели себя как настоящие советские патриоты. Многие американцы, в свою очередь, стали принимать участие в работе разного рода общественных организаций, деятельность которых направлялась на развитие дружбы между двумя странами.

Я бы сказал, что особенно добрую память оставил о себе Михоэлс, яркие выступления которого против гитлеровского фашизма нашли одобрение широкой аудитории. Самые разные представители американской общественности стремились увидеться с Михоэлсом.

Упомяну такой случай, хотя и незначительный, но характерный. Как-то днем наша шестилетняя дочь Эмилия пошла на улицу погулять и… исчезла. Через некоторое время мы узнали, что пропала и ее подружка — дочь одного из советских дипломатов. Конечно, переполошились. Жена моя обошла соседние кварталы, связалась по телефону со всеми знакомыми, но детей нигде не было.

Через несколько часов в посольство позвонил какой-то американец и сказал:

— Я тут разговариваю с двумя девочками. Говорят, что они русские, и просят проводить их на пароход, который идет в Советский Союз.

— Где вы находитесь?

Он назвал адрес. Это оказалось довольно далеко от посольства. Немедленно мы сели в машину и привезли беглянок домой.

Выяснилось, что наши девочки, наслушавшись дома разговоров о том, что идет война, что советскому народу сейчас очень трудно, решили… «бежать на фронт».

Поэтому они, выйдя погулять, договорились — ни много ни мало — «направиться к морю». Долго шли по улицам Вашингтона, но моря, конечно, не нашли. Пришлось спросить дорогу. А их вопрос сразу же насторожил первого попавшегося американца, который догадался, в чем дело.

Глава XVI
ДИПЛОМАТИЯ МОЖЕТ ОБХОДИТЬСЯ БЕЗ ЦИЛИНДРА И ФРАКА

Два мира — две политики. Объективно их взгляды иногда аморальны. Особенно прямолинейны военные. Макнамара корректирует свои оценки. Маятник в политике. Что это такое — дипломатия? Ничего туманного нет. Набор рычагов. Образчик дипломатии произвола. Сила правды. Георгий Васильевич Чичерин. Три полпреда. Литвинов и первая в мире женщина-посол Коллонтай. О Молотове. Общая позиция — интересы народов. Как бывает на международных форумах. Непреложное правило. Значение образования и эрудиции. В стране пребывания. Как все это запомнить? Извечный вопрос. Кое-что о речах. Контакты и контактность. Черновая работа и «белоручки». О дипломатических приемах. Общение с журналистами.

Один раз за всю свою дипломатическую жизнь меня вынудили облачиться во фрак, а скорее, в визитку — эдакий укороченный фрак с так называемыми «кат тэйлз» — «обрезанными фалдами». Вот в таком виде, да еще и с цилиндром в руке — его я так и не отважился водрузить на голову — мне пришлось сесть в просторную карету. На запятках экипажа чинно устроились два лакея в ливреях, обшитых золотом, тоже с цилиндрами, но на голове.

Лошади — казалось, и они подчиняются протоколу — медленно и торжественно покатили карету по улицам Лондона. Вдоль тротуаров стояли толпы зевак. Даже англичанам, не говоря уже о туристах, картина представлялась занятной.

Мне тоже она виделась своеобразной. Гражданин Советского Союза, где уже давным-давно нет ни дворян, ни царей, в необычном для себя костюме — надел-то его впервые — ехал на встречу с английской королевой.

Так, согласно церемониалу при дворе королевы Великобритании Елизаветы II, я направлялся в Букингемский дворец для вручения верительных грамот Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР.

А думал я в это время о том, что первым после Октября послом в Англии был М. М. Литвинов. Он объявил себя аккредитованным при рабочем классе Британии. И стал широко

распространять эту концепцию. Это вызвало резко негативную реакцию Ленина. Владимир Ильич поправил Литвинова.

И еще я думал о том, что эта церемония в соответствии с английским протоколом резко контрастировала с теми правилами, которые я узнал в США, когда вручал верительные грамоты президенту Рузвельту. Мне тогда сказали, что я должен быть в деловом темном костюме. В таком же костюме был и президент. В конце концов время было военное.

Анахронизмы дипломатического протокола сохранились и до наших дней. В 1986 году в старинной карете, запряженной несколькими парами лошадей, в сопровождении эскорта живописных средневековых мавританских конников ехал по улицам Мадрида вручать свои верительные грамоты испанскому королю советский посол С. К. Романовский.

Да, нам надо сосуществовать со странами другой социальной системы и не вмешиваться в их порядки, не навязывать им своих норм и правил дипломатического протокола. Тем более, что существуют традиционные нормы протокола, да к тому же в каждой стране еще и свои, не всегда соотносящиеся с общепринятыми, международными. Если они не унижают достоинство нашего государства или дипломата лично, почему же их не принимать? А коль скоро мы их принимаем, то тем самым мы проявляем свое уважение к обычаям страны пребывания. Только так и надо понимать советского дипломата, когда он надевает фрак или цилиндр.

Хотя, честно говоря, дипломатия не нуждается ни в цилиндре, ни во фраке, о чем знает каждый, связанный с нею.

Мои встречи с государственными и политическими деятелями зарубежных стран это подтверждают.

Два мира — две политики

В современном мире сосуществуют общественно-политические системы — социалистическая и капиталистическая.

Внешней политике социализма, и прежде всего Советского Союза, противостоит курс империализма, ядром которого являются наиболее развитые в экономическом отношении капиталистические государства. Основной силой этого ядра стали Соединенные Штаты Америки.

Когда бы ни приходилось встречаться с руководящими фигурами капиталистического мира, в первую очередь стран НАТО, как только дело доходило до обсуждения существенных вопросов, обнаруживались различия взглядов, а часто и прямые противоречия, которые проявлялись тем более рельефно, чем крупнее и острее становились выдвигавшиеся проблемы.

Если взять послевоенный период, а точнее, период со времени кончины Ф. Рузвельта, то все американские президенты не могли, да и не старались скрывать своих основных целей во внешних делах. Цели эти за редким исключением не отвечали интересам мира и дружбы между народами. Что касается самого Рузвельта, который в ряду президентов США стоит особняком, то он, стремясь в своей политике во многом к тому же, чего добивались и его преемники, тем не менее исходил из необходимости и возможности построить мир без войны.

Обращает на себя внимание такое характерное явление, вызывающее недоумение у представителей социалистических стран, как и у всех, кто решительно осуждает войну и отстаивает дело мира.

Это явление состоит в том, что и президент США, и премьер-министр Англии, и федеральный канцлер ФРГ, да почти любой другой деятель империалистического лагеря или стран, которые к нему тяготеют, соглашается с тем, что войны нельзя допустить. Более того, он готов повторять эти слова бесконечное число раз и даже поклясться на Библии, что именно так, а не иначе он думает!

Однако когда такой деятель начинает в беседе излагать существо политики, конкретные шаги своей страны на международной арене, то из его заявлений и разъяснений, может быть, и не буквально, но неизменно следует одно: годится все, что наносит ущерб социализму, и плохо то, что отвечает законным требованиям Советского Союза, других социалистических государств, а заодно и тех стран, которые хотя и не являются социалистическими, но осуждают политику

империализма. Немного находится людей, которые, занимая официальное положение в правительствах капиталистических стран или на их дипломатической службе, проявляли бы объективность и самостоятельность в суждениях, а тем более в действиях.

И тут задаешь себе вопросы:

— Кто же такой мой собеседник с точки зрения его человеческих качеств?

Что это — человек, сбившийся с пути, заблудившийся, обманутый, или человек, действительно верящий в те социальные ценности, которые он отстаивает?

А может быть, это — просто обманщик, и все, что он говорит, предназначено для того, чтобы вплести еще несколько нитей в ту завесу, которую правящий класс его страны, идеологи и политики создали, чтобы скрывать подлинную сущность своих политических доктрин, действий, направленных против дела мира, и своей философии международных отношений?

Вопросы эти — они много раз вставали и лично передо мной — непростые. Но ответы на них дать вполне возможно, если исходить из научного анализа явлений, включая и те, которые относятся к сфере международных отношений.

Так кто же все-таки эти деятели? Среди них, конечно, немало «актеров», иными словами, людей, понимающих, что их задача состоит в том, чтобы обманывать общественное мнение, запугивать его «угрозой» со стороны Советского Союза и социализма. Но распространить такую характеристику на всех, кто защищает милитаристскую политику НАТО или молча ей потворствует, — значит допустить упрощение.

Объективно их взгляды иногда аморальны

Большинство деятелей, имеющих отношение к внешней политике империалистических государств, субъективно верят в то, что служат правому делу — интересам общества. Эти политики, являясь представителями своего класса — буржуазии, сосредоточивают все свои помыслы на отстаивании его интересов, его социальных и экономических привилегий. А для этого, по их мнению, все средства хороши. Обман выдается за истину. Насилие и произвол в международных делах объявляется верхом морали. Политика государственного терроризма оправдывается ссылкой на то, что это отвечает жизненным интересам Соединенных Штатов и их союзников.

Такие деятели готовы часами доказывать правомерность подобной политики и морали, но остаются глухими к доводам собеседников, когда те дают обоснованную и объективную оценку явлений в международной жизни. Не воспринимая подобные оценки, эти деятели тем не менее могут терпеливо выслушивать конкретную информацию о конкретных фактах, которые не оставляют живого места от всей концепции их внешней политики.

Ничего удивительного во всем этом, однако, нет. Ведь правящим кругам империалистических государств приходится скрывать природу своей политики с целью помешать народам сделать правильные выводы на этот счет.

Могут ли быть исключения в подобного рода образе мышления и действий? При определенном стечении обстоятельств — могут. Это происходит, как правило, тогда, когда общественное мнение соответствующих стран получает возможность убедиться в настоятельной необходимости решения мирным путем, за столом переговоров тех или иных международных проблем, конфликтов, возникающих между государствами.

Именно в таких условиях стало возможным достижение в шестидесятые и семидесятые годы ряда крупных международных соглашений.

Однако на рубеже восьмидесятых годов агрессивные круги империализма, взяв курс на то, чтобы сломать сложившееся в мире военно-стратегическое равновесие и добиться военного превосходства, привели дело к заблокированию или подрыву переговоров по ограничению гонки вооружений на важнейших ее направлениях. И до сих пор политика США, стран блока НАТО,

судя по всему, не настроена на волну конструктивного содействия в решении таких жгучих проблем современности, как недопущение милитаризации космоса, кардинальное сокращение, а в конечном счете и полная ликвидация ядерного оружия.

Многие деятели империалистического мира, выступающие на сцене международной политики, объективно действуют против воли человечества, взвинчивая гонку вооружений, усиливая тем самым опасность ядерной катастрофы. И в этом отношении их планы и взгляды аморальны.

Особенно прямолинейны военные

Много раз мне доводилось и на международных форумах, и на беседах в узком кругу встречаться с военными деятелями империалистических государств. По долгу службы, пожалуй, — чаще всего с американскими.

Что можно сказать об этих деятелях? Изложенные выше оценки в своей основе применимы и к ним. Однако военные деятели обычно более прямолинейны, чем их гражданские коллеги. Они не любят особенно вдаваться в анализ причин тех или иных событий международного характера или даже фактов, связанных с гонкой вооружений и разоружением — областью, которая имеет непосредственное отношение к роду их деятельности.

Но вместе с тем за последнее время группа высших военных деятелей, главным образом США, стала необычно говорливой. И чем выше чин, тем больше ими произносится, притом публично, слов по вопросам не только военного дела, но и внешней политики. Никто не ставит их на место, как это бывало, например, во времена Рузвельта. Не ставит потому, что аппетит Пентагона активно используется руководством США для оправдания все новых многомиллиардных ассигнований, запрашиваемых на финансирование милитаристского курса.

Нельзя в этой связи пройти мимо того, что решения о военных бюджетах выносят, как правило, законодательные органы, которые играют в наше время далеко не последнюю роль в определении направления внешнеполитической деятельности государств. Эти органы имеют возможность не только косвенно, но и прямо влиять на процесс гонки вооружений. И вполне понятно, что они несут значительную долю ответственности, если принимают законы, которые питают этот процесс. Военные деятели также предпринимают все от них зависящее, чтобы повлиять на принятие таких законов. Особенно активно они это делают в США.

Сегодня самые широкие круги общественности, можно без преувеличения сказать, народы придают особое значение компетентному слову науки по вопросу о тех опасных последствиях, которыми угрожает гонка вооружений.

Подавляющее большинство ученых мира, включая и американских, пришли к твердому выводу: ныне, в условиях продолжающегося наращивания ядерных вооружений и появления на свет авантюристических планов милитаризации космоса, человечество оказалось перед необходимостью сделать

жизненно важный для себя выбор: будет ли оно продолжать сползать к краю пропасти либо прекратит гонку вооружений и встанет на путь разоружения, вплоть до всеобщего и полного.

Сильный и авторитетный голос советских ученых давно уже призывает всех деятелей науки к тому, чтобы использовать свое влияние во имя сохранения мира и самой жизни на Земле. Этот голос поддерживают прогрессивные ученые Запада и Востока. С этим голосом перекликается доносящееся до каждого сознательного человека эхо слов гениального Эйнштейна, заявившего в свое время:

— С появлением атомной бомбы мир перестал быть таким, каким был прежде, и люди должны устранить возникшую для них смертельную угрозу.

При встречах представителей Советского Союза с зарубежными деятелями науки — это подтверждает и мой личный опыт — фактически всегда устанавливается большая степень взаимопонимания в том, что касается недопущения милитаризации космоса, сокращения ядерных вооружений и разоружения. Мне не приходилось встречать ни одного сколько-нибудь видного ученого, в том числе из капиталистического мира, который был бы не согласен с этим. При любом свободном обсуждении указанных проблем мысли и чувства всех честных деятелей науки целиком на стороне политики мира.

Есть, конечно, такие ученые, которые связали себя с милитаристским направлением в политике, поставили себя ему на службу. Но никакие мотивы социального или иного порядка не могут оправдать их нежелания примкнуть к ведущейся на всех континентах борьбе против нависшей над человечеством грозной опасности.

Макнамара корректирует свои оценки

Возьмите любую общественную группу людей, имеющих отношение к внешней политике империалистических государств, включая и тех, кто прямо участвует в ее разработке и проведении в жизнь. Всегда среди них имеется такая прослойка, которая в силу разных обстоятельств не может быть полностью отнесена ни к сторонникам курса на достижение военного превосходства, на то, чтобы потеснить социализм и законные интересы социалистических стран, ни к противникам этого курса, выступающим за разоружение, за мирное сосуществование государств двух противоположных систем. И часто трудно находить грань, которая отделяет одних от других, если анализировать ситуацию в этом плане.

Случается, что типичный представитель крупного капитала, ставленник военно-промышленного комплекса, встречаясь с представителями Советского Союза или других стран, стоящих на позициях мира, начинает задумываться над тем, куда же все-таки поведут события, если гонка вооружений не будет прекращена, если она перекинется и на космос. Такие деятели отнюдь не одиночки. Их размышления и колебания отражают определенную тревогу, дающую о себе знать и в тех кругах, которые сами являются инициаторами наращивания военных арсеналов.

Даже видные представители правящего класса, стоявшие в прошлом открыто и прочно на позициях, враждебных социализму и делу мира, бывает, со временем корректируют свою позицию в положительном направлении. На этот счет можно привести немало примеров.

Первый из них. Я хорошо знаю, в том числе по беседам с ним самим, Роберта Макнамару, который являлся министром обороны в администрации Кеннеди, а затем и Джонсона. На состоявшейся в 1967 году встрече, в которой приняли участие с советской стороны А. Н. Косыгин и я, а с американской — Джонсон, Раск и Макнамара, именно министр обороны держал себя наиболее жестко. Он не желал и слышать о прекращении агрессии, развязанной США против вьетнамского народа. Впрочем, тогда все вашингтонское руководство поддерживало его и занимало в этом вопросе воинственную позицию.

Однако в последние годы, когда положение в мире резко обострилось, когда прожектор времени высветил события прошлого, в том числе причины и характер вьетнамской войны,

Макнамара, и как ученый, и как политик, выступил с осуждением курса, который был направлен на достижение военного превосходства над СССР любой ценой и вел к опасному накалу международной напряженности. Бывший министр стал оценивать иначе и всю американскую политику в целом. И его точка зрения теперь уже отличалась от той, которую он высказывал, когда занимал один из ключевых постов в правительстве США.

Представители прессы поставили перед Макнамарой вопрос:

— Как же так, раньше вы защищали подобную политику, а теперь ее осуждаете?

Ответить на этот вопрос ему было нелегко. Но надо отдать ему должное. От прямо признал, что изменил свои оценки и взгляды в свете приобретенного им опыта.

Макнамара заявил:

— В отличие от тех деятелей, которые не учатся на ошибках прошлого, я извлекаю для себя из таких ошибок уроки и соответственно меняю свои взгляды по тем или иным вопросам.

Конечно, бывший министр несет большую долю ответственности за преступления, совершенные американским империализмом против вьетнамского народа. Но хорошо то, что он нашел в себе достаточно мужества признать, что в то время действовал как неправый, и пришел к критическим выводам в отношении внешней политики администрации Рейгана.

Второй пример. Государственный секретарь Раск также несет ответственность за политику США в период их преступной агрессии против народов стран Индокитая. И с ним у меня было немало бесед, в ходе которых он упорно защищал эту политику, в частности в отношении Лаоса и Камбоджи (Кампучии).

Ныне Раск выступает с более трезвыми заявлениями и не разделяет экстремистские взгляды администрации на некоторые стороны внешнеполитической деятельности.

Отмечу здесь, что оба эти деятеля — Макнамара и Раск — люди незаурядные. Положив свои способности, политический опыт и авторитет на чашу весов мира, они могут сделать и немало полезного на благо американского народа.

Что-то похожее следует сказать и о Гарольде Брауне. Он занимал пост министра обороны в администрации Картера.

Брауну и тем кругам, которым этот деятель служил, по душе пришлось все большее накачивание военных мускулов Америки. Он хотя и присутствовал в 1979 году на торжественной церемонии подписания советско-американского Договора ОСВ-2 в Вене, но приложил свою руку к тому, чтобы ратификация этого договора в конгрессе США так и не состоялась.

Позже, однако, взгляды Брауна, распрощавшегося с

министерским постом, развивались в положительном направлении. Он, в частности, выступил с критикой проникнутого фальшью утверждения администрации Рейгана о том, будто СССР превзошел в военном отношении США и потому им необходимо всячески наращивать вооружения, особенно ядерные.

Маятник в политике

Временами и политические партии проявляют колебания, когда обстановка ставит их перед необходимостью ясно высказаться либо «за», либо «против» продолжения гонки вооружений. Подтверждение тому — позиция лейбористской партии Великобритании. Напомним, что в свое время эта партия, находясь у власти, дала согласие на размещение в Западной Европе, включая и английскую территорию, новых американских ядерных ракет. Но после того как на выборах победили консерваторы и сформировали свое правительство во главе с Маргарет Тэтчер, после того как они взяли откровенный курс на ядерное «довооружение», лейбористы стали больше осознавать важность ограничения ядерного оружия в Европе, сокращения таких вооружений вообще.

Далее. Известно, что с просьбой о размещении в Западной Европе дополнительного количества американских ядерных ракет первым обратился к Вашингтону канцлер ФРГ Шмидт — один из лидеров СДПГ, которая стояла в то время у власти как правящая партия. Ему не требовалось пускать слезу, чтобы убедить руководство США пойти на этот шаг, вызвавший резкое похолодание политического климата в Европе и во всем мире. И только потом, оказавшись уже в оппозиции, социал-демократы и их лидеры заняли более ответственную позицию и выступили за прекращение дальнейшего размещения американского ядерного оружия на территории ФРГ и других западноевропейских стран, за поиск путей, ведущих к снижению уровня военного противостояния в Европе.

О чем свидетельствуют приведенные факты? Они говорят о том, что в политической и общественной жизни государств НАТО происходят процессы, которые можно уподобить маятнику. Они не обходят стороной высшие эшелоны общества, включая и деятелей, оказывающих влияние на формирование внешней политики своих стран, а то и прямо участвующих в ее осуществлении.

Это само по себе является веским основанием для мобилизации всех возможностей в целях разъяснения правды о советской политике, показа того, что социалистические государства твердо и последовательно ведут борьбу за мир на Земле. Потенциал миролюбивых стран огромен.

Из сказанного также следует, что если имеются резервы для достижения положительных результатов в общении с представителями правящих кругов стран НАТО, то существует

еще больше возможностей для соответствующего воздействия на другие слои общества этих стран.

Никто, разумеется, еще не определил и не может определить, когда у человека сомнения по тому или иному вопросу перерастают в колебания, колебания переходят в убеждения, а убеждения реализуются в практические действия. Но если подойти к этому с позиции широкого толкования, то несомненно одно: в столкновении различных тенденций в бурлящем котле международной жизни в конечном счете верх одерживает правда. К тому же катастрофы прошлого, особенно вторая мировая война, научили людей многому.

Оценивая доминирующий настрой общественного мнения в современном мире, можно безошибочно сказать, что он — в пользу сокращения и в конечном итоге ликвидации ядерного оружия, недопущения милитаризации космического пространства. Этот настрой — в пользу разоружения, надежного обеспечения международной безопасности. Предотвращение ядерного конфликта, который по своим последствиям затмил бы трагедию второй мировой войны, является заветным чаянием всего человечества.

Само существование стран социалистического содружества и его активная борьба за мир и устранение угрозы войны, деятельность братских коммунистических и рабочих партий, силы национально-освободительной борьбы, массовые демократические движения, воля народов к мирной жизни оказывают могучее влияние на обстановку в мире и представляют собой потенциал мира и прогресса. С этим не могут не считаться правящие круги буржуазных государств, в том числе стран НАТО. Этот фактор всегда остается нашим союзником, и он незримо присутствует во время бесед советских представителей всех рангов с деятелями капиталистического мира.

Что это такое— дипломатия

Многие собеседники задавали мне вопрос: — Как вы смотрите на дипломатию и что это такое — дипломатия?

Одни — те, кто повыше ростом и побогаче опытом, — пожалуй, и сами могли бы ответить на этот вопрос, хотя ответы их, я в этом уверен, были бы разными.

Дипломаты, особенно начинающие, наверно, тоже хотели бы услышать соответствующее разъяснение. И их можно понять. Ведь не один раз при выполнении своих обязанностей им приходится попадать в деликатное положение, искать и находить из него выход. Они искренне интересуются, как должны себя вести дипломаты в разной обстановке. Кстати, относится это не только к дипломатам иностранным, но и к нашим, советским.

Сразу же оговорюсь, я не претендую на то, что все сказанное мною представляет собой саму истину в последней инстанции.

Немало написано книг, статей, разъяснений в словарях, в которых дается определение дипломатии. Авторы иногда в категорической форме говорят о плохих, хороших и средних дипломатах. А бывает, дают и нечто похожее на формулы из учебника математики, которые начинающий ученик должен заучить, чтобы одолеть азы этой науки.

Однако тогда резонно спросить:

— Ведомо ли вам, что даже повар-виртуоз не может в точности повторить одно и то же блюдо?

В каком-то отношении оно всегда будет отличаться от такого же, которое этот повар готовил раньше. А разве не так же обстоит дело в музыке, живописи, чтении лекций — везде, где человек сталкивается с творческим процессом?

Стремление втиснуть сложную, разностороннюю деятельность дипломатов в формулы наподобие математических, даже если это продиктовано добрыми намерениями, можно объяснить лишь гипертрофированной любовью к дефинициям. Занятие подобного рода часто бывает малопроизводительным.

Можно написать интересную книгу, населив ее умными и неумными дипломатами, никогда в действительности не существовавшими или, быть может, даже существовавшими. Можно заставить читателя восхищаться одним персонажем, а над другим посмеяться — люди любят читать произведения, насыщенные юмором.

Все это еще не наука. Между тем сфера дипломатической деятельности, как все в природе и в обществе, поддается и научному осмыслению. Надо лишь поставить на свое место

причины и следствия явлений, части и целое, а в данном случае — рассматривать в диалектической связи дипломатию и внешнюю политику.

Каждое государство определяет цели и задачи своей дипломатии, которая представляет собой совокупность мер, а также форм, средств и методов, используемых для осуществления общего курса этого государства в международных делах. Примат на стороне внешней политики, которая включает в себя дипломатию как составную часть.

Внешняя политика и дипломатия неотделимы друг от друга. Они находятся в неразрывном единстве, составляют одно целое. Однако это не похоже на связь между большим сосудом и вставленным в него малым. Связь эта — органическая, взаимопроникающая.

Люди, имеющие дело с внешней деятельностью государств, часто встречаются с ситуацией, когда о каком-то факте, беседе, форуме нельзя определенно сказать, чего в них больше, политики или дипломатии. В этой ситуации, возможно, правильнее всего квалифицировать подобные события прежде всего как внешнеполитические.

Могут сказать, где же в таких случаях найти место для дипломатов? Они — дипломаты — есть и будут везде, где осуществляется внешняя политика. Нельзя сводить обязанности дипломатов к выполнению каких-то протокольных правил и норм. Последние — всего лишь компонент дипломатии. И поскольку это так, то все становится на свое место.

Ничего туманного нет

Часто в разговорах о дипломатии люди напускают изрядную долю тумана. Но в действительности в ней нет ничего туманного.

С тех пор как появилось общество, разделенное на классы, не было и быть не может неклассовой внешней политики. И в нынешнем мире, где существуют социалистические и капиталистические государства, внешняя политика также носит классовый характер. То же относится и к дипломатии, если иметь в виду ее содержание и направленность.

Уже в силу того, что внешняя политика государств является классовой, деятельность на международной арене стран, принадлежащих, например, к двум военно-политическим группировкам — Организации Варшавского Договора и НАТО, носит принципиально различный характер. Одна группировка государств проводит политику мира и разоружения, другая — политику подготовки войны и гонки вооружений, хотя этот курс находится в вопиющем противоречии с чаяниями всех народов.

Под стать этой политике стран НАТО и их дипломатия, представляющая собой типичный образец полного подчинения классовым интересам реакционной части буржуазии. А эта часть буржуазии рассматривает дипломатию в качестве важного инструмента сохранения своих международных позиций, борьбы против мирового социализма, революционного и национально-освободительного движения народов.

Это не значит, что на рубежах, где соприкасаются внешняя политика тех и других стран, не может быть общепринятых норм и правил, особенно в области дипломатии. Они есть и должны быть для взаимной пользы. Да и международные форумы тоже требуют согласованного взаимоприемлемого порядка общения.

Выполняя свое предназначение, буржуазная дипломатия широко использует опыт и средства из богатого арсенала обычаев и традиций, норм и методов, которые складывались и накапливались на протяжении многих веков взаимного общения народов, внешнеполитической деятельности государств.

Победивший пролетариат, указывал В. И. Ленин, должен во всех областях политики, включая внешнюю, знать методы своего противника отнюдь не хуже его. Разумеется, что укоренившиеся в буржуазной дипломатии обман, шантаж, диктат неприменимы» в практике социалистической дипломатии по причинам принципиального и морального порядка. Но знание и учет этих методов как дипломатического оружия буржуазии совершенно необходимы для своевременного выявления и раскрытия чуждых

миру планов и маневров, для оказания им эффективного отпора.

Фальшь и обман, присущие дипломатии буржуазных государств, находят свое яркое отражение и в резком противоречии между официально прокламируемыми целями их внешней политики и теми, которые реально проводятся ими в жизнь. Но агрессивный курс и правда в международной жизни никогда не ладили — ни во времена Наполеона, ни во времена Гитлера. И сегодня правда — не союзник вдохновителей милитаристской политики.

Однако ныне внешняя политика и дипломатия империализма больше, чем когда-либо, стремятся прикрыть его истинные устремления фальшивой пропагандой, скрыть действительный смысл акций, предпринимаемых западными государствами в международных делах. И это понятно: уж слишком разителен контраст между их политикой и миролюбивой политикой стран социализма, между милитаристским курсом империализма и волей народов к миру.

Набор рычагов

В арсенале средств воздействия на другие страны у крупных капиталистических государств всегда имеется большой выбор рычагов: и политических, и экономических, и военных, и пропагандистских. В связи с созданием ими агрессивных военных блоков и разного рода союзов этот арсенал стал еще более разнообразным.

Известно, с какой бесцеремонностью Вашингтон оказывает иногда давление на своих союзников, чтобы они безропотно оставались в колее его политики. Это давление стало нормой.

Характерный пример — систематические окрики, раздававшиеся в адрес Бельгии и Голландии и некоторых других западноевропейских стран в связи с вопросом о размещении в Европе американских ядерных ракет средней дальности.

Часто в ход пускается политическое давление. Президенты, премьеры, министры совершают поездки по приглашению и без приглашения. Наверно, иногда они не успевают распаковать чемоданы, как надо отправляться в новый вояж. А так как перед общественным мнением политика давления должна камуфлироваться, то все эти поездки и встречи пересыпаются заявлениями, интервью, докладами, в которых часто нет правдивого освещения событий, а фальши хоть отбавляй. Так повелось: чем выше по положению участники таких вояжей, тем меньше бывает правдивого освещения целей и смысла поездок.

Заседания органов блока НАТО — это олицетворение политики дезинформации общественного мнения, выкручивания рук непокорным или тем, кто просто пытается ставить под сомнение ту или иную сторону курса Вашингтона на гонку вооружений.

А сколько обращений, посланий летит в столицы стран этого блока из Белого дома, госдепартамента, чтобы лишний раз подстегнуть союзников, настроить их на принятие какой-то очередной резолюции или акции, враждебной Советскому Союзу и другим странам социализма.

Давним, испытанным средством является экономический нажим. Современная практика международных отношений постоянно сталкивается со случаями нажима крупных империалистических государств на многие другие страны по линии экономики и торговли. Конечно же роль первой скрипки в этом принадлежит Соединенным Штатам Америки. Использование кредитов, прямых вложений капитала, так называемой безвозмездной помощи, разного рода даров

постоянно ставится на службу крупному капиталу. Экономическое подчинение, создание военных баз на чужих территориях во все большем количестве — главные цели, которые преследуют США в связи с использованием таких рычагов.

Рычаги политического и экономического давления непрерывно действуют в отношении десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки. Они используются здесь с той лишь разницей, что формы их применения являются еще более грубыми. Кроме того, они дополняются военным давлением, вплоть до применения вооруженной силы.

Именно так предстает в действии основной империалистический тезис: для США все позволительно, если их «жизненные интересы» ущемляются и тем более если они находятся в опасности. А суждение, имеет ли место такое ущемление или нет, выносит сам Вашингтон. Этот тезис наиболее откровенно выражает дух милитаризма и экспансии американского монополистического капитала.

Образчик дипломатии произвола

Разительный пример такой политики произвола — действия, которые предприняли США в Ливане. Великая держава применила военную силу в отношении небольшой арабской страны. Из дальнобойных орудий кораблей американской военно-морской эскадры расстреливались не только ливанские города, но и вера в США и их «миротворческую» ближневосточную политику у тех, у кого она еще теплилась.

Весь мир назвал эти действия международным разбоем. Здесь не может быть места фарисейским ссылкам на какую-то опасность со стороны Ливана для стратегического союзника США — Израиля, поскольку сам Израиль развязал агрессию против Ливана и оккупировал часть его территории. Все значительно проще: в Ливане к агрессору меньшего калибра присоединился агрессор крупный.

Эта бесславная страница в истории США не будет забыта ни ливанским народом, ни миром в целом. Так же как не будет забыта и преступная агрессия США против Ливии в апреле 1986 года.

Все, что делалось в этой связи Вашингтоном по линии дипломатического ведомства, ставилось на службу указанной политике. Непрошеные американские эмиссары фактически не покидали район Ближнего Востока, выполняя позорную роль адвокатов агрессии. Это — пример дипломатии произвола, дипломатии обмана.

Мир содрогнулся от гнева, вызванного агрессивной, захватнической акцией США в отношении Гренады. Эта страна пала жертвой политики государственного терроризма, проводимой Вашингтоном. Оказалась перечеркнутой и растоптанной сапогом американского солдата независимость государства. Любой здравомыслящий человек, неважно, кто он, консерватор или либерал, какова его идеология, если у него есть хотя бы признаки совести и порядочности, не может не осудить эту акцию.

Никакие дипломатические ходы Вашингтона, никакие маневры с использованием марионеточных режимов в некоторых центральноамериканских и карибских странах не помогут ему смыть пятно позора, которое легло на американский флаг в связи с агрессией против Гренады.

Демонстративно США на протяжении уже нескольких лет строят козни против независимого государства Никарагуа. Курс политики, дипломатической деятельности в отношении этой

страны из года в год ужесточается. Дело дошло до того, что Вашингтон провозгласил задачей американской политики ликвидацию существующего ныне в Никарагуа общественного строя.

При этом в оборот пускаются те же ссылки на «жизненные интересы» США, те же абсурдные утверждения, будто Советский Союз хочет укрепиться в районе Карибского моря и создать таким образом непосредственную угрозу Соединенным Штатам. Здесь явно берут за образец выведенное Геббельсом кредо гитлеровской пропаганды: «Чем больше ложь, тем больше шансов, что ей поверят». Наверно, кое-кто стал забывать, что нацистский пропагандист-убийца, как и вся преступная фашистская камарилья, давно истлел. Спрашивается:

— Стоит ли подражать его философии извращенного обмана народа?

Что делает американская дипломатия в связи с названными акциями США на международной арене? Она активно способствует проведению политики Вашингтона, используя весь доступный арсенал нажима, обмана, подкупа, дезинформации, шантажа, а где это признается полезным — медоточивых речей с целью найти побольше сообщников и предателей.

Аморальная политика соответствующих стран окрашивает в те же цвета и их дипломатическую деятельность. Попробуй дипломат такой страны вести себя порядочно, попробуй он высказать сомнение в правильности действий США в отношении Никарагуа, Гренады, Ливана, района Персидского залива или по проблеме ядерного оружия, ему, наверно, не дадут даже времени, чтобы упаковать как следует свои вещи перед отъездом домой. Да и всей служебной карьере такого дипломата придет конец.

Правящие классы капиталистического общества, по сути, на протяжении столетий школили свой государственный аппарат, и в особенности его внешнеполитическую службу. Они превратили дипломатию в искусство «скрывать словами действительность», как выразился еще Макиавелли,[26] а дипломатов — в защитников своих узких интересов, в орудие эксплуататорского строя, его внешней политики, проникнутой духом милитаризма и насилия.

В наше время десятки тысяч американских дипломатов и сотрудников других служб, выдающих себя за дипломатов, многие тысячи дипломатических представителей прочих капиталистических государств — одни из страха и угодничества, а другие по убеждению — отрабатывают миллионы, которые тратят на внешнюю политику и дипломатию произвола и обмана правящие круги. К этому следует добавить сотни тысяч платных и неплатных агентов, рыскающих по белу свету, исповедующих

одну религию — наживы и эксплуатации человека человеком и соответственно действующих. Тогда можно в общих чертах представить себе, насколько велики масштабы внешнеполитической и дипломатической борьбы, происходящей между миром империализма и миром социализма. Борьба эта подчас незрима, но ведется непрестанно и с предельным напряжением сил.

Дипломатия США, как и внешнеполитические службы других империалистических государств, не останавливается ни перед чем, чтобы удержать то или иное государство в своей орбите, помешать распространению вглубь и вширь идей социализма и коммунизма, привлекающих на свою сторону миллионы людей повсюду в мире.

Эти идеи, лежащие в основе ленинской внешней политики и дипломатии, невозможно сдержать никакими кордонами. Перед ними оказался бессилен натиск империалистических держав на новую Россию после Октябрьской революции.

Не остановить неумолимый ход исторического развития и современной буржуазии. Она не в состоянии также воспрепятствовать растущей притягательности внешней политики социализма, которая отвечает коренным интересам народов.

Сила правды

Сила советской внешней политики в том, что правда нашей страны более убедительна, чем все военные базы или армейские корпуса, на которые полагаются Соединенные Штаты Америки. Для того чтобы наши идеи завоевали на свою сторону широчайшие массы, их не нужно подкреплять бряцанием оружия и организацией интервенции.

Можно себе представить, какая сила заключена в предложениях Советского Союза, с которыми он выступал на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН — в ряде случаев совместно с другими братскими странами. Эти предложения нашли поддержку подавляющего большинства государств мира, и при голосовании по ним США нередко оказывались в глубокой изоляции. И это при том положении, что большинство стран — членов ООН — государства иного, чем наш, общественно-политического строя. Нас с ними сближает не общность идеологии и социального строя, а общий жизненный интерес предотвращения новой мировой войны и сохранения мира между народами.

Политика социалистических государств в вопросах войны и мира имеет великую притягательную силу для других стран, особенно в связи со спецификой современного международного положения, когда накопленные ядерные арсеналы создают огромную опасность для человечества. Потенциально являются союзниками нашей миролюбивой политики и народы тех государств, которые проводят реалистический курс на мировой арене.

Разве не об этом не один раз говорило массовое общественное движение в ряде стран в пользу замораживания ядерного оружия, за запрещение его применения, против размещения американских ядерных ракет — «Першингов» и крылатых — в странах Западной Европы, за прекращение ядерных испытаний? Именно это движение вместе с политикой мира СССР и других стран социализма сделали возможной победу нового политического мышления, нашедшую выражение в подписании советско-американского договора о ликвидации двух видов ракет.

Внешней политике социализма, его дипломатии принадлежит выдающаяся роль в борьбе за мир, за свободу и независимость народов. Советская дипломатия имеет широкие возможности для благотворного воздействия на обстановку в мире. И она эти возможности активно использует.

О советской дипломатии и ее представителях уже имеется и

продолжает появляться, особенно в последнее время, большое количество разного рода публикаций. Все эти публикации можно условно подразделить на две группы.

Одна из них — это буржуазная политическая и мемуарная литература, в которой дается оценка внешнеполитическим шагам, предпринятым нашей страной со времени Великого Октября, и в этой связи тем или иным представителям советской социалистической дипломатии. Большинство этих публикаций страдает однобокостью или искажает факты. Они, как правило, написаны по специальному заказу и выражают, за малым исключением, мнение представителей буржуазных кругов.

Вторая группа — это публикации в СССР и других социалистических странах. В них даны объективные оценки нашей внешней политики, в том числе и советских дипломатов.

Есть среди деятелей этой дипломатии ряд таких, которые заслуживают того, чтобы воздать им должное за вклад, который они в разное время внесли в борьбу за упрочение международных позиций молодого Советского государства, против агрессии со стороны германского фашизма, за закрепление после окончания второй мировой войны территориально-политических реальностей в Европе, а на современном этапе — за предотвращение ядерной катастрофы.

Несчетное число раз представители капиталистических государств испытывали на себе силу аргументации представителей СССР в дискуссиях по вопросам войны и мира. Однако советские дипломаты не только серьезные оппоненты в случае разногласий, но и столь же серьезные партнеры, когда речь идет о налаживании и развитии добрых отношений между странами. Люди они разные и по опыту, и по образованию, и по складу характера. Но все — убежденные представители партии и народа. С честью они несли и несут важную, почетную вахту упорного труда по обеспечению внешнеполитических интересов Советского государства, по осуществлению его благородных целей на международной арене.

Самоотверженно трудится на порученном партией и народом ответственном участке работы и нынешнее поколение советских дипломатов. Оно воспитано в лучших традициях ленинской дипломатии мира. Это — поколение высокообразованных, хорошо знающих свое дело и глубоко преданных своей Родине дипломатических работников. Им по плечу активное участие в решении тех сложных задач, которые стоят перед внешней политикой Советского государства.

Внутренний огонь убежденности, желание принести пользу стране, стремление обогатить и отточить политические методы и

приемы борьбы за мир, против угрозы новой войны — первейшая забота советских дипломатов, выполняющих свои обязанности перед своим народом.

Георгий Васильевич Чичерин

Мне хотелось бы выделить некоторых деятелей советской дипломатической службы хотя бы уже потому, что само время сделало на них акцент.

Георгий Васильевич Чичерин — корифей советской дипломатии. Он прошел сложный жизненный путь. Служащий царского министерства иностранных дел, Чичерин с 1904 года начал принимать участие в революционном движении и в концу 1917 года окончательно встал на сторону большевиков. В январе 1918 года Советское правительство добилось освобождения Чичерина из тюрьмы в Англии, куда его заточили британские власти за революционную, деятельность.

Ленин высоко ценил принципиальность, эрудицию, душевную чуткость и простоту этого человека. Не случайно именно ему в трудные годы становления Советской власти Владимир Ильич поручил ведение внешних дел первого в мире государства рабочих и крестьян. Чичерин оправдал доверие партии, доверие Ленина, проявил себя талантливым дипломатом.

Он являлся в буквальном смысле дипломатом ленинской школы., Чичерин работал с В. И. Лениным, обсуждал с ним соответствующие проблемы, получал лично от Ильича инструкции.

Вот одна из страниц его кипучей деятельности. Главой советской делегации на международной конференции в Генуе (1922 г.) был назначен В. И. Ленин. Однако вождь революции не смог поехать в Италию и возложил на Чичерина функции главы делегации. Чичерин безукоризненно и эффективно выполнил доверенную ему миссию. Человек незаурядного ума, широкого образования и солидного опыта в общении с иностранцами, он с достоинством отстаивал интересы молодого Советского государства.

На Генуэзской конференции Чичерин по поручению Ленина выдвинул 10 апреля 1922 года принцип мирного сосуществования и экономического сотрудничества государств с различным общественным строем. Этим принципом Страна Советов руководствовалась с момента обнародования ленинского Декрета о мире. Теперь принцип мирного сосуществования официально провозглашался с трибуны первой широкой послевоенной международной конференции, в которой наша страна участвовала наряду с крупнейшими империалистическими державами.

— Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, — говорил Чичерин, выступая в Генуе, — российская делегация

признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления.

Российское правительство придает, — подчеркивал далее Чичерин, — величайшее значение взаимному признанию различных систем собственности и различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах.[27]

Ленинскую идею мирного сосуществования советская делегация не только провозгласила на Генуэзской конференции, но тогда же и применила эту идею на практике в отношениях с крупным европейским государством: в период работы конференции Советская социалистическая страна и капиталистическая Германия заключили договор[28] в итальянском местечке Рапалло, прославившемся этим историческим актом. Ленин рассматривал этот договор как «единственно правильный выход» для всей системы взаимоотношений между странами с различным общественным строем.

Уже тогда мирное сосуществование таких государств органически связывалось Лениным с необходимостью всеобщего разоружения. Советская делегация на конференции в Генуе внесла предложение о всеобщем сокращении вооружений. Это было первым таким предложением в истории человечества.

Говоря о заслугах Чичерина, нельзя не упомянуть и о его роли в установлении нашей страной дружественных отношений с соседними странами. Когда он являлся народным комиссаром по иностранным делам, наша страна заключила советско-турецкий, советско-иранский, советско-афганский договоры. Их подготовка и заключение потребовали большой энергии и внимания со стороны народного комиссара.

Чичерин остался в истории не только как выдающийся государственный деятель и дипломат. Он отдавал много сил научной работе, занимался публицистикой. Им написаны статьи о Ленине, в которых он с теплотой рассказывает о том, как Владимир Ильич руководил внешней политикой Страны Советов.

Советские дипломаты и армия пропагандистов, разъясняющих, популяризирующих нашу внешнюю политику, могут многому поучиться у Чичерина, перечитывая его речи, заявления, письма. Он не гнался за красивой фразой. Для него главным оставались мысль, аргумент. При всей скупости на слова

часто внешне, казалось бы, суховатый текст речи содержит ясные и точно выраженные идеи, убедительные доводы в защиту миролюбивой политики Советского государства. Выступления Чичерина дают хорошую нагрузку для интеллекта читателя, наводят на полезные мысли в связи с нынешней международной обстановкой и неуклонно проводимой СССР политикой мирного сосуществования.

Оставаясь после смерти Ленина еще в течение нескольких лет наркомом по иностранным делам, Чичерин решительно отстаивал ленинские принципы внешней политики и методы их осуществления.

Умер Чичерин в 1936 году.

Три полпреда

МАЙСКИЙ

Хочу вспомнить о таком видном представителе плеяды советских дипломатов периода второй мировой войны, как Иван Михайлович Майский.

Что сказать о нем?

Само его назначение на внешнеполитическую работу многих шокировало. Как это человек, который в годы гражданской войны был членом меньшевистского правительства в Саратове, оказался на крупном дипломатическом посту? Да, вот так и оказался.

В какой-то степени была принята во внимание его способность общения с людьми, умение завязывать разговор. Тогда считали, что такие люди могут пригодиться, если их назначить на работу даже в крупную страну. Между прочим, я и сейчас придерживаюсь того мнения, что назначение Майского полпредом в Англию представляло собой нечто вроде эксперимента. Сталин, думаю, решил так — попробуем, авось, получится.

В Великобритании Майский представлял Советский Союз в течение одиннадцати лет, с 1932 по 1943 год. Период сложный и трудный. Опытные старшие дипломаты мне рассказывали, что в первые годы работы Майского на посту полпреда в Англии его деятельность оценивалась в Москве положительно, хотя нотка сдержанности в этой оценке всегда присутствовала.

Майский очень любил посылать пространные донесения в Москву. Делал это часто и по всякому поводу. В наркомате получали их много. Особенно подробно он описывал встречи с английскими политическими деятелями. У руководящего состава наркомата создалось устойчивое мнение, что Майский шлет такое количество телеграмм без всякой необходимости. Иногда слова его английского собеседника, да и его собственные тонули в описании обстановки, в которой проходили беседы, в ненужных подробностях. Подобная манера выполнения поручений стала вызывать у руководства раздражение.

Дело дошло до того, что Сталин и Молотов пришли к выводу, что Майского необходимо заменить другим человеком. Обо всем этом я слышал от Молотова. Да и срок его пребывания в Великобритании был уже изрядный.

Выбор пал на Федора Тарасовича Гусева как будущего посла.

Однако Сталин не считал необходимым в чем-то прямо

обвинять Майского, его сделали заместителем наркома (с 1946 г. — министра) иностранных дел СССР. А затем Сталин высказался в пользу какой-то достойной работы для него вне министерства. Кто-то подсказал, что в Академии наук СССР должны состояться выборы академиков по некоторым направлениям взамен выбывших. Сталин принял эту подсказку и заявил:

— Это было бы для Майского совсем неплохо.

Так и сделали.

Майский опубликовал несколько книг. Самая известная из них — «Воспоминания советского посла».

Мои немногие встречи с Майским, главным образом в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций руководителей СССР, США и Англии, оставили о нем впечатление как о человеке солидной культуры, эрудированном и приятном собеседнике. В этих конференциях Майский участвовал в качестве заместителя наркома иностранных дел СССР, хотя он в ходе этих конференций серьезной политической работы не выполнял, а скорее использовался как бы в качестве эксперта наркома иностранных дел.

Придерживаюсь того мнения, что политическое прошлое этого человека довлело над всеми оценками его работы, в том числе и на посту полпреда в Англии. Реальная работа как-то оттеснялась на задний план при оценке его деятельности.

УМАНСКИЙ

Константин Александрович Уманский на посту полпреда СССР в США заменил Александра Антоновича Трояновского. Произошло это за три года до войны. Одна из причин нового назначения состояла в том, что Сталин давно присматривался к будущему дипломату и счел возможным доверить ему столь высокий пост. Уманский переводил его беседы, когда еще работал в системе ТАСС. Журналист хорошо знал английский язык, изучал прессу, в том числе зарубежную, и во время таких бесед умел к месту использовать свою осведомленность.

В начальный период работы Уманского в США Сталин относился к нему хорошо. Информация, сообщаемая дипломатом, его оценки деятельности президента Рузвельта производили в Москве впечатление. Однако с конца 1939 года вокруг личности полпреда в Вашингтоне стала складываться неблагоприятная атмосфера.

В конце 1939 года я приехал в США и сразу же увидел, что у

официальных властей и Уманского в силу каких-то обстоятельств отношения сложились ненормальные. Должностные лица страны пребывания, по-моему, не должны были так игнорировать официального представителя другого государства, с которым поддерживаются дипломатические отношения. Во многих случаях с ним просто не считались. У меня все это вызывало недоумение.

Ситуация стала несколько яснее, когда в американской печати появились статьи, в которых содержались прямые нападки чисто личного характера. Дело дошло до того, что газеты писали, будто бы Уманский вовсе не дипломат, а разведчик, и администрация США должна это учитывать.

Ни сам Уманский, ни наше посольство не могли официально и открыто парировать такого рода выпады. Ввязываться в полемику с печатью означало раздувать проблему и привлекать к ней внимание все большего числа читателей. Ясным осталось лишь одно: если бы правительство США хотело прекратить эти публикации, то оно публично заявило бы о своем несогласии с подобными сообщениями прессы относительно деятельности советского полпреда.

Что в этих условиях оставалось делать Советскому правительству? Сталин придавал важное значение укреплению отношений с США, тем более что германский фашизм уже проявил себя как агрессивная сила. Это находило свое подтверждение в событиях в Европе. С учетом всех этих обстоятельств советское руководство приняло решение об освобождении Уманского от обязанностей полпреда в Вашингтоне.

Лишь гораздо позже стали известны кое-какие факты, относившиеся к кампании по дискредитации Уманского. Американцы нас уверяли в том, что бывший полпред не прижился в США из-за причин, связанных с его манерой поведения. Представители администрации никак не могли примириться с откровенными, временами жесткими высказываниями советского дипломата в адрес некоторых деятелей в правительстве США. Уманский слишком часто употреблял резкие слова для характеристики взглядов кое-кого из тех, кто находился в окружении президента. В ведении дел он, как считали люди, близкие к администрации, признавал лишь темные и светлые тона. Там, где можно было искать компромиссы, согласование позиций, он предпочитал этого не делать, и потому беседы с ним некоторых официальных лиц не приносили успеха. Конечно, со стороны Вашингтона все это обострялось и гипертрофировалось. А избавиться от неугодного полпреда решили простым способом: печать обозвала его без всякого основания «разведчиком». Вокруг

имени высшего дипломатического представителя СССР в США создались всякие кривотолки. В конце концов Москва приняла решение о его замене.

Убежден, что Уманский являлся опытным дипломатом и обладал незаурядными способностями. Однако, видимо, у него явно не хватило опыта в области ведения конкретных переговоров с представителями другого государства.

Он вернулся в Москву и работал в аппарате Наркомата иностранных дел. Шла война, с победами на фронте рос авторитет нашего государства, расширялись и обновлялись его дипломатические связи, и в 1943 году Уманского назначили послом в Мексику.

Однажды в моем кабинете в посольстве раздался телефонный звонок. Взял трубку и услышал знакомый голос:

— Говорит Уманский. Я — в Сан-Франциско.

То, что он назначен послом в Мексику, я знал, но не думал, что он полетит туда, минуя Вашингтон.

— Здравствуйте, поздравляю вас с новым назначением — послом в Мексику, — отозвался я.

— Я лечу в Мексику с женой. Больше у меня в семье никого нет.

Я был озадачен этими словами. Он догадался, что до меня, наверно, еще ничего не дошло о трагедии, которая случилась в его семье. Прерывистым голосом он вкратце рассказал:

— Помните мою дочь?.. У нее в Москве был молодой человек… Узнал, что она поедет со мной в Мексику… убил ее… и убил себя… Произошло это на мосту через Москва-реку…

В Мексике Уманский работал непродолжительное время. Дела у посла шли успешно.

Когда в январе 1945 года я находился в Москве для подготовки к Ялтинской конференции, была получена тяжелая весть. В 1944 году советского посла в Мексике назначили по совместительству посланником СССР в Коста-Рике. 25 января следующего года Уманский вылетел в столицу этого государства — город Сан-Хосе для вручения верительных грамот. При взлете с аэродрома в Мехико самолет, в котором находились Уманский и его супруга, рухнул. Многие пассажиры погибли, в том числе посол и его жена.

СУРИЦ

Из числа дипломатов, оставивших свой славный след в истории внешнеполитической деятельности Советского Союза,

хорошо помню Якова Захаровича Сурица.

Родился он в 1882 году. Получил философское образование. Участвовал в революционном движении и отбывал тюремное заключение. Перечень стран, в которых разворачивалась его дипломатическая деятельность после революции, солидный: Дания, Афганистан, Норвегия, Турция, Болгария, Германия, Франция. Был членом советской делегации на всех сессиях Лиги Наций, работал в Наркомате иностранных дел в ранге советника.

В 1946 году его назначили послом в Бразилию. На пути в Рио-де-Жанейро он на несколько дней остановился в Вашингтоне и стал моим гостем.

Мы подолгу тогда беседовали, и он много рассказывал о своей дипломатической службе. Особенно подробно о том периоде, когда являлся полпредом в Германии, а затем — во Франции.

Мне было интересно услышать от него, как от очевидца, что представлял собой фашизм тех времен. Ведь Суриц прибыл в Германию вскоре после прихода Гитлера к власти и пробыл в ней три года, как раз в то время, когда утверждался фашизм и начинались захваты им чужих земель.

— Мы, советские представители в Германии, — рассказывал он, — уже чувствовали тревожное дыхание времени. Это относилось и к властям, и к городам, особенно к Берлину. Топот штурмовиков и военно-фашистские марши заглушали нормальную классическую музыку. На улицах и площадях появились костры. В них сжигались произведения выдающихся представителей германской культуры. Все это навевало грустные мысли.

— А как же реагировало на все это посольство? — полюбопытствовал я.

— Посольство обо всем, что мы видели и ощущали, информировало Москву, — быстро, как будто ожидал такого вопроса, ответил он. — Однако многого мы и сами не понимали. К власти пришли новые силы, к которым посольство еще не успело присмотреться. А вскоре оправдались самые худшие прогнозы в отношении политики этих сил и во внутренних, и во внешних делах.

Яков Захарович вспоминал то тяжелое время в состоянии возбуждения и потому производил впечатление несколько экзальтированного человека.

— Меня, — говорил он далее, — будто преследовал какой-то рок. Позже я был полпредом во Франции. Эта страна одна из первых ощутила на себе удар фашистской Германии. Нацистская оккупация стала фактом, и меня отозвали в Москву.

Сложный, можно сказать, тернистый путь прошел Суриц на пути дипломата, и это в значительной степени подорвало его здоровье. В этом и состояла основная причина того, что его пребывание в Бразилии продолжалось недолго.

Суриц производил впечатление человека, получившего основательные знания. Это относилось прежде всего к общественным наукам, особенно к философии. Недаром Яков Захарович любил говорить на темы немецкой философии, ведь он учился в свое время на отделении философского факультета Берлинского университета.

Любил он неожиданно менять темы разговора. Мы говорили о многом: и о древнем мире, и об истории средневековья, и о только что закончившейся войне. Но что бы мы ни обсуждали, в том числе и вопросы внешней политики, всегда отчетливо ощущалась его убежденность в силе марксистско-ленинской науки.

Он следовал какой-то своей манере обсуждения вопросов. Человек старой закалки и богатого опыта, Суриц позволял себе вести как бы многоплановый разговор, в ходе которого иногда трудно было понять, какой вывод он делает из высказанных мыслей.

Запомнился такой эпизод. Я дал краткую характеристику отношений США и Бразилии, подчеркнув:

— Такая богатая страна, как Америка, явно стремится в своих интересах внедриться в экономику Бразилии. Нашему посольству хорошо известны намерения делового мира да и американской администрации в максимальной степени использовать естественные ресурсы Бразилии. Суриц ответил:

— Я тоже так понимаю отдаленные американские цели в отношении Бразилии. Но…

И тут он изрек совершенно неожиданное:

— …Может наступить такой момент, когда Бразилия в экономическом развитии будет наступать на пятки самим Соединенным Штатам.

Еще раз хочу обратить внимание на то, что разговор этот происходил в 1946 году, когда Бразилия считалась одной из отсталых полуколониальных стран.

Суриц тогда заявил:

— Я много прочитал всяких справок о Бразилии, о богатстве ее недр. Раньше я и не предполагал, что богатства этой страны столь велики.

Мне позже уже не удалось повидать этого весьма интересного, богатой натуры человека.

Он немного протянул после этого. В 1948 году вышел в

отставку, а в 1952 году скончался.

Вспоминаю его добрым словом.

Литвинов и первая в мире женщина-посол Коллонтай

Преемником Чичерина на посту наркома по иностранным делам в 1930 году стал Максим Максимович Литвинов. (Настоящие его имя и фамилия были Макс Валлах.)

Он занимал этот пост до 1939 года, когда его сменил В. М. Молотов.

В 1941 году советским послом в США назначили Литвинова. Мне пришлось вылететь в Сан-Франциско, чтобы его встретить. Еще за два дня до отлета в Вашингтоне меня застало чрезвычайное известие: Япония неожиданно напала на военно-морскую базу США в Тихом океане — Пёрл-Харбор.

Встречал я нашего дипломата-ветерана в скромной обстановке. Рядом стояли представитель американского протокола и какой-то сотрудник «русского стола» — так в государственном департаменте именовался тогда отдел Советского Союза.

Из Сан-Франциско на самолете мы перелетели в Вашингтон.

Встреча нового посла получилась такой скромной по понятной причине: Америка только что вступила в войну, и ее охватили новые заботы.

Во время пребывания Молотова с визитом в Вашингтоне в июне 1942 года мое внимание привлек разговор Литвинова с Молотовым, состоявшийся в машине, когда мы втроем ездили в Аппалачские горы, о чем я уже упоминал выше.[29]

Речь зашла тогда также и об оценке политики Англии и Франции накануне второй мировой войны. Молотов высказался об этой политике резко, заявив, что фактически эти две страны подталкивали Гитлера на развязывание войны против Советского Союза. Иначе говоря, он высказал то мнение, которого придерживались ЦК партии и Советское правительство, о чем неоднократно заявлялось на весь мир.

Литвинов выразил несогласие с такой квалификацией политики Англии и Франции.

Этот крутой разговор возвращал собеседников, по существу, к решению об освобождении Литвинова от обязанностей народного комиссара иностранных дел СССР в 1939 году.

Я удивился тому упорству, с которым Литвинов в разговоре пытался выгораживать позицию Англии и Франции, отказавшихся дать совместно с Советским Союзом твердый отпор Гитлеру еще до того, как тот предпринял роковой прыжок — напал на

Советский Союз. Несмотря на то что Литвинов был освобожден от поста наркома иностранных дел СССР за его ошибочную позицию, в особенности в оценке политики Англии и Франции, тем не менее он почему-то продолжал подчеркнуто демонстрировать свои взгляды перед Молотовым, а тем самым, конечно, и перед Сталиным.

Странно было слушать человека, который не замечал Мюнхена и всех его последствий, того Мюнхена, который осудили наша партия, правительство и весь советский народ и который до настоящего времени продолжает оставаться символом вероломства во внешних делах государств.

Я не сомневался, что по возвращении в Москву Молотов доложит Сталину об этом диспуте в автомашине. Также не сомневался и в том, что уже только из-за одного этого факта перспектива работы Литвинова в США в качестве посла может потускнеть.

Так оно и произошло.

…Александра Михайловна Коллонтай. Трудно ограничиться только упоминанием ее имени. Она родилась и воспитывалась в интеллигентной семье. Волна революционных событий подхватила и внесла ее в политическую жизнь России. Судьба этой революционерки не обошлась без зигзагов, тем не менее она приобщилась к борьбе за интересы трудового люда. Заметил ее и Ленин. В результате эта незаурядная женщина вошла уже в первый состав правительства Советской республики. В нем ей поручили заниматься социальными вопросами.

Однако более известна она по дипломатической работе, на которой ей довелось трудиться тридцать лет — с 1923 по 1952 год. Коллонтай занимала ряд ответственных постов, в частности посла СССР в Норвегии, Мексике, посланника, а затем посла в Швеции. Она умело справлялась с порученной работой, ее сложностями, особенно если учесть тот факт, что не во всех еще государствах успели тогда привыкнуть к тому, что есть великая страна, прообраз другого мира — социализма и хочешь или не хочешь, а надо считаться с этим, как и с существованием в своей столице посольства первой социалистической державы. Свыкались с непривычным понятием и королевства, и буржуазные республики. То, что Советскую страну представляла женщина, да к тому же деятель, которого знал Ленин, в какой-то степени вызывало особый интерес к советскому посольству, смягчало к нему отношение и способствовало установлению контактов Коллонтай с влиятельными кругами страны пребывания. Она была прекрасным полемистом во время переговоров, умеющим блеснуть и острой фразой, и необычным оборотом речи, да еще и

на нескольких иностранных языках.

Встретил Коллонтай я уже в 1949–1950 годах в Москве. Она была больна: ее парализовало. Передвигаться ей приходилось в коляске. У нас с ней установились хорошие, уважительные отношения. Для меня, сравнительно молодого человека, — разве так нельзя сказать о том, кому едва исполнилось сорок? — она была живой историей революции, бойцом партии, который общался, беседовал, переписывался с Лениным. Одно это вызывало к ней почтение.

Наше Министерство иностранных дел размещалось тогда на Кузнецком мосту, связи с зарубежными странами еще не успели развернуться до нынешних масштабов, и хозяйственная обеспеченность выглядела намного скромнее, чем сейчас. Не хватало, например, автомашин даже для послов. Поэтому Александра Михайловна на правах доброй знакомой звонила мне по телефону — я был заместителем министра — напрямик:

— Андрей Андреевич, собралась я в наш мидовский дом отдыха под Москвой. Можно попросить у вас машину?

— О чем речь, Александра Михайловна. Конечно. Куда вам ее подать? Я сейчас же передам шоферу.

Старался ей помочь, чем мог, и неоднократно.

Случилось однажды и мне с семьей проводить отпуск в том же доме отдыха, где находилась она. Там и произошла памятная мне беседа с Александрой Михайловной. Правда, в то время она уже выглядела как слабая тень некогда энергичной женщины, поражавшей своей эрудицией многих видавших виды политиков, крупнейших государственных деятелей разных стран.

Спрашивал я ее о Мексике. Она рассказывала о своей работе там довольно скупо, потому что Мексика ей казалась далекой не только по расстоянию, но и по времени.

— Когда я работала в Мехико, — вспоминала Александра Михайловна, — мексиканцы называли меня «русской революционеркой». Однако, несмотря на это, проявляли учтивость и корректность. То была не просто дань уважения к дипломатическому статусу, но, вероятно, еще и результат того, что мне самой пришлось приложить немало стараний, чтобы наладить отношения с разными слоями мексиканского общества, в том числе и с деловыми кругами. Конечно, там остро ощущается влияние северного соседа — Соединенных Штатов Америки. С их точки зрения Мексика и экономически, и политически не может себя в достаточной мере оградить от проникновения в страну крупного американского капитала. И все же главный итог нашей деятельности состоял в том, что отношения между Советским Союзом и далекой

латиноамериканской страной стали активно развиваться.

Более словоохотливой была, когда говорила о Швеции. Все-таки в этой Скандинавской стране она проработала последние пятнадцать лет.

— Деятели науки и культуры Швеции во встречах со мной подчеркивали, — рассказывала она, — что независимо от расхождений их страну сближает с нашей то, что оба государства являются фактически соседями. Один этот фактор заставляет и Советский Союз, и Швецию не искоса, а прямо смотреть в глаза друг другу. Правда, в Швеции нельзя найти, за исключением очень небольшой группы людей, никого, кто смог бы принять нашу революционную философию. И шведы просто хотят жить с нами в мире. Вот, собственно, та причина, которая заставляла их хорошо относиться к советскому послу, тем более женщине.

Тут у нее на лице впервые появилось нечто похожее на улыбку.

Я видел, что говорить ей нелегко. Женщина, которая помогала Александре Михайловне передвигаться и возила коляску, поправила покрывало, укутывавшее ноги моей собеседницы, и я почувствовал, что лучше было бы наш разговор прекратить, тем более что наступал вечер и становилось прохладно. Но она, как бы вспомнив, что проработала в Швеции много лет, сама решила поговорить об этой стране побольше, рассказать о ней то, что ей казалось наиболее интересным и близким.

О Швеции Александра Михайловна рассуждала с некоторым оттенком юмора.

— Представляете, Андрей Андреевич, — говорила она улыбаясь, — в свое время в Швеции меня считали «персона нон грата» и не разрешали даже проживать там. Это происходило еще до революции, когда наша партия находилась в подполье и русских социал-демократов в некоторых странах Европы боялись как огня. Прошли годы. И вдруг Советское правительство запросило агреман на ту же Коллонтай, которую шведы в свое время выдворяли из Стокгольма. То ли не запомнили они моей фамилии, то ли не разобрались — подумали, что это какая-то другая особа, то ли все прекрасно понимали и просто не захотели портить из-за моей персоны отношений с Советским Союзом — не знаю. Думаю, что скорее всего сыграло тут свою роль последнее обстоятельство, но агреман они дали, и я прибыла в тот же самый Стокгольм. Да не просто, а уже как посланник великой социалистической страны. Выдворяли меня в свое время полицейские и агенты местной охранки, а теперь принимали сам король, премьер-министр и министр иностранных дел. Причем

даже не по одному разу, а помногу раз. Ведь я пробыла в Швеции самые тяжелые для нашей страны годы — всю войну. И приходилось делать многое, чтобы напоминать местным властям, как они обязаны по-настоящему соблюдать нейтралитет и не поддаваться на провокации нацистов его нарушить. А такие попытки, да и сами нарушения, имели место, и не раз. Я ведь ни на один миг не забывала в Стокгольме, что там, за Балтикой, на фронте погибают наши люди…

И в этот момент Александра Михайловна заплакала. Она сидела в своей коляске, слабая пожилая женщина. Я находился рядом, пытался ее успокоить и даже несколько сожалел, что вывел ее своими вопросами на такие воспоминания, которые стоили ей немалых затрат сил и разволновали.

О Молотове

Едва ли кто-нибудь станет оспаривать то, что в истории советской внешней политики и дипломатии В. М. Молотову принадлежит особая роль. Он являлся народным комиссаром иностранных дел, а затем министром иностранных дел СССР в период с 1939 по 1949 год — с момента освобождения Литвинова с поста наркоминдела и до назначения министром иностранных дел А. Я. Вышинского, — а затем еще раз с 1953 по 1956 год. Одновременно Молотов в 1930–1941 годах занимал пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, а с 1941 по 1957 год — первого заместителя Председателя Совнаркома, затем — Совета Министров СССР.

При Сталине в партии и стране Молотов являлся фактически вторым по положению лицом. Конечно, принципиальную политику СССР во внешних делах определяло Политбюро во главе со Сталиным, мнение которого имело определяющее значение. Однако в решении конкретных вопросов отношений с другими странами многое зависело от Молотова. От него и возглавляемого им министерства исходило большинство наших предложений в международных делах. Это относится и к периоду войны, который мне особенно знаком, поскольку почти все наши важные внешнеполитические шаги так или иначе касались США как союзной державы.

Молотов оставался правой рукой Сталина и на союзнических конференциях военного, а также послевоенного времени. Он представлял Советский Союз и на проходивших в тот период конференциях министров иностранных дел.

Должен подтвердить справедливость того, что Молотов оказывал на Сталина заметное влияние. Конечно, видел я это с вышки внешних дел. Верно и то, что отношение к нему со стороны Сталина представлялось неровным.

Чем объяснялось высокое положение Молотова? Да тем, что Молотов — старый революционер отстаивал интересы Советского государства на международной арене. Он в числе первых воочию увидел эгоистичность конкретных целей в политике США и Великобритании. И чем ближе надвигалось окончание второй мировой войны, тем все более отчетливо проявлялось то, что эти цели направлены на завоевание западными державами, прежде всего Соединенными Штатами Америки, доминирующего положения в мире. Молотов хорошо понимал, что западные страны намерены строить свое благополучие за счет интересов других, прежде всего — за счет стран социализма.

В США, Англии и других странах Запада Молотова относили к категории сторонников «твердой линии» в отношении капиталистических государств. Однако в проведении политики Советского Союза он был отнюдь не более тверд, чем партия и ее Центральный Комитет.

За время после выхода в свет первого издания «Памятного» выявилось много новых фактов и документов, высветивших роль Молотова во время сталинских репрессий. Ставшие известными факты полностью подтверждают, что Молотов был в окружении

Сталина опорой диктатора. Эти же факты дают основание сделать вывод, что он являлся главной опорой. Ряд лиц в окружении «вождя» как бы соревновались друг с другом в том, кто из них получит в процессе проведения репрессий наибольшую похвалу от Сталина. Но даже Ворошилов и Каганович соревноваться с Молотовым в этом отношении не могли.

Видимо, не последнюю роль здесь сыграло то, что ни Ворошилов, ни Каганович, ни тем более другие лица, окружавшие диктатора, не могли сравниться с Молотовым с точки зрения интеллектуальных способностей. Сталин эти способности Молотова знал и ценил. Но ценил по-своему, по-сталински. Он никогда не позволял, чтобы об этом интеллектуале складывалось мнение как о каком-то неприкасаемом, и, дескать, поэтому все приближенные к Сталину должны были отводить Молотову какое-то особое место.

Сохранилось множество разного рода записок, в которых рукою Молотова выражены его циничные и жестокие мнения о работниках разных рангов. В результате подобных оценок со стороны Молотова многие люди погибали. Такой исход отвечал ненасытным деспотическим амбициям Сталина.

После XIX съезда КПСС на Пленуме ЦК Сталин выступил с резким заявлением о деятельности Молотова и Микояна. Причем главный огонь обвинений направлялся против Молотова. Всех участников Пленума это весьма озадачило. У них складывалось мнение, что такой выпад был сделан не случайно, а отражал далеко идущие планы. Действительно, Молотов и Микоян не были включены в состав созданного тогда Бюро Президиума ЦК КПСС. Кстати, о факте образования этого Бюро официально ничего не сообщалось. А что касается причины, из-за которой Сталин так ополчился против Молотова, то, видимо, авторитет и близость «человека № 2» к «вождю» расценивались диктатором как угроза его собственному положению.

Как личность Молотов был человеком огромного трудолюбия. Его отличала высокая степень организованности вплоть до собственного распорядка дня.

Иногда эта организованность принимала странную, можно сказать, доведенную до педантизма форму. Например, во время работы над каким-нибудь документом, продолжавшейся в течение нескольких часов, Молотов мог вдруг заявить:

— Сейчас я пойду отдохну в соседней комнате тринадцать минут.

Уходил. Затем ровно через тринадцать минут возвращался и снова брался за работу. Как это ни удивительно, после этого он выглядел свежее.

Молотов иной раз терял выдержку, как говорят, срывался и обращался с сотрудниками резко. Но все обычно понимали, что делал он это не случайно и какие-то основания, хотя бы формальные, для такого его необычного поведения имелись.

Водился за Молотовым и другой грех, хотя таковым его можно назвать лишь условно. При работе над документом часто, бывало, имелась возможность ту или иную мысль сформулировать свежо и по-новому. Но если Молотову хоть что-то показывалось необычным, да к тому же небывалым, то он с этим не соглашался. Не раз встречался я с подобным явлением.

Это уже не назовешь строгостью в отношении стиля и литературной формы, скорее это походило на нечто выходящее за пределы резонного. В литературе описаны мучения над словом выдающихся писателей. Достаточно вспомнить знаменитые слова поэта: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Страдали этим Гюстав Флобер (зато какой он блестящий стилист!), Лев Толстой, мучивший и машинисток и наборщиков, заставлявший по многу раз перепечатывать и перебирать, казалось бы, уже готовые отшлифованные страницы его произведений, да и многие другие классики. Было на кого Молотову ссылаться.

Он известен многим, в том числе и мне, как человек весьма эрудированный. Я не раз в этом убеждался.

Сказанное — лишь отдельные штрихи к политическому портрету этого человека.

Молотов умер 8 ноября 1986 года в возрасте 96 лет. Ушел он из жизни, будучи членом КПСС.

Кстати, нелишне кратко сказать о жене Молотова, которую Сталин отправил в ссылку из Москвы. Эта ссылка — тоже уродливое явление периода культа личности.

Слабая, тщедушная — такой была Жемчужина. Изредка мне приходилось ее видеть, главным образом когда Молотов по соображениям скорее протокольного характера брал ее с собой на период своих кратковременных выездов за рубеж. Все это происходило в послевоенные годы. Таких случаев было немного.

В тридцатые годы Жемчужину как жену «человека № 2» даже назначили возглавлять парфюмерную промышленность страны и одновременно она заняла пост заместителя наркома пищевой промышленности. Это сделали по инициативе Сталина. Может быть, в порядке опыта, в ходе которого «испытывалась» ничего не подозревавшая женщина.

У нее был проживавший в США брат по фамилии Карп. В период моего пребывания в Вашингтоне ни один сотрудник советского посольства не встречал его, и он ни разу не приходил в посольство. В свое время распространялись слухи, что Сталин будто бы подозревал жену Молотова в каких-то предосудительных контактах с Карпом. Но никаких фактов, которые бы это подтверждали, никто никогда привести не мог.

И все же какое-то «дело» завели. Следствием явилась ссылка Жемчужиной.

Неудивительно поэтому, что Молотов, в общем человек сухой и строгий в подборе слов, после возвращения жены из ссылки в разговоре со мной сказал:

— В мой дом пришло и личное счастье.

Между прочим, в то время я только что прибыл из Лондона, где был послом, и лишь тогда узнал, что его жена находилась где-то в ссылке.

Наша беседа состоялась через три-четыре дня после того, как Сталина похоронили.

Что же касается самого вождя, то, как известно, оставшись без жены Надежды Аллилуевой, он жил в одиночестве. Это в какой-то мере наложило отпечаток на взаимоотношения между семьями руководителей страны, прежде всего членов Политбюро. Сталин интересовался и тем, нет ли его противников среди жен его соратников. То он видел врага в лице жены М. И. Калинина. То он обнаруживал заговорщика в лице жены В. М. Молотова.

После XX съезда партии страна должна была взглянуть на себя как бы изнутри, чтобы увидеть то, что скрывалось за пеленой клеветы и доносов. Она взглянула и сделала соответствующие выводы.

Общая позиция — интересы народов

Имеется много общего в практической работе первого поколения дипломатов нашей страны, трудившихся непосредственно после Октябрьской революции, и дипломатов последующего периода. Они боролись и борются за интересы трудящихся, за идеалы социализма, а в применении к делам внешним — за мирное будущее всех народов.

Позиции Советского государства по конкретным проблемам, решаемым на международной арене, ныне отличаются от тех, которые отстаивались в первые послереволюционные годы. Отличие это обусловлено хотя бы уже тем, что в наше время существует ядерное оружие, представляющее угрозу всему человечеству, самой жизни на Земле. Стала реальностью та обстановка, которую предвидел и о которой предупреждал Ленин, говоря об опасности появления новых видов оружия.

Но должна быть общая позиция позиций. Фундаментальные, жизненные интересы всех народов, всех государств, к какой бы общественной системе они ни принадлежали, состоят в том, чтобы не допустить новой войны. А для этого необходимо положить конец гонке вооружений, запретить ядерное оружие, предотвратить милитаризацию космоса. К сожалению, до сих пор у нас, живущих в мире социализма, и у них, относящихся к миру капитализма, — речь, конечно, идет о правящих кругах стран капитала — такой общей позиции пока нет.

Душой внешней политики СССР, стран социализма были и остаются мир и мирная жизнь для народов. Это — заветная цель, к которой стремится Страна Советов со дня победы народной власти, с того момента, как над Российской республикой взвилось знамя социализма.

Советский Союз на 1 января 1988 года имеет дипломатические отношения со ста тридцатью четырьмя государствами мира. Все советские дипломатические работники, находящиеся в посольствах и других представительствах, ежедневно трудятся над тем, чтобы разъяснять и проводить в жизнь миролюбивую политику Страны Советов.

Как бывает на международных форумах

Одной из наиболее ответственных задач, стоящих перед советскими дипломатами, является работа на международных форумах. Она обычно сопряжена с немалыми трудностями.

Здесь хотелось бы выделить особенности участия советских представителей в подобных форумах, роль которых в общем комплексе международных отношений неуклонно повышается, что обусловлено ростом числа независимых государств, обилием требующих своего решения важных и острых проблем.

На форумах может быть разная степень расхождений в политике, а соответственно и остроты дискуссий. Пока я не могу припомнить ни одной важной международной конференции с участием представителей социалистических стран и государств НАТО, о которой можно сказать: «Да, имеет место полная согласованность в политике как по целям, так и по средствам их достижения».

Со стороны стран НАТО постоянно осуществляется давление, шантаж по отношению к другим государствам, с тем чтобы получить их поддержку позиции Запада. И, конечно, ведется систематическая работа среди делегаций различных государств, которая подчинена вполне определенной задаче — изобразить в превратном свете предложения Советского Союза, социалистических стран.

Разумеется, представители СССР и его союзников обязаны — это их государственный и моральный долг — доводить до народов, международной общественности правду о предложениях своих стран, показывать их миролюбивый характер, подчеркивать объективную потребность в их осуществлении. Такого рода работа является абсолютно необходимой.

Много раз на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН приходилось быть свидетелем такого положения, когда дискуссия приобретала неблагоприятный поворот для НАТО и США. И тогда летели депеши из Вашингтона в соответствующие столицы. А часто, не полагаясь на депеши, рассылали специальных гонцов, которые должны были поднажать на эти столицы. Конечно, все это не афишировалось, но и скрыть такого рода факты невозможно.

Когда имеет место подобная активность, то обязанность дипломатов состоит в том, чтобы разъяснять людям суть предложений и одной стороны и другой, избирая такую форму

обращения к общественности, которая была бы наиболее эффективной. Все это представляет собой дипломатическую деятельность огромной важности.

Почти на каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, да и на других международных форумах, можно наблюдать странное явление. При обсуждении острой проблемы или какого-либо предложения вдруг появляется в зале заседания молодой человек. В руке он держит какие-то бумаги, скорее всего для вида. Подходит к делегации одной из стран. Приостанавливается. Нарочито медлит в движениях. Бывает, похлопает по плечу какого-то делегата, чтобы привлечь его внимание. Потом что-то шепнет ему на ухо и выйдет из зала.

Через две-три минуты появляется другой молодой человек, именно молодой, чтобы никто не заподозрил, что это какая-то важная персона. Проделывает примерно те же операции и жесты. Только останавливается он уже у другой делегации. Смотришь, а этот молодой человек уже встал на колено, и не оттого, что кресла низкие, а он высокий и ему трудно нагибаться, а просто потому, чтобы его разговор шепотом с человеком, к которому он подошел, внешне походил на беседу друзей. Мало ли о чем они решили поговорить — может быть, о том, в какое кабаре лучше заглянуть вечерком, чтобы повеселиться. Поговорит, улыбнется, встанет с колена и как ни в чем не бывало выходит из зала.

Случается, он еще не успел уйти, а в зал через какую-то иную дверь входит третий человек, уже совсем зеленый юноша. Он одет подчеркнуто простенько. Этот может подойти к двум делегациям по очереди и проделать около них то же самое.

Бывают заседания, когда добрый десяток таких молоденьких субъектов ходят по залу и ведут переговоры с несколькими делегациями. Но можно заметить одно правило: не повторяются ни делегации, к которым подходят, ни те посыльные-«пешеходы» по залу Генеральной Ассамблеи.

Для наблюдающих эту картину совершенно ясно, что «пешеходы» задерживаются около делегаций тех стран, голоса которых Вашингтон желает привлечь на свою сторону при решении по тому или иному вопросу. Если составить список табличек в зале, около которых останавливаются «пешеходы», то в нем будут названия стран и Латинской Америки, и Африки, и Азии, и Европы.

Очень часто, а порой сразу же после голосования представители делегаций, которые подверглись давлению, прямо рассказывают об этом советским дипломатам, выражая иногда свое возмущение. Они подчеркивают, что их делегация подала голос вместе с США не потому, что она считает правильной

американскую позицию, а потому, что такова инструкция, полученная делегацией от своего правительства после соответствующего демарша Вашингтона.

Другая форма обработки представителей некоторых стран, также ежедневно и без стеснения используемая делегацией США в ООН, — кулуарные встречи и беседы. Их проведением эта делегация занимается постоянно, поскольку в штаб-квартире ООН такая работа, как говорят, — дежурное блюдо. Замечу в этой связи, что в главном здании ООН, где заседают ее основные органы, имеется множество разного рода вспомогательных залов, а еще больше всяких коридоров и каких-то резервных комнат, о назначении которых никто никогда толком ничего не может сказать.

Все это свидетельствует о том, что на международном форуме — это особенно применимо к ООН — используются такие формы работы, точнее, борьбы, о которых, пожалуй, не вычитаешь нигде, тем более в книгах тех авторов, которые скрупулезно раскладывают по полочкам какие-то давно обветшалые и потерявшие реальное значение приемы дипломатической практики. Сейчас другое время и другая техника дипломатической борьбы.

Непреложное правило

Дипломатическая деятельность государств, ее формы и приемы всегда определялись и определяются целями самой внешней политики. Какую бы функцию в каждый данный момент ни выполняла дипломатическая служба того или иного государства, эта функция определяется задачами, которые оно ставит в своей внешней политике. Однако это не значит, что нельзя говорить о дипломатии как таковой, о специфических средствах и методах, используемых ею для достижения поставленных целей.

Для советских дипломатов непреложной заповедью является указание Ленина о том, что к дипломатической борьбе надо подходить как к одному из самых сложных видов политической борьбы. Здесь совершенно нетерпимы любые проявления поверхностности, пренебрежения конкретными условиями момента и обстановки.

Иногда принято считать, что дипломату достаточно лишь какого-то минимума культуры, обходительности и знания иностранного языка, а еще лучше — нескольких. Это — заблуждение. С таким багажом он не сможет долго удержаться на современной дипломатической работе.

Дипломатическая деятельность — это труд тяжелый, сложный, требующий от тех, кто им занимается, мобилизации всех своих знаний и способностей.

Независимо от того, идет ли речь о дипломатической службе в целом или об одном из ее учреждений, следует для работающих здесь людей прежде всего сказать о необходимости глубоко понимать политику своего государства. Дипломат должен хорошо знать и сам предмет, который ему надлежит обсуждать с представителями другой страны. Ход и финал такого рода переговоров во многом зависят от того, насколько убедительно стороны излагают свои мысли, аргументы в пользу каждой защищаемой позиции.

Могут быть, конечно, ситуации, когда представители одной из сторон заинтересованы не в дискуссии по проблемам, а в том, чтобы довести свою точку зрения до другой стороны, сопроводив ее заявлением, что обсуждению эта проблема не подлежит. Но такие ситуации возникают нечасто, а если они и возникают, то другая сторона заинтересована твердо в том, чтобы доказательно разъяснить свою позицию общественному мнению или другим государствам. Понятно, что и при таком положении более прочно чувствует себя та сторона, которая стоит на позициях мира.

Дискуссии и обсуждения, которые ведут дипломаты, в известном смысле похожи на соревнования участников спортивной олимпиады, с той, однако, разницей, что тут происходит состязание интеллектуального порядка. Пусть поймут меня правильно спортсмены. В спорте, разумеется, интеллект тоже необходим. Но все же там главное — физические способности. А дипломат не прыгает, не поднимает штангу, не забрасывает шайбу. Его умение должно сводиться к другому — отстоять порученную ему позицию.

Значение образования и эрудиции

Отдавая должное важности и сложности дипломатической работы, государства традиционно, можно сказать, с древних времен определяли на нее людей, наиболее подготовленных для выполнения соответствующих обязанностей.

Тут не приходится брать в расчет те случаи, когда подбор лиц на дипломатическую службу, в первую очередь для назначения на посты послов, осуществлялся по сословному признаку, по близости этих лиц к коронованным особам и тому подобное. Это имело место и в России. Но даже когда подбор дипломатов проводился таким образом, все-таки при прочих равных условиях предпочтение оказывалось тем, кто обладал более солидным багажом знаний.

Хочу привлечь внимание к такому характерному явлению, относящемуся к дипломатическим службам крупных капиталистических государств. В их практике часто бывают назначения, которые продиктованы узкими политическими соображениями. Например, приходит к власти новый глава государства и начинает по своему выбору назначать на ключевые дипломатические посты деятелей своей партии — за услуги, оказанные в ходе предвыборной кампании. На такие посты назначаются и крупные бизнесмены, которые не обошли щедротами своего кошелька главу государства, когда он являлся еще кандидатом на этот пост.

В условиях некоторых стран это явление считают нормальным. И если кто-то вздумает делать, скажем, президенту США упреки по поводу того, что он назначает послами людей за оказанные ему услуги, то там на такого человека будут взирать с недоумением.

Прочно внедрились в практику внешнеполитической и дипломатической деятельности Соединенных Штатов Америки именно такие нормы, в которых мораль подчинена политическим расчетам. Лишний раз убеждаешься в том, что эту деятельность пронизывает в конечном счете классовый интерес.

Где бы ни работал дипломат — в одном из учреждений, ведающих внешними делами, на родине или за рубежом, — он более уверен в своих возможностях, если имеет достаточное образование. Оно сразу выявляется не только в общении с друзьями и коллегами по работе, но и с иностранцами.

Конечно, ни одна дипломатическая служба не застрахована от появления неподходящих для нее людей, хотя, может быть, раньше они подавали определенные надежды. Это может

произойти хотя бы в тех случаях, когда дипломатический работник по тем или иным причинам перестает пополнять свои знания, не работает над собой, живет старым запасом, который он получил в учебном заведении или в начале дипломатической работы. Но такого рода исключения скорее подтверждают правило: дипломат должен отвечать тем требованиям, которые к нему предъявляет род его деятельности, он обязан быть образованным, эрудированным человеком.

В теории никто этого не может отрицать. А все ли обстоит так на практике?

Поставив такой вопрос, я должен в ответе на него категорически заявить следующее: уровень знаний советских дипломатических работников, независимо от того, пришли ли они на работу после окончания соответствующих учебных заведений, либо с партийной, либо с иной деятельности, часто на голову выше уровня знаний дипломатов из капиталистических государств. Убеждался в этом я много раз.

Прежде всего это проявляется в научном марксистско-ленинском подходе к оценке событий — исторических и современных. Наш анализ этих событий резко контрастирует с тем поверхностным, часто антинаучным подходом, который пронизывает практически все программы изучения общественных наук в учебных заведениях капиталистических стран.

Говоря так, мы вовсе не хотим бросать тень на дипломатических работников западных стран как на личности. Не они виноваты в том, что гуманитарные науки преподносятся в учебных заведениях их стран в уродливой форме, — не дипломаты разрабатывают программы и методы преподавания.

В стране пребывания

Дипломат независимо от ранга — посол, советник, первый секретарь или любой другой дипломатический работник — обязан, именно свято обязан, если он направлен на работу за рубеж, основательно ознакомиться со страной пребывания.

Первая ступень в получении таких знаний — ознакомление с литературой, документами и справками, касающимися данной страны, слушание лекций о ней. Но это лишь первая ступень.

Вторая ступень познания начинается со дня прибытия в страну. Изучение ее требует непрерывной работы. Ведь очень важно, чтобы посольство оперативно давало точные ответы и справки на запросы центра. А оно может делать это только тогда, когда его работники хорошо знакомы со страной пребывания, ее внешней политикой, экономическим положением, культурой, законами и обычаями.

Посольство всегда должно исходить из того, что от него ожидают интересную, весомую информацию, отражающую действительное положение на месте. Такова задача посольства каждого государства. Секрета в этом никакого нет.

Имеются все основания сказать, что советские дипломатические учреждения за рубежом изучают страны, в которых они находятся, проявляя должное уважение к их народам, суверенитету, культуре, обычаям.

Стоит выделить такую область, как история страны пребывания. Для дипломатов ее изучение — исключительно важный участок. Надо знать события, происходившие в этой стране. Однако не всегда значение этих знаний соответствующим образом оценивается ими в практической деятельности.

Понятно, не все дипломатические работники поначалу достаточно глубоко знают историю страны пребывания, так как им просто не было известно, где придется им работать впоследствии. В таком случае одной из главных обязанностей является ознакомление хотя бы с основными событиями исторического прошлого этой страны.

Легче бывает тем работникам, которые заранее, возможно, еще в стенах учебного заведения знают, какой страной или группой стран им придется заниматься. Для них стоит вопрос лишь об углублении этих знаний.

Каждый образованный человек, особенно имеющий гуманитарное образование, в какой-то мере знаком с историей Древней Греции, Древнего Рима, кое-что знает о Египте и династиях фараонов, о Китае, Индии и Японии. В общих чертах

ему известна история США, Франции, Италии, Англии, Германии, да и некоторых других стран.

У всех нас, особенно у людей старшего поколения, больше врезались в память яркие, «красивые» факты из истории Древней Греции и Древнего Рима. Учебники, историческая и художественная литература пестрят датами событий, скажем, сражений в периоды Пунических войн, именами крупных политических деятелей, ученых-мыслителей, литераторов тех времен. Любой образованный человек слышал о таких выдающихся личностях Древней Греции, как Гомер, Аристотель, Платон. Или о такой фигуре, как царь Македонии Александр Македонский. Или из римской истории — Юлий Цезарь, Помпей, Катон, Август, Брут.

В какой-то степени эти знания полезны и даже нужны. Они являются неплохой «визитной карточкой» для дипломата. Но еще важнее знание более поздней или, как ее называют, новейшей истории, ее главных событий и деятелей.

Советским дипломатам обязательно нужно досконально знать историю своей страны. В безусловный минимум знаний входят наиболее яркие страницы из летописи братских социалистических государств и других стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Мне не раз доводилось в ходе бесед с представителями стран Запада касаться тех или иных событий из их истории. Не раз зарубежные деятели озадачивали скудными знаниями фактов истории своих стран, которые у нас основательно изучаются.

Нечасто я встречал и людей с высоким положением, которые знали, например, кто такие Джордж Беркли, Дэвид Юм, Адам Смит, Давид Рикардо, других крупнейших ученых из английской истории. Нечасто доводилось беседовать и с теми, кто читал Данте, Байрона, Шиллера, Гегеля, Канта.

Отрадно, что сегодня все слышали о Марксе, хотя далеко не все из зарубежных дипломатов знают, как называется его исполинский труд — главная книга жизни. А что касается чтения «Капитала», то из всех моих высокопоставленных зарубежных собеседников — представителей капиталистических стран только один сказал, что он пытался с ним познакомиться.

Знакомство с текущими событиями, даже чисто внутреннего характера, в жизни страны пребывания тоже должно входить в обязательный набор обязанностей советского дипломата. Без этого он не сможет уверенно поддержать разговор, если тот выйдет из колеи, диктуемой ранее согласованной темой, и перейдет на внутриполитическую обстановку. А такого рода отклонения от темы бывают частыми. Они иногда приводят к

интересным высказываниям представителя страны пребывания. Это важно также и потому, что обогащение разговора за счет вовлечения в него непредусмотренной темы способствует созданию в ходе беседы более непринужденной атмосферы, что вообще имеет немалое значение в дипломатической деятельности.

Как все это запомнить?

Вполне естественно, что при огромном объеме разнообразных фактов, сведений, событий, которые должен знать дипломат, встает немаловажный вопрос:

— Как все это запомнить?

Ведь в его работе возникает масса случаев и обстоятельств, когда ему приходится полагаться на свою память. В такой обстановке многое зависит от способностей человека. У одного — лучше память, у другого — хуже, у третьего она дает серьезные осечки. Как же быть?

Мне случалось встречать людей, которые жаловались на то, что память их часто подводит. Что по этому поводу можно сказать? Не бывает памяти абсолютной. Нельзя найти ни одного человека, который бы помнил все, что он видел, слышал или читал. Но если человек, а тем более дипломат, укрепляет себя в мысли о слабости своей собственной памяти, то для него это просто скверно.

Гораздо лучше и разумнее не жаловаться на свою память, а тренировать и развивать ее. Она должна постоянно совершенствоваться, в результате чего ее можно будет не только поддерживать, но и усиливать. Необходимо иметь больше оптимизма и уверенности в своих силах.

Огромное значение для дипломата имеет сознание того, что выполняемая им работа нужна, полезна. Тут сразу же встает вопрос об отношении к делу людей с разными убеждениями. Одни работают во имя мира и дружбы между народами, другие — для подстегивания гонки вооружений.

Те, кто трудится на благо мирной жизни, устранения угрозы новой войны, служат не только своей стране, но и всему человечеству. Их убеждения нравственны в самом высоком смысле этого слова. И напротив, те, кто защищает и проводит в жизнь политику военных приготовлений, вражды между народами, посягательства на неотъемлемые права и законные интересы других стран, кладут свои убеждения на чашу весов милитаризма и агрессии. Эти убеждения безнравственны, аморальны.

Таково реальное положение вещей. Убеждения дипломата, работающего против мира, — объективно это преступление, пусть и бессознательное. Ничего не меняется от того, что субъективно тот или иной дипломат может считать, что его деятельность служит доброму делу. Он является жертвой соответствующего воспитания, обучения, а порой и дезинформации.

А разве мало среди дипломатов капиталистических стран тех, кто сознательно отстаивает узкие интересы класса эксплуататоров, отдавая себе отчет в том, что это не отвечает интересам трудового народа? Есть и такие, для которых превыше всего соображения материального порядка, социальные привилегии.

Дипломат без твердых убеждений похож на торговца, которому все равно, что продавать, лишь бы продать. Подобный работник является неподходящим, непригодным для дипломатической службы государства, проводящего политику мира. Для таких государств, в том числе Советского Союза, нужны убежденные работники, активные и волевые бойцы за осуществление этой благородной политики.

Кто из деятелей, имеющих отношение к внешней политике, кто из опытных специалистов такого рода не встречал при различных обстоятельствах дипломатических работников, которые с легкостью меняют свое мнение и даже убеждение по тому или иному вопросу?

Конечно, если это оправдывается по существу, то ничего зазорного здесь нет. Это может быть следствием более глубокого познания предмета.

И все же нередко подобного рода «прыжки» — результат легковесности и безволия. А эти качества, как и отсутствие убежденности, — родственны. Дипломат, который не может с разумной настойчивостью отстаивать справедливую позицию, не имеет собственного мнения и соглашается с каждым последним собеседником, обычно производит плохое впечатление. О нем так и говорят:

— От этого человека ничего определенного не услышишь.

Дипломатический работник с такими недостатками, если он не сумеет их преодолеть, принесет стране мало пользы, а иной раз может причинить и вред.

Извечный вопрос

Большая часть работы дипломатов падает на беседы, участие в переговорах, в международных форумах, вплоть до такого всемирного, как Организация Объединенных Наций. Но независимо от того, где обсуждаются проблемы отношений между государствами — на многосторонних форумах или на узких встречах, перед каждым участником встает извечный вопрос:

— Как отделить то, что следует сказать сегодня, от того, чего не следует говорить?

Если это регулируется полученными им указаниями правительства, тогда вопрос решается просто — действуй в соответствии с указаниями.

Ну а если, скажем, правительством какой-то конкретной страны дано указание делегации или его представителю на месте решать, что сказать сразу и с чем повременить? Разумеется, в таком случае на плечи дипломатов этой страны ложится большая ответственность. И как быть, когда положение, по их оценке, складывается таким образом, что шансы в пользу «за» и «против» одинаковы? Не жребий же им тянуть.

Тут кроме знания проблемы на помощь должен прийти еще и здравый смысл. При таком положении при прочих равных условиях от выступления с заявлением лучше воздержаться. Почему? Да потому, что заявление, сделанное несвоевременно, может причинить ущерб. Выпущенное слово уже не вернешь. И напротив, если же при последующем ходе событий заявление окажется нужным, то положение можно исправить, сделав такое заявление.

Каждый дипломат, занимающий даже невысокий пост, с подобной ситуацией встречается часто. Сталкиваются с ней и делегации на международных встречах и конференциях. Опыт показывает, что, пожалуй, больше грешат дипломаты тем, что спешат выговориться, вместо того чтобы на время сдержать себя.

На любой встрече, многосторонней или двусторонней, играет свою роль и такой старый, незримо присутствующий «советник», как политическая интуиция. А ее нельзя облечь ни в какие строгие формулы. Профессиональная подготовка и опыт — друзья интуиции.

В известном смысле это качество является таинственным, подобным тому, которое присутствует в работе, скажем, художника или человека, занимающегося любой другой творческой деятельностью. Казалось бы, люди одной творческой профессии делают в определенном смысле одно и то же: рисуют,

ваяют, пишут, а результаты у них получаются разные. У одного — заслуживающие восхищения, у другого — «не ахти», а то и скверные.

Кое-что о речах

Много раз и по самым неожиданным поводам мне доводилось выступать с речами. Без преувеличения можно сказать, что сотни и сотни раз.

Даже начало речи, если хотите, — своя наука, свои традиции в каждой стране, в любой международной организации. В наших советских аудиториях они начинаются традиционно, обычным обращением: «Товарищи!» или «Дорогие товарищи!» В начале выступлений в братских социалистических странах чаще звучит: «Уважаемые товарищи!» На Кубе, где чрезвычайно высок накал эмоций, естественной считается фраза: «Дорогие кубинские братья!»

На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН с трибуны приходится произносить: «Уважаемый господин председатель! Дамы и господа!» Правда, бывали случаи, когда председателями Ассамблеи избирались представители социалистических стран, и тогда первая фраза в том же зале произносилась так: «Уважаемый товарищ председатель!» Бывают случаи, когда приходится подчиняться традициям, существующим в той или иной стране, и обращаться к руководителю страны со словами: «Ваше превосходительство!» или «Ваше сиятельство!», если речь произносится перед коронованной особой. На совещаниях, где собираются одинаковые по положению дипломаты и оно включает в себя неширокий состав, правомерно начало выступления: «Уважаемые коллеги!»

Однако самым неожиданным случилось у меня в практике обращение к профессуре Карлова университета в Праге. Там требовалось первые слова говорить по-латыни: «Магнифиценс! Спектабилис!» По-русски это значит что-то вроде: «Сиятельные! Уважаемые!»

Все это делается в соответствии с местным протоколом, традициями, порядками, характерными для каждой конкретной аудитории. И чем большим ожидается резонанс этой речи, чем больше ответственность за нее, тем тщательнее она должна готовиться.

Однако даже при самой серьезной подготовке порой происходит непредвиденное.

…В зале Генеральной Ассамблеи ООН всегда с интересом ожидают выступлений глав государств и правительств. Так было и в тот раз. Ждали выступления шаха Ирана.

И вот он на трибуне. Начал говорить. Ассамблея в наушниках в удивлении услышала странный перевод:

— Уважаемые дамы! В своем выступлении в этом обаятельном обществе представительниц прекрасного пола мне особенно приятно…

Оратор запнулся…

Собравшиеся настороженно слушали, что он скажет дальше. Уж очень необычным выглядели и обращение к аудитории, и начало речи.

Однако что было «особенно приятно» шаху в «обаятельном обществе представительниц прекрасного пола», зал так и не узнал. Выступающего, по всей видимости, прошиб холодный пот. Шах все-таки был человеком образованным и сразу понял, что перед ним лежит речь, заготовленная его помощниками для выступления в какой-то женской благотворительной организации.

Конфуз получался приличный.

Однако шаху не пристало испытывать неловкость или растерянность. Быстро оценив обстановку, он дал понять своим приближенным. Где они, где эти бездарные секретари и кто подбросил ему это странное чтиво?

Гнев шахиншаха сразу же заприметил адъютант. В красивом кителе, расцвеченном всеми красками Востока, он стоял на почтительном расстоянии от трибуны, ровно настолько, чтобы, с одной стороны, не мешать грозному вершителю судеб его страны блистать на подиуме, а с другой — находиться всегда под рукой, если в этом вдруг возникнет необходимость.

Такая потребность появилась, — он сразу понял, — годы выучки и опыта взяли свое. Дал знак кому-то, и какой-то подручный шаха, находившийся в зале, раскрыл папку, которая у него была всегда при себе, покопался в ней и извлек оттуда несколько листов речи шаха на Генеральной Ассамблее ООН. Быстро, по-военному он направился к трибуне и протянул листки с речью разгневанному оратору.

А потом, как будто ничего не случилось, шах начал по ним зачитывать свою речь.

Но его уже почти никто не слушал. Дипломаты, гости, журналисты, публика, — словом, все присутствовавшие в зале весело обсуждали то, что в эти минуты произошло у них на глазах…

Некоторые речи можно, конечно, произносить экспромтом. Но и здесь следует сказать, что самое лучшее выступление «без подготовки» — это хорошо подготовленное и продуманное выступление.

А если речь читается по бумажке, то в этом нет ничего удивительного, и такое чтение вовсе не означает, что оратор не может выступать без бумажки. Он спокойно это сделает, но

иногда слишком уж велика значимость и чересчур важны сами формулировки того, о чем он говорит, что лучше всего их зачитывать. Кроме того, при зачтении речи мысли излагаются компактно, экономится время большой и авторитетной аудитории. Если те же мысли любой оратор будет доносить до слушателей без бумажки, только с помощью своего ораторского искусства, то на такое красноречие у него уйдет скорее всего больше времени.

Контакты и контактность

Дипломатическая деятельность предполагает поддержание непрерывных контактов с представителями другого государства или государств в зависимости от конкретных обязанностей сотрудника. Чем выше занимаемый им пост, тем чаще ему приходится встречаться с иностранными дипломатами для исполнения поручений своего правительства по инициативе другой страны.

Что это означает практически для дипломатических работников, для дела их подбора и подготовки? Означает то, что в самом складе характера этого человека должно присутствовать и такое качество, как контактность. Не могут успешно осуществлять дипломатическую работу те, у кого отсутствует данное качество.

Если дипломат воспринимает встречу с иностранным представителем как что-то вроде стихийного бедствия, то он плохо приспособлен, а то и вовсе не приспособлен к оперативной дипломатической работе, хотя, возможно, и в состоянии выполнять поручения, не требующие, как говорят, выхода вовне.

Объективность требует признать, что бывают случаи, я бы назвал их «случаями наизнанку», когда контактность переходит границы необходимого, разумного. Некоторые молодые дипломатические работники по какому-то внутреннему зову иногда разовьют такую энергичную деятельность по установлению контактов, которая выливается почти в бессмыслицу. Хорошо еще, если они могут поддерживать нужные по содержанию беседы. А если просто занимаются чаепитием или хождением на встречи, ничего и никому не дающие, то о таких работниках скорее всего пойдет молва не в их пользу.

Не допускать такой «бурной» активности молодого работника — это задача, которая должна решаться двояко. Во-первых, сам дипломат обязан уметь самокритично оценивать свою работу и видеть свои изъяны в ней. Это качество не последнее. Во-вторых, тем, кому он подчинен, следует добрым словом или наставлениями помочь ему встать на верную тропу.

В работе некоторых дипломатов обращает на себя внимание какое-то иногда неуемное предрасположение к выполнению чисто протокольных функций. Мне приходилось встречать в наших зарубежных учреждениях людей, которые готовы непрестанно ходить на приемы, культурные мероприятия, торжественные церемонии и т. д. Что ж, все это тоже входит в функции дипломата, и подобные любители протокольных встреч даже

неплохо их выполняют.

Однако таким работникам почему-то не рискнешь дать серьезное поручение политического характера, например проведение встречи по важному вопросу с представителями другого государства, поскольку нет гарантии, что они должным образом справятся с этим поручением. К счастью, случаи такие нечасты, и если в результате надлежащего руководства дипломат преодолевает указанный недостаток, то он становится полноценным работником.

Нельзя, конечно, сказать, что протокольные функции — идет ли речь о министерстве иностранных дел, посольстве, консульстве или о других учреждениях государства — являются маловажными. Отнюдь нет. Эти функции, если их понимать правильно, имеют большое значение. Но они, как и сам протокол, должны быть подчинены политическим задачам.

Одни и те же протокольные мероприятия могут быть по форме одинаковы. Однако в зависимости от отношений с соответствующим государством они проводятся по-разному в том, что касается уровня и числа вовлекаемых людей, а также направленности бесед во время встреч. Наконец, различия могут быть и в смысле частоты протокольных мероприятий, атмосферы, в которой они проводятся.

Обычно заниматься протоколом вменяется в обязанность специально выделенным лицам, которые подготовлены для такой работы. Правильно выполнять важные протокольные функции могут только люди, имеющие опыт дипломатической деятельности и проявившие себя на ней положительно. Это обстоятельство, как правило, учитывается в дипломатических учреждениях большинства государств.

Уже подчеркивалась важность эрудиции для дипломата, для его подготовки. Вместе с тем на дипломатической службе любого государства встречаются люди, которые имеют солидное образование, завидный запас знаний, но их поведение в общении с коллегами-дипломатами на международных форумах, на протокольных мероприятиях является, если можно так выразиться, «неотшлифованным».

Такой человек может, причем иногда не стесняясь присутствия женщин, рассказать непристойный анекдот или позволить себе выражения, недопустимые в обществе. Он никогда не здоровается иначе, как в ответ на приветствия других. Обычно подобного рода недостатки со временем устраняются. Однако бывают люди, хотя и редко, неисправимые в этом отношении. Для них дипломатическая работа не по плечу.

И еще одно. Круг лиц, с которыми теперь дипломатам

приходится иметь дело, необычайно велик. В него входят не только официальные представители государства, но и множество самых различных людей из делового мира. Не секрет, что у многих компаний, монополий, особенно у транснациональных корпораций вырабатываются свои точки зрения, иногда и отличающиеся от мнения правительства страны пребывания в ту или иную сторону. У них потому и имеется своя «дипломатия», свои дипломатические методы и приемы, и с ними приходится считаться советским представителям за рубежом, учитывать их в своей работе. Однако этот вопрос совершенно особый, он заслуживает конкретного разговора, а здесь только упомянут, чтобы читатель мог представить дополнительные сложные нагрузки у дипломатов сегодняшнего дня. В настоящее время задачи не упрощаются, а усложняются еще больше, поскольку сами проблемы международной жизни стали намного сложнее, тревожнее и острее. Прежде всего это происходит потому, что множество международных проблем связано с ядерным оружием. Поэтому все деятели, имеющие отношение к внешним делам, обязаны считаться с этой суровой действительностью. Наш курс логически вытекает из тех установок, которые были даны Владимиром Ильичем Лениным еще на заре Советской власти. Перестройка, происходящая в стране, охватывает все сферы жизни, в том числе и ту, которая связана с делами внешними.

Черновая работа и «белоручки»

Сколько существует дипломатия, столько перед каждым назначенным на высокий пост дипломатом возникает вопрос:

— Где находится грань, отделяющая круг моих обязанностей от так называемой черновой работы, которая должна выполняться где-то ниже на служебной лестнице?

Вопрос этот далеко не малозначительный. Нечего греха таить, иногда дипломаты, особенно молодые, считают, что черновая работа — не для них. Но что значит черновая работа, когда речь идет о внешней политике и дипломатии?

Это значит сбор и приведение в соответствующий порядок фактического материала, составление досье текстов, заявлений и речей государственных деятелей, публикаций в печати, подбор нужных нот, меморандумов, памятных записок, посланий, текстов договоров и соглашений и т. д. Одним словом, требуется предварительная обработка всего того, с чем необходимо ознакомиться и из чего следует выбрать именно тот нужный материал, который подлежит использованию в ходе бесед, при подготовке того или иного документа, речи, заявления, договора, соглашения, конвенции.

Выбрать из груды материала то, что нужно для данной цели по данному вопросу, — работа вовсе не техническая. Выполнить ее может только тот человек, у кого имеется достаточный кругозор. Опытный дипломатический работник не может перепоручить решение этой ответственной задачи техническому работнику, хотя последний определенную помощь оказать способен.

К сожалению, молодым дипломатическим работникам в ходе их подготовки не всегда в достаточной мере прививается вкус к сбору и анализу соответствующих материалов. В последующем на практической работе у многих этот изъян устраняется, если, конечно, есть желание и воля к тому, чтобы его устранить. Ну, а те работники, которые расстаться с ним не хотят или не могут, так и остаются «белоручками». Хорошо, если их способности в других отношениях возьмут перевес. Когда же все то, что связано с этими «другими отношениями», тоже является посредственным, то такой работник скорее всего попадает в категорию неудачников и его продвижение по службе будет затруднено, если не больше того.

Настоящий дипломатический работник — это тот, кто успевает и умеет подобрать, организовать и проанализировать фактический материал, который следует использовать для

соответствующей дипломатической акции. Гораздо легче все это проделывать дипломатам, уже обладающим каким-то навыком исследовательской работы — в учебном заведении, научном центре или аспирантуре, в частности при подготовке диссертации.

Странно, но факт: те сотрудники, которые имеют недостаточный опыт научно-исследовательской деятельности или вовсе его не имеют, меньше всего проявляют желание заниматься подготовительной, черновой работой. Хотя, казалось бы, дело должно обстоять как раз наоборот.

Несколько слов о жене дипломата. Если говорить о советском дипломате, то его супруга должна быть и помощницей ему во всем, и единомышленником, и в известном смысле заниматься общественной деятельностью.

Хорошо ли, худо ли, но когда началась Великая Отечественная война, то Лидия Дмитриевна по зову сердца немало поработала по организации различных концертов, сбор средств от которых шел в фонд помощи раненым воинам Красной Армии. Конечно, делать это оказалось возможным при помощи наших друзей и в условиях благоприятной для того времени атмосферы.

В других странах жены наших дипломатов тоже проводили соответствующую патриотическую работу.

Считаю уместным не согласиться с высказываемым иногда взглядом, будто дипломат, находясь за границей, с течением времени свыкается с обстановкой и у него в какой-то степени притупляется чувство родины. Этот взгляд свидетельствует о том, что те, кто его высказывает, имеют весьма туманное представление о дипломатической деятельности за рубежом. Все обстоит как раз наоборот. Если это страна капиталистическая, недружественная, то дипломатический работник выносит огромные нагрузки уже только потому, что он часто слышит разного рода заявления, далекие от того, чтобы содействовать развитию отношений между Советским Союзом и страной пребывания. Работники посольства не только слышат подобные заявления, но и наблюдают немало действий и фактов, свидетельствующих о том же.

В таких условиях посольство должно предпринимать все необходимое, чтобы достойно отстаивать интересы своей страны и защищать свою родину, советскую внешнюю политику. А это требует стойкости, выдержки, обдумывания ответных действий и умелого проведения их в жизнь.

Кроме того, уже сама такая обстановка создает немалую нервную нагрузку на всех работников нашего зарубежного

учреждения, но прежде всего на посла и старших по положению дипломатических сотрудников.

Разумеется, обстановка в каждой стране обладает своей спецификой. Но это означает и дополнительные трудности. Ни в каком учебном пособии по дипломатии нельзя найти стандартный совет, как надо себя вести советским дипломатическим работникам в конкретной стране при определенной обстановке.

А разве не бывает так, что с самого утра, когда посол еще не успел сесть за рабочий стол, еще не успел провести встречу со своими советниками и помощниками, а по радио, по телевидению уже передано сообщение о каком-либо недружественном шаге в отношении СССР либо страны пребывания в целом, либо ее представителей? Это — удар по нервам. Посольство уже, как говорят, в напряжении, и нужно что-то предпринимать.

Нет, — и это я могу категорически заявить, — никакого свыкания с обстановкой и «ослабления» чувства родины за рубежом не происходит.

В какой бы стране я ни находился, близкой или далекой, западной или восточной, южной или северной, социалистической или капиталистической, всегда в сердце был образ любимой Родины. С ним и пересекал границу. Сотни раз.

Когда покидаешь Родину, всегда испытываешь налет какой-то затаенной грусти. Сразу же перед мысленным взором возникает Москва, необъятные просторы страны, ее города и села, люди. Они дышат тем же воздухом, которым дышу я, воздухом Отчизны.

Наверно, об этом же думала Лидия Дмитриевна, когда впервые в жизни мы выезжали за пределы Советского Союза и попали в Румынию. Было это в 1939 году. Наш путь лежал, как я уже писал, в итальянский порт — Геную. Как только жена увидела за окном вагона чужую землю, у нее полились слезы. Конечно, я пытался ее успокоить. Но и мои собственные мысли и чувства были невеселыми. В Европе уже шла война. И мы понимали, что расстаемся со своей страной на годы. Забыть тех минут нельзя и сегодня.

Выше я уже писал о патриотизме советского человека. Сейчас хочу лишь добавить, что никакие новые впечатления от увиденного в других странах, сколько бы ты там ни находился — всего лишь дни либо долгие годы, — не в состоянии не только затмить, но даже заставить потускнеть образ Родины, который входит в сознание советского человека с ранних лет.

Однако этот образ не должен мешать, да он и не мешает, видеть то ценное, с чем встречаешься или можешь встретиться в других странах. Ведь есть общечеловеческие ценности! Но и они

могут занять должное место в твоем сознании только тогда, когда ты ценишь как самое великое чувство — любовь к собственной стране, ее народу.

Да, мы многим восхищаемся за рубежом. Немало там есть того, что полезно позаимствовать. Но у нас в народе справедливо осуждается тот, кто готов пожертвовать Родиной в обмен за те или иные блага.

Мы никогда не смешивали беглецов от народа с борцами за его правое дело. Да, немало патриотов нашей страны волею судьбы находили убежище за рубежом. Но то всегда были люди, которые боролись за ее лучшее будущее. Так поступали российские революционеры и во времена Ленина. Это они, воины ленинской когорты, умели воздействовать на массы, в том числе из-за рубежа, готовя Великий Октябрь.

О дипломатических приемах

Что же представляют собой приемы в дипломатической деятельности?

Они могут быть самыми различными по составу из числа официальных или неофициальных лиц, узкими или широкими. Устраиваться по случаю национального праздника, юбилейной даты, важной для страны или для хозяина, приглашающего к себе гостей. Они могут организовываться и просто для установления знакомства.

Приглашения на них рассылаются дипломатам и государственным служащим, известным ученым и деятелям культуры страны, в которой аккредитовано посольство, но чаще всего — представителям других зарубежных государств. Одним словом, можно сказать, что здесь как бы действует закон больших чисел: большое число случайных факторов приводит при определенных условиях к результату, почти не зависящему от случая. А если перевести все на дипломатический лексикон, то это значит, что множество разговоров, которые происходят на встречах с официальными лицами, часто приносят большую пользу.

Важно знать, что, как правило, подобные мероприятия служат цели — создать возможность для неформального общения, обмена мнениями. Бывает так, что участие в приемах, если речь идет о дипломатах, равнозначно специальному обсуждению на каком-то заседании того или иного вопроса, который интересует соответствующие правительства.

Бывает, что иногда неопытные внешнеполитические работники идут на прием просто для того, чтобы убить время, поговорить обо всем понемножку со знаменитостями. Это — легковесный подход.

Мне же хочется подчеркнуть важность встреч на приемах. Участвуя в таких мероприятиях, где много представителей разных стран, опытный дипломат найдет способы максимально использовать возможности для того, чтобы увидеться с нужным партнером, возобновить старое знакомство, узнать какую-то важную новость, мнение о ней. Случается, что там достигаются существенные результаты, даже договоренности между представителями государств по тем или иным вопросам.

Более того, на сотрудников посольства, которое недостаточно активно откликается на приглашения, работники которого редко появляются на дипломатических приемах, которое и само не устраивает приемов, будут смотреть с недоумением, а то и еще

хуже. Могу определенно сказать, что в большинстве государств мира организация с давних времен таких дипломатических встреч стала прочно укоренившейся традицией. Несоблюдение ее может привести к издержкам для страны, если ее представители не считаются с обычаями.

Возможно, что все, о чем я пишу, в основном известно. Но достаточно ли разумно и плодотворно, с соблюдением местных правил, необходимой корректности используются указанные формы общения? Вопрос этот не праздный. Он имеет значение для зарубежных представителей в любой стране.

Общение с журналистами

…Лужайка перед Белым домом. Здесь собрались и ждут десятки корреспондентов. Выхожу к ним и мгновенно попадаю под обстрел множества вопросов.

Только что я встречался с президентом Картером и с другими деятелями американской администрации. Происходит все это в дни работы специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, на которую я приехал во главе советской делегации. Идет 1978 год. А в Вашингтоне мы вели переговоры относительно заключения между СССР и США второго соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

— Мистер Громыко, как идут переговоры?

— Подавляющее большинство вопросов уже согласовано.

— А много ли несогласованных?

— Их круг постепенно сужается…

Сколько раз за годы своей деятельности мне приходилось иметь дело с журналистами! И где только это не происходило, — на лужайке, как в тот раз, или в пресс-центрах, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН или международных конференциях, в залах заседаний и в кулуарах, в аэропортах и на вокзалах, в гостиницах, резиденциях и в рабочем кабинете.

Всегда при этом я испытывал глубокое уважение к труду корреспондента. Он должен уметь не только получить материал, это еще полдела, — но главное, он обязан грамотно и предельно ясно изложить на бумаге полученное, увиденное, услышанное. И здесь происходит самое удивительное, на мой взгляд, — двух одинаковых отчетов об одном и том же событии найти невозможно. Пусть тысяча репортеров присутствует при этом событии, — они сделают тысячу информации, и все будут разные. Но в каждой читатель или зритель найдет что-то свое, характерное и для манеры автора, и для особенностей конкретного средства массовой информации — органа печати, радио или телевизионной компании, соответствующего агентства.

Непростой это труд — труд журналиста, но благодарный.

Через работу в печати прошли многие государственные и партийные деятели и нашей страны, и зарубежных государств.

Каким блестящим редактором вошел в историю Ленин! «Искра» и «Правда» — две газеты, которые мы, как правило, называем каждую в отдельности вместе с эпитетом «ленинская».

Через журналистику прошел и бывший президент Джон Кеннеди.

Приподняла в моих глазах значение работы корреспондентов одна история, которую я услышал от нашего боевого генерала на Потсдамской конференции:

— Готовилось большое сражение. Мою армию поставили на направление главного удара. Перед началом боев прибыла ко мне в штаб большая группа журналистов. Им командование фронта сказало, что здесь, у меня, будут самые важные события. Я как увидел их, так и обмер: «Нет, друзья, вы тут нам будете мешать. Да и главные события будут у соседа». Последней фразой я откровенно слукавил. Однако спровадить их сумел.

Генерал рассказывал весело:

— И что же вы думаете? Все тогда произошло по плану. Наша армия пробила брешь во вражеской обороне. Много было потерь, но еще больше — проявлений массового героизма. А сосед действовал, как и предполагалось, на подхвате. Как же я удивился, когда стал потом читать газеты! Действия соседа корреспонденты расписали так, что ему дали Героя, многих генералов и офицеров наградили высокими орденами. А наград в нашей армии оказалось намного меньше. Вот вам и пресса!

Конечно, этот случай военных лет, может быть, и не самый типичный. Но зато значение печати характеризует довольно наглядно.

Газета может своей публикацией приподнять событие, она же, не заметив его, умеет и принизить тот или иной факт, но это еще вовсе не значит, что сам по себе он малоприметен.

Решительно утверждаю, что служение своей стране, своему народу — это святой долг советских дипломатов. Они доказали свою верность Родине за все годы Советской власти.

Свидетельство тому — длинный список имен дипломатов, до конца выполнивших свой долг и погибших при исполнении служебных обязанностей. Их имена выбиты золотом на мраморе. Эта мемориальная доска висит на стене в вестибюле здания МИД на Смоленской площади в Москве.

Только четыре с лишним десятилетия — срок не такой уж большой в историческом плане — минуло после окончания второй мировой войны. Однако начавшийся после нее ядерный век поставил перед человечеством вопрос, который никогда прежде перед ним не стоял:

— Сможет ли оно выжить?

Борьба за мир и дружбу между народами, борьба против опасности новой войны остается генеральным курсом политики Советского Союза на международной арене. В интересах претворения в жизнь этого ленинского курса ведет неустанную, кипучую работу наша партия, ее Центральный Комитет,

Политбюро ЦК КПСС.

Глава XVII
ТРЕБУЕТ ЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АКСИОМА?

Гениальная ленинская идея. Что думают об этом в Белом доме. Оговорки, а по существу — отрицание. Сенатору приходилось растолковывать. Жизненная сила принципа мирного сосуществования.

Политика — не математика. В ней встречаются аксиомы, требующие постоянных напоминаний, повторений. И происходит это не потому, что кто-то плохо что-то усвоил. Просто есть политики, которые не хотят усваивать некоторые аксиомы, как противоречащие их взглядам.

Одна из них — мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

Гениальная ленинская идея

Чем дальше колесница времени увозит поколения людей от того момента, когда над Питером взвилось красное знамя революции, тем отчетливее предстает перед человечеством гениальная ленинская идея мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Интервенция и гражданская война, мирное строительство, вторая мировая война и сокрушительное поражение фашистского агрессора, послевоенное восстановление хозяйства и период, когда в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС наш народ прилагает силы к ускорению развития советского общества, к решению поставленных жизнью экономических и социальных проблем, а в области международной политики делает все возможное, чтобы устранить угрозу ядерной катастрофы, — все это дает возможность в свете исторического опыта оценить ленинскую идею с позиций приближающегося начала нового тысячелетия.

Политика любого государства должна ныне оцениваться с той точки зрения, насколько она отвечает интересам сохранения мира. Принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем — главный критерий, с которым следует подходить к такой оценке.

Внешняя политика Советского Союза есть политика мирного сожительства стран социалистических и капиталистических, о возможности и необходимости которого говорил В. И. Ленин. В практической деятельности государств значение этого принципа в наши дни больше, чем когда-либо раньше. Больше потому, что последствия ядерной катастрофы были бы неизмеримо более тяжелыми, чем последствия, с которыми столкнулось человечество в итоге второй мировой войны.

В наше время, когда появились новые грозные виды оружия массового уничтожения, которых во времена В. И. Ленина не было, значение ленинского принципа мирного сосуществования еще больше возросло. Борьба против опасности ядерной войны, борьба за разоружение и ликвидацию всех видов этого оружия в политике Советского Союза и его союзников органически сливается с борьбой за утверждение принципа мирного сосуществования.

Советский Союз, сознавая свою ответственность, проводя борьбу за разоружение, за ликвидацию ядерного оружия, руководствуется этим ленинским принципом. Наши друзья и союзники — братские страны социализма осуществляют ту же

политику.

Любая страна, если она действительно является последовательно миролюбивой, не может вести борьбу за ликвидацию ядерного оружия, за разоружение и в то же время не признавать принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем. И наоборот, она равным образом не будет последовательной, если на словах выступает за этот принцип, но отказывается от реальной борьбы за разоружение и ликвидацию всех видов оружия массового уничтожения.

Сколько существует Советское государство, столько оно ведет борьбу за торжество принципа мирного сосуществования. Разумеется, период второй мировой войны — особое время. Тогда речь шла о том, чтобы сокрушить агрессора, поправшего все международные нормы поведения и морали.

Небезынтересно привести некоторые эпизоды борьбы Советского Союза за признание этого принципа. Покажу их в той последовательности, в которой археологи производят раскопки, — начиная с самого верхнего слоя.

Что думают об этом в Белом доме

…Сентябрь 1984 года. Белый дом. Только что закончилась беседа в расширенном составе. С советской стороны на ней вместе со мной присутствовали первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и посол СССР в Вашингтоне А. Ф. Добрынин, с американской стороны — президент Р. Рейган, государственный секретарь Дж. Шульц, посол США в Москве А. Хартман. Неожиданно президент высказал пожелание:

— Мистер Громыко, а не поговорить ли нам с вами один на один, хотя бы коротко.

— Согласен, — сказал я.

Разговор состоялся. Его можно назвать «разговором стоя». Начал президент. Он сказал:

— Хочу со всей откровенностью заметить, что я стремлюсь найти пути улучшения отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Я немало над этим думаю, но как-то ничего не получается. Стараюсь понять, в чем причина.

Рейган сделал небольшую паузу. Потом продолжал:

— По-моему, этому мешает накопившееся недоверие в отношениях между Советским Союзом и США.

Тогда я решил ответить на высказывания президента и заметил:

— Недоверия накопилось действительно немало. Но американская сторона без всякого основания приписывает Советскому Союзу разного рода коварные планы, которых у него не было и нет. Об этих планах говорили и вы сегодня во время только что закончившейся беседы. Никакого высказывания насчет необходимости силой похоронить капитализм у Ленина не было. Это чья-то выдумка. Вам, как президенту, ее подбросили, а вы повторяете, несмотря на то, что мы эту выдумку опровергали уже не раз.

Рейган слушал меня молча. Судя по всему, он никогда и не пытался искать какой-либо источник, где было бы приведено подобное высказывание В. И. Ленина. Такого источника просто не существует.

Смотрел я на него и думал: «Неужели президент действительно верит в сказки, которые ему рассказывают насчет неких агрессивных целей в политике Советского Союза?»

По его лицу я не мог понять и того, как он воспринял мои слова. Никаких разъяснений по этому поводу со стороны Белого дома не последовало и в дальнейшем.

Что касается заявлений президента о желании искать пути улучшения отношений с Советским Союзом, то я сказал президенту:

— Советский Союз, как и прежде, искренне желает содействовать смягчению напряженности в отношениях между нашими странами и развитию этих отношений. Я уполномочен заявить, что это — мнение всего советского руководства.

Что касается долгосрочных целей политики Советского Союза и его отношений с капиталистическими государствами, в том числе с США, — продолжал я, — то мы придерживаемся принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы не собирались и не собираемся применять силу против капиталистических стран для того, чтобы уничтожить существующий в них общественный строй. Те, кто нам приписывает подобные планы, клевещут на нас.

Затем я подчеркнул:

— Душой нашей философии и нашей политики является убеждение в том, что объективный ход общественного развития в мире идет в направлении победы социализма ввиду его преимущества перед капитализмом. Однако эта победа будет достигнута не с помощью оружия, она должна быть следствием мирного развития и мирного соревнования двух общественных систем.

Я выразил надежду, что президент будет иметь возможность подумать над всеми высказанными мною мыслями.

Итак, ни в одном разговоре после нашей встречи с Рейганом в Белом доме ни он сам, ни другие официальные представители американской администрации не выражали поддержку принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Хорошо известно, что при встречах с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Женеве в 1985 году, а затем в Рейкьявике в 1986 году, которые представляли собой крупные рубежи в отношениях между двумя странами, президент тоже не делал заявлений о приверженности США этой идее.

Представители разных американских администраций много рассуждали о том, что США стоят за мирное урегулирование спорных проблем. Неоднократно после заявлений с нашей стороны о том, что государства должны разрешать свои споры только мирными политическими средствами и воздерживаться от применения силы, Шульц, к примеру, отделывался ничего не говорящими общими словами.

Само собой разумеется, что все это означало и означает определенную политику. А последняя превратилась в доктрину:

везде и всегда, где, по мнению Вашингтона, затрагиваются жизненные интересы США, они имеют право использовать все средства вплоть до применения вооруженной силы для зашиты этих интересов; даже чисто внутренние дела соответствующих стран должны решаться Вашингтоном.

В свое время — это было в 1972 году при президенте Никсоне — США пошли на согласование и подписание с Советским Союзом документа под названием «Основы взаимоотношений между СССР и США». В этом документе выражалось убеждение в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Можно было подумать, что верх взяла трезвая точка зрения.

Однако вскоре Вашингтон перестал ссылаться на этот документ и по сей день проводит политику вопреки ему. США действуют и вопреки положениям других международно-правовых актов, в том числе Уставу ООН, в котором зафиксирована необходимость мирного, и только мирного разрешения международных споров. К сожалению, основные союзники США на практике занимали и занимают по этому вопросу позицию, мало чем отличающуюся от позиции Вашингтона.

Оговорки, а по существу — отрицание

Припоминаю беседу с постоянным представителем США при ООН в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов Генри Лоджем. Он являлся значительной фигурой в высшем эшелоне американских политиков. Лодж стал знаменит хотя бы потому, что знаменитым был его отец, который в 1918 году возглавил оппозицию президенту Вильсону в связи с Версальским договором. Все западные союзные державы собирались закрепить поражение Германии и свою победу в первой мировой войне путем заключения мирного договора. Оппозиция в Вашингтоне, которую возглавил Лодж-старший, сорвала ратификацию договора Соединенными Штатами Америки. Это представляло собой крупное поражение президента Вильсона, которое, по общему мнению, укоротило ему жизнь. Кстати, известно, что Лодж-старший посетил Россию еще до революции 1917 года и предпринял путешествие по Сибири.

Сын сенатора, то есть Лодж-младший, отличался не меньшим упорством в служении кругам, придерживавшимся наиболее реакционных тенденций в американской политике. Тень Даллеса всегда витала над ним.

В одном из разговоров со мной Лодж задал вопрос:

— Как вы все-таки понимаете тезис о мирном сосуществовании государств?

И добавил:

— В США, а возможно, и в других странах не очень четко себе представляют, какое содержание вы вкладываете в этот тезис.

Прежде чем поставить передо мной такой вопрос, Лодж уже десятки раз выступал в ООН против наших позиций по многим проблемам, в том числе по тем, при обсуждении которых так или иначе приходилось говорить о мирном сосуществовании.

Мне вновь пришлось дать необходимое разъяснение. Была подчеркнута главная мысль:

— Каковы бы ни были разногласия между государствами с различным общественным строем, они должны разрешаться мирным путем, иными словами, посредством переговоров. Мирное сотрудничество и мирное соревнование — вот та политика, которой должны придерживаться все государства.

Присутствовавшие на беседе крупные советские юристы — член-корреспондент Академии наук СССР С. А. Голунский и профессор С. Б. Крылов со своей стороны остановились на

юридическом аспекте проблемы.

Лодж очень внимательно выслушал высказывания и заявил:

— Ваши мысли представляют интерес. Но одно дело — все это учитывать, а другое дело — признавать как доктрину и положить их в основу политики.

Заявление с его стороны было необнадеживающим и нарочито туманным.

До конца своей деятельности в качестве представителя США при ООН Лодж продолжал пользоваться репутацией сторонника твердой линии Даллеса, который о мирном сосуществовании и слышать не хотел.

Нелишне к этому добавить, что как Лодж-старший, так и Лодж-младший отличались последовательностью в отстаивании взглядов, не отвечающих решению международных проблем в интересах мира. Такая слава их никогда не покидала.

Президент Трумэн назначил постоянным представителем США при ООН крупного американского дипломата сенатора Уоррена

Остина. Авторитет и опыт сенатора, близость к Белому дому придавали ему вес. Он, в отличие от некоторых других американских деятелей, мог основательно потолковать с советскими представителями по вопросам внешней политики, особенно относящимся к деятельности ООН.

У меня состоялось немало бесед с Остином. Как правило, они позволяли более полно выяснить позицию другой стороны и гораздо реже — сблизить обе позиции.

В ходе бесед возникал и вопрос об отношении стран к принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Хотя Остин к этому вопросу не проявлял особого интереса, но обсуждения не чурался. Он спрашивал:

— Как Советский Союз все же понимает этот принцип? Ему, разумеется, давались с нашей стороны соответствующие разъяснения.

В одном из разговоров собеседник высказал такую мысль:

— Как можно примирить интересы социалистических государств и государств западной демократии?

Даже Даллес мог бы позавидовать формулировке вопроса. Отвечая на него, я обратил внимание собеседника на известный, уже вписанный в историю факт:

— Германия, с одной стороны, США и Англия, с другой стороны, оказались, несмотря на одинаковый общественный строй, во второй мировой войне по разные стороны фронта. В то же время США и Англия стали союзниками СССР, несмотря на различия с ним в общественном строе.

Опыт недавно закончившейся второй мировой войны показывает, — продолжал я, — какую великую жизненную силу имеет идея мирного сосуществования государств. Он показывает, что одинаковый капиталистический строй — вовсе еще не гарантия мира между капиталистическими странами, а различия в общественном строе государств не являются преградой для мирного сотрудничества и сосуществования социалистических государств с капиталистическими.

— Разве это не так? — спросил я.

Остин подумал и сказал:

— Я, пожалуй, должен признать убедительность ссылок на государства, вовлеченные во вторую мировую войну.

Но в то же время он добавил:

— Я не вижу в обозримой перспективе возможностей для принятия Соединенными Штатами Америки принципа, именно принципа, который вы отстаиваете. Другое дело — искать возможности для сближения позиций сторон по тем или иным конкретным вопросам, например, связанным с разоружением и контролем над вооружениями. Иначе говоря, по вопросам практической политики.

Что касается главного вдохновителя «жесткой линии» США в отношении Советского Союза — Джона Фостера Даллеса, то он вообще не желал обсуждать тему о мирном сосуществовании государств. По всему складу своего политического мышления он слыл таким человеком, которого эта тема не могла привлечь. И это было хорошо известно. Он отрицал не только принцип, но и необходимость его обсуждения.

Заслуживают внимания взгляды крупного политического деятеля ФРГ, с которым я имел много встреч при разных обстоятельствах, Ганса Дитриха Геншера.

Познакомился я с ним, когда он был еще министром внутренних дел в правительстве Вилли Брандта. После его назначения на пост министра иностранных дел в правительстве Гельмута Шмидта, а затем Гельмута Коля между нами происходило немало бесед, в которых обсуждались вопросы отношений между СССР и ФРГ, а также отношений между странами Организации Варшавского Договора и государствами НАТО.

Должен сказать, что соглашаться или не соглашаться с ним — это другой вопрос. Но идя на встречу с Геншером, надо все же проверить свой резерв аргументов, разъяснений и возможных ответов на его предполагаемые вопросы. Заранее знаешь, что придет он с определенно очерченным кругом вопросов и постарается преподнести позицию правительства ФРГ в

максимально приукрашенном виде. Где ему выгодно недоговорить — он это сделает. Где выгодно поступить наоборот — он тоже не упустит момента. Темп бесед предпочитает неспешный. Словом, любит эффектно поплавать по тихому озеру, медленно помахивая веслами.

Многие беседы с ним и лично мои, и советских послов в Бонне неоднократно подтверждали, что главный ориентир для него — это и ладить с Вашингтоном, и по возможности не ухудшать отношений с Москвой, а то и улучшать их.

Нет, не сразу, а постепенно он будет в ходе беседы приближаться к развязке вопроса, если она вообще возможна. Он может выдвинуть и промежуточные позиции. Это логично.

Ну а как же проявили себя ФРГ и ее министр иностранных дел в отношении вопроса о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем?

Министр Геншер и другие представители ФРГ никогда не отказывались говорить на эту тему. Обычно они ограничивались формулой, которая ничем не отличается от соответствующего положения Устава ООН: «проявить терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи…» А дальше дискуссия шла по кругу, который, как известно, конца не имеет. В общем, Геншер — нелегкий партнер, но беседы с ним, как правило, носили деловой характер и в целом давали положительные результаты. Мне кажется, и позже его встречи, в частности, с министром Э. А. Шеварднадзе насыщены содержанием и ведутся на высоком политическом уровне.

Канцлер ФРГ Гельмут Коль заслуживает того, чтобы о нем написать подробнее. В ФРГ его оценивали и оценивают неоднозначно. Так было тогда, когда он еще не занимал один из высших государственных постов, то же можно сказать и о его нынешнем положении, когда у него за плечами достаточно продолжительный срок пребывания у власти в качестве главы правительства.

Одни утверждают, что он недостаточно эффективно выполняет свои обязанности как во внутренних, так и во внешних делах. Другие, напротив, заявляют, что он именно тот человек, который нужен стране в теперешнее непростое время.

Мне, конечно, гораздо легче высказаться о внешнеполитической деятельности его и правительства, которое он возглавляет.

Да, канцлер Коль отдавал дань грузу прошлого. Однако справедливость требует признать, что после появления конкретных признаков смягчения напряженности в отношениях между СССР и США правительство ФРГ проявило трезвость в

подходах к связям с СССР, к международной обстановке в целом и к той роли, которую играет и может сыграть ФРГ в международных делах, особенно касающихся Европы. Можно определенно сказать, что в решение вопроса, относящегося к заключению советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, ФРГ внесла положительный вклад. Важно и то, что ФРГ выступила против модернизации ядерных ракет малой дальности.

Это получило должное признание и в СССР, и в других государствах, стоящих на позициях мира и устранения угрозы войны.

Сенатору приходилось растолковывать

Выше, когда речь шла о Сан-Францисской конференции, уже говорилось о роли сенатора Ванденберга и в целом в политической жизни США, и в ее внешней политике. Этот маститый и очень влиятельный представитель республиканской партии всегда находился на правом фланге, какой бы вопрос в беседе с ним ни затрагивался. Он неизменно подходил к рассмотрению любых проблем с жестких позиций и по традиции повсюду пытался искать «козни Москвы». Кстати, Даллес и сенатор Ванденберг понимали друг друга с полуслова. Это были политические близнецы. Доводилось мне с сенатором вести разговоры и на тему о принципе мирного сосуществования государств. И вот в какой связи. Речь тогда, в 1945-м, шла о создании международной организации — ООН. В одной из бесед его заинтересовал вопрос:

— Почему Советский Союз так чувствительно относится к принципу единогласия государств — постоянных членов Совета Безопасности?

Я отвечал сенатору:

— Даже ваше собственное отношение к Советскому Союзу, когда вы нагромождаете одну небылицу на другую по поводу нашей политики, дает нам дополнительное основание придавать важное значение порядку принятия решений в Совете Безопасности. Мы хотим исключить такое положение, когда Совет мог бы, располагая ошибочной тенденциозной информацией, принимать решения, направленные против Советского Союза. СССР имеет основания категорически настаивать на том, чтобы принятие подобных решений было исключено. Конечно, это должно быть исключено в отношении не только Советского Союза, но и других держав — постоянных членов Совета.

Потом стало известно, что об этой беседе Ванденберг проинформировал государственного секретаря США Стеттиниуса.

Тогда в беседах с Ванденбергом, да и с другими американскими представителями, в связи с вопросом о принципе мирного сосуществования возникал и производный вопрос:

— Почему Советский Союз при обсуждении вопросов, непосредственно его касающихся, не может положиться на объективность других членов Совета Безопасности?

Приходилось разъяснять сенатору:

— По вполне понятным причинам. Западные страны —

постоянные члены Совета будут тяготеть одна к другой, и их солидарность будет выражаться в дружном голосовании против Советского Союза. А разве это не путь к обострению ситуации вплоть до принятия в Совете крайних мер? Но ведь главная задача создаваемой всемирной организации — не допустить войны и обеспечить мир. Именно к этой цели должны стремиться все великие державы, несмотря на различия в их общественном строе.

Авторитет Рузвельта и его администрации, а главное — роль Советского Союза в войне и победе над фашизмом привели к ялтинской договоренности о так называемом «вето», иначе говоря, к принятию принципа единогласия пяти держав.

Жизненная сила принципа мирного сосуществования

Мирное сосуществование государств с различным общественным строем нашло свое выражение еще в ленинском Декрете о мире. Если в истории бывают события-исполины, то таковым является Октябрьская революция. Она в порядок дня международных отношений вписала принцип мирного сосуществования стран с различным общественным строем. Мир и мирные отношения между странами — к этому в Декрете о мире призвала Советская республика другие государства.

И еще один пласт истории — Генуя.

Уместно вновь обратиться к событиям, связанным с проходившей более шести десятилетий назад Генуэзской конференцией — первым международным форумом, на который получило доступ Советское государство. Ленин определил для конференции такие директивы, которые исходили из необходимости иметь нормальные деловые отношения с капиталистическими странами. Какой прозорливостью обладал вождь пролетариата, когда в условиях происходивших в мире гигантских социальных изменений наметил на длительный период генеральный курс отношений Страны Советов с капиталистическим миром!

Во многих своих работах Ленин не раз возвращался к принципу мирного сосуществования, разносторонне освещая и разъясняя его. Иногда он употреблял термин «мирное сожительство», однако смысл оставался один — существуют необходимость и объективные возможности для мирных отношений между Советским государством и окружавшим его капиталистическим миром.

В июне 1920 года, при Ленине, во время обсуждения внешней политики Советской России на заседании ВЦИК Чичерин заявил:

— Мы хотим, чтобы нам не мешали развиваться так, как мы желаем, строить в мире наше новое, социалистическое общество. Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все и тем не менее на нас натравливают все новых и новых врагов. Наша политика есть политика мира, но она не есть политика капитуляции.

И далее:

— Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были.[30]

Рассматривая итоги социалистической революции и гражданской войны в России, Ленин в ноябре 1920 года подчеркнул, что

в жизни Советского государства наступила новая полоса, в течение которой его существование будет проходить в «сети капиталистических государств».

— Мы, — говорил он, — отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами… [31]

Отношения СССР и США, всех стран социализма и капитализма в семидесятых годах знали период разрядки и взаимовыгодного сотрудничества. А принцип мирного сосуществования в те годы стал все более учитываться де-факто.

В этот период было найдено решение ряда проблем. В отношениях между странами, принадлежащими к различным социально-экономическим системам, получили развитие политические контакты. Между странами были заключены известные договоры и соглашения. Положение о мирном сосуществовании из документа об основах взаимоотношений между СССР и США 1972 года, о котором говорится выше, по существу было воспроизведено и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В Женеве в ноябре 1985 года СССР и США объявили, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей.

Однако же политика Вашингтона, которая проводится в действительности, находится в противоречии и с документом 1972 года, и с женевской договоренностью 1985 года.

Много раз приходилось убеждаться в попытках извратить суть тезиса о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем. Бывало так: беседуешь с деятелем капиталистического государства. Собеседник заверяет, что его правительство желает мира, оно только и думает о мире.

А затем следуют заявления вроде:

— Однако мою страну, да и мир в целом, подстерегают опасности ввиду самого факта существования социализма с его учением и доктринами.

Подобные доводы повторяются и по сей день.

Если проанализировать год за годом весь послевоенный период, то нетрудно заметить, что ведущие капиталистические государства Запада упорно избегали принятия на себя и в одиночку, и коллективно обязательства не прибегать к силе при возникновении разногласий и конфликтных ситуаций со странами другой социальной системы.

Когда по предложению Советского Союза либо по совместному предложению стран Организации Варшавского Договора возникал вопрос о заключении соглашения о неприменении силы в отношениях между государствами, то со стороны государств НАТО поступал, по существу, отрицательный ответ либо вообще не следовало никакой реакции.

Главным доводом стран, отказывавшихся принять наше предложение, являлось обычно утверждение о том, что достаточно Устава ООН, который обязывает государства прилагать усилия к тому, чтобы все споры и разногласия между ними решались мирным путем. Это уставное положение, на принятии которого в свое время настаивал Советский Союз, разумеется, является достижением в международной жизни. Но этого сейчас недостаточно.

Ныне при наличии ядерного и других видов оружия массового уничтожения признание и соблюдение принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем особенно важно.

От времен Генуи до наших дней пролегла огромная дистанция. Но принцип мирного сосуществования двух общественных систем не только не потерял своего значения — он приобрел еще большую силу, еще больший вес в международной жизни.

Глава XVIII
ОТДЕЛЬНЫЕ ШТРИХИ К ЗНАКОМЫМ ПОРТРЕТАМ

Вместе с Гагариным в зале ООН. Шолохов в США. Борис Ливанов. Довженко: режиссер-философ. «Александровы». Беседы во время прогулок. Картинки из жизни Павла Корина. Слово Пастернака. Яркая личность. Выдающийся артист.

На моем жизненном пути наряду с государственными и политическими деятелями встречалось немало людей, прославившихся в различных областях культуры и науки. Кое о ком из видных зарубежных представителей культуры я уже написал. Хочу рассказать о некоторых советских.

Естественно, я не берусь давать подробную характеристику ни их судьбы, ни творчества. Все, о чем скажу, будет лишь штрихами к знакомым портретам уже давно знаменитых моих современников.

Вместе с Гагариным в зале ООН

В жизни дипломата за рубежом тоже бывают неожиданные ситуации, из которых надо мгновенно искать выход. Так, например, случилось и со мной, когда был запущен первый советский искусственный спутник Земли.

В Нью-Йорке шел какой-то очередной дипломатический прием. Вдруг в зал с шумом ворвались несколько корреспондентов. Они задавали всем один и тот же вопрос:

— Где советский представитель? Где Громыко?

Вскоре я оказался в плотном кольце журналистов, которые «простреливали» меня вспышками фотоламп и спрашивали одно и то же:

— Мистер Громыко, что вы можете сказать о запуске вашего спутника?

Честно сознаюсь, я ничего об этом еще не успел услышать, так как само сообщение по радио было передано, когда я находился уже на приеме. Но, конечно, нельзя было подавать вида, что меня застали врасплох. Больше того, я старался получить для себя хоть какую-нибудь информацию из их настойчивых вопросов-выкриков. И пока стоял, поворачиваясь и так и эдак перед толпой суетящихся фотокорреспондентов, я узнал, что только что в Москве объявлено о запуске первого в мире искусственного спутника Земли. Стараясь быть как можно более спокойным, я сообщил корреспондентам свое мнение по этому поводу:

— Я считаю это большим достижением советской науки и техники, всего советского народа.

Корреспонденты закидали меня вопросами:

— Как давно Советский Союз готовился к этому?

— Когда вы получили сообщение о том, что будет запущен этот спутник?

— Как долго он будет летать?

Вопросы следовали один за другим. Множество обращений ко мне требовало немедленного ответа. Конечно, они хотели получить как можно больше информации, а я делал вид, что мне кое-что известно, но пока я им об этом сообщить не могу. И вдруг один из них выпалил:

— А когда советский человек полетит в космос?

Этот вопрос был, что называется, с подвохом. Я решил на него ответить так:

— Когда полетит, то об этом будет сразу же объявлено.

Я и не предполагал, что это случится через четыре года. Он

полетел. Звали его Юрий Гагарин.

Получилось так, что с Юрием Гагариным мне пришлось близко познакомиться опять-таки в Нью-Йорке. Он находился в зените славы, о нем уже знал весь мир. Со всех концов планеты ему в Москву прибывали приглашения посетить ту или иную страну. Уже совершили к тому времени свои полеты в космос и Титов, и Быковский, и Терешкова.

Юрий Гагарин и Валентина Терешкова прибыли в Нью-Йорк пролетом из Мексики в октябре 1963 года и остановились там всего на два дня. С ними был Герой Советского Союза генерал Н. П. Каманин.

В советском представительстве при ООН мы встретились в тесном дружеском кругу и говорили о полете Юрия Гагарина, который он совершил за два года до этого, и о полете в космос Валентины Терешковой, которая совершила свой героический подвиг за несколько месяцев до прилета в Нью-Йорк.

Их имена тогда были на первых страницах американских газет.

Во время беседы я обратился к нашим прославленным космонавтам:

— А что, если вы выступите на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи в связи с обсуждением вопроса о запрещении вывода на орбиту объектов с ядерным оружием на борту?

— Да как-то неловко, Андрей Андреевич, — сказал Юрий Гагарин. — Это же все-таки Генеральная Ассамблея.

— Ничего страшного, — парировал я. — Выступления будут короткими. Каждый из вас сегодня вечером сядет и приведет свои мысли в порядок. А я могу помочь советом.

Было видно, что это предложение несколько озадачило наших гостей. А я еще «подлил масла в огонь»:

— И вам обязательно нужно в Нью-Йорке провести пресс-конференцию.

Юрий Гагарин и Валентина Терешкова в тот вечер долго не ложились спать, усердно готовились к своим выступлениям. В общем, можно сказать, что космонавты подключились к «дипломатической работе».

На следующий день мы приняли участие в завтраке, устроенном по случаю приезда космонавтов, который был дан в помещении советского представительства при ООН. Народу здесь собралось немного: только наши дипломатические работники. Рядом со мной — Гагарин и Терешкова. Глядя на своего соседа, я понял справедливость выражения, которое услышал от кого-то из наших представителей незадолго до прилета гостей:

— Гагарин путешествует по свету не один, а вдвоем со своей гагаринской улыбкой.

Действительно, те, кто посылал первого человека в космос, очень удачно сделали выбор. Он оказался не только тем, кто продемонстрировал свой сильный характер, мужество, решительность, героизм, которые выявились с особой силой в день его подвига. Нет, не только героем-космонавтом! Те, кто подбирал Гагарина в полет, как бы предвидели, что уже потом, выезжая в зарубежные страны, он окажется прекрасным дипломатом, человеком, который с огромным достоинством будет представлять нашу страну за рубежом. Если бы кто-либо изобрел такой инструмент, который измерял бы отвагу, то, я думаю, Гагарин своим подвигом выбил бы стрелку показателей за шкалу измерений.

До встречи с ним я читал в печати о том, что он интересный собеседник. В разговорах с ним убедился в этом лично. Он мог поддержать беседу на разные темы. Но когда заходила речь о космосе, то здесь все прислушивались к нему — человеку, который первый оттуда посмотрел на Землю. Я знал, что он пользуется большим уважением среди своих товарищей-космонавтов, — и было за что. Во время нашей беседы он говорил о них, о тех, кто уже летал в космос и кто собирался лететь, говорил о том, как трудно попасть в отряд космонавтов, какую сложную подготовку приходится проходить всем, кого зачислили в этот отряд. Запомнилась его фраза:

— У нас много хороших, подготовленных специалистов — вы о них еще услышите.

Нас было всего десятка полтора на той встрече, и все, кто говорил за столом, подчеркивали значение его полета, его подвига, а он, как и Валентина Терешкова, вел себя скромно, тактично, спокойно, благодарил за встречу. Потом, после какого-то очень уж восторженного выступления в его адрес, сказал:

— Этот полет прославляет не мое имя, а имя страны.

В этом присутствовали и гагаринский такт, и гагаринская скромность.

— Как видите, он у нас дипломат, — сказал по этому поводу генерал Каманин.

В тот же день Валентина Терешкова и Юрий Гагарин по приглашению генерального секретаря ООН У Тана посетили штаб-квартиру Организации Объединенных Наций. Задолго до их прибытия у главного входа в ООН собралось множество корреспондентов газет, радио, телевидения, сотрудники ООН, группы туристов. Аплодисменты и возгласы приветствий, вспышки блицев встретили Юрия Гагарина и Валентину

Терешкову.

Затем мы вместе с гостями и в сопровождении заместителя генерального секретаря ООН В. П. Суслова прошли в зал пленарных заседаний и заняли места в ряду советской делегации.

Открывая заседание, председатель XVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель Венесуэлы Карлос Соса-Родригес сообщил делегатам:

— В нашем зале сегодня присутствуют советские космонавты — подполковник Юрий Гагарин и Валентина Терешкова.

Зал в тот момент заполняли не только делегаты. Сюда пришло немало журналистов, узнавших об этом событии заранее. Много людей находилось и на галерее для гостей. Вспыхнула овация.

— Я приглашаю советских космонавтов пройти сюда к местам председателя Ассамблеи и генерального секретаря ООН, — сказал Соса-Родригес.

Гагарин и Терешкова поднялись на платформу, рядом с которой сидят председатель Ассамблеи, генеральный секретарь ООН и другие должностные лица Организации. Зал встал и снова бурными аплодисментами приветствовал советских героев. Потом раздались возгласы:

— Пусть скажут несколько слов.

— Терешкова — на трибуну!

— Гагарин — на трибуну!

Им пришлось подчиниться. Первой вышла на трибуну Валентина Терешкова. Она говорила с того места, откуда выступают президенты, премьеры, министры иностранных дел. Сказала кратко, но емко несколько слов о Стране Советов, которая посылает людей в космос во имя его мирного исследования, для блага всех людей.

Так же кратко выступил и Гагарин, снова бурно и тепло встреченный залом.

В тот день на утреннем пленарном заседании Генеральная Ассамблея приступила к обсуждению вопроса о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Выступая на заседании, постоянный представитель СССР при ООН Н. Т. Федоренко подчеркнул, что отсутствие Китайской Народной Республики не только подрывает авторитет Организации, наносит ущерб ее нормальной деятельности, но и затрудняет выполнение задач, которые стоят перед этим международным форумом. Советская делегация теперь, как и всегда в прошлом, заявил представитель СССР, выступает за безотлагательное восстановление прав КНР в ООН. Он призвал все государства поддержать восстановление законных

прав КНР в Организации Объединенных Наций.

Затем советские космонавты осмотрели здание ООН. На тридцать пятом этаже их тепло приветствовали сотрудники секретариата Организации, дипломаты, технические работники секретариата. Все стремились пожать руки Юрию Гагарину и Валентине Терешковой, попросить у них автограф. Ни на один шаг не отставали от них корреспонденты и фоторепортеры.

К космонавтам подошел секретарь Комитета ООН по космосу Абдель Гани (ОАР) и вручил им на память рабочий журнал комитета, в котором зарегистрированы запуски всех искусственных спутников и кораблей, управляемых космонавтами, в том числе тех, на которых летали Гагарин и Терешкова.

Потом советских гостей пригласили осмотреть зал заседаний Совета Безопасности. В этот момент там находилось несколько групп американских школьников, которые пришли на экскурсию. Радостными возгласами, аплодисментами мальчики и девочки встретили легендарных людей — советских первооткрывателей космоса. Осмотр здания ООН проходил в стремительном темпе, ведь космонавтов уже ждали многочисленные представители печати, радио и телевидения, аккредитованные при Организации. Журналисты, освещавшие работу ООН, встретили гостей дружными аплодисментами. А потом космонавты провели пресс-конференцию.

Не помню, чтобы в Америке какая-либо встреча с прессой собирала столько представителей печати, радио и телевидения. Зал был буквально набит битком. Создавалось такое впечатление, что в нем находились журналисты, не только аккредитованные при ООН, да и вообще не только журналисты. Действительно, появление наших космонавтов в Нью-Йорке явилось для всей страны, несомненно, очень важным событием.

Вот только некоторые вопросы журналистов и ответы на них Юрия Гагарина.

— Возможно ли американо-советское сотрудничество в изучении космического пространства?

— Такое сотрудничество возможно, и оно может осуществляться, в частности, путем обмена научной информацией, путем создания международной системы связи и слежения за космическими кораблями, оказания помощи космонавтам, приземлившимся на территории других стран, в совместном изучении метеорологической обстановки и разными другими путями.

— Не означает ли появление советских морских судов в некоторых районах Мирового океана, что в ближайшее время

будет произведен новый запуск космического корабля?

— О запуске космических кораблей следует судить не по морским судам, которые плавают во всех частях света, а по сообщениям ТАСС, которые сразу же дают знать о всех запусках.

— Как вы расцениваете резолюцию о запрещении вывода в космическое пространство объектов с ядерным оружием, которая сейчас обсуждается в ООН?

— Я был бы очень рад, если бы на эту тему было заключено соглашение, и уверен, что все советские космонавты горячо поддержали бы его. Для нас, космонавтов, оно очень важно. Запрещение ядерных испытаний в космосе и запрещение вывода на орбиту объектов с ядерным оружием устраняют опасность радиации, а следовательно, и угрозу для космических полетов. Если бы в космическом пространстве оказалось ядерное оружие, над человечеством навис бы дамоклов меч, который мог бы в любую минуту опуститься. Вот почему я думаю, что совершено очень важное дело для всех нас, для народов, для улучшения международной обстановки. Мы приветствуем это внесенное по инициативе Советского Союза предложение.

Как раз в этот момент в соседнем зале Первый комитет Генеральной Ассамблеи единодушно, без голосования, принял резолюцию, запрещающую вывод на орбиту объектов с ядерным оружием.

Во время той же пресс-конференции журналисты попросили Валентину Терешкову поделиться своими впечатлениями о пребывании на Кубе, где она побывала незадолго до приезда в Нью-Йорк. Она рассказала:

— На меня, естественно, произвели тяжелое впечатление результаты огромного стихийного бедствия, постигшего эту страну, — урагана, свирепствовавшего над Кубой четверо суток. Он уничтожил урожай, тысячи жилищ, унес немало человеческих жизней. Сейчас народ делает все, чтобы помочь пострадавшим. Все мои симпатии на стороне кубинского народа.

После посещения штаб-квартиры ООН советские космонавты совершили поездку по Нью-Йорку, а вечером их принял генеральный секретарь ООН У Тан. После беседы с космонавтами он устроил в их честь прием, на котором присутствовали члены генерального комитета Ассамблеи, члены Комитета ООН по космосу, посол СССР в США А. Ф. Добрынин. У Тан подарил Гагарину и Терешковой альбом почтовых марок, посвященный освоению космоса и выпущенный Организацией Объединенных Наций.

Резолюция Генеральной Ассамблеи о невыводе в космическое пространство объектов с ядерным оружием была документом

большого значения. Он родился в результате советско-американских переговоров, состоявшихся в те недели в Нью-Йорке при участии английского министра иностранных дел и в Вашингтоне.

В своей резолюции Генеральная Ассамблея ООН приветствовала выраженное СССР и США намерение не размещать в космическом пространстве любые объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения. Это намерение представители СССР и США вновь подтвердили перед лицом всех членов ООН на заседании Политического комитета, который рассмотрел советское и американское заявления как торжественные декларации.

Поскольку к тому времени только две страны — Советский Союз и США — проникли в космос и располагали потенциальными возможностями вывода на космическую орбиту ядерного оружия, их декларации практически должны были гарантировать, что космическое пространство не будет плацдармом для ядерного конфликта.

Резолюция Генеральной Ассамблеи не ограничивалась этим. Она содержала торжественный призыв ко всем государствам воздерживаться от вывода на орбиту вокруг Земли любых объектов с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения, установки такого оружия на небесных телах или размещения такого оружия в космическом пространстве каким-либо другим образом.

Тогда считалось, что сделан еще один шаг на долгом и сложном пути смягчения международной напряженности. Трудно, вероятно, было выбрать лучшее время для приема советских героев космоса, чем день, когда ООН торжественно провозглашала, что космическое пространство должно служить только мирным целям.

— ООН подготовила Валентине Терешковой и Юрию Гагарину хороший подарок, не правда ли? — спросили гостей.

Юрий Гагарин ответил:

— Мы с удовольствием принимаем этот подарок.

Покидая штаб-квартиру ООН, Юрий Гагарин и Валентина Терешкова сделали официальное заявление:

— Мы благодарны генеральному секретарю ООН господину У Тану за любезное приглашение посетить Организацию Объединенных Наций. Нас тронул теплый прием, оказанный нам делегатами XVIII сессии Генеральной Ассамблеи. Мы были в ООН в будничный рабочий день и могли убедиться, сколько сил и энергии отдают представители более чем ста стран решению важных международных проблем. Желаем делегатам сессии

Генеральной Ассамблеи и всем сотрудникам крупнейшей международной организации новых успехов в почетном и трудном деле укрепления мира и безопасности на Земле.

Более двадцати лет прошло с тех пор, как жестокий случай вырвал Ю. А. Гагарина из наших рядов. Но все равно он незримо всегда рядом с нами со своим добрым взглядом и неповторимой улыбкой.

Уже немало монументов воздвигнуто в честь подвига Юрия Гагарина в Москве и в других городах. Отцы воспитывают сыновей на примере его жизни. И чем дальше уходит от нас день 12 апреля 1961 года, когда первый человек вырвался в космос, тем большая слава будет сопровождать его имя, тем больше легенд будет вокруг него возникать.

А мы, его современники, будем гордиться тем, что знали его живым…

Герой-космонавт обладал ценнейшими качествами ученого, дипломата, патриота-коммуниста, преданного делу партии и народа.

Шолохов в США

В той памятной поездке по США, в сентябре 1959 года, мне практически каждый день приходилось общаться с Михаилом Александровичем Шолоховым. Он входил в состав советской делегации и должен был участвовать в мероприятиях, связанных с ее пребыванием в США.

Автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» признали маститым писателем еще в его сравнительно молодые годы, а к дням нашего пребывания в США он пользовался мировой славой.

Конечно, он жадно присматривался ко всему, что попадало в его поле зрения.

— Интересно? — спросил я его как-то, заметив, что он пристально вглядывается в толпу американцев, которые вышли встречать делегацию.

— Любопытно, — ответил он.

— А поможет эта поездка, Михаил Александрович, вам, как писателю, в смысле творческих находок? — поинтересовался я.

— Не думаю, — сказал он. — Для моей работы она вряд ли пригодится. И ничего в ней не прибавит. Мир моих персонажей — это Дон, родная сторона, мои станицы и города. Я там родился, рос, воспитан. С теми местами я и связан навек. Но поездка в целом интересная. Посмотреть свет надо. Я ведь впервые в Америке.

Потом задумчиво добавил:

— А писать о ней я не собираюсь.

Видимо, он, как художник, на многое обращал внимание и многое замечал не так, как другие.

— Наблюдая, — говорил он, — у меня создается такое впечатление: большинству из них все равно, что происходит вокруг. Кажется, упади я сейчас вот тут на улице — так никто, если не узнает, что я иностранец, не подойдет, не поможет, не спросит, что случилось. Буду я лежать поперек тротуара, и никто не поинтересуется, что со мной: с сердцем плохо или, может, что еще. Не только врача, но и полицейского не позовет. Что, не так?

— Вы правы, Михаил Александрович, на сто процентов, — заметил я. — Таких сцен и в Нью-Йорке вы увидите немало. Можно там столкнуться и со многим другим. Посмотрите, сколько в Америке нищих, просящих подаяние. Да не просто стоят с протянутой рукой — так нельзя, иначе полицейский заберет в кутузку. А под видом «работы»: один играет на скрипке, другой что-то рекламирует с вывеской на спине, третий кривляется перед толпой зевак, четвертый рисует на асфальте. И

каждый с коробкой или шапкой: подайте, заплатите, бросьте монетку.

— Это общество создано богачами и для богатеев, — сказал он. — Оно не может отвечать тем великим идеалам добра, к которым рабочий люд стремится на протяжении многих веков. Сегодня один не подаст руку помощи другому, а завтра — другой, исходя из той же черствости. Что же получится в итоге?

Говорил Шолохов это в конце пятидесятых годов. Тогда США чувствовали себя еще уверенно в ООН, работал смазанный американскими долларами механизм «машины голосования». А ныне? Все чаще США при голосовании остаются в одиночестве. От них иногда отворачиваются даже союзники, не говоря уже о других странах.

Это ли не доказательство того, что опасный курс пренебрежения интересами других народов ведет в политические тупики?

Конечно, тогда Шолохов говорил об этом, наблюдая факты того времени. Меткий глаз знатока человеческой души подмечал характерное.

— Нет, не наш это путь, — несколько раз за время поездки по Штатам повторил Шолохов, сталкиваясь со многими неожиданностями в американской жизни.

В ходе поездки бывали и забавные случаи. Один из них произошел во время посещения фермы Росуэлла Гарста в штате Айова. На поле, куда хозяин пригласил гостей, чтобы показать, как выращивается кукуруза, собралось столько журналистов, что они мешали Гарсту делать то, что он задумал. Хозяин вышел из себя и начал кидать в них увесистыми початками.

Эта веселая сцена, однако, не изменила ничего в тоскливом настроении Шолохова в тот день. Он, человек, хорошо знавший казацкую станицу и крестьянский быт, явно скучал в этой американской глубинке.

— Поскорей бы в какой-нибудь город, — говорил он. — Чего мы не видели у полукулака-полупомещика Гарста, хотя он и неплохой человек.

Шолохов ставил своей задачей ознакомиться прежде всего с американской культурой, а связанного с ней в программе было не так уж много.

У Гарста меня тронула одна полученная в адрес нашей делегации телеграмма, и я поделился своим мнением о ней с Шолоховым. Дело в том, что Гарст вместе со своим партнером владел крупной компанией, производящей гибридные семена кукурузы. Компания «Гарст и Томас», в свою очередь, входила в состав крупнейшей в стране семеноводческой фирмы «Пайонир»

(«Пионер»), которая специализировалась на выращивании семян гибридных сортов кукурузы, а также породистых кур и свиней. Организатором этой компании был бывший вице-президент США Генри Уоллес, на ферме которого я в свое время гостил.

Каково же было мое удивление, когда Гарст показал телеграмму от Уоллеса! Бывший вице-президент в ней приветствовал приезд нашей делегации в Айову, родной штат Уоллеса, и желал успехов предстоявшим переговорам между делегациями двух стран.

Я рассказал Шолохову, как несколько лет назад видел вице-президента-фермера, выращивающего цыплят в своем хозяйстве неподалеку от Нью-Йорка. Шолохов тоже подивился этому — реакция была приблизительно такой же, как и у меня на ферме Уоллеса.

— Где и как можно почувствовать дыхание культуры страны? — этот вопрос занимал Шолохова в дни поездки.

В одном из разговоров он сказал:

— В области техники здесь достижения есть, и немалые. Именно те, кто ею занимается и владеет, чаще всего становятся миллионерами. И растут как грибы после теплого дождя такие боссы. Их тысячи. Не так ли? А в области культуры пока я видел сплошное развлекательство. Где же та подлинная гуманистическая культура, которая только и должна отвечать интересам народа? Неужели она — это тот «канкан», который показали нам в Голливуде? Хоть бы постеснялись…

Действительно, во время визита нашей делегации в Голливуд, а мы были там на студии «XX век Фокс», группа полуобнаженных существ кривлялась, изображая что-то вроде танца. Неловко себя чувствовали и мы, и неловко было за них, которых кто-то выставил именно с этим «номером» перед советской делегацией.

Там же, в Голливуде, у Шолохова состоялся любопытный диалог с американским постановщиком Карлтоном Хестоном. Тот, видимо, желая угодить советскому писателю, сказал:

— Знаете, я читал отрывки из ваших произведений.

— Я вам за это признателен, — с добрым юмором ответил Шолохов. — Когда ваши постановки дойдут до нас, я обязательно посмотрю отрывки из них!

В один из последних дней поездки он провел некоторое время у экрана телевизора и сделал категорический вывод:

— Если здесь сидеть у телевизора, то можно сдуреть! Общий вывод из этой поездки у него получился однозначный.

Он сказал мне о нем уже на обратном пути:

— Не знаю, как в отношении высокой политики, которой

занимаетесь вы, но что касается области культуры, то нам у американцев учиться нечему!

В ответ я заметил:

— И в области высокой политики пока, пожалуй, тоже нечему. Шолохов во время поездки вел себя чрезвычайно скромно, а сами американцы, да и средства массовой информации США, полностью занятые освещением тех событий и лиц, которые, на их взгляд, казались более важными, на него не обращали особого внимания. У меня сложилось весьма определенное мнение уже давно: американцы в массе читают мало, если сравнивать их, скажем, с европейцами, а отсюда и проистекает их отношение к писателям, даже знаменитым.

«Звезда» кино, телевидения или спорта — вот тема для сенсации и соответственно подробного освещения в печати, на телеэкране или в радиопередаче. А писатель — это что-то «не совсем то», не крайне необходимое.

Шолохов сдержал слово. Насколько мне известно, он ничего не написал о той поездке по США.

Борис Ливанов

У меня перед глазами стоит мощная фигура одноглазого князя Потемкина Таврического. Эту роль в фильме «Адмирал Ушаков» сыграл артист МХАТа Борис Николаевич Ливанов.

Он снялся более чем в тридцати кинокартинах, и все-таки думаю, что для него это не так уж много. А жаль! Когда смотришь на него в кино, то кажется, он был рожден, чтобы не сходить с экрана.

Великолепно звучал повелительный, но не резкий, несколько приглушенный голос всесильного царедворца. Высокое положение Потемкина в обществе, а на протяжении определенного периода и положение фаворита российской самодержицы Екатерины II получило достаточное отражение и в исторической науке, и в художественной литературе. Ливанов вывел этот образ на всесоюзный экран.

Борис Николаевич сказал мне как-то:

— Я не сразу дал согласие сыграть Потемкина в кино. Когда этот вопрос возник, то я стал «глотать» литературу о Потемкине. Особенно хотел узнать, как он выглядел внешне. Приходилось устраивать даже как бы домашние репетиции с участием Потемкина — Ливанова. Аудитория, которая это наблюдала, состояла из одного человека — того же Ливанова, но перед зеркалом. Когда у меня появилось внутреннее убеждение, что образ может получиться, я согласился на эту роль. Особенно воодушевило то, что мои друзья и знакомые меня поддержали.

Конечно, трудно себе представить Ливанова — Потемкина в какой-либо лирической сцене с российской царицей. Но за этим режиссура явно не гналась. И хорошо сделала. Ливанов спрашивал меня:

— Андрей Андреевич, нравится ли вам, как я играю Потемкина в фильме «Адмирал Ушаков»?

С таким же вопросом он обращался и к другим нашим общим знакомым. Его это очень интересовало. На этот вопрос я ответил так:

— Очень нравится! Именно таким я себе и представлял Потемкина в жизни. Если чего и не хватало на экране, так это разбитых бутылок из-под спиртного да драк на дуэлях. Но ведь картина-то не о гусарских нравах, следовательно, этот «недостаток» объясним.

За игрой Ливанова на сцене МХАТа я наблюдал несколько раз. У меня сложилось твердое убеждение, что некоторые спектакли на своих плечах «вывозил» он.

Вот конкретно всего лишь несколько слов о моем впечатлении от спектакля «Ломоносов». Гигант — ученый, поэт и философ — вполне подходящая историческая личность для того, чтобы ее сыграл Ливанов. И он ее сыграл. И как прекрасно сыграл! Он же был и режиссером этого спектакля.

Однако мне думалось, что его режиссерский потенциал находился явно ниже актерского. Пьеса была перегружена эпизодами, в которых лабораторные работы, какие-то опыты составляли чуть ли не главное. Доносился лязг металла, работали какие-то станки, словом, на сцене преобладала не художественная, творческая атмосфера, а какая-то полупроизводственная. Зритель так и ожидал, что из станка вот-вот начнет вылетать что-то металлическое: гайки либо шурупы. Было заметно, что замыслы у режиссуры были самые благородные, но не было учтено в достаточной мере, что зритель, придя в театр, надеется отдохнуть душой, хочет испытать облагораживающее воздействие сцены на его мысли и чувства. За это и готов одарить артиста или артистку дружными аплодисментами.

Конечно, зал театра зрители заполняли. Были и аплодисменты, и цветы, но ощущался все же и недостаток того, что считается специфическим магнетизмом театра. Публику ведь невозможно обмануть.

У меня осталось определенное впечатление, что Ливанов понимал, что его замысел «Ломоносова» имел известные изъяны.

Это было видно хотя бы уже из того, что о спектакле «Ломоносов» он говорил нечасто. Он также не поддерживал беседу, когда о спектакле пытались завести разговор другие.

Он получил высшее актерское образование, но в беседах с ним не ощущалось профессиональной односторонности. Человек большой эрудиции, он много читал и мог обсуждать самые разные проблемы науки и культуры.

Мне всегда казалось, что он по своему характеру лучше всего подходил бы к исполнению ролей, в которых находит проявление бесшабашная удаль, бунтарство, непокорность полицейщине, протест против затхлой, тоскливой жизни российского общества при царях и царицах. Да собственно в какой-то степени и образ Потемкина, и образ Ломоносова отвечали этой естественной склонности выдающегося артиста.

Работать ему приходилось не только со Станиславским и Немировичем-Данченко, не только со своими партнерами по МХАТу — крупнейшими актерами нашей эпохи Качаловым, Москвиным, Леонидовым, Тархановым, Грибовым, Тарасовой, Андровской, но и с корифеями советского кино — Всеволодом

Пудовкиным, Александром Довженко, Сергеем Эйзенштейном. Постоянные контакты с ними, несомненно, обогащали талантливого артиста театра и кино.

В личном общении Ливанов был душевным человеком, так же как и его супруга Евгения Казимировна. Мы с Лидией Дмитриевной с удовольствием вспоминаем приятные вечера в их обществе, как дома у Ливановых, так и у нас. Вспоминаем мы, что при встречах дома у Ливановых иногда присутствовал и серьезный, степенный мальчуган — их сын Василий, который впоследствии сам стал крупным артистом театра и кино.

Жаль, что ушел из жизни выдающийся артист Борис Николаевич Ливанов. Нет, не случайно Станиславский в его адрес написал проникновенные строки: «Вы один из тех, о котором я думаю, когда мне мерещится судьба театра в небывало прекрасных условиях для его расцвета — в нашей стране».

Довженко — режиссер-философ

Свела меня судьба как-то с человеком яркого и светлого таланта, беседы с которым доставляли удовольствие. Был он не только прекрасным мастером своего дела, художником огромного дарования, специалистом в области кино, но и по-настоящему крупным философом искусства.

Звали его Александр Петрович Довженко. Первый раз я встретился с ним у Бориса Николаевича Ливанова. Уютно устроившись на диване, вели мы разговор вроде бы о кино, но мой собеседник все время уходил в сторону от этой темы, говорил и о связи искусства с жизнью, и о своей непростой судьбе.

— А мы с вами, Андрей Андреевич, в некоторой степени — коллеги, — сказал, хитро прищурившись, Александр Петрович Довженко.

И потом, чтобы развеять мое недоумение и удивление, он почти без паузы продолжил:

— Я ведь в молодости некоторое время работал на дипломатической службе. Принимал меня на нее старый подпольщик, юрист с дипломом Сорбонны, нарком по иностранным делам Украины Дмитрий Захарович Мануильский.

Тут уж я не выдержал и обрадованно спросил:

— Как? Вы знаете Мануильского? Это крупная фигура в нашей революционной истории. Был одним из организаторов Кронштадтского и Свеаборгского восстаний матросов и солдат в 1906 году. Потом участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Являлся членом Петроградского ревкома. А мне довелось с ним работать бок о бок в Сан-Франциско при создании ООН. Он и сейчас министр иностранных дел Украины.

— Да, все это так, — подтвердил Довженко. — Это тот же Дмитрий Захарович, который принимал меня, молодого парня, в начале двадцатых годов в Наркоминдел Украины. А приехал я в Харьков, где в ту пору находилась столица Украины, из Киева с должности секретаря губотдела народного просвещения и заведующего отделом искусств в губкоме. Кроме того, я являлся еще и комиссаром киевского театра имени Шевченко.

— С чего же начиналась ваша дипломатическая деятельность? — поинтересовался я.

— Тогда раскачиваться не давали, — ответил он. — Меня сразу направили в Польшу, и я стал работать в русско-украинско-польской репатриационной комиссии по обмену

военнопленными. А через год меня перевели в Берлин — стал секретарем генерального консульства УССР в Германии.

— Как же вы ушли с дипломатической работы в искусство? — спросил я.

— История эта необычна, — заговорил он. — Дело в том, что я с детства тянулся к изучению живописи. Всегда понемножку, когда выдавалась свободная минутка, рисовал. И вот в Берлине после работы все вечера стал проводить на студии «Кюнстлерхильфе», что по-русски значит «Помощь художникам». Там, в рабочем районе Веддинг, я проводил долгие часы у мольберта. Такая одержимость не могла быть незамеченной, и консул предоставил мне длительный отпуск, даже помог получить стипендию Наркомпроса Украины. Положили мне сорок долларов в месяц, и я целиком отдался учению. Занимался в студии профессора Эккеля — известного берлинского экспрессиониста. И хотя я числился все еще на дипломатической службе, но понял, что дипломат из меня вряд ли получится.

— Что же было потом?

— А потом я вернулся в Харьков, чтобы продлить стипендию и поступить в Берлинскую академию художеств, о чем уже предварительно договорился. Да не вышло. Революционное восстание гамбургских докеров дало повод германским властям раздуть антисоветскую кампанию. В этих условиях о возвращении в Германию думать было нечего. И потому Мануильский собирался послать меня куда-то в Кабул. А я уже стал художником-карикатуристом в республиканской газете. Считал, что нашел призвание.

— А как же Мануильский?

— Он видел, — ответил Довженко, — что у меня ни склонности, ни таланта к дипломатической работе нет. Говорил, правда, что это дело наживное. Но сам видел, что у меня ноги разъезжались в дипломатических делах, не тянуло меня к ним, — вот и отпустил. И выходит, что из дипломата я переквалифицировался в художника. Местная общественность знала уже меня под псевдонимом Сашко. Мои рисунки часто появлялись в газетах и журналах.

— А как же вы пришли в кино? — задал я ему вопрос.

— Очень просто. В 1926 году я вдруг понял, что надо пробовать себя не в статике, а в динамике: не в застывших картинках и рисунках, а в двигающихся. Через рисунки в те годы пришли в кино многие художники: Сергей Юткевич, Лев Кулешов, Григорий Козинцев. Я не составлял исключения. Собрал тогда чемоданчик, не сказал никому ни слова, купил билет в Одессу и поехал. Там, на Одесской студии, и родился Довженко-режиссер.

— И вы ни разу не пожалели, что бросили дипломатическую работу?

— Один раз пожалел, — сказал Довженко, — это было в 1926 году, когда услышал, что убит Теодор Нетте, советский дипкурьер. Я знал его лично. Мы с ним познакомились, когда он привозил дипломатическую почту в Берлин. Рассказывал мне о своей дружбе с Маяковским. А через некоторое время я прочитал стихи Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку». Потом и я сказал свое слово об этом событии.

— Каким образом?

— А я снял художественный фильм «Сумка дипкурьера». По жанру это был политический детектив. Рассказывалось в нем о том, как тяжелораненый дипкурьер за рубежом прыгает на ходу с поезда, доползает до будки путевого обходчика, показывает на свою сумку, в которой важные бумаги для Советского правительства, просит ее доставить по назначению и умирает. Сумка проходит через многие руки рабочих людей — друзей нашей страны и попадает по назначению.

Он оживился, когда вспомнил один из эпизодов съемки этого фильма.

— Сцену смерти большевика-дипкурьера в сторожке путевого обходчика мы снимали в павильоне Одесской студии. В тот день к нам на студию попросился министр иностранных дел Турции. Вот и пришлось снимать сцену смерти дипкурьера на глазах турецкого гостя. Он спросил: «Кто это умирает?» Я ответил: «Большевик». Министр решил меня похвалить: «Режиссер знает, как умирают смелые люди». Кстати, в том фильме и я сам сыграл роль судового кочегара, который спрятал сумку дипкурьера в куче угля. Вот так и почтил память дорогого товарища Нетте.

Кстати, — закончил он совсем тихо разговор на эту тему, — это была единственная роль, которую я сам сыграл в кино. А «Сумку дипкурьера» приняли хорошо.

В истории советской дипломатии действительно имел место факт, когда нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин встречался с турецким министром иностранных дел Тевфиком Рюштю-беем в Одессе. Случилось это 12–14 ноября 1926 года. В течение трех дней пребывания министра Турции советский нарком провел с ним ряд бесед.

— Я покинул Одессу, — вспоминал позднее Чичерин, — с чувством глубокого удовлетворения результатами состоявшегося свидания, и я с полной уверенностью могу утверждать, что и турецкий министр иностранных дел был глубоко удовлетворен нашей совместной работой в Одессе.

Жители города, местные власти оказали гостям

исключительное внимание. Показали даже, как проходят съемки новых фильмов на студии, или, как ее называли в те годы, Одесской кинофабрике.

Турецкий гость прибыл на крейсере «Явуз». Для его встречи в соответствии с военно-морскими традициями советская сторона выслала эсминец «Незаможник». А весь визит стал демонстрацией дружбы двух стран.

Была у Довженко редкая особенность, можно даже сказать, необыкновенный дар: он умел подбирать людей, создавать творческий коллектив единомышленников, которые любили работать подолгу и увлеченно. Они даже не работали, а вроде бы играли в большое взрослое кино. Во всей этой внешне казавшейся суетной большой группе все постоянно обсуждалось, дискутировалось. Так и называли его съемочную группу — «парламент Довженко».

А он сам, говорили, не стеснялся учиться у них, у тех, кто лучше знал свое дело: у осветителей, у операторов, у актеров.

— А откуда вы родом, Александр Петрович? — спросил я как-то.

— С Черниговщины. Там над Десной есть село Вьюнище. В семье казака-хлебороба Петра Семеновича Довженко я и родился.

— Так мы же с вами почти земляки, — я искренне почему-то обрадовался. — Я с Гомельщины, а реки от нас — Днепр и Сож — несут свои воды на Черниговщину.

Меня поразило тогда его умение связывать свои концепции воедино и излагать мысли не так, как это делают обычно деятели культуры, когда они хотят поразить собеседника, — в виде эдаких импрессионистских фраз, точных самих по себе, впечатляющих, но выражающих только одну какую-то идею. Довженко старался показать внутреннюю связь в явлениях, обобщал их. Для него важным было не внешнее проявление действий человека, а мотивы, движущие им, то есть главными были мысли, причины действий.

Такой подход ощущается и в его картинах. Мне казалось, когда я смотрел фильм «Земля», что эта лента является проявлением идеи: «люди, любите нашу землю». В этом, на мой взгляд, состояла главная мораль картины.

Если не по ходу любого фильма Довженко, то по его окончании зритель обязательно захочет поразмышлять, подумать, что хотел сказать людям режиссер этой картины. Тот, кто просматривал его киноленту, должен был либо соглашаться с концепцией автора, либо нет.

В беседах, которые мы вели, я замечал его манеру рассуждать как бы для себя и про себя. Он не навязывал своих мыслей, но

старался построить свои высказывания так, чтобы они обосновывали, объясняли, подкрепляли его разносторонние суждения по поводу какого-то положения.

Я почему-то сравнивал Довженко и Ливанова. Вероятно, потому, что видел их вместе, а они оба представляли наше искусство — и театр, и кинематограф. Внешне они были очень непохожими людьми. Довженко — среднего роста, подтянутый, эмоциональный, а рядом был огромный, внешне спокойный, но с взрывным темпераментом Ливанов. А в искусстве они были единомышленниками. Так же глубоко и тонко, так же преданно делу партии и народа смотрел на свою работу и Ливанов.

В том кругу людей, где находился Довженко, он всегда был душой разговора, несмотря на то, что здесь порой встречались люди и постарше его по возрасту. Тем не менее все хотели узнать его мнение или подход к рассмотрению проблемы, связанной с искусством или развитием нашей культуры. Не случайно широко известный режиссер народный артист СССР С. А. Герасимов много-много лет спустя охарактеризовал его творчество так:

— Каждая из картин Александра Довженко абсолютно современна.

Александр Петрович стал участником создания фильмов уже в зрелом возрасте по сравнению с выпускниками институтов — ему было 32, когда он дебютировал в кино в качестве режиссера. До этого он успел поработать учителем, живописцем и даже, как я уже поведал, дипломатом. А я беседовал с ним, когда он являлся признанным мастером нашего киноискусства. Хотя если бы меня спросили, какие качества в нем я отметил бы в первую очередь, то сказал бы сразу:

— Здравая рассудительность и скромность.

Довженко был человеком общительным, полным энергии. Он с энтузиазмом рассказывал о постановке своих новых картин. Его по праву и сегодня считают одним из основоположников советской кинематографии, а такие фильмы Довженко, как «Арсенал», «Земля», «Щорс», вошли в золотой фонд советского кино. В те годы, когда я его знал, они пользовались постоянным и большим успехом.

Приятной собеседницей осталась в моей памяти и Юлия Ипполитовна Солнцева — друг и жена Довженко, как актриса, известная по фильмам «Аэлита» и «Папиросница из Моссельпрома». Еще при жизни Александра Петровича она начала помогать ему в постановочной работе, а после его смерти претворила в действительность многие его задумки, создала прекрасные киноленты «Поэма о море», «Повесть пламенных лет» и «Зачарованная Десна».

Традиции Довженко студия его имени, да и многие советские кинематографисты пронесли до наших дней.

«Александровы»

С Александровыми мы были соседями по даче. Написал первую фразу и сам подивился. Да разве ж можно их называть одним словом — «Александровы», если каждый из них представлял собой самобытную творческую индивидуальность?

Наверно, нельзя.

Нельзя потому, что имя каждого из них отдельно вписано в историю советского кинематографа.

Он — это кинорежиссер Григорий Александров, создатель многих прекрасных фильмов.

Она — это киноактриса Любовь Орлова, задорная, веселая певунья и плясунья, каждая встреча с которой на экране давала и дает миллионам зрителей заряд оптимизма и бодрости.

И все-таки можно их называть одним словом, потому что представляли они собой великолепное творческое содружество, результатом которого стали шедевры советского кино — картины, которые и по сей день собирают огромную аудиторию, демонстрируются по телевидению, заставляют человека волноваться, радоваться, сопереживать с их героями, — словом, те фильмы, которые уже давно вошли в число классических, стали нашей гордостью. «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна» — каждая из этих лент явилась откровением, новым словом в кино. Не случайно до сих пор специалисты в области кинематографа считают, что именно эти фильмы заложили основу советской музыкальной кинокомедии.

Можно их назвать одним словом еще и потому, что они были супругами, причем строили свои отношения друг с другом на сердечной привязанности и взаимном уважении.

Как соседи, мы общались довольно часто. Григорий Васильевич и Любовь Петровна бывали у нас, мы с Лидией Дмитриевной — у них. Встречались и когда к Александровым приходило много гостей по каким-то торжественным случаям или юбилейным датам, и когда мы собирались в их гостиной вчетвером.

Атмосферу непринужденности создавала прежде всего Любовь Петровна — радушная хозяйка, которая умела и угостить, и спеть. Ей было все равно, сколько пришло гостей — два десятка или двое. Важно, что они уже в доме, а значит, зритель и слушатель уже есть. Вся она искрилась радужным светом веселья, любила пошутить, рассказать смешную историю. Словом, хозяйка в этом доме оставалась всегда заметной и неизменно находилась в центре внимания гостей, никогда не давала им скучать. Она

умела найти подход к каждому и создать о себе самое приятное впечатление. Присутствие ее — стройной, всегда подтянутой, грациозной, становилось настоящим подарком гостям. Одевалась она как-то непритязательно, но со вкусом. Одним словом, она производила впечатление не нарядами, а своей простотой, общительностью. Такая у нее была натура.

Всегда я восхищался уважительным отношением к ней Григория Васильевича.

— Любовь Петровна, мы уже посидели у камина, побеседовали, пора бы и к чаю перейти. Как вы на это смотрите? — говорил он, например.

И она тут же отвечала:

— А у меня все готово.

О том, как он относился к Любови Петровне, можно судить по небольшому факту. Как-то один из гостей рассказал историю, где восхвалял достоинства какой-то женщины. Григорий Васильевич полушутя-полусерьезно заметил:

— Я попросил бы в этом доме не говорить о других женщинах. Здесь она всего одна — Любовь Петровна.

Сама хозяйка, правда, его чуть-чуть поправила:

— Это только для Григория Васильевича.

В этой паре все делилось поровну на обоих: и его веселый ум, и ее искрометный темперамент.

Да, умела Любовь Петровна создавать дома праздничную обстановку даже в унылый, студеный зимний вечер!

— Трудно быть популярной актрисой? — спросил я ее как-то.

— Зато приятно, — весело ответила она.

До меня доходили мнения, что Александров — мастер смеха, постановщик ряда блистательных комедий, в общении со своими коллегами на студии в меру серьезен, но энергичен и деловит, всегда вежлив и корректен. Он преподавал во Всесоюзном государственном институте кинематографии, где студенты с огромным вниманием относились к каждому его слову.

А я знал его больше в домашней обстановке, когда он мог быть раскованным, но все же оставаться самим собой — тем остроумным и щедро дарящим свой талант человеком, каким его знали миллионы людей по фильмам. Он умел добродушно подтрунивать сам над собой.

— Снимали мы «Броненосец «Потемкин», — рассказывал он. — Я был тогда сорежиссером этой картины. Есть в финале сцена, где взбунтовавшиеся матросы бросают за борт офицеров. Снималась картина уже осенью. Вода была холодной, и артисты, игравшие роли офицеров, отказались купаться в ней. Тогда я говорю: «Одевайте в офицерскую форму меня». Одели, бросили в

воду, потом опять — с другого места, и так несколько раз, пока не покидали всех офицеров, которых по сценарию полагалось выбросить за борт. А сцены все-таки эти отсняли.

Это ли не доказательство необычности его натуры и неистовости в работе?

Рассказывал мне Григорий Васильевич и о том, как создавалась первая советская музыкальная кинокомедия «Веселые ребята», с каким трудом ее снимали.

— Шел 1934 год, — говорил он. — Против нашей картины выступали даже некоторые известные писатели и поэты.

— А кто же помог? Как же она вышла на экран? — мне это стало интересно.

— Сначала Горький, — ответил Александров. — Картину привезли ему в Горки, где он отдыхал. Писатель собрал жителей деревни и множество ребятишек. Зал по ходу фильма дружно хохотал. Алексею Максимовичу комедия понравилась, и он предложил: «Покажем ее Сталину». Сам же Горький об этом и договорился.

— Что же было дальше?

— А дальше было то, что Сталин пригласил с собой на просмотр членов Политбюро. Они приехали в Государственное управление кинофотопромышленности в Гнездниковском переулке. Своего зала в ЦК тогда еще не было. Председатель этого управления Борис Захарович Шумяцкий и говорит мне: «Я покажу только две части. А ты сиди по соседству, в монтажных комнатах. Если захотят смотреть дальше, то ты говори, что дорабатываешь картину и не хотел бы показывать ее в таком виде. Понял?» Вот и получилось, что мы как бы набивали фильму цену. Прокрутили две части. Сталин говорит: «Показывайте все». Ему в ответ: «Режиссер хочет что-то перемонтировать». Сталин возражает. Шумяцкий в ответ: «Хорошо, сейчас покажем». Вышел ко мне. «Иди на суд — зовет». Я вошел в зал и заявил: «Наверно, эта работа недоделана». Но разговаривать со мной не стали. Потребовали: «Показывайте». Я отдал коробки киномеханику. А когда просмотр кончился, Сталин сказал: «Очень веселая картина. Я как будто месяц в отпуске пробыл. Ее будет полезно показать всем рабочим и колхозникам». А потом неожиданно подытожил: «И отнимите картину у режиссера. Он ее может испортить».

Фильм выпустили на экран, и началось его триумфальное шествие по стране, а вскоре и по всему свету. В том же 1934 году на Международном кинофестивале в Венеции советские кинокартины получили кубок за лучшую программу: открывалась она фильмом «Веселые ребята».

С огромным интересом я смотрел эту картину в тридцатые

годы, с тем же интересом смотрел ее и недавно.

Увидев фильм «Веселые ребята», Чарли Чаплин сказал: «Люди весело и бодро смеются. Это — большая победа. Это агитирует больше, чем доказательство стрельбой и речами».

В шестидесятые годы ЮНЕСКО выпустила фильм «Лучшие комедии мира». В него вошли отрывки из комедийных лент разных стран. Их и объединили под одним названием. Из советского кино туда вошел только один эпизод: драка музыкантов из кинофильма «Веселые ребята».

Почти тридцать фильмов создал Александров, и каждый из них — яркая страница в истории кино.

— А какой свой, фильм вы считаете лучшим? — спросил я как-то Григория Васильевича.

— «Волга-Волга», — без колебаний ответил он.

— А вы? — обратился я к Орловой. — Какую роль — лучшей?

— Роль Стрелки в «Волге-Волге», — тоже без всяких раздумий ответила она.

Вот такой, по-своему синхронной, была эта пара.

Беседы во время прогулок

С Корнеем Чуковским я встречался в одном из подмосковных домов отдыха. Я проводил там свой очередной отпуск. Он тоже приезжал туда отдыхать.

По вечерам я привык совершать прогулки. В доме отдыха, когда было время, делал это и днем. В Чуковском тогда я неожиданно нашел такого же любителя ходьбы. На этот раз как-то вдруг мы познакомились и начали ходить вместе.

Он имел репутацию интересного человека и занимательного собеседника. Высокого роста, с красивым интеллигентным лицом, подтянутый, с седой шевелюрой, ходил он размеренно, без видимых признаков усталости. Приятно было на него смотреть. Он шагал со мною рядом и говорил, говорил, говорил… Многое из услышанного отложилось в памяти. Образность языка, доходчивость, умение просто излагать сложные проблемы — все это отличало Корнея Ивановича как прекрасного рассказчика.

Теперь уже не одно поколение самых юных читателей повторяют наизусть его забавные и меткие детские строки из «Мухи-Цокотухи», «Мойдодыра», «Айболита», «Телефона», «Тараканища». Мои дети, а потом внуки, можно сказать, до дыр зачитывали книжки с его стихами. Классикой стала его художественная проза — книга «От двух до пяти», переизданная множество раз.

Эту часть его литературного труда, пожалуй, знают все. Но есть и другая — известная не только специалистам, но и многим читателям. Он был литератором в широком смысле слова, человеком, который серьезно изучал русскую и советскую литературу, блистательно писал о ней. Близкий друг Горького, приятель Блока, добрый знакомый Маяковского, Куприна, ученик Чехова. Его считали своим в кругу собратьев по перу многие литераторы.

Но знали его хорошо не только в среде писателей. Тесные отношения его связывали с наркомом Луначарским, часто он виделся с художником Репиным.

Обо всем этом я узнавал, когда часами ходил по аллеям старого парка и слушал его интересные рассказы о знаменитых людях нашей страны, живших и на рубеже прошлого и нынешнего веков, а также и в наше столетие.

— Я искренне любил Репина, — говорил Корней Иванович, — потому так часто его и вспоминаю. Меня связывала с ним давняя дружба, и ее не могла прервать даже советско-финская граница: Репин в последние годы жизни находился в Финляндии. Я много

раз бывал в знаменитых Пенатах, хорошо знал не только Илью Ефимовича, но и его семью и всех близких.

Корней Иванович умел через рассказы о семье, о личной жизни человека показать его общественное лицо, значение его дела для страны и для народа.

— Репин работал неистово, — говорил рассказчик, — он целиком отдавался своему любимому делу. Случалось, что он как бы пытался отойти от реалистической линии в живописи, но каждый раз возвращался «на круги своя». Сразу ту работу, которая была с какими-то «завихрениями», он отставлял и принимался за новую картину, которая соответствовала основному, реалистическому направлению его живописи. Так что этого направления он придерживался всю жизнь.

Для любого творческого человека важны его отношения в семье, а также личная жизнь. Отчасти в этой связи, отчасти вне этого Корней Иванович отмечал негативную роль, которую сыграла в жизни великого живописца его вторая жена.

— Она в общем была женщиной образованной и культурной, — рассказывал он, — но предельно фанатичной. Более того, она умела навязывать великому художнику свой, особый повседневный образ жизни, Репин был человеком не очень крепкого здоровья, и, конечно, ему следовало получше питаться. Она же насаждала какие-то нелепые вегетарианские вкусы, или, как шутили его знакомые, заставляла питаться травой.

— Направляюсь я как-то к нему, — сказал Чуковский, — встречает меня один из местных жителей и говорит: «А вы опять идете к этому художнику, который сено ест?»

— Что же, он так и не мог отказаться от рецептов ее кухни? — спросил я.

— Выходит, не мог. Хотя эти новшества жены-фанатички, рассуждали многие знакомые, к добру не приведут. А когда он ушел из жизни, то все в какой-то степени осуждали ее. Так и не смогла она остаться в тех местах, где жила до этого рядом с Репиным, уехала в Швейцарию. Там и умерла.

Он сделал весьма выразительную паузу, а потом продолжил:

— Должен вам сказать, что я сам был жертвой застолий, которые она организовывала. Гости, попавшие за такой стол, предпочитали после ее обеда уходить подкрепиться к соседям или в ближайшую закусочную. Но хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство: фанатичка-вегетарианки имела характер и в некоторых отношениях воздействовала на Репина весьма положительно, но, к сожалению, об этом люди знали мало, больше упрекали ее за нелепые эксперименты.

Из рассказов Чуковского о Луначарском главным, пожалуй,

было то, что я уже неоднократно слышал от других, — умение Луначарского выступать с лекциями. То, что он был прекрасным оратором, знали все. Представляя Луначарского в самом положительном свете, восторженно отзываясь о нем, Корней Иванович дал ему такую характеристику:

— Я восхищался способностью наркома выступать с лекциями на любую тему, в любое время, перед любой аудиторией.

Он рассказывал, что не раз сопровождал наркома с целью специально послушать его лекции. И каждый раз все, кто находился в аудитории, приходили в восторг от того, как излагалась тема.

Известно, что в 1933 году Анатолий Васильевич Луначарский был назначен полпредом в Испанию. Он отправился туда со своей дипломатической миссией, уже пересек границу Франции, но в Париже заболел и по совету врачей поехал в маленький курортный городок на юге Франции — Ментону. Там он и скончался, так и не попав в Мадрид.

Были у меня беседы с Чуковским и о других людях.

Корней Иванович — человек обширных знаний в области искусства и литературы, знаток творчества крупных наших деятелей. Он не просто рассказывал о них, но наслаждался тем, что его слушают, пусть даже эта аудитория состоит всего лишь из одного человека.

Однажды во время прогулки он рассказал мне немного о себе. Он глядел на себя как бы со стороны и потому получалось, что говорил о себе с неким откровенным юмором.

— Нас было два брата, — рассказывал он, — и оба хотели учиться. Для этого приехали в Одессу, пожелали поступить в гимназию, но нас не приняли. Сказали, подготовка слабовата. Не возвращаться же в свой маленький городишко — как-то стыдно было. Вот и решили: снимем комнату, найдем работу и будем готовиться к поступлению на будущий год. Так и сделали. Пошли работать грузчиками в порт, зарабатывали. На жизнь хватало. А по вечерам занимались. Так за зиму и подготовились. И на будущий год поступили. Когда прошел курс наук, тогда я почувствовал, что мое призвание — это слово. Стал работать в газете. Так оформился мой путь литератора.

— Ваш путь в какой-то степени похож, на путь Горького в литературе, — заметил я.

Как бы в ответ на эту реплику он поделился своими впечатлениями от общения с Горьким.

— Алексея Максимовича я очень хорошо знал, — оживился Корней Иванович. — Он обладал необычайной способностью поддерживать контакты, в том числе профессиональные, с самым

широким кругом советских писателей, включая и начинающих. Горький не любил восторженных отзывов по своему адресу, тем более, если они делались в его присутствии. А тот, кто допускал такую вольность, всегда попадал в неловкое положение, потому что Алексей Максимович не упускал случая прочитать ему корректную, но выразительную нотацию.

По рассказам о Горьком можно было понять, что Чуковский считает его своим кумиром. Казалось, что он о нем может говорить без конца. Но в то же время я заметил, что, говоря о Горьком, он, в отличие от высказываний о Репине, не упоминал о физическом состоянии этого человека. Поэтому я спросил:

— А что вы знали о состоянии здоровья Горького? Он сказал:

— Горький давно страдал серьезным недугом. Болезнь была связана с легкими. Поэтому он часто выезжал за пределы Москвы, в частности, по предписанию врачей, в Крым, в район Фороса.

Чуковский знал Горького с дореволюционных времен и неизменно им восторгался.

— Этот человек, — утверждал он, — самозабвенно отдавал себя литературе. У него случались проявления влюбленности только в трех случаях: когда он начинал говорить о детях, замечательных людях и книгах.

Он замолкал, мы делали несколько шагов по дорожке парка, и снова, вспоминая Горького, увлеченно говорил:

— А как он помогал литераторам! Он их пестовал, как садовник — цветы. Помню, Алексей Максимович в последний год жизни, уже тяжелобольной, прислал мне длинное письмо, в котором давал ценнейшие советы, как мне надо писать книгу для школьников. Я, не зная, что он так болен, обратился к нему за советом. А он из своего и без того ограниченного времени уделил мне немало, чтобы написать ответ. И к тому же предложил свои личные деньги, чтобы я год-два мог спокойно заниматься книгой и при этом не нуждаться материально. Удивительнейший был человек!

Затем Корней Иванович обобщил свое мнение:

— Подобное письмо для Горького вовсе не считалось исключением. Наоборот, его можно объявить правилом. Кто бы из литераторов к нему ни обращался, всегда мог рассчитывать на совет и участие. Таким вот простым и обязательным в ответах на письма был этот маршал советской литературы.

Сам подивился пришедшему ему на ум слову, а потом повторил:

— Да, маршал… Выше его у нас в советской литературе нет никого.

Образ понравился и мне.

Конечно, литераторов нельзя сравнивать с военными, а литературу — с армией. Давно известно, что литература страны тем и хороша, что в ней много литераторов, разных по опыту, таланту, жанрам, в которых они работают. Но все же нет-нет да и говорим мы «армия литераторов», «армия писателей».

Картинки из жизни Павла Корина

Хорошо я знал Павла Корина. Познакомился с ним близко. О его заслугах можно говорить много. Не случайно ему присвоили высшее для представителя изобразительного искусства почетное звание «Народный художник СССР». Известен он был как реставратор картин Дрезденской картинной галереи. Его прекрасные мозаики украшают в Москве станцию метрополитена «Комсомольская-кольцевая», а лучшие картины выставлены в Государственной Третьяковской галерее.

Он довольно поздно начал создавать свои собственные полотна, но то, что им сделано, — шедевры. Их отличают строгость, точность рисунка, монументальность замысла, цельность формы, внутренняя напряженность изображенных персонажей. Он проявил себя и как прекрасный портретист. В портретах людей, написанных им, можно почувствовать и волевую собранность, и высокую одухотворенность.

Талантливый художник оставил глубокий след в истории советской живописи. Его картины широко известны: могучие, плечистые русские богатыри, уверенные в своей силе, спокойно и гордо смотрят с его полотен. Так и кажется, что любой из них вот-вот заговорит и скажет:

— Стояли и стоять будем за свою землю, за родину. Весь мир должен об этом знать.

Художником его считали оригинальным и неповторимым. Огромное влияние на весь творческий путь живописца-самородка оказал тот факт, что он родился в славном Палехе. Там же среди палешан-иконописцев выделился своей серьезностью и проявил упорное желание учиться живописи и дальше.

Палех и сегодня — тот знаменитый поселок, без искусства которого наша культура была бы беднее. И ныне слава его художников ничуть не поблекла. Скорее наоборот. До революции в Палех ездили прежде всего за иконой редкой красоты. Теперь весь мир ценит его за неповторимую роспись изделий. Каждый, кто рассматривает творения палехских мастеров, неизменно выражает восхищение исключительной красоты пейзажами или жанровыми сценками, сотворенными в знаменитых художественных мастерских.

Познакомился я с Павлом Кориным в начале шестидесятых годов — мы как-то вместе отдыхали в Подмосковье. Он глубоко знал все течения в изобразительном искусстве. Мог часами негромким спокойным голосом в свойственной ему протяжной манере рассказывать о творчестве художников, принадлежавших к

разным направлениям. Казалось, что он черпает темы для рассказа из какого-то неиссякаемого источника. По ходу беседы он не раз вдавался и в воспоминания.

Кое-какие картинки из его рассказов я по памяти записал и хотел бы воспроизвести.

Картинка первая… Дореволюционная Москва. 1916 год. Павел Корин заканчивает Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Среди его учителей — известные художники Михаил Васильевич Нестеров и Константин Алексеевич Коровин. К обоим он относится с преданностью прилежного ученика. Да и дали они ему в жизни немало.

Нестеров привил любовь к чтению и литературе.

Коровин заставил по-новому подойти к труду живописца. Именно от него в училище молодой Корин услышал запомнившиеся на всю жизнь слова:

— Вам дан дивный дар рисования.

По его совету Корин взял пример со знаменитых живописцев итальянского Возрождения — Микеланджело и Леонардо да Винчи. И долгие часы проводил в секционном зале, внимательно изучая мышцы, кости — все человеческое тело в самых разных положениях и ракурсах. Работа была адова, зато впоследствии как художник он знал натуру в совершенстве и мог рисовать, не глядя на нее, и младенца, и девицу-красавицу, и зрелого мужа, и глубокого старика. Посмотрите внимательно на любое из полотен Корина. Человек на нем выписан что надо!

Он высоко ценил творчество Константина Коровина. Шли они — ученик и учитель — разными путями в искусстве, но в основе их творчества всегда оставался реализм.

Через некоторое время после революции Коровин уехал за границу, обосновался в Париже, жил в бедности, перебивался случайными заработками. Корин побывал во Франции в творческой командировке и там на одной из выставок увидел полотно своего бывшего учителя — мастера пленэра.

Там же на выставке он встретился и с Коровиным. Преодолев смущение, подошел к нему. Разговорились.

Вскоре Корин решил навестить Коровина, жившего в дальнем пригороде Парижа. Ехать к нему пришлось очень долго. А в меблированной небольшой квартире бросилась в глаза бедность.

— Что же с вами происходит? — спросил Корин. — Почему вы сейчас так мало пишете?

Коровин ответил:

— Сам не знаю, то ли какой-то срыв, то ли Франция меня не понимает.

А ведь на родине им восхищались!

Убогость квартиры, поношенная одежда художника, который еще не так давно считался одним из самых известных в России, поразили Корина.

— Очень жаль Коровина, — говорил мне Павел Дмитриевич. — Это была крупная величина в искусстве. Отъезд за границу, отрыв от родины стал крушением его как творческой личности. Он сам отомстил себе за разлуку с родиной. А когда встречался с земляками, то всегда как бы стушевывался.

Вместе с Кориным к Коровину зашла и жена Шаляпина. Едва Корин упомянул об этом факте, как я тут же вставил свое слово.

— Между прочим, должен заметить, — сказал я ему, — что мы с Лидией Дмитриевной встретились с ней однажды на борту итальянского лайнера «Рекс». Да, да, не где-нибудь в салоне французской столицы, а на середине пути из Европы в Америку, в Атлантическом океане. Я тогда направлялся на работу в советское посольство в Вашингтоне. Увиделись мы в кинозале парохода и немного поговорили с ней. Тогда мы обратили внимание, что была она какой-то грустной. Ничего удивительного: незадолго до этого скончался ее муж — Федор Иванович Шаляпин…

Картинка вторая… Осень 1942 года. Наверно, самые тяжелые дни войны. Бои идут в Сталинграде, враг рвется к Баку. В холодной, неотапливаемой мастерской, где работает художник, стекла в окнах выбиты взрывной волной от авиабомбы.

Корин пишет историческую композицию «Александр Невский». Долго искал нужный образ. Однажды его осенило.

Он вспомнил свой Палех, куда приходили на сезонные работы мужики из соседних сел. Для него они тогда все были богатырями, потому что даже после тяжелой работы шли стройные, высокие, как гордые воины, уверенные в своем правом деле и в победе. Они олицетворяли героев народных былин. Таким же стал и написанный в ту суровую пору триптих «Александр Невский».

Работал художник в те дни почти круглосуточно.

Картину показали уже тогда, в 1942 году, на Всесоюзной выставке «Великая Отечественная война», открытой в Государственной Третьяковской галерее. Сердце каждого патриота, который ее видит, наполняется гордостью за былое земли нашей…

Картинка третья… После войны под Берлином, в Бабельсберге, Павел Дмитриевич написал свой знаменитый портрет «Маршал Жуков».

— Я не имею права засиживаться в бездействии, — говорил маршал, у которого времени всегда было мало.

И Корин написал портрет необычайно быстро для самого

себя, всего за девять сеансов. Когда Жуков впервые увидел портрет, стоявший еще на мольберте, то работа ему сразу понравилась.

— Это единственный портрет, с которым я не хотел расставаться, — говорил Корин. — Оставил бы его у себя в мастерской, если бы мог.

Действительно, портрет маршала Жукова — одна из лучших работ художника. Но написан он был по заказу Комитета по делам искусств. Через этот комитет Корина и познакомили с Жуковым, помогли ему осуществить поездку в Потсдам.

С портретом пришлось расстаться, и с тех пор он — одно из лучших произведений живописи этого жанра в Государственной Третьяковской галерее…

Корин, как и Прасковья Тихоновна, его ученица, а через десять лет — с 1926 года супруга, фанатично любил живопись. В своем доме они собрали большую коллекцию прекрасных произведений искусства. Стал ее создавать Павел Дмитриевич еще в начале тридцатых годов, а к середине шестидесятых их дом представлял собой настоящую картинную галерею.

Коллекцию своих картин Корин всегда показывал посетителям сам. Здесь были редчайшие произведения искусства средневековой Руси, выполненные людьми огромного таланта и вкуса.

Собственно, этот дом стал музеем задолго до того, как после смерти и по воле художника в нем открыли филиал знаменитой Третьяковки. Двери этого дома гостеприимно распахивались перед друзьями Корина, а их даже не пытались считать. «Частым гостем» мастерской художника называл себя, например, и близкий мне Борис Ливанов.

В доме Корина были не только прекрасные картины. Он славился и редкими книгами. Букинисты Москвы знали Павла Дмитриевича и специально для него приберегали ценные издания.

— Случилось так, — рассказывал он, — что собиранием книг я стал увлекаться раньше, чем приобретением картин и созданием своей коллекции живописи.

Да, они дополняли друг друга — прекрасные картины и не менее замечательные книги в этом доме.

Принимали Кориных у себя и мы с Лидией Дмитриевной.

Как-то мы на семейном совете решили приобрести небольшую картину Саврасова — изредка такие картины появлялись в комиссионных магазинах Москвы. На ней изображен заросший пруд — удивительное раскрытие волшебства природы. Саврасовская романтика покоряла. Решили предварительно

показать картину специалисту. Выбор пал, конечно, на доброго друга Павла Корина.

Пригласили его и Прасковью Тихоновну к себе. Ничего ему не говоря, картину поставили на пол. Как только он подошел к открытой двери в гостиную и увидел картину, то сразу же спокойно, не приближаясь к ней, по-своему растягивая слова, сказал:

— Та-ак э-это же Са-а-вра-а-со-ов.

Мы были восхищены. С тех пор картина Саврасова прописалась у нас и постоянно радует глаз.

Павел Корин ушел из жизни, но его живопись и дом-музей — это частица того культурного наследия, которое оставлено потомкам большим художником и скромным человеком.

Слово Пастернака

Творчество Пастернака — этого крупного талантливого представителя нашей литературы привлекало меня еще с юношеских лет. Его собственные стихи и проза, его переводы с английского, немецкого, французского — он прекрасно знал эти языки — свидетельствовали, что у этого человека необычное дарование.

Лично с Пастернаком мне довелось познакомиться только в начале пятидесятых годов. У нас появились общие друзья и знакомые.

Среди них особые симпатии мои и Лидии Дмитриевны вызывали писатель Константин Федин и Борис Ливанов, о котором я уже рассказал. Мне очень импонировала свободная манера этих людей вести беседу.

Темы для разговоров возникали у нас как-то незаметно и совершенно естественно. Самые невероятные повороты мысли Ливанова, его меткие остроты по поводу театральной жизни всегда представляли интерес. Фривольности, а тем более пошлости в своем быстром и энергичном рассказе или просто беглых замечаниях он никогда не допускал.

Федин любил высказываться спокойно и в сдержанной рационалистической манере. Так он говорил на любую тему, которая затрагивалась во время разговора. При этом он мог выступать и как профессор, и как писатель, и как политик, и просто как человек. Представать перед слушателем в таких ролях ему удавалось без труда, более того, все это выглядело как само собой разумеющееся.

В их обществе мне довелось встретиться и с Борисом Пастернаком.

Было это в 1952 году в гостях у Бориса Николаевича Ливанова. В непринужденной беседе участвовали Борис Пастернак, кинорежиссер Александр Довженко, его супруга Юлия Солнцева, Константин Федин, некоторые другие деятели нашей культуры.

Атмосфера царила непринужденная. Все шутили, рассказывали забавные случаи из своей жизни, соревновались в остроумии. Но когда кто-либо вставал, чтобы произнести тост, затихали и внимательно слушали выступавшего.

И вот поднялся Пастернак…

Можно с полным основанием сказать — он оставил глубокий след в нашей литературе. Едва ли кто-либо станет отрицать, что это был свет яркой личности. Можно даже высказаться так: если

бы Пастернак не сделал ничего другого, а только оставил в русской литературе свои талантливые переводы Шекспира и Гете, то и тогда его заслуги были бы огромными. Но ведь всему миру известны и другие его переводы: с английского — Шелли, с немецкого — Шиллера, с французского — Верлена и так далее.

Одни переводы Шекспира — уже подвиг. Они общепризнанны. Мнений об этом таких прекрасных мастеров слова, как Михаил Шолохов, Константин Федин, Александр Корнейчук, уже достаточно, чтобы сказать во весь голос доброе слово в адрес Бориса Леонидовича Пастернака.

Поэтический дар, огромная эрудиция и широкий диапазон интересов Пастернака, которые нашли отражение в его произведениях, — все это само собой доказывало, что он представляет собой крупное явление в советской культуре.

Он как литератор и переводчик обессмертил свое имя, но в жизни оставался очень скромным человеком. Никогда не упоминал о своих талантах и достоинствах.

…И в тот вечер, произнося свою короткую речь, он ничего не говорил о своих заслугах. А ведь к тому времени он немало сделал и для страны, и для советской литературы. Пастернак сказал:

— Хочу подчеркнуть большие успехи нашей литературы.

Он назвал многих советских писателей и поэтов, которые, по его мнению, составляли гордость нашей литературы. Не берусь перечислять их. Как бы вскользь Пастернак коснулся и области переводов. Мысли, которые он высказывал, имели одну направленность:

— Советские писатели имеют огромные возможности, чтобы проявить свой талант и одарить народ интересными произведениями, не уступающими творениям прошлого в нашей стране.

В связи с этим он подчеркивал:

— Каждый писатель, большой он талант или нет, должен иметь свою особенность. Всякие попытки внедрить какие-то стандарты не оправдываются. Они лишь сковывают вдохновение и чувства художника, его способность в отображении жизни и внутреннего мира человека.

Пастернак не делал никаких намеков на стесненность условий, на которые нередко ссылались писатели в то время. У него не чувствовалось неудовлетворенности.

Обращаясь к Довженко, я сказал:

— Александр Петрович, по-моему, так, как Пастернак, ведут себя прежде всего люди крупного масштаба, оценивающие те или иные события в культурной жизни страны с принципиальной

позиции, а не только через призму собственного «я».

Довженко отозвался:

— Я полностью с этим согласен.

Пастернак тогда произнес тост за советских писателей, за нашу литературу.

Я должен высказать свое мнение о «Докторе Живаго». После публикации книги за рубежом ее у нас раскритиковали. Обстановку, в которой это делалось, нельзя назвать нормальной. Сама критика выглядела какой-то волевой акцией, административным окриком в адрес автора, без какого-либо серьезного обсуждения романа, без выяснения мнения читателей.

Верно то, что главный персонаж произведения по складу своего мышления, по своему мировоззрению — герой, не заслуживающий похвал. Но так ли уж он далек от идейного образа Григория Мелехова, мятущегося, долго не понимавшего, как может донское казачество принять новую жизнь, условия которой созданы революцией? В финале книги мы имеем основания верить в прозрение героя, в его будущее, которое, однако, писатель не развернул перед читателем.

Шолохов пытался освободить Григория от груза социальных напластований прошлого, осевших в сознании донского казака. Но так и не сумел до конца это сделать, хотя перелом в пользу восприятия нового рождающегося мира у его героя наметился. Конечно, свою роль в этом сыграла одаренная буйной красотой, нежностью и женским озорством Аксинья.

По-иному сложилась судьба доктора Живаго. Не оказалось у него надежной, умной руки, оперевшись на которую он мог бы войти в новый мир, воспринимая в нем все появляющееся в духовной сфере как собственное и сокровенное. Пастернак проследил путь своего героя с начала и до тридцатых годов нашего века, путь такого сложного человека, как доктор Живаго, не понявшего, какой мир грядет.

Мое мнение, «Доктор Живаго» — не лучшее произведение Пастернака. Я не считаю этот роман безупречным, хотя не берусь судить о его художественных достоинствах и недостатках. Однако совершенно неоправданной была попытка отрубить этого большого художника слова от коллектива советских писателей и применить в отношении его тактику остракизма.

Были мы у Пастернака в гостях и в подмосковном Переделкино. Круг приглашенных состоял примерно из тех же, кто приезжал и к Борису Ливанову. Хозяин все делал, чтобы гости чувствовали себя непринужденно. Простота и обаяние его самого, его жены сочетались с умением поддерживать разговор, особенно на литературные темы.

Пастернак интересовался жизнью в США, задавал вопросы мне как бывшему послу в Америке. Остро, живо комментировал сведения, которые я сообщал о некоторых фактах культурной жизни Америки. И он, и Константин Федин довольно хорошо разбирались в американской художественной литературе. Оба придерживались мнения, что даже наделенный талантом писатель в США нередко должен угождать вкусам той части публики, которая имеет весьма извращенное понятие о ценностях литературного творчества, требует умеренной нагрузки на интеллект читателя и максимума пищи для щекотки нервов. Особенно меткие выражения употреблял тогда сам хозяин.

Душою дома Пастернака былаего очаровательная супруга. Она старалась создать обстановку уюта и приятного отдыха. Памятным посещение дома Пастернака для нас было еще и потому, что он написал Лидии Дмитриевне короткое стихотворение, чем нас обоих весьма тронул.

Пастернака необходимо оценивать в контексте событий и перемен, происходивших и в стране и в мире. О нем почему-то при жизни в определенных литературных кругах сложилась репутация, что поэт, дескать, далек от проблем общественного звучания, что он вычурен и непонятен широкому читателю. А ведь Маяковский называл стихи Пастернака среди образцов «новой поэзии, великолепно чувствующей современность».

Разве можно говорить о поэте, что он далек от проблем общества, если еще в двадцатые годы он пишет две историко-революционные поэмы — «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт»? О поэте, который в первой из поэм искренне сознается, что в 1905 году он «грозу полюбил в эти первые дни февраля»? А во второй в уста лейтенанта Шмидта он вложил предельно ясное откровение:

Я знаю, что столб, у которого
Я стану, будет гранью
Двух разных эпох истории,
И радуюсь избранью.

«Я стал частицей своего времени и государства, и его интересы стали моими», — писал Пастернак еще в 1934 году.

Встречи с ним еще больше утвердили у меня мнение о поэте, как о патриоте, о человеке, которому дорога литература его страны, дороги и его народ, который он любил, и ее природа — поля и леса, реки и долины, горы и небо, и, конечно, родная столица — Москва. Он говорил об этом городе с волнением художника, по-особому воспринимая и ее древние камни и ее

современный образ.

Таким я знал Бориса Пастернака.

Яркая личность

Иногда жизненные пути людей перекрещиваются самым причудливым образом. На таком неожиданном «перекрестке» я и познакомился с Ильей Григорьевичем Эренбургом.

Слышал я об этом талантливом публицисте и писателе давно, читал его волнующие газетные статьи с большим интересом, а вот встретиться с ним долго не приходилось. Познакомились мы с ним, как ни странно это может показаться, уже после войны и за рубежом.

Из Москвы пришло сообщение, что в США по приглашению Американской ассоциации редакторов прибудут Илья Эренбург, Константин Симонов и журналист Михаил Галактионов. Посольство должно было оказать необходимое содействие на период их поездки по стране.

Встретился я с ними в Нью-Йорке. Худощавый, среднего роста, подвижный, лет пятидесяти с небольшим, внешне Эренбург ничем не выделялся из общей массы людей. Но, как выяснилось потом, таким осталось только первое впечатление. Личностью он являлся яркой.

Обстоятельства сложились так, что начали они свою поездку с гигантского Нью-Йорка, которым гордится каждый американец. Правда, американцы часто поругивают этот город за обилие небоскребов, за шум и гам, от которого невозможно укрыться даже в самых глубоких подвалах домов. Но это поругивание — добродушное. Про себя они считают, что Нью-Йорк — самая лучшая визитная карточка страны. И не пытайтесь их разубедить в этом.

Конечно, сразу же после приезда начались встречи гостей с представителями широкой общественности. Их организовывала ассоциация редакторов США при помощи посольства. График этих встреч выглядел довольно плотным.

Я знал, что Эренбург умел выступать перед самой разной аудиторией. Но он меня приятно поразил тем, что не только оказался хорошим, опытным оратором, но и ежедневно выдерживал трудную нагрузку. Причем делал это в высшей степени умело и успешно. Ему ничего не стоило выступить почти с часовой речью перед одной аудиторией, а затем через несколько часов — с такой же по продолжительности лекцией — перед другой.

Говорил он нестандартно. Всегда находил факты, подтверждающие основную мысль, и манеру преподнесения этих фактов. Умел делать неожиданные, смелые обобщения и выводы.

Они разъехались по Америке. Симонов — на дальний Запад, Галактионов — в Чикаго, Эренбург выбрал юг и побывал в штатах Теннесси, Алабама, Миссисипи, Луизиана. Он сделал это намеренно — хотел взглянуть на расовую дискриминацию вблизи. Впоследствии в своих заметках «В Америке» об этой части поездки он писал: «…на каждом шагу я видел то, что страшнее всего: оскорбление человека человеком».[32]

В поездке, на разного рода собраниях и митингах, где он выступал, помогало и то, что многие его слушатели уже читали яркие статьи писателя-публициста, сначала появлявшиеся в советской прессе, а затем перепечатывавшиеся часто в американской. Американцы к ним относились с огромным интересом.

Помню, какую сильную реакцию в США вызвала его статья «Убей!», опубликованная первоначально в «Правде». В ней звучало гневное осуждение зверств фашистских захватчиков на оккупированной ими советской территории. Сотрудники нашего посольства часто тогда докладывали о беседах с американцами, в которых те восхищались силой аргументации советского писателя в этой статье. Она долго служила в Америке на пользу нашему общему союзническому делу.

Несколько дней Илья Эренбург посвятил Нью-Йорку. Он говорил:

— Этот город как мир. На него как бы спроецирована вся страна, особенно если учитывать пригороды и экономику, финансовые и банковские центры, национальный и этнический состав населения, культурную жизнь.

Встретились мы с гостем Америки и к концу его пребывания в Штатах. Он признавался:

— Я очень устал. Видимо, этим и объясняется тот факт, что в присутствии нескольких сот человек я допустил резкость в отношении переводчика.

И добавил:

— Мне очень неловко.

А случилось вот что. Национальный совет американо-советской дружбы в одном из больших отелей города дал в честь гостей обед. На него пригласили и меня. За столом экспромтом выступил Эренбург. Его речь, естественно, переводилась на английский язык. Переводчик — американец — очень старался, но в один из моментов допустил некоторую неточность. Заметили ее американцы, знавшие русский язык, и, конечно, мы — советские люди. Эренбург, когда ему об этом сказали, выразил недовольство и сделал переводчику «реприманд».

Во время той заключительной на американской земле

встречи с Эренбургом я заметил:

— Да, возможно, не стоило так делать. Переводчик ведь большой друг Советского Союза. Но ничего страшного не произошло.

Видно было, что Илья Григорьевич переживал. Я старался его, как мог, успокоить.

Еще одно примечательное мероприятие организовали американцы. 29 мая 1946 года в крупнейшем зале Нью-Йорка — Мэдисон сквер гарден состоялся митинг в честь советских гостей. Председательствовал на нем председатель Национального совета американо-советской дружбы Корлисс Ламонт, а выступали я, как посол, Эренбург, Симонов и Галактионов — пишу в той последовательности, в которой нам предоставляли слово. Митинг прошел с огромным успехом.

Должен определенно сказать, что поездка Эренбурга, Симонова и Галактионова по США оставила у американцев самое хорошее впечатление. После их отъезда нам говорили:

— Почаще бы Москва посылала для встреч с американцами таких людей.

Не берусь судить о достоинствах и недостатках художественных произведений Ильи Эренбурга. Правда, с одним из них в то время я ознакомился с большим интересом. Через советское посольство в Вашингтоне пересылали из Москвы его рукопись романа «Падение Парижа» для издания в США. Вот этот отпечатанный на машинке текст мне и довелось прочитать.

Выдающийся артист

Несколько раз в жизни я общался с народным артистом СССР Николаем Константиновичем Черкасовым, выдающимся и талантливым актером. Эти встречи создали в моем представлении образ умного, одаренного, обаятельного человека театральной сцены.

Принято утверждать, что если артист обладает определенными профессиональными чертами и навыками, то он может сыграть любую роль: и героя-любовника, и простоватого дворника, а если предложат, то и самого Эйнштейна. Я не убежден, что такая точка зрения правильна. Недаром в мире театра имеется такое понятие, как амплуа.

Так вот с точки зрения амплуа Черкасова можно считать прежде всего актером героических ролей. Можно вспомнить его роли в кино — Ивана Грозного, Александра Невского, профессора Полежаева. В театре, а он работал в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина, советской сценической классикой стала сыгранная им роль Петра в пьесе, поставленной по роману А. Н. Толстого «Петр Первый».

Когда артист исполняет роль крупного ученого и сам при этом обладает незаурядным умом, мне кажется, ему легче работать и на сцене театра и в кино. Конкретные его действия, умение держаться, говорить помогают зрителю составить более полное представление об исполнителе. Много раз мне приходилось слышать и читать о тех ярких впечатлениях, которые зритель выносил от игры Черкасова.

Впервые я встретил его на чехословацком курорте Карловы Вары. Передо мной, казалось, стоял русский богатырь из былины. Он и в самом деле был высокого роста, человеком, о котором говорят — «плотный». Таким телосложением художники обычно наделяют изображаемых ими русских витязей, вставших на защиту родной земли. Это впечатление усиливал и его голос — приятный бас. Природа, видимо, долго выбирала, какой голос ему подарить. И, на мой взгляд, остановилась на самом подходящем тембре — густом и сочном.

Запомнились его богатая эрудиция и умение доходчиво излагать свои мысли. Он называл много книг, которые читал. Чтение он любил, и не только потому, что оно ему помогало как актеру, просто ощущал настоящую потребность в общении с книгой, как с другом.

Я с увлечением слушал его рассуждения о призвании искусства.

— Главное для деятелей искусства, — говорил Черкасов, — какой бы ранг они ни имели, это делать людям добро, возвышать душу людей, презирать пролитие крови невинного человека с целью грабежа и насилия.

Неотъемлемую часть его философии составляла любовь к Родине и защита Отечества. По всему чувствовалось, что этот выдающийся артист в своих творческих поисках много передумал, осмысливая все происходящее и в театре, и вне театра. Именно такой путь в искусстве принес ему авторитет и славу.

Он избегал давать собственные оценки другим хорошо известным деятелям советского театра — режиссерам, артистам, драматургам. Не ставил себя в положение критика. А такое отношение к собратьям по искусству свойственно далеко не каждому артисту.

Бывал он в гостях и у нас дома в Москве. Во время бесед мы говорили, конечно, больше об искусстве. Он без затруднений переходил от одной темы к другой, но обычно не в ущерб сути вопроса. Его начитанность и глубина познаний всегда легко выявлялись сами по себе.

Интересовался он и международными делами. Общее впечатление от разговоров с ним на темы внешней политики создавалось такое: он — настоящий советский патриот, преданный интересам партии и страны. С ненавистью он говорил о фашистских агрессорах и о том тяжелом времени, через которое прошли страна и народ в войну.

Таким в моей памяти и остался выдающийся артист театра и кино, человек большого таланта.

Глава XIX
РАЗГАДАННЫЕ ЗАГАДКИ

На протяжении работы в Москве неразгаданными для меня, равно как и для миллионов людей, в течение многих лет оставались две загадки — Берия и Вышинский.

О первом я больше узнавал из печати. Слышал о его огромном влиянии на Сталина. Видел его, когда оказывался на заседании Политбюро или на каком-нибудь более широком собрании.

И все же бывали эпизоды, на основании которых складывалось свое впечатление о нем, отличное от того, что создавалось газетами.

Как-то после смерти Сталина на одном из заседаний обсуждался вопрос о ГДР. Притом обсуждался активно. Происходило все это в тот «промежуточный период», когда действовал Президиум ЦК КПСС в составе десяти членов. Генерального секретаря ЦК КПСС тогда еще фактически не избрали, а на заседаниях председательствовал Маленков. Такая обстановка сохранялась в руководстве партии с марта по сентябрь 1953 года.

Маленков вел заседание, а оно проходило не в кабинете Сталина, как бывало при нем, а в другом зале Кремля. Рядом с председательствующим находились Молотов и Берия. Дальше по обе стороны стола — Каганович, Микоян, Булганин. Присутствовали здесь также Вышинский и я, — нас вызвали специально для обсуждения вопроса о ГДР.

Маленков заявил:

— Так или иначе, но вопрос о ГДР должен быть рассмотрен, поскольку он выдвигается на первый план в наших делах с державами Запада.

Все согласились, что действительно назревает серьезное обсуждение этого вопроса. Видимо, эта дискуссия считалась сугубо предварительной и проводившейся всего лишь для обмена мнениями.

Большинство присутствовавших членов Политбюро высказалось, и притом довольно четко, в поддержку ГДР. Однако диссонансом прозвучало выступление Берии. А произошло это следующим образом.

Маленков заявил:

— По вопросу о ГДР нам с Западом еще предстоит серьезная политическая схватка, и к ней надо готовиться основательно.

После него еще более определенно говорил Молотов:

— Германскую Демократическую Республику необходимо защитить, отстоять. Итоги войны нас к этому обязывают.

Он высказывался категорично. Тут вдруг я услышал голос Берии:

— ГДР? Да что, собственно говоря, означает ГДР? Это же фактически не государство. Хотя мы ее называем Германская Демократическая Республика.

Сказал он это в адрес социалистической страны в пренебрежительном тоне и с обычной для него гримасой. Всех присутствовавших поразили такая грубость и политическая неприемлемость позиции.

С ним это не раз случалось, и знавшие, бывало, наблюдали такую его манеру: не имевший отношения к делам международным, он безапелляционно и с апломбом высказывался по важнейшим внешнеполитическим проблемам.

Первым отповедь говорившему дал Молотов:

— Я выступаю решительно против такого отношения к дружественной нам стране. ГДР имеет право на существование как независимое государство. ФРГ и ГДР в одинаковом положении.

Сказал он все это весьма твердо, энергично, а затем кратко развил свои тезисы.

Потом говорил Маленков. По его тону каждый мог понять, что хотя его высказывания звучали помягче, чем Молотова, но он вовсе не собирался присоединяться к точке зрения Берии.

Булганин, Каганович, а затем и Микоян поддержали позиции Молотова и Маленкова. Тем самым они дружно выступили в поддержку ГДР. Ведь весь народ стоял за это. Вслед за тем дискуссия закончилась. Берия сочувствия не нашел.

Таким образом определялась на предстоящий период наша политика в отношении Германской Демократической Республики. Главное, выяснилось, что Берия получил серьезный отпор.

Главный вывод из увиденного и услышанного: Берия выразил свое пренебрежительное суждение в отношении Германской Демократической Республики — первого на немецкой земле государства трудящихся.

Занятая Берией позиция отражала его враждебное отношение к Германской Демократической Республике.

Итак, «загадка» Берии состояла в том, что официальная пропаганда подавала его образ как видного руководителя, наркома, стоявшего на страже законности, исправлявшего «ежовские перегибы». Мало кто в стране знал, что сразу после своего назначения он привез с собой из Грузии целый поезд своих

подручных, которые сразу же получили высокие чины и заняли руководящие должности и в центральном аппарате НКВД, и в этих же органах республик, краев и областей.

«Разгадка» наступила вскоре после смерти диктатора. Оказалось, что именно Берия отладил чудовищную машину репрессий, аппарат насилия, империю лагерей. Именно он вместе с Вышинским всячески раздувал деспотические амбиции Сталина, являлся и в личном плане садистом и мерзавцем в полном смысле. Его арестовали, осудили и расстреляли.

Долго «загадкой» я считал тогда Вышинского. Да и многие так считали.

Познакомился я с ним уже после войны. В 1940 году его назначили первым заместителем народного комиссара иностранных дел СССР. Но тогда я его не знал. Когда позже я с ним встретился, то мне бросились в глаза его основательная подготовка, умение выражать свои мысли, — сказывался опыт. Он не лез, как говорят, в карман за словом. Кстати, последним качеством он злоупотреблял.

Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов вначале относился к нему, в общем, уважительно. Но позднее зачастую не солидаризировался с его точкой зрения на ряд проблем. Это я подмечал много раз.

В Министерстве иностранных дел процессов прошлого — над «троцкистами», «бухаринцами», «зиновьевцами» — никто, разумеется, не обсуждал. Дипломаты избегали говорить на эту тему. Но не составляло труда увидеть, что Вышинский часто сидел задумавшись. Это замечали многие. О чем он думал, я, как и другие дипломаты, тогда не знал и лишь впоследствии понял, что оснований у него для раздумий хватало.

Когда я начинаю мысленно склеивать и сопоставлять известные мне факты о Вышинском периода культа личности Сталина и судебных процессов над так называемыми «врагами народа», то прихожу неизменно к выводу: этот человек никогда не являлся настоящим коммунистом. Он представлял собой какой-то осколок из политически чуждого нам мира. В свое время он относился к числу активных меньшевиков, немало сил приложил, чтобы попытаться выследить Ленина, когда тот скрывался от ищеек Временного правительства. В общем, был в прошлом не просто меньшевиком, а еще и карьеристом без чести и без совести, служившим преступным целям. Это Сталин хорошо знал и, видимо, биографию прокурора тоже знал досконально.

Со своей стороны я должен со всей решительностью заявить, что фигура Вышинского — зловещая. Сталину она была нужна, так как служила его вождистским амбициям. Он использовал

Вышинского, чтобы скрывать свои беззакония и преступления, чтобы создавать подобие юридического прикрытия массовых репрессий. Перед Вышинским ставилась задача: в море лжи, подтасовок, приемов насилия с применением самых гнусных средств в отношении жертв произвола, посаженных на скамью подсудимых, утопить истину.

Он зло издевался над теми юристами, которые осуждали пропагандируемую им правовую концепцию, гласившую, что признание подсудимым своей виновности — во всех случаях достаточное основание для осуждения. Такая концепция широко использовалась в период беззакония. Незаконные методы ведения следствия, насилие и разного рода изощренные приемы физического и психологического воздействия на людей — вот что характеризовало сталинский период произвола, репрессий и самого Вышинского как их «теоретика».

Когда Вышинский стал министром иностранных дел, мне доводилось быть свидетелем его телефонных разговоров с Берией. Как только в трубке раздавался знакомый голос, Вышинский сразу вскакивал с кресла, как будто его подталкивала какая-то невидимая пружина. А сам разговор по телефону и вовсе представлял собой мерзкую картину: так угодничает только слуга перед барином.

В общем, неудивительно, что в свою бытность в Прокуратуре СССР Вышинский с необычайной угодливостью «юридически» обосновывал любой приговор, вынесения которого требовал Берия, а в конечном счете Сталин. У прокурора часто фигурировало выражение:

— Признание — это царица доказательств.

Такая формулировка оставляла в стороне вопрос о том, как добывалось само признание.

Исходя из этой логики, делался простой и однозначный вывод. Если есть признание, то судьи могут выносить свой приговор, а люди уже заранее обрекались на гибель. Поэтому и применялись самые изощренные незаконные методы, чтобы добыть «признание». Использовались и физическое насилие, и психологическое давление, и иные недозволенные в юридической практике приемы.

О бездне преступлений, совершаемых под маской правосудия, Вышинский в свое время, конечно, знал лучше, чем кто-либо, но с преданностью продолжал служить и главному виновнику репрессий, и всему аппарату террора, исполнявшему приказы сверху.

Осталось не так уж много людей, кто лично наблюдал за тем, что представлял собою Вышинский как человек. В какой-то мере я

такую возможность имел.

Он был жестоким. И, кажется, созданным для того, чтобы причинять людям боль, особенно если это будет замечено тем, кто может его похвалить.

Когда Вышинский уже выполнил свое грязное дело в качестве прокурора во время процессов над «врагами народа», его, как известно, Сталин сначала перевел на внешнеполитическую службу, предоставив ему высокий дипломатический пост, а в 1949 году назначил министром иностранных дел СССР. Репрессии невинных людей еще продолжались, но сам бывший прокурор уже сидел в новом кабинете, под новой крышей.

Однажды вечером зашел я к нему в кабинет для очередного обсуждения текущих вопросов внешней политики. Вижу — Вышинский сидит за столом в состоянии какой-то отрешенности. И смотрит так, будто готовится услышать какую-то страшную весть. Про себя я подумал: «Не принял ли он дозу каких-то сильных наркотиков?»

Он затем даже привстал, как будто я ему непременно должен что-то сообщить. Лицо усталое, напряженное. Но не промолвил ни слова. Мне ничего не оставалось, как спросить:

— Что с вами, Андрей Януарьевич? Он ответил:

— Скажу честно, живу по принципу: прошел день с утра до вечера, — ну и слава богу.

Тогда впервые я понял, что он, видимо, является частью какого-то неизвестного мне мощного механизма и над ним тоже висит какая-то угроза.

Сам по себе этот факт может показаться незначительным. Но он все же говорит о том, что люди, которые использовались в период репрессий и внешне выглядели как гроза правосудия, сами тоже являлись заложниками у того, кто сидел на вершине пирамиды власти и беззакония.

Он как бы замкнулся в себе. Хотя и впоследствии жизнь и дела заставляли меня встречаться с ним по делам внешним не раз, но никогда, вплоть до самой кончины, Вышинский больше не высказывал мысль, которую я услышал от него в тот вечер.

Не только жестокость, но и бестактность отличала его. Вспоминается в связи с этим эпизод из жизни тех лет.

Как-то по окончании работы я приехал домой часа в четыре утра. Тогда обычным считался такой распорядок дня ответственных работников: засиживаться в служебных кабинетах до глубокой ночи, а то и до раннего утра следующего дня. Завели его по инициативе Сталина просто потому, что сам «хозяин» установил такой режим для себя, а на него равнялись другие. Но Сталин начинал свой рабочий день не в девять часов утра, как

все, а в час, а то и в два-три часа дня. Короче говоря, днем он часто спал, а ночью работал.

Приехав домой, я сразу уснул. Вдруг раздался телефонный звонок. С трудом проснувшись, я взял трубку и услышал знакомый голос:

— Говорит Вышинский.

И далее он стал обсуждать вопрос, о котором мы несколько часов назад уже переговорили. Я ему напомнил:

— Мы ведь с вами детально рассмотрели эту проблему.

Он, конечно, уловил недовольную интонацию в моей реплике, а она такой и была: я же знал, что еще накануне вечером Вышинский уезжал домой часа на три, некоторое время поспал дома и затем возвратился в министерство.

В общем, он вспылил, усмотрев в моих словах упрек и недовольство тем, что он позвонил в четыре часа утра. А я и не скрывал: так оно и было. Однако мстительный Вышинский не мог этого простить. Я ощущал это и позже.

Другой случай. Мне приходилось неоднократно наблюдать, как министр Вышинский вызывал сотрудников и начинал разговор на высокой ноте, — обычно с упрека, а то и с ругани. Такая манера вступления в беседу применялась и с послами, и с посланниками. Он считал, что вначале на человека нужно нагнать страху, а потом уже в такой атмосфере запуганности обсуждать вопрос по существу. Я знал, что в этом он любил подражать Берии, с которым систематически поддерживал контакты.

Однажды после его крутого и бестактного разговора с одним из послов, в отношении которого он допустил непозволительные бранные выражения, я не вытерпел и сказал, причем внешне у меня слова звучали совершенно спокойно, хотя внутренне я был на взводе:

— Конечно, ваши нервы, видимо, не выдерживают. Я бы по-дружески советовал говорить с дипломатами в более спокойном тоне. Мне известно, что многие сотрудники этого ожидают. Ведь они же все борются за законные интересы нашего Советского государства.

Вместо того чтобы поблагодарить меня за добрый совет, Вышинский опять вспылил:

— Я хочу держать людей в известном напряжении.

И дал понять, что ничего в своей манере обращения с людьми он менять не собирается, а будет и впредь поступать так же. Так он и поступал. А по отношению ко мне после этого затаил недоброе чувство, хотя никогда на этот случай не ссылался. Выливалось оно в самые неожиданные моменты. Пожалуй, нелишне в этой связи вспомнить и о таком эпизоде, про который

мне позже рассказали независимо один от другого Маленков и Молотов.

На заседании Политбюро во время одного из докладов по вопросам текущей политики Вышинский отозвался о заместителях министра нелестно. Ни с того ни с сего он вдруг заявил:

— Мои заместители почти все молодые. Они не имеют необходимого опыта политической работы. Возьмите, к примеру, Громыко. По его основной работе у меня к нему никаких замечаний нет. Но ведь он не принимал участия в борьбе с троцкизмом. Ни одной его статьи не было в «Правде».

Кто-то из членов Политбюро задал вопрос:

— Как же он мог принимать участие в этой борьбе, если ему тогда было лет пятнадцать-шестнадцать?

Все ожидали, посматривая то на Молотова, то на Вышинского, что они скажут на это. Слово взял Молотов:

— Ему тогда было, кажется, шестнадцать лет. Вышинский промолчал. Что ж, Молотов справку дал правильную. Все, в том числе Сталин, улыбнулись.

Когда я позднее узнал об этом, то подумал: «Да ведь в том возрасте, о котором шла речь, я еще и большого города как следует не видел. Раза два ходил с товарищем пешком в Гомель, который для нас обоих казался другим миром. А о каком-то Троцком отрывочные слухи изредка доходили до нашего села, но даже взрослые ничего толком о нем не знали. В ту пору к нам не приходила ни одна газета».

Вот с таким человеком мне и пришлось в течение известного времени работать под одной крышей. Хорошо, что недолго.

Дипломатии он никогда не учился и фактически к ней не приобщился. Конечно, в обсуждениях и спорах точка зрения Молотова всегда одерживала верх. Но чем дальше текло время, тем больше отношения между Молотовым и Вышинским становились натянутыми. Его вспыльчивость и несдержанность отрицательно сказывались на работе. Особенно четко это проявилось в Америке во время одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

На даче советского представительства в Гленкове, приблизительно в пятидесяти километрах от Нью-Йорка, проходило совещание руководящего состава советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН. Обсуждался вопрос о том, как реагировать на заявления представителей некоторых западных стран, что Советский Союз не хочет разоружения. Поэтому-де он и не принимает предложений стран НАТО по контролю, утверждали они.

Молотов — а он являлся главой делегации — в ходе обсуждения высказал такую мысль:

— Надо дать аргументированный ответ. Он должен показать, что расхождения между нами и «западниками» состоят в том, что Советский Союз предлагает, чтобы контроль применялся одинаково эффективно как к Советскому Союзу, так и к странам НАТО, а западные державы такого одинакового подхода не хотят. Все это надо разъяснять.

Мы, присутствовавшие на этом совещании, в том числе Мануильский, Киселев, Зорин, Новиков, Соболев, Голунский, считали, что Молотов был прав. Все понимали, что позицию СССР надо терпеливо излагать и отстаивать. Все, но не Вышинский.

— Считаю, — говорил он, — что надо делать резкие заявления о том, что западные страны занимаются клеветой, и чем резче, тем лучше.

Он предлагал формулировки, похожие на приговоры суда, выносимые уже после того, как вина подсудимого «доказана». С этим каким-то бездумным упрощением положения, конечно, никто из нас не мог согласиться. Становилось ясно, что Вышинский и в данном случае не расставался с тем ходом мыслей, который он многократно использовал во время известных судебных процессов в период культа личности Сталина, пропуская все через свое «юридическое сито».

Поняв, что оказался в изоляции, он вдруг вскочил со стула и в виде протеста, хлопнув дверью, вышел из комнаты. Все свидетели того, что произошло, весьма удивились этой бестактности.

Молотов продолжил обсуждение и вел себя так, будто ничего особенного не случилось, не поднял даже головы, но чувствовалось, что он возмущен. Продолжали высказываться другие члены делегаций СССР, Украинской ССР и Белорусской ССР.

Минут через сорок Вышинский возвратился, тихо занял свое место, до конца совещания ничего не говорил и сидел, как каменное изваяние. Молотов, в свою очередь, демонстративно делал вид, что его не замечает, и спокойно продолжал вести совещание.

Разговор фактически продолжался между Молотовым, Мануильским, мною, Соболевым, Новиковым и другими делегатами.

Приключился с Вышинским в начале пятидесятых годов и такой случай.

В Советский Союз тогда с официальным визитом прибыл премьер Государственного административного совета КНР Чжоу

Эньлай. Ему оказали соответствующие почести как представителю дружественного соседнего государства. С ним беседовал и Сталин.

От имени Министерства иностранных дел СССР в честь Чжоу Эньлая устроили обед. Состоялся он в особняке МИД СССР на улице Алексея Толстого. В качестве старшего с советской стороны был Вышинский.

Уселись за стол. Слово для тоста взял Вышинский. Тост состоял из нескольких кратких фраз. Ему ответил Чжоу Эньлай. А затем началась застольная беседа, в ходе которой обсуждение политики чередовалось со свободно выбираемыми темами. Разговор носил дружественный характер. На столе стояли водка и сухое вино. Хозяева и гости особого расположения к алкогольным напиткам не проявляли, особенно к водке. Одним словом, все выглядело корректно и непринужденно. Были и тосты.

Поднявшись из-за стола, старшие гости совместно с хозяевами перешли в гостиную. С нашей стороны шли Вышинский, я и еще два человека, с китайской стороны — Чжоу Эньлай, китайский посол и еще два-три дипломата. Конечно, высказывания переводились переводчиками.

Когда мы расселись, я вскоре обратил внимание на то, что Вышинский почти ничего не говорит. Он, обычно так любивший порассуждать, ограничивался в тот момент лишь словами «да» или «нет».

Прошло минут десять — пятнадцать. Вдруг он поднялся со своего места и быстро, ничего не говоря никому, направился мелкими частыми шагами к широкой парадной лестнице, на выход. Все были удивлены, особенно Чжоу Эньлай. Я тоже оказался застигнутым врасплох таким поведением главного хозяина. Но поскольку был первым заместителем министра иностранных дел, то по законам протокола и старшинства пришлось брать разговор на себя. Оценив обстановку, я сказал Чжоу Эньлаю:

— Видимо, Вышинский почувствовал себя неважно.

— Да, вероятно, так и есть, — отозвался Чжоу Эньлай. Беседа продолжалась. Гости отнеслись к этому факту спокойно. В конце концов, мало ли что случается.

Однако после того как я вечером вернулся домой, то примерно минут через двадцать мне позвонил Сталин. Он задал вопрос:

— Что у вас там произошло с Вышинским, почему он ушел? Я ответил:

— Товарищ Сталин, произошло следующее. Когда обед был завершен, мы все перешли в гостиную. Завязалась обычная

беседа. Но я обратил внимание, что Вышинский почти ничего не говорит. Так продолжалось, наверно, минут десять — пятнадцать. Вдруг он поднялся с кресла и быстро направился к выходу. Мы с Чжоу Энь-лаем продолжали беседу. Судя по всему, Чжоу Эньлай и все остальные гости отнеслись к этому спокойно.

Сталин спросил:

— Вышинский что-либо пил? Может быть, он опьянел? Я ответил:

— По моим наблюдениям, а я ведь сидел напротив него и все видел, он выпил рюмку, может быть, две сухого вина. Так что, мне кажется, человек не может опьянеть после такой порции вина.

Тогда Сталин задал мне прямой вопрос:

— Почему же Вышинский убежал, можно сказать, спотыкаясь, со встречи с Чжоу Эньлаем?

Я ответил:

— По-моему, он все же не был пьян. Он шел быстро, мелкими шажками.

— А вот врачи заявляют, что он отравился алкоголем, — сказал Сталин.

— В таком случае, возможно, он выпил до обеда, — парировал я.

Сталин держал трубку, — чувствовалось, размышлял.

— Гм, гм, гм… — раздавалось в трубке, а потом: — Ну, хорошо. На этом наш разговор и закончился. Если честно, то я тогда в какой-то мере Вышинского пощадил. Почему? Скорее всего потому, что не мог утверждать наверняка, что он много выпил. Просто этого не видел. Равно как и не мог я дать гарантию, что все происходило только так, как пришлось рассказать Сталину. Не проверял же я, сколько точно рюмок выпил министр. Через стол я видел бокалы с вином. Но светлая водка в светлой рюмке могла и притаиться от моего взгляда. Исходил я при этом из презумпции невиновности, которую так жестоко поносил Вышинский во время процессов, на которых выступал в роли обвинителя жертв беззакония.

А о звонке Сталина и о моем разговоре с ним я ни тогда, ни позже Вышинскому не сказал. Он скорее всего об этом не знал.

После смерти Сталина в Министерстве иностранных дел СССР произошли перестановки. Министром назначили Молотова. Вышинского сдвинули на пост первого заместителя министра с явной задумкой услать на работу куда-нибудь подальше.

Но вот однажды Молотов вернулся с заседания Политбюро взволнованным. Он сразу же собрал своих заместителей. Нас было четверо, в том числе первые заместители — Вышинский и я.

Так происходило всегда, когда министру поручалось сообщить о каком-то важном решении, принятом на заседании высшего партийного органа. Он обычно информировал руководящий состав министерства прежде, чем мы узнавали о случившемся из печати.

Но то, что мы услышали в этот раз, было совершенно неожиданным, из ряда вон выходящим. Молотов заявил:

— Только что арестован Берия!

Рядом со мной, поставив руки на стол и положив на них голову (уже сама по себе поза представлялась какой-то неестественной), сидел Вышинский. После того, что мы услышали, я посмотрел на него. Он наклонил голову к столу. Явно в состоянии шока, он выдохнул:

— Вячеслав Михайлович, повторите, пожалуйста, что вы сказали. Эту просьбу высказал только он, несмотря на то, что сидел к министру ближе других.

Молотов подтвердил сказанное:

— Да, да, да! Берия арестован!

Не берусь судить о том, что думал в этот момент Вышинский. Скрюченность его тучного тела выглядела противоестественно. Не могу сказать, были ли в тот момент его глаза открытыми или закрытыми. Все равно он ничего не видел, потому что тупо смотрел прямо в зеленую скатерть стола.

А Молотов коротко рассказал о том, как производился арест. Повторяю — коротко.

— Берию сразу же отвели в соседнюю комнату под охраной. Мы, оставшиеся на заседании члены Политбюро, сидели и делали вид, что продолжаем заседание…

Вышинский слушал все это с каменным выражением лица. Он еще долго не мог прийти в себя от неожиданного сообщения. До конца нашего совещания он так и не проронил ни звука. Собственно, происходившее в тот день совещанием никто не осмелился бы назвать.

Все, в том числе Молотов, украдкой посматривали на Вышинского, который сидел в состоянии какой-то прострации.

Вышинский умер через год после смерти Сталина. Но для меня он перестал оставаться загадкой уже тогда, когда неуклюже навалился всем телом на стол, услышав известие об аресте Берии.

Глава XX
ДВАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

На всю жизнь запомнился мне XX съезд КПСС. Самым ярким событием съезда стал, конечно, доклад Хрущева о культе личности Сталина. Этот доклад явился, безусловно, историческим актом. Самая сильная его сторона состояла в обнародовании данных, относящихся к сталинским репрессиям. Оглашенные факты произвели на делегатов съезда, в том числе и на меня, ошеломляющее впечатление.

Все участники заседания потрясенно слушали рассказ о гибели многих невиновных людей в результате произвола Сталина или доносов, поступивших к нему. Больше никогда в жизни я не присутствовал на подобном форуме — съезде, конференции, собрании, где стояла бы такая тишина. Делегаты старались ловить каждое слово. Иногда они не выдерживали и издавали глухие стоны: так выражалась и их собственная душевная боль, и негодование в адрес Сталина.

Сидел в зале я рядом с маршалом Р. Я. Малиновским. Это был человек, прошедший сквозь огонь двух войн — первой империалистической и Великой Отечественной. Но и он не мог спокойно слушать. Помню, некоторым присутствовавшим на докладе Хрущева было настолько плохо, что им приходилось покидать зал.

Каждый документ, процитированный Хрущевым, каждая цифра и факт доклада, связанный с расстрелянными и замученными людьми, били по сознанию, болью отдавались в сердце.

Разумеется, все сидевшие в зале, в том числе и я, внимательно наблюдали за президиумом съезда. Там находились и так называемые соратники Сталина. Некоторых из них — Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна — связывала дружба с диктатором еще в далекие годы, хотя слово «дружба» при характеристике отношений «вождя» с другими членами руководства не отражает действительности. Отношения с ним даже близких по партии людей реально строились не на такой основе.

Было трудно составить точное представление о том, кому из сталинского окружения были известны приведенные в докладе факты или по крайней мере некоторые из них. После съезда многие из этого окружения заявляли, что либо большинство из того, о чем шла речь, либо почти все они узнали только из

доклада Хрущева и записки, подготовленной специально созданной комиссией под председательством П. Н. Поспелова.

Правильно будет отметить, что почти все, кто присутствовал на заседании, когда Хрущев сделал свой доклад, мысленно посылали проклятия в адрес Сталина, а заодно и тех, кто в той или иной степени был его сообщником в проведении политики репрессий.

Конечно, каждый слушавший доклад Хрущева задавал себе вопросы: почему эта горькая правда не выходила наружу ранее? Где причины этого? Ведь существовала же партия. Миллионы людей работали на дело укрепления Советской власти, всей страны. Делегаты спрашивали и себя, и друг друга: почему такое могло случиться? Откуда произрастали корни такого человеконенавистничества? Никто тогда не был в состоянии дать точные и обоснованные ответы на эти вопросы. Они и сегодня глубоко волнуют советских людей. Однако один из ответов, пожалуй, самый убедительный, многие давали и в ту пору. Он состоял в том, что была создана и пущена в ход такая иезуитская служба репрессий, которая со всей беспощадностью и в глубокой тайне действовала в угоду диктатору.

Доклад Хрущева разоблачал — и в этом его историческое значение — культ личности Сталина, но в то же время, как известно, оказались обойденными такие страницы истории нашей страны, как насильственная коллективизация в сельском хозяйстве, голод, через который прошел народ в 1932–1933 годах и который унес миллионы жизней.

В докладе не рассматривался вопрос об отношении Сталина к международному коммунистическому движению. Диктатор свою абсолютную власть распространил и на эту сферу. Надо сказать, что на фоне таких крупных международных деятелей, как Георгий Димитров, Вильгельм Пик, Пальмиро Тольятти (в Коминтерне его знали под псевдонимом М. Эрколи), Морис Торез, Бела Кун, Клемент Готвальд, Иоганн Копленинг, Сталин как теоретик выглядел довольно бледно.

Взяв фактически за одни скобки фашизм и социал-демократию, он тем самым нанес огромной силы удар по коммунистическому движению, подорвав основу для сотрудничества коммунистов с социал-демократами в борьбе против надвигающейся войны. Это на деле было услугой фашизму.

История никогда не простит Сталину уничтожения руководящего состава Коминтерна. Коса сталинизма резанула по лидерам Коминтерна. В сталинских застенках погибли такие выдающиеся деятели коммунистического и рабочего движения,

как Б. Кун, Г. Клингер, Г. Эберлейн, Ф. Платтен (тот самый, который в 1917 году помогал организовать переезд Ленина из Германии в революционную Россию), А. Барский, В. Костшева, Х. Валецкий, Ю. Леньский (все четверо — основатели и руководители компартии Польши) и многие другие. Уцелели лишь немногие из руководителей Коминтерна.

Арестовывались, проходили через муки, обрекались на смерть руководящие деятели и активисты нелегальных в те годы компартий Австрии, Венгрии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Югославии, коммунисты и политэмигранты из Болгарии, Греции, Италии и ряда других стран. Список жертв насчитывал многие и многие сотни фамилий.

«Чистку» рядов Коминтерна и зарубежных коммунистических партий Сталин называл «благодетельным процессом очищения Коммунистического Интернационала от оппортунистических и колеблющихся элементов». На самом же деле все это он делал для того, чтобы объявить себя «вождем Коминтерна», единственным толкователем ленинизма. А его суждения предписывалось воспринимать как истину.

В условиях подобного диктата сковывалась инициатива компартий, создавалась серьезная помеха для выработки правильной оценки ситуации как в отдельно взятой стране, так и в мире в целом. Ориентировка на жесткие сталинские установки заставляла подгонять под них лозунги борьбы, что зачастую шло вразрез с создавшимся положением.

Сталинские взгляды на Коминтерн базировались на недоверии к политике рабочего единства и широкого антифашистского фронта, к союзникам рабочего класса. Сталин всегда считал, что эти союзники, будучи попутчиками на определенном этапе, потом в условиях социалистического строя обязательно превратятся во «внутренних врагов», борьба с которыми станет неизбежной. Именно в этом и состояло его догматическое понимание марксизма-ленинизма в противовес творческому, на позициях которого стояли многие видные члены Исполкома Коминтерна.

В 1943 году этот международный центр, созданный Лениным и коммунистическими партиями, Коминтерн, был ликвидирован.

Сталин, разумеется, не имел никакого права принимать решения по вопросам деятельности коммунистических партий других государств. Тем более выносить приговоры руководителям этих партий. Ведь кроме всего прочего они искали в стране Октябрьской революции политическое убежище. Однако вместо него многие нашли смерть.

В докладе Хрущев не давал теоретического обобщения прошедшего периода. Тем не менее сила и убедительность примеров, приведенных в нем, были настолько велики, что всех захватили именно факты.

После окончания доклада делегаты устроили Хрущеву бурную и продолжительную овацию. Никто из зала не выходил. Некоторое время казалось, что участники заседания вообще не намерены расходиться. Но вот наконец они тронулись со своих мест и сразу же стали оживленно обмениваться впечатлениями. В ход пошли жесты, которыми подчеркивалось то, о чем говорилось с таким жаром.

Расходились очень медленно. Каждый хотел поделиться мнением с соседом. Вообще, имело место уникальное психологическое состояние людей. Я видел: делегаты, которые после заседаний обычно спешат по своим делам, едва выйдя из здания, останавливались на кремлевской площади, образовывали группки, горячо обсуждая услышанное.

Мое собственное самочувствие я не мог сравнить ни с чем, что ощущал в жизни. Разве что волнение, которое меня охватило во время и после доклада, уступало, пожалуй, только тому волнению, которое возникло в тот роковой июньский день 1941 года при получении известия о нападении Германии на СССР. Всю ночь после доклада я не мог уснуть. Настолько сильно были напряжены нервы от всего услышанного.

С быстротой молнии весть о докладе с разоблачением культа личности Сталина разнеслась по миру. И никто не мог погасить того огня правды, который был зажжен на XX съезде партии, хотя эта правда была далеко не полной.

Как только закончился XX съезд партии, многое из доклада Хрущева сразу же стало известно у нас в стране, так как присутствовавшие на заседании, где он произносился, приоткрыли его содержание, хотя это и делалось без особой конкретики. Кроме того, вскоре информация о съезде и докладе Хрущева была доведена до сведения всех коммунистов в первичных партийных организациях. Лекторы и пропагандисты выступали перед многочисленными аудиториями советских людей и излагали основное содержание доклада.

Можно определенно сказать, что на основе того, что рассказывалось народу, рождалось негодование. Несмотря на неполноту информации, страна и прежде всего партия по-иному начали оценивать роль Сталина в истории Советского государства после кончины Ленина.

В те дни на улицах Москвы можно было часто увидеть группы людей, которые обсуждали сообщение о съезде. Видимо, еще

действовала большая сила инерции, так как люди обсуждали это событие втихую, как бы стесняясь говорить вслух. Ничего в этом не было удивительного: на протяжении почти трех десятков лет разговоры, в которых упоминался Сталин, велись всегда под покровом секретности. Люди еще не были раскованы психологически, но время выполняло свою работу.

Мне тогда приходилось принимать участие в пропагандистской работе, я выступал на некоторых крупных предприятиях с информацией о культе личности Сталина. Слушатели сидели на таких собраниях, затаив дыхание, вслушиваясь в каждое слово. По окончании выступления задавали вопросы.

Помню, как на крупном предприятии один рабочий встал со своего места, извинился, что задает такой вопрос, а потом спросил:

— Как же так получилось, что Сталин послал на смерть множество ни в чем не повинных людей? Ведь существовали же органы — НКВД, суд, — которые могли устанавливать истину и спасти невинных людей?

В аудиториях приводилось немало примеров из жизни производственных коллективов предприятий, когда люди по ночам просто исчезали. Почему же не было никакой защиты этих людей?

Нелегко было ответить на все эти вопросы, но слушатели с пониманием воспринимали мысль о том, что тогдашний аппарат НКВД представлял собой своеобразный механизм, преобразованный под диктовку Сталина в орудие его политики террора.

Те деятели, которые составляли окружение Сталина, были по-своему удручены оглашением леденящих душу фактов о его преступлениях. Ведь ко многим из этих преступлений они имели отношение сами. Это касается Молотова, Ворошилова, Кагановича и ряда других. И напрасно было после съезда задавать кому-либо из них вопросы о том, почему же они не пытались спасать людей от гибели, внушая Сталину простую мысль: «Не могут быть врагами народа сотни тысяч и миллионы советских граждан». Подобные вопросы могли бы покоробить этих людей. А намеки на это они просто игнорировали. Кто бы в разговорах ни затрагивал тему репрессий, они решительно отказывались ее обсуждать. Никто из них не сделал никакого признания своей вины ни на съезде, ни после него, не направил в ЦК никакого объяснения своих действий или бездействия в прошлом, не оказал помощи партии в деле дальнейшего разоблачения бесконечно длинной цепи преступлений периода культа личности

Сталина.

Глыба данных, которая была перевернута на XX съезде партии, открыла такую пропасть, такие кровавые следы сталинских репрессий, что даже в настоящее время нельзя сказать: да, все факты, связанные с ними, уже выявлены, и дальше нечего искать.

Сегодня советские люди все больше укрепляются в убеждении, что для Отечества, для его здоровья как воздух необходимы гласность и открытость, которые уже стали неотъемлемой чертой перестройки и лучшей гарантией против беззакония.

Пишу я эти строки сейчас для читателя, чтобы передать ему свои впечатления о XX съезде партии и то, как в моем сознании один образ Сталина заменился другим. На смену «прозорливому вождю», имидж которого создавался тогдашней пропагандой, пришел жестокий и безжалостный тиран.

Такого рода мысли рождались тогда не только у тех, кто присутствовал на съезде.

Не сразу после XX съезда партии, а несколько позднее мне приходилось слышать следующие высказывания: «Ну что ж, Хрущев сделал великое дело, выступив с разоблачением культа личности Сталина. Но не преследовал ли Хрущев тем самым цель — реабилитировать себя, поскольку он сам и в Москве, и на Украине приложил руку к репрессиям?»

Нет, эта точка зрения примитивна. Допустим даже, что объективно в какой-то степени данный момент присутствовал. Но значение самой акции, предпринятой на съезде, настолько велико, что этот момент отходит на задний план. Допустим, что кое к чему из общего потока сталинской политики Хрущев был причастен. Но разве это, хотя бы в самой небольшой степени, умаляет значение и уменьшает силу удара, который на XX съезде партии был нанесен по культу диктатора?

Все это следует оценивать лишь по-крупному, а точнее — по-государственному.

Глава XXI
КОЕ ЧТО О ПЕРИОДЕ ЗАСТОЯ

Хочу вкратце высказать свое суждение о Л. И. Брежневе. Для всех членов ЦК КПСС становилось все более ясным, что между тем Хрущевым, который решительно, смело и с большой силой убеждения выступил на XX съезде партии с разоблачением культа личности Сталина, и Хрущевым последнего периода пребывания во главе руководства обнаружилась пропасть. У него самого все больше стали проявляться замашки, характерные для культа. Как будто какая-то роковая сила схватила его в свои объятия, приговаривая: «Я намерена испробовать тебя на прочность и посмотреть, выдержишь ли ты это испытание или согнешься».

Он не выдержал. Подобия сталинских репрессий, конечно, не было. Но машина по разоблачению преступлений Сталина забуксовала. И это стало очевидным. Таким образом, фактор культа личности в определенной мере тоже сыграл свою роль в формировании общего мнения по поводу освобождения Хрущева с постов высшего руководителя партии и государства и избрания вместо него Брежнева.

В связи с освобождением Хрущева с занимаемых им постов в печати иногда появляются разного рода домыслы, касающиеся событий того времени. Говорят, что Брежнев чуть ли не сам себя навязывал Центральному Комитету партии кандидатом на пост Первого секретаря ее ЦК. Это неправда. Настроение в ЦК по поводу того, чтобы на этот пост избрать Брежнева, было общим. Именно общим. Безусловно, таким было и мнение Политбюро.

Брежнев не выказывал желания делать сообщение о Хрущеве и вносить предложение о его освобождении на Пленум ЦК партии. Даже возражал против этого. Было общее мнение, что с таким сообщением и соответствующим предложением выступит Суслов. Это он и сделал.

Кстати, Хрущев не счел возможным попросить ответное слово и выступить в свое оправдание. Этого никто не ожидал, но так было. Оглашенные на Пленуме факты о его деятельности в последние годы были разительными. Он не смог бы их опровергнуть.

Разумеется, Пленум полностью отдавал отчет в том, что Хрущев внес великий вклад в разоблачение культа личности Сталина. Именно ввиду этого XX съезд партии вошел в летопись страны и мира в качестве исторической акции, заклеймившей диктатуру Сталина, его беззакония и репрессии.

Видимо, Хрущев в последний период своей деятельности почувствовал, что не за горами время, когда ему придется уступить свое место кому-то другому. Он стал думать о преемнике, хотя никто его об этом не просил. Поразил меня однажды такой факт.

В Москву в те дни как представитель американского президента прибыл Аверелл Гарриман, бывший посол США в СССР. Ему было поручено обсудить германские дела, главным образом вопрос о Западном Берлине.

Хрущев принял Гарримана в загородной резиденции. На беседу он пригласил члена Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлова и меня как министра иностранных дел СССР. По ходу беседы Хрущев заявил гостю из США:

— Хотите знать, кто будет моим преемником? Скажу вам — вот он!

И указал на Козлова. Тот промолчал.

Я был изумлен и озадачен. Задавал сам себе вопрос: «Как же это, первое лицо в нашей стране может так говорить, будто имеет право единолично выбирать себе преемника?»

Вероятно, он уже не мог контролировать себя должным образом. В руководстве замечали, что он благоволил к Козлову. Но, конечно, он не имел права в одиночку решать такого рода вопросы.

Приведенный факт, конечно, не остался в тайне и сработал не в пользу Хрущева, а в пользу Брежнева. Члены руководства еще больше укрепились во мнении, что Хрущев как политический руководитель отсчитывает если не последние дни, то по крайней мере последние месяцы.

У меня никогда не было сомнений, как и у других членов ЦК, членов Политбюро того периода, что Брежнев является деятелем, приверженным политической линии, выработанной после XX съезда КПСС. Допускаю, что я знал не все стороны его деятельности, но все же ее основные направления ни ЦК КПСС в целом, ни Политбюро под вопрос не ставили.

И все же прежде всего заслуживает внимания то, что в течение нескольких последних лет он работал, будучи уже больным. Правда, он этого не афишировал. И даже скрывал. Однажды Ю. В. Андропов и я договорились намекнуть Брежневу:

— Не следует ли вам как-то поберечь свое здоровье? Если ему не уделить должного внимания, то это может быть связано с большой опасностью.

Конечно, намек выглядел прозрачным, хотя и поставлен был, как нам казалось, с должным тактом.

Брежнев в ответ просто промолчал, а затем перешел к

разговору на другие темы.

Мы оба, Андропов и я, расценили такую реакцию как то, что он и не помышлял об изменении своего положения.

Тут, пожалуй, уместно вспомнить еще один разговор. Как-то при удобном случае я сказал ему:

— Надо бы что-то сделать, чтобы в стране меньше потреблялось алкогольных напитков. Уж очень много у нас пьют, а отсюда и рост преступлений, дорожных происшествий, травм на производстве и в быту, развала семей.

— Знаете, — оживился он в ответ, — русский человек как пил, так и будет пить! Без водки он не может жить.

Я настаивал на своем:

— Миллионы алкоголиков тянут страну назад. И партии, и народу от того пьянства, которое существует сейчас, будет только худо. Разве не об этом говорит статистика, да и медицина?

Разговор этот не привел к положительным результатам. Но через два-три месяца вопрос об этом все же возник на Политбюро. Генеральный секретарь уже не возражал против принятия какого-нибудь антиалкогольного решения. Но оно оказалось слабым, неконкретным и ощутимого эффекта не дало.

Пожалуй, нелишне высказать свое мнение об уровне общей подготовки Брежнева. Я бы сказал так. В общепринятом смысле слова он был человеком образованным. Неверны утверждения об обратном. Однако его знания не отличались глубиной. Не случайно он не любил разговоров на теоретические темы, относящиеся к идеологии и политике. Последние годы жизни он почти ничего не читал. Иногда я по своей инициативе рекомендовал ему прочесть те или иные книги, хотя бы в короткие часы отдыха.

Помню однажды, находясь на отдыхе в санатории под Москвой, я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав:

— Книгу я не прочел. Да и вообще — отвык читать. Комментарии к этим словам, как говорят, излишни. Сильной стороной Брежнева был особый интерес к кадрам.

Иногда его беседы с членами ЦК и другими ответственными работниками сводились к теме о том, кто чем занимается, какие у кого с кем отношения, — все это с целью выяснения у собеседников, не строит ли кто-нибудь против него лично каких-либо козней. Члены Политбюро, да и многие члены ЦК знали эту особенность Генерального секретаря и учитывали ее. При этом имел место, безусловно, и подхалимаж.

Все это, конечно, в какой-то степени отражалось на его

авторитете, отнюдь не повышая его. Но собеседники, как правило, его щадили и старались ему помогать, как могли. Видимо, болезненное состояние усугубляло его подозрительность. Даже важные проблемы пропускались через призму личных настроений того или иного работника по отношению к нему как к Генеральному секретарю.

Экономическое положение страны было очень сложным, а в некоторых отношениях тяжелым. По справедливости тогдашний период назван «застойным». Он был застоем в экономике, науке и технике, социальной сфере. Имели место разного рода комбинации с цифрами, не отражающими истинного положения в промышленности и сельском хозяйстве. Узкие места и недостатки часто затушевывались.

Всегда перед съездами партии и пленумами ее ЦК руководство проходило через мучительную стадию раздумий о том, в каком виде представить итоги развития страны. С этой же трудностью ЦК КПСС и правительство встречались каждый год при подведении итогов за минувший период. Хозяйство находилось в состоянии стагнации. Это была суровая действительность. А приходилось говорить о мнимых успехах. Полностью вся правда обнажилась позднее.

Страна тогда закупала за рубежом много промышленного оборудования. С его освоением наша промышленность не справлялась. Положение усугублялось и тем, что импортируемое иностранное оборудование не устанавливалось в нормативные сроки. Пролежав годы, устаревало с точки зрения технологии и становилось фактически непригодным к работе еще и по этой причине. Помню, как-то при мне Брежнев задал Косыгину вопрос:

— Как много закупленного за границей промышленного оборудования у нас до сих пор не установлено на предприятиях и все еще складировано? Косыгин ответил:

— На шестнадцать-семнадцать миллиардов инвалютных рублей. По тому времени (да и по нашему тоже!) это составляло огромную сумму.

Почти систематически страна закупала и зерно. Сельское хозяйство Советского Союза переживало исключительно трудные времена, что еще больше отягощало экономическое положение. Все это не могло не отразиться в отрицательном плане на жизненном уровне населения.

Конечно, сейчас может возникнуть вопрос:

— Если было ясно, что принимаются решения, не отвечающие интересам страны, то почему же Политбюро, да и ЦК не принимали иных решений, которые в действительности отвечали бы интересам государства и народа?

Нужно учитывать, что существовал определенный механизм принятия решений.

Могу привести факты в подтверждение такого тезиса. Не только я, но и некоторые другие члены Политбюро справедливо указывали на то, что тяжелая промышленность и гигантские стройки поглощают колоссальные средства, а отрасли, производящие предметы потребления — продовольствие, одежду, обувь и т. д., а также услуги, — находятся в загоне.

— Не пора ли внести коррективы в наши планы? — спрашивали мы.

Брежнев был против. Планы оставались без изменений. Диспропорция этих планов сказывалась на обстановке вплоть до конца восьмидесятых годов, когда пишутся эти строки.

Или взять, к примеру, личное хозяйство колхозника. Фактически его уничтожили. Крестьяне не могли себя прокормить.

Еще во времена Хрущева имел место любопытный случай. Собрались мы однажды перед заседанием Политбюро, а Хрущев приехал прямо с дачи. И заговорил возмущенно:

— Еду и из окна машины вижу — какая-то старушка пасет две козы. Ведь эти козы едят хлеб. Иначе их не прокормить, и они были бы не нужны. А хлеб мы печем для людей, и нам его не хватает.

Вначале я подумал, что он шутит. Но оказалось, что все высказывалось вполне серьезно и Первый секретарь упрекал тех товарищей, которые должны следить за обстановкой на селе. Тогда по соответствующим решениям крестьяне должны были сдать со своих подворий рогатый скот. Предполагалось, что он будет выращиваться в крупных агрофермах. Вот почему Хрущева так удивили две козы, все еще находившиеся, судя по всему, в собственности какой-то старушки. Хрущев считал себя знатоком жизни крестьянина, но и он «наломал немало дров», навязывая руководству партии и страны ошибочные решения по вопросам развития советской деревни и сельского хозяйства.

С приходом Брежнева в сельском хозяйстве страны изменений происходило мало.

Только со времени апрельского Пленума ЦК (1985 год) в условиях перестройки, демократизации и гласности сложилась обстановка, благоприятная для использования колоссального потенциала нашего социалистического общественного строя как в экономике, так и в социальной и духовной сфере в самом широком понимании этого термина.

Мне не приходилось наблюдать, чтобы Брежнев глубоко осознавал недостатки и серьезные провалы в экономике страны.

Правда, он соглашался, что обстановка требует, чтобы был сделан серьезный поворот в сторону научно-технического прогресса. Было ясно, что наша наука и техника во многих Отношениях отстают от развития науки и техники в передовых капиталистических странах. Он даже дал согласие выступить с докладом на Пленуме ЦК КПСС по этому вопросу. Интересы страны требовали принятия соответствующих решений. Но Пленум несколько раз откладывался. С докладом он так и не выступил, никакие серьезные решения по этому вопросу в тот период так и не были приняты.

Сама оценка положения в стране в области экономики, науки и техники, социальной сферы, да и в культурной жизни была какой-то вялой, давалась от случая к случаю. Многие факты просто скрывались. С таким положением и встретилась политика перестройки.

Тогда все считали, что главное лицо, с которого следует спрашивать за недостатки и прорывы в области экономики, — это А. Н. Косыгин. Во-первых, он был Председателем Совета Министров СССР, а во-вторых, он действительно считался знатоком экономических проблем, поскольку являлся крупным экономистом. Я и сам так оценивал его роль. Но как бы основательно Косыгин ни понимал экономические проблемы, он все же на практике шел по тому же пути застоя. Каких-либо глубоких положительных мыслей, направленных на преодоление пагубных явлений в экономике страны, он не высказывал. Ни он, ни руководство того периода не сумели вывести страну из сложного положения.

Естественно, возникает вопрос: отдавал ли Брежнев себе отчет в том, что обстановка в стране чрезвычайно тяжелая и что необходимо искать пути к ее коренному изменению?

Он не отдавал себе в этом полного отчета. Принимал на веру заявления работников, непосредственно отвечавших за то или иное направление в социальном и экономическом развитии страны, за выполнение намеченных планов. Был снижен уровень требовательности к этим работникам, делалось немало успокоительных докладов и речей, но обстановка в лучшую сторону не менялась.

Дело осложнялось еще и тем, что само Политбюро главных внутренних проблем, стоящих перед страной, фактически серьезно не обсуждало. Как правило, принимались формальные решения, причем без обсуждений. Тексты решений готовились соответствующими ведомствами. Не было той ответственности и того огонька, которыми характеризуется последующий период перестройки жизни советского общества.

В первые годы пребывания Брежнева на посту Первого секретаря, а затем Генерального секретаря ЦК партии он старался в какой-то мере охватывать главные вопросы положения в стране и выказывать самостоятельность суждений. Но глубоко проблем, стоящих перед партией и народом, он не знал. Обычно полагался на суждения Совета Министров, отдельных членов Политбюро и других товарищей. А выводы делал по подсказке экспертов и помощников, готовивших заранее предложения по рассматриваемым вопросам. В конце дискуссии он зачитывал то, что было подготовлено. Страшно не любил, если кто-то вносил предложение, отличное от того, которое им было зачитано. Обычно все при этом чувствовали неловкость.

Все это не способствовало продуктивному рассмотрению актуальных проблем. Эти серьезные недостатки все больше давали себя знать прежде всего в центре. Известно это становилось и большому слою партийных работников. Положение было абсолютно ненормальным. Все в руководстве понимали, что долго так продолжаться не может. Но это «не может» длилось до самой кончины Генерального секретаря.

Еще при жизни Брежнева иностранные деятели часто меня спрашивали:

— Что собою представляет Брежнев?

Такой вопрос ставился и перед другими членами нашего руководства во время их поездок за рубеж. Вот и приходилось давать ответы на этот, казалось бы, простой, но совсем нелегкий вопрос. Авторитет Генерального секретаря все мы щадили. Но ведь многие зарубежные деятели знали положение, так как следили за тем, как он вел переговоры с руководителями других государств. Например, бывший президент Франции Жискар д'Эстен подробно изложил в печати свое впечатление о Брежневе, с моей точки зрения, даже перехлестывая через край.

Если не считать затруднений, связанных с состоянием его здоровья, то переговоры с иностранными деятелями Брежнев вел в общем достойно. Отстаивал интересы Советского Союза и предложения, с которыми он выступал во время контактов с руководителями других государств.

Связи с ведущими деятелями стран Варшавского Договора у Брежнева были в общем нормальные, зачастую доверительные. Но здесь следует сказать, что при нем все же не был использован должным образом политический потенциал отношений по той же причине, о которой говорилось выше.

В ходе бесед с иностранными деятелями временами возникали ситуации, когда требовалась реакция на соответствующее заявление иностранного партнера именно со

стороны Брежнева. Такая реакция явно ожидалась, но ее часто не было. А если что-то и было сказано, то неясно. Надо, однако, отметить, что переводчик Виктор Суходрев часто выручал Брежнева, особенно когда беседы происходили один на один.

Тут я должен кое в чем защитить Брежнева. Когда возникал вопрос, что предпочтительнее: изложить позицию страны устно, может быть даже с претензией на оригинальность в формулировках, или зачитать подготовленный текст с точной фиксацией нашей позиции, он не колеблясь избирал второй путь. Он дорожил точностью и, думаю, поступал правильно.

Но этот метод на разного рода внутренних совещаниях, заседаниях, собраниях фактически лишал его возможности вносить свой вклад в обсуждение соответствующего вопроса. Если он не имел подготовленного текста, то иногда просто не принимал участия в обсуждении.

К этому следует добавить, что Брежнев не обладал творческим складом ума. Хотя у него имелись незаурядные способности в организаторском плане. Все это было широко известно. Эти способности и его умение ориентироваться в кадровых вопросах оттеняли его сильную сторону. На такие темы он мог вести многочасовые беседы. Он и Хрущев в кадровых вопросах были в известном смысле антиподами. Хрущев считал необходимым постоянно переставлять людей с одного места на другое, часто создавая тем самым хаотическое положение на отдельных участках работы. Брежнев, наоборот, даже тех работников, которых в интересах дела, в интересах страны нужно было бы освободить и заменить новыми, оставлял на своих постах.

Он был чересчур восприимчив к похвалам и комплиментам в свой адрес. Совершенно не улавливал грани, отделяющей искренность от лести. Такая черта характера наносила ему большой вред.

Характерен эпизод с присвоением ему звания Маршала Советского Союза. Даже среди руководящих деятелей трудно было найти того, кто бы отнесся положительно к идее присвоения ему такого звания. Однако сам он неоднократно давал понять, что, по его мнению, такое решение отвечало бы справедливости. Даже во время проведения Политбюро подходил к некоторым участникам заседания и подбрасывал эту мысль как бы между прочим. Обрамлял ее в такую форму:

— Военные меня уговаривают дать согласие на присвоение звания маршала.

Подошел как-то и ко мне. Тоже как бы в шутку, сославшись на военных, высказал эту мысль. Ответа не стал ждать и отошел.

Сидевший рядом со мной министр обороны СССР Устинов посмотрел на меня и улыбнулся. Я ответил тем же. На заседании было нетрудно уйти от ответа. Но прошло совсем немного времени, и в Политбюро было получено предложение коллегии Министерства обороны СССР о целесообразности присвоения Л. И. Брежневу звания Маршала Советского Союза.

Сродни этому получилось и награждение его орденом «Победы». Особенно печальным было то, что он не отдавал себе отчета в том, насколько отрицательно это воспринималось и в партии, и в народе.

Надо сказать, что в последние два-три года до кончины он фактически пребывал в нерабочем состоянии. Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей. Для большинства руководящих работников, особенно в центре, становилось ясным, что силы его на исходе. Не смог он укрепиться в мысли о том, что пора честно сказать о невозможности для него занимать прежнее положение, что ему лучше уйти на отдых. Вполне возможно, что, избрав именно такой путь, он мог бы еще свою жизнь и продлить.

Состояние его было таким, что даже формальное заседание Политбюро с серьезным рассмотрением поставленных в повестке дня проблем было для него уже затруднительным, а то и вовсе не под силу.

Вот в такой период рано утром 10 ноября 1982 года мне позвонил Андропов и сообщил:

— Леонид Ильич Брежнев только что скончался.

Глава XXII
ПАРТИЯ ИДЕТ С ФАКЕЛОМ ЛЕНИНА

Настоящая книга была уже почти закончена. Осталось только еще раз пройтись по отдельным главам и местам, чтобы вновь подумать, насколько они точны в отношении описания тех или иных событий, о которых идет речь. На ум приходил и такой вопрос:

— А сумел ли выбрать наиболее интересные факты, передать черты индивидуальности людей, с которыми встречался, их образ мышления?

Возникал и другой вопрос:

— А не упустил ли возможность хотя бы упомянуть о других, кто тоже оставил в моей памяти определенный след?

И пришел я к выводу, к которому, по-моему, приходит каждый, кто пытается, несмотря на оставшиеся резервы воспоминаний, очертить ограничительный круг, сказав:

— Хватит!

Даже если тени тех или иных людей, уже ушедших из жизни, как бы поглядывают через плечо на мое перо и говорят:

— Посмотрим, забудешь или все же добрым словом помянешь?

Ах, эти тени! Они и помогают, они и мешают.

Все это вполне понятно. Возьмите литератора-художника. Ведь он всегда ограничивает число своих персонажей, радующихся и страдающих, падающих и поднимающихся, рождающихся и умирающих на протяжении того отрезка времени, который диктуется содержанием произведения.

Так я размышлял в течение некоторого времени. Вдруг горестная весть — скончался Юрий Владимирович Андропов. Это был человек, с которым меня связывала, как и с Л. И. Брежневым, длительная совместная работа. Кончина Ю. В. Андропова явилась крупной потерей для страны и партии. Как сейчас, вижу его сдержанную улыбку, слышу его голос — слабый, но ровный, спокойный. Таким Юрий Владимирович был и в больнице. Даже там он еще заглядывал в будущее и строил определенные планы. И я и общие друзья по руководству, навещая его, старались вести разговоры так, чтобы у больного не угасала та доля оптимизма, которая в нем теплилась…

Нелегко было видеть в то время нашего товарища. Каждый раз при посещении больницы мы находили его прикованным к постели. Правда, временами он пытался подниматься с кровати.

Заказывал чай. Но по комнате уже передвигался с трудом.

Он зорко присматривался к тому, как реагируют на его положение друзья, которые приходят к нему. Было видно, что всякое выражение сочувствия и даже пожелание скорого выздоровления он воспринимал молчаливо. Но оживлялся, когда ему говорили о будущей совместной работе. Особенно это было заметно тогда, когда разговор о ней заходил не по его инициативе. Вполне понятно: раз имеются общие планы на будущее, раз о них говорят друзья, значит, они с оптимизмом смотрят в будущее и на предстоящие дела, и на его физическое состояние.

И вот вечером 9 февраля 1984 года раздается на даче телефонный звонок. Беру трубку. К.У. Черненко сообщает скорбную весть.

На следующий день, когда члены Политбюро собрались вместе, меня тронуло предложение М. С. Горбачева, чтобы с прощальной речью во время похорон выступил не только Генеральный секретарь ЦК КПСС, но и я.

От имени Политбюро ЦК КПСС с трибуны Мавзолея В. И. Ленина я и сказал нашему ушедшему товарищу — прощай! Моя речь известна. У Кремлевской стены мы, члены руководства, простились с прахом Ю. В. Андропова.

К. У. Черненко я знал на протяжении двадцати лет. Заслуживает, вероятно, внимания такой факт. Дня за три до кончины, почувствовав себя плохо, он позвонил мне:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо… Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку?.. Советуюсь с тобой…

Замолчал, ожидая ответа. Мой ответ был кратким, но определенным:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить?..

— Да! Спешить не надо, — ответил я.

Мне показалось, что он был определенно доволен моей реакцией.

— Что же, из этого и буду исходить… — на этой его фразе мы и закончили телефонный разговор.

Продолжительная болезнь свалила этого деятеля.

Попрощались у Кремлевской стены мы и с прахом К. У. Черненко…

В течение трех лет наш народ потерял трех деятелей партии и государства — Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Все мы, члены руководства, прошли полосу немалого

нервного напряжения. Но руководство в целом, партия и с ней весь народ продемонстрировали способность пройти через эту пору сомкнутыми рядами. Страна жила и трудилась.

Конечно же, сразу встала задача избрать нового Генерального секретаря ЦК КПСС. По этому вопросу прежде всего должно было сказать свое слово Политбюро. И оно сказало: единодушно, дружно выдвинуло кандидатуру М. С. Горбачева. Необходимо было внести это предложение на рассмотрение Пленума ЦК КПСС, который созвали немедленно.

Михаил Сергеевич Горбачев и до избрания был высокоавторитетным деятелем в партии. Страна его знала. Перед этим в течение почти семи лет он уже работал в Москве на высших руководящих партийных постах.

Помню 1978 год. Дня за три до очередного Пленума ЦК КПСС позвонил мне Леонид Ильич Брежнев и сказал:

— Хотел бы узнать твое мнение по одному вопросу. Что, если предложить пополнить Секретариат ЦК товарищем Горбачевым? Он сейчас первый секретарь Ставропольского крайкома партии. Как ты думаешь?

Мой ответ был таким:

— Лично я вместе с Горбачевым не работал, и мне трудно высказаться конкретно со ссылкой на свой опыт. Но в разное время я разговаривал с членами и кандидатами в члены Политбюро, с секретарями ЦК. От них да и от других я слышал о первом секретаре Ставропольского крайкома много хорошего. Это коммунист, прямой, честный, очень подготовленный.

А потом я подчеркнул:

— Если у тебя такие же сведения, то, по-моему, на предстоящем Пленуме ЦК следует внести на рассмотрение его кандидатуру.

И в заключение добавил:

— Уверен, что Пленум с этим согласится. Леонид Ильич мне сказал:

— Непосредственно по работе с Горбачевым я тоже не сталкивался, но и я много слышал о нем хорошего. Так что, пожалуй, внесу это предложение на рассмотрение ЦК.

Он так и сделал.

На мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК я по поручению Политбюро выступил с предложением избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева и обосновал это предложение. Речь была опубликована в печати, и поэтому нет необходимости воспроизводить ее содержание. Она известна партии и народу. Пленум единогласно принял положительное решение.

Последующий период выявил богатые грани таланта М. С. Горбачева как выдающегося партийного и государственного деятеля, тонкого, дальновидного, прозорливого политика, человека острого и сильного ума. Партия и народ именно так оценивают его личность.

В течение почти десятка лет я наблюдал не только со стороны за деятельностью М. С. Горбачева. Вплотную с ним я работал в Политбюро, многократно обсуждал с глазу на глаз самые различные вопросы как внутренней жизни страны, так и ее внешних дел.

Должен сказать, что М. С. Горбачев обладает редким даром убеждать людей. Он способен, если уверен в правоте своей позиции, выстроить много доводов, располагая их один за другим по степени важности. Ему помогают богатая эрудиция и разносторонние знания в области общественных наук.

Конечно, он мастерски находит сами проблемы, требующие решения. А это главное.

Генеральный секретарь обогатился и огромным опытом, позволяющим ему, во-первых, выбирать проблемы и, во-вторых, показать такие их стороны, которые оказывают воздействие на людей.

Бывает так: при коллективном обсуждении вопроса уже напрашивается определенный вывод или решение. Вдруг М. С. Горбачев находит такую грань проблемы, которая не может быть не учтена. Часто как раз она и определяет наиболее правильное решение. Так бывало неоднократно. Я поражался наличию у него такой способности.

Следует заметить, что Генеральный секретарь всегда готов выслушать взгляды любого участника беседы, дискуссии. Ему помогает в делах и феноменальная память, которую он мобилизует в зависимости от обстоятельств. Иногда кажется, он черпает аргументы из какого-то неистощимого родника.

Изменения в руководстве, как известно, отразились и на моей собственной судьбе. На сессии Верховного Совета СССР 2 июля 1985 года я был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

XXVII съезд КПСС образовал новое партийное руководство во главе с М. С. Горбачевым. Всей стране и всему миру известен состав этого руководства. Великими делами заняты партия, страна. Хладнокровие и выдержка, спокойствие и точный расчет, обдуманность каждого шага, его последствий и опора на весь спектр политической, научной, технической информации у руководства страны сочетаются с целеустремленностью и волей выполнить грандиозные планы нашего дальнейшего развития.

Общаясь практически каждый день с товарищами по Политбюро и секретарями ЦК КПСС, мне приходилось их видеть в различной обстановке. Так было на XXVII съезде партии — съезде единомышленников, борцов против рутины и косности, конструкторов политики перестройки. Так было и в тревожное время работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Так было и на XIX Всесоюзной партийной конференции.

Если бы у меня спросили, что я хотел бы пожелать на обозримый период нашей стране и ее народу, то в ответ сказал бы:

— Возглавлять страну должно руководство, во главе которого стоит М. С. Горбачев. Этому руководству по плечу решать исторические по своему значению проблемы как в хозяйственном строительстве, так и в социальном развитии страны. Оно решает и сложные внешнеполитические задачи, инициативно и с убежденностью отстаивая великое дело мира.

Важный поворотный рубеж в истории нашей партии был очерчен апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Если взять даже только один стратегический тезис (так и хочется назвать его «апрельский тезис», не боясь того, что история нашей партии уже знает ленинские Апрельские тезисы; соседство в данном случае вполне уместное) — ускорение развития советского общества, — то он представляет собой могучее оружие партии и народа, призванное поднять на новый исторический уровень производительные силы советского общества, экономику страны, решение социальных проблем, которые стоят перед нами. Этот тезис, точно сформулированный М. С. Горбачевым на апрельском Пленуме ЦК КПСС и творчески разработанный в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, является глубоко марксистским по своей сути.

Одна из величайших заслуг К. Маркса в науке состоит в том, что он открыл закон прибавочной стоимости и показал эксплуататорскую сущность капиталистического способа производства. Он доказал, что при капитализме рабочая сила может продаваться и покупаться даже по ее стоимости и тем не менее при этом создавать прибавочную стоимость. К. Маркс показал, что в этом и состоит своеобразное таинство человеческого труда. Оно отличает труд от другого вида товара в обычном понимании. Но в капиталистическом обществе произведенная прибавочная стоимость находится в распоряжении капиталиста, который использует ее по своему усмотрению, в том числе и для получения новых прибылей.

В условиях социализма прибавочный продукт поступает

всему обществу, которое является собственником и распорядителем материальных средств. Оно само определяет в соответствии с научно обоснованными планами использование народного богатства, соблюдая надлежащие пропорции и приоритеты.

Сама природа социалистического общества создает возможности для выполнения планов все более широкого масштаба. Однако для того, чтобы возможность стала реальностью, требуется полная самоотдача людей, каждого на своем рабочем месте, перестройка их сознания и мышления. В итоге процесс ускорения развития создает условия для продолжения этого ускорения возрастающими темпами.

Таким образом, курс партии во внутренней жизни страны полностью находит и теоретическое обоснование в характере социалистических производственных отношений, в характере социалистического общественного строя.

На одном из заседаний XXVII съезда — уже он заканчивался — я вдруг вспомнил замечательные слова Ленина о II съезде партии:

— Какая прекрасная вещь — наш съезд!

Он говорил это тогда, когда партия у нас только создавалась. Как же теперь говорить нам, членам той же партии, превратившейся в мощную силу и объединяющей почти двадцать миллионов человек! Мы можем во весь голос заявить:

— Да, мы работаем сегодня под прекрасным, мощным лучом идей XXVII съезда.

Наш партийный съезд отметил, что необходима решительная перестройка всей деятельности партийных организаций, советских органов, всего народного хозяйства страны, всей работы, перестройка мышления и сознания людей.

Состоявшийся в январе 1987 года Пленум ЦК КПСС явился крупным историческим рубежом в жизни нашего государства. Он с новой силой поставил задачу перестройки всех областей созидательной деятельности партии и народа.

С беспощадной прямотой и откровенностью он указал на то, что до сих пор в развитии страны не был в должной мере использован потенциал, заключающийся в самом характере социалистического строя. Пленум рассмотрел вопрос «О перестройке и кадровой политике партии». В этой политике были отмечены серьезные недостатки, которые привели к тому, что в семидесятых — начале восьмидесятых годов планы развития страны оказались сорваны.

Вопрос о перестройке и кадровой политике КПСС рассматривался на Пленуме в широком социально-экономическом

плане, с учетом уроков прошлого, характера переживаемого партией и страной момента и задач на будущее.

Пленум нацелил партию и страну на необходимость дальнейшей революционной перестройки работы по руководству как народным хозяйством, так и областью социальной жизни. Нам необходимо добиться действенного ускорения всего социально-экономического развития общества.

Была также подчеркнута необходимость обеспечить оборонные нужды государства, вытекающие из нашей политики на международной арене. На первом плане оказалось революционное значение воспитания кадров. Во весь рост встала их огромная и все возрастающая ответственность во всех сферах жизни советского общества.

Центральный Комитет КПСС призвал партию обеспечить ленинское единство своих рядов. В то же время была поставлена задача совершенствования советской демократии, укрепления братских уз между всеми народами Союза Советских Социалистических Республик.

Все решения Пленума пронизаны уверенностью в том, что задачи, сформулированные в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме и в его решениях, должны быть и будут выполнены.

Глубина замысла нашей стратегии состоит в том, чтобы слить воедино достижения научно-технической революции с плановой социалистической экономикой, привести в движение весь потенциал социализма.

Генеральную линию внешней политики Страны Советов можно сформулировать кратко: упрочение мира на Земле. Главным во внешнеполитической стратегии была и осталась борьба против ядерной катастрофы.

Нельзя не отметить особо советско-американскую встречу на высшем уровне в Женеве в ноябре 1985 года. С блеском на ней была продемонстрирована политика Советского Союза. Тем самым советская сторона выражала и масштабное новое мышление по глобальным вопросам современности, и трезвый подход к ним с охватом гигантских проблем мира.

Программа всемирного значения была изложена в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 года и затем одобрена съездом КПСС. Ее суть — в полной ликвидации до конца этого века ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Огромной притягательной силой обладает и предложение, изложенное на съезде, о программе мер, направленных на разоружение и создание всеобъемлющей системы международной безопасности.

Крупнейшим международным событием явилась советско-американская встреча в Рейкьявике на высшем уровне. Убедительная и яркая программа, предложенная советской стороной на этой встрече, привела к тому, что проблемы ядерного оружия и космоса были выдвинуты на новые рубежи. Вплотную стороны приблизились к соглашению исторического характера, к соглашению, обеспечивающему пути к ликвидации ядерного оружия и недопущению милитаризации космического пространства. К сожалению, администрация США не дала возможности завершить встречу соглашением.

28 февраля 1987 года Советский Союз предложил выделить проблему ракет средней дальности из блока вопросов ядерного разоружения и заключить по ней отдельное соглашение. Такое предложение было справедливо расценено во всем мире как крупный шаг на пути осуществления выдвинутой в начале 1986 года советской программы.

Крупной победой нового мышления явилось подписание на встрече в верхах в Вашингтоне советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Человечество справедливо видит в нем начало реального разоружения. Тем самым открывается путь для последующих шагов, ведущих в конечном счете к ликвидации ядерного оружия, что является целью программы Советского государства. А это значит, что нависшая над миром угроза войны может быть устранена.

СССР уделяет большое внимание укреплению связей со странами — участницами Варшавского Договора. На взаимной основе проводится постоянная работа по упрочению уз дружбы. Принцип социалистической интернациональной солидарности, как никогда ранее, переведен в рамках Варшавского Договора на язык практики.

Смело, мудро, с убедительной логикой и глубиной Советским Союзом ставятся международные вопросы. Такой подход приветствуют все советские люди, все наши друзья за рубежом.

Историческим событием стал первый Съезд народных депутатов СССР. С одной стороны, депутаты бросили взгляд в прошлое. Они дали суровую, но справедливую оценку пройденного страной пути. В то же время, с другой стороны, Съезд и его решения поставили крупные вехи-ориентиры на маршруте, по которому страна идет в свое будущее. Идет уверенной поступью социалистического государства.

Эпоха перестройки всей нашей жизни требует великих дел, достойных великих замыслов. Уверенность в правильности избранного пути является залогом того, что советский народ с него не свернет.

Уверен, пройдут годы, и наступит тот — двухтысячный, который в Основных направлениях стоит как рубеж для подведения итогов грандиозной программы, советские люди оглянутся на пятнадцать лет назад. Они будут иметь основание сказать, обращаясь к нашему времени:

— Как умело партия привела в действие огромные резервы нашего социалистического строя! Правильно поступило ее руководство, когда решительно и со знанием возможностей нашего строя осуществляло эту ленинскую линию!

Когда подошла к концу работа над данной книгой, естественно, передо мной возник вопрос:

— Все ли я сказал в ней, что хотел сказать? На этот вопрос дать ответ нетрудно:

— Да, сказал все, что хотел сказать. Но вот другой вопрос:

— Все ли я сказал, что можно сказать?

На него должен дать более сдержанный ответ.

Мир, в котором человек живет как частица этого мира, и внутренний мир самого человека — неисчерпаемы. Разве можно это отразить даже в самом объемном произведении, будь оно из области науки, литературы, искусства, музыки или иных видов творчества?

Природа одарила людей способностью впитывать бесчисленное множество впечатлений о событиях, эпизодах, фактах из жизни. Уже отношения между людьми, даже близкими и хорошо знакомыми, рождают богатейшую палитру мыслей и эмоций. На человека, на его интеллект обрушивается лавина их воздействия. Никто не в состоянии воспроизвести полностью то, что он получает из нетленного храма под названием «Природа и общество». Даже выдающиеся ученые и литераторы способны отразить и передать другим лишь толику своих знаний, впечатлений и представлений.

Если мне удалось в какой-то мере в этом своем труде добавить что-то представляющее интерес, то могу выразить только удовлетворение. Тешу себя надеждой, что книга, которую я заканчиваю, для определенного круга читателей представит интерес.

Я — коммунист до мозга костей. Преклоняюсь перед могуществом учения Маркса, Энгельса, Ленина. Преклоняюсь перед величием дел и духа нашего народа, строящего коммунистическое общество.

Немецкий философ XVIII века Иоганн Гердер как-то заметил, что на земле два величайших тирана: случай и время. По мере того как я приближался к своему 80-летию, бремя возраста чувствовалось все ощутимее. И тогда я принял решение уйти на

отдых. Направил в ЦК КПСС, в Политбюро ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву соответствующее заявление.

Политбюро обсудило и поддержало мою просьбу.

30 сентября 1988 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором моя просьба была рассмотрена и удовлетворена. Добрые слова в мой адрес высказал М. С. Горбачев. А сказал он следующее:

— На Политбюро мы обсуждали этот вопрос и решили поддержать просьбу Андрея Андреевича. Все мы знаем А. А. Громыко как крупного политического и государственного деятеля. Более тридцати лет он является членом Центрального Комитета партии. Почти полвека отдано дипломатической работе: посол в США, Великобритании, представитель СССР в Совете Безопасности ООН, заместитель министра, затем министр иностранных дел СССР. Под документами о создании Организации Объединенных Наций стоит подпись Андрея Андреевича Громыко, которую он сделал от имени Советского государства.

В 1973 году А. А. Громыко избран членом Политбюро ЦК, а в 1985 году — Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Как видите, товарищи, пройден большой жизненный путь, причем в разные, порой сложные годы. Его деятельность получила признание и в стране, и за рубежом.

В общем, богатая политическая судьба. Как говорится, есть что вспомнить и самому Андрею Андреевичу, и всем нам, давно и хорошо знающим его.

Сегодня, когда Андрей Андреевич уходит на заслуженный отдых, хотел бы от имени его коллег по Политбюро — и я надеюсь, что таково же мнение участников Пленума, — поблагодарить его за огромный труд, верную службу партии и государству, пожелать доброго здоровья.

Но я думаю, что Андрей Андреевич и дальше будет продолжать участвовать в общественно-политической жизни страны, поддерживать нас своим опытом.

Еще раз позвольте пожелать всего доброго Андрею Андреевичу Громыко.

1 октября 1988 года в Большом Кремлевском дворце я выступил перед депутатами советского парламента с просьбой освободить меня также и от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с уходом на отдых. Возможно, читателю небезынтересно ознакомиться с этим выступлением:

— Прежде всего я хочу поблагодарить Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева за все то, что он сказал вчера на Пленуме ЦК в мой адрес, за оценку работы, в том числе в качестве Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Мою просьбу об уходе по соображениям возраста на отдых Пленум партии поддержал.

Что хотелось бы сказать еще.

Собственно говоря, моя работа хорошо известна. Почти всегда, начиная с назначения на дипломатическую службу, эта работа была на виду. Продолжительность ее — без малого полвека.

Глубоко благодарен вам, товарищи депутаты, за совместный труд в эти первые годы великой перестройки.

Весь наш народ, партия коммунистов заняты осуществлением грандиозных планов, встают новые задачи и перед избранниками народа — депутатами. Совершенствование политической системы и завершение создания социалистического правового государства потребуют огромных усилий. Но партия коммунистов, ее Центральный Комитет полны решимости выполнить смелую и обоснованную программу развития страны.

Обогащение советской демократии, гласность — могучий источник, из которого советские люди черпают силы для новых свершений и в области внутренней жизни, и в проведении ленинской политики мира в делах международных.

Верю в могучую силу наших идей и принципов. С этой верой наш народ прошел тяжелый и вместе с тем героический путь после Великого Октября. Все мы знаем, каких жертв это стоило на разных этапах истории Советского государства.

Но наша страна социализма, повторяю, страна социализма не только выжила. Она еще и обрела силы идти вперед, идти уверенной поступью.

Да, в истории нашей страны были срывы. Они хорошо известны. Мы их осуждаем решительно и справедливо. Но звезда социализма с Октября семнадцатого года всегда светила. Она была зажжена для того, чтобы никогда не померкнуть в Стране Советов.

Сегодня народ ожидает от Советов всех ступеней вклада в перестройку. Вклада, достойного тех величественных планов, которые начертаны партией.

Опыт прошлого говорит о том, что для решения великих дел, стоящих перед страной, нашей ленинской партии нужны не только ясная голова и богатырские плечи, но и единство ее рядов.

Это доказано всей нашей послеоктябрьской историей.

Единство рядов партии, единение ее с народом необходимы для решения стоящих перед нами серьезных задач, как воздух необходим для человека.

У нас есть такое единство, в том числе в Центральном Комитете и Политбюро.

Окидывая взглядом нашу великую страну, мне хочется поделиться чувством, которое я постоянно ощущаю, — уверенностью в завтрашнем дне. Что придает эту уверенность?

Во-первых, у нас в стране живет замечательный народ, которому доступно решение самых сложных задач.

Во-вторых, у нас мудрая и прозорливая партия, тесно связанная с народом.

В-третьих, у нас сложилось руководство, достойное великих задач, вставших перед страной на новом переломном этапе развития советского общества и на новом этапе развития международной обстановки.

Партия и страна будут вместе с другими братскими партиями и странами продолжать вести неустанную борьбу за мир между народами. Это — наше главное дело, смысл жизни нашей, наших детей и внуков.

Спасибо, товарищи депутаты, за доверие, которое вы мне оказывали. Это доверие я глубоко ценил и ценю.

Особенно меня тронуло выраженное на Пленуме ЦК КПСС пожелание в мой адрес продолжать участвовать в общественно-политической жизни страны и поддерживать государственное руководство своим опытом.

…Искра способна воспламенить костер.

Ленин внес искру, которая зажгла пламя Великого Октября. С факелом того же огня идет вперед по ленинскому пути Коммунистическая партия Советского Союза, в рядах которой я состою уже более полувека.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Эпилог — слово греческое. Оно означало заключительное обращение к зрителям драмы тех ее героев, кто остался в живых. В переносном значении это слово ассоциируется с понятием «развязка» или «конец».

Мне же не хочется ставить точку ни в книге, ни в жизни. Поэтому и заключительное обращение к читателю не называю эпилогом. Желал бы продолжать писать книгу жизни и в прямом и в переносном смысле.

Часто бывает так. Начнешь писать, вспоминая какой-нибудь на первый взгляд «пустяк», а потом уже пишешь и пишешь, отталкиваясь от него. Глядь, а «пустяк»-то на поверку оказался вовсе не пустяком. От него, как от печки, и получился танец. Выстроились в стройный ряд события, охвачен памятью очередной отрезок времени.

Сознаюсь, я люблю писать. Ощущаю непередаваемый душевный трепет, когда оказывается свободное для этого время. Тогда беру карандаш (привык почему-то писать синим карандашом), а перед глазами лежит чистый лист бумаги. Память, природа которой далеко еще не разгадана, приходит в движение, на светлую гладь ложатся буквы, возникают слова, фразы, и встают перед мысленным взором люди, многих из которых давно уже нет, события, общие для этих людей и для меня, слышатся разговоры с ними — ведь нам вместе довелось когда-то в чем-то принимать участие.

Испытываю при этом какую-то прелесть и очарование такого труда. Часто что-то записывал. Несистематически. А так, просто заметки. Эти заметки, которые делались для себя, во многом личные, исключавшие официальное, и теперь помогают воскресить то, свидетелем чего пришлось быть, передать современникам и потомкам то, что может, на мой взгляд, представить для них интерес. Подобные заметки, как правило, для каждого являются только толчком, приводящим в движение какие-то силы в сознании.

Писать воспоминания совсем не просто. Можно ведь вспомнить множество деталей и упустить главное. Или о главном рассказать так, как уже кем-то и до тебя было не раз написано. Вот и думаешь, встаешь из-за стола, ходишь по комнате, потом опять садишься, напишешь фразу — две и… порвешь написанное. Мне становится в такие минуты понятен труд писателей, да и всех тех, кто работает постоянно со словом. Нелегкий это труд! И вовсе не следует удивляться утверждениям многих литераторов,

что порой удается написать не более одной-двух страниц в день.

Потому и движутся дела «мемуарные» иногда черепашьим шагом. Заметки эти, кажется, писал чуть ли не всю жизнь, а вот дошло дело до того, чтобы собрать все воедино, и снова надо писать и править.

Затруднения возникают самые неожиданные, даже в такие моменты, когда все, кажется, идет гладко. Но вдруг чувствуешь, что «черепаха» совсем останавливается. Вот и кажется, что нет искусства более трудоемкого, более точно отражающего жизнь людей, историю народов и часто едва улавливаемого, более далекого от человека и вместе с тем более близкого к нему, чем искусство слова.

Вы, уважаемый читатель, вероятно, ждете ответа на вопрос: «Как же это так получилось, что автор этой книги, родившийся где-то в стороне от дороги из Киева в Москву, под городом Гомелем, как этот автор стал тем, кем является сейчас?»

Да, автор родился в небольшой деревне, где во второй половине зимы крестьяне уже ходили по соседям и одалживали горстку проса или гречихи, ржи или овса. Всего и всегда в такую пору не хватало. Селяне жили впроголодь, а потому и начинали просить взаймы друг у друга, взаимно один другого выручая. В нашей деревне и было-то два-три дома, где хлеба хватало на всю зиму. Не могли похвастаться тем, что их положение лучше, и соседние деревни и села. Поэтому и случалось часто, что мужчины уходили на зиму в отхожий промысел, а по весне возвращались домой — к детям, женам, семьям, своей земле. Было ее немного, но и она, как потеплеет, ждала пахаря. Корни у всех прорастали здесь. Так что вырвать их и уехать куда глаза глядят, лишь бы подальше, не получалось. Бывало и так, что от нужды человек убегает, а она его обгоняет и как бы говорит:

— Нет, друг мой, стой, ты мне нужен!

Помню, брат моего отца Иван как-то на зиму уехал на завод в Мариуполь, проработал там несколько месяцев. Но специальности не приобрел, не стал квалифицированным рабочим, да так и вернулся домой без особого заработка. Остаться там оказалось невозможным. Как же он мог бы где-то существовать, если семья у него жила в деревне? Хотя и не ахти какой, но все же есть здесь очаг, у которого жили и отцы и дети.

Меня часто спрашивают: «Что вас подняло?..» Причем обычно этот вопрос задают с подтекстом, так, будто знают то, чего я сам не знаю: вы, мол, с пеленок готовились стать на путь большой политики. Нет, ничего подобного, конечно, не было. Пеленки-то я знал, а о большой политике не имел никакого представления.

Но какое-то объяснение все же напрашивается.

Конечно, бывают случайности. Наверно — и я готов это признать, — у меня они тоже были. Случайно я попал в научное учреждение, где начал заниматься вместе с другими разработкой экономических проблем, а потом случайно в 1939 году меня вызвали в Центральный Комитет партии для разговора о возможности поехать на заграничную работу.

Или, может быть, не случайно? Если бы я в какой-то мере не был подготовлен, наверно, меня никто бы и не вызывал. Ведь этому визиту предшествовали многолетнее учение, известная закалка в труде. Причем с этим всегда была связана привычка стараться как-то обдумывать свои шаги. Все это в условиях нелегких, когда единственным моим советчиком был я сам.

Тогда-то, летом 1917 года, перед самой Октябрьской революцией, мне довелось увидеть в первый и последний раз в жизни нашего бывшего помещика. Фамилия его была Ивановский. Видел я, как он шел по селу с женой и дочкой: сам — в лакированных сапогах, на жене и дочери — красивые платья, одеты они были по-городскому. Стоял чудесный солнечный день. Гурьбой за ними шли мы, босоногие мальчишки. Украдкой, стеснительно поглядывали на них взрослые. Сели господа в какую-то бричку, и она куда-то укатила.

С тех пор их как ветром сдуло. В Старых Громыках они больше не появлялись. Либо их жизнь затерла где-то в нашей стране, либо уехали за границу, на Запад, подобно тысячам таких же, как они. Помещичью землю — сто десятин — наши крестьяне давно уже разделили между собой. А я думал: «Куда же подевались господа?»

Раздумья о жизни или что-то похожее на это начались еще в детстве. В них было много незрелого, даже сумбурного, но они были.

Представьте себе картину. Сидит мальчуган лет девяти-десяти и смотрит в окно. Мать и отец еще в поле. Правда, частенько в то время я тоже бывал с ними вместе. Но случалось, меня оставляли дома, чтобы приглядывать за младшими, да еще и ужин приготовить. И вот, когда сделаешь все, сядешь у окна, думаешь:

— Вот и я постепенно, но все-таки становлюсь взрослым. А потом мысленно себя спрашиваю:

— Что же это значит — быть взрослым? И сам себе отвечаю:

— Это значит, надо уже учиться самому зарабатывать для семьи и для себя.

Таким оказался вывод из раздумий, и он у меня из головы не выходил. Учиться работать, работать и работать…

В ту пору мне все чаще удавалось доставать различную

литературу. Было это уже после революции. На селе сначала появились брошюры. Вместе со сверстниками я стал их почитывать, потом и книги пошли. Особенно мне нравилось читать описания жизни революционеров.

У нас, ребят из села, был, можно сказать, в ту пору какой-то взрыв добрых чувств по отношению к городским рабочим. Как импонировала их организованность! Ведь это в основном они, рабочие, пролетариат, совершили революцию. Ведь если бы они не действовали организованно, то, наверно, люди ничего бы сделать не могли ни с этими усатыми урядниками, ни со становыми приставами, которые очень уж любили разъезжать по деревням почему-то непременно с колокольчиками на дуге.

Именно в ту пору мы, сельские мальчишки, и начали обмениваться своими мечтами, а в мыслях рождались самые отчаянные проекты. Один говорил, что готов поехать в другие страны и поднимать народы на революцию. Другой придумывал иные способы борьбы с императорами, королями, буржуями и помещиками, с любыми угнетателями народа.

Шли годы. Дети становились отроками, отроки — юношами. Наиболее пытливые и деятельные стали превращать свои мечты в реальность. Большинство из нас рассуждало так: раз рабочие могут вести борьбу против богачей и эксплуататоров, то почему бы и крестьянам не приобщиться к этим рабочим, не стать тоже рабочими? Ведь они будут это только приветствовать. Некоторые мальчишки так и делали, уходили в город, чтобы стать рабочими. Кто устраивался на работу в городе, а кто возвращался в свои пенаты.

Был у меня близкий товарищ Вася. Потом его называли Василием Семеновичем, конечно же Громыко. После долгих обсуждений я и сговорился с ним: мы постараемся убедить своих родителей отпустить нас и попробуем поступить на какую-нибудь фабрику или какой-нибудь завод. Мы полагали, что наверняка найдем такую фабрику или такой завод, если пойдем в восточном или юго-восточном направлении. А тут еще по селу прошел слух, что где-то в одном из ближайших городков, не то в Клинцах, не то в Новозыбкове — теперь они в Брянской области — требуются фабричные рабочие. Толком никто не знал, где эта фабрика, что это за завод.

А мы, мальчишки, не выбирали. Нам было все равно. Мы мечтали, чтобы было побольше людей и чтобы обязательно нас звал на работу фабричный гудок. Именно гудок — он хватал нас за душу. Сказано — сделано! Набрали мы с собой сухарей — не хлеба, а именно сухарей! Да еще яблок и какого-то твердого сыра. Лишь бы не обессилеть с голоду. Ну а в остальном вывезет

возраст. Мне тогда едва исполнилось двенадцать, товарищу было на год больше. Мы взяли курс на город.

Пройдем километров десять по задуманному маршруту, сядем, отдохнем, потом — еще десять. А сами все смотрим на горизонт: не появится ли там фабричная труба. Но она почему-то не появлялась…

Дошли до Новозыбкова. И только тут, уже в городе, увидели завод. Это был небольшой завод, но нам он казался гигантом, воплощением мечты. Главное, думали мы, у него есть труба, а с утра позовет гудок. Сердца забились учащенно. Вот она цель, она уже близка! Теперь-то улыбаюсь: наивность у нас была младенческая. Мы ведь не понимали, что на заводе нужны физически крепкие и взрослые люди. Но тогда сердца от волнения стучали сильно.

Переночевали под открытым небом, под какими-то торговыми навесами. Не замерзли, не простудились — дело было летом. Утром загудел гудок, и мы подошли к проходной. Увидели будочника, по-нынешнему — вахтера, мимо которого проходили рабочие по пропускам. Он обратил на нас внимание.

— Вы куда? К матерям или отцам?

— Нет, мы идем наниматься на работу.

— Как наниматься на работу?! Вы, во-первых, по возрасту не подходите. Во-вторых, мы уже набрали взрослых. Больше мест нет. Нам никто уже не требуется.

Не хотелось верить ушам. А он терпеливо объяснял, повторяя одно и то же, по-отечески вразумляя нас:

— Рабочих набран полный штат. Заводу их больше не нужно.

Мы, конечно, были убиты горем. Стоим и друг дружку спрашиваем: «Что же теперь скажем родным?» Ничего не придумали, кроме одного: надо сказать правду. И двинулись в обратный путь.

Вот и получилось: приближались к заводу с какой-то надеждой, а удалялись от него с грустью. Но юность есть юность. На обратном пути нашли укромный уголок в тени деревьев — солнце пригревало основательно, — присели. И стали обсуждать… другие варианты. В частности, и такой: не податься ли нам на кирпичный заводик, который, может быть, набирает рабочих? Ведь таких заводиков немало на земле.

…А вскоре по стране из конца в конец прошумела песня Валентина Кручинина «Кирпичики». Как сейчас, помню ее слова:

Было трудно мне время первое,
Но зато, проработавши год,
За веселый гул, за кирпичики

Полюбила я этот завод.

В песне поется о работнице, которая полюбила завод, хотя труд на нем вовсе не женский. Я слушал эту песню, подпевал, когда она исполнялась, и у меня комок подступал к горлу от воспоминаний о том, как мы, вихрастые мальчуганы, незадолго до этого мечтали найти свой кирпичный завод, чтоб поработать на нем.

Но, как нарочно, не подвернулся нам по пути такой завод…

Так и возвратились мы в свою деревню. Наши родители с пониманием отнеслись к тому, что произошло, и мы продолжали работать дома, сколько могли и как могли.

Тут вдруг пронесся слух, что наиболее грамотные парни и девушки могут вступить в комсомол, — для них будут широко открыты дороги к образованию. Только никто пока толком не мог объяснить, как это вступление должно происходить. А потом из волости приехали специальные представители. И выяснилось, что желающие вступить в комсомол могут быть взяты на учет. А они, эти представители, имеют поручение организовать комсомольские ячейки по возможности в каждом селе, в каждой деревне.

Новая жизнь вступала в свои права.

В комсомол мы, конечно, вступили. Мы сразу же взяли создание комсомольских ячеек в свои руки. Они были организованы и в Старых Громыках, и в Новых Громыках. Мы готовы были протянуть руку помощи в деле организации таких ячеек чуть ли не всему миру. Мы сами быстро вырастали в собственных глазах.

Приходилось много читать. Молодые люди приносили всякую литературу, которую находили у себя дома на чердаках или в подвалах, в чемоданах или сундуках. В селах стали открываться избы-читальни. Комсомольцы регулярно устраивали собрания, на которых сами выступали с докладами и убеждали друг друга в необходимости победы марксизма и мировой революции.

В то же время создавались группки по три — пять человек, которые ходили из одной деревни в другую, стараясь оказать помощь в создании комсомольских ячеек, в организации политкружков, изб-читален, а заодно и вечеринок.

С особым рвением мы старались раздобыть побольше шапок-буденовок. Помню, активно занимались этим мои ближайшие товарищи и я сам. Магическая островерхая шапка, украшавшая красноармейцев конницы Буденного, была в те дни заветной мечтой каждого подростка. Даже девушки предпочитали ребят,

которые носили головной убор прославленных красных конников, всем другим. Это льстило самолюбию парней, которым казалось, что без буденовки и революция — не революция.

Но я, хоть и пытаюсь, все-таки, наверно, не ответил на вопросы: «Как же вы вступили на ту тропу, которая вывела вас на широкие магистрали и даже дала возможность какого-то выбора в жизни? Какие же вихри увлекли вас, паренька, в бурную общественную жизнь? Как они занесли вас на политическую арену? Почему начали участвовать в крупных делах внешних? И в не менее важных делах внутренних? Почему так получилось? Почему вы не стали человеком, постоянно занятым в сельском хозяйстве, таким человеком, который впоследствии скорее всего, как, например, ваши братья и многие родственники, нашел бы кончину на поле брани в годы Великой Отечественной?»

Нелегко ответить на все эти вопросы.

Что ж, говорят, что все мы пришли из детства. Опять вернемся в мое.

Итак, в селе передо мной стоял все тот же вопрос: «Как поступать дальше?» Ответ на него должна была дать голова, которой исполнилось всего-то тринадцать лет. Не так уж много.

Мы с Васей продолжали размышлять над загадками предстоящей жизни. Куда двигаться, да и двигаться ли вообще? А может, просто осесть в деревне, заняться крестьянским делом, идти на работу туда, куда укажут старшие? В общем, может быть, и не выходить за рамки сельского хозяйства и отхожего промысла, который для большинства наших взрослых стал ежегодным?

Вдруг мой Вася по совету кого-то из своих родственников ушел из села и поступил в мелиоративный техникум в Новозыбкове. Конечно, я ему завидовал и хотел пойти по его стопам. Но оказалось, что больше приема уже не было.

До начала учебного года оставалось еще много времени. Вася вернулся домой, и мы с ним, опять вместе, решили, хоть на некоторое время, «превратиться в пролетариев». Но как? Лучше всего, думали, надо махнуть в близлежащий «солидный» город. Я понял, что моего товарища к мелиоративному делу не очень-то и тянет. Иначе он не стал бы искать чего-то другого.

Мы отправились в Гомель. Разумеется, с согласия родителей. Любой город с промышленными предприятиями обладал для нас непреодолимой притягательной силой. Тем более Гомель, он ведь по прямой всего в тридцати километрах от нашего дома. Направились туда мы, разумеется, пешком.

Дошли. Куда обратиться? В какое учреждение? С какой просьбой? Ничего лучше не придумали, как пойти на городскую

биржу труда. Тогда в стране еще не была изжита безработица. Для зарегистрированных безработных находилась кое-какая работа, часто временного характера. Нам тоже предложили такую работу.

В городе шло строительство большого дома железнодорожного ведомства. Особой механизации строительных работ тогда еще не было. Наши обязанности сводились к тому, чтобы носить доски на третий и четвертый этажи. Этим и занимались с утра до вечера. За такой труд нам и платили.

Но главным для нас оказался обед. В середине дня в специальной столовой, к которой нас прикрепили, выдавалось лишь одно блюдо: либо первое, либо второе. Все же это был обед рабочего человека, пролетария!

На этой работе мы пробыли около трех месяцев. Место для ночлега у нас имелось, вроде бы можно и отдохнуть. Но мы находили время и присматриваться к городу, узнавать его порядки, образ жизни, который сильно отличался от сельского. Читали вывески учреждений и учебных заведений, предприятий и контор. Понимали, что на работу туда нас никто не возьмет. Для этого нужна определенная специальность, а у нас ее пока не было.

Поэтому мы через несколько месяцев и возвратились в свою деревню. Заработок в карманах лежал не ахти какой.

Родные старались подбодрить нас, но мы понимали, что мы — подмога для наших семей плохая и надо думать о каком-то выходе из положения. Вдохновляло нас на благие порывы и то, что мои родители и родители Васи не только не создавали помех, но даже поощряли наше желание учиться, что могло бы открыть нам перспективу, подготовило бы к получению какой-то специальности.

В конце концов мой друг все же уехал в Новозыбков. Потом он получил диплом, стал мелиоратором и работал в этой отрасли долгие годы. Так моя и Васина дороги разошлись. Впоследствии я часто вспоминал о своем старшем товарище.

А я пошел в школу в селе Речки. Это был райцентр неподалеку от нас. Школа должна была преобразоваться в профтехшколу со специальностью, которая и для меня, и для моих родителей была еще не очень ясна.

Но вскоре учащихся вместе с преподавателями перевели в Гомель. И на окраине города в помещениях, где еще недавно располагалась обитель монашек, организовали новую школу. Так в бывших монастырских стенах и пришлось привыкать к городской жизни, к коллективу новых товарищей и педагогов.

Там я почувствовал, что передо мной вырисовывается

возможность продолжения учебы. Это была радость. Значит, думал я, после получения среднего образования смогу учиться и дальше. По какой специальности? Может, по технической, а может, и по другой. По технической представлялось мне самым реальным, тем более что в Гомеле находилась спичечная фабрика, носившая громкое название — «Везувий». Ей требовались и техники и инженеры.

Собственно говоря, вот этот этап юности и оказался решающим для выбора жизненного пути, по крайней мере на ближайшие годы.

Неясно было только, какие ветры подхватят и куда разнесут учащихся. Подхватили их эти ветры и разнесли в разные стороны.

Да, существовала какая-то могучая тяга подростка приобщиться к городу и, более того, к общественной жизни в нем. Конечно, порождена она была той общей атмосферой, что царила в стране после революции.

Конечно, из всего этого можно сделать и другой вывод. Возможно, имел место и элемент случайности. Стоило бы не поступить учиться, а оказаться просто на производстве — сельскохозяйственном или промышленном, и путь по годам и десятилетиям сложился бы по-иному. Да, вполне возможно…

Если бы меня спросили, какой совет дать юноше, вступающему в жизнь, — а я получаю письма и с такими вопросами, — то, пожалуй, на этот вопрос можно ответить следующее: вначале — учитесь учиться. В наш век всеобщей грамотности и насыщенности информацией нужно уметь выбирать необходимые сведения, стараться строить жизнь с пользой для общества.

Любил я и люблю книги. В любую свободную минуту общаюсь с ними. Сейчас их в моей домашней библиотеке около четырех с половиной тысяч. Скажу по секрету, что Лидия Дмитриевна, случается, упрекает меня:

— Опять книги, вся квартира ими забита, от них деваться некуда. Когда-то в Англии говорили, что овцы съели людей, а в нашей квартире скоро книги съедят людей!

Однако у меня в резерве есть очень сильный довод, который помогает:

— В каком институте ты училась?

— В Московском библиотечном, — отвечает. — А что?

— Так как же можно сравнивать книги с овцами?

А если говорить серьезно, то должен отметить, что хочется видеть советского человека всесторонне развитым, политически грамотным, преданным делу партии и народа, опирающимся на могучий фундамент самых современных знаний, достижений

науки и техники.

Итак, пора остановиться. Путь, намеченный в воспоминаниях, я прошел. Когда я их писал, то мне показалось странным, что события и люди, с которыми меня сводило время, как бы спорили между собой: «Кто из нас важнее?»

Извечным кажется этот спор. Люди живут во времени. Великие исторические события происходят тоже во времени. Отделить одни от других невозможно. Из этого исходил и я.

Разумеется, писал о том, к чему имел отношение. Либо о том, что просто наблюдал, но что представляло собой общественную значимость.

Хочу сравнить пишущего с горнолыжником: он должен умело маневрировать на трассе, так обходить любые ухабы и камни, чтобы не разбиться, так хорошо владеть собой, чтобы долететь до финиша успешно, да еще и в кратчайшее время. Вот тогда он имеет основания выразить удовлетворение тем, что совершил.

В воспоминаниях преобладает тематика международного характера или соприкасающаяся с нею. Диктовалась она опытом — той тропой, по которой я шел в жизни.

Возможно, кое-кто, прочитав мою книгу, обнаружит, что каким-то событиям или людям я не уделил должного внимания, был скуп на слова. Другой, наверно, сочтет, что о некоторых событиях и деятелях можно было бы сказать поскромнее.

Ну что ж! Видимо, нет, да и никогда не будет двух авторов, которые представили бы на суд читателя абсолютно одинаковые во всех отношениях труды об одном и том же.

Объективная оценка событий, участником которых я был, правдивая характеристика деятельности лиц, с которыми меня сталкивала судьба или о которых я должен был сказать свое мнение, потому что они имели отношение к событиям, — вот нить Ариадны, и эту нить я старался не выпускать из рук.

Относится это и к «Памятному».

Москва, 1979–1989 гг.

notes

Примечания

1

ЕкатеринаII. Lettres au prince de Ligne. Bruxelles, 1924. P. 128 (письмо от августа 1790 года).

2

Указ № 17101. Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Т. 23. С. 402–404.

3

Mezeray F. F., du. Histoire de France depuis Faramond jusqua maintenant. Paris. Chez Mathieu Guillemot, rue Saint Jacques, 1643. *P.* 399 (перевод со старофранцузского В. Кожемякиной).

Курьер ЮНЕСКО, 1982. Май. С. 23.

5

Durdent J.-R. Epoques et faits memorables de l'histoire de Russie, depuis Rurik, fondateur de cet empire, jusqu'a Alexandre I. Paris, a la librairie d'education d'Alexis Eymery, 1816. P. 20–22.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 486, 488–489.

Вопросы истории, 1967. № 2. С. 218.

8

Recueil de pieces historiq ues sur la reine Anne, ou Agnes, epouse de Henri I, roi de France, et fille de larosslaf I, grand due de Rissie; avec une notice et des remarques du prince Alexandre Labanoff de Rostoff. Paris, 1825 (перевод с французского Н. Масловой, с латыни — А. Козаржевского и Д. Дрбоглава).

9

Цит. по: *Abosch H.* L' Allemagne sans Miracle de Hitler a Adenauer. Paris. 1960. P. 44; (История внешней политики СССР (1945–1980). Т. 2. Наука. С. 166.

10

Меня приятно удивили работники Библиотеки имени В. И. Ленина, которые в конце 1986 года, когда я уже заканчивал работу над рукописью, нашли по моей просьбе и прислали, чтобы показать, один старенький экземпляр этого издания. На обложке стояла фамилия автора — Д'Амичис, а под заголовком значилось — «перевод с итальянского». — *Прим. авт.*

11

Гай Муций Сцевола — по античному преданию, римский юноша, плененный этрусками, опустил в огонь правую руку, которая сгорела, а он тем самым показал свое презрение к боли и смерти. — *Прим. ред.*

Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 19.

Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979. С. 446.

14

Так со времен Рафаэля в Италии называют парадные залы папского дворца. *Прим. ред.*

15

До посвящения в сан — польский кардинал Кароль Войтыла. — *Прим. ред.*

16

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 24.

17

Так в древности назывались Средиземное и Черное моря. — *Прим. ред.*

18

Стихотворение написано в 1883 году. — *Прим. ред.*

19

Исследование на эту тему провел научный сотрудник Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника М. Астапенко. См.: Дон, 1981 г. № 11.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 326.

21

В декабре 1989 года на втором Съезде народных депутатов СССР были названы лица, ответственные за принятие решения о вводе советских войск в Афганистан в 1979 году: Л. И. Брежнев, Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко. — *Прим. ред.*

22

Индийский национальный конгресс (И) — партия, объединяющая сторонников и последователей политики Индиры Ганди. — *Прим. ред.*

23

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 239.

Договоры должны соблюдаться *(лат.)*.

25

В 1989 году Е. М. Примаков был избран Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, в том же году на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. — *Прим. ред.*

26

Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, который считал, что для упрочения государства допустимы любые средства, и отбрасывал при этом нормы морали и права. — *Прим. ред.*

См.: Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчеты заседаний, работа комиссий, дипломатическая переписка и пр.). НКИД РСФСР. М., 1922. С. 78.

28

По Рапалльскому договору устанавливались дипломатические отношения между двумя государствами и урегулировались все спорные вопросы путем взаимного отказа от претензий. — *Прим. ред.*

29

См. Т. 1. Гл. III.

30

Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 638, 639.

31

Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 42. С. 22.

32

Эренбург И. Сочинения в пяти томах. Том. 5. М., Издательство «Художественная литература». С. 691.